ФРИДРИХЪ ФОНЪ-ГЕЛЬВАЛЬДЪ.

ЗЕМЛЯ
И
ЕЯ НАРОДЫ.

ТОМЪ IV.

ЖИВОПИСНАЯ АЗІЯ И АВСТРАЛІЯ.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «ПРИРОДА И ЛЮДИ».

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
Б. Подъяческая, № 39.

ПРИРОДА и ЛЮДИ.

САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Предпринявъ съ 1878 года изданіе съ цѣлью служить однимъ изъ органовъ для самообразованія и развитія, редакція выборомъ статей и способомъ ихъ изложенія, старалась дать такой матеріалъ для чтенія, который бы удовлетворялъ потребностямъ лицъ ищущихъ самообразованія и развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлью редакціи было дать ежемѣсячный журналъ по возможности за дешевую цѣну. Стараясь достигнуть этой цѣли и прислушиваясь къ голосу своихъ подписчиковъ, редакція съ будущаго 1879 года дополняетъ журналъ **политическимъ отдѣломъ**, въ который войдетъ хроника внутренней жизни Россіи и политическая хроника европейской жизни. На первомъ планѣ, какъ и прежде, будутъ поставлены реальныя свѣдѣнія, касающіяся жизни человѣка, природы и ея явленій, а также и политической современной жизни. Вообще же программа журнала будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

Отдѣлъ I. Романы, повѣсти и разсказы оригинальные.
Отдѣлъ II. Переводы иностранныхъ романовъ.
Отдѣлъ III. Этнографическіе очерки народовъ, живущихъ въ Россіи, съ хромолитографіями и гравюрами, а также очерки различныхъ народовъ Земнаго шара.
Отдѣлъ IV. Очерки и картины природы.
Отдѣлъ V. Естествознаніе.
Отдѣлъ VI. Техника и разнаго рода производства, промыслы и занятія человѣка.
Отдѣлъ VII. Свѣдѣнія по части изобрѣтеній и усовершенствованій, двигающихъ науку и улучшающихъ бытъ человѣка.
Отдѣлъ VIII. Хроника внутренней жизни Россіи.
Отдѣлъ IX. Политическая хроника европейской жизни.
Отдѣлъ X. Путешествія по всѣмъ странамъ земнаго шара и новѣйшія географическія открытія.
Отдѣлъ XI. Смѣсь, состоящая изъ статей разнообразнаго содержанія, мелкихъ разсказовъ, анекдотовъ и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За 12 книжекъ въ годъ **5 р. 50 к.**, съ перес. **6 р.**

Подписка принимается исключительно въ Картографическомъ заведеніи г. Ильина, въ С.-Петербургѣ, на углу Большой Мастерской и Екатерингофскаго проспекта, домъ № 11—43.

Редакторъ-издатель **А. Ильинъ.**

ФРИДРИХЪ ФОНЪ-ГЕЛЬВАЛЬДЪ.

ЗЕМЛЯ

И

ЕЯ НАРОДЫ.

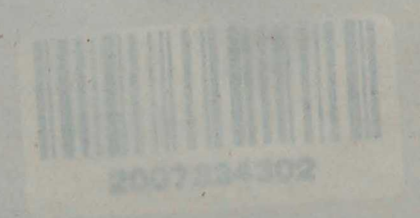
ТОМЪ IV.

ЖИВОПИСНАЯ АЗІЯ И АВСТРАЛІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
БОЛЬШАЯ ПОДЪЯЧЕСКАЯ, Д. № 39.
1879.

Рисунки дозволены цензурою.

Азія и Австралія.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Азія.

Австралія.

ОБЩІЯ ПОНЯТІЯ.

Азія—самая обширная, по природѣ своей самая величественная и во многихъ отношеніяхъ интереснѣйшая изъ всѣхъ частей свѣта. Ее по справедливости можно считать колыбелью человѣчества или, вѣрнѣе, колыбелью нашей цивилизаціи; на ея почвѣ впервые воздвигались міровыя царства, слабые слѣды которыхъ изъ праха минувшихъ тысячелѣтій являются изумленнымъ очамъ современнаго человѣчества. Весь сѣверъ Азіи занятъ огромною Сибирскою низменностью, покрытою на обширномъ пространствѣ тундрами и соединенною широкою массою суши, прорѣзываемою Уральскимъ хребтомъ, съ Европою, которая въ географическомъ смыслѣ, какъ намъ извѣстно, есть не больше, какъ азіатскій полуостровъ; по этой низменности катятъ свои волны такія громадныя рѣки, какъ Обь, Енисей и Лена, вытекающія изъ горной страны на югѣ Сибири,—въ Сѣверный Ледовитый океанъ, омывающій весь сѣверный берегъ Азіи, низкій, плоскій, мало еще излѣдованный и достигающій самаго сѣвернаго своего пункта въ Сѣверо-восточномъ мысѣ (78° 20′ сѣверн. широты). Эти сѣверные берега, противъ которыхъ не вдалекѣ расположены Новосибирскій архипелагъ и мало изслѣдованная Врангелева Земля, хотя и обитаемы человѣческими существами, какъ-то: самоѣдами, якутами, юкагирами и чукчами, но представляютъ уже настоящую полярную страну и лежатъ большею частью по ту сторону полярнаго округа. Низменное, нигдѣ незащищенное со стороны сѣвера, положеніе Сибири, вмѣстѣ съ громадною географическою широтою, составляютъ причину необыкновенной малости средней годовой температуры этой части Азіи. Кромѣ того, при колоссальномъ протяженіи Сибири съ сѣвера на югъ, климатъ ея явственно континенталь-

ный; характеристическая же особенность такого климата состоитъ именно въ томъ, что крайнія температуры зимы и лѣта весьма разнятся между собою, и въ Сибири вовсе не рѣдкость, что въ іюньскій полдень термометръ показываетъ 14,5° Р. тепла, между тѣмъ какъ тремя мѣсяцами раньше, въ ясную полярную ночь ртуть термометра замерзала въ твердую, ковкую массу. Наиболѣе неблагопріятна въ климатическомъ отношеніи, безъ сомнѣнія, та область Сибири, которая находится между Таймурскимъ заливомъ и устьемъ Колымы; но также далѣе, къ востоку, именно страна чукчей, простирающаяся до самаго Берингова пролива, который отдѣляетъ Азію отъ Америки, и вообще весь сѣверо-востокъ Азіи—край довольно печальный. Эта страна образуетъ здѣсь большой, вытянутый къ югу полуостровъ Камчатку, отъ южной оконечности которой къ сѣверному концу большаго японскаго острова Іессо тянется цѣпь Курильскихъ острововъ. Замѣтимъ, что въ Азіи, какъ и въ Европѣ, полуострова вытягиваются преимущественно въ южномъ направленіи. Камчатка, восточные берега которой уставлены стройнымъ рядомъ огнедышащихъ горъ, вмѣстѣ съ вулканическими, неплодородными Курильскими островами, обрамляетъ глубоко врѣзавшійся заливъ Тихаго океана, называемый Охотскимъ моремъ, на пустынныхъ берегахъ котораго живутъ родственные камчадаламъ ламуты и тунгузы. Болѣе привлекательною и болѣе благопріятствующею цѣлямъ культуры является страна тамъ, гдѣ течетъ могучая рѣка Амуръ, со своимъ притокомъ Уссури, изливающаяся въ море противъ длиннаго и узкаго острова Сахалина. До этой далекой восточной области включительно простирается крыло русскаго государственнаго орла, подъ сѣнь котораго недавно вошелъ и металлоносный островъ Сахалинъ, пріобрѣтенный отъ японцевъ, прежнихъ обладателей этого острова.

Проливъ Ла-Перузскій отдѣляетъ Сахалинъ отъ остальныхъ острововъ: Іессо, Нипона, Сикока и Кіузіу, составляющихъ Японскую имперію и легкою дугою протягивающихся въ направленіи къ югу, гдѣ они вторично подходятъ къ азіатскому материку, къ концу образуемаго имъ въ томъ же направленіи полуострова Кореи, съ его особеннымъ, совершенно недоступнымъ какой бы то ни было европейской цивилизаціи царствомъ, — подходятъ такъ близко, что отдѣляются отъ названнаго полуострова лишь довольно узкимъ Корейскимъ проливомъ, образующимъ входныя ворота въ Японское море, заключенное между материкомъ и японскими островами и вполнѣ заслуживающее названія внутренняго моря. Восточные берега Японіи омываются Куро-Сиво, т. е.

Чернымъ теченіемъ, которое въ Тихомъ океанѣ пользуется тѣмъ же значеніемъ и течетъ подъ тѣми же самыми географическими широтами, какъ гольфштремъ въ Атлантическомъ Теоретически это океанійское теченіе представляетъ еще бо́льшую важность, нежели гольфшремъ, ибо, благодаря огромной ширинѣ его и малочисленности островов, встрѣчающихся ему на пути въ этой части Тихаго океана, оно выражается безпрепятственнѣе и полнѣе, и притомъ описываетъ путь замкнутый, тогда какъ гольфштрему представляется въ этомъ послѣднемъ отношеніи гораздо больше затрудненій, именно въ очертаніяхъ западныхъ и сѣверныхъ береговъ Стараго Свѣта. (Herm. J. Klein. Der Kuro Siwo, въ Ausland 1873. Nr. 16, S. 305). Въ самой Японіи все намъ свидѣтельствуетъ о томъ, что мы вступили въ поясъ болѣе мягкаго климата, гдѣ прелестная, ласковая природа, богатая также и величественными картинами, соединяетъ въ себѣ всѣ условія къ тому рѣдкому культурному развитію, которымъ трудолюбивые, старательные японцы, съ ихъ большими городами, раскинувшимися у подножій грозныхъ конусовъ-вулкановъ. съ ихъ тщательно обработываемою почвою, съ ихъ глубоко обдуманными учрежденіями, возбуждаютъ удивленіе западныхъ странъ. Японскіе острова лежатъ подъ широтами, соотвѣтствующими широтамъ южной Европы и сѣверной Африки, но обладаютъ болѣе прохладнымъ климатомъ, вслѣдствіе своего восточнаго положенія. Продолженіемъ этихъ острововъ въ южномъ направленіи можно считать архипелагъ Ліу-Кіу, который тянется до большаго острова Формозы, въ Китайскомъ морѣ. Вообще достойно замѣчанія то обстоятельство, что всѣ восточные берега Азіи, начиная отъ Камчатскаго мыса, оцѣпляются тянущеюся къ югу, на нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи, грядою острововъ, въ которой за Формозою слѣдуютъ Филиппинскіе острова, а эти, въ свою очередь, чрезвычайно близко подходятъ къ большому Остъ-индскому архипелагу. черезъ который юго-восточная Азія незамѣтно переходитъ въ міръ острововъ Австраліи.

Менѣе благопріятнымъ характеромъ, сравнительно съ Японіею, обладаетъ лежащій противъ нея материкъ, гдѣ вышеупомянутая Корея имѣетъ своими сосѣдями: въ Амурскомъ краѣ—Россію, а въ Манджуріи—огромную Китайскую имперію, составляющую, вмѣстѣ со всѣми, болѣе или менѣе подвластными ей мѣстностями, важнѣйшую часть всей Азіи. Отсюда и до самаго отдаленнѣйшаго запада, гдѣ ширятся Туркестанскія степи, Россія и Китай остаются постоянными сосѣдями, раздѣляясь границами, идущими приблизительно тамъ, гдѣ Сибирская низ-

менность начинаетъ уступообразно возвышаться до плоскогорій занимающихъ внутреннюю часть Азіи. Вся южная Сибирь гориста и прорѣзана горными цѣпями, которыя отвѣтвляются отъ центральныхъ горныхъ массъ къ сѣверу и связываются съ Саянскими горами или ихъ продолженіями. Между такими цѣпями лежитъ гигантское зеркало Байкальскаго озера, принимающаго воды рѣки Селенги, которая выходитъ изъ него подъ названіемъ Енисея. На востокѣ тянутся Яблоновый и Становой хребты, образующіе водораздѣлъ между бассейнами Лены и Амура; на западѣ же Сибири мы вовсе не находимъ такого яснаго раздѣленія страны на отдѣльныя рѣчныя области. Собственно Среднеазіатская возвышенность начинается въ сѣверныхъ частяхъ Монголіи, на югѣ которой лежитъ большая степь Гоби или Шамо, а на востокѣ Хинганскій хребетъ, отдѣляющій эту страну отъ Манджуріи. Расширенію нашихъ знаній о Манджуріи, равно какъ и сосѣдней съ нею Монголіи, способствовали главнымъ образомъ предпріимчивые и смѣлые русскіе путешественники, какъ то: Палладій, Пржевальскій, Матусовскій, Сосновскій и др., совершившіе обширныя и трудныя путешествія по этимъ странамъ; да и вообще никто не пролилъ на сѣверную и среднюю Азію столь яркаго свѣта, какъ русскіе. Путешествіе Пржевальскаго приводитъ насъ до рѣки Гоангъ-Го, сѣверной изъ двухъ большихъ рѣкъ, между которыми лежитъ собственно Китай, или древній Китай. Гоангъ-Го впадаетъ въ заливъ Печили, а этотъ, въ свою очередь, составляетъ только часть Желтаго моря, подъ именемъ котораго разумѣютъ сѣверную область Восточнаго Китайскаго моря, лежащую между Китаемъ и Кореею. Въ Восточное Китайское море изливается Янъ-це-Кіангъ, который хотя и прерывается, подобно своему сѣверному сосѣду, въ своемъ направленіи частыми и рѣзкими уклоненіями, но въ общемъ имѣетъ теченіе съ запада на востокъ, получая начало въ горныхъ странахъ Центральной Азіи. Эти послѣднія занимаютъ все пространство отъ южныхъ границъ пустыни Гоби до начала южно-азіатскихъ полуострововъ—Передней и Задней Индіи. Такимъ образомъ, Азію схематически можно представить себѣ, какъ рядъ уступообразно возвышающихся одно надъ другимъ плоскогорій, начиная съ сѣвера. Сибирская низменность мало-по-малу поднимается до возвышенныхъ террасъ Монголіи, которая простирается въ юго-западномъ направленіи до пустынной области озера Лопъ-Норъ и тамъ, подъ названіемъ Восточнаго Туркестана, доходитъ до подножій большихъ горныхъ узловъ, возвышающихся между западными низмен-

ностями и восточными плато. Восточный Туркестанъ и Гоби съ южной стороны окаймлены могучимъ хребтомъ снѣговыхъ горъ Кюнъ-Люнь, продолженіе которыхъ составляютъ, повидимому, Сунъ-Шань или Нанъ-Шань. Наконецъ, къ югу отъ этой цѣпи подымается самая высокая и обширная плоская возвышенность въ мірѣ — Тибетъ: это естественное недоступное укрѣпленіе, съ которымъ могутъ до нѣкоторой степени сравниться южно-американскія, по пространству, конечно, гораздо меньшія, пуны. Во внутренность этого холоднаго Тибетскаго плоскогорья не проникалъ еще ни одинъ глазъ европейца, и мы должны считать себя счастливыми уже тѣмъ, что, благодаря свѣдѣніямъ, сообщеннымъ нѣкоторыми остъ-индскими пушественниками, можемъ составить себѣ хотя поверхностное понятіе объ условіяхъ этой наиболѣе отчужденной изъ всѣхъ странъ міра. На востокѣ Тибетъ переходитъ въ столь же мало изслѣдованный южный Китай, въ которомъ альпійская страна Юннанъ составляетъ переходъ къ горнымъ областямъ Задней Индіи. Наконецъ, на югѣ ледяная гряда Гималая отдѣляетъ Тибетъ отъ низменностей индійской долины Ганга.

Совершенно другой видъ представляетъ западная часть Азіи. Тамъ, гдѣ Саянскія горы образуютъ границу между русскою Сибирью и Монголіею, подвластною Китайской имперіи, мы встрѣчаемъ на западной сторонѣ обильно развѣтвленную систему золотоноснаго Алтая, изъ котораго вытекаютъ истоки р. Оби. Алтай своими отраслями заходитъ въ глубь западно-сибирскихъ степей; а эти степи извиваются у подножій всѣхъ тѣхъ, часто могучихъ, возвышенныхъ хребтовъ, которые болѣе или менѣе параллельными полосами идутъ одинъ за другимъ въ направленіи съ запада на востокъ. Эти хребты, считая отъ сѣвера къ югу, суть: Тарбагатай, Ала-Тау, Тіанъ-Шань, Алай съ нагорною равниною Памиръ, наконецъ — Кюнъ-Люнь и Каракорумъ, который образуетъ узелъ съ идущимъ на юговостокъ Гималаемъ и расположеннымъ въ западномъ направленіи хребтомъ Гинду-Ку. Сибирскія степи, характеризующіяся въ южныхъ своихъ частяхъ обширными соляными озерами, изъ которыхъ самое значительное Аральское море, принимающее воды двухъ главныхъ въ западной Азіи рѣкъ: Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, — степи эти простираются съ одной стороны до восточныхъ береговъ Каспійскаго моря, а съ другой стороны — къ югу до склоновъ Гунду-Ку, и обнимаютъ собою тѣ области Туркестана или Турана, гдѣ, еще немного лѣтъ тому назадъ, разбойническія ханства Коканъ, Бухара и Хива составляли привольное гнѣздилище му-

сульманскаго фанатизма и не допускали въ свои предѣлы ни одного иностранца, пока, къ счастью, не сложили передъ русскими своего оружія. Гинду-Ку образуетъ къ югу плоскую возвышенность, простирающуюся до моря и служащую средоточіемъ трехъ областей: Афганистана и Белуджистана на востокѣ и царства Персидскаго на западѣ. Всю эту плоскую возвышенность можно обозначить названіемъ Иранскаго плоскогорья; она переходитъ на сѣверо-западѣ въ горную страну Арменіи и Курдистана, а въ дальнѣйшемъ продолженіи—въ Малоазійскій полуостровъ. Подобно тому, какъ Иранъ понижается къ Каспійскому морю, Арменія понижается къ долинамъ тѣхъ рѣкъ, которыя частью впадаютъ въ Каспійское море, какъ, напр., Кура, а частью въ Черное, какъ Ріонъ, причемъ сѣверную стѣну этой страны составляютъ крутыя массы высокихъ Кавказскихъ горъ. Всѣ эти страны обладаютъ прелестями юга лишь мѣстами, большею частью по окраинамъ; внутреннія же возвышенныя плоскости пустынны и безплодны,—только рѣдкими оазисами разсѣяны среди нихъ болѣе благопріятныя мѣстности. На юго-западѣ Иранское плато спускается къ благодатнымъ полямъ древней Месопотаміи, двѣ рѣки которой, Тигръ и Евфратъ, до сліянія ихъ въ одинъ потокъ, изливающій свои воды въ Персидскій заливъ, орошаютъ эту, опустошенную турецкимъ варварствомъ, область. Большая Сирійская пустыня отдѣляютъ Месопотамію отъ классическихъ мѣстностей, лежащихъ по восточному берегу Средиземнаго моря, вдоль которой тянутся увѣнчанныя снѣгами высоты Ливана и Антиливана. Здѣсь, на берегахъ Сиріи, цвѣли нѣкогда города финикіянъ; здѣсь, нѣсколько далѣе къ югу, на берегахъ Іордана, Генисаретскаго озера и Мертваго моря, самой глубокой впадины на нашей планетѣ, въ знаменитой Обѣтованной Землѣ или Палестинѣ, находится колыбель той христіанской религіи, которая обвиваетъ своимъ благодѣтельнымъ покровомъ всѣ народы европейскихъ культурныхъ странъ. Въ настоящее время надъ этими славными мѣстами тяготѣетъ рука османскаго хищничества, такъ что къ нимъ, какъ и ко всѣмъ странамъ, подвластнымъ падишаху въ Стамбулѣ, вполнѣ примѣнимо изрѣченіе: куда ступитъ нога турка, тамъ ужъ не выростетъ болѣе трава; турокъ дѣйствуетъ на нее, какъ медвяная роса. Это ясно подверждается не только состояніемъ Сиріи и Палестины, но и Малой Азіи и нѣкогда столь цвѣтущаго острова на Средиземномъ морѣ—Кипра, лежащаго противъ сирійскихъ береговъ.

Южная часть азіатскаго материка, подобно южной Европѣ, расчленяется на три полуострова, конечно, гораздо большихъ размѣровъ, чѣмъ европейскіе полуострова, именно: Аравію, Остъ-Индію или Переднюю Индію и Заднюю Индію. Аравію, хотя внутренняя часть ея вовсе еще неизвѣстна, можно съ полнымъ правомъ назвать, по ея характеру, «Азіатскою Африкою», да и отдѣляется она отъ Африки лишь узкою полосою Краснаго моря. Аравія, распадающаяся отчасти на независимыя владѣнія, частью на земли, признающія надъ собою владычество Порты, пользуется въ магометанскомъ мірѣ высокимъ почетомъ, какъ колыбель враждебнаго культурѣ ислама; въ то-же время въ ней находится государство вагабитовъ, изъ котораго вышла реформація Магометова ученія, распространившаяся даже въ Индіи. Эта послѣдняя страна находится во владѣніи англичанъ, которые господствуютъ надъ ея народами и государствами, съ населеніемъ не менѣе 240 милліоновъ, частью посредственно, частью непосредственно,—господствуютъ надъ областью, которая со временъ сѣдой древности принадлежала къ самымъ пышнымъ странамъ на земномъ шарѣ. Отдѣляясь отъ негостепріимнаго Тибета горной цѣпью Гималая, въ которой находятся самыя высокія изъ извѣстныхъ намъ вершинъ въ мірѣ, будучи обставлена непрерывнымъ рядомъ величавыхъ картинъ природы, тянется плодородная низменность Ганга, между Среднеазіатскою возвышенностью и горною мѣстностью южной оконечности Индійскаго полуострова, Деканомъ, безъ сомнѣнія, выступавшимъ нѣкогда изъ моря въ видѣ острова. Если Передняя Индія отличается некрасивыми контурами, простыми очертаніями береговъ и въ сосѣдствѣ съ ней находится одинъ только тропическій островъ Цейлонъ, за то Задняя Индія или Золотой полуостровъ обладаетъ чрезвычайно разнообразнымъ расчлененіемъ. Изборожденная гигантскими потоками, берущими начало въ неизслѣдованной еще области и носящими названія Иравадди, Салуенъ, Менамъ и Меконгъ, она есть отечество особенной семьи народовъ, которые въ королевствахъ Бирманскомъ и Сіамскомъ и имперіи Аннамской долгое время боролись противъ вліянія западно-европейской цивилизаціи и удерживали свою своеобразную культуру. Но въ нѣсколько послѣднихъ десятилѣтій англичане на западѣ, французы на востокѣ совершенно ослабили, а отчасти и подчинили своей власти Бирманъ и Аннамскую имперію; удержало вполнѣ свою самостоятельность только Сіамское королевство; впрочемъ, въ немъ уже обнаруживаются благоразумныя стремленія сблизиться съ народами запада и открыть имъ доступъ. Здѣсь мы находимся въ

самомъ центрѣ буддизма, который исповѣдуется громаднѣйшею частью азіатскаго населенія и распространенъ далеко къ сѣверу—до Монголіи включительно. Это тѣмъ болѣе поразительно, что самая южная часть Задней Индіи, удлиненный, богатый оловомъ, полуостровъ Малакка населенъ преимущественно магометанами. Населеніе это составляютъ именно малайцы, замѣчательный народъ, образующій также главный этнографическій элементъ Остъ-Индскаго архипелага, называемаго часто, вслѣдствіе этого обстоятельства, Малайскимъ. Мы встрѣтимъ слѣды этого этнографическаго элемента еще далѣе—на островахъ Южнаго моря. На этихъ Малайскихъ островахъ основаны голландцами цвѣтущія колоніи; причемъ главнѣйшимъ источникомъ могущества голландцевъ является многолюдный, роскошный островъ Ява (правильнѣе выговаривать Джава). Пересѣкаемый экваторомъ, Остъ-Индскій архипелагъ, въ составъ котораго входятъ такіе большіе острова, какъ Суматра, Борнео и Целебесъ, представляетъ настоящую тропическую страну; это — отечество пряныхъ растеній и одной изъ самыхъ, такъ сказать, развитыхъ, человѣкоподныхъ обезьянъ—орангъ-утанга. Въ тропическомъ поясѣ лежатъ также Филиппинскіе острова, находящіеся подъ управленіемъ испанцевъ, но отличающіеся уже не столь цвѣтущимъ состояніемъ, какъ острова голландскаго архипелага. Среди этихъ островныхъ образованій, блистающихъ всѣми прелестями тропическаго пояса, природа провела едва замѣтную для глаза путешественника границу между Азіею и Австраліею.

ГЛАВА I.

Малоазійскій полуостровъ.

Какъ сѣверные берега Чернаго моря образуютъ нѣкоторою своею частью вдающійся въ море четырехъугольный полуостровъ Крымъ, или Таврическій полуостровъ, такъ точно и южные берега этого воднаго бассейна, почти на всемъ своемъ протяженіи, представляются частями полуострова, самаго западнаго и наиболѣе далеко по направленію къ Европѣ выдающагося отростка азіатскаго континента

Пейзажъ Малайскихъ острововъ.

или, точнѣе, Передней Азіи; полуостровъ этотъ называется Анатоліею (Натолія, Анатоли, Анадоли, т. е. Восточная земля, именуемая на торговомъ языкѣ Левантомъ), или Малою Азіею. Въ образованіи этого большаго полуострова, входящаго въ составъ Азіатской Турціи, кромѣ Чернаго моря, омывающаго его съ сѣверной стороны, принимаютъ еще участіе: съ запада—Босфоръ, Мраморное море, Дарданельскій проливъ и воды Греческаго архипелага, а съ юга—Средиземное море. Съ восточной стороны, гдѣ полуостровъ связанъ съ остальнымъ азіатскимъ материкомъ, онъ ограничивается произвольно проведенною линіею отъ залива Скандерунскаго на югѣ до Евфрата, затѣмъ вдоль этой рѣки до ея верховьевъ и далѣе къ сѣверу по р. Чороку до Чернаго моря. Анатолія лежитъ между 36° 10′ 30″ и 42° 2′ сѣв. широты, слѣдовательно на тѣхъ же широтахъ, подъ которыми расположены: южная Турція, Греція, южная Италія съ Сициліею, сѣверные берега Африки, южная Испанія. Наибольшее протяженіе ея въ длину отъ бухты Адрамитской—на западѣ и до Евфрата—на востокѣ равняется около 1000 километрамъ; а самая большая ширина его, отъ мыса Анамурскаго въ Караманіи (на югѣ Анатоліи, противъ острова Кипра) до мыса Керемпскаго на сѣверѣ въ Черномъ морѣ,—500 километрамъ. Поверхность полуострова исчисляется въ 550,000 кв. километровъ; на этомъ пространствѣ живутъ, по приблизительной оцѣнкѣ, 9—10 милліоновъ населенія, преимущественно соплеменнаго туркамъ.

Форма анатолійской поверхности очень разнообразна. Внутренность страны представляетъ обширную возвышенную равнину, поднятую надъ уровнемъ моря, среднимъ числомъ на 1000—1300 метровъ и имѣющую по длинѣ въ сѣверо-востока на юго-западъ около 370 километровъ, а въ ширину 240 килом. Она, въ свою очередь, сама покрыта болѣе высокими горами; кромѣ того, на ней разбросано множество соляныхъ озеръ, болотъ и овраговъ, воды которыхъ не имѣютъ видимаго стока; частью-же она орошается рѣками, изливающимися въ Черное море. Эта возвышенная равнина окружена двумя рядами горъ, которыя берутъ свое начало въ Арменіи, откуда расходятся почти всѣ горныя цѣпи, прорѣзывающія Малую Азію; горы эти суть: Тавръ и Антитавръ,—названія, данныя имъ въ древности. Южная вѣтвь—Тавръ, начинаясь непосредственно у Евфрата, гдѣ одна изъ его вершинъ достигаетъ высоты 3000 метр., тянется къ западу, неподалеку отъ береговъ Средиземнаго моря въ весьма измѣнчивыхъ направленіяхъ, черезъ Караманію и Ликію, и оканчивается на островахъ Греческаго архипелага; къ югу и къ сѣверу отдѣляются отъ нея цѣпи горъ, которыя, какъ и отдѣльныя части главнаго хреб-

та, обозначаются особенными названіями, какъ-то: Ала-Дагъ, Булгаръ-Дагъ (вершина котораго, Метдезисъ, имѣетъ 3417 метровъ высоты), Джебель-Куринъ и т. д. Въ видѣ отторгнутой отъ материка части горной массы, въ углѣ, образуемомъ сирійскимъ и малоазійскимъ берегами, лежитъ большой островъ Кипръ (по-турецки Кибрисъ), а у юго-западнаго конца Малоазійскаго полуострова—высокій островъ Родосъ, оканчивающійся противъ горъ Массицитусъ вершиною Такталу (2350 метровъ). Сѣверная вѣтвь, или Антитавръ, называемая нынѣ въ главной своей части Агадагомъ, идетъ отъ Чорока, въ западномъ направленіи, параллельно Понту, въ небольшомъ отдаленіи отъ береговъ послѣдняго, и оканчивается у Босфора, отдѣляя отъ себя юго-западную вѣтвь, которая близъ Бруссы соединяется съ лѣсистыми горами Олимпа (1930 метр.), а еще раньше—съ богатыми лугами Ангорскаго плато и кончается у залива Адрамити горою Идою (1752 метр.), или, другими словами, горою Трои, послѣднимъ пограничнымъ камнемъ Азіи у Геллеспонта. Антитавръ раздѣляетъ воды, берущія начало на южной покатости Армянской равнины, направляя однѣ къ западу, другія — къ Евфрату. Между обѣими главными цѣпями горъ возвышается множество меньшихъ, изъ которыхъ иныя достигаютъ весьма значительной высоты, а горныя массы, болѣе или менѣе связанныя между собою, существуютъ почти вездѣ. Высота гребня горъ Тавра въ средней части его колеблется между 820 и 1660 метрами. Къ самымъ высокимъ точкамъ Тавра принадлежитъ Азп-Куръ (Нифатъ), вершина котораго находится выше границы вѣчнаго снѣга. Тавръ, какъ уже было упомянуто, состоитъ не изъ одной, а изъ многихъ горныхъ цѣпей, возвышенныя плоскости и долины которыхъ расположены одна надъ другою террасообразно въ направленіи меридіановъ. На южной сторонѣ его, на 600 метр. надъ уровнемъ моря, въ Курдистанѣ, лежитъ Діарбекирская равнина, состоящая ихъ массъ авгита. Въ горахъ Тавра находятся: годная для культуры долина Алендахъ и озеро Горджикъ-Гёль, на высотѣ 1275 метровъ. На сѣверной сторонѣ Тавра возвышаются нагорья: Сивасъ—въ 1250 и Баулусъ—въ 965 метр. надъ уровнемъ моря, а затѣмъ страна быстро спускается къ берегамъ Чернаго моря. Въ юго-восточной части полуострова стоитъ, въ видѣ уединеннаго пика, находящагося лишь въ слабой связи съ цѣпями Тавра, Эрджасъ - Дагъ, или, въ древности, Аргеусъ; онъ помѣщается на плоскогорьи Кайсаріе, имѣющей высоту, считая до подножья Эрджасъ-Дага, 1095 метр. Эрджасъ-Дагъ, по всему вѣроятію, представляетъ самую высокую точку Анатоліи и достигаетъ именно высоты 3841 метр. Весь онъ состоитъ изъ продуктовъ вулканическихъ изверженій и на своей вершинѣ имѣетъ два кратера, черезъ которые подземныя силы прорывали себѣ нѣкогда путь къ атмосферѣ. Все внутреннее плато, къ западу до Кьютайя и далѣе черезъ плоскогорье Сардиса до самаго западнаго прибрежья у Смирны, носитъ на себѣ весь-

ма явственные слѣды вулканическихъ переворотовъ. Потухшіе вулканы, часто значительной высоты, затѣмъ потоки лавы и другіе несомнѣнные признаки дѣйствія подземнаго огня распространены на обширномъ пространствѣ. Въ Анатоліи и до сихъ поръ еще происходятъ частыя и сильныя землетрясенія, а теплые сѣрные источники встрѣчаются тамъ въ несмѣтномъ количествѣ.

Главныя рѣки Малоазійскаго полуострова текутъ въ сѣверо-западномъ направленіи въ Черное море, но ихъ теченія не всѣ еще вполнѣ изслѣдованы. Самая значительная изъ этихъ рѣкъ—Кизиль-Ирмакъ (въ древности Галисъ) происходитъ черезъ соединеніе двухъ истоковъ, изъ которыхъ одинъ вытекаетъ изъ горъ Ильдисъ къ юго-востоку отъ Токата и направляется съ востока на западъ, а другой беретъ свое начало на югѣ, у сѣверныхъ склоновъ Тавра, и течетъ сначала къ западу, затѣмъ къ сѣверу. Теченіе Кизиль-Ирмака извилисто; въ Черное море впадаетъ онъ двумя главными рукавами ниже Бафры, на сѣверозападъ отъ Самсунской бухты, восточнѣе Синопа. Гораздо меньше рѣка Іешиль-Ирмакъ (Ирисъ), начинающаяся въ Антитаврѣ и изливающаяся въ море къ востоку отъ Самсунской бухты. Рѣка Сакарія (Сангаріусъ) вытекаетъ съ сѣверо-запада, изъ столовой возвышенности, не далеко отъ Ангоры и вливается въ Черное море на 120 километровъ восточнѣе Босфора. Къ Арменіи собственно относится еще рѣка Чорокъ (Батисъ), текущая также въ Черное море и составляющая сѣверо-восточную границу Малой Азіи. Единственные важные притоки Эгейскаго моря суть: Бакиръ-Чай (Сайкусъ), Гедизъ-Чай (Гермусъ), впадающій въ Смирненскій заливъ и знаменитый нѣкогда по обильному содержанію золота, и Мендересъ (Меандеръ)—знаменитѣйшая изъ знаменитыхъ рѣкъ Малой Азіи не только по плодородію и прелести своей долины, но и черезвычайно извилистымъ теченіемъ. Какъ сама рѣка, такъ и морской потокъ, направляющійся вдоль іонійско-ликійскихъ береговъ, необыкновенно сильными наносами безпрестанно измѣняли видъ устьевъ Мендереса, и процессъ такого преобразованія не прекращается и въ настоящее время. Еще болѣе незначительны рѣки, впадающія въ Средиземное море, изъ нихъ только двѣ имѣютъ до нѣкоторой степени заслуживающую вниманія величину, именно: Сейгунъ (Сарусъ) и Джиганъ (Пирамусъ). Наконецъ, особенно рѣзкими чертами въ географической картинѣ Анатолійскаго полуострова являются соляныя и прѣсноводныя озера, которыя встрѣчаются тамъ въ изобиліи. Самое значительное изъ этихъ озеръ, лежащее на разстояніи 100 километровъ отъ Коніи (Iconium),—Тюсъ-Чеглю (Tatta palus), 80-ти километровъ длины, 15—20-ти километровъ ширины; оно имѣетъ воду соленую и снабжаетъ осадочною солью своихъ береговъ всю окружающую мѣстность. Озеро это мелко, а лѣтомъ его размѣры всегда значительно уменьшаются вслѣдствіе испаренія. (Ausland. 1855, Nr. 45, S. 1073—1075).

Нѣкогда прекрасный климатъ Малой Азіи, вслѣдствіе большаго различія въ рельефѣ почвы, представляетъ столь значительное разнообразіе, что общее описаніе его становится совершенно невозможнымъ. Путешественникъ можетъ иногда въ одинъ и тотъ же день вступить изъ лѣта въ зиму, изъ зимы въ лѣто. На западныхъ морскихъ берегахъ, которые всегда были извѣстны своею умѣренною температурою, термометръ показываетъ лѣтомъ отъ 23° до 30° Р., а рѣдко выпадающіе дожди замѣняются здѣсь обильною росою. Во внутренности страны, на высокомъ центральномъ плато, опоясанномъ горными цѣпями Тавра и Антитавра, зимою господствуетъ необыкновенный холодъ, но климатъ здоровый. Лѣто здѣсь непродолжительно, а снѣгъ, довольно глубокій, лежитъ въ продолженіе 4 мѣсяцевъ въ году. Въ Караманіи лѣто томительно жарко и отличается до того малымъ количествомъ дождей, что съ апрѣля по ноябрь населеніе не употребляетъ другой воды, кромѣ той, которую оно сберегаетъ въ прудахъ и водоемахъ. Въ горныхъ проходахъ Тавра обыкновенно стоитъ очень суровая зима.

Что касается естественныхъ произведеній Анатоліи, то растительный міръ представляетъ здѣсь смѣшанный характеръ: съ одной стороны персидской и сирійской флоры, съ другой — южно-европейской. На южномъ побережьи растительность имѣетъ поразительное сходство съ египетскою флорою, а западные берега Анатоліи сходны въ этомъ отношеніи съ Греціею. Сѣверные склоны центральнаго плоскогорья представляютъ большое богатство лѣсовъ, состоящихъ изъ дуба, бука, чинара, ясеня и другихъ лиственныхъ породъ. Прибрежная полоса обладаетъ цѣлыми лѣсами волошскаго орѣха, айвы, шелковичныхъ, гранатовыхъ, персиковыхъ, абрикосовыхъ, сливяныхъ и вишневыхъ деревьевъ. Долины Кизиль-Ирмака, Сакаріи и Мендереса отличаются превосходными лугами. Жаркое побережье Караманіи, по характеру своей растительности, имѣетъ сходство съ сирійскими берегами; на немъ растутъ деревья, источающія драгоцѣнныя смолы, въ томъ числѣ и стираксъ. На горахъ Тавра растутъ многочисленныя породы лѣсныхъ деревьевъ и въ особенности много сосны. Но ежегодно тысячи самыхъ лучшихъ деревьевъ гибнутъ отъ огня, дѣйствію котораго подвергаются эти деревья для того, чтобы ускорить изъ нихъ вытеканіе терпентина. Въ Памфиліи разводится сахарный тростникъ, который, однако, здѣсь не достигаетъ той степени зрѣлости, при которой сахаръ кристаллизуется. Южныя долины производятъ громадное количество винограда, маслинъ и фигъ. Флора западной и южной Анатоліи во всѣхъ долинахъ такъ прекрасна, что можетъ быть сравниваема съ сицилійскою и испанскою; обширныя и холодныя плоскорья внутренней части страны, по характеру своей растительности, составляютъ съ только что упомянутыми мѣстностями разительный контрастъ. Въ самомъ дѣлѣ, на нихъ встрѣчаются лишь жалкій кустарникъ, солончаковыя растенія, полынь, шалфей, папоротникъ и только два вида ежевики. Изъ хлѣбныхъ ра-

стеній встрѣчается остистая пшеница, рѣдко овесъ, но главнымъ образомъ ячмень, доставляющій кормъ для лошадей и другихъ животныхъ.

Животный міръ Анатоліи сходенъ съ южно-европейскимъ, но еще болѣе съ сирійско-месопотамскимъ. Большихъ хищныхъ животныхъ здѣсь мало; изъ нихъ наиболѣе обыкновененъ одинъ видъ пантеръ; кромѣ того, здѣсь водятся въ небольшомъ количествѣ медвѣди, волки, гіены, затѣмъ много представителей семейства кошекъ и дикихъ собакъ. Шакалы въ малопосѣщаемыхъ мѣстностяхъ встрѣчаются весьма часто; много также газелей, оленей и другихъ животныхъ того же рода. Что касается рабочихъ животныхъ, то здѣсь въ качествѣ таковыхъ употребляютъ обыкновенно — и главнымъ образомъ при земледѣльческихъ работахъ — буйволовъ, самки которыхъ, въ качествѣ дойныхъ животныхъ, заступаютъ мѣсто вообще довольно рѣдко встрѣчающихся здѣсь коровъ. Для перевозки тяжестей употребляются, какъ и вездѣ на Востокѣ, преимущественно верблюды, хотя лошади здѣсь очень сильны и прекрасно сложены,—наконецъ ослы, отличающіеся отъ обыкновенныхъословъ бо̀льшими размѣрами и большею живостью характера. Длинноволосая или ангорская коза, называемая также ша̀льною (отъ слова шаль) козою, раньше водилась исключительно въ Анатоліи, но теперь распространилась также въ Персіи и Остъ-Индіи. Впрочемъ, въ Малой Азіи животное это встрѣчается на пространствѣ какихъ нибудь 27,500 кв. километровъ къ западу отъ Кизиль-Ирмака, въ другихъ же мѣстностяхъ она вырождается. Туземныя овцы большею частью курдючныя. Изъ птицъ водятся въ значительномъ количествѣ орлы, соколы, хохлатыя вороны, драхвы, аисты, цапли, перепела, куропатки и другіе извѣстные въ Европѣ виды птицъ. Бабочки самыхъ разнообразныхъ видовъ и необыкновенныхъ, чрезвычайно блестящихъ цвѣтовъ встрѣчаются въ безчисленномъ количествѣ. У береговъ водятся многіе виды рыбъ и каракатицы. Земляныя черепахи, ящерицы, лягушки болѣе или менѣе обыкновенны. Пьявки вывозятся отсюда въ значительной массѣ въ Италію и во Францію черезъ Смирну. (Ausland. Ibid. S. 1075—1076).

Въ этнографическомъ отношеніи Малая Азія—настоящее отечество турокъ; она есть та провинція османскаго царства, которая одна сообщаетъ этому послѣднему силу удерживать подъ своимъ игомъ европейскія области съ ихъ населеніемъ, подавляющее большинство котораго не-османы. Безъ Анатоліи османское владычество въ Европѣ быстро пришло-бы къ своему концу, и только здѣсь, на азіатской почвѣ, мы можемъ изучить турка въ его чистомъ типѣ. Вся передняя, т. е. западная часть Малой Азіи населена преимущественно османами, которые, однако, ведутъ здѣсь борьбу за существованіе съ другими, чуждыми

имъ народами, главнымъ образомъ съ греками. На востокѣ Анатоліи соперниками ихъ являются армяне, курды и лазы.

Въ Анатоліи тщательно избѣгаютъ названія «турокъ», ибо на Востокѣ оно употребляется какъ бранное слово. Имъ обозначаютъ грубаго, неотесаннаго человѣка. Для природнаго жителя коренной страны османскаго могущества названіе это кажется тѣмъ обиднѣе, что, какъ извѣстно, въ глазахъ эфенди мужикъ и анатоліецъ—одно и то-же. Появленіе рослаго, неотесаннаго анатолійца доставляетъ живой укоръ всякому сановнику Порты, этой тонко обточенной, женственной, хрупкой и почти кокетливой фигурѣ. Угловатыя манеры анатолійца, его грубое нарѣчіе, которое, уклонившись отъ арабо-персидскаго нарѣчія дивана, приближается къ первоначальному языку османовъ, наконецъ, его грубый выговоръ, при которомъ слова выталкиваются одно вслѣдъ за другимъ, такъ что получается впечатлѣніе клохтанія разгнѣваннаго индѣйскаго пѣтуха, — все это служитъ предметомъ насмѣшекъ для вычурныхъ константинопольцевъ и составляетъ оселокъ, на которомъ точитъ свое остроуміе эфенди. (Murad - Efendi. Türkische Skizzen. I. Bd. S. 236). Въ соціальномъ отношеніи Анатолія развертываетъ передъ нами такую же печальную и мрачную картину упадка, какую представляютъ и всѣ остальныя провинціи Османской имперіи.

Для характеристики состоянія анатолійскаго земледѣлія достаточно указать на то, что тамъ и нынѣ въ полномъ ходу гомеровскій плугъ. Какъ это орудіе въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій не претерпѣло никакого измѣненія, такъ и другія земледѣльческія орудія остались тѣми же; а земледѣліе съ самыхъ временъ Трои сдѣлало весьма ничтожные успѣхи, если не брать во вниманіе чего-то въ родѣ трехпольной системы, состоящей въ томъ, что часть земли назначается для яроваго хлѣба, другая часть—для озими, а третья оставляется подъ паромъ и служитъ пастбищемъ для скота, который въ сухое лѣто угоняется на горы, гдѣ только и можетъ добыть себѣ кормъ, хотя и скудный, такъ какъ луговодства здѣсь вовсе не существуетъ. Фиговое дерево, виноградъ и масличное дерево доставляютъ турецкому крестьянину средства для его нетребовательнаго существованія; для чего же ему заботиться объ усовершенствованіи культуры? Хмѣль растетъ въ дикомъ состояніи, но никто о немъ не заботится. Турецкая деревня по своему виду вполнѣ соотвѣтствуетъ первобытному состоянію турецкаго хозяйства въ Анатоліи. Грязныя, выстроенныя изъ сырца (необожженнаго кирпича) хижины имѣютъ два отдѣленія: въ нижнемъ этажѣ помѣщается семья, въ верхнемъ — кладовая, гдѣ сохраняются продукты хозяйства; одна или двѣ дырки замѣняютъ собою окна; нѣчто въ родѣ передней съ очагомъ служитъ столовою. Внутренняя обстановка такихъ хижинъ до невѣроятности проста: соломенная рогожа на полу; въ углу на доскахъ, поддерживаемыхъ деревянными колодами, шерстяные матрацы и ватныя

одѣяла, некрашенный сундукъ съ бѣльемъ и праздничнымъ платьемъ, нѣсколько мѣдныхъ посудинъ, да каменная кружка для воды,—вотъ и вся утварь. Въ виду этой бѣдности турецкаго крестьянина, казалось бы невѣроятнымъ, чтобы на него взваливалось еще бремя какихъ-либо повинностей; на самомъ же дѣлѣ положеніе его до крайности ненадежно. Государство отдаетъ на откупъ десятину, взимаемую съ каждаго крестьянина, которую откупщикъ, по заранѣе составленной раскладкѣ, нисколько не соображенной съ размѣрами урожая, немилосердно вытягиваетъ изъ крестьянскихъ рукъ. Слѣдствіемъ такого положенія бываетъ обыкновенно то, что ежегодно сотни крестьянъ принуждены оставлять свои дворы и превращаться въ пролетаріевъ, ибо обыкновенный работникъ можетъ имѣть гораздо болѣе вѣрный и бо̀льшій заработокъ, нежели крестьянинъ, который къ тому же нигдѣ не пользуется отъ властей ни защитою своей личности, ни покровительствомъ. Этого и нужно было, впрочемъ, ожидать, ибо административные и судебные порядки въ Малой Азіи нисколько не лучше, чѣмъ въ европейскихъ провинціяхъ Турціи, въ особенности послѣдніе. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій, турокъ сдѣлался пасынкомъ своего отечества. Его настоящее и будущее въ немногихъ, но выразительныхъ штрихахъ очерчено знаменитымъ путешественникомъ д-ромъ Карломъ Шерцеромъ, человѣкомъ весьма компетентнымъ въ вопросахъ восточной жизни. «Турки знаютъ обыкновенно одинъ только собственный языкъ въ противоположность всѣмъ другимъ народамъ Турціи, у которыхъ почти каждый ребенокъ одинаково хорошо говоритъ на двухъ языкахъ. Причина этому лежитъ отчасти въ ихъ гордомъ отвращеніи отъ всего немагометанскаго, частью же въ недостаткѣ энергіи и дѣловой подвижности. Молчаливые, тяжелые на подъемъ, суровые турки имѣютъ очень много здраваго смысла и качествъ, характеризующихъ зоркаго наблюдателя, но имъ не достаетъ разсчетливости, навыка и ловкости въ веденіи дѣлъ. Поэтому они не годятся для торговой дѣятельности. И въ самомъ дѣлѣ, вся торговля, въ особенности вся оптовая торговля провинцій, сосредоточивается въ рукахъ другихъ народовъ. Въ деревняхъ турки занимаются по преимуществу земледѣліемъ и скотоводствомъ; въ городахъ они имѣютъ лавки большею частію съ туземными товарами, или занимаются такими ремеслами, которыя удовлетворяютъ простѣйшимъ потребностямъ турецкой жизни. Къ морской службѣ они мало способны, но въ качествѣ караванныхъ вожатыхъ — они мастера. Турки вообще очень честны, добродушны и гостепріимны; въ религіозномъ отношеніи они, сравнительно въ другими народами Востока, отличаются наибольшею терпимостью. Трудолюбія, склонности къ наживѣ и стремленія къ прогрессу у нихъ не замѣчается; безпечность составляетъ главную черту ихъ характера. О завтрашнемъ днѣ они мало заботятся; поэтому нерѣдко случается, что для удовлетворенія лишь минутной потребности они

платятъ часто высокіе проценты; точно также легкомысленно распоряжаются они и своими землями: имъ ничего не стоитъ сбыть съ рукъ свое недвижимое состояніе, вовсе не думая о томъ, что такимъ образомъ они лишаютъ себя источниковъ дохода. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они живутъ смѣшанно съ греками и армянами, замѣчается несомнѣнное уменьшеніе ихъ численности съ теченіемъ времени, и это происходитъ вовсе не отъ крайней бѣдности, ибо естественныя условія страны доставляютъ множество разнообразныхъ средствъ для существованія, потребности же у этого народа чрезвычайно скромны. На магометанскомъ населеніи, и только на немъ одномъ, тяжелымъ гнетомъ лежитъ рекрутская повинность. Рекрутчина, а также дурное воспитаніе и та безсовѣстность, съ которою женщины освобождаютъ себя отъ плода, зародившагося въ ихъ утробѣ, вотъ въ чемъ состоятъ причины того явленія, что турецкое населеніе, и въ особенности прибрежное, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе убываетъ». Что гражданская жизнь недоступна турчанкамъ—это только послѣдствіе болѣе коренныхъ причинъ зла, которыхъ должно искать прежде всего въ отсутствіи школъ, въ недостаткѣ воспитательныхъ условій, приноровленныхъ къ потребностямъ современной жизни. Своеобразные принципы и предвзятыя мысли, на которыхъ опирается все мышленіе и чувствованіе мусульманина, отсутствіе всего того, на чемъ строится семейная жизнь, должны парализировать всякое благое начинаніе въ дѣлѣ просвѣщенія народной массы. Неудивительно, если при такихъ условіяхъ подвижной, живой, интеллигентный грекъ принялъ въ свое безотчетное распоряженіе наслѣдство отъ турка еще при жизни этого послѣдняго. И днемъ, и ночью думая о выгодѣ, хитрый, разсчетливый купецъ, свѣдущій мореплаватель, интеллигентный землевладѣлецъ, грекъ оставляетъ турка далеко за собою во всѣхъ областяхъ дѣятельности. Всѣ должности, требующія научной подготовки, занимаютъ почти исключительно греки; доктора, адвокаты, профессора, бухгалтеры, банкиры — все это греки. Грекъ помогаетъ турку сбывать его продукты; вся внутренняя и отпускная торговля находится почти исключительно въ его рукахъ. При этомъ онъ неутомимо заботится объ увеличеніи числа учебныхъ заведеній, обнаруживаетъ рѣдкое національное чувство. Смирна сдѣлалась вполнѣ греческимъ городомъ. Изъ Аѳинъ ведется дѣятельная пропаганда, которая нигдѣ не встрѣчаетъ недостатка въ активномъ сочувствіи, преимущественно въ пользу возможно широкаго развитія школьнаго дѣла. Греки мало-по-малу овладѣваютъ Малою Азіею. Непосредственно за грекомъ стоитъ армянинъ, близкій къ нему, какъ въ умственномъ отношеніи, такъ и по способности къ живой, энергичной дѣятельности. Турку все враждебно. (C. v. Scherzer. Smyrna. Mit besonderer Rücksicht auf die geographischen, wirthschaftlichen und intellectuellen Verhältnisse in Vorderasien. Wien. 1873. 8°. S. 47—50). Оба названные народа вообще стоятъ гораздо выше османовъ. Шерцеръ указы-

ваетъ, какъ сильно греческія деревни отличаются отъ турецкихъ своею большею чистотою и лучшею архитектурою построекъ. (Ibid.. S. 19). Составъ малоазійскаго населенія дополняютъ собою, наконецъ, евреи, живущіе во множествѣ въ городахъ, юруки — кочующее племя, обитающее въ горахъ внутренней Анатоліи, и цыгане. Наконецъ, можно упомянуть еще о кизильбашахъ или красноголовцахъ. Они живутъ разсѣянно по всей Малой Азіи, наружно очень придерживаются ислама, но тайно соблюдаютъ свои собственные догматы и обряды. Мордманну (Mordtmann), нѣсколько разъ объѣхавшему Малую Азію, ни разу не удалось собрать о нихъ болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній; однако, онъ думаетъ, что ванъ-Леннепъ (van-Lennep. Travels in little known parts of Asia Minor. London. 1870. 8° 2 vol.) правъ, считая религіозное ученіе кизильбашей остаткомъ древнихъ языческихъ религій. Британскій консулъ въ Трапезунтѣ, В. Жифф. Пальгревъ (W. Gifford Palgrave. Proceed. R. geograph. Soc. 1872. XVI vol., p. 223 и Cornhill Mogasine, іюнь 1872, p. 668), говоритъ, что вѣра у нихъ имѣетъ преимущественно языческій характеръ, а сами они, вѣроятно, татарскаго происхожденія. Ванъ-Леннепъ утверждаетъ, будто они атеисты и вѣрятъ въ переселеніе душъ. Обѣ плодородныя равнины вблизи Токата (Казъ - Ова и Ардъ - Ова) густо населены кизильбашами; точно также въ большомъ количествѣ они встрѣчаются въ деревняхъ между Ангорою и Амазіею, между Кара-Гиссаромъ и Токатомъ. Они входятъ также въ составъ населенія отдаленнаго Кабула. (См. Alex. Burnes. Travels into Bokhara. London, 1834. 8° I vol., p. 157). По увѣренію д-ра Мордманна, кизильбаши очень гостепріимны, а ихъ женщины совершенно чужды той смѣшной ревности, которая низводитъ женщинъ магометанскихъ округовъ до совершеннаго скотства. (Beil. zur Allgem. Ztg. vom 9. Februar 1871, Nr 40, S. 667).

Въ Анатоліи довольно много пунктовъ, имена которыхъ въ древности звучали громкою славою, благодаря которой и въ настоящее время эти имена возбуждаютъ въ насъ болѣе грандіозное представленіе, чѣмъ какое соотвѣтствуетъ дѣйствительному значенію этихъ городовъ. Такими пунктами являются Кайсаріе, пришедшая въ совершенный упадокъ древняя Кесарея, Сивасъ (36,000 жит.) на Кизиль Ирмакѣ и Токатъ (50,000 жит.); оба послѣдніе города отличаются оживленною торговлей. Далѣе къ сѣверу лежатъ: Конія съ 60,000 жит., на мѣстѣ древняго Иконіума, бывшая сперва главнымъ городомъ царства сельджуковъ, нынѣ, вслѣдствіе обилія священныхъ гробницъ, служащая пунктомъ, куда стекаются мусульманскіе богомольцы для поклоненія; Энгюріе (Ангора)—древняя Анкира, съ 50,000 жит., извѣстная своими длинноволосыми и шелковистыми кошками, собаками, кроликами и козами;

Афіунъ - Карагиссаръ (32,000 жит.), ведущій большую торговлю опіумомъ; Кьютайя (29,000 жит.); Брусса у подножія Олимпа; Исникъ, древняя Никея Измидъ, древняя Никомедія, до котораго идетъ въ настоящее время желѣзная дорога. Желѣзныя дороги, конечно, очень жалкаго вида, при отсутствіи дорогъ вообще,—весьма характерное явленіе для турецкихъ порядковъ! Для европейцевъ наибольшее значеніе безспорно имѣютъ слѣдующіе приморскіе города: Трапезунтъ или Тарабузунъ—на Черномъ морѣ, и Исмиръ болѣе извѣстный подъ именемъ Смирны,—главный торговый пунктъ «Леванта».

Этотъ городъ населенъ тремя различными народами: турками, греками и «франками». Турки, составляющіе значительное большинство, живутъ въ узкихъ, грязныхъ переулкахъ, посѣщеніе которыхъ считается на столько опаснымъ, что попавшій въ нихъ уже не можетъ выбраться. Греки обитаютъ въ особомъ кварталѣ. Деревянные дома ихъ, выкрашенные въ свѣтлые или пестрые цвѣта и украшенные рѣзьбою, производятъ пріятное впечатлѣніе. Греки—единственно живой элементъ городскаго организма, въ ихъ рукахъ сосредоточивается вся мелочная торговля; мелкіе купцы и ремесленники — почти исключительно греки. Уже внѣшность ихъ производитъ на прибывшаго странное впечатлѣніе. Судя по костюму, греки скорѣе были бы умѣстны на театральной сценѣ, нежели въ роли торгашей: бѣлая, сіяющая разными цвѣтами фустанелла, богато вышитый жилетъ, длинные и широкіе рукава рубашки, широкій поясъ съ парою заткнутыхъ пистолетовъ, красная феска съ синею кисточкою.... Однако, торговля—ихъ любимѣйшее занятіе, въ которомъ они развертываютъ всю хитрость своихъ классическихъ предковъ. Наконецъ, «франки»—это большею частью потомки итальянскихъ или французскихъ фамилій, поселившихся здѣсь и отчасти смѣшавшихся съ греками, отчасти же сохранившими свою кровь въ чистотѣ; они любятъ называть себя европейцами, хотя знаютъ Европу лишь по разсказамъ своихъ отцовъ и дѣдовъ. Какъ признакъ своего происхожденія, они съ гордостью носятъ западный фракъ. Нигдѣ не обращается столь большаго вниманія на фракъ, какъ въ Смирнѣ: тамъ онъ, такъ сказать, каммергерскій ключъ ко входу въ высшее общество. (Gräfin Pauline Nostitz. Joh. Wilh. Helfer's Reisen in Vorderasien und Indien. Leipzig. 1873. 8°. I Bd. S. 50—54).

Турецкая провинція Анатолія раздѣлена на девять вилайетовъ, изъ коихъ восемь приходятся на материковыя части, а девятый—на острова, окружающіе Малую Азію. Послѣдній носитъ названіе «вилайета Джезаири-Бари-Сефидъ», т. е. вилайета острововъ Бѣлаго моря, и обнимаетъ всѣ лежащіе у западнаго берега острова, а также расположен-

ный къ югу Кипръ. Названія этихъ острововъ, съ ихъ заслуживающими вниманія особенностями, уже приведены нами въ отдѣльной таблицѣ, подъ заглавіемъ «Острова Эгейскаго моря»; поэтому здѣсь мы ограничимся лишъ указаніемъ, что островъ Самосъ, названный турками Сиссамомъ, представляетъ полунезависимое государство, находящееся подъ верховною властью Порты и управляемое назначаемымъ ею губернаторомъ. Жители острововъ—преимущественно греки; лишь на нѣкоторыхъ, напримѣръ на Тенедосѣ и Лемносѣ, живутъ турки; но, по удостовѣренію Франца Лэера (Löher: Griechische Küstenfahrten. Bielefeld und Leipzig. 1876. 8°. S. 252), здѣсь, подобно тому, какъ и на материкѣ, турки приходитъ въ быстрый упадокъ: «древне-турецкое землевладѣніе все болѣе сосредоточивается въ рукахъ грековъ, армянъ и евреевъ; этотъ процессъ совершается довольно быстро». Островъ Кипръ, или Кибрисъ, по величинѣ своей четвертый между островами Средиземнаго моря, заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

Онъ лежитъ подъ 35° с. ш. и имѣетъ наибольшее протяженіе отъ сѣверо-востока къ юго-западу, именно: длина его отъ мыса Св. Андрея до берега близъ Пафоса равна 224 километрамъ. Большая часть острова покрыта горами, въ особенности юго-западная, по которой проходятъ мощные скалистые хребты и округленныя вершины Троодоса; предгоріями ихъ можно считать Магеру, Адельфосъ и Монте-Кроче, которыя, съ своей стороны, даютъ отроги далеко на востокъ, до мѣстности Ларнака. Высочайшая вершина этихъ куполообразныхъ горъ, довольно густо облѣсенная и въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ покрытая снѣгомъ, есть такъ называемый Кипрскій Олимпъ (1915 метровъ). Вторая цѣпь, совершенно отдѣляемая отъ первой, но значительно превосходящая ее по мощности, высотѣ и протяженію, занимаетъ весь сѣверный берегъ острова между мысомъ Кармакити (Karmachiti) и мысомъ Св. Андрея; на вытянутомъ полуостровѣ Карпассо она постепенно переходитъ въ болѣе низкіе холмы. При незначительной ширинѣ, она ниспадаетъ довольно круто какъ къ морю, такъ и къ плодородной, хотя лишь отчасти воздѣланной, равнинѣ Мессаріи, представляетъ большею частью голыя, зубчатыя скалы и покрыта тонкими деревьями только мѣстами — въ болѣе доступныхъ пунктахъ. Многочисленныя деревни и мѣстечки, окруженныя роскошными насажденіями, лежатъ на нижнихъ склонахъ, а также у подошвы, вдоль рѣчекъ, сбѣгающихъ въ равнину большею частью по узкимъ, крутымъ ущельямъ, между круто ниспадающими стѣнами; онѣ отчасти изливаются въ Педіасъ, отчасти, послѣ употребленія на орошеніе и потери большаго запаса воды отъ испаренія, скоро достигаютъ своего конца въ каменистомъ руслѣ.

*

Главныя произведенія острова, вывозимыя заграницу, суть: вино, рожки, марена, которая въ особенности высоко цѣнится, шелкъ, шерсть, хлопокъ, а также овечьи, коровьи и козьи шкуры. Въ незначительномъ количествѣ вывозятся: изюмъ, сыръ, водка, смола и камедь.

Со времени завоеванія этого, нѣкогда цвѣтущаго и соблазняющаго многихъ, острова турками, благосостояніе его и, соотвѣтственно этому, также число жителей на немъ постоянно уменьшается, такъ что въ настоящее время численность народонаселенія едва-ли превышаетъ 100,000 душъ, изъ коихъ большинство исповѣдуетъ православную вѣру. Армяно-католиковъ и римско-католиковъ очень мало, да и магометанъ, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, небольшое число. Жители какъ городовъ, такъ и селъ чрезвычайно гостепріимны, учтивы и услужливы. Жизнь ихъ, равно какъ и устройство домовъ, отличается крайнею простотою, въ деревняхъ — большею частью даже бѣдностью, а въ отношеніи чистоты села оставляетъ желать очень многаго. (Julius Seiff: Reisen in der asiatischen Türkei. Leipzig. 1875. 8°. S. 80 — 84). Важнѣйшія мѣста острова суть: Левкозія, главный городъ, расположенный внутри, затѣмъ Ларнака (5000 жителей) и еще меньшей величины, но пользующійся благосостояніемъ, Лимазоль, или Лимиссо, — оба на южномъ берегу.

ГЛАВА II.

Плоская возвышенность Арменіи.

Анатолійскій полуостровъ на востокѣ совершенно незамѣтно переходитъ въ возвышенность Арменіи, представляющую соединительный горный узелъ Передней Азіи и вмѣстѣ съ тѣмъ область истоковъ большихъ рѣкъ, текущихъ по различнымъ направленіямъ. На ней берутъ начало: знаменитый Тигръ, нынѣ называемый Диджлэ или Шаттъ, и Фуратъ, Мурадъ-Су или Евфратъ; послѣднюю рѣку можно считать идеальною разграничительною линіею между Анатоліею и Арменіею. Арменія, подобно Анатоліи, есть террасообразная страна. «Между рѣками тянутся раздѣлительныя горныя цѣпи; рядомъ и между разграничивающими горами лежатъ одно надъ другимъ большею частью ровныя плато различной высоты; глубоко врѣзавшіяся долины, мрачныя, иногда мощныя горныя массы; климатъ съ рѣзкими переходами: суро-

вою зимою и сухимъ, знойнымъ лѣтомъ; въ долинахъ и на горныхъ склонахъ роскошная растительность, на плоскогорьяхъ-же она очень скудна; у восточнаго края лежатъ альпійскія мѣстности, непосредственно соединяющіяся съ большою столовою возвышенностью Ирана,— таковъ въ общихъ чертахъ характеръ нагорья Арменіи». (Daniel: Handb. der Geographie. I Bd. S. 252). Къ сѣверу оно круто спускается къ глубокой долинѣ, отдѣляющей его отъ твердынь Кавказскихъ горъ и по которой протекаютъ рѣки Ріонъ и Кура. Послѣдняя принимаетъ въ себѣ съ юга, немного выше своего впаденія въ Каспійское море, армянскую рѣку Араксъ (Арасъ), описывающую большую дугу, тогда какъ на западѣ рѣка Чорокъ также съ полнымъ правомъ можетъ быть причислена къ армянскимъ рѣкамъ; она протекаетъ по Турецкой Грузіи и отдѣляется высокими горными цѣпями отъ Лазистана, полосы у Чернаго моря, къ востоку отъ Трапезунта. Въ политическомъ отношеніи Арменія, подобно Польшѣ, раздѣлена между тремя государствами: Турціею, Россіею и Персіею; границею Россіи отъ Персіи служитъ Араксъ на значительномъ протяженіи.

При внимательномъ разсмотрѣніи возвышенной Арменіи оказывается, что ея нельзя вполнѣ назвать плоскогорьемъ. Среднее возвышеніе всего пояса земель между истоками Тигра, Евфрата, Аракса, Куры и Чорока, слѣдовательно между величайшими рѣками Западной Азіи,—во всякомъ случаѣ на столько значительно (оно колеблется между 1900 и 2200 метровъ), что Арменію можно было бы по справедливости назвать «столовою возвышенностью». Но что особенно характеризируетъ Арменію, такъ это ея мощныя продольныя цѣпи, достигающія въ высочайшихъ своихъ вершинахъ 3800 — 4400 метровъ; онѣ прорѣзываютъ плато по всѣмъ направленіямъ. Столовыя возвышенности Арменіи не представляютъ исключенія среди другихъ орографическихъ особей того же рода, т. е. ихъ обширныя, ровныя поверхности носятъ характеръ возвышенныхъ степей, бѣдны водою, очень рѣдко населены и совершенно лишены лѣсовъ, если не причислять къ нимъ жалкой кустарной растительности. На горахъ и плоскогорьяхъ между 1900 и 2200 метрами высоты лежитъ снѣгъ даже въ іюлѣ. На Ахалцыгско - Имеретинскихъ разграничительныхъ горахъ, ниспадающихъ къ Ріону, встрѣчаются лишь небольшія древесныя насажденія, тогда какъ Тріалетскія горы вблизи Куры, а также ихъ болѣе отдаленные отроги, представляютъ голыя скалы, часто на протяженіи нѣсколькихъ миль. Прямо на сѣверо-западъ отъ Александрополя, какъ-разъ у верховьевъ Арпачая («чай» по-турецки значитъ рѣка), простирается обширное Чалдырское платс, слабо населенное, лишенное растительности и

средствъ сообщенія. Къ сѣверу отсюда, Кура протекаетъ по дикому и величественному ущелью краевыхъ горъ Арменіи и образуетъ естественныя ворота, ведущія въ провинцію Ардаганъ (между Карсомъ и Батумомъ). Эта провинція также ни что иное, какъ столовая возвышенность, въ 1740 метровъ средней высоты; она безлѣсна и прорѣзана лишь жалкими дорогами, хуже которыхъ трудно себѣ и представить. Здѣсь турки, послѣ порабощенія подъ свое иго армянскихъ и грузинскихъ народностей, заняли своими войсками древніе, расположенные въ горахъ, замки и возвели новыя укрѣпленія. Такъ, у самыхъ горныхъ воротъ, ведущихъ изъ долины рѣки Куры къ Чалдырю, мы находимъ укрѣпленный Шейтанъ-Калэ (Чортовъ замокъ); далѣе, вверхъ по теченію Куры—Ардаганъ, главный городъ округа; за нимъ слѣдуютъ Кинзитамаръ и Каладжикъ. Сверхъ того, провинція Ардаганъ на сѣверѣ и югѣ окружена почти неприступными горами и соединяется лишь по ту сторону истоковъ Куры съ долиною Чорока, посредствомъ небольшой поперечной долины, именно долины рѣки Ардануть; но водораздѣлъ Яланджамскихъ горъ достигаетъ 2520 метровъ высоты и не имѣетъ никакихъ переваловъ для сообщенія. Равнымъ образомъ, чтобы достигнуть Эрзерума или Эрзирума, расположеннаго на верхнемъ теченіи Евфрата, главнаго города турецкаго вилайета того же имени, нужно пройти три или четыре горныхъ гребня, каждый съ проходомъ высотою до 2500 метровъ. Между Ардаганомъ и турецкою крѣпостью Карсомъ находятся горы Канлы и Чалдырь съ проходами тоже до 2500 метровъ высоты. Уже у мѣстечекъ Хева, Тахтакранъ, Чардаклы и т. д. плато достигаетъ 2050 — 2370 метровъ въ своихъ высшихъ точкахъ; но высоты гребня лежатъ еще далѣе отсюда—на 20 километровъ; путями сообщенія служатъ тропы, да и то по восточнымъ понятіямъ, ибо въ сравненіи съ ними тропинки въ Швейцаріи или Тиролѣ могутъ быть названными проселочными дорогами.

Обратимся теперь къ центральной области Арменіи, т. е. къ окрестностямъ Карса, къ мѣстностямъ по правому берегу Арпачая, притоку Аракса съ правой стороны. Русскій пограничный городъ Александрополь удаленъ отъ Карса приблизительно на 50 верстъ. На полупути протекаетъ рѣчка Карсъ, притокъ Арпачая. Сообщеніе по главной дорогѣ еще сносно; она тождественна съ большою торговою дорогою, идущею изъ Эрзерума въ Александрополь (прежде называвшійся Гюмри) и по перевалу Готча въ Тифлисъ. Пролегающая по русской землѣ часть этого торговаго пути во многихъ мѣстахъ представляетъ искусственную дорогу, высѣченную въ скалахъ и вообще проложенную съ большими расходами; часть же, проходящая по турецкой области, можетъ претендовать развѣ на названіе хорошей караванной дороги—не болѣе. Въ 65 километрахъ къ юго-западу отъ Карса, Карсское плато оканчивается Саганлугскими (Луковичными) горами, высота коихъ колеблется между 2200 и 2530 метрами. Перевалъ чрезъ нихъ крайне

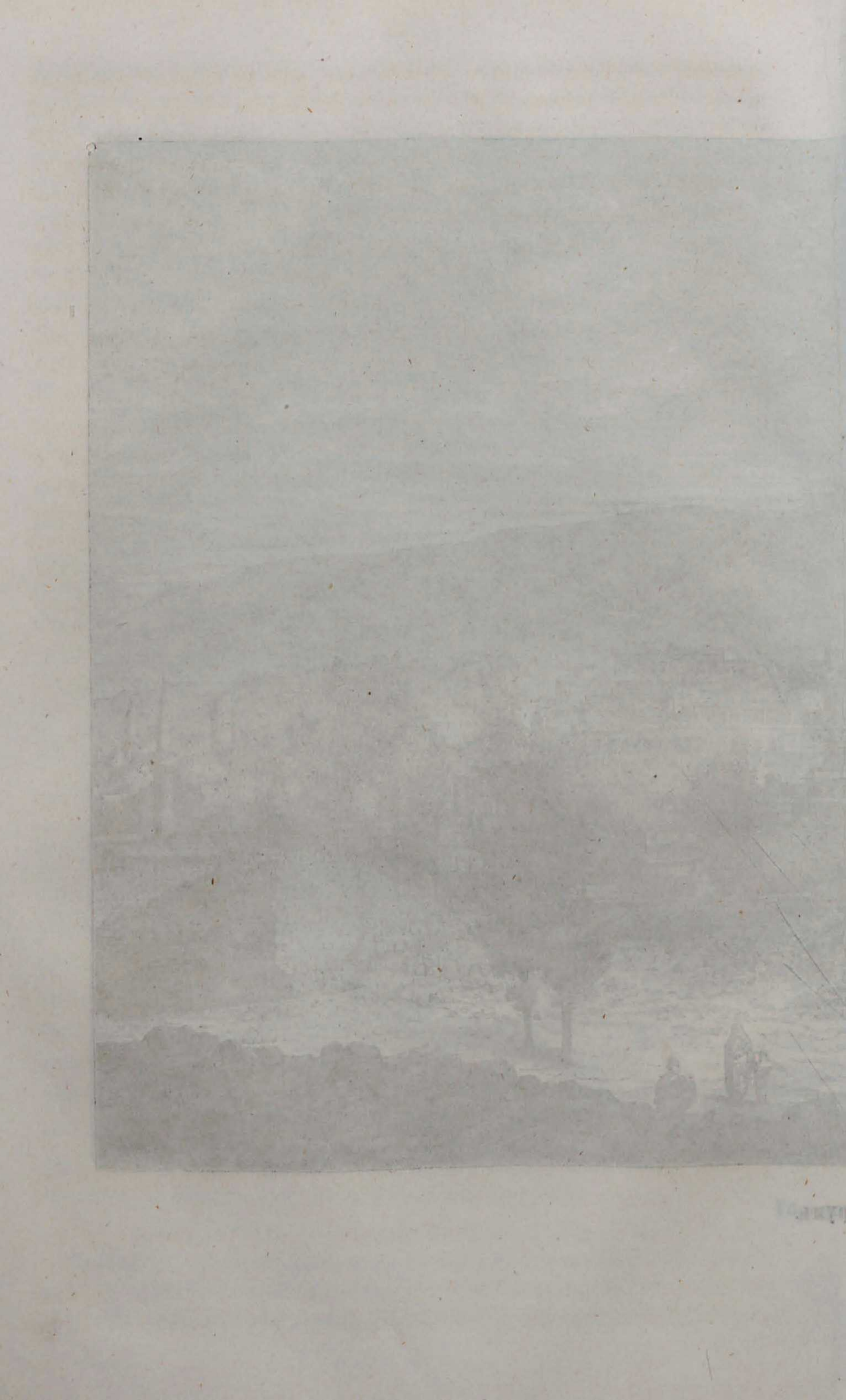
затруднителенъ. Точно также и другая дорога, отдѣляющаяся отъ караваннаго пути на 14 километровъ къ юго-западу отъ Карса, проходитъ дикими ущельями; она служитъ путемъ чрезъ Саганлугскія горы на 25 кил. къ сѣверу. Наконецъ, при Хорассанѣ мы достигаемъ обширной равнины Аракса, расположенной словно въ исполинской мышеловкѣ: позади высятся только-что упомянутыя горы, на югѣ—мощныя цѣпи Кешъ-Дагъ (2840 метровъ), Шахіоль-Дагъ (3000 м.), Шеріанъ-Дагъ (2500 метровъ), Казбель-Дагъ (2800 метровъ) и, наконецъ, Бингель-Дагъ, высотою въ 3600 метровъ. Эта огромная котловина на сѣверѣ ограничена горами Киречлю и Акмезенъ (обѣ свыше 2370 метровъ); на западѣ, предъ самымъ Эрзерумомъ, расположены горы Боюнъ и Шогуларъ, высотою въ 2200 метровъ. Всѣ эти краевыя цѣпи населены дикими народами: на югѣ—курдами, на сѣверѣ—лазами и черкесами. Въ этой котловинѣ лежитъ Эрзерумъ, отъ котораго идетъ въ Баязидъ или Баязетъ другая дорога, на востокъ и къ югу отъ Аракса, протекающаго близъ Каракаша въ дикой, неприступной тѣснинѣ. Этотъ укрѣпленный и очень важный пограничный городъ лежитъ непосредственно у южнаго склона Большаго Арарата и его могучей горной цѣпи. Гребни въ 3160—3800 метровъ вышиною образуютъ гигантскую стѣну между Араксомъ и истоками Евфрата. Чрезъ эти горныя массы на русско-турецко-персидской границѣ проходятъ двѣ дороги; изъ нихъ одна ведетъ отъ Каракалы, послѣдняго форта на Арпачайской линіи, чрезъ Алласгель (также русскій фортъ), въ Джадинъ (въ 35 километрахъ на западъ отъ Баязета); другой путь идетъ прямо изъ равнины Аракса между Большомъ Араратомъ и Памбушемъ (2500 м.), чрезъ колоссальную горную стѣну, высотою въ 2370 метровъ надъ уровнемъ моря. Проходъ имѣетъ 7 километровъ въ длину, и уже сама природа сдѣлала путь черезъ него достаточно пригоднымъ для сообщенія. (Allgem. Zeitung, отъ 20 января 1877 года). Подобная же трудность сообщенія встрѣчается и на западѣ—въ долинѣ Чорока, которая немного лѣтъ тому назадъ была очень обстоятельно изслѣдована Жифф. Пальгревомъ. Чорокъ течетъ по полосѣ, длиною, приблизительно, въ 160 километровъ, именно отъ Байбурта до Артвина, почти параллельно морскому берегу, отъ котораго онъ отдѣляется цѣпью высокихъ горъ, достигающихъ 3350 метровъ. Близъ Артвина долина дѣлаетъ крутой поворотъ къ сѣверу и приводитъ Чорокъ узкою трещиною къ морю. Высота чорокской долины надъ уровнемъ моря равна: близъ Байбурта — 1637 метрамъ, у Артвина—лишь немногимъ болѣе 300 метровъ; изъ этихъ цифръ можно сдѣлать заключеніе о чрезвычайно сильномъ паденіи рѣки. Дико пѣнящаяся рѣка пролагаетъ себѣ путь чрезъ многія тѣснины, а многочисленныя ущелья и поперечныя долины, поднимающіяся на востокѣ и западѣ, питаютъ дикую горную рѣчку, во время таянія снѣговъ, массами воды, стекающей съ покрытыхъ обильными лѣсами возвышенностей—западной Арменіи и черноморскихъ. Круто ниспадаю-

щія береговыя высоты по большей части увѣнчаны замками и крѣпостцами; въ ущельяхъ подстерегаютъ свою жертву воинственные лазы. Природа долины ровно ничего не даетъ человѣку. Геологическіе слои по обѣимъ сторонамъ ея очень различны. Мѣловыя и юрскія образованія часто и на большомъ протяженіи залегаютъ на плутоническихъ породахъ, которыя, однако, нерѣдко обнажаются и образуютъ собою высокіе горные хребты. Вулканическія формаціи, сравнительно рѣдко встрѣчающіяся въ южной цѣпи, очень обыкновенны въ сѣверной цѣпи; горы Лазистана, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ ниспадаютъ къ морю, состоятъ почти исключительно изъ вулканическихъ породъ. Метаморфическія породы также попадаются болѣе на сѣверѣ, нежели на югѣ. (Nature. Vol. VI. № 157, 11 p. 536—538).

Изъ различныхъ плоскогорій Арменіи самое высокое—Эрзерумское, на которомъ беретъ начало рѣка Евфратъ; оно имѣетъ около 2000 метровъ средней высоты надъ уровнемъ моря. На востокѣ оно опускается къ верхнему Араксу и въ той части своей, которая находится между Карсомъ и Эриванью, имѣетъ не болѣе 1000 метровъ высоты. Гористая мѣстность по Курѣ отличается дикостью и красотою; но характеръ ландшафта рѣзко измѣняется съ переходомъ въ эту пустынную, плоскую возвышенность Арменіи. Дорогу окаймляютъ великолѣпныя руины армянскихъ городовъ, относящихся къ блестящему періоду исторіи Арменіи. Назовемъ Вардзію, Ани, остатки великолѣпія котораго едва-ли уступятъ развалинамъ Вавилона и Пальмиры. Подобно оазису съ трудомъ спасеннаго, тщательно оберегаемаго прошлаго, у южной подошвы могучаго Ала-Геца (4095 метр.), съ его двумя, отчасти покрытыми снѣгомъ, скалистыми зубцами, остатками низринувшейся окраины кратера, лежитъ также и монастырь Эчміадзинъ, все еще внушительная резиденція армянскаго католикоса (патріарха), властвующаго, на правахъ папы, почти надъ шестью милліонами армянъ-христіанъ Россіи, Турціи, Персіи, Индіи и Западной Европы. Недалеко отъ Эчміадзина находится незначительный городъ Эривань (12,000 жителей), на рѣкѣ Зенги; видъ съ крѣпостныхъ твердынь на величественный Араратъ воскрешаетъ даже въ современномъ поколѣніи историческія воспоминанія; съ картиною, представляемою Араратомъ, можно сравнить развѣ панораму Этны съ театра Таормины.

Вслѣдствіе изолированнаго положенія Арарата и его величественности, человѣческая фантазія уже съ незапамятныхъ временъ окутала эту гору таинственнымъ покровомъ легендъ и сказаній. Множество

Городъ Эрзерумъ.



деревень и селъ вблизи него до сихъ поръ еще въ своихъ названіяхъ носятъ слѣды преданія о Ноѣ; такъ, единственная деревня, лежащая на его склонѣ, называется Агурри, что въ переводѣ означаетъ «онъ посадилъ лозу»; Нахичевань — мѣсто, гдѣ Ной вступилъ въ долину, въ переводѣ значитъ: «онъ впервые сошелъ»; наконецъ, названіе Эривань (правильнѣе выговаривать Іеревань) обозначаетъ мѣсто его прочнаго поселенія. Могилу Ноя показываютъ вблизи Нахичевани; къ ней относятся съ глубокимъ благоговѣніемъ какъ армяне, такъ и татары. Замѣчательно, однако, слѣдующее: библейское преданіе сохранилось у всѣхъ, названіе же горы совершенно утратилось; живущіе тамъ армяне знаютъ ее лишь подъ именемъ «Массисъ-Лерна», а татары— подъ именемъ «Агри-Дага» («Лернъ» и «Дагъ» означаютъ одно и то-же—гору); только монастырь Эчміадзинъ снова возстановилъ древнее названіе: издаваемая имъ еженедѣльная газета именуется «Араратъ». Вершину Арарата обыкновенно изображаютъ въ видѣ круто поднимающагося конуса; но эта форма отнюдь не соотвѣтствуетъ дѣйствительной. Величавость зрѣлища, представляемаго Араратомъ, зависитъ не отъ крутизны его стѣнъ, но отъ постепеннаго подъема ихъ кверху. У его подножія разстилается съ запада на сѣверъ и юго-востокъ равнина, шириною во много километровъ; направляющійся къ западу хребетъ отдѣленъ отъ нея глубокимъ ущельемъ, а тянущаяся къ юго-востоку цѣпь, равно какъ и примыкающее съ юга плато, высотою свыше 1830 метровъ, маскируются для наблюдателя съ русской земли горою Араратомъ, такъ что ни единое предгоріе, ни единый холмъ не скрываютъ отъ взора высочайшаго подъема въ свѣтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, отъ Аралыха, (800 метровъ) до вершины (5155 метровъ) остается еще цѣлыхъ 4645 метровъ высоты, доступныхъ наблюдателю. Это—такая высота, которая, какъ полагаютъ, нигдѣ не встрѣчается на землѣ: ни у исполиновъ Кордильеровъ, лежащихъ на высокихъ плоскогорьяхъ, ни у вершинъ Гималая, сокрытыхъ отъ взоровъ чрезвычайно дикими и очень высокими горами. Не трудно описать форму Арарата; онъ состоитъ изъ двухъ конусовъ; большій изъ нихъ имѣетъ діаметръ основанія приблизительно въ 20 километровъ, такой же діаметръ у меньшаго конуса равенъ 14 километрамъ; оба конуса соединены между собою до 2600 метровъ, и только на этой высотѣ происходитъ раздѣленіе Большаго и Малаго Арарата. Восхожденіе на первую половину горы не затруднительно; при среднемъ наклонѣ менѣе 10°, путешественникъ достигаетъ 1950 метровъ высоты надъ уровнемъ моря; дальнѣйшій подъемъ круче, а отъ слегка выпуклаго хребта, отдѣляющаго обѣ вершины, Малый Араратъ поднимается подъ угломъ въ 45°, почти сохраняя строго-математическую форму конуса, до своей немного округлой вершины, которая обозначаетъ собою общій пограничный пунктъ Россіи, Персіи и Турціи. Напротивъ, Большой Араратъ имѣетъ неправильныя формы; паденіе его склоновъ между 1950 и 3250 метрами высоты составляетъ около

30°; но, начиная съ этой высоты, западный и южный склоны становятся очень круты (до 60°); на этой же высотѣ начинаются образованія въ видѣ уступовъ или террасъ, которыя на послѣднихъ 650 метрахъ ниже вершины переходятъ въ фирновое поле, столь же круто поднимающееся до самой макушки горы; напротивъ, на сѣверной и южной сторонахъ подъемъ столь же постепененъ, какъ и на Маломъ Араратѣ, хотя нѣсколько отложе. По сѣверному склону проходитъ огромная разсѣлина съ отвѣсными стѣнами, высотою у верхняго конца до 1300 метровъ; она начинается отъ фирноваго поля, недалеко у верхушки, и спускается до 1950 метровъ высоты надъ уровнемъ моря; въ ней были расположены монастырь Св. Якова, а далѣе книзу—деревня Агурри; но въ этомъ столѣтіи и тотъ, и другая были засыпаны низринувшимся обваломъ. Верхняя половина разсѣлины выполнена глетчеромъ. Второй, повидимому меньшей величины, ледникъ залегаетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи въ узкой ложбинѣ; но и на южной сторонѣ баронъ Тильманъ, изъ превосходной книги котораго (Streifzüge in Kaukasus, in Persien und in der asiatischen Türkei. Leipzig. 1875. 8°. S. 154 — 156) заимствовано вышеприведенное описаніе, также видѣлъ большія массы льда; однако, ему не удалось ничего узнать ни о направленіи, ни о связи ихъ съ верхнимъ фирновымъ полемъ. Вѣчный снѣгъ покрываетъ макушку съ высоты 4352 метровъ и, повидимому, окружаетъ вершину сплошною шапкою фирна, за исключеніемъ тѣхъ частей, гдѣ разсѣлины и скалистыя стѣны не позволяютъ ему держаться.

Къ западу отъ Арарата находятся западные истоки Евфрата, а вблизи нихъ дымится Тандурекъ-Дагъ, или Сундерликъ-Дагъ, высотою въ 3800 метровъ. Восточный истокъ Евфрата, Мурадъ, можно считать южною границею Эрзерумскаго и Эриванскаго плоскогорій, которыя характеризуются большимъ числомъ живописныхъ озеръ. Важнѣйшее изъ нихъ — знаменитое Гокча или Севанга (1925 метр. высоты надъ уровнемъ моря), но оно сильно разочаровываетъ путешественника, ожидающаго узрѣть ладшафты поразительной красоты. Къ югу отъ Мурада примыкаетъ Баязетская столовая возвышенность, высотою въ 1800 метровъ; на ней лежитъ насыщенное солью озеро Ванъ, площадь котораго равна 3690 кв. километрамъ. Описанныя выше области преимущественно населены армянами, христіанскимъ народомъ безспорно индогерманскаго происхожденія, принадлежащимъ къ иранской семьѣ; нынѣ какъ народъ, такъ и земля его находятся подъ владычествомъ трехъ государствъ—Турціи, Россіи и Персіи.

Во многихъ мѣстахъ армяне сохранили въ величайшей чистотѣ свой племенной типъ, характеризующійся крючкообразно-искривленнымъ,

мясистымъ носомъ и густо сросшимися бровями; кромѣ того, армяне отличаются также въ отношеніи одежды и образа жизни. Армяне не пользуются большою любовью у сосѣднихъ народовъ; напротивъ, послѣдніе считаютъ для себя оскорбленіемъ, если ихъ примутъ за армянъ. Нечистоплотность, лѣность и жадность къ деньгамъ — эти свойственныя армянамъ качества вошли въ поговорку; хотя упреки, дѣлаемые имъ во многомъ и преувеличены, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать нравственнаго упадка этого народа, что̀ представляетъ естественное послѣдствіе политическаго рабства, продолжавшагося въ теченіи цѣлыхъ столѣтій. По указанной причинѣ, армяне, подобно евреямъ, сосредоточили все свое вниманіе на торговлѣ, которая цѣликомъ находится въ ихъ рукахъ; къ нимъ стекаются всѣ богатства, они господствуютъ на денежномъ рынкѣ, пользуются значительнымъ вліяніемъ въ торговомъ мірѣ, завидуютъ другъ другу и соперничаютъ между собою, но по отношенію къ иноземцамъ дѣйствуютъ сообща и не страшатся никакихъ жертвъ. По хитрости и изворотливости армяне превосходятъ всѣ прочіе народы; а главное вниманіе армянскихъ купцовъ направлено на покупку за дешевую цѣну плохихъ, непрочныхъ товаровъ, съ привлекательною внѣшностью, и на продажу ихъ за высокую цѣну, какъ первосортныхъ фабрикатовъ. Но, при полнѣйшемъ отсутствіи коммерческаго образованія и товаровѣдѣнія, даже лучшіе изъ армянскихъ купцовъ большею частью стоятъ на одной ступени развитія съ мелкими торгашами, а ихъ главное, руководящее правило — платить обманомъ за обманъ. Занимаясь предпочтительно и успѣшно торговлею, они часто наживаютъ большія богатства, но тщательно скрываютъ ихъ. Страсть къ накопленію богатствъ, которыхъ они не употребляютъ въ дѣло, и склонность къ скупости передаются по наслѣдству отъ отца къ сыну и составляютъ постоянные признаки армянина, гдѣ бы онъ ни поселился. Армяне распространены почти по всему Востоку, въ качествѣ богатыхъ купцовъ, и повсюду сохраняютъ свойственный имъ характеръ.

Робкіе и скрытные, они наружно преклоняются предъ своими повелителями, хотя въ глубинѣ души относятся къ нимъ презрительно. Отличаясь по природѣ мягкимъ характеромъ, армяне почти никогда не пытались отстаивать свою независимость съ оружіемъ въ рукахъ; довольные своими властителями, если тѣ не препятствовали ихъ любимому занятію—торговлѣ, они всегда уступали своимъ воинственнымъ и болѣе грубымъ сосѣдямъ. Можно даже сказать, что изъ всѣхъ христіанскихъ народовъ — армяне всего болѣе симпатизируютъ туркамъ; такое сочувствіе объясняется умѣньемъ каждаго армянина говорить по-турецки, не хуже, чѣмъ на своемъ родномъ языкѣ, а также спокойнымъ, серьезнымъ національнымъ характеромъ. Къ тому же, большею частью армяне стоятъ почти на одинаковой ступени развитія съ турками. Положеніе армянокъ не лучше положенія турчанокъ; онѣ не больше,

какъ прислужницы своихъ мужей. Чувственный мусульманинъ нерѣдко самъ становится рабомъ своей рабыни; холодный же, дѣловой армянинъ всегда сохраняетъ роль строгаго господина по отношенію къ своей женѣ. На армянской женщинѣ, словно на невольницѣ, лежитъ обязанность исполнять всѣ домашнія работы; она не смѣетъ даже садиться вмѣстѣ съ мужемъ за общій столъ, но должна служить своему повелителю. Дома армянки ходятъ безъ покрывалъ, но избѣгаютъ взора посторонняго мужчины. Во время пирушекъ женщины остаются въ отдѣльномъ, для нихъ отведенномъ, помѣщеніи, именно: сидятъ въ отгороженномъ деревянною рѣшеткою мѣстѣ большой залы дома, на $1\frac{1}{2}$ метра надъ поломъ, такъ что могутъ смотрѣть на пирующихъ внизу мужчинъ, но сами остаются невидимы. Этотъ обычай заслуживаетъ тѣмъ большаго сожалѣнія, что завистливая рѣшетка нерѣдко скрываетъ галерею замѣчательныхъ красавицъ. По волѣ родителей, обрученіе производится уже въ дѣтствѣ, но невѣстѣ почти вовсе не приходится видѣть своего будущаго супруга раньше замужества, да и послѣ брака, который исключительно строится на матеріальномъ разсчетѣ со стороны мужчины, не можетъ быть и рѣчи о взаимной привязанности, въ особенности при деспотическомъ отношеніи къ женщинѣ. Армянка всю свою любовь, всѣ нѣжныя чувства женскаго сердца посвящаетъ родителямъ, своимъ братьямъ и сестрамъ, а любовь къ дѣтямъ у нея часто обращается въ настоящую страсть.

Долгое время армяне оказывали сопротивленіе не столько безпечнымъ туркамъ, сколько русскимъ. Теперь же Россія, овладѣвъ Эриванью и всею мѣстностью, составляющею нынѣ Эриванскую губернію, оказываетъ большое вліяніе на армянскій народъ. Вблизи Эривани находится монастырь Эчміадзинъ, мѣстопребываніе армянскаго католикоса, которому принадлежитъ высшая власть не только въ духовныхъ, но нерѣдко и въ свѣтскихъ дѣлахъ. Торговля священными предметами, а также многочисленныя посѣщенія вѣрующими святыхъ мѣстъ приносятъ ему большіе сборы, которые онъ употребляетъ на пользу своего народа. Эчміадзинъ—центръ древней армянской культуры, и въ немъ, кромѣ различныхъ образовательныхъ заведеній, находится также и книгопечатня, а это на Востокѣ значитъ не мало. Недавно померъ армянскій католикосъ, и русскимъ удалось возложить этотъ санъ на преданнаго имъ константинопольскаго епископа изъ армянъ. Кто знаетъ, что значитъ у народовъ Востока быть главою духовнаго вліянія, тотъ пойметъ всю важность этого факта. Однако, въ послѣднее время среди армянской молодежи началось движеніе: въ Константинополѣ образовалась въ чисто-европейскомъ духѣ партія революціоннаго направленія, поставившая своею задачею пробудить въ армянскомъ народѣ дремлющій національный духъ, зажечь стремленіе къ самостоятельности обѣщаніями матеріальныхъ выгодъ, имѣющихъ для массы наибольшую притягательную силу, и обратить взоръ своего племени къ

чужеземцамъ, откуда можетъ явиться помощь. Страданія армянъ, живущихъ въ Турецкой имперіи, столь же велики, какъ и ихъ боснійскихъ и болгарскихъ сотоварищей по подданству; но объ этихъ бѣдствіяхъ менѣе знаютъ въ Европѣ, отчасти потому, что Арменія лежитъ въ сторонѣ отъ главнѣйшихъ путей движенія, отчасти потому, что армяне всегда молча и покорно сносили свои страданія и мирились съ тяжкою судьбою своего народа. Но теперь раздаются и ихъ голоса; теперь и они желаютъ быть удовлетворены при передѣлѣ Турецкой имперіи. Армяне нѣкогда образовывали единую націю въ 8 милліоновъ душъ; нынѣ же, по ихъ собственнымъ показаніямъ, на ихъ родинѣ, въ Великой Арменіи, вокругъ Арарата живетъ 2.500,000 человѣкъ; кромѣ того, 500,000 армянъ обитаютъ въ Малой Азіи и Сиріи; много тысячъ живетъ ихъ тоже въ Константинополѣ. Подобно другимъ христіанамъ, армяне жалуются на всевозможныя угнетенія и эксплоатацію со стороны господствующаго турецкаго племени. Но ко всѣмъ бѣдамъ, выпавшимъ на долю всѣхъ христіанскихъ народовъ Турціи, армяне къ тому же страдаютъ и отъ поселенія на границѣ ихъ курдскихъ, туркменскихъ и черкесскихъ ордъ, которыя грабятъ и раззоряютъ страну.

До настоящаго времени Турецкая Арменія составляла Эрзерумскій вилайетъ, послѣ Багдадскаго величайшій во всей Турецкой имперіи; но, не смотря на большую величину его, въ немъ всего считается около 900,000 жителей, въ число коихъ, кромѣ армянъ, входятъ еще туркмены, персіяне, курды и несторіанскіе христіане. Лишь въ самое послѣднее время, именно въ декабрѣ 1876 года, округа Мушъ, Ванъ и Гаккіари были отдѣлены отъ названнаго вилайета въ особое намѣстничество съ главнымъ городомъ Ванъ. Слѣдовательно, новый вилайетъ обнимаетъ весь обширный бассейнъ озера того же имени и альпійскую область Большаго Царба (притока Тигра); южную и западную границу его должна составлять линія, начинающаяся къ востоку отъ слiянія обоихъ истоковъ Тигра, затѣмъ она идетъ вдоль главнаго гребня Тавра и, наконецъ, поворачиваетъ къ сѣверу—къ большимъ хребтамъ Внутренней Арменіи.

Главный городъ новаго вилайета—Ванъ, населенный большею частью армянами и лишь въ незначительномъ числѣ курдами (изъ турокъ же тамъ живутъ только военные и разныя власти), обратилъ на себя вниманіе лишь недавно, именно вслѣдствіе страшнаго пожара на базарѣ, которымъ усердно воспользовалось магометанское городское населеніе для ограбленія армянскихъ лавокъ и жилищъ. Что такое явленіе на Востокѣ не новость, это само собою разумѣется; но достойно вниманія

то, что у мусульманъ безсознательно проявляется коммунистическій инстинктъ: они обыкновенно ничего не дѣлаютъ, однако заявляютъ незаконныя притязанія на собственность христіанскихъ жителей, добытую трудомъ. Здѣсь же состоятельную часть населенія представляютъ армяне. Гдѣ существуетъ промышленная дѣятельность, тамъ она ведется армянами; посредничествомъ въ торговыхъ дѣлахъ съ отдаленными пунктами, напр. Діарбекиромъ и Тегераномъ, также занимаются армянскіе капиталисты; наконецъ, армяне — главные производители въ странѣ. Что же касается курдовъ, то дѣятельность ихъ лишена всякаго хозяйственнаго значенія, если не упоминать о томъ сырьѣ, какое доставляютъ кочевникамъ ихъ стада и которое они должны сбывать для покупки другихъ продуктовъ, чтобы не погибнуть отъ голода.

Нигдѣ въ Турецкой Азіи курдская разнузданность не принесла столь обильныхъ плодовъ, какъ на этой terra incognita. Еще въ настоящее время здѣсь кочуетъ не мало очень непокорныхъ племенъ, территорія которыхъ окружаетъ страшнымъ кордономъ одинокій городъ плоскогорья. Такъ, существуютъ гейдеранлійскіе курды, которые на сѣверъ отъ озера занимаютъ обширныя пастбища отъ Сипанъ - Дага (высотою въ 3650 метровъ), величественнѣйшей снѣговой вершины въ странѣ, до восточнаго истока Евфрата; затѣмъ слѣдуютъ шамседдинлы—къ востоку отъ озера и гертоши (въ странѣ древнихъ кардушей; по ней проходилъ Ксенофонтъ)—на юго-востокѣ, уже въ альпійской области истоковъ восточнаго Тигра и рѣки Царбъ. Но самою худою славою пользуются курды гормаклы; однако они наименѣе страшны для жителей Вана, ибо родина ихъ—высокая (3050 м.) снѣговая гора Бингель-Дагъ («горы тысячи озеръ», хотя изъ послѣднихъ нѣтъ ни одного), на югъ отъ Эрзерума, слѣдовательно между обоими истоками Евфрата, къ сѣверу отъ Муша. Всѣ эти мѣстности были, какъ полагаютъ, первоначальнымъ отечествомъ курдовъ, принадлежность коихъ къ индогерманской семьѣ давно доказана извѣстными этнологами; курды и до нашихъ дней сохранили старинныя патріархальныя учрежденія. Не всегда отличаясь рыцарствомъ, какъ то утверждаютъ нѣкоторые путешественники, посѣщавшіе иныхъ изъ курдскихъ предводителей,—курды, однако, характеризуются гордымъ, но открытымъ, привѣтливымъ характеромъ независимыхъ горскихъ народовъ; эти простыя качества приносятъ вредъ лишь тамъ, гдѣ курды приходятъ въ частое общеніе съ негодною оттоманскою провинціальною бюрократіею. Правительство, проявлявшее свои беззаконія въ тысячахъ разныхъ мелочей, могло только оскорблять нравственное чувство горцевъ; это вліяло тѣмъ болѣе вредно, что у нихъ и безъ того слабо представленіе о своемъ и чужомъ,—и тамъ, гдѣ курдамъ не пришлось избѣжать преслѣдованій и угнетенія турецкихъ властей, изъ нихъ выработались лицемѣры, клятвопреступники, ловкіе воры и грабители.

Но всего хуже такое положеніе дѣлъ въ Несторіанскомъ округѣ, именно въ Гакари или Гакіари, въ области истоковъ Большаго Царба. Эта мѣстность на западѣ ограничена кряжемъ Джебель-Джуди, громоздящимся между названною рѣкою и Тигромъ, и простирается на востокъ до персидской границы. Такова мѣстная граница несторіанъ на турецкой землѣ; но несторіане живутъ также въ сѣверо-западной Персіи, особенно вокругъ озера Урумія, а разбросанныя общины ихъ встрѣчаются даже въ сѣверной Месопотаміи (близъ Фейшъ-Хабура и на южныхъ склонахъ Часпи), ихъ бывшемъ мѣстопребываніи, откуда ихъ вскорѣ вытѣснило нашествіе народовъ въ средневѣковую эпоху. Этотъ народъ—да позволено намъ будетъ такое сравненіе—представляетъ собою сохранившійся эрратическій камень нѣкогда могущественной церкви, общины которой были распространены на громадномъ пространствѣ — отъ Евфрата до Великой Китайской стѣны. До настоящаго времени лишь немногимъ путешественникамъ удалось изслѣдовать ихъ теперешнюю родину, причину чего должно искать столько же въ неприступности большинства областей альпійской страны, сколько въ дикости жителей, причемъ какъ христіане-несторіане, такъ и магометанскіе курды одинаково оправдываютъ эту славу. Долина рѣки Царба—единственный проходъ; она разсѣкаетъ главную массу альпійской страны. По обѣимъ ея сторонамъ расположены опасные притоны лейхунскихъ курдовъ; среди этого-то необузданнаго племени явился Бедръ-Ханъ, произведшій въ сороковыхъ годахъ страшное избіеніе христіанъ. Вражда и теперь еще часто возгарается, особенно въ области Тіяри, гдѣ между снѣговыми вершинами въ обильныхъ водою долинахъ, подъ громадными орѣховыми деревьями, разбросаны каменныя лачуги несторіанъ. Но никто изъ хорошо знакомыхъ съ необузданностью горцевъ не подумаетъ, что нынѣ положеніе христіанъ лучше въ этомъ заброшенномъ уголкѣ Азіатской Турціи.

Что касается хозяйственной производительности новаго вилайета, то имѣется слишкомъ мало статистическихъ данныхъ, чтобы можно было представить что-либо обстоятельное въ этомъ отношеніи. Начнемъ съ жителей: численность народонаселенія около 350,000 душъ, изъ коихъ двѣ-трети магометанъ (курдовъ, турокъ, туркменовъ) и одна треть христіанъ (несторіанъ и армянъ). Какъ уже было сказано, всего гуще населена равнина Муша. Несторіанскій округъ Гакари имѣетъ около 14,000 домовъ и много военныхъ постовъ (въ Геверѣ, Кошабѣ, Дьюлемаркѣ и др.). Примитивное производство даетъ мало; главные продукты — плоды, въ томъ числѣ мушскій виноградъ, изъ котораго приготовляется также вино, и земледѣльческія произведенія: пшеница, рожь, кукуруза, просо, бобы и отчасти рисъ. Успѣшно произрастаютъ также хлопчатникъ и тутовое дерево, а равно табакъ близъ Муша и Битлиса. Какъ говорятъ, залежи рудъ (мѣди, олова и желѣза) находятся на западѣ, въ бассейнѣ Евфрата, во многихъ мѣстахъ; но изъ мине-

ральныхъ произведеній добываются и вывозятся только соль (изъ озера Ванъ), сѣра, квасцы, нефть и немного желѣза. Преобладающія древесныя породы суть: кленъ, пирамидальный тополь, береза и сосна; высокія горы голы, а лѣсное хозяйство, какъ легко представить, находится въ совершенномъ небреженіи. Соотвѣтственно образу жизни многихъ кочующихъ курдскихъ племенъ, скотоводство, само собою разумѣется, есть главнѣйшій промыселъ; въ этой странѣ имѣется даже разновидность ангорской козы, шерсть которой подвергается разнообразной переработкѣ. Кромѣ того, производятся: шерстяныя, шелковыя, бумажныя издѣлія, ковры, курдская глиняная посуда, металлическія вещи, въ особенности оружіе, полотна, бумажный товаръ. Климатъ вообще здоровый; въ Гакари суровыя зимы чередуются съ необыкновенно жаркимъ лѣтомъ въ долинахъ. (Baron Schweiger-Lerchenfeld, въ Oesterr. Monatschrift für den Orient, 15 марта 1877 года).

Все нами сказанное характеризуетъ также народы и земли, которыя, къ югу отъ озера Ванъ, образуютъ Діарбекирскую возвышенную страну, около 1000 метровъ средней высоты. Это — самая верхняя часть бассейна рѣки Тигра, древняя Ассирія или Курдистанъ, т. е. страна курдовъ, общая численность которыхъ составляетъ отъ 2 до 3 милліоновъ. Главный городъ этой области, или турецкаго вилайета, въ которомъ господство турокъ очень шатко, есть Діарбекиръ, съ 40,000 жителей; этотъ городъ представляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, единственное, заслуживающее упоминанія, мѣсто Курдистана, крайній сѣверный пунктъ, до котораго простирается арабское населеніе и арабскій языкъ. Природнаго разграниченія между Арменіею и Курдистаномъ не существуетъ; послѣдній все болѣе и болѣе понижается къ Месопотамской низменности. На востокѣ возвышенная страна Арменіи сращивается съ западнымъ концомъ Иранскаго плато, и къ этимъ столовымъ возвышенностямъ принадлежатъ двѣ альпійскія мѣстности: описанная уже, дикая горная страна несторіанъ, вблизи озера Ванъ, и лежащая далѣе къ востоку котловина, вокругъ богатаго островами озера Урумія, именно персидская провинція Азербейджанъ. «Дикія, разорванныя плутоническими силами и покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ горы окружаютъ съ сѣверо-востока и юга это озеро (4400 квадр. километровъ), все еще лежащее на 1200 метровъ надъ уровнемъ моря; содержаніе въ немъ соли, распознаваемое уже издали по проницательному запаху, значительно превосходитъ количество ея въ озерѣ Ванъ. Къ западному берегу примыкаетъ плодородная, густо населенная равнина». (Daniel. Ibid., S. 253).

Городъ Ванъ.

ГЛАВА III.

Месопотамская низменность.

Горныя мѣстности Курдистана постепено переходятъ на югѣ въ плоскую поверхность, орошаемую рѣками-близнецами—Тигромъ и Евфратомъ и простирающуюся на юговостокъ до Персидскаго залива. Обѣ рѣки, стекающія съ уступовъ Арменія, вообще говоря имѣютъ параллельное одна другой направленіе; въ своемъ теченіи онѣ неоднократно то сближаются, то отдаляются и, наконецъ, соединяются у Курны, уже вблизи моря, образуя одинъ потокъ — Шаттъ-эль-Арабъ, впадающій въ Персидскій заливъ. У Багдада разстояніе между Тигромъ и Евфратомъ—самое незначительное; вслѣдствіе сказаннаго, замкнутая между рѣками страна раздѣляется на двѣ половины—сѣверную или верхнюю и южную или нижнюю; обѣ эти половины въ цѣломъ напоминаютъ фигуру песчаныхъ часовъ. Означенная страна называлась въ древности Месопотаміею или Междурѣчьемъ; теперь же турки именуютъ: сѣверную половину—Эль-Джезирэ, или «Островомъ», а южную—Иракъ-Араби, или «Арабскій Иракъ», въ противоположность сосѣдней Персіи, или Иракъ-Аджеми.

Страна по верхнему теченію Евфрата напоминаетъ побережье Рейна, среднее теченіе можно сравнить съ Дунаемъ, а нижнее — съ Ниломъ. Эти переходы служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ характеристикою природы прилегающей къ рѣкѣ Месопотаміи. Близъ лагеря Гуртукъ рѣка съ силою пролагаетъ себѣ путь чрезъ горную породу и образуетъ водоворотъ Гурла въ томъ мѣстѣ, гдѣ она большимъ водопадомъ низвергается съ отвѣсныхъ скалъ. Безчисленныя мели, покрытыя волнами рѣки, внезапный подъемъ и опусканіе воды чрезвычайно затрудняютъ судоходство. Въ сѣверной половинѣ страна на своей окраинѣ представляетъ еще холмистыя мѣстности и террасы; далѣе же — степныя, часто даже совершенно пустынныя равнины, зеленѣющія только весною. Южнѣе впаденія Хабура, лѣваго притока, вытекающаго изъ Джезирэ, тянется роковая пустыня. Здѣсь, на лѣвомъ, месопотамскомъ, берегу, простирается, подобно морю, сплошное поле, поросшее полынью и населенное лишь дикими ослами, драхвами, да недостижимыми страусами. Надъ этою равниною проносятся страшные вихри; однимъ изъ нихъ 21 мая 1836 года была схвачена паровая лодка англійской экспедиціи на Евфратѣ, подъ начальствомъ полковника Чеснея, у Верди, непода-

леку отъ Анаха, и погребена безнадежно въ землѣ. Полчаса спустя, снова показалось солнце, какъ будто бы ничего не случилось, и надъ злосчастнымъ мѣстомъ подулъ тихій вѣтерокъ. Рѣки-близнецы, соединившіяся въ Шаттъ-эль-Арабъ, протекаютъ по ровной, плодородной низменности, сопровождаясь повсюду деревьями и пальмовыми рощами, лугами и искусственными гидравлическими сооруженіями. На 70 километровъ выше устья, близъ Могамеры, тамъ, гдѣ направляющійся изъ Хузистана, или Арабистана, Карунъ вливается въ Шаттъ, начинается дельта послѣдняго; изъ многихъ рукавовъ лишь одинъ судоходенъ. Почти въ теченіи шести мѣсяцевъ продолжающіяся наводненія, происходящія отъ таянія снѣговъ на горахъ, гдѣ берутъ начало истоки этой рѣки, съ марта по іюнь, а также вслѣдствіе осеннихъ дождей въ октябрѣ,—превращаютъ дельту въ болото и озеро. Подъ раскаленнымъ небомъ, такъ сказать, на порогѣ области дельты, въ нездоровомъ, болотистомъ, но очень благопріятномъ для торговли мѣстѣ, на рѣкѣ Шаттѣ, лежитъ Басра или Бассора, теперь не болѣе какъ тѣнь нѣкогда великаго города. Къ востоку отъ стремительнаго Тигра, на берегахъ котораго стоятъ важнѣйшие города страны: Мосулъ (недалеко отъ него развалины древней Ниневіи) и Багдадъ, тянутся въ нѣкоторомъ отдаленіи склоны Персидской возвышенной страны; съ запада же Месопотамія имѣетъ своимъ единственнымъ сосѣдомъ громадную Сирійскую пустыню, простирающуюся между Евфратомъ и областью Ливаномъ, вдоль сирійскихъ береговъ Средиземнаго моря.

Месопотамская низменность находится подъ турецкимъ владычествомъ; Эль-Джезирэ, вмѣстѣ съ Курдистаномъ, соединенъ въ Діарбекирскій вилайетъ; низменность-же Иракъ-Араби, напротивъ, образуетъ Багдадскій вилайетъ, величайшій изъ всѣхъ областей, состоящихъ подъ турецкимъ владычествомъ; по величинѣ, Багдадскій вилайетъ превосходитъ соединенное королевство Италію и лишь вдвое менѣе Франціи. Если мы подумаемъ о томъ, что протяженіе вилайета почти соотвѣтствуетъ величинѣ древнихъ Ассиріи и Вавилоніи, то вправѣ будемъ ожидать, что еще и теперь это чрезвычайно важное положеніе должно оказывать вліяніе на страну и народъ и сохранять за этою областью характеръ соединительнаго звена Средней, Южной и Сѣверной Азіи. Дѣйствительно, почти трехмилліонное населеніе Месопотаміи состоитъ изъ различнѣйшихъ элементовъ; господствующая раса—османы—имѣетъ здѣсь всего менѣе представителей; кромѣ нихъ, въ Месопотаміи обитаютъ: персіяне, армяне, курды, греки, несторіане и, наконецъ, евреи. Сельское населеніе предпочтительно состоитъ изъ арабовъ, отчасти также, въ особенности по Шатту, изъ кочующихъ араб-

скихъ племенъ, бедуиновъ, связанныхъ съ Портою лишь слабыми узами подданства, даже въ нѣкоторомъ отношеніи и вовсе отъ нея (да и ни отъ кого) независимыхъ.

«Положить конецъ романтической жизни бедуиновъ на Шаттъ-эль-Арабѣ не такъ-то легко, ибо природа кочевника дѣлаетъ безполезною всякую попытку пріучить его къ правильному, законному порядку вещей; изгнаніе же бедуинскихъ племенъ очень мало помогло бы. Впрочемъ, оттоманское правительство всего менѣе обладаетъ силою и способностью насадить высшую культуру въ арабскомъ Иракѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ назадъ тому нѣсколько десятилѣтій, большія кочующія племена низменности, какъ то: анецп, шамара, монтефикъ и бенилам ъ, начали тѣснить правителей, послѣдніе до настоящаго времени только и заботились о поддержаніи status quo. Поэтому и здѣсь исторія послѣднихъ десятилѣтій — ни что иное, какъ вѣчная вражда, изъ которой побѣдителями нерѣдко выходили враги турецкаго правительства. Если бы арабскія племена Месопотамской низменности соединились между собою, то правительству далеко не легко было бы справиться съ большими ордами, которыя часто выставляютъ въ поле отъ 10,000 до 20,000 способныхъ къ войнѣ всадниковъ.... На Шаттѣ господствуетъ фиктивное правительство, власть, которую лишь терпятъ, да и то до извѣстной степени, и если бы въ настоящее время племенамъ представился подходящій поводъ возстать противъ правительства, то они забыли бы старую братскую ненависть, и тогда турецкому господству пришлось бы плохо въ Иракѣ». Только тотъ, кто проѣзжалъ по громаднымъ пространствамъ вблизи рѣкъ-близнецовъ, и можетъ составить себѣ настоящее понятіе объ османской «власти». Здѣсь не въ рѣдкость встрѣтить, что знаменитые степные разбойники принимаются на государственную службу, дабы тѣмъ купить ихъ покорность. Даже въ долинѣ Евфрата присутствіе турецкихъ властей чувствуется не особенно сильно. Послѣ многодневныхъ переходовъ, кое-гдѣ наткнешься на стражу, которая пріютилась въ маленькомъ блокгаузѣ и цѣлые мѣсяцы проводитъ въ безутѣшномъ одиночествѣ и бездѣятельности; вообще вся громадная пограничная линія на югѣ азіатскихъ провинцій производитъ такое впечатлѣніе, словно она находится въ рукахъ непріятеля. На большинствѣ картъ эта граница показана еще южнѣе, именно въ Сирійско-Аравійской пустынѣ; но тамъ въ дѣйствительности господствуютъ лишь безпокойныя кочующія племена, собирающія дань съ торговыхъ каравановъ и никому не дозволяющія проходить чрезъ свою область. Впрочемъ, вступленіе въ оффиціальное владѣніе этою территоріею—задача совершенно безцѣльная, такъ какъ эта земля—пустыня въ истинномъ значеніи этого слова. Далѣе къ югу поднимаются пустынныя же столовыя возвышенности до горнаго узла Джауфъ, отдѣляющагося къ сѣверу отъ Аравійской воз-

*

вышенной страны. Въ этихъ мѣстахъ никогда не была нога ни турка, ни другаго европейскаго путешественника. (Schweiger - Lerchenfeld. Unter dem Halbmonde. S. 193—195).

Ни одна провинція Турецкой имперіи, говоритъ А. Шпренгеръ, не пришла въ большій упадокъ, какъ древняя Ассирія; въ сравненіи съ нею, несчастный Балканскій полуостровъ и Малая Азія, даже Сирія и Діарбекиръ, находятся въ цвѣтущемъ состояніи. Обильная пальмами дельта Шатта превосходитъ нильскую по плодородію, да и нивы древней Ассиріи въ этомъ отношеніи едва-ли уступятъ благословеннымъ полямъ Верхняго Египта. Земли, лежащія по Тигру, могли-бы прокормить 30-ти милліонное населеніе. Что же представляетъ эта провинція въ настоящее время?

Въ томъ политически и стратегически важномъ пунктѣ, гдѣ Тигръ пробиваетъ обрамляющія его съ юга горы и образуетъ до нѣкоторой степени естественную границу между Курдистаномъ и возвышенною Месопотаміею, лежитъ турецкій городъ Мосулъ, названіе котораго перешло и на производимый тамъ «муслинъ». Въ настоящее время городъ имѣетъ самое большее 30,000 жителей. Обитаемая часть города тянется вдоль рѣки, и вмѣсто эпитета «жалкій, грязный» и т. д., подходящаго къ каждому восточному городу, достаточно замѣтить, что онъ, повидимому, не улучшается, не возрастаетъ, а приходитъ въ большій упадокъ. Но для любителя древности это мѣсто священно, вслѣдствіе того, что вблизи него находятся развалины Ниневіи, за изслѣдованіе которыхъ усердно принялись лишь въ послѣднее время. На востокѣ разстилается обширная культурная страна. Ограниченная на сѣверѣ крутыми стѣнами безобразныхъ известковыхъ горъ, она теряется въ необозримой дали, доходя до берега Тигра, который окаймленъ съ правой стороны Месопотамскою степью. Лишь незначительныя холмообразныя возвышенности прерываютъ небольшое плато, а на округлыхъ верхушкахъ виднѣются многочисленныя деревушки, большею частью прислоненныя къ «тумули», т. е. къ тѣмъ загадочнымъ искусственнымъ курганамъ (или могиламъ), которыя встрѣчаются не только въ Передней Азіи, но и въ Европейской Турціи, южной Россіи, даже въ помм ранскихъ и мекленбургскихъ маршахъ. Рядомъ съ этими безчисленными курганами, возвышаются деревни курдовъ, занимающихся земледѣліемъ; выбѣленныя гробницы святыхъ кое-гдѣ украшаютъ необозримыя зеленыя поверхности до самаго Тигра, гдѣ начинается низменность, а вмѣстѣ съ нею и арабское населеніе. Ни одно изъ кочующихъ въ Месопотаміи племенъ никогда не пыталось покинуть свои степи и проникнуть въ предгорія Курдистана. Во всѣхъ областяхъ по теченію Тигра и Евфрата, по ту сторону Тавра, путешествен-

никъ встрѣчаетъ черный конусовидный шатеръ араба лишь послѣ того, какъ онъ перешелъ послѣднiй плоскiй склонъ горъ и проникъ въ необозримую степь съ ея искрящимися осадками силикатовъ. Но по культурѣ эта часть не отличается отъ южнаго Курдистана. Съ переходомъ послѣдняго кряжа горъ, взоръ прежде всего упадаетъ на подобную саду мѣстность, разстилающуюся у нашихъ ногъ. На востокѣ она окаймлена голубою лентою—это Дiала; на западѣ же протекаетъ Тигръ, уже болѣе невидимый. Безчисленные каналы прорѣзываютъ низину; среди обширныхъ нивъ ея, подобно зеленымъ островамъ, раскинуты пальмовыя рощи. Выбѣленные мавзолеи, арабскiе марабуты сiяютъ вдали, а съ усѣянныхъ развалинами холмовъ, расположенныхъ между деревнями, блестятъ всѣми красками безчисленные черепки терракоты. Теперь мы въ низменности Багдада, отстоящаго менѣе чѣмъ на два дня пути. На сколько доставляетъ наслажденiя поразительная свѣжесть панорамы, открывающейся съ горъ, на столько же мало привлекательно странствованiе по низменности. Знойное солнце нестерпимо палитъ надъ высохшими каналами; вьючныя животныя или лошади попадаютъ въ ямы, поросшiя тростникомъ и камышемъ. Воздухъ удушливъ и невыносимо тяжелъ; своими сѣрыми парами онъ волнуется подобно морю, и даже пальмовыя рощи исчезаютъ.... Далѣе, надъ паровою массою выступаютъ верхушки пальмъ, и солнце смотритъ мрачнѣе изъ подъ закутывающаго его покрывала. Такъ продолжаетъ свою дорогу путникъ, пока предъ нимъ не вынырнутъ обвалившiяся стѣны — крѣпостной валъ бывшей резиденцiи калифовъ.

Багдадъ, этотъ нѣкогда самый блестящiй городъ ислама, на первый взглядъ производитъ грустное и подавляющее впечатлѣнiе. Узкiе, кривые переулки, грязныя лавчонки на базарѣ или развалившiяся мазанки, быть можетъ подмытыя полою водою Тигра — вотъ что прежде всего попадается на глаза путешественнику. При въѣздѣ въ Багдадъ чрезъ сѣверныя ворота, его взорамъ представляется еще лучшая часть города. Туристъ, приставшiй, напримѣръ, къ персидскому каравану, идущему изъ Мендели, вступаетъ въ городъ чрезъ ворота Шейха-Омера. Воротная арка давнымъ давно обвалилась, и съ трудомъ взбираются мягкокопытные верблюды чрезъ бреши, образовавшiяся въ низринувшихся бастiонахъ съ теченiемъ времени. Вблизи встрѣчаются лишь груды развалинъ, стоячiя болота и лужи; стая дикихъ собакъ разбѣгается въ страхѣ, заслышавъ зычный крикъ каравано-вожатаго. Надъ городомъ кружится коршунъ пустыни, а у самыхъ воротъ масса вороновъ лакомится падалью. (Schweiger-Lerchenfeld. Ibid. S. 183—192). Часть города на восточной сторонѣ Тигра называется Новымъ, а на западной сторонѣ— Старымъ Багдадомъ. Первый, въ которомъ находятся правительственныя мѣста, средоточiе торговли и движенiя, а также бо̀льшая часть общественныхъ зданiй, обширнѣе и гораздо важнѣе Стараго Багдада, окруженнаго большимъ лѣсомъ пальмъ и апельсиновыхъ деревъ, длиною почти

въ 5 километровъ. Старый городъ имѣетъ форму полукруга, такъ какъ онъ узокъ на обоихъ концахъ. Въ срединѣ эта часть города не имѣетъ даже полукилометра ширины. Со стороны пустыни она защищена валомъ съ двумя башнями; обращенная же къ рѣкѣ сторона вовсе не имѣетъ стѣнъ. Багдадъ, подобно оазису, лежитъ въ пустынѣ, и она отчасти придаетъ городу особый характеръ. Ни на одинъ большой городъ Азіатской Турціи пустыня не оказываетъ столь большаго вліянія, какъ на Багдадъ; ни одинъ изъ нихъ не соединенъ столь непосредственно съ Аравіею, какъ Багдадъ. Филологъ найдетъ достаточное доказательство сказанному уже въ чистомъ арабскомъ языкѣ, на которомъ говорятъ въ Багдадѣ; но столь же сильное подтвержденіе представляетъ также добродѣтель бедуиновъ—гостепріимство, способъ оказывать послѣднее и вообще вся повседневная жизнь багдадцевъ, особенно ихъ отношеніе къ иновѣрцамъ. Тамъ, гдѣ исламъ все еще пронизываетъ людей до мозга костей, гдѣ люди и понынѣ не имѣютъ никакого или почти никакого понятія о нашихъ европейскихъ отношеніяхъ и нашей культурѣ, мусульмане все еще считаютъ себя носителями благодати, которой, по ихъ мнѣнію, лишены христіане и евреи. Однако, мы предпочитаемъ имѣть дѣло съ багдадцами, нежели съ мусульманами Передней Азіи, ибо у первыхъ и понынѣ сохранилось во всей первоначальной свѣжести убѣжденіе въ превосходствѣ своей религіи и цивилизаціи, наивное сознаніе собственнаго достоинства, болѣе твердый и открытый характеръ. Но сказанное относится только къ мусульманамъ-арабамъ; однако, какъ въ Иракѣ, здѣсь смѣшеніе народовъ искони было очень сильнымъ, такъ что и въ Багдадѣ мы еще теперь встрѣчаемъ различные этнографическіе элементы. По оптимистическому отчету, помѣщенному въ «Allgemeine Zeitung» (29 іюня 1875 года) и заслуживающему малаго довѣрія, населеніе Богдада состоитъ изъ 150,000 магометанъ, 18,000 іудеевъ, 300 армянъ, 1800 римско-католиковъ, 100 сирійскихъ и 200 халдейскихъ христіанъ, наконецъ — 20 европейцевъ; слѣдовательно, всего ихъ 172,100 душъ! Профессоръ д-ръ Сосинъ (Socin), одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Востока, напротивъ, опредѣляетъ численность багдадскаго населенія въ 50,000 — 60,000 душъ, ибо нѣкоторые кварталы почти совсѣмъ пусты. Равнымъ образомъ, по мнѣнію барона Швейгера, совершенно ошибаются тѣ, кто придаетъ современному Багдаду сколько нибудь важное значеніе. До нѣкоторой степени онъ, пожалуй, не лишенъ торговаго значенія, благодаря сообщеніямъ по его могучей рѣкѣ, протекающей въ лишенной дорогъ странѣ. До Багдада по ней могутъ ходить круглый годъ пароходы порядочной величины. Съ сѣвера почти ежедневно прибываютъ такъ называемые «келлекъ», т. е. суда, состоящія изъ раздутыхъ козьихъ шкуръ съ лежащими на нихъ досками; на «келлекахъ» курды и христіане сплавляютъ въ Багдадъ много лѣса съ Курдскихъ горъ, ибо онъ представляетъ въ этомъ городѣ довольно цѣнный товаръ, хотя это не мѣшаетъ выжигать

послѣдній кустарникъ въ пустынѣ. Эти курды и христіане, продавъ свой лѣсъ, возвращаются обратно, приставъ къ какому-либо каравану, на что требуется нѣсколько дней; шкуры раздѣлываютъ и также перевозятъ на вьючныхъ животныхъ. Своеобразная лодка, употребляемая въ Багдадѣ, называется «куфъ». Куфъ — круглая лодка, діаметромъ въ $1\frac{1}{2}$—$2\frac{1}{2}$ метра, вверху съ отогнутыми краями; большею частью ее строятъ изъ толстаго тростника и снаружи сильно смазываютъ смолою. При разводкѣ моста, куфщики (лодочники) занимаются перевозкою пассажировъ съ одного берега на другой, однако волны сильно качаютъ легкую лодку. Лодочники тогда дѣлаютъ паруса изъ своего платья; дѣйствительно, грести противъ теченія трудно. Точно также въ Багдадѣ имѣется и нѣсколько лодокъ, устроенныхъ на европейскій манеръ. Дома, виднѣющіеся на берегу при ѣздѣ на куфѣ, не красивы; бросается въ глаза лишь нѣсколько зданій, напримѣръ, караванъ-сарай; впрочемъ, и онъ отличается развѣ величиною; но въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моста внизъ по теченію стоитъ «мустансирія», теперешняя таможня; еще ниже — большое зданіе англійскаго консульства, съ великолѣпною длинною террасою, спускающеюся къ рѣкѣ. Пароходы обыкновенно пристаютъ у таможни или немного ниже города. Къ рѣкѣ ведетъ нѣсколько маленькихъ переулковъ. Водоносы постоянно черпаютъ въ этихъ мѣстахъ воду въ бурдюки и несутъ послѣдніе, чаще всего на своей собственной спинѣ, въ отдаленныя части города. Вода Тигра здорова, и иностранецъ скоро находитъ ее вкусною, такъ какъ другой воды въ городѣ не имѣется. (A. Socin въ Ausland, 1876, № 36, S. 703—704).

Недалеко отъ Багдада, но къ западу отъ Евфрата, лежитъ мѣстечко Кербела, главное святилище магометанъ-шіитовъ, слѣдовательно персіянъ. Она построена вокругъ гробницы Гусейна, внука Магомета и сына Али. Одинъ изъ символовъ шіитства гласитъ, что тѣмъ магометанамъ, которые живутъ или умираютъ въ Кербелѣ, въ особенности вблизи святыхъ гробницъ, нечего бояться ада, и что они не отвѣтственны предъ Создателемъ въ своихъ дѣяніяхъ на землѣ. Вѣра въ это до такой степени сильна, что тѣ, кто не можетъ жить вблизи этихъ священныхъ мѣстъ или, по крайней мѣрѣ, умереть, назначаетъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, чтобы его посмертные останки были привезены въ Кербелу и тамъ погребены. Сотни тысячъ покойниковъ препровождаются изъ Персіи и другихъ мѣстностей для погребенія въ Кербелѣ. Многочисленныя толпы шіитскихъ богомольцевъ ежегодно посѣщаютъ Кербелу, а тотъ, кто ходилъ на поклоненіе къ этимъ святымъ мѣстамъ, въ теченіе всей своей жизни съ гордостью носитъ названіе «кербельца». Немного южнѣе Кербелы на Евфратѣ расположенъ городокъ Гиллехъ, который, въ противоположность черезчуръ густо населенный, мрачной Кербелѣ, въ отношеніи чистоты проявляетъ все возможное для Ирака; онъ ведетъ очень большую торговлю финиками, зерновымъ хлѣбомъ и

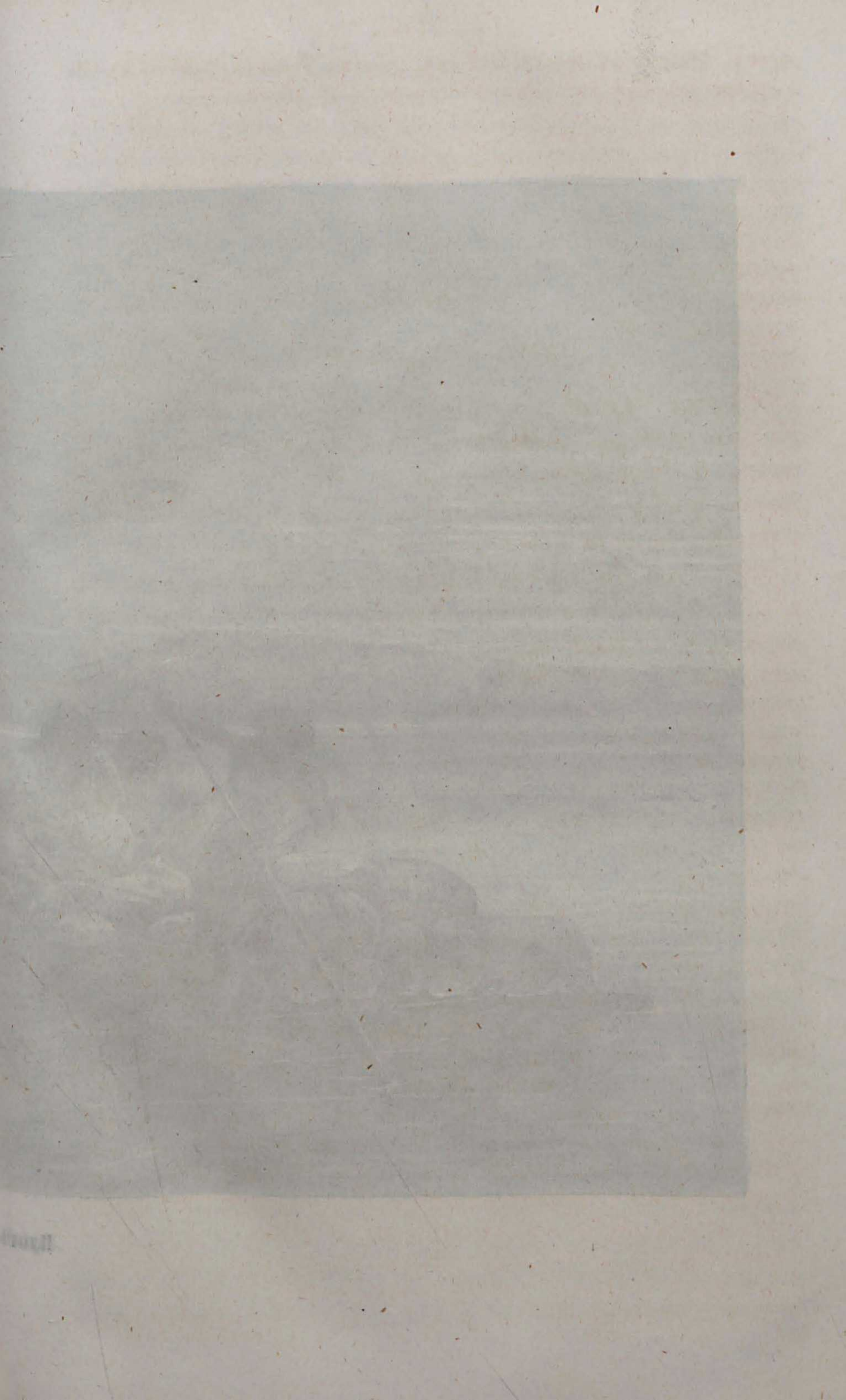
рисомъ. На лѣвомъ берегу Евфрата, противъ Гиллеха, лежатъ на обширномъ пространствѣ развалины древняго Вавилона.

ГЛАВА IV.

Сирія и Палестина.

Обширная Сирійско-Аравійская пустыня отдѣляетъ земли, лежащія по Евфрату, отъ береговой полосы Средиземнаго моря, которая тянется на сѣверъ отъ залива Искандеруна до Суэзскаго перешейка. Пустыня эта представляетъ известковое и мѣловое плато, постепенно поднимающееся до 600 метр. высоты надъ уровнемъ моря; на югѣ оно далеко заходитъ на полуостровъ Аравію, на западѣ круто спускается къ большой трещинѣ или продольной долинѣ, которая, такъ сказать, образуетъ восточную границу береговой области, извѣстной подъ именемъ Сиріи, а въ своей южной части—подъ названіемъ Палестины.

Если мы взглянемъ на хорошую карту этой части земли, то намъ тотчасъ же бросится въ глаза чрезвычайная простота ея расчлененія. Побережье тянется почти въ строгомъ направленіи съ сѣвера на югъ, прерываемомъ лишь немногими и незначительными выступами и врѣзами, а на участкѣ къ югу отъ Бейрута очертаніе берега представляетъ очень прямую линію. Вдоль всего берега, параллельно ему, тянется рядъ возвышенностей, которыя чѣмъ дальше къ югу, все ближе подступаютъ къ морю и возрастаютъ въ высотѣ; между ними и моремъ остается лишь узкая полоса земли. По берегамъ Палестины расположены равнины Сефела, Саронъ и Акка, позади которыхъ возвышаются названныя возвышенности въ видѣ широкаго плато. Эта часть носитъ названіе нагорныхъ земель къ западу отъ Іордана; онѣ, постепенно съуживаясь, переходятъ въ высокія горы Джебель-эль-Гарби или Западныя горы (Ливанъ), отъ которыхъ ихъ отдѣляетъ глубокая долина прорывающаго ихъ Нахръ-эль-Литани (Леонта). Сѣвернымъ продолженіемъ Ливана служатъ горы Джебель-Нузаиріэ или Нозаиріэ, незначительной высоты, простирающіяся до 36° с. ш. Позади, т. е. къ востоку отъ этого ряда плоскогорій и цѣпей, параллельно имъ, а слѣдовательно и берегу моря, идетъ глубокая продольная долина, называемая Эль-Хоръ, къ которой спускаются какъ западно-іорданскія столовыя возвышенности, такъ равно Ливанъ и Джебель-Нузаиріэ. Хоръ



Плотъ на Тигрѣ.

характеризуется теченіемъ двухъ рѣкъ, протекающихъ по немъ въ противоположныхъ направленіяхъ, именно: Нахръ-эль-Ази (Оронта), который беретъ начало въ части Хора — Эль-Бекаѣ (Келесиріи) и придерживается направленія съ юга на сѣверъ, затѣмъ быстро и круто измѣняетъ свое параллельное берегу теченіе на западное и у Антаки (Антіохіи) достигаетъ близко лежащаго Средиземнаго моря, обогнувъ предварительно сѣверный конецъ Нозаирскихъ горъ, которыя эта рѣка и отдѣляетъ отъ Альма-Джебель (Амана). Въ обратномъ же направленіи, съ сѣвера на югъ, течетъ составляющійся изъ трехъ истоковъ Шеріатъ-эль - Кебиръ, или Іорданъ, настоящая рѣка Хора, въ долинѣ которой расположено нѣсколько озеръ; дно ея, постепенно понижаясь, опускается, наконецъ, значительно ниже уровня моря. Чрезъ эти озера протекаетъ рѣка Іорданъ, впадающая въ величайшее изъ нихъ—Бахръ-Лутъ, или Мертвое Море. Такъ какъ послѣднее представляетъ глубочайшую впадину не только въ Палестинѣ, но и на всемъ земномъ шарѣ, именно оно лежитъ на 394 метра ниже уровня Средиземнаго моря, то дальнѣйшее теченіе Іордана къ югу невозможно. Самъ же Хоръ продолжается къ югу отъ Мертваго Моря въ пустынной Вади-эль-Арабахъ, которая, однако, не принимаетъ изъ него воды и доходитъ не до Эланитійскаго залива Краснаго моря, какъ то думали прежде, а до водораздѣла (возвышающагося лишь на 100—200 метровъ надъ Средиземнымъ моремъ), вблизи бедуинскаго лагеря Арабехъ. Восточная сторона долины Хора также сопровождается значительнымъ возвышеніемъ почвы, четвертою изъ параллельныхъ полосъ, на которыя можно раздѣлить Сирію и Палестину. Эта ниспадающая къ Мертвому морю и Іордану возвышенность образуетъ восточно-іорданскія нагорныя страны; онѣ еще мало изслѣдованы и постепенно переходятъ въ Сирійско - Аравійскую пустыню. На ней возвышается крайній восточный столпъ Сиріи—вулканическій Джебель-Гауранъ. Къ сѣверу, на широтѣ Ливана, тянется новая, уже настоящая горная цѣпь Джебель-эшъ-Шеръ, т. е. Восточныя горы, или Антиливанъ съ Джебель-эшъ-Шейхомъ, или Большимъ Гермономъ; онъ идетъ параллельно Ливану, ограничивая на востокѣ долину Оронта—Бекаю. У восточнаго подножія Антиливана лежитъ Димешкъ, нѣкогда столь блестящій Дамаскъ, на самомъ краю пустыни; далѣе, къ сѣверу расположены города: Гомсъ (Эмеза), Гамахъ (Эпифанія) и Галебъ (Алеппо); развалины же Пальмиры, близъ Тедмора, уже вполнѣ являются достояніемъ пустыни.

Двумя главными рѣками, Нахръ-эль-Ази и Іорданомъ, известковое плато при Средиземномъ морѣ раздѣляется на двѣ части: въ бассейнѣ Нахръ-Эль-Ази расположенъ Сористанъ или Сирія, а въ бассейнѣ Іордана, на югѣ,—Палестина или древній Ханаанъ. Оба послѣднія назва-

нія въ настоящее время совершенно неизвѣстны въ странѣ, равно какъ и большая часть древнихъ названій рѣкъ и горъ, которыя мы охотно употребляемъ, какъ болѣе привычныя. Турецкая администрація, угнетающая также и эти области, знаетъ лишь одинъ Дамасскій вилайетъ, отъ котораго съ 1862 года отдѣленъ, въ качествѣ самостоятельнаго пашалыка (мутессарифлика), Джебели-Лабанонъ, населенный преимущественно христіанами и управляемый христіанскимъ губернаторомъ, состоящимъ подъ контролемъ консуловъ западно-европейскихъ державъ. Границы этой новой области далеко не совпадаютъ съ границами естественнаго Ливана, такъ какъ въ константинопольскихъ канцеляріяхъ онѣ были проведены, принимая въ соображеніе лишь вѣроисповѣданіе мѣстныхъ жителей. Мѣстечки съ преобладающимъ мусульманскимъ населеніемъ остались въ Сиріи, тогда какъ всѣ христіанскія общины принадлежатъ горѣ Ливану. Сверхъ того, дабы лишить новую провинцію всякаго политическаго значенія, три важнѣйшихъ портовыхъ города, именно: Триполи, Бейрутъ и Саида, также оставлены въ Сиріи. Чрезъ это границы новѣйшаго Ливана вышли въ буквальномъ смыслѣ разорванными, и часто ихъ приходилось устанавлять лишь въ каждомъ конкретномъ случаѣ, при спорахъ о наслѣдствѣ или отчужденіи земли. Узкая песчаная, но богатая гаванью береговая полоса Ливана была въ древности скромнымъ владѣніемъ финикіянъ, и теперь еще здѣсь процвѣтаютъ важнѣйшіе торговые города Сиріи: Латакія (Лаодикея), съ 10,000 жителей, ведущихъ оживленную торговлю, Тарабулусъ (Триполи) и на первомъ планѣ Бейрутъ (Беритусъ), нынѣ блестящій городъ, при очаровательномъ заливѣ, расширяющемся полумѣсяцемъ между горою и моремъ, съ нововыстроенными кварталами, гдѣ расположены рядами роскошныя виллы, въ чисто восточномъ вкусѣ, со множествомъ мраморныхъ арокъ и сводчатыхъ оконъ, а между ними темнозеленыя группы деревьевъ и нѣсколько стройныхъ пальмъ. Въ настоящее время городъ имѣетъ почти 100,000 душъ, изъ коихъ двѣ-трети туземные христіане.

Нынѣшніе сирійцы представляютъ продуктъ весьма счастливаго смѣшенія народовъ; но въ этой смѣси преобладаетъ семитическая кровь. Естественныя способности сирійцевъ всего рельефнѣе проявляются у христіанской части населенія. А. фонъ-Кремеръ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Востока, говоритъ о нихъ слѣдующее: «Эти сирійцы-христіане—чрезвычайно смышленное племя, отличающееся большою восиріимчивостью и способностью къ усвоенію европейской культуры. Не

даромъ ихъ предками были финикіяне, одинъ изъ наиболѣе даровитыхъ народовъ древности. Правда, въ жилахъ нынѣшнихъ сирійцевъ течетъ ничтожная частица финикійской крови, но смѣшеніе съ греческими и арабскими элементами не нанесло ущерба ихъ естественнымъ дарованіямъ. Сирійцы все еще сохранили предпріимчивость финикіянъ, ихъ коммерческія способности и страсть къ путешествіямъ. Въ Марселѣ, Ливерпулѣ и Манчестерѣ существуетъ уже не мало сирійскихъ колонистовъ, ведущихъ торговыя сношенія со своею метрополіею; этого мало: ихъ коммерческія сношенія простираются даже на Швецію, Норвегію и Сѣверную Америку. Бейрутскіе христіане, вообще говоря, живутъ зажиточно, что обусловливается ихъ трудолюбіемъ и дѣятельностью. Тамъ не существуетъ столь же отвратительнаго, какъ и опаснаго пролетаріата, гнѣздящагося въ большихъ европейскихъ городахъ. Всякій занимается торговлею, или какимъ-либо другимъ промысломъ. Всего болѣе мнѣ понравилась простая, истинно-патріархальная семейная жизнь сирійскихъ христіанъ. Женщины красивы, разумны, хотя и съ небольшимъ книжнымъ образованіемъ; онѣ — хорошія матери и бережливыя хозяйки, дѣтски привязанныя къ своимъ мужьямъ. Онѣ мало имѣютъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ, живутъ счастливо и спокойно въ своемъ домашнемъ кругу; читаютъ онѣ только арабскіе молитвенники, да безобидное «Бейрутское Обозрѣніе» (Джинанъ). Чтеніе романовъ и бренчанье на фортепіано, къ счастью, встрѣчаются еще рѣдко. Но нравы хуже тамъ, гдѣ, вслѣдъ за французскимъ полуобразованіемъ, вошли въ моду и кринолины: тамъ уже исчезла прежняя простота нравовъ, а взамѣнъ ея развилось глупое, безобразное подражаніе европейцамъ. Нѣтъ недостатка въ женскихъ школахъ, но, къ сожалѣнію, въ нихъ главное вниманіе обращается на преподаваніе французскаго или англійскаго языка. Soeurs de charité имѣютъ очень хорошую школу для дѣвочекъ; въ ней обучаютъ также и женскимъ работамъ; она имѣетъ своею задачею приготовленіе воспитательницъ. Еще болѣе хвалятъ институтъ «назаретскихъ сестеръ» (Soeurs de Nazareth); мнѣ также приходилось слышать много хорошаго и объ институтѣ прусскихъ дьякониссъ. Одна богатая англичанка, именно г-жа Моттъ, употребляетъ свое большее состояніе на полезныя и благотворительныя цѣли; она устроила и содержитъ заведеніе для слѣпыхъ, пансіонъ для дѣвицъ и многія евангелическія начальныя школы, которыя проявляютъ неутомимую дѣятельность въ интересахъ протестантизма. Вообще религіозная пропаганда въ Сиріи — главнѣйшій рычагъ всѣхъ предпріятій, направленныхъ къ народному образованію. Особеннаго упоминанія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ стремленія американскихъ миссіонеровъ. Заведеніе, называемое нѣсколько заносчиво: medrese Kullije, т. е. университетомъ, преслѣдуетъ преимущественно практическія цѣли, чѣмъ къ своей выгодѣ отличается отъ другихъ заведеній, гдѣ обращается главнѣйшее вниманіе на изученіе языковъ. Молодые сирійцы, небла-

дающіе солидною подготовкою, послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ этой американской школѣ, пріобрѣтаютъ медицинскія познанія и получаютъ докторскіе дипломы. Эти юные эскулапы, которымъ европеецъ довѣрился бы развѣ въ томъ случаѣ, когда жизнь ему надоѣла, все-таки неизмѣримо выше прежнихъ коноваловъ,—и нельзя отрицать, что американскій университетъ, не смотря на всю поверхностность преподаванія, принесъ немалую пользу странѣ распространеніемъ въ ней полезныхъ знаній, въ особенности же преподаваніемъ естественныхъ наукъ. Всѣ американскіе профессора являются вмѣстѣ съ тѣмъ и ревностными проповѣдниками Евангелія и ведутъ пропаганду съ чисто-американскою энергіею. Туземныя протестантскія общины въ Бейрутѣ также уже возрасли до нѣсколькихъ сотъ семей; послѣ школы и заведенія скоропечатныхъ машинъ, американцы воздвигли очень красивую церковь, благодаря богатымъ приношеніямъ, получаемымъ ими изъ Америки. Равнымъ образомъ и въ Ливанѣ идеи протестантизма быстро распространяются. Въ pendant этимъ протестантскимъ заведеніямъ существуетъ также и нѣсколько католическихъ. Лучшая изъ нихъ это — коллегія мелкитскихъ грековъ, толково управляемая и имѣющая нѣсколько сотъ хорошо содержимыхъ и недурно выдержанныхъ питомцевъ. Обученіе ведется на арабскомъ языкѣ и безпристрастно въ вѣроисповѣдномъ отношеніи. Особенно хорошо организовано школьное дѣло въ іезуитской коллегіи—въ Газирѣ и въ коллегіи лазаристовъ—въ Антурѣ; обѣ исключительно французскія. Большая часть бейрутской молодежи получаетъ образованіе въ этихъ заведеніяхъ; изъ нихъ французскій языкъ распространяется все болѣе и болѣе, дѣлаясь языкомъ образованныхъ классовъ общества, такъ что нынѣ онъ почти совершенно вытѣснилъ итальянскій языкъ, который господствовалъ тамъ лѣтъ двадцат тому назадъ». (Ausland, 1872, № 7, S. 150—151).

Непосредственно позади береговой полосы, часто не далѣе какихъ-нибудь 15 километровъ внутрь страны, предъ глазами зрителя высится въ отдаленіи голая скалистая стѣна: это—хорошо населенный и прилежно воздѣлываемый Ливанъ. Онъ обнимаетъ горы между моремъ и Бекаей, глубокою трещиною древней Келесиріи, идущую съ сѣвера на югъ; съ другой-же стороны онъ лежитъ между рѣками Нахръ-Кебиръ и Литани, которыя, получивъ начало въ Бекаѣ, текутъ—одна на сѣверъ, а другая на югъ, затѣмъ обѣ поворачиваютъ къ западу подъ прямымъ угломъ и достигаютъ моря кратчайшимъ путемъ. Слѣдовательно, не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно естественныхъ границъ Ливана, равно какъ и о происхожденіи его названія, которое въ переводѣ означаетъ «Бѣлая гора», ибо покрытыя снѣгомъ высоты Ливана блестятъ надъ моремъ и сушей и служатъ указателями сирійской земли

съ далекаго разстоянія. Названіе «Ливанъ» очень древнее; его употреблялъ уже Моисей (5 Моис., 1, 3), и оно постоянно жило въ исторіи. Высшая вершина этихъ горъ — Доръ-эль-Ходибъ (3067 метровъ); второе мѣсто принадлежитъ Джебель-Макмелю (3000 метровъ).

Въ одномъ мѣстѣ горъ, на часъ пути выше деревни Бшаррехъ, въ трехъ часовомъ разстояніи отъ Эдена и мѣстопребыванія маронитскаго патріарха Каннобинъ, почти на 2000 метровъ высоты надъ уровнемъ моря, находятся еще и понынѣ остатки древняго народнаго святилища, видъ котораго уже вдохновлялъ ветхозавѣтныхъ поэтовъ,—мы говоримъ о самой знаменитой въ исторіи рощѣ, именно кедровой. Кедръ ливанскій—безспорно самое достославное дерево изъ существующихъ на землѣ; со временъ Давида и Соломона оно сдѣлалось «Божьимъ деревомъ» (псаломъ 80,11). Проф. Фраасъ весною 1875 года насчиталъ всего 377 деревьевъ; исполинскихъ же экземпляровъ, со стволомъ въ 10 и болѣе метровъ, всего осталось только пять. Кедровая роща, безъ сомнѣнія, представляетъ средоточіе и блестящій пунктъ всего Ливана; но нельзя умолчать также и о томъ, что Изаб. Бертонъ, посѣтившая кедровую рощу со своимъ мужемъ и г. Дрекомъ, держится совершенно другаго мнѣнія. (Richard Burton and Charles Tyrwhitt Drake. Unexplored Syria: Visits to the Libanus, the Tulul el Safa, the Anti-Libanus, the Nothern Libanus and the' Alah. London. 1872, 8°; 2 тома). Ни одинъ изъ британскихъ путешественниковъ не приходилъ во восторгъ при видѣ этихъ рождественскихъ елокъ въ большомъ масштабѣ, имѣющихъ издали видъ сосенъ заповѣднаго лѣса, а вблизи представляющихся такими жалкими и общипанными, что ни одинъ англійскій землевладѣлецъ не потерпѣлъ бы ихъ въ своемъ паркѣ.

Съ высочайшихъ возвышенностей можно также всего лучше обозрѣть почву Ливана. Предъ нами въ длинныхъ моренныхъ линіяхъ, выдѣляющихся вмѣстѣ съ кедрами,—древняя морена, мощностью почти въ 300 метровъ, залегающая на краю крутаго склона, набросанные въ большомъ безпорядкѣ обломки и скалистыя глыбы, какъ они скопляются на поверхности глетчера, дабы затѣмъ медленно, но вѣрно окончить свое странствіе въ долинѣ. Повсюду на всемъ пути, пройденномъ глетчеромъ, лежитъ ледниковый щебень по окраинамъ долинъ, во всѣхъ заворотахъ и выемкахъ, въ особенности же въ многочисленныхъ гротахъ и пещерахъ; красноватая почва цементировалась известью, и въ ней хранятся, какъ памятники для всѣхъ временъ, слѣды доисторическихъ людей и животныхъ. Но надъ нами и возлѣ насъ залегаютъ съ поразительною ясностью одинъ на другомъ пласты—полосами, шириною въ нѣсколько миль; на нихъ, повидимому, наложила свою печать флецовая формація. При ближайшемъ-же изслѣдованіи оказывается, что всѣ безъ исключенія тысячи пластовъ мергеля, извести и глины, мрамора, доломита и

мѣла, песчаника и песку относятся къ средней мѣловой эпохѣ и, въ отношеніи возраста, современны Саксонской Швейцаріи или скаламъ Ниццы, Марселя, Монъ-Ванту, близъ Авиньона, или высокому Карсту въ Тріестѣ. При большой правильности построенія этихъ мѣловыхъ горъ, онѣ нерѣдко отличаются удивительною монотонностью и часто были бы лишены присущей имъ красоты, если бы, къ счастью, во многихъ сотняхъ мѣстъ не обнажились въ мѣловую эпоху базальтиты и мелафиры. Ядро эруптивныхъ горныхъ породъ, чернаго и темнобураго цвѣта, находится между песчаниками, но не въ видѣ острыхъ зубцовъ и зазубринъ, какъ, напр., въ ворахъ Гегау, а въ видѣ исполинскихъ мѣшковъ и выпуклинъ, залегающихъ поперегъ страны. Вправо и влѣво отъ такого базальтоваго штока тянутся, на протяженіи нѣсколькихъ километровъ, темнозеленые туффы, вклиняющіеся въ песчаники и придающіе имъ окраску вывѣтрѣлаго туффа. Скала одѣта темно-ржавчинно-красными, свѣтлорозовыми и бурыми, желтыми красками, въ терракотту и сепію, а между ними—обманчивая черная окраска, которая можетъ пранадлежатъ только каменному углю и тянется полосами и прослойками на большихъ разстояніяхъ. Но каменнаго угля въ настоящемъ значеніи слова здѣсь нѣтъ, такъ какъ кругомъ господствуетъ мѣлъ, а древнихъ формацій не имѣется; попадаются только бурые угли, лигниты и смолистые угли, которые съ Германіи давнымъ давно были-бы разработаны для удовлетворенія хозяйственныхъ нуждъ. Гдѣ песчаники обнажаются, и въ особенности вблизи эруптивныхъ горъ, тамъ также легко выступаетъ на поверхности и каменный уголь, въ сопровожденіи двухъ родственныхъ тѣлъ, на которыхъ спеціалистъ вскорѣ сосредоточиваетъ все свое вниманіе, именно: янтарь и асфальтъ; первый есть ни что иное, какъ окаменѣлая смола деревьевъ мѣловой эпохи, изъ рода хвойныхъ и саговыхъ, и все еще часто встрѣчается въ лигнитахъ; второй представляетъ собою животный жиръ съ сомнительнымъ запахомъ и проникаетъ сланецъ и глины. Вообще пески и песчаники вмѣстѣ съ эруптивными породами залегаютъ въ срединѣ мощно развившейся мѣловой формаціи, которая отъ морскаго берега до высочайшихъ вершинъ у границы вѣчнаго снѣга занимаетъ одинъ и тотъ же горизонтъ и представляетъ верхній и нижній рудистовые поясы. Если бы мощныя системы пластовъ лежали одна на другой строго горизонтально, то Ливанъ являлъ бы собою картину безутѣшнаго однообразія; но на самомъ дѣлѣ съ сѣвера на югъ тянется огромная зіяющая трещина, образующая Бекаю и имѣющая своимъ продолженіемъ іорданскую трещину до Хора. Взбросы, слѣдовавшіе подъ прямымъ угломъ къ указанному выше направленію трещины, т. е. съ востока на западъ, еще болѣе раскололи и разорвали горы, поставивъ пласты то на ребро, то подъ острымъ угломъ къ горизонту. Этими выступами и трещинами, образовавшими отвѣсныя стѣны въ нѣсколько сотъ метровъ глубины, воспользовались, какъ ложемъ, воды, низвергающіяся съ горъ, и съ теченіемъ времени расширили ихъ

еще больше. Въ Бекаѣ берутъ начало двѣ изъ ливанскихъ рѣкъ, именно: Литани (Леонтъ) и Нахръ-Кебиръ (Элейтеросъ). Литани, получающая свое начало близъ Баалбека, течетъ сперва съ сѣвера на югъ, словно она спѣшитъ къ іорданской трещинѣ; но затѣмъ у древняго замка крестоносцевъ, Бофора, внезапно поворачиваетъ на западъ подъ прямымъ угломъ и, послѣ короткаго теченія, впадаетъ въ море близъ Тира. Точно также изгибается и Нахръ-Кебиръ, тоже спѣша къ морю къ сѣверу отъ горъ. Всѣ рѣки, берущія начало на западѣ горнаго прохода, носятъ одинъ и тотъ же характеръ; родившись въ скалистыхъ гротахъ на высотѣ между 1500 и 1000 метрами надъ уровнемъ моря, онѣ вскорѣ затѣмъ съ шумомъ низвергаются могучими водопадами въ глубокія доломитовыя ущелья, въ трещины скалъ, куда еще ни разу не ступала нога человѣка, да и не ступитъ никогда. Сказанное относится къ Нахръ-Ибрагиму (Адонису), вытекающему изъ грота Афки, къ Кадишѣ—ниже кедровой рощи, Джосу, Нахръ-эль-Кельбу, Авали. Всѣ трещины, по которымъ межъ скалъ ревутъ горные потоки, представляютъ непреодолимыя преграды противъ непріятельскихъ нападеній, благодаря чему ни одинъ народъ въ мірѣ не живетъ въ большей безопасности, чѣмъ горцы Кефруана и Таннурина. (Oscar Fraas: Drei Monate am Libanon. Stuttgart. 1876. S. 56—68).

Ливанъ имѣетъ приблизительно такую-же густоту населенія, какъ и Виртембергъ, именно на 2750 квадр. километрахъ живетъ 300,000 душъ. Изъ нихъ 230,000 христіанъ, остальные же—друзы и мусульмане, такъ что Ливанъ съ полнымъ правомъ можно назвать христіанскою землею и притомъ такою, гдѣ христіанство распространилось, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ, въ первыя столѣтія христіанскаго лѣтосчисленія.

Эти христіане Ливана называются маронитами, по имени св. Марона, благочестиваго отшельника, жившаго около 400-го года; они представляютъ собою остатокъ православной государственной церкви VII вѣка. Теперь же марониты соединены съ римско-католическою церковью, но сохранили много своеобразныхъ особенностей, напр.: бракъ священниковъ, вечернюю трапезу обоихъ половъ, богослуженіе на сирійскомъ языкѣ, а также удержали своихъ святыхъ и праздники. Они твердо и ревниво держатся за свои вѣрованія, и вообще народъ храбрый и мужественный. Ихъ деревни и монастыри (въ числѣ 200), подобно орлинымъ гнѣздамъ, лѣпятся на выступахъ и уступахъ горъ. Села часто окружены хлѣбными нивами, покрывающими искусственно заложенныя террасы, препятствующія вмѣстѣ съ тѣмъ сносу драгоцѣннаго пахатнаго слоя. Американскіе миссіонеры пытаются обратить маронитовъ въ христіанство, по, повидимому, безъ особаго успѣха. Впрочемъ, въ Сиріи

христіанскія миссіи вообще и протестантскія въ особенности развертываютъ замѣчательную ретивость и пріемы далеко не миссіонерскаго характера, за которыми часто скрываются одни политическіе виды. Такъ, англійскіе миссіонеры, въ интересахъ индійской политики, сосредоточиваютъ свое вниманіе исключительно на друзахъ, предоставляя прочее населеніе своимъ спеціальнымъ агентамъ, большею частью обращеннымъ армянамъ. Друзы, живущіе въ южномъ Ливанѣ, въ провинціи Акрѣ и Гауранѣ, до сихъ поръ еще окружены для насъ нѣкоторымъ покровомъ таинственности. Ихъ происхожденіе, своеобразная религія еще не окончательно изслѣдованы. Друзы, не будучи ни христіанами, ни магометанами (хотя къ послѣднимъ друзы ближе, чѣмъ къ первымъ), стойко придерживаются какого-то тайнаго ученія, которое, какъ полагаютъ, перешло къ нимъ изъ Египта; однако, что касается происхожденія, то они считаютъ себя сынами Небесной имперіи, другіе же признаютъ своею родиною Персію. Несомнѣнно, что у друзовъ нѣтъ опредѣленной религіи; они хотя и вѣрятъ въ единаго Бога, но не признаютъ ни Библіи, ни корана, не имѣютъ праздниковъ, пьютъ вино, не придерживаются многоженства и свято соблюдаютъ гостепріимство. Далѣе, столь же несомнѣнно, что друзы прелестный народъ—красивый, мужественный, исполненный поэзіи и геройства, но вмѣстѣ съ тѣмъ дикій, жестокій и коварный. Друзы и марониты жили мирно цѣлые вѣка въ близкомъ сосѣдствѣ и начали враждовать лишь въ нынѣшнемъ столѣтіи. (H. Guys: La nation druse, son histoire, sa religion ses moeurs et son état politique. Marseille. 1864. 8°). Друзы нынѣ сотнями выселяются изъ Ливана въ Гауранъ, такъ что въ странѣ все менѣе остается друзовъ; нынѣ число ихъ едва-ли превышаетъ 40,000 душъ. (Fraas: Ibid., S. 72—73). Англичане хвастаются большими успѣхами среди друзовъ, которые вообще очень скоро перемѣняютъ свою вѣру; но, по словамъ С. Винценти, такіе успѣхи обошлись очень дорого. «Одинъ друзъ за перемѣну вѣры требовалъ кашемироваго платка, другой — драгоцѣнныхъ вещей для своей жены, третій — ружья, четвертый — почетнаго кафтана; но большинство желало золота, въ полученія котораго друзы расписывались, съ приложеніемъ печати, въ особой книгѣ. Всѣ друзы, поставленные такимъ образомъ на путь истинный при посредствѣ золота и подарковъ, фигурировали въ этомъ удивительномъ спискѣ въ качествѣ серіозно принявшихъ протестантскую вѣру,—столь же грубое, какъ и пріятное самообольщеніе миссіонерскихъ органовъ, которое бросаетъ самый неблагопріятный свѣтъ на нравственное значеніе ихъ попытокъ. Впрочемъ, и самого апостола не забывали: его труды не пропадали даромъ, ибо противъ каждаго новообращеннаго въ книгѣ записывалась «золотая премія», которой онъ могъ ожидать въ награду отъ Библейскаго Общества въ Лондонѣ. Католическіе миссіонеры въ своей дѣятельности обращенія друзовъ были менѣе счастливы, такъ какъ они не имѣли средствъ платить новообращеннымъ, а сами не ожидали

«премій». Слѣдовательно, обѣ стороны были лишены весьма немаловжанаго побужденія—матеріальнаго интереса. (Vincenti: Die Bibelhausirer in Syrien, въ «Wanderer», 2 февраля 1872 г.). Кромѣ названныхъ племенъ, въ Ливанѣ живетъ еще около 50,000 греческихъ христіанъ, незначительное число якобитовъ, нѣсколько сотъ измаелитовъ, т. е. остатковъ древнихъ асассиновъ и извѣстныхъ убійцъ, 15,000 мусульманъ на границахъ горъ и столько же метеоллисовъ, на которыхъ смотрятъ очень недовѣрчиво сосѣди ихъ—мусульмане и христіане. Метеоллисы суть шіиты, т. е. послѣдователи калифа Али, тогда какъ сунниты, т. е. правовѣрные мусульмане, принадлежатъ къ послѣдователямъ калифа Омара.

Отъ Нахръ-эль-Кебира, вдоль всего сѣверо-сирійскаго берега, чрезъ аманскіе проходы въ Киликію до Адана и Тарса, загадочный народъ—нозаирійцы—составляетъ главную массу населенія горнаго вала, идущаго параллельно берегу моря, большею частью на небольшомъ отъ него разстояніи. Они живутъ и умираютъ въ своихъ родныхъ горахъ, не покидая ихъ почти никогда, развѣ въ случаѣ крайней необходимости. Земледѣліе и скотоводство даютъ имъ средства если не для богатаго, то для достаточнаго существованія. Тамъ, гдѣ нозаирійцы сталкиваются съ магометанами, они таятъ свои вѣрованія и прикидываются правовѣрными мусульманами; они говорятъ на арабскомъ языкѣ, именно на нарѣчіи сирійскихъ горцевъ. Всего нозаирійцевъ въ Сиріи считается отъ 120,000 до 180,000 душъ. Мусульмане ихъ глубоко ненавидятъ, ругаютъ ихъ феллахами и пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы надѣлать имъ непріятностей; впрочемъ, и нозаирійцы не остаются у нихъ въ долгу. Во всей Сиріи нозаирійцы пользуются худою славою неисправимыхъ, отчаянныхъ разбойниковъ, и переѣздъ по ихъ землѣ всегда считается очень рискованнымъ дѣломъ.

Часть Хора, лежащая позади Ливана, широка и плодородна; это,—богатая хлѣбомъ Бекая, или древняя Келесирія, орошаемая Оронтомъ, все еще лежащая на 1000 метровъ надъ уровнемъ моря; поэтому, со дна ея долины, ограничивающія горы Ливана и Антиливана, кажутся мало величественными. Путешественникъ, прибывающій изъ Ливана, переносится здѣсь въ совершенно другой міръ, точно по мановенію волшебнаго жезла. Да и люди здѣсь, повидимому, уже не тѣ: они высматриваютъ болѣе зажиточными, болѣе чистоплотными и лучше питаются; такая, необычайная для этой страны, зажиточность бросается въ глаза. Характерно для Бекаи то, что въ ней правильно, въ особенности въ ея средней части, въ полуночные часы дуетъ сильной вѣтеръ, на подобіе урагана. Наиболѣе посѣщаемый пунктъ Келесиріи — безспорно Баальбекъ, небольшое мирное мѣстечко, лежащее почти на высочайшемъ

пунктѣ Бекаи, на 1158 метр. надъ уровнемъ моря, съ величественными развалинами Геліополиса, главнаго центра древняго культа поклоненія солнцу, которыя, по справедливости, можно назвать чудомъ въ свѣтѣ. Прекрасная, построенная французами, дорога пересѣкаетъ Бекаю, соединяетъ Бейрутъ съ удаленнымъ отъ него на 112 километровъ Дамаскомъ; она пролегаетъ черезъ Ливанъ и Антиливанъ.

Внутренняя часть Антиливана съ его голыми, бѣдными растительностью скалистыми стѣнами разнообразнѣе и болѣе дико изрѣзана ущельями, нежели Ливанъ. Здѣсь не встрѣтишь ни деревца; на желтовато-бурыхъ скалахъ растетъ только изсохшій кустарникъ, да скудная трава. Вы переѣзжаете изъ долины въ долины, постоянно съ горы на гору— и всюду видите тотъ же печальный, пустынный ландшафтъ; характеръ мѣстности нѣсколько мѣняется развѣ вблизи станцій: здѣсь утомленному глазу попадаются иногда два - три дерева или маленькій садикъ. Но мало-по-малу окружающія возвышенности понижаются, приходится проѣзжать по песчаной плоской возвышенности Сара (Sahra), среди густыхъ облаковъ пыли; затѣмъ дорога спускается въ узкую долину, съ почти отвѣсными скалистыми стѣнами; на днѣ этой долины, между зелеными лугами и живописными группами деревьевъ, шумитъ обильная водою рѣка. Это—Барада, прозрачнымъ, никогда неизсякающимъ волнамъ которой равнина Дамаска обязана своимъ огромнымъ плодородіемъ. (Julius Seiff: Reisen in der asiatischen Türkei. S. 148—149). При переѣздѣ изъ Баальбека въ Дамаскъ приходится пересѣкать Антиливанъ по другому направленію. Путь лежитъ по направленію къ Сургайѣ, чрезъ врѣзывающуюся въ горы, подобно трещинѣ, долину рѣки Вади-Яфузехъ, впадающей въ Литани; Сургая — деревня, расположенная выше прочихъ на Антиливанѣ, именно на высотѣ 1370 метровъ; она состоитъ изъ нѣсколькихъ жалкихъ хижинъ, скорѣе напоминающихъ навозныя или мусорныя кучи, нежели человѣческія жилища; въ нихъ живетъ небольшое число бѣдныхъ, несчастныхъ крестьянъ-магометанъ. «Когда мой коверъ былъ разостланъ на неудобной грудѣ голышей, и я разлегся на немъ, чтобы позавтракать, подошли женщины, исхудалыя какъ скелетъ, покрытыя лохмотьями и крайне грязныя; нищета сдѣлала ихъ до того безпечными, что онѣ даже не думали о закрываніи лица. Эти существа смотрѣли на меня изумленными и вмѣстѣ съ тѣмъ отвратительно-любопытными взорами», разсказываетъ д-ръ Прутцъ. Затѣмъ, въ теченіи нѣкотораго времени, дорога идетъ каменистою плоскою возвышенностью и чрезъ деревню Зебедани, въ долинѣ рѣки Барады, по направленію къ Эль - Фиджеху и прелестно расположенной, богатой садами и дачами деревнѣ Думаръ, гдѣ опять пролегаетъ французская дорога. На небольшомъ разстояніи позади Думара эта дорога выходитъ изъ съуживающейся въ ущелье долины на

обширную равнину, гдѣ, среди настоящаго лѣса фруктовыхъ деревьевъ, возвышаются куполы и минареты прославленнаго Дамаска. [Dr. Hans Prutz. Aus Phönizien. Geographische Skizzen und historische Studien. Leipzig. 1876. 8°. Объ Антиливанѣ см. сочиненіе Girard de Rialle: L'anti-Libanon. Paris. 1868, 8°, а главнымъ образомъ книгу Буртона (Burton) и Дрека (Drake): Unexplored Syria. London. 1872. 8°, два тома].

Какъ главный въ политическомъ отношеніи городъ Сиріи, Дамаскъ со своимъ населеніемъ въ 120,000 до 150,000 жителей служитъ мѣстопребываніемъ губернатора (вали) провинціи; будучи расположенъ на окраинѣ пустыни, на высотѣ 696 метровъ надъ уровнемъ моря, онъ напоминаетъ роскошный оазисъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ восточные склоны Антиливана, такъ и скалистыя цѣпи желтоватобурыхъ возвышенностей, которыя, отдѣляясь отъ Антиливана, ограничиваютъ съ сѣвера и юга долину Эль-Гутахъ, гдѣ расположенъ этотъ многолюдный городъ, представляются голыми и почти лишенными растительности; на востокѣ же равнина мало-по-малу переходитъ въ пустыню. Дамаскъ—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ на землѣ, оживленный торговый пунктъ и одно изъ интереснѣйшихъ мѣстъ въ свѣтѣ, вслѣдствіе того, что въ немъ проявляется чисто-восточная жизнь въ полномъ своемъ своеобразіи.

На народномъ языкѣ Дамаскъ не имѣетъ другаго названія, кромѣ Эшъ-Шамъ; это — общее названіе для всей Сиріи, но оно главнымъ образомъ примѣняется къ ея сѣверной части. Если же арабъ желаетъ въ немногихъ словахъ дать понять, что представляетъ для него Дамаскъ, то онъ говоритъ съ очарованіемъ о «райски-душистомъ» городѣ, «родинкѣ на щекѣ земли», тогда онъ восхваляетъ «перья райскаго павлина», «ожерелье красавицы», ибо магометане причисляютъ Дамаскъ къ четыремъ земнымъ раямъ. При этомъ, конечно, вступаетъ въ свои права и восточная фантазія. «Городъ окруженъ развалившимися крѣпостными стѣнами, часто прерываемыми выдающимися башнями, а внутренность его, равно какъ и обширныя предмѣстья, отнюдь не соотвѣтствуетъ тому благопріятному впечатлѣнію, какое составляется при взглядѣ на нихъ извнѣ. Восточные закоулки и нечистоты и здѣсь также встрѣчаются повсюду въ величайшемъ изобиліи, на ряду со слѣдами упадка. Улицы и переулки, возникшіе словно по капризу и случайно, извиваются между высокими, тощими стѣнами. Нигдѣ искусство не изукрасило наружности зданій, рѣдко на улицу выходитъ маленькое, снабженное рѣшеткою окошко, и лишь нѣсколько, не столь древнихъ воротъ указываютъ на стремленіе оживить мертвыя каменныя массы архитектурнымъ расчлененіемъ». (Seiff. Ibid. S. 153). Между исторически замѣчательными зданіями города первое мѣсто безспорно принадле-

житъ главной мечети, нѣкогда церкви св. Іоанна. Эта мечеть вмѣстѣ съ тѣмъ самая большая во всемъ магометанскомъ мірѣ. Но главнымъ притягательнымъ центромъ служатъ многочисленные базары, которые хотя въ сущности похожи на базары всѣхъ восточныхъ городовъ, но превосходятъ большую часть ихъ своею обширностью и богатствомъ. Тамъ вы прежде всего встрѣтите выставленными на показъ въ богатомъ выборѣ своеобразныя восточныя издѣлія, а въ пестрой толпѣ, снующей по базарамъ, можно встрѣтить представителей почти всѣхъ народовъ Востока.

Дамаскъ—безспорно самый блестящій изъ всѣхъ внутреннихъ городовъ Сиріи. Къ сѣверу отъ него лежатъ: Гомсъ, Гамахъ и Галебъ. Первый изъ нихъ—все еще городъ порядочной величины, съ 20,000 жителей, расположенъ на правомъ берегу Нахръ-эль-Ази, въ $^3/_4$ часа отъ него, въ плодородной равнинѣ, прерываемой лишь незначительными возвышеніями почвы. Въ Гамахѣ, одномъ изъ древнѣйшихъ городовъ Сиріи, въ настоящее время насчитывается отъ 40,000 до 50,000 жителей, изъ коихъ 2000—3000 христіанъ и небольшое число евреевъ; остальная же часть населенія — мусульмане. Но наибольшій интересъ представляетъ сосѣдній Алахъ. Это—рѣзко отграниченная плоская возвышенность Сиріи, базальтовой формаціи, впервые изслѣдованная Бёртономъ и Дрекомъ; она простирается къ сѣверо-востоку и юго-востоку отъ Гамаха, къ востоку отъ долины Оронта, наполнена развалинами городовъ, которые, очевидно, строились по нѣскольку разъ, имѣетъ много замѣчательныхъ надгробныхъ памятниковъ, со многими укрѣпленными лагерями четыреугольной формы, и т. под. Кромѣ названныхъ изслѣдователей, почти никто изъ европейцевъ не посѣщалъ этой замѣчательной области. Арабы насчитываютъ въ ней не менѣе 365 развалинъ городовъ, на нашихъ-же картахъ она обозначается подъ именемъ «Великой Сирійской пустыни». Наконецъ, самый значительный городъ на сѣверѣ и во всякомъ случаѣ одинъ изъ красивѣйшихъ и величайшихъ городовъ Сиріи — это Галебъ или Алеппо, съ населеніемъ свыше 120,000. Жители этого города ведутъ довольно обширную торговлю и занимаются промышленностью.

Къ востоку и юго-востоку отъ Дамаска простирается обширная область вулканическаго Телля, покрытая кратерами позднѣйшей, третичной и пліоценовой эпохи, которые хотя и кажутся разбросанными безъ всякой правильности, однако же, на самомъ дѣлѣ, расположены на трехъ, параллельныхъ между собою, линіяхъ, лишь слегка уклоняю-

щихся съ сѣвера на югъ. Эта область—восточный Трахонъ, обыкновенно называемый Тулуль-эль-Сафа. (См. вышеуказанныя сочиненія Бёртона и Дрека). Западный Трахонъ, т. е. плато изъ лавы, именуемое Эль-Леджа, лежитъ къ югу отъ Дамаска и примыкаетъ на юго-востокѣ также къ вулканическимъ горамъ Гауранъ, высочайшая вершина коихъ, Джейнехъ, достигаетъ высоты 1842 метровъ надъ уровнемъ моря. (Dr. Wetzstein, Reisebericht über Hauran und die Trachonen. Berlin. 1860). Жители этой области — арабскіе номады, непризнающіе надъ собою власти Порты, но въ Гуаранѣ живутъ друзы и осѣдлое населеніе, которое, не смотря на свою осѣдлость, совершенно не имѣетъ понятія о поземельной собственности. (Auguste Choisy. L'Asie mineure et les Turcs en 1875. Souvenirs de voyage. Paris. 1876. 8°. S. 318). Да и положеніе женщины также указываетъ на низкій уровень цивилизаціи.

Обратимся теперь къ южной части известковой возвышенности Сиріи. Тамъ расположена маленькая страна Палестина, Ханаанская или «Обѣтованная земля,» вѣчно памятная, какъ историческая арена того народа, который самъ себя называлъ «Богомъ избраннымъ народомъ», какъ мѣсто зарожденія и колыбель той чистой христіанской религіи, которая помогла культурнымъ народамъ Европы достигнуть теперешняго состоянія гражданственности. Къ плоской береговой полосѣ примыкаетъ плоскогорье къ западу отъ Іордана. Эта береговая полоса бѣдна гаванями, пустынна и заброшена; но нѣкогда она была покрыта городами филистимлянъ, на что указываетъ еще и нынѣ равнина Сефела, между Газзехомъ (Газою) и Яффою (Іоппе); въ настоящее время оба эти города и Аскуланъ (Аскалонъ) суть единственныя, заслуживающія упоминанія поселенія на берегу, который тянется въ почти ничѣмъ непрерываемомъ однообразіи до мыса Кармель, къ сѣверу; этимъ мысомъ круто спускаются къ морю, у южной стороны неглубокаго залива Акки, знаменитаго въ эпоху крестовыхъ походовъ Сенъ-Жанъ-д'Акра, горы Джебель-Маръ-Эліасъ (570 метровъ высоты), начинающіяся у истоковъ рѣки Кисона; на одной изъ этихъ горъ расположенъ монастырь кармелитскаго ордена. У сѣвернаго подножія Кармеля лежитъ чистенькій городокъ Каифа съ 7000 жителой, а далѣе отъ мыса начинается поселеніе, въ которомъ живетъ 400 виртембергцевъ. Плоскія возвышенности, прилегающія къ сравнительно узкой береговой полосѣ, суть: на сѣверѣ, между Кармелемъ и Литаніею, древняя Галилея; къ югу отъ нея—Самарія и Іудея; послѣдняя-же постепенно переходитъ въ Аравійскую пустыню.

Обыкновенно говорятъ о юрѣ Палестины, но профессоръ д-ръ Оскаръ Фраасъ доказалъ, что почва этой страны состоитъ изъ мѣловыхъ пластовъ съ гиппуритами и тому подобными окаменѣлостями. Правда, внѣшній видъ страны, ея известковыя мели и стремнины напоминаютъ Швабскую Юру, но вѣдь подобныя явленія встрѣчаются и въ Истріи, гдѣ въ бѣлыхъ известнякахъ также содержатся мѣловыя окаменѣлости. (D-r Fraas. Aus dem Orient. Stuttgart. 1868. 8°). Эти известковыя горы мѣловой формаціи занимаютъ все плоскогорье Палестины и области къ востоку отъ Іордана, Синайскій полуостровъ, къ сѣверу отъ пояса первозданныхъ горъ и Нильской долины, и простираются далеко за Карнакъ. Что касается отдѣльныхъ мѣстностей Палестины, то Галилея представляетъ холмистую область со среднимъ возвышеніемъ отъ 600 до 1000 метровъ; она круто ниспадаетъ къ Іордану и Генисаретскому озеру, а на югѣ—къ жирной иловатой почвѣ равнины Изреель, или Эсдрелонъ, нѣкогда бывшей дномъ моря. Въ Галилеѣ встрѣчаются прелестныя, плодородныя долины, культура которыхъ достигла высочайшей степени, а рядомъ съ ними — горы со смѣлыми очертаніями, большіе лѣса, и рубежнымъ камнемъ на сѣверѣ служитъ Большой Гермонъ. Важнѣйшій городъ этой области—Энъ-Назирахъ, древній Назаретъ, расположенный на высотѣ 400 метровъ надъ уровнемъ моря; Энъ-Назирахъ въ настоящее время имѣетъ 7000 жителей; этотъ городъ такъ обновился и расширился, какъ никакой другой городъ въ странѣ. (Sepp. Reisebriefe aus der Levante, въ «Allgem. Ztg», отъ 30 октября 1874 года). Къ югу отъ равнины Эсдрелонъ, плато снова возвышается къ средней области—Самаріи; и здѣсь также встрѣчаются долины, богато орошенныя, превосходно воздѣланныя, покрытыя посѣвами и плодовыми рощами. Древній городъ Самарія, отъ котораго получила свое названіе и вся область, въ настоящее время не болѣе, какъ грязная деревушка, состоящая изъ мазанокъ и называемая Себастіехъ. Недалеко отсюда къ юго-востоку расположенъ Набулюсъ, очень оживленный вслѣдствіе того, что черезъ него пролегаетъ торговый путь изъ Дамаска къ берегу моря. Набулюсъ—древній Сихемъ; онъ лежитъ въ плодородной, богатой источниками долинѣ, среди тутовыхъ, масличныхъ, миндальныхъ и фиговыхъ деревьевъ. Въ немъ считается 12,000 жителей, изъ коихъ немногіе, именно 200 человѣкъ, представляютъ остатокъ самаритянъ, исчезающихъ все болѣе и болѣе. Вблизи Набулюса стоятъ скалистыя горы Эбаль (1000 метровъ) и Гаризимъ (960 метровъ), насупротивъ одна другой. Южная область—Іудея—прорѣзана голыми, безлѣсными и волнообразными возвышенностями, называемыми горами Іуды.

Въ безплодной и безводной мѣстности Іудеи, между поднимающимися вокругъ горами, возвышается на 800 метровъ надъ уровнемъ Средиземнаго моря и на 1200 метровъ надъ уровнемъ Мертваго моря

известковое плоскогорье, которое соединяется лишь на сѣверѣ съ большою плоскою возвышенностью Іудеи, съ трехъ же прочихъ сторонъ отрѣзано крутыми долинами; на этомъ плато расположенъ Іерусалимъ, чудный городъ Востока, не больше провинціальнаго города среднихъ размѣровъ. Іерусалимъ—колыбель трехъ религій единобожія: іудейской, христіанской и магометанской; мусульмане называютъ его не иначе, какъ Эль-Кудсъ—святой. Еврей говоритъ: на той Моріи Авраамъ принесъ въ жертву своего сына; тамъ цѣлыя столѣтія стояла Святая Святыхъ, жилище Господне. Тамъ былъ распятъ, погребенъ и воскресъ Іисусъ Назарянинъ—говоритъ христіанинъ. Съ той скалистой круглой вершины, изъ замѣчательнаго сооруженія съ куполомъ на древней Храмовой горѣ, великій пророкъ Магометъ предпринялъ на своемъ благородномъ конѣ Боракѣ путешествіе по всѣмъ небесамъ—увѣряетъ насъ мусульманинъ, и потому онъ считаетъ это мѣсто почти столь же священнымъ, какъ Каабу въ Меккѣ. Здѣсь, наконецъ, еще и понынѣ находятся святыя мѣста—храмъ и часовня Гроба Господня, привлекающія сюда тысячи набожныхъ богомольцевъ,—и люди самыхъ разнообразныхъ воззрѣній невольно поддаются особымъ, охватывающимъ душу впечатлѣніямъ при посѣщеніи этихъ святыхъ мѣстъ.

Но никто не описалъ картины Іерусалима такъ превосходно, какъ Шатобріанъ: «Посреди горной цѣпи находится пустынная котловина, со всѣхъ сторонъ окруженная желтыми скалистыми вершинами. Эти вершины раздвигаются только къ востоку, какъ бы для того, чтобы открыть видъ на ущелье Мертваго моря и горы Аравіи. Посреди этой каменистой мѣстности, на неровной и покатой почвѣ, въ предѣлахъ вала, который нѣкогда былъ потрясаемъ ударами тарана и поддерживается разваливающимися башнями, замѣчаются обширныя развалины; разбросанные кипарисы, кустарники алоэ и нопаля, нѣсколько арабскихъ хижинъ, подобно выбѣленнымъ надгробнымъ памятникамъ, покрываютъ эти груды развалинъ: это и есть печальный Іерусалимъ. При первомъ взглядѣ на это покинутое мѣсто въ сердцѣ чувствуется какая-то страшная пустота; но мало-по-малу, когда, переходя отъ запустѣнія къ запустѣнію, предъ нами разстилается безпредѣльное пространство, эта пустота исчезаетъ; путешественникомъ овладѣваетъ тайный ужасъ, но онъ не уничижаетъ души, а, напротивъ, придаетъ мужество и возвышаетъ духъ; непривычная обстановка, странныя формы повсюду говорятъ о землѣ, богатой чудесами. Жгучее солнце, неугомонный орелъ, скромный иссопъ, гордый кедръ, безплодная смоковница—все это поэзія, все это картины изъ Священнаго Писанія. Въ каждомъ названіи сокрыто чудо; каждая пещера просвѣтляетъ будущее; съ каждой вершины слышится

эхо пѣснопѣній пророка. Самъ Богъ говорилъ на этихъ берегахъ. Высохшіе ручьи, расколовшіяся скалы, отверстыя могилы свидѣтельствуютъ объ этомъ чудѣ; еще и понынѣ пустыня, повидимому, безмолвствуетъ отъ ужаса, и можно подумать, что она не смѣетъ прервать своего молчанія съ тѣхъ поръ, какъ услыхала гласъ Вѣчнаго». Въ настоящее время, съ достойнымъ признательности благочестіемъ принялись за расчистку древнихъ мѣстъ Обѣтованной земли изъ-подъ тысячелѣтнихъ грудъ развалинъ, за доказательство тождественности святыхъ мѣстъ съ нынѣшними пунктами. Конечно, при этомъ главное вниманіе было обращено на Іерусалимъ. Въ этомъ отношеніи мы много обязаны работамъ швейцарца Тита Тоблера и нѣмецкаго профессора Сепа, а въ самое послѣднее время трудамъ англичанъ, которые десять лѣтъ тому назадъ основали общество для изслѣдованія Палестины (Palestine Exploration Fund). Результаты ихъ дѣятельности изложены въ превосходныхъ «Quarterly Statements of the Palestine Exploration Fund», а также во многихъ великолѣпныхъ и обширныхъ сочиненіяхъ. Кто интересуется топографіею Іерусалима,—а этотъ предметъ дѣйствительно заслуживаетъ интереса,—можетъ найдти желаемыя свѣдѣнія въ слѣдующихъ изданіяхъ: The Recovery of Jerusalem. A narrative of exploration and discovery in the city of the holy land. By Capt. Wilson, Warren etc. London. 1871. 8°., затѣмъ Our work in Palestine: being au account of the different expeditions sent out to the holy Land by the Committee of the Palestine Exploration Fund. London. 1873. 8°; наконецъ, Charles Warren: Underground Jerusalem, an account of some of the principal difficulties encountered in its explorations ant the results obtained. With a narrative of an expedition through the Jordan Valley and a visit to the Samaritans. London. 1877. 8°. Въ нынѣшнемъ Іерусалимѣ около 28,000 жителей, изъ нихъ 10,000 евреевъ и 5000 христіанъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Главнѣйшія отрасли промышленности—фабрикація мыла и приготовленіе такъ называемыхъ іерусалимскихъ товаровъ: распятій, четокъ и т. д.; эти предметы готовятся изъ перламутра и масличнаго дерева и покупаются преимущественно богомольцами, стекающимися въ святой городъ ежегодно въ числѣ 6000—8000 человѣкъ. Заграницу вывозятся: деревянное масло и хлѣбъ. Скотоводство ограничивается разведеніемъ лошадей, верблюдовъ, ословъ, муловъ, овецъ и козъ; крупнаго же рогатаго скота имѣется мало. Соломоновскіе пруды и древній водопроводъ снова были возстановлены по приказанію губернатора Иззета-паши, съ цѣлью водоснабженія города. Европа соединена съ Іерусалимомъ двумя телеграфными линіями: одна идетъ на Бейрутъ, а другая—на Александрію. (См. о Іерусалимѣ: Sepp. Jerusalem und das heilige Land. Schaffhausen 1872. 8°. 2 тома, 2-ое изданіе.—Titus Tobler: Grundriss von Jerusalem. St. Gallen. 1853. 8°. 2-ое изданіе.—Dr. P. Wolff. Jerusalem. Nach eigener Anschauung und den neuesten Forschungen geschildert. Leipzig.

Іерусалимъ.

1875. 8°. S. 149 u. ff.—Karl Zimmermann. Karten und Pläne zur Topographie des alten Jerusalem. Mit einer Begleitschrift. Basel. 1876. 8°).

Послѣ Іерусалима заслуживаютъ упоминанія: сосѣдній съ нимъ Бейтъ-Ламъ (Виѳлеемъ) съ 5000 жителей и большею церковью Божьей Матери надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ, по преданію, родился Іисусъ Христосъ (T. Tobler: Bethlehem in Palästina. St.-Gallen. 1849. 8°), а далѣе къ югу—Эль-Халиль (Гебронъ) съ 10,000 жителей.

Восточною границею вышеописаннымъ мѣстностямъ служитъ глубокое ущелье долины Іордана, или Хоръ, придающій природѣ Палестины своеобразный отпечатокъ.

Рѣка Іорданъ беретъ начало на Джебель-эшъ-Шейхѣ и составляется изъ трехъ истоковъ; самый большой изъ нихъ—Нахръ-Гасбани. Послѣдній течетъ въ чрезвычайно плодородной долинѣ, по направленію какъ-разъ съ сѣвера на югъ, и впадаетъ въ маленькое тинистое, поросшее тростникомъ, озеро Эль-Гулехъ, носящее въ Священномъ Писаніи названіе Меромъ. Къ сѣверу отъ озера лежитъ большое болото, совершенно наполненное тростникомъ и камышемъ—до непроницаемости. На югѣ бассейнъ Гулеха замкнутъ выше расположеннымъ, широкимъ полемъ, съ чрезвычайно разнообразною, большею частью невоздѣланною, почвою, которая только къ югу отъ озера образуетъ впадину; по ней-то и протекаетъ Іорданъ въ своемъ глубокомъ скалистомъ ложѣ, на протяженіи около 15 километровъ, направляясь къ Тиверіадскому озеру. Паденіе отъ выше расположеннаго озера (Эль-Гулехъ) къ нижележащему (Тиверіадскому) составляетъ не менѣе 230 метровъ, и такъ какъ Тиверіадское озеро лежитъ уже на 193 метра ниже уровня Средиземнаго моря, то на этой короткой полосѣ и происходитъ переходъ къ глубокой впадинѣ, характеризирующей бассейнъ Іордана. Тиверіадское озеро, нынѣ Бахръ-Табаріэхъ, называемое также Галилейскимъ или Генисаретскимъ озеромъ, представляетъ прозрачный, богатый рыбою, водный бассейнъ, окаймленный кругомъ живописными горами и холмами, роскошно одѣтыми весною сочной растительностью; но впослѣдствіи они, при полномъ отсутствіи деревьевъ, пожигаются солнцемъ и пріобрѣтаютъ пустынный видъ. На западной сторонѣ озера тянется прославленная своимъ плодородіемъ равнина Генисаретская, называемая въ настоящее время Эль-Гувейръ, «Малымъ Хоромъ»; здѣсь лежатъ развалины Капернаума и нездоровое мѣстечко Табаріэхъ (Тиверія) съ 3000 жителей, въ плодородномъ, богатомъ пальмами краѣ. (См. Sepp: Rundfahrt am Galiläischen Meere, въ «Beil. zur Allgem. Zeit.», отъ 10 февраля 1875 г.). Ниже озера, въ двухъ-трехъ часахъ пути, возвышаются горы Айлунъ (Ajlûn), образуя съ этого мѣста восточную преграду Хора прерываемую лишь долиною Яббока. Между Тиверіадскимъ озеромъ и Сакутомъ простирается длинная низменная равнина Хора; кромѣ Іор-

дана, дѣлающаго здѣсь массу изгибовъ и заворотовъ, въ ней находится множество источниковъ и рѣченокъ, а общій видъ равнины свидѣтельствуетъ о величайшемъ плодородіи. Къ югу отъ горы Карнъ-Сартабехъ характеръ долины Хора мѣняется. Она обращается въ изсушенную солнцемъ пустыню; зеленая полоска тянется только по обѣимъ сторонамъ Іордана, у самыхъ береговъ его. Такія-же береговыя полоски находятся и вдоль рѣчекъ меньшей величины, образующихся изъ обильныхъ источниковъ у подошвы горъ. Стѣны послѣднихъ вдоль обоихъ береговъ Іордана, по мѣрѣ того, какъ они приближаются къ Мертвому морю и, наконецъ, окружаютъ его, дѣлаются все выше и выше и пріобрѣтаютъ угрожающій, страшный видъ, а впечатлѣніе непривѣтливой, обширной пустыни все болѣе и болѣе усиливается. Къ сѣверу отъ Іерихона, горы, въ особенности западныя, начинаютъ постепенно отодвигаться, такъ что у Іерихона долина расширяется до 15—20 километровъ. Такой характеръ сохраняется и вдоль Мертваго моря, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ. (Edward Robinson. Physische Geographie des heiligen Landes. Leipzig. 1865. 8°. S. 72—77).

Бахръ-Лутъ, или Мертвое море, удаленное отъ Тиверіадскаго на 100 километровъ, по величинѣ, приблизительно, равно Женевскому озеру въ Швейцаріи, имѣетъ 64 километра въ длину, 14½ килом. средней ширины, лежитъ на 394 метра ниже уровня Средиземнаго моря, а наибольшая глубина его равна 399 метр., такъ что общая глубина земной трещины, лишь до половины выполненной солянымъ озеромъ, составляетъ 793 метра ниже поверхности Средиземнаго моря. Весьма вѣроятно, что, не смотря на все еще довольно большой притокъ водъ, уровень озера медленно понижается.

Вычислено, что рѣка Іорданъ ежедневно изливаетъ въ Мертвое море 6.000,000 тоннъ воды; слѣдовательно, это огромное количество должно ежедневно-же и испаряться, ибо при глубокомъ положеніи озера оттокъ не мыслимъ. Въ самомъ дѣлѣ, знойный, сухой воздухъ можетъ вмѣстить огромное количество водяныхъ паровъ, отдѣляющихся съ поверхности этого озера, единственнаго въ своемъ родѣ. Вслѣдствіе сильнаго испаренія, остающаяся вода насыщается минеральными веществами, которыя къ тому же выщелачиваются также изъ соленосныхъ мергельныхъ пластовъ берега. Въ среднемъ вода содержитъ 25% твердыхъ составныхъ частей; изъ нихъ почти половина приходится на долю поваренной соли (хлористаго натрія). Хлористая магнезія, также растворенная въ озерной водѣ, придаетъ послѣдней противный горькій вкусъ; хлористый кальцій сообщаетъ ей маслянистость и дѣлаетъ ее склизкою на ощупь. Кромѣ того, вода содержитъ еще и другія вещества, но въ меньшемъ количествѣ; кипитъ она при 84° Р. Соль Мертваго моря и сосѣднихъ

мергельныхъ слоевъ разработывается и отвозится въ Іерусалимъ. Асфальтъ, или іудейская смола, вѣроятно, массами залегаетъ на днѣ озера, и лишь при землетрясеніяхъ или буряхъ куски ея отрываются и выносятся на поверхность воды. Фраасъ доказалъ ошибочность долго господствовавшаго воззрѣнія, будто бы Мертвое море лежитъ въ вулканической области; ему нигдѣ не удалось отыскать ни слѣдовъ вулканическихъ породъ, ни слѣдовъ вулканической дѣятельности въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова. Нѣтъ ни нарушенія въ расположеніи пластовъ, ни взброса ихъ, ни пониженія, ни пролома, ни сдвига. Сѣра, о которой упоминаетъ большинство путешественниковъ, приносится съ верхней части Іорданской долины. Образованіе іорданской трещины съ ея глубокою впадиною въ срединѣ Мертваго моря находится въ столь тѣсной связи съ образованіемъ всей страны, что никому уже не можетъ придти въ голову, что Мертвое море есть результатъ вулканическаго образованія, равно какъ и того, что позднѣе, уже въ историческія времена, озеро испытало какое либо существенное измѣненіе, напр. появленіе въ его водѣ большаго количества соли. Напротивъ, вся іорданская трещина древнѣе, нежели отложеніе третичныхъ пластовъ. Въ настоящее время совершенно доказано, что въ водѣ Мертваго моря вовсе нѣтъ никакихъ живыхъ существъ; въ немъ не было найдено ни раковинъ, ни кораллов, и даже морскія рыбы очень скоро пропадаютъ, если ихъ перенести въ эту щелокообразную воду. Однако, увѣреніе, будто на берегахъ Мертваго моря не можетъ существовать ни одно живое существо, не можетъ пролетѣть надъ нимъ ни одна птица,—принадлежитъ къ числу басенъ. Къ югу отъ Мертваго моря лежитъ высокій хребетъ каменной соли—Джебель-Усдумъ и простирается пустынное соляное болото Эсъ-Себка, питаемое двумя рѣками, текущими съ Арабаха, именно Вади-эдъ-Джейбъ и большею—Вади-эсъ-Сафіехъ. Пройдя это опасное соляное болото, путешественникъ достигаетъ границы древней Эдомитской земли и находится въ древнемъ Моабѣ, на восточно-іорданской столовой возвышенности. (Bädeker-Socin: Syrien und Palästina. S. 281—282. См. также Fraas: Das Todte Meer. Stuttgart 1867. 8°.)

Область къ востоку отъ Іордана, населенная хищническими, дикими бедуинами, дѣлающими ее труднодоступною, часто называется Переею, т. е. страною по ту сторону Іордана; она состоитъ изъ двухъ плоскогорій—сѣвернаго и южнаго, отдѣленныхъ горами Гилеадъ; къ востоку же оба нагорья переходятъ въ Сирійско-Аравійскую пустыню. До самаго послѣдняго времени эта древняя страна моабитовъ была настоящею terra incognita, и лишь очень недавно многочисленные развалины и памятники древности, сокрытые въ ней, привлекли европейскихъ путешественниковъ въ эту давно замкнутую территорію. (См. Die neuen

Forschungen im Moabiterlande, въ «Ausland», 1874, № 47, S. 922—927). Всего болѣе для изученія ея сдѣлали англичане Э. Г. Пальмеръ и д-ръ Г. Б. Тристрамъ. (Tristram. The Land of Moab; travels and discoveries on the eastside of the Dead Sea and the Jordan. London. 1873. 8°).

При разсматриваніи съ западнаго берега Мертваго моря, Моабъ представляется горною цѣпью, которая въ дѣйствительности есть лишь край высокаго плоскогорья, возвышающагося на 760 до 914 метровъ надъ уровнемъ моря, или на 1220 метровъ надъ поверхностью Мертваго моря; оно прорѣзано глубокими долинами, а края его имѣютъ крутые склоны. Къ востоку страна съ такими свойствами простирается на протяженіи около 40 километровъ, до безплодной известняковой цѣпи, считающейся континентальною границею съ Аравіею; повсюду видишь разбросанныя деревни, земля покрыта обвалившимися стѣнами, которыя нѣкогда окружали хлѣбныя поля и сады, и вообще все свидѣтельствуетъ о томъ, что нѣкогда здѣсь господствовало большое благосостояніе и чрезвычайное плодородіе, да и въ настоящее время всегда плохо воздѣланная земля отличается богатствомъ и плодородіемъ, повсюду виднѣются, смотря по времени года, или обширныя пространства зеленаго хлѣба, или запряженные въ плугъ волы. Мелко-зернистый красный супесокъ приноситъ изъ года въ годъ богатый урожай пшеницы, безъ всякаго удобренія. На равнинѣ возвышаются многочисленные «телли» или холмы, еще и понынѣ носящіе моабитское названіе «гаритъ» (harith); они то преимущественно и покрыты развалинами древнихъ городовъ и деревень. Воды, текущія всѣ съ востока на западъ, пролагаютъ себѣ ложе сперва въ видѣ едва замѣтныхъ желобовъ, но затѣмъ послѣдніе мало-по-малу углубляются и, наконецъ, принимаютъ видъ крутыхъ ущелій, въ которыхъ онѣ и текутъ до самаго Мертваго моря.

Важнѣйшія изъ этихъ «вади» суть: Феракъ, Моджебъ (Арнонская долина) и Зерка-Маинъ (Zerka-Maïn). Какъ и слѣдовало ожидать, климатъ Моаба отличается непостоянствомъ: на плоской возвышенности термометръ падаетъ ночью на 4° Р. ниже нуля; черезъ три же дня на берегу озера въ полночь показываетъ 19° Р. выше нуля. Что касается растительности, то всякій, прибывшій изъ безплодной мѣстности, лежащей къ западу отъ Іордана, поражается тѣмъ, что встрѣчаетъ здѣсь струящіеся ручьи, а мѣстами—также и лѣса. Но послѣдніе не имѣютъ никакого подобія съ высокоствольными лѣсами Германіи; лѣса разсматриваемой нами мѣстности состоятъ изъ «батма» (терпентинное дерево), «баллуда», или дубовъ, доставляющихъ чернильные орѣшки; но эти деревья достигаютъ незначительной вышины. Самые обширные лѣса встрѣчаются на нижнемъ Вади-Зерка, но всегда они бываютъ на столько невелики, что ихъ можно проѣхать верхомъ въ 5—10 минутъ. Далѣе, въ этихъ лѣ-

сахъ почти вовсе нѣтъ ни тѣни, ни подлѣска, а это именно и придаетъ нашимъ лѣсамъ красоту; стволы стоятъ далеко другъ отъ друга, такъ что въ промежутки на землю падаютъ солнечные лучи. (Globus. XXI томъ, стр. 303).

Такъ какъ Палестина также имѣетъ несчастіе быть провинціею Турецкой имперіи, то она, само собою разумѣется, находится въ большомъ упадкѣ. Обычное турецкое хозяйничанье ложится тяжелымъ бременемъ на бѣдное населеніе, численность коего едва-ли превосходитъ 650,000 душъ.

Населеніе раздѣляется на бедуиновъ, т. е. кочующихъ арабовъ, и осѣдлыхъ земледѣльцевъ, или феллаховъ. Трудно себѣ представить положеніе болѣе ужасное и жизнь болѣе несчастную, чѣмъ та, которая выпала на долю феллаховъ. Безсильные и безправные, они не болѣе, какъ игрушка въ рукахъ чиновниковъ, дѣятельность которыхъ и здѣсь также, само собою разумѣется, ограничивается взиманіемъ податей, а тяжесть послѣднихъ тѣмъ чувствительнѣе, что онѣ распредѣляются лицомъ, соотвѣтствующимъ нашему землевладѣльцу,—шейхомъ деревни, причемъ, конечно, подобный господинъ дѣйствуетъ по своему произволу и никогда не забываетъ интересовъ собственнаго кармана. Къ тому же деревенскихъ жителей ненавидятъ елико возможно кочевые арабы, именно за ихъ покорность правительству, и угрожаютъ ихъ жизни и имуществу, лишь только тому представится удобный случай. Феллахи живутъ въ жалкихъ мазанкахъ, обыкновенно въ старыхъ, брошенныхъ за негодностью, постройкахъ, да и это тѣсное помѣщеніе раздѣляютъ со всѣмъ своимъ скотомъ, котораго, впрочемъ, у нихъ не Богъ вѣсть сколько. Они говорятъ повсюду на арабскомъ языкѣ, исповѣдуютъ большею частью магометанскую вѣру; иногда между ними встрѣчаются и христіане, но никогда—послѣдователи іудейской вѣры. (Paul Langerhaus. Ueber die heutigen Bewohner des heiligen Landes, въ «Archiv für Anthropologie». VI томъ, стр. 201 до 202). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, горсть религіозныхъ мечтателей вышла изъ Германіи, въ особенности изъ Виртемберга, и поселилась, образовавъ общины подъ именемъ «храмовыхъ» (Tempelgemeinden), въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Палестины (Каифѣ, Яффѣ, Саронѣ и Іерусалимѣ), и вотъ теперь съ нѣкоторою высокопарностью говорятъ «о нѣмецкой колонизаціи» въ Палестинѣ, хотя она находится пока еще только въ зародышѣ, ибо общее число всѣхъ «храмовниковъ», во включеніемъ дѣтей, не превышаетъ 750 человѣкъ. (Подробности см. въ сочиненіи Хр. Гофмана (Chr. Hoffmann): Occident und Orient. Eine culturgeschichtliche Betrachtung vom Standpunkte der Tempelgemeinden in Palästina. Stuttgart. 1875. 8°).

ГЛАВА V.

Аравія.

Географы причисляютъ Аравійскій полуостровъ къ самымъ жалкимъ странамъ. Въ самомъ дѣлѣ, на картахъ Аравіи зіяютъ большія, широкія бѣлыя пятна, свидѣтельствующія о скудности нашихъ познаній о колыбели ислама. Очень рѣдко нога европейца ступала по раскаленному, переносимому съ мѣста на мѣсто, песку Аравійской пустыни; до сихъ поръ еще остается неизслѣдованною почти половина этой огромной области, которая, по всей своей природѣ, своему климату, флорѣ и фаунѣ, по своимъ этнографическимъ особенностямъ и исторіи, такъ близко подходитъ къ сосѣдней Африкѣ, отъ которой она отдѣляется лишь узкою водяною полосою Чермнаго или Краснаго моря, на столько родственна ей, что ее съ бо̀льшимъ правомъ можно было бы причислить къ этой части свѣта, нежели къ Азіи. Крайнее сходство обѣихъ сторонъ Краснаго моря заставляетъ предполагать, что нѣкогда соединенныя части разорвались въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находятся Красное море и Аденскій заливъ; разрывъ произошелъ по линіи, соединяющей опускающіеся берега Далмаціи, вулканическую область Греческихъ острововъ, вулканическіе острова Краснаго моря и вулканы Коморскаго архипелага; параллельно этой линіи идетъ сбоку вулканическій поясъ отъ Гаурана до окрестностей Мекки. Большая Сирійская пустыня отдѣляетъ Аравію отъ лежащихъ позади странъ Ливана и славившейся въ древности Месопотаміи.

Большая часть путешествій въ Аравію ограничивалась узкою береговою полосою вдоль Краснаго моря, которая, вслѣдствіе этого, какъ показываютъ имѣющіяся карты, всего лучше изучена. За то какъ скудны наши познанія о прочихъ частяхъ Аравіи, особенно о ея жаркомъ поясѣ, пересѣкаемомъ, въ мѣстѣ наибольшей ширины, тропикомъ Рака. Древніе раздѣляли Аравію на три области: Arabia Petraea (Каменистая), Deserta (Пустынная) и Felix (Счастливая). Настоящее дѣленіе ея ненадежно и непостоянно; но вообще принято слѣдующее раздѣленіе: Іеменъ—на юго-западѣ; Гадрамаутъ—вдоль южнаго берега; Оманъ—на юго-востокѣ; Эль-Гасса, Ласа или Эль-Аса—вдоль береговъ Персидскаго залива; Неджедъ, внутренняя часть, верхнія части возвышенныхъ равнинъ; Эль-Гэджасъ—сѣверная часть западнаго побережья, и

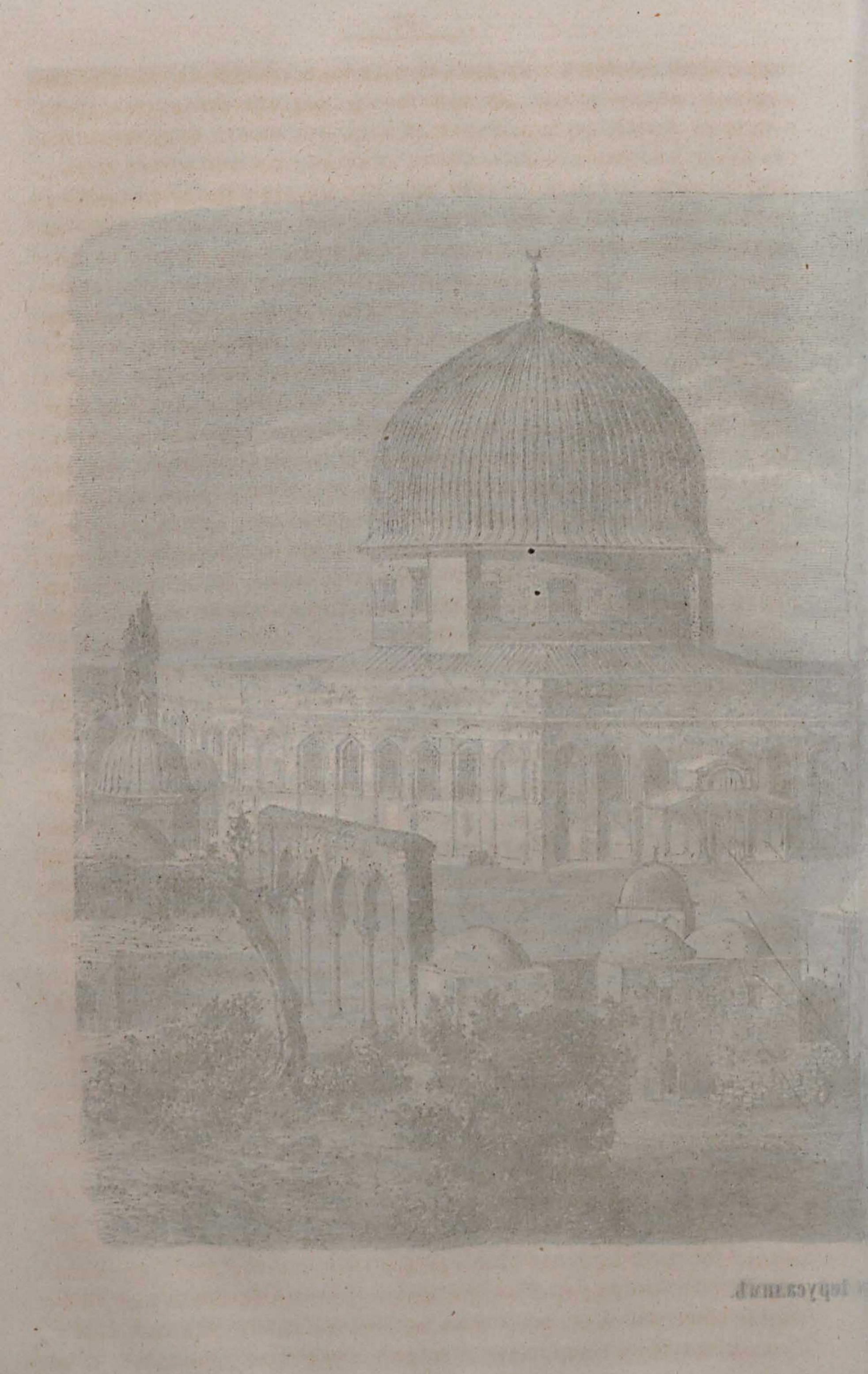
Бахръ-эль-Туръ-Синай, или Эль-Гаджръ, Синайскій полуостровъ. Кромѣ этихъ, само собою разумѣется, встрѣчается еще множество другихъ названій, относящихся къ болѣе или менѣе ограниченнымъ полосамъ.

На югѣ Палестины простирается въ южномъ направленіи единственный, до нѣкоторой степени самостоятельный, членъ Аравіи — Синайскій полуостровъ, имѣющій треугольную форму, вслѣдствіе того, что онъ, такъ сказать, сжатъ между заливами Суэзскимъ на западѣ и Акабскимъ на востокѣ, представляющими двѣ прямолинейныя, узкія трещины Краснаго моря. Полуостровъ этотъ вообще ни что иное, какъ прорѣзанное дикими ущельями известковое скалистое плоскогорье, называемое на сѣверѣ Эль-Тихъ, а на югѣ переходящее въ альпійскія горы Синая. Въ настоящее время полуостровъ находится подъ властью Египта, а прямая линія отъ Эль-Ариша, при Средиземномъ морѣ, до Акабы, при заливѣ того же имени, служитъ границею между египетскими и турецкими владѣніями. Эта пустынная мѣстность, величиною въ 25,000 квадр. километровъ, населена не болѣе, какъ 4000 кочующихъ бедуиновъ, едва находящихъ себѣ здѣсь необходимое пропитаніе. Такъ какъ мнѣніе, будто-бы, между временами Моисея и христіанскою эрою произошла глубокая перемѣна климата, совершенно не доказано, то отсюда слѣдуетъ, что и библейское сказаніе о томъ, будто-бы израильскій народъ обиталъ въ этой пустынѣ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, не выдерживаетъ критики. Нагота скалъ придаетъ окрестностямъ Синая величественность и красоту. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ никакая растительность не округляетъ рѣзкихъ контуровъ горъ и не маскируетъ ихъ естественной формаціи, то каждая отдѣльная скала обнаруживаетъ свои особенные форму и цвѣтъ очень явственно, словно гигантская геологическая модельная карта. Въ нѣкоторыхъ «вади» склоны горъ, прорѣзанные многочисленными жилами самыхъ блестящихъ окрасокъ, отличаются несказанною живописностью и фантастическими очертаніями. Впечатлѣніе еще усиливается прозрачностью воздуха и ослѣпительнымъ блескомъ солнца, ибо одна часть горы горитъ красноватымъ или золотистымъ свѣтомъ, тогда какъ другая часть погружается въ самую густую тѣнь. Одна отдаленная вершина кажется неоднократно исчезающею въ мягкой синевѣ небесъ, а другая—высится въ полномъ великолѣпіи, облитая пурпуровымъ или фіолетовымъ свѣтомъ. И какая иллюзія: вслѣдствіе игры свѣта, кажется, будто голыя скалы, представляющіяся лишь остовомъ ландшафта, одѣты лѣсами и виноградниками, а вершины ихъ покрыты вѣчными снѣгами! Какъ будто бы природа хотѣла показать здѣсь, что даже тамъ, гдѣ она является самою пустынною и негостепріимною, оно можетъ являть картины чудной красоты. Всякому европейцу извѣстно, что ветхозавѣтное названіе Синай обозначаетъ гору, на которой почти 3400 лѣтъ до нашего времени Моисей

получилъ десять заповѣдей. Тѣмъ удивительнѣе для европейца, что на самомъ мѣстѣ этого названія вовсе не знаютъ. Бедуинъ покачиваетъ головою, когда его спрашиваютъ о «горѣ Синаѣ», и указываетъ на Джебель-Музу (Моисеева гора), одну изъ высочайшихъ горныхъ вершинъ полуострова, гдѣ возвигнута часовня Моисея и мечеть пророка. Но никто не можетъ сказать навѣрно, что именно на этой вершинѣ Моисей получилъ Божью благодать, и уже очень давно знаменитые, истинно-ученые путешественники выражали свое сомнѣніе на-счетъ того, чтобы заповѣди были даны Моисею на горѣ Музѣ и указывали на Джебель-Сербаль (2144 метра), лежащую сѣверные на два дня пути. Наконецъ, англичанинъ Ч. Беки (Beke) считаетъ Синаемъ гору Баргиръ или Джебель-э-Нуръ, означающую въ переводѣ съ арабскаго «Гору Свѣта» и имѣющую 1520 метровъ вышины; она вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ одну изъ главныхъ точекъ цѣпи, которая ограничиваетъ съ востока долину р. Арабы. Съ гранитной вершины Музы видно, что надъ нею высится цѣлый рядъ горъ, расположенныхъ болѣе къ югу, именно Джебель-Катеринъ (2760 метровъ высоты), еще болѣе южная Джебель-Умшомеръ (2830 метр.) и Джебель-Гешъ (около 2950 метр.). Никто изъ европейцевъ еще не всходилъ на эти горы. За исключеніемъ Вади-Мегары, древняго египетскаго горнозаводскаго округа, доставляющаго еще и нынѣ бирюзу, любимый камень въ странахъ Востока, за исключеніемъ глубоко врѣзывающагося, порфирнаго Вади-Мокаттебъ и оазиса Вади-Фейранъ, «жемчужины Аравіи», по которому идутъ богомольцы въ Сербаль, направляясь затѣмъ по Вади-эль-Шехъ, ведущему къ древнѣйшему христіанскому монастырю—Св. Екатерины на Джебель-Муза, за исключеніемъ этихъ вади и двухъ поперечныхъ долинъ, изъ коихъ одна ведетъ изъ монастыря къ Эль-Тору (Вади-Гебранъ) у Краснаго моря, а другая—къ Акабѣ, вся альпійская страна Синая, сходная по геологическому строенію съ европейскими Альпами и сохранившая слѣды бывшихъ нѣкогда ледниковъ, представляется terra incognita и, по всей вѣроятности, еще долго останется таковою. (O. Fraas. Der Berg Sinaï, въ «Ausland» 1873, № 47, S. 921, № 48, S. 949, а также Ain Musa oder die Mosisquellen der Sinaï Halbinsel, въ «Ausland», 1866, № 35, S. 821; наконецъ, см. его книгу: «Aus dem Orient». Stuttgart. 1868. 8°).

Жители пустыннаго синайскаго горнаго округа—арабы товарахи («товарахи» есть множественное число отъ Тура, а послѣднее названіе произошло отъ «Торъ», древняго наименованія полуострова). Господствующее въ Европѣ мнѣніе о кочевой жизни арабовъ—ошибочно. Обыкновенно ихъ представляютъ безпрестанно перекочевывающими съ мѣста на мѣсто со своими палатками; въ дѣйствательности-же нѣтъ ни одного народа, который бы кочевалъ меньше или любилъ свою родину больше, нежели бедуины. Да и арабскій языкъ—почти единственный, имѣющій соотвѣтствующее англійскому «home» слово «watan». Зимою и лѣ-

Мечеть Омара въ Іерусалимѣ.



томъ они располагаются въ особыхъ палаткахъ, лагерями, и очень рѣдко мѣняютъ мѣсто—развѣ для того, чтобы перемѣститься изъ одного пункта въ другой, сообразно времени года. При своихъ передвиженіяхъ они никогда не разбиваютъ шатровъ, но спятъ подъ открытымъ небомъ, завернувшись въ плащъ. Лагери ихъ напоминаютъ цыганскіе таборы; разница лишь въ томъ, что обитатели первыхъ болѣе дики и красивы. Женщины, въ темносинихъ плащахъ, обращаютъ зерно въ муку на первобытныхъ ручныхъ мельницахъ, или ткутъ парусину для палатокъ; дѣти собаки и козы играютъ вмѣстѣ въ счастливомъ согласіи; мужчины же бездѣльничаютъ, пьютъ кофе и курятъ—такова живописная и интересная картина бедуинскаго лагеря. Другое представленіе, будто бы всѣ арабы съ ранней юности занимаются грабежомъ и разбоемъ, также ошибочно. Правда, взгляды ихъ на право собственности не сходны съ нашими, въ тѣхъ случаяхъ, когда чуждое или враждебное племя, или вообще непрошенный гость проникнетъ на ихъ собственную землю. Но какъ между собою, такъ и по отношенію къ людямъ, довѣрившихся ихъ защитѣ, честность и вѣрность ихъ выше всякаго искушенія. Вслѣдствіе ужасной строгости, съ какою выполняется кровавая месть, убійства въ пустынѣ бываютъ гораздо рѣже, нежели въ цивилизованныхъ странахъ. Условія страны и образъ жизни арабовъ создали между членами отдѣльныхъ родовъ подобіе союза, а быть можетъ — также и симпатію ко всѣмъ, принадлежащимъ къ ихъ племени; но это—и все: у арабовъ не существуетъ никакой соціальной, еще менѣе политической организаціи. Правда, бываютъ обстоятельства, когда является необходимость въ единодушномъ дѣйствіи или вмѣшательствѣ избраннаго мироваго судьи; дѣйствительно, въ виду такихъ случаевъ, существуетъ обыкновеніе назначать шейха и агида. Но разъ нужда миновала и кризисъ прошелъ, арабъ уже не подчиняется никому, никого въ свѣтѣ не признаетъ своимъ повелителемъ, кромѣ себя самого. Въ синайской пустынѣ и въ другихъ мѣстахъ, куда проникло европейское вліяніе, замѣчается уже нѣкоторое смягченіе нравовъ, ибо религіозное и политическое proffession de foi тури или маграби сказывается въ слѣдующей заповѣди: «Бойся Бога и консула!» Контрастъ, замѣчаемый въ соціальномъ отношеніи между бедуинами и болѣе цивилизованными жителями городовъ и деревень Востока, во всякомъ случаѣ въ пользу первыхъ. Простая пища бедуиновъ, неиспорченный воздухъ, которымъ они дышатъ, придаютъ имъ здоровье тѣла и духа. Они веселы и даже склонны къ шутливости, часто переносятъ величайшіе труды и лишенія, никогда не жалуясь на судьбу. Обращеніе ихъ съ другими—вѣжливое и чрезвычайно деликатное. Съ другой стороны, нельзя не признать, что во время спора—а онъ почти всегда завязывается, когда дѣло идетъ о деньгахъ—бедуины ругаются и грызутся такъ старательно, что имъ можетъ позавидовать цивилизованное общество. При заключеніи какой-либо торговой сдѣлки, арабъ не стыдится лгать напропалую и содрать лишнее; но разъ сдѣлка кон-

чена, онъ твердо держитъ данное слово. Воровство и обманъ между арабами вовсе неизвѣстны. Какъ у большинства народовъ Востока, дѣти, пока не выросли, относятся къ родителямъ съ величайшимъ почтеніемъ; но лишь только молодой бедуинъ достигъ такого возраста и сдѣлался на столько сильнымъ, что въ состояніи самъ бороться за существованіе, онъ снимаетъ съ себя эту обязанность, мало заботится объ отцѣ и считаетъ его совершенно равнымъ себѣ. Конечно, на мужчинахъ лежитъ обязанность заботиться о пропитаніи; но содержаніе семей скудно и недостаточно, по малости средствъ. Верблюдъ доставляетъ главныя средства существованія; перевозка путешественниковъ, богомольцевъ, товаровъ и т. под. въ монастырь—важный источникъ заработка для жителей полуострова, но онъ ненадеженъ, и имъ пользуются лишь немногія колѣна, которымъ предоставлено право быть «гуфарами» (ghufara), т. е. «защитниками». Незначительная мѣновая торговля ведется также между Суэцомъ и Каиромъ; арабы привозятъ уголь, мельничные жернова, аравійскую камедь (gummi arabicum) и т. под., взамѣнъ чего получаютъ зерно и табакъ. Нѣкоторые бедуины, живущіе въ болѣе плодородныхъ округахъ, напр. въ Фейранѣ, имѣютъ небольшіе участки земли, на которой воздѣлываютъ табакъ, покупаемый или вымѣниваемый сосѣдними колѣнами. Въ Фейранѣ и другихъ мѣстахъ нѣкоторые владѣютъ финиковыми пальмами; плоды ея служатъ важнымъ пищевымъ средствомъ для товараховъ. У кого есть стада овецъ и козъ, тотъ пользуется отъ нихъ шерстью и волосомъ, а весною употребляетъ въ пищу также и молоко этихъ животныхъ; бедуины рѣдко убиваютъ ихъ—развѣ для жертвоприношеній. Другой предметъ торговли—«муннъ», или манна, т. е. клейкая, сахароподобная масса, просачивающаяся изъ деревьевъ «тарфахъ» (tarfah) или тамарисковъ. Она каплетъ въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, во время цвѣтенія абрикосовъ. (Der Schauplatz der vierzigjährigen Wüstenwanderung Jsraels. Fussreisen in der Sinaï-Halbinsel und einigen angrenzenden Gebieten in Verbindung mit der «Ordnance Survey of Sinaï» u. dem «Palestina Exploration Fund» unternommen von E. H. Palmer, Gotha. 1876).

Собственно Аравійскій полуостровъ представляетъ плоскогорье, величиною въ 2.750,000 квадр. километровъ; на немъ живетъ самое большее 5 милліоновъ людей семитическаго происхожденія, раздѣляющихся на осѣдлыхъ и кочующихъ арабовъ; кочующіе арабы, эти дѣти пустыни, обыкновенно называются бедуинами. Сѣверо-западное побережье Аравіи, т. е. части, прилегающія къ Красному морю, Геджасъ и Іеменъ, образуетъ турецкій вилайетъ, вали котораго живетъ въ Моккѣ. Но дѣйствительнымъ властителемъ и повелителемъ этой страны является главный шерифъ Мекки и Медины; онъ—верховный глава теократическаго дворянства и имѣетъ лишь духовную власть;

но, будучи стражемъ святыхъ мѣстъ магометства, этотъ шерифъ ежегодно получаетъ отъ стамбульскаго падишиха богатые подарки за признаніе его монархомъ.

Мѣстность, гдѣ расположена Мекка, Римъ мусульманъ, съ 45,000 жителей, представляетъ узкую долину, окруженную скалами. Въ южной части Мекки находится «Бейтъ-Уллахъ», т. е. «Божій домъ». Это—большая мечеть Мекки, содержащая знаменитую Каабу. Зданіе Каабы, почти заграждающее входъ въ тѣсную скалистую долину Мекки, образуетъ продолговатый четырехугольникъ, съ сѣверо-востока на юго-западъ; оно имѣетъ 250 шаговъ длины и 200 шаговъ ширины. Сѣверная часть его состоитъ изъ четырехъ рядовъ колоннъ; прочія же стороны—лишь изъ тройныхъ колоннадъ, соединенныхъ вверху сводами, изъ коихъ каждые четыре увѣнчаны куполомъ. Число всѣхъ куполовъ равно 152. По всей длинѣ зданія висятъ со сводовъ стеклянныя лампы; онѣ всѣ зажигаются въ рамаданъ (постъ). Древнѣйшія колонны высѣчены изъ горной породы, встрѣчающейся въ изобиліи въ окрестностяхъ Мекки; позднѣйшія же колонны—изъ мрамора, гранита и порфира; онѣ большею частью принесены въ даръ правовѣрными. Впрочемъ, въ числѣ колоннъ находятся также и античныя произведенія, привезенныя изъ разрушенныхъ греческихъ и римскихъ храмовъ Египта и Сиріи. Это мечеть своими колоннадами окружаетъ «Святой домъ», т. е. Каабу. Послѣдная представляетъ небольшое масивное сооруженіе, высотою около 13 метровъ. Живучее преданіе и сильная вѣра въ чудеса, свойственная магометанскому міру, буквально окутали и переполнили легендами и разсказами это маленькое, невзрачное, удивительное зданіе. На сѣверной сторонѣ находятся врата, ведущія внутрь святилища. Лѣстница вымощена золотомъ и серебромъ. Въ одномъ углу Каабы лежитъ знаменитый «черный камень». Преданіе гласитъ, что онъ былъ данъ Богомъ Аврааму, въ знакъ особенной милости. Изслѣдованіе показало, что этотъ камень—аэролитъ; значитъ, онъ дѣйствительно упалъ съ неба. Дорогія восковыя свѣчи и ладонницы наполняютъ Каабу одуряющимъ благовоніемъ. Всякій изъ правовѣрныхъ, вступая въ Каабу, непремѣнно цѣлуетъ священный камень; поэтому онъ такъ же чистъ и блестящъ, какъ и извѣстный палецъ «Святаго Петра» въ соборѣ Св. Петра въ Римѣ. На западной сторонѣ Каабы лежитъ знаменитый «золотой желобъ». По немъ съ плоской крыши стекаетъ дождевая вода, обладающая яко-бы чудодѣйственною силою. Какъ извѣстно, посѣщеніе Мекки для невѣрнаго, т. е. не-мусульманина, затруднено длиннымъ, запутаннымъ церемоніаломъ, а проникновеніе туда, помимо этого, до сихъ поръ еще сопряжено для любопытнаго съ большими опасностями. Еще опаснѣе посѣщеніе Медины, гдѣ хранится гробъ Магомета. Медина расположена на окраинѣ большой Аравійской пустыни, у самой цѣпи горъ, прорѣзывающей страну съ сѣвера на югъ. Городъ лежитъ также въ святой мѣ-

стности, Геджасѣ, обнимающей всю береговую полосу отъ Iемена до Суэзскаго перешейка. Медина—прочно выстроенный изъ камня городъ, со множествомъ узкихъ переулковъ, гдѣ повсюду отдаются въ наемъ квартиры для богомольцевъ, стекающихся сюда массами на поклоненіе гробу пророка. Лучшая улица идетъ отъ Каирскихъ воротъ до большой мечети. Мекка—большой торговый пунктъ и обширный рынокъ; Медина же очень тихое мѣсто, неоживляемое никакою дѣятельностью. Въ ней считается не болѣе 16,000 до 18,000 душъ. Это безмолвіе гармонируетъ съ характеромъ города, считаемымъ на Востокѣ самымъ священнымъ, ибо въ немъ находится большая мечеть съ «гробницею пророка». Однако, мединская мечеть меньше меккской; ея оффиціальное названіе «мечеть пророка»; какъ извѣстно, ее выстроилъ самъ Магометъ. Гробъ Магомета убранъ серебромъ и покрытъ тяжелою мраморною плитою, съ надписью: «Bismillahi Allahuma Sally aley», что означаетъ: во имя Бога помилуй его). О распространенной въ Европѣ баснѣ, будто бы «гробъ Магомета виситъ въ воздухѣ», на мѣстѣ вовсе не знаютъ. Вокругъ гробницы висятъ стеклянныя лампы, зажигаемыя каждый вечеръ и горящія до самаго утра. И съ этимъ мѣстомъ, подобно тому, какъ съ меккскою мечетью и городомъ Меккою, связано множество легендъ и чудесныхъ разсказовъ. Прочіе важные пункты страны суть: Джидда (18,000 жителей), въ Геджасѣ; затѣмъ Логейя (Loheia) и Годеида (25,000 жит.), наконецъ—славящаяся своимъ кофе Мокка, въ Iеменѣ; всѣ они лежатъ въ Техамѣ, т. е. въ знойной песчаной полосѣ, вдоль Краснаго моря. Страшныя жары, стоящія тамъ въ iюнѣ, iюлѣ и августѣ мѣсяцахъ,—одно изъ главнѣйшихъ препятствій для судоходства по Красному морю, съ температурою котораго, впрочемъ, можно было-бы совершенно помириться. Эта ненормально высокая температура объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Красное море, словно озеро, заключено между Аравійскими и Абиссинскими горами. Плаваніе по этому морю отъ Суэца до Адена продолжается восемь дней. Съ приближеніемъ къ Бабъ-эль-Мандебскому проливу, по правую руку, темными величественными массами, выдвигаются на безоблачномъ небѣ прохладныя нагорья Абиссиніи. Море обыкновенно очень спокойно въ этой знойной полосѣ; когда же волны его начинаютъ вздыматься, то за пароходомъ слѣдуютъ стада летучихъ рыбъ. Рѣдко встрѣтишь какое-либо другое судно, и только когда открываются рейсы на Мекку, часто приходится скрещиваться съ тяжелыми арабскими кораблями, наполненными правовѣрными. Въ узкомъ Бабъ-эль-Мандебскомъ проливѣ, соединяющемъ Красное море съ Аденскимъ заливомъ, лежитъ островокъ Перимъ, принадлежащій англичанамъ; на немъ стоитъ укрѣпленный маякъ. Перимъ—ключъ Краснаго моря, и такъ какъ этотъ ключъ въ рукахъ британцевъ, то они совершенно владѣютъ и самымъ моремъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Турція, какъ кажется, начала стре-

миться къ утвержденію своего владычества въ Аравіи и расширенію границъ Іемена далѣе къ востоку; но при этомъ ей пришлось столкнуться съ англичанами, которые прочно засѣли въ скалахъ Адена, обратили его въ Гибралтаръ Индійскаго океана и взяли подъ свой протекторатъ принадлежащую іеменскому султану землю Абдели, обыкновенно называемую Лахеджемъ.

Аденъ, портофранко, съ 30,000 жителей, расположенъ среди скалъ, словно въ гнѣздѣ, на морскомъ берегу, гдѣ царитъ невыразимая пустыня и зной. Трудно вообразить себѣ болѣе странную картину, чѣмъ та, какую видишь здѣсь: огненное небо, голый, почти ничѣмъ неодѣтый берегъ; по немъ, сидя на горбѣ дромадеровъ, ѣдутъ арабы, загорѣлые и испеченные солнцемъ, съ волосами, убѣленными известью, служащею имъ пудрою, и везутъ въ Аденъ, въ мѣхахъ изъ козьихъ шкуръ, воду—драгоцѣнную для нихъ жидкость, но которую не сталъ-бы пить ни одинъ европеецъ. Аденъ—средоточіе страшныхъ болѣзней; одно изъ самыхъ нездоровыхъ мѣстъ на землѣ, лѣтомъ невыносимо знойный городъ. Старый городъ лежитъ въ кратерѣ потухшаго вулкана, края котораго, отчасти обвалившіеся, увѣнчаны крѣпостными верками.

Юго-восточная часть Аравіи искони была наименѣе извѣстною; берега ея граничатъ съ Индійскимъ океаномъ, называемымъ здѣсь также «Арабскимъ моремъ», Бахръ-эль-Гиндъ. Только недавно мы нѣсколько познакомились съ двумя пограничными странами—Іеменемъ (на юго-западѣ) и Оманомъ (на сѣверо-востокѣ)—этой области, простирающейся отъ Бабъ-эль-Мандебскаго пролива до мыса Расъ-эль-Гаддъ, черезъ 16 градусовъ долготы; Оманъ изслѣдованъ лейтенантомъ І. Р. Вельстедтомъ (I. R. Wellstedt: Travels in Arabia. London. 1838. 2 тома), рядомъ съ которымъ мы назовемъ еще о другаго позднѣйшаго путешественника—Пальгрева (Palgrave: Narrative of a years journey through Central and Eastern Arabia. London. 1865. 8°. 2 тома). Мѣстности же, лежащія между Іеменемъ и Оманомъ, были совершенно неизслѣдованы, никѣмъ не посѣщались и представляли tabula rasa для географовъ, пока, наконецъ, путешествія А. Ф. Вреде въ Гадрамаутъ не пролили свѣта также и на эти земли.

Въ нашихъ географіяхъ Гадрамаутомъ до настоящаго времени называли южный берегъ Аравіи, именно всѣ страны между Марою (Mahra) и Яффою; но изъ сообщеній Вреде оказывается, что арабы подъ этимъ названіемъ понимаютъ только внутреннюю, слѣдовательно, лежащую далѣе къ сѣверу часть страны. Если, вообще говоря,

ошибочно представленіе, будто Аравія въ цѣломъ представляетъ плоскую пустыню, то еще ошибочнѣе оно именно въ примѣненіи къ южному берегу этой страны, ибо онъ возвышается уступообразно надъ моремъ до 2400 метровъ. Послѣдній уступъ, называемый Джебель-Гарами, опирается на большую Гадрамаутскую плоскую возвышенность. Нагорье Джебель-Даура, по всей вѣроятности, имѣетъ 2400 метровъ высоты. Это—высочайшая изъ гадрамаутскихъ террасъ; отсюда къ сѣверу мѣстность снова понижается отлогими склонами, и по очень труднымъ, опаснымъ дорогамъ Вреде спустился къ Вади-Доанъ, называемой туземцами землею племени Исса (Беладъ-бени-Исса). Къ землѣ Беладъ-бени-Исса примыкаетъ съ запада Беладъ-эль-Гаджанъ, а съ востока—Беладъ-Хамумъ, и лишь къ сѣверу отъ всѣхъ трехъ расположенъ собственно Гадрамаутъ. Даже теперь, послѣ путешествій Вреде, мы все еще не знаемъ, какъ далеко на сѣверъ простирается Гадрамаутъ; дѣйствительно-ли песчаная пустыня Эль-Акафъ (Бахръ-эсъ-Сафи) начинается какъ-разъ у самой Вади-Рахійя, рукава Доана, или же заселенная страна идетъ еще и далѣе. Жгучій зной выжигаетъ лѣтомъ эту часть тропической Аравіи; въ іюнѣ Вреде приходилось наблюдать 46° Р. въ тѣни; самою собою разумѣется, при такой температурѣ роскошно развиваются дикорастущія ароматическія травы и кустарники; на вышележащихъ уступахъ страны температура, конечно, понижается, и пріятная прохлада освѣжаетъ ночи; на 800 метрахъ надъ уровнемъ моря термометръ показывалъ не болѣе 10° Р., а въ Эль-Эбнѣ стоялъ лишь на нѣсколько градусовъ выше нуля; зимою же тамъ замерзаютъ цистерны. На 1620 метрахъ надъ уровнемъ моря уже часто бываютъ ливни; эти аравійскіе ливни иногда низвергаются со страшною силою. (Adolf v.-Wrede. Reise in Hadhramaut, Belad-beny-Yssa и Belad-el-Hadschan, herausgegeben, mit einer Einleitung, Anmerkungen und Erklärung der Inschrift von Obne versehen von H. v. Maltzan. Braunschweig. 1870. 8°).

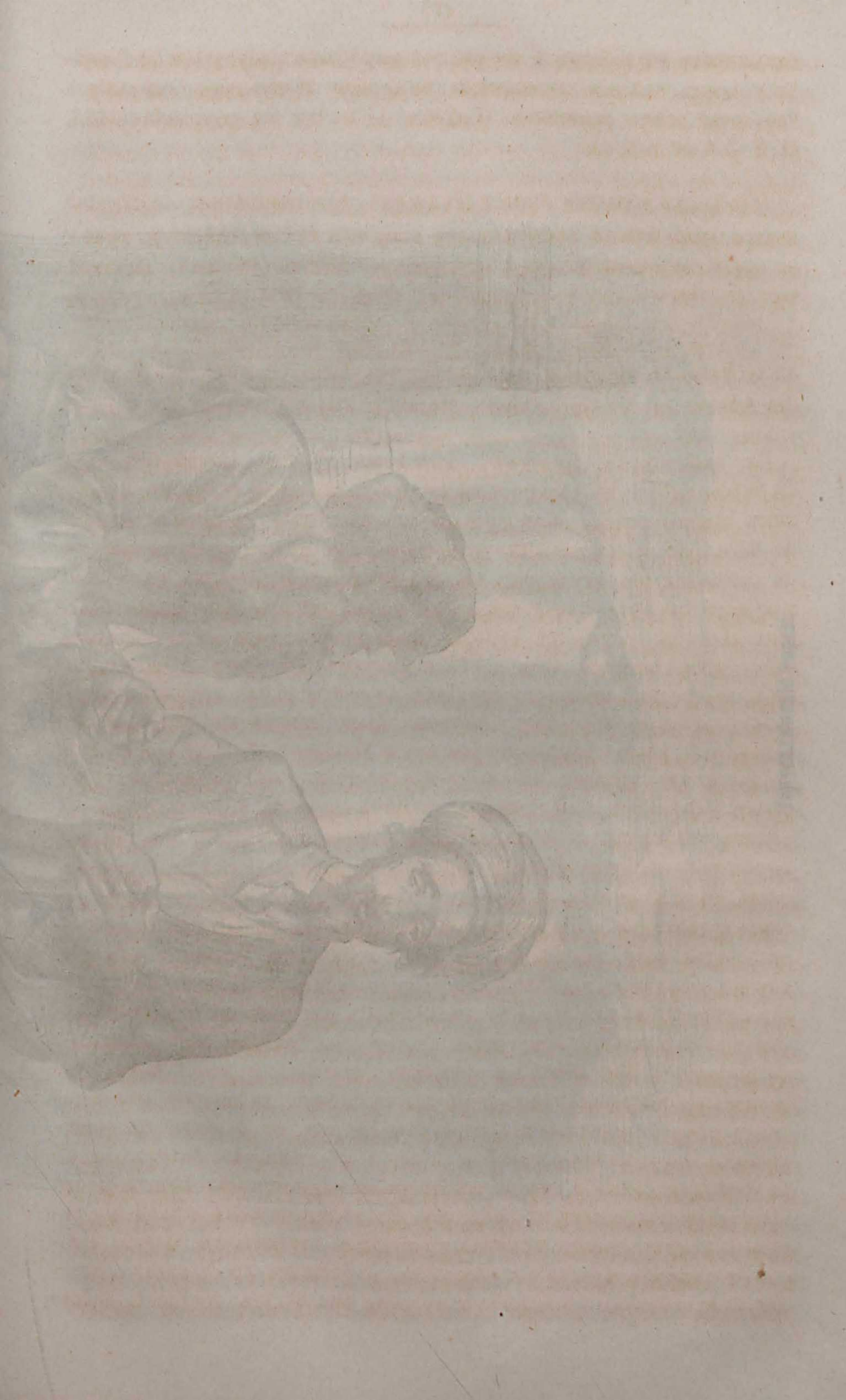
Вообще южное побережье ровно, затѣмъ слѣдуетъ средняя гористая страна, а на ней—или плоскогорья, или высокія горы, которыя своимъ сѣвернымъ склономъ удалены отъ моря въ среднемъ на $1\frac{1}{2}°$ и опускаются къ низменности; послѣднюю можно считать началомъ большой внутренней равнины, называемой Эль-Джауфъ (Гофъ, Gof). Мѣстами возвышаются, у самаго берега моря, высокія скалистыя вулканическія горы, но эти утесистыя массы стоятъ разрозненно, не соединяясь съ внутренними горами, а непосредственно позади ихъ лежитъ низменность. Французскій еврей Іосифъ Галеви сдѣлалъ въ 1870 году смѣлую попытку проникнуть туда изъ Годейды на западномъ берегу. Онъ быстро прошелъ чрезъ западный Іеменъ и почтилъ болѣе продолжительнымъ пребываніемъ лишь одинъ пунктъ—Джебель-Гарразъ и область Эль-Гаймъ (El Haime), съ ея великолѣпною горною природою; однако, горы во многихъ мѣстахъ неприступны, дороги ужасны, а климатъ

этой «Арабской Швейцаріи» очень вреденъ. Въ Санѣ Галеви пробылъ долѣе; это—важнѣйшій городъ мѣстности и одинъ изъ самыхъ красивыхъ, обширныхъ и наиболѣе чистыхъ въ Аравіи; онъ имѣетъ около 50,000—60,000 жителей. И только отсюда Галеви началъ свое путешествіе, увѣнчавшееся открытіями, причемъ онъ облекся въ костюмъ арабскаго еврея—наиболѣе пригодный для европейца. Конечно, при этомъ ему пришлось претерпѣть и всѣ непріятности, которымъ подвергаются евреи со стороны магометанъ, а непріятностей не мало, ибо еврей въ Аравіи принадлежитъ къ наиболѣе презираемымъ тварямъ. 20-го февраля 1870 года Галеви покинулъ Сану. Черезъ три дня онъ достигъ Шираа, въ землѣ Бени-Арабъ (Beni Arhab). Изъ Шираа онъ направился къ сѣверу, въ Медиду, въ области Немъ, а отсюда повернулъ къ собственно Джауфу. Мѣстность, отдѣляющая Немъ отъ Джауфа, очень гориста, весьма неудобна для передвиженія и населена разбойниками. Отъ Харибетъ-Берана путь видимо шелъ въ гору, чрезъ совершенно голыя, остроконечныя, каменистыя горы. То былъ восточный склонъ большаго Джебель-Яма, отдѣляющій западный Іеменъ отъ Джауфа. Тѣснина, окруженная отвѣсными гранитными стѣнами, открывается здѣсь въ низменность. Изъ этой тѣснины Галеви черезъ два дня пути достигъ, пройдя Мегзаръ, главнаго мѣста Нижняго Джауфа—Гайля (Ghail). Различаютъ три части Джауфа: 1) Нижній, съ главнымъ пунктомъ Гайль; 2) Средній, называемый также Биладъ-Гамданъ, съ главнымъ пунктомъ Газмъ (Hazm); 3) Верхній Джауфъ, съ главнымъ пунктомъ Заиръ (Zahir). Чрезъ всѣ три протекаетъ непересыхающая рѣка, Вади-Харидъ. Нижній и Средній Джауфъ—богатыя, плодородныя мѣстности, тогда какъ Верхній Джауфъ бѣднѣе, ибо почва его плоха и камениста. Изъ эль-Гайля Галеви направился въ Газмъ и Неджранъ. При этомъ онъ долженъ былъ перейдти каменистый Джебель-Ландъ, высочайшая вершина котораго—гранитный Джебель-Growth Гединъ. На третій вечеръ онъ прибылъ на красивое нагорье оазиса Эль-Хабъ (El Chab). Теперь Галеви находился на возвышенной равнинѣ (въ противоположность Джауфу, впадинѣ), на четыре дня пути южнѣе Неджрана. Оазисъ Хабъ чрезвычайно хорошо воздѣланъ и очень плодороденъ, хотя онъ совершенно не имѣетъ проточной воды. Но прилежные жители, между которыми много евреевъ, извлекаютъ большую пользу изъ многочисленныхъ колодцевъ для орошенія страны. Продолжая двигаться въ западномъ направленіи, Галеви достигъ затѣмъ красивой Вади-Хадра (Hadhra), входа въ Беладъ-Неджранъ. Здѣсь онъ былъ у цѣли своего путешествія на сѣверъ, т. е. въ странѣ Неджранѣ, куда еще не ступала нога европейца. Первое, встрѣтившее ему на пути поселеніе, Махлафъ, было очаровательно расположено среди пальмоваго лѣса, подобно всѣмъ городамъ Неджрана. По другую сторону Вади расположенъ городъ Ригла, гдѣ живетъ многолюдная еврейская община. Галеви прожилъ въ Вади-Неджранѣ нѣсколько мѣсяцевъ, и лишь послѣ много-

различныхъ неудобствъ и трудностей ему удалось вернуться въ Годейду и Аденъ, гдѣ его путешествіе возбудило величайшее вниманіе и удивленіе всѣхъ знатоковъ. (Bulletin de la Soc. de géographie 1873. II. S. 5. 249 и 581).

Изъ всѣхъ областей Аравіи Неджедъ, т. е. внутренняя, собственно центральная Аравія, представляетъ одну изъ интереснѣйшихъ, хотя и не самую интересную часть полуострова. Рейно (Reinaud), Садлеръ, Валленъ, Пальгревъ, Гуармани и Пелли довольно хорошо познакомили насъ съ нею, а результаты ихъ изслѣдованій добросовѣстно и наглядно собраны въ сочиненіи д-ра Альбрехта Цемэ (Zehme: Arabien und die Araber seit hundert Jahren. Halle. 1875. 8°).

На плоскогорьи Неджедъ находится царство Шуммаръ, или Шумръ, именно въ сѣверной части его, съ главныхъ городомъ Хаиль; лишь самая меньшая часть жителей его исповѣдуетъ исламъ; остальное-же населеніе придерживается древнеарабскаго культа, существовавшаго до появленія магометанства. Съ юга примыкаетъ царство вагабовъ или вагабитовъ—одной изъ сектъ, порожденныхъ религіозною реакціею противъ господства турокъ; приверженцы этой секты считаютъ себя протестантами ислама. Основателемъ ея былъ Абдъ-эль-Вагабъ, въ срединѣ прошлаго столѣтія; но она окрѣпла и распространилась благодаря Ибнъ-Сеуду, который былъ такимъ же помощникомъ основателя, какъ Омаръ—помощникомъ Магомета; въ родѣ Ибнъ-Сеуда до настоящаго времени передается наслѣдственно званіе духовнаго главы секты, или имама, и нынѣшнимъ имамомъ состоитъ Абдалла. Такой порядокъ наслѣдованія не мало содѣйствовалъ укрѣпленію государства вагабитовъ, которому не разъ приходилось бороться за свое существованіе, въ особенности съ кочевыми племенами Аравіи; но, не смотря на такія препятствія и неоднократныя нападенія со стороны турецкаго правительства, какъ, напримѣръ, въ 1817 году, когда Магометъ-Али египетскій разрушилъ тогдашнюю столицу вагабитовъ, Дерай (Deraie), государство ихъ всегда снова оправлялось. Въ религіозномъ отношеніи вагабиты—строжайшіе монотеисты, безъ всякой примѣси политеизма; они не почитаютъ Магомета, не признаютъ святыхъ, мощей и т. под.; относительно обрядности вагабиты также большіе ригористы; они обладаютъ добродѣтелями всѣхъ народовъ Востока, въ особенности гостепріимствомъ и милосердіемъ, до забвенія собственныхъ интересовъ, но не свободны также и отъ недостатковъ, между которыми первое мѣсто принадлежитъ страсти къ деньгамъ. Въ политическомъ отношеніи вагабиты представляютъ національно-арабское государство, опорою котораго служатъ земледѣліе и способное, работящее крестьянство; жителей—около 1.700,000 человѣкъ; въ поле они могутъ выставить войско



Іерусалимскіе евреи.

въ 60,000 человѣкъ. Нынѣшняя резиденція вагабитовъ—Ріадъ съ 30,000 жителей. Впрочемъ, свѣдѣнія наши о вагабитахъ далеко не полны; поэтому было бы очень желательно, чтобы кто-либо изъ надежныхъ путешественниковъ снова произвелъ обстоятельныя изслѣдованія.

Восточный берегъ Аравіи омывается Персидскимъ заливомъ и сильно выдается мысомъ «Наковальни», или Расъ-Мезандумъ, въ Ормусскій проливъ, соединяющій Персидскій заливъ съ Оманскимъ заливомъ. Подобно тому какъ на Красномъ морѣ, въ Персидскомъ заливѣ лѣтомъ бываетъ столь сильный зной, какого не встрѣчается даже подъ отвѣсно падающими лучами тропическаго пояса. Поэтому климатъ для европейцевъ въ высшей степени опасенъ. Знойные лучи лѣтняго солнца съ удвоенною силою отражаются отъ крутоподнимающихся, высокихъ, голыхъ скалъ, между которыми какъ бы протискивается море; они накаляютъ воду, превращаютъ ея верхніе слои въ паръ и дѣлаютъ атмосферу настоящею паровою банею. Того, кто вынесъ безболѣзненно переѣздъ по Персидскому заливу, поздравляютъ, и онъ считается способнымъ перенести всякій другой климатъ.

Важнѣйшее государство восточной Аравіи—султанство Оманъ, невѣрно называемое многими Маскатскимъ имамствомъ; оно, кромѣ побережья между Расъ-эль-Гаддъ, пустынею и полуостровомъ, удлинняющимся въ видѣ мыса Расъ-Мезандумъ, занимаетъ еще часть южнаго берега Аравіи, далѣе обнимаетъ значительную приморскую полосу на противоположномъ персидскомъ берегу, а также африканскій островъ Сокотору. Прежде къ Оману принадлежало также и султанство Занзибаръ. Аравійская область Омана представляетъ побережье, на восточной или сѣверо-восточной сторонѣ скалистое и богатое гаванями, а на южной и юго-западной—плоское и бѣдное заливами, не имѣющее характера знойной Техамы въ западной Аравіи; затѣмъ, въ разстояніи 80—100 километровъ, тянутся горы, параллельно серпообразному восточному берегу моря, а позади ихъ простирается въ пустынѣ рядъ богатыхъ водою, невѣроятно плодородныхъ оазисовъ, съ чрезвычайно густыми лѣсами, доставляющими очень большую прохладу. Почти подъ поворотнымъ кругомъ Рака расположенъ дико-романтическій Маскатскій заливъ, врѣзывающійся въ видѣ полукруга въ береговыя горы и со всѣхъ сторонъ окруженный голыми, мрачными, грозными массами скалъ, достигающими высоты 100—120 метровъ. Но на сколько живописнымъ кажется издали городъ Маскатъ, построенный уступами у подножія этихъ мрачныхъ утесовъ,—на столько же внутренность его напоминаетъ физіономію почти всѣхъ большихъ городовъ Востока и представляетъ лабиринтъ узкихъ и грязныхъ переулковъ. Обширныя предмѣстья

состоятъ только изъ цыновчатыхъ хижинъ и въ періодъ дождей обращаются въ настоящія болота, гдѣ обитаетъ множество кочующихъ арабовъ и абиссинскихъ рабовъ. Городское населеніе, напротивъ,—смѣсь арабовъ, персіянъ, индусовъ, сирійцевъ, даже курдовъ и афгановъ, ушедшихъ сюда отъ деспотизма на родинѣ, или въ надеждѣ нажиться отъ торговли; наконецъ, встрѣчаются метисы отъ смѣшенія съ негритянками Занзибара и Габеша; вслѣдствіе чего получается поразительное разнообразіе типовъ, котораго не въ состояніи подмѣтить глазъ европейца, непривыкшій къ болѣе тонкимъ различіямъ національнаго типа. (Gräfin Nostitz: Helfer's Reisen. II Bd. S. 3—6).

Наконецъ, послѣ Омана, заслуживаютъ упоминанія Баренскіе острова, славящіеся ловлею жемчуга; они находятся въ Персидскомъ заливѣ и всѣ платятъ дань напротивъ лежащему прибрежному государству вагабитовъ, въ Недждѣ.

ГЛАВА VI.

Иранская плоская возвышенность.

Къ сѣверу отъ Персидскаго залива изъ волнъ моря круто поднимается столовая возвышенность, по величинѣ равная Аравійскому полуострову, соединяющая, въ видѣ компактной материковой массы, область Передней Азіи, восточную часть коей она составляетъ, съ другою областью, которую всего правильнѣе называть «Высокою Азіею». Мы называемъ эту столовую возвышенность плоскогорьемъ Ирана, по имени иранцевъ — арійскаго народа, обитающаго на ней со временъ глубочайшей древности. По формѣ своей, это нагорье напоминаетъ трапецію, заключенную между Индійскимъ океаномъ на югѣ, Каспійскимъ моремъ и туркестанскими низменностями—на сѣверѣ, а на востокѣ и западѣ ограниченную двумя могучими потоками—Тигромъ и Индомъ. Къ обѣимъ этимъ рѣкамъ, а равно къ Каспійскому морю, туркестанскимъ низменностямъ и берегамъ Индійскаго моря круто ниспадаютъ окраинныя горы, почти совершенно изолирующія Иранское плато. И только на сѣверо-западѣ оно соединяется съ еще болѣе высокими столовыми возвышенностями Курдистана и Арменіи, къ которой относится персидская провинція Адербейджанъ, тогда какъ на сѣверо-востокѣ область Аф-

ганистанъ (персидская частица «истанъ» означаетъ мѣсто, мѣстопребываніе; слѣдовательно, Афганистанъ буквально значитъ: страна афгановъ) проходящими по ней горами Гинду-Ку связываетъ ее съ Высокою Азіею. Отсюда слѣдуетъ, что самыя низкія мѣста Иранскаго плоскогорья должны лежать почти въ самой срединѣ его, что и есть въ дѣйствительности. Вся область «отъ Инда до Тигра» въ настоящее время занята тремя различными магометанскими государствами съ преобладающимъ арійскимъ населеніемъ, именно: на востокѣ лежатъ ханство Келатъ, обыкновенно, хотя и не вполнѣ правильно, называемое Белуджистаномъ, и эмирство Кабулъ, или Афганистанъ, а на западѣ—королевство Иранъ, или Персія, самое большое изъ трехъ государствъ, граничащее съ владѣніями турокъ—Месопотаміею, Курдистаномъ и Арменіею, а равно съ русскимъ владѣніемъ—Закавказскимъ краемъ. Афганистанъ-же и Белуджистанъ граничатъ на западѣ съ Персіею, на востокѣ—съ британскими владѣніями въ Индіи, именно съ Пенджабомъ, или страною Пятирѣчья, и Синдомъ; наконецъ, на сѣверѣ Афганистанъ граничитъ съ Туркестаномъ, гдѣ уже начало чувствоваться русское вліяніе.

Если мы попытаемся проникнуть на Иранское нагорье съ восточной стороны, т. е. отъ низменностей индійскаго Пенджаба, то прежде всего встрѣтимъ вдоль всей границы отъ Кашмира на сѣверѣ до моря на югѣ полосу горной страны, имѣющую въ срединѣ до 250 километровъ ширины; высочайшія вершины ея достигаютъ 3527 метровъ. Это — Индо-персидскія пограничныя горы, т. е. рядъ круто ниспадающихъ къ долинѣ Инда параллельныхъ хребтовъ, извѣстныхъ въ своей сѣверной части, между Индіею и Афганистаномъ, подъ названіемъ цѣпи Сулимана съ вершиною Тахтъ-и-Сулиманъ (Соломоновъ Тронъ), высотою въ 3450 метровъ; горы южной части, между Индіею и Белуджистаномъ, не имѣютъ у туземцевъ никакого названія. Мы называемъ ихъ горами Брагуи. Эта горная страна причисляется къ государствамъ: Афганистану—на сѣверѣ и Келату—на югѣ, властителямъ которыхъ удалось также сдѣлать своими данниками и горскія племена, живущія ближе прочихъ къ главной долинѣ; впрочемъ, даже данническія племена самостоятельно управляютъ своими дѣлами, а жители горнаго склона на индійской сторонѣ пользуются совершенною независимостью. Водораздѣлъ между рѣчною системою Центральной Азіи и притоками Инда, а равно рѣками Аравійскаго моря, представляетъ также лингвистическую и этнографическую границу; послѣдніе представители афганской націи и афганскаго языка встрѣчаются въ долинѣ Пишинъ, на сѣверной окраинѣ Келата; по ту же сторону ея начинает-

ся область брагуевъ и белуджей. Эти обитатели горъ раздѣляются на множество племенъ и развѣтвленій; горцевъ немного, они ведутъ кочевую жизнь, не любятъ работать, а, напротивъ, предпочитаютъ жить трудомъ другихъ. Ихъ любимое занятіе — устройство засадъ на главныхъ путяхъ въ горы; а такъ какъ вся внутренняя Азія и Персія поддерживаютъ сношенія съ Индіею лишь этими путями, изъ коихъ Хайберъ, на сѣверѣ, высотою въ 914 метровъ, и Боланъ, на югѣ, высотою въ 1765 метровъ, представляютъ самые доступные и удобные проходы, то эти конные разбойники собираютъ богатую жатву въ видѣ разнаго рода незаконныхъ поборовъ. Постоянные грабежи препятствуютъ сосѣднимъ британцамъ вести правильную торговлю, а чтобы положить имъ конецъ, по крайней мѣрѣ въ Келатѣ, для этого совершенно недостаточно власти келатскаго монарха. Нѣкоторыми свѣдѣніями о малоизвѣстныхъ горахъ Брагуи, а равно объ очень малоизслѣдованной внутренней части Келата, мы обязаны англійской экспедиціи въ Сеистанъ, совершенной въ 1872 году и описанной врачемъ Генрихомъ Вальтеромъ Белью. (H. W. Bellew: From the Indus to the Tigris, a narrative of a journey through the countries of Balotchistan, Afganistân, Khorassân and Iran in 1872. London. 1874. 8°). Экспедиція пустилась въ путь изъ индійской равнины, высотою въ 120 — 130 метровъ, по короткимъ, крутымъ, глубоко размытымъ и потому легко защищаемымъ рѣчнымъ долинамъ. Отъ главной цѣпи горъ Брагуи, имѣющихъ направленіе съ сѣвера на югъ, отвѣтвляются боковые гребни, идущіе съ востока на западъ и образующіе уступы въ продольныхъ долинахъ, ниспадающихъ между главными цѣпями къ югу, въ равнину; эти уступы прерываютъ однообразное паденіе названныхъ долинъ и обусловливаютъ образованіе долинныхъ террасъ; края этихъ уступовъ соединяются или сѣдловинами (Lakh), или ущельями размыва (Tangi). Одиннадцать боковыхъ отроговъ прорѣзываютъ продольную долину по направленію отъ Келата (2047 метровъ) до Хоздара (1173 метра), у подошвы Муллохскаго прохода, и образуютъ на этой полосѣ, длиною въ 165 километровъ, тринадцать долинныхъ уступовъ или плато. Отъ Хоздара спускъ идетъ на югъ, къ морю, по долинѣ Пурали, а по направленію къ Индіи ведетъ пользующійся худою извѣстностью проходъ Муллохъ, или Милахъ-Мула (собственно Нила, что̀ означаетъ синій), т. е. сильно покатое ущелье размыва, длиною въ 80 километровъ, стѣны котораго то очень близко подходятъ другъ къ другу, то расходятся на большое разстояніе, окружаютъ недавніе, нынѣ опорожнившіеся, озерные бассейны, гдѣ расположено нѣсколько поселеній и произрастаютъ разнообразныя культурныя растенія. Отъ восточной подошвы этой тѣснины идетъ между горами Нагао дорога въ равнину, по направленію къ Гундавѣ, позади которой на пути въ Индію мѣстность скоро принимаетъ характеръ безлѣсный и безводный пустыни, Дашти-бе-даръ (называемой также Патъ—«равнина»), простирающейся между воздѣ-

ланною землею Кача, Гундавою и Синдомъ и имѣющей значительную ширину—отъ 10 до 20 километровъ. Мѣстность внутри совершенно гориста. Но обильныя водою рѣки встрѣчаются лишь у южной окраины келатскаго плоскогорья. Рѣка Муллохъ, повидимому, единственный постоянный притокъ Инда, ибо лежащая къ сѣверу Нари по временамъ теряется въ пустынѣ. Нагорныя долины чрезвычайно бѣдны водою; въ выше лежащихъ иногда встрѣчаются торфяныя болота, а у сѣвернаго склона, возлѣ рѣки Лора, подпочва долинъ состоитъ изъ соляныхъ пластовъ, и для добычи соли устроены шахты. Климатъ—такой же, какъ въ Индіи: въ равнинѣ — знойный; возвышенныя-же равнины Келата въ климатическомъ отношеніи представляютъ переходъ къ Центральной Азіи съ сухимъ климатомъ: зимы тамъ холодныя, въ дождливое время — сильныя бури; лѣто же не знойное, такое же, какъ въ сѣверной Италіи; атмосферныхъ осадковъ ниспадаетъ очень мало. Поэтому успѣхъ полеводства тѣсно связанъ съ орошеніемъ полей, и въ этомъ отношеніи осѣдлое населеніе сдѣлало и дѣлаетъ очень много. Горныя вершины голы, да и на склонахъ рѣдко встрѣчаются густые лѣса; повсюду царитъ кабульская фисташка (Pistacia cabulica); въ наружныхъ долинахъ попадаются также рощи оливковыхъ, миндальныхъ и персиковыхъ деревьевъ, но всѣ они растутъ дико и приносятъ несъѣдобные плоды; стволы ихъ идутъ на топливо; для послѣдней цѣли употребляется также и кустарникъ. Европейскія плодовыя деревья, а изъ индійскихъ—финиковыя пальмы превосходно родятся до 1100 метровъ; виноградъ получается очень доброкачественный; изъ него можно было-бы приготовлять прекрасное вино. Большія долины чрезвычайно плодородны; люцерна, въ окрестностяхъ Келата, косится десять разъ въ лѣто, при хорошемъ удобреніи и орошеніи полей; пшеница, ячмень, кукуруза, а также превосходнаго качества табакъ произрастаютъ вездѣ; хлопчатникъ же, напротивъ,— нигдѣ. Орошенныя поверхности лѣтомъ напоминаютъ роскошно зеленѣющій садъ, пользующійся хорошимъ уходомъ. Склонами и неорошаемыми окраинами долинъ можно пользоваться лишь для пастьбы скота; поэтому, слѣдствіемъ такого сухаго климата является кочевничество большей части населенія. Къ сѣверо-западу, по направленію къ области Сеистанъ, страна становится плоскою; въ Сеистанѣ находится болото Гамунъ, куда вливается Гильмендъ, важнѣйшая рѣка Афганистана. Эта плоская сѣверо-западная часть безжизненная, страшная, еще неизслѣдованная песчаная пустыня. Впрочемъ, на картахъ показанъ караванный путь, идущій довольно прямою линіею отъ Келата, чрезъ Саравански горы, къ берегу Гильменда, въ Рудбаръ; но еще ни одинъ европейскій путешественникъ не ѣздилъ по этой тропѣ, пересѣкающей сѣверную часть белуджистанской пустыни; впрочемъ, намъ извѣстно, что она простирается къ югу, до полосы Мекранъ, лежащей по берегу моря. Тамъ тянется страшно знойное, лишенное растительности, бѣдное заливами поморье, отдѣляющееся отъ

внутренней страны голыми известковыми горами. Обращенный къ Афганистану сѣверо-восточный край Келата образуетъ водораздѣлъ между системою рѣкъ Центральной Азіи и притоками Инда, а равно Аравійскаго моря. Водораздѣльная цѣпь у Инда называется Хвадшахъ-Амранъ и развѣтвляется въ своемъ южномъ концѣ къ сѣверу отъ мѣстности Шала. Важнѣйшія изъ этихъ вѣтвей называются Тоба и Сурхабъ; отъ Сурхаба спускается горная цѣпь, замыкающая долину Пишинъ на сѣверо-востокѣ и постепенно понижающаяся къ Шалѣ; къ востоку же она ниспадаетъ круто, и съ этой стороны на нее можно подняться лишь по опасному проходу Воланъ (1765 метровъ высоты). Проходъ у Ходжака лежитъ на высотѣ 2285 метровъ; чрезъ сѣдловину между Тобою и Сурхабомъ, по направленію къ Таллю, по афганистанскому Сивистану, пролегаетъ дорога, идущая далѣе чрезъ Сулиманскія горы къ Инду. Во внутренней части этой котловины лежатъ истоки большой рѣки Лоры; сухое лѣтомъ ложе ея въ глубокой, идущей съ востока на западъ, ложбинѣ близъ Багата достигаетъ Гильменда. (Emil von Schlagintweit, въ Ausland, 1876, № 15, S. 282—283).

Обычное наименованіе Келата Белуджистаномъ—не удачно; это названіе не употребительно въ самой странѣ. Населеніе Келата очень смѣшано. Въ гористой части страны преобладаютъ племена индусскаго, въ особенности дравидскаго происхожденія, а на равнинѣ—иранскія племена. Главнымъ представителемъ первыхъ являются брагуи, а послѣднихъ—белуджи. Впрочемъ, большинство составляютъ не белуджи, а брагуи; къ послѣднимъ-же принадлежитъ и царствующая династія; мѣста, если они не имѣютъ персидскихъ наименованій, большею частью называются по-брагуйски; договоры Англіи, относящіеся къ этой области, заключены или келатскимъ ханомъ, или какимъ-либо другимъ властителемъ, но непремѣнно съ согласія хана. Келатъ и брагуи, но не белуджи, въ настоящее время заправляютъ судьбами страны, которая получила отъ нихъ и свое названіе. Самъ государь, брагуецъ, называется по-просту ханомъ (или даже только миромъ, т. е. верховнымъ главою) Келата. Изъ шести округовъ страны, въ которыхъ нѣкогда властвовали предки теперешняго хана, только четыре слушаютъ его велѣній, именно: Кача, Гундава, Джалаванъ и Келатъ; маленькая-же область Бела почти независима и управляется туземными предводителями, а Мекранъ, наибольшая часть Белуджистана, отчасти находится подъ господствомъ Персіи, отчасти же управляется туземными князьями. Такимъ образомъ, нынѣшнее Келатское государство имѣетъ около 137,500 квадр. километровъ и 500,000 жителей, надъ

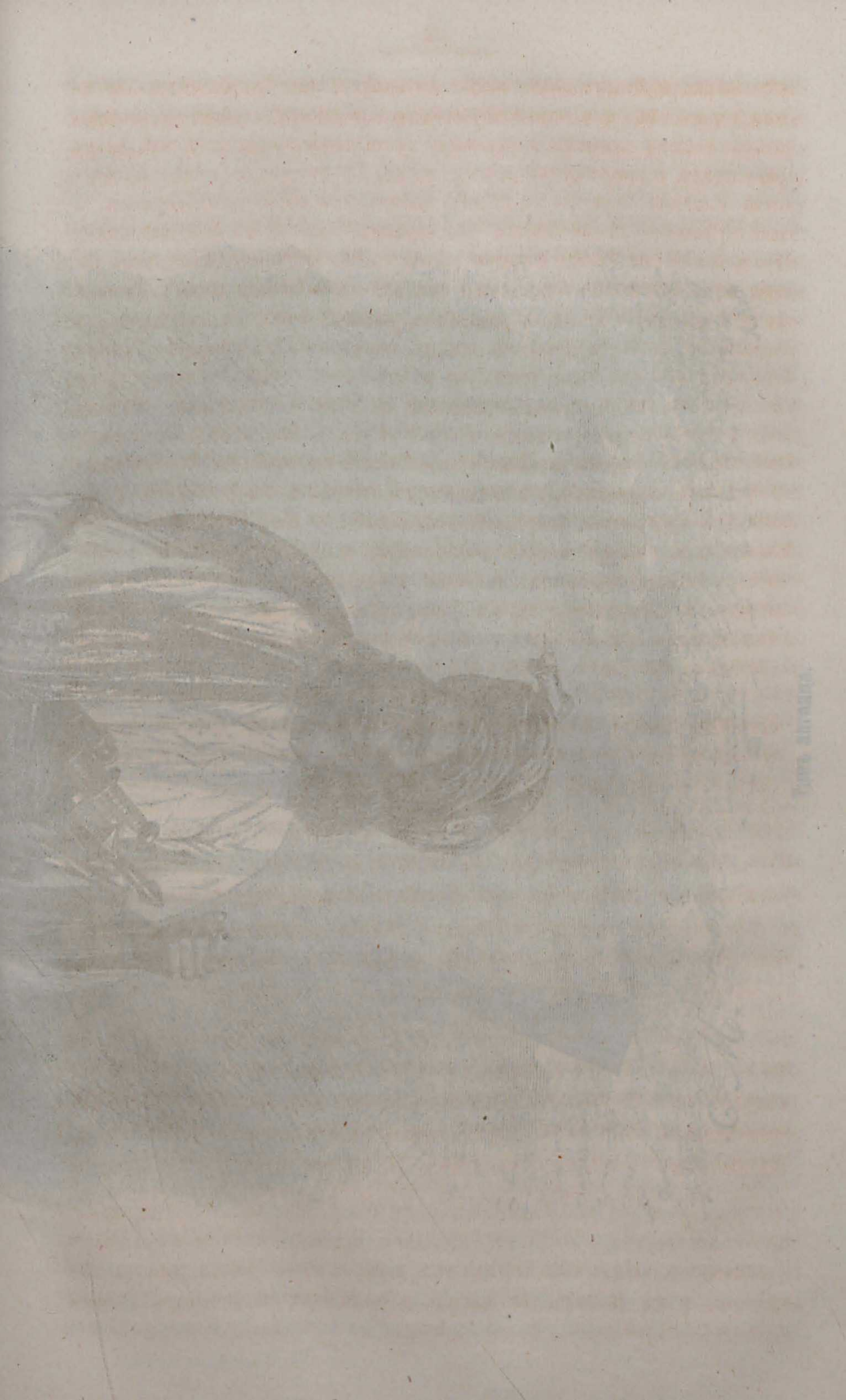
которыми келатскій ханъ можетъ, хотя отчасти, проявлять свои верховныя права. Впрочемъ, недавно (именно въ 1877) году Англія заключила съ ханомъ договоръ, въ силу котораго Келатъ сдѣлался совершенно вассальнымъ государствомъ индійской императрицы. Уже прежде Англія купила себѣ право занимать, по своему усмотрѣнію, военными отрядами проходы между Келатомъ и сосѣднимъ Афганистаномъ. Новый же договоръ отдаетъ весь Келатъ въ военное распоряженіе Англіи. (О Келатѣ смотри сочиненіе A. W. Hughes: The country of Balochistân, its Topography, Ethnology and History. London. 1877. 8°).

Столица государства — Келатъ, лежащій на высотѣ 2057 метровъ надъ уровнемъ моря, маленькій, укрѣпленный, несказанно грязный городъ съ 8000 жителей; онъ высматриваетъ совершенно развалившимся; заботливостью жителей пользуются лишь сады. За садами ухаживаютъ дивары, говорящіе на персидскомъ языкѣ, но принадлежащіе къ суннитской сектѣ; на большомъ разстояніи вокругъ вовсе не встрѣчается шіитовъ, которыхъ сунниты ненавидятъ до глубины души. Кромѣ диваровъ, населеніе Келата состоитъ изъ белуджей, брагуевъ, джатовъ и немногихъ индусовъ. Въ Келатѣ живетъ ханъ, окруженный десяткомъ лицъ, составляющихъ его лейбъ-гвардію и имѣющихъ видъ отчаяннѣйшихъ разбойниковъ. Д-ръ Белью никакъ не могъ понять, какимъ образомъ хану удалось раздобыть столь хорошо подобранную шайку немытыхъ, оборванныхъ и безпутныхъ негодяевъ. Настоящій повелитель Келата производитъ впечатлѣніе очень незначительной личности. Комната, служившая для пріема англичанъ, была страшно запущена, издавала сильный трескъ; весь «За̀мокъ» (Келатъ по-арабски означаетъ за̀мокъ)—не лучше любаго барака.

Изъ двухъ главныхъ народовъ — брагуевъ и белуджей, первые, судя какъ по языку, такъ и по скуднымъ, дошедшимъ до насъ, историческимъ свѣдѣніямъ объ этой странѣ,—болѣе древніе обитатели послѣдней, нежели белуджи; послѣдніе лишь впослѣдствіи переселились съ запада. Да и въ настоящее время они живутъ болѣе въ равнинѣ и образуютъ сельское населеніе, по направленію какъ къ персидской, такъ и къ индійской границамъ. Обѣ націи исповѣдуютъ исламъ, но ни одна изъ нихъ не придерживается его строго; брагуи, подобно афганамъ, суть сунниты, а белуджи, какъ и персіяне—шіиты. Белуджи удержали до настоящаго времени господство лишь на западѣ страны, у границъ Сеистана; въ Келатѣ же бразды правленія въ рукахъ брагуевъ; всѣ вельможи страны, стремящіеся къ пріобрѣтенію большей самостоятельности, также брагуйскаго происхожденія. Белью характеризуетъ видѣнныхъ имъ брагуевъ двумя словами: бѣдны и голодны. Исторія этого народа

извѣстна мало; брагуи—настоящіе кочевники; подобно многимъ афганскимъ племенамъ, они перекочевываютъ изъ горной страны въ низменность со своими семьями и стадами; лишь немногіе живутъ осѣдло въ деревушкахъ и занимаются земледѣліемъ. Брагуи распадаются на множество клановъ, или «кель» (khel); таборъ ихъ называется «туманъ», а глава тумана — «тумандаръ». По чертамъ лица и вообще внѣшнему виду, а также по языку, брагуи рѣзко отличаются отъ живущихъ вокругъ нихъ афгановъ, белуджей и джатовъ изъ Синда; тоже и относительно нравовъ; нѣкоторое семейное родство между всѣми народами проявляется лишь въ страсти ихъ къ грабежамъ и разбоямъ. Брагуи роста средняго или ниже средняго; цвѣтъ кожи у нихъ — чернобурый; лицо широкое, съ высокими яремными костями и короткими, рѣдкими усами и бакенбардами; волосы очень густые, цвѣта вороньяго крыла; глаза черные и пронзительные, тѣлосложеніе крѣпкое. Въ брагуйскомъ языкѣ много персидскихъ и индійскихъ словъ. Въ племенномъ отношеніи отъ брагуевъ и белуджей отличаются лури, родъ цыганъ, отдѣльныя семьи коихъ живутъ разбросанно по всей странѣ; они встрѣчаются преимущественно въ качествѣ музыкантовъ, горшечниковъ, веревочниковъ, циновочниковъ и коробейниковъ. У нихъ нѣтъ земли; они не занимаются земледѣліемъ и считаются отверженными. (Bellew: From the Indus to the Tigris. S. 52—57).

Подобно Келату, Афганистанъ или Кабульское царство также, если еще не въ большей степени, представляетъ уступообразную страну, прорѣзанную, большею частью по направленію съ запада на востокъ, горными цѣпями съ высокими, часто достигающими границы вѣчнаго снѣга, вершинами,—особенно въ восточномъ и сѣверо-восточномъ направленіяхъ. Однако, горы у индійской границы площе по направленію къ Афганистану, нежели къ Белуджистану, и скоро переходятъ въ возвышенную долину, орошаемую восточными истоками Гильменда; главные пункты этой долины: въ верхней части—Гасни (Ghasni, на высотѣ 2355 метр.), а въ нижней широкой долинѣ—Кандагаръ (на высотѣ 1066 метровъ надъ уровнемъ моря). Вообще Афганистанъ имѣетъ склонъ къ западу, гдѣ его отдѣляетъ отъ Персіи пустыня; онъ представляетъ безлѣсныя, необитаемыя столовыя возвышенности съ плодородными ущельями и долинами. На сѣверѣ, какъ край Иранскаго плоскогорья, возышается западное продолженіе Гималайскихъ горъ, именно Гинду-Ку («ку»—по-персидски гора, слѣдовательно Гинду-Ку означаетъ: «Индійскія горы»); онъ тянется отъ горнаго узла къ сѣверу отъ рѣки Кабулъ на западо-юго-западъ до истоковъ Гери-



Типъ авганца.

Руда («рудъ»—по-персидски значитъ «гора»), отдѣляя Тохаристанъ отъ Кабулистана.

Горы Гинду-Ку еще мало изслѣдованы, за исключеніемъ западнаго конца, т. е. покрытой снѣгомъ Куи-Бабы (Отецъ горъ), высотою въ 4600 метровъ. Къ западу и сѣверу цѣпь теряется въ лабиринтѣ низкихъ, но крутыхъ, неудобовосходимыхъ горъ, считаемыхъ нѣкоторыми Паропанизомъ древнихъ. На теперешнихъ картахъ эти горы фигурируютъ въ видѣ цѣпей съ различными наименованіями, напримѣръ: Сефидъ-Ку (по-персидски: «Бѣлая гора»—названіе, часто встрѣчающееся въ Афганистанѣ), горы Хуръ и Куи-Каиту, сѣверное подножіе которыхъ омывается Гери-Рудомъ, дѣлающимъ поворотъ къ сѣвернымъ туркменскимъ степямъ. Въ его хорошо орошенной, богатой плодами долинѣ лежитъ важный пунктъ Гератъ, крѣпость на афгано-персидской границѣ, городъ съ цвѣтущею торговлею и промышленностью, населенный 100,000 жителей и имѣющій чрезвычайно важное значеніе для индо-персидской торговли; поэтому себялюбивый Альбіонъ ревниво наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы Гератъ не попалъ въ опасныя руки. Часть горъ, лежащая къ сѣверу отъ Джелалабада, по рѣкѣ Кабулу, и гдѣ возвышается Хондъ или Кунoръ (высотою въ 5887 метровъ), носитъ названіе Гинду-Ку и въ тѣсномъ смыслѣ представляетъ горную страну, въ настоящее время обитаемую отчасти кафирами, или сіяпошами, находящимися въ язычествѣ. Высочайшія вершины переходятъ за линію вѣчнаго снѣга, лежащую на высотѣ 4216 метровъ надъ уровнемъ моря, и покрыты снѣгомъ даже въ іюнѣ мѣсяцѣ. Долины, спускающіяся террасами къ Кабулу и Инду, по природѣ своей подобны Кашмиру; предгорія живописны и богаты плодами; превосходный, пользующійся всемірною извѣстностью виноградъ, абрикосы, миндаль, яблоки и т. д. растутъ дико въ долинахъ, а деревушки лѣпятся на склонахъ горъ, уступообразно одна надъ другою. Вступая съ сѣвера, путешественникъ поднимается въ южномъ направленіи между горами монгольскаго Гезареха, по мрачнымъ ущельямъ, и чрезъ высокіе проходы—въ Баміанскую долину. Затѣмъ дорога спускается черезъ три, притомъ все большей высоты, прохода (до 4030 метровъ высоты), въ сторону покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ вершинъ Гинду-Ку, къ востоку—въ центральную котловину Афганистана, въ равнину Кабула. На скалистыхъ высотахъ виднѣются замки афганистанскихъ вождей, лошади которыхъ, словно козы, карабкаются по горамъ. Хотя эта равнина лежитъ на высотѣ 1950 метровъ, но, благодаря защищающимъ ее снѣговымъ горамъ, на западѣ и сѣверѣ она богата лугами и садами, бѣлоснѣжные цвѣтки которыхъ весною, а также обиліе плодовъ лѣтомъ и осенью были уже издревле предметомъ восторженныхъ похвалъ. Объ изобиліи плодовъ можно судить уже потому, что въ теченіи трехъ мѣсяцевъ скотъ кормятъ виноградомъ. Кабулъ, расположенный въ области афгановъ-гильджи,—главный городъ госу

дарства, имѣющій 60,000 жителей; онъ ведетъ оживленную транзитную торговлю персидскими, индійскими, европейскими и татарскими товарами. Отсюда долина богатой каскадами рѣки Кабула, текущей большею частью въ узкихъ разсѣлинахъ, проводитъ чрезъ роковой проходъ Хайберъ (914 метровъ высоты) въ долину Инда; это—единственный, указанный самою природою путь, и потому имъ во всѣ времена пользовались для походовъ, не смотря на представляемыя имъ неудобства. Къ югу отъ Кабула расположенъ, отдѣленный высокими перевалами и глубокими ущельями, городъ Газни на возвышенной равнинѣ, гдѣ снѣгъ лежитъ до марта Самый городъ нынѣ немногимъ лучше груды развалинъ, состоящей изъ обломковъ, принадлежащихъ различнымъ эпохамъ. Третій главный городъ Афганистана — красивый, выстроенный четырехугольникомъ Кандагаръ, самое большее съ 18,000 жителей; онъ находится въ области Дурани, къ юго-западу отъ Газни и по ту сторону водораздѣла Архундаба, притока Гильменда. (W. H. Bellew: Journal of a political Mission to Afgânistân in 1857. London. 1862. 8°).

Афганы, или патаны, живутъ по большей части въ разнообразныхъ горныхъ мѣстностяхъ между долиною Инда и персидскою возвышенною равниною; это—народъ арійскаго происхожденія, слѣдовательно одинъ изъ членовъ индогерманской семьи; онъ говоритъ на языкѣ «пушту» (паксто), ближе всего подходящемъ въ иранскому корню. Всѣ афганы—магометане-сунниты, распадающіеся на различныя племена; они отличаются мужествомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страстью къ грабежамъ.

Вслѣдствіе воинственности и выносливости—качествъ, въ которыхъ афганы далеко превосходятъ всѣхъ своихъ сосѣдей, афганы могли бы поддерживать спокойствіе и порядокъ на обширномъ пространствѣ, если бы сами обладали способностью сохранить ихъ у себя дома. Слабость афганистанскаго государства обусловливается господствующею въ немъ рознью и слишкомъ большимъ стремленіемъ отдѣльныхъ частей страны къ сохраненію независимости. Вмѣсто того, чтобы направить свои силы на внѣшнихъ враговъ, афганы тратятъ свою мощь на внутренніе раздоры и поддерживаютъ обычную въ странѣ анархію. Впрочемъ, раздѣленіе афгановъ на независимыя племена обусловливается уже самою природою страны, въ которой встрѣчаются всѣ климатическіе переходы: ледяныя горы и тропически-знойныя равнины, цвѣтущія возвышенныя долины и жгучія песчаныя пространства, а слѣдовательно долженъ разнообразиться и образъ жизни, какъ послѣдствіе этого различія. Долины Афганистана открываются во всѣ стороны, служа какъ бы воротами для набѣговъ; но въ особенности находящіеся внутри страны, почти неприступные, гребни и страшныя пропасти отдѣляютъ афганскія племена одно отъ другого.

Кромѣ патановъ, мы встрѣчаемъ въ Афганистанѣ еще такъ называемыхъ таджиковъ, потомковъ первобытнаго населенія иранскаго происхожденія. Эти говорящіе по-персидски таджики живутъ не только въ городахъ, напримѣръ, въ Кандагарѣ, но и въ деревняхъ. Они уже утратили прежнюю иранскую мощь; впрочемъ, у нихъ еще сохранились древне-иранскія саги. Таджики занимаются преимущественно земледѣліемъ и промыслами. Кизиль-баши (красноголовцы) — еще не худшая часть населенія; они говорятъ на турецкомъ языкѣ и суть потомки турокъ, поселенныхъ здѣсь Надиръ-шахомъ. Съ кизиль-башами мы познакомились уже при описаніи Малой Азіи. Переродившись, какъ то часто бываетъ съ переселившимися за границу турками, кизиль-баши, подъ предводительствомъ своего собственнаго вождя представляютъ все еще довольно почтенную военную силу; афганы ненавидятъ кизильбашей. Общая численность афганистанскаго населенія, среди котораго живутъ также арабы, курды, армяне и евреи, составляетъ не больше 4 милліоновъ.

Нынѣ всѣ афганскія племена соединены подъ предводительствомъ одного главы — эмира, имѣющаго своимъ мѣстопребываніемъ городъ Кабулъ. Въ послѣднія двадцать лѣтъ положеніе дѣлъ въ странѣ скорѣе ухудшилось, нежели улучшилось. Народъ коснѣетъ въ страшномъ невѣжествѣ, и Белью (Bellew) рисуетъ далеко не лестную картину афганистанскаго хозяйства. Войска не получали жалованья въ втеченіи шести мѣсяцевъ, а сборъ податей, взносимыхъ натурою, правительство возлагаетъ на особыхъ лицъ, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, которымъ эти должности замѣняютъ жалованье. Во всякомъ случаѣ, Афганистанъ, величину поверхности котораго опредѣляютъ въ 716,000 кв. километровъ, представляетъ почти единственное еще независимое государство между индійскими владѣніями англичанъ и теперешнею средназіатскою границею русскихъ, которые настойчиво стремятся проникнуть все болѣе къ югу; поэтому Афганистанъ для политики обоихъ государствъ имѣетъ чрезвычайную важность, и оба они домогаются расположенія слабаго кабульскаго эмира. Афганы—очень ненадежные союзники англичанъ; напротивъ, они страшно ненавидятъ своихъ сосѣдей въ Индіи, не смотря на дружественныя увѣренія въ противномъ. По соглашенію между Англіею и Россіею въ 1872—1873 гг., Афганистанъ получилъ значительную прирѣзку къ своей территоріи къ сѣверу отъ Гинду-Ку, отчасти въ горахъ Возвышенной Азіи, отчасти— въ туркестанскихъ степяхъ.

Обратимся теперь къ юго-западной части Афганистана, на которую

выше мы обращали мало вниманія, и снова послѣдуемъ туда за англійскимъ врачемъ Белью. Дорога отъ Келата до Кандагара, важнѣйшаго города въ южномъ Афганистанѣ, неоднократно проходитъ чрезъ хребты горъ и по долинамъ, пока путешественникъ не достигнетъ равнины; далѣе къ Рудбару на Гильмендѣ путь очень однообразенъ, да иначе и быть не можетъ: равнина, лишь мало чѣмъ отличающаяся отъ настоящей степи, лишена всякой древесной растительности, даже кустарниковъ. Впрочемъ, въ Архундабской долинѣ, вдоль береговъ рѣки тянутся многочисленныя мѣстечки и сады; но вскорѣ опять начинается та же безлѣсная долина, гдѣ бродятъ большія стада кулановъ или дикихъословъ, встрѣчающихся также и въ туркестанскихъ степяхъ. Стоитъ упомянуть и о горячихъ сѣрныхъ ключахъ Гармабы, а равно о соляныхъ источникахъ близъ Баллахана. Округа по Архундабу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ соединяется съ Турнукомъ, густо населены, и Белью считаетъ въ нихъ по меньшей мѣрѣ 40,000 жителей. Ниже соединенія Архундаба съ Гильмендомъ, начинается негостепріимная мѣстность Гармзель, называемая на нашихъ картахъ также Гурмзиромъ. Полнѣйшее отсутствіе древесной растительности и упадокъ культуры характеризуютъ эту область, по которой протекаетъ судоходный Гильмендъ, шириною около 1,50 километровъ. Жители Гармзеля имѣютъ смѣлый видъ, съ отталкивающими чертами лица и очень темнымъ цвѣтомъ кожи. Иныя изъ молодыхъ женщинъ красивѣе, но морщинистыя старухи походили на настоящихъ вѣдьмъ. Одежда состоитъ изъ грубой бумажной рубахи собственнаго издѣлія и панталонъ синяго цвѣта. Хлѣбъ и скотъ составляютъ богатство этихъ людей. (Bellew. From the Indus to the Tigris).

Теперь мы находимся, такъ сказать, на порогѣ таинственной страны — Сеистана, на границѣ Келата, Афганистана и Персіи; топографія ея выяснена лишь въ самое послѣднее время. На сколько можно довѣрять картамъ, Сеистанъ представляется намъ обширною равниною, въ срединѣ которой расположено озеро Царехъ или Гамунъ; съ востока въ послѣднее вливается Гильмендъ. И дѣйствительно, Сеистанъ — огромная плоскость, растительность которой характеризуется тамарисками и малорослыми мимозами; близъ Бандара Гильмендъ дѣлаетъ крутой поворотъ на сѣверо-западъ и затѣмъ, послѣ многихъ излучинъ, впадаетъ въ Гамунъ; послѣдній нынѣ уже не есть озеро: оно распалось на три маленькія части — на озеро Фуррахъ-Рудъ, на озеро Гильменда и Циррехское болото. Равнина, называемая Гамуномъ, обыкновенно суха, и присутствіе озера въ этомъ мѣстѣ, какъ показываютъ наши карты, въ настоящее время можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что весною, при устьяхъ важнѣйшихъ рѣкъ, нѣкоторыя мѣста затопляются, отчего образуется подобіе прудовъ. (Bellew. Ibid, p. 263—266).

Сэръ Фредерикъ Гольдсмидъ, одинъ изъ участниковъ англійской экспедиціи, различаетъ въ Сеистанѣ двѣ области. Величина собственно

Сеистана опредѣляется въ 2450 кв. километровъ, а населеніе состоитъ изъ 35,000 осѣдлыхъ и 10,000 кочующихъ жителей. На долю персовъ, белуджей и афгановъ приходится одна треть; двѣ же прочія трети выпадаютъ на сеистанцевъ. Мѣстность, вообще говоря, плоская, состоящая изъ песку и аллювія; она покрыта кустарниками, но лишена деревьевъ. Нѣтъ недостатка въ хорошемъ орошеніи (рѣки и каналы); почва плодородна; пшеница и ячмень сбываются за предѣлы Сеистана; множество арбузовъ и дынь; превосходныя пастбища. (Proceed. R. geograph. Soc. XVII т., 1873, стр. 88). «Внѣшній Сеистанъ» или «Засеистанье» (Aussen-Seistan) обнимаетъ часть страны по правому берегу Гильменда, около 200 километровъ вверхъ по теченію. Эта вторая часть называется Чахансаръ; въ ней воздѣлываются пшеница и ячмень. Климатъ Сеистана весьма нездоровый, континентальный въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова; вслѣдствіе такихъ условій, даже туземные жители очень отстали отъ своихъ сосѣдей въ физическомъ отношеніи и отличаются замѣчательнымъ безобразіемъ. Земледѣліе и скотоводство — главныя занятія ихъ; лишь немногіе занимаются охотою, рыбною ловлею и самыми незатѣйливыми ремеслами. Они говорятъ на нарѣчіи персидскаго языка, въ которомъ встрѣчается много словъ изъ чужихъ языковъ — паксто, белуджи и турецкаго.

За Сеистаномъ слѣдуетъ, по очереди, Персидское государство. Для того, чтобы характеризовать, въ общихъ чертахъ, Персію, по величинѣ приблизительно равной Франціи и Великобританіи, мы скажемъ, что страна состоитъ вперемежку изъ райскихъ мѣстностей, съ которыми насъ знакомятъ описанія поэтовъ Гафиза и Сади, а отчасти Гёте, и изъ безотрадныхъ пустынь, покрытыхъ скалами, пескомъ и солью. Не смотря на высокіе горные хребты, никогда не бываетъ достаточно дождя: возвышенности лишены лѣса и вообще растительности, и повсюду замѣчается отсутствіе искусственныхъ сооруженій для орошенія. Рѣки, съ приближеніемъ къ морю, теряютъ свою силу, свою жизнь — въ страшныхъ пустыняхъ или мертвыхъ соленыхъ и горькихъ моряхъ. Къ тому-же въ Персіи чрезвычайно рѣзки переходы между температурами. Во многихъ мѣстностяхъ люди гибнутъ отъ морозовъ и лихорадокъ, въ другихъ же—отъ зноя. На полосѣ при Персидскомъ заливѣ большую часть года стоятъ жары, словно въ печи, а длинная полоса у Каспійскаго моря, по меньшей мѣрѣ въ теченіи пяти мѣсяцевъ, терпитъ отъ холода, мокроты и лихорадки. Между обѣими этими полосами мѣстами попадаются оазисы, на зеленомъ, бархатистомъ фонѣ которыхъ волнуются хлѣбныя нивы или виднѣются райскіе сады, полные розъ, гіацинтовъ, лилій и другихъ цвѣтовъ.

Секретарь британскаго посольства въ Тегеранѣ, Томсонъ, сообщилъ въ 1868 году слѣдующее: «Большая часть всей поверхности Персіи (1.680,000 кв. километровъ) представляетъ совершенную пустыню; на каждый квадратный километръ приходится въ среднемъ трое жителей. Таврисъ, по всей вѣроятности, имѣетъ около 110,000, Тегеранъ—85,000, Испагань—60,000 жит. Если положить на города 1 милліонъ, 1.700,000—на разсѣянныя въ Персіи турецкія, курдскія и арабскія племена, а на прочее населеніе—1.700,000, то общая цифра жителей составитъ около 4.400,000 душъ». Во всякомъ случаѣ мы не очень ошибемся, если, вмѣстѣ съ Маунзеемъ (A Journey through the Caucasus and the interior of Persia. London. 1872. 8°), примемъ численность народонаселенія Персіи по большей мѣрѣ въ 5 — 6 милліоновъ, изъ коихъ много сотенъ тысячъ погибло за послѣдніе годы отъ страшнаго голода. Чтобы характеризовать государственные порядки въ Персіи, укажемъ на то, что, не смотря на крайнюю бѣдность, жители ежегодно вносятъ податей по меньшей мѣрѣ на 36 милліоновъ марокъ. Государству, глава котораго именуется ради краткости шахомъ, но горделиво заставляетъ величать себя «шахиншахомъ», т. е. королемъ королей, уже давно не хватаетъ этихъ денегъ, а розги, репрессивныя мѣры сатраповъ и тому подобныя восточныя строгости при сборѣ податей уже не оказываютъ прежняго дѣйствія. «Страна страдаетъ отъ худаго управленія, правительство — отъ плохаго народа, народъ бѣдствуетъ по причинѣ неблагопріятной почвы; словомъ, получается circulus vitiosus, изъ котораго нельзя выйти. Шахъ — это большой нуль, а наслѣдникъ престола — нуль маленькій. Персію нельзя цивилизовать новыми мундирами и клочкомъ желѣзной дороги, и весьма сомнительно, чтобы страна могла ожидать лучшаго будущаго, пока въ ней будутъ жить персіяне. Въ европейскихъ газетахъ толкуютъ о реформахъ въ Персіи, но это только показываетъ полнѣйшее незнакомство съ положеніемъ дѣлъ въ этой странѣ. Проэктъ Рейтера втянуть Персію въ общее предпріятіе былъ лишь спекуляціею на деньги довѣрчивыхъ европейцевъ, и нужно благодарить шаха за то, что онъ довольно рано лишилъ барона возможности дѣйствовать. Народное хозяйство въ Персіи находится въ чрезвычайно печальномъ положеніи: крестьяне совершенно обѣднѣли и угнетены; настоящей промышленности не имѣется (тканье ковровъ—кустарный промыселъ); тамъ, гдѣ проявляется нѣкоторое благосостояніе, оно быстро исчезаетъ отъ притѣсненій правительства. Чиновничество отличается невѣроятною продажностью—замѣчательная аналогія между нецивилизованною Персіею и черезчуръ цивилизованною Америкою». Такъ говоритъ новѣйшій наблюдатель, баронъ Тильманъ (Streifzüge im Kaukasus, in Persien und in der asiatischen Türkei, S. 297 — 298), и этимъ онъ лишь подтверждаетъ то, что уже давно высказалъ основательнѣйшій знатокъ Персіи, д-ръ I. Э. Полакъ (Persien. Das Land und seine Bewohner. Ethnographische Schilderungen. Leipzig. 1865, 8°, 2 тома). Путешествіе по Персіи не

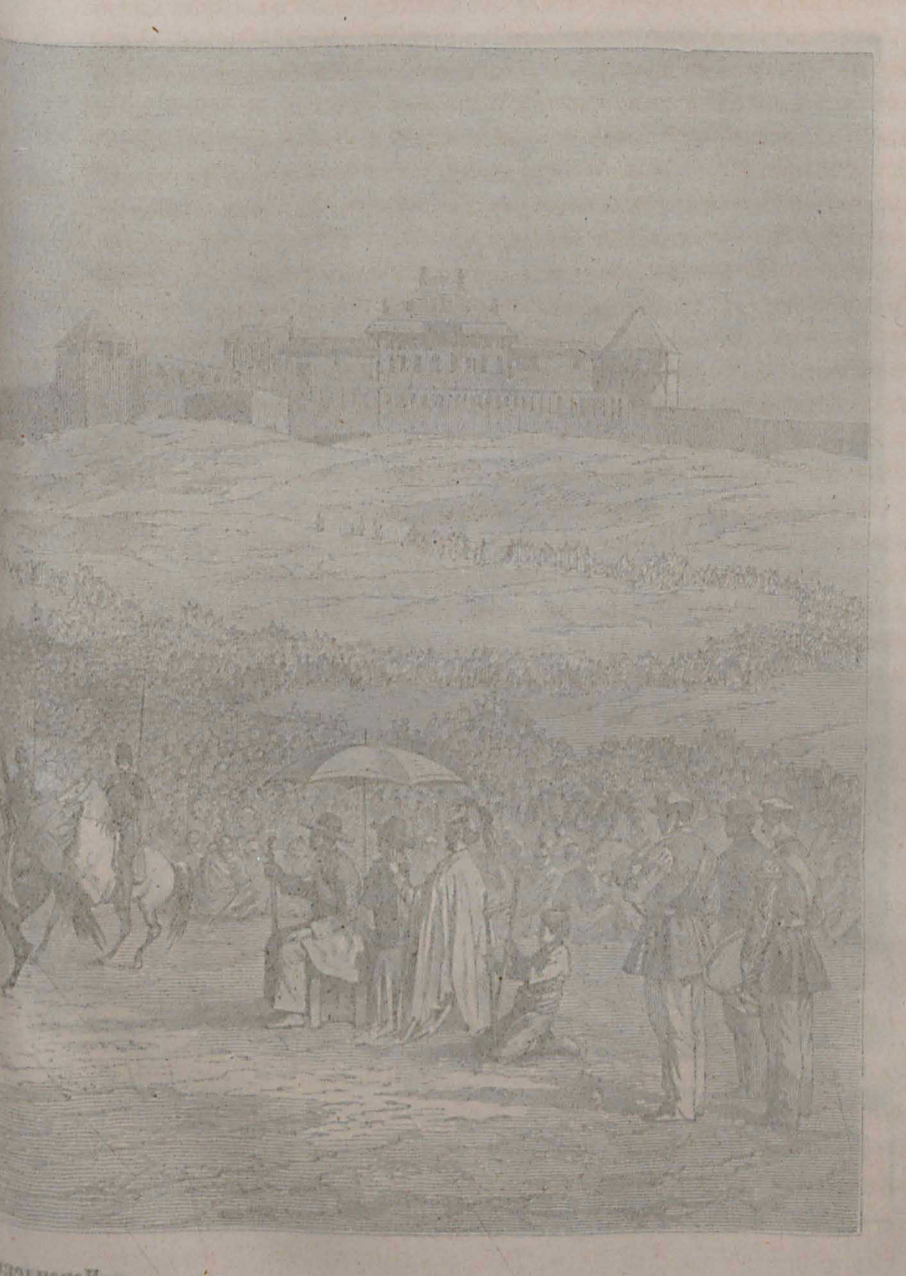
совсѣмъ безопасно. Мѣстами встрѣчаются орды кочевниковъ, которыя нападаютъ и грабятъ путниковъ и цѣлые караваны. У шаха слишкомъ много солдатъ для обезпеченія правильной уплаты податей, но очень мало ихъ для безопасности страны. Войско состоитъ изъ 105,500 человѣкъ, но изъ этого числа на дѣйствующую армію приходится не болѣе $^1/_3$; остальная же часть составляетъ родъ резерва, который, хотя большею частью не вооруженъ и распускается по домамъ для сельскихъ работъ, но можетъ быть созванъ во всякое время. Войска вооружены стародавними французскими и англійскими мушкетами, а также нѣсколькими тысячами ружей, изготовленныхъ въ Тегеранѣ. Всего въ Персіи не болѣе 100 годныхъ орудій, большею частью малаго калибра. Офицеры вообще невѣжественны. Эти войска, подобно саранчѣ, обдъѣдаютъ и безъ того изголодавшуюся страну, и, не смотря на это, они все-таки голодны, нечистоплотны, одѣты въ лохмотья, часто едва полувооружены, скорѣе напоминаютъ разбойниковъ или нищихъ, нежели защитниковъ страны. Регулярная выдача жалованья — явленіе рѣдкое. Войска обучаются на европейскій ладъ, но очень небрежно. Словомъ, на арміи отражается упадокъ, замѣчаемый повсюду въ этой странѣ. Государственные доходы превосходятъ расходы; изъ послѣднихъ—14 милліоновъ марокъ идетъ на войско, а 4 милліона—«на чрезвычайные расходы». Ввозъ простирается милліоновъ до 50; главные предметы отпуска: опіумъ, хлопчатая бумага и преимущественно шелкъ; вывозъ опредѣляется въ 30 милліоновъ марокъ.

Государство раздѣляется на 11 «мемлекетовъ», или провинцій, изъ которыхъ Иракъ-Аджеми образуетъ ядро, вокругъ коего группируются десять прочихъ провинцій.

Въ Иракъ-Аджеми лежатъ древняя и новая столицы Персіи, Испагань и Тегеранъ. Послѣдній находится въ самой сѣверной части провинціи, у подножія мощныхъ Эльбурсскихъ горъ, которыя отдѣляютъ ее отъ Гилана и Мазендерана, двухъ узкихъ береговыхъ полосъ, представляющихъ сѣверные склоны Эльбурса къ Каспійскому морю. Отъ высочайшей вершины этой цѣпи—Демавенда (6120 метровъ), потухшаго вулкана, Тегеранъ, расположенный на голой суглинистой степи, отстоитъ не далѣе, чѣмъ Брауншвейгъ отъ Броккена. Этотъ городъ, сдѣлавшійся резиденціею шаха лишь съ 1798 года, кромѣ четырехугольнаго дворца его, занимающаго четвертую часть обнесеннаго стѣною пространства, и нѣсколькихъ дворцовъ его любимцевъ, не имѣетъ замѣчательныхъ зданій. Улицы большею частью узки, кривы и плохо вымощены; жилыя помѣщенія въ домахъ низки, угловаты, обыкновенно убраны бѣдно и грязны внутри. Напротивъ, на базарахъ нѣтъ недостатка въ изящныхъ предметахъ роскоши и необходимости. Въ западной части Ирака находится Гамаданъ, древняя Экбатана, съ 30,000 жителей,

гдѣ евреи показываютъ гробницы Эсѳири и Мардохая; а въ вершинѣ треугольника, равныя стороны коего расходятся—одна къ юному Тегерану, а другая къ древней Экбатанѣ, стоитъ средневѣковая или магометанская столица Испагань. Нѣкогда величайшій изъ персидскихъ главныхъ городовъ всѣхъ временъ, Испагань лежитъ въ прелестной мѣстности, имѣетъ множество великолѣпныхъ домовъ, фабрикъ, изготовляющихъ золотую и серебряную парчу; въ немъ все еще много жителей, причемъ въ особыхъ пригородахъ живетъ большое число армянъ и евреевъ. Эту древнюю столицу все еще украшаютъ роскошные дворцы (изъ нихъ лучшіе—большой дворецъ шаха и недавно выстроенныя палаты намѣстника), принадлежащіе блестящимъ временамъ прошлаго, сотня мечетей, изъ коихъ мечеть шаха считается лучшею во всемъ магометанскомъ мірѣ, громадная площадь Мейданъ и нынѣ запустѣлый, большой базаръ Шахъ-Аббасъ. Въ царствованіе шаха Аббаса, съ 1587 по 1629 г., городъ достигъ наибольшаго блеска и имѣлъ около ¾ милліона жителей, болѣе 1800 каравансараевъ и 270 общественныхъ бань. (Reuschle: Handb. der Geographie. V. S. 517 ff.). Во всякомъ случаѣ и теперь еще, послѣ Тегерана, Испагань—одинъ изъ величайшихъ и наиболѣе красивыхъ городовъ Востока. У персіянъ было всеобще распространено убѣжденіе, что Испагань вмѣщалъ бы въ себя полміра, если бы не существовало Лагора въ Индіи. Ispahân nisfi jehan agar Lâhor nebâschar, т. е. исключите Лагоръ—и Испагань будетъ половиною міра. Нынѣ городъ этотъ, подобно другимъ своимъ собратамъ, пришелъ въ большой упадокъ; со времени послѣдняго голода, въ 1871 году, онъ лежитъ во прахѣ, девять-десятыхъ его въ развалинахъ. Число жителей въ немъ, часто показываемое въ 150,000 до 200,000, по Петерманну, равно 60,000. (См. объ Испагани: Ausland, 1876, № 23, S. 449).

Съ сѣверо-запада и запада Иракъ-Аджеми окружаютъ слѣдующія провинціи: Адербейджанъ, Ардиланъ, Луристанъ и Хузистанъ или Арабистанъ; послѣдній частью омывается Персидскимъ заливомъ. Вдоль Персидскаго залива и къ югу отъ Ирака слѣдуютъ: Фарсистанъ, Кирманъ и Мекранъ; послѣдній граничитъ съ Келатомъ. Всѣ онѣ суть горныя страны, возвышающіяся довольно круто уступами отъ береговъ моря и хребты которыхъ, вообще говоря, идутъ параллельно морскимъ берегамъ. Онѣ образуютъ западную и южную окраины Иранской столовой возвышенности, такъ что къ сѣверу мѣстность опять понижается, и плато Иракъ, въ сѣверной части занятое Большою Персидскою солончаковою степью, переходящею и въ восточную часть Хорассана, расположено надъ уровнемъ моря ниже большинства продольныхъ долинъ, прорѣзывающихъ южныя провинціи. Въ одной изъ такихъ долинъ, изобилующихъ розовыми садами и виноградниками, лежитъ на



Персидское праздество.

высотѣ 1350 метровъ, окруженный кипарисовыми рощами, много-воспѣтый Ширазъ съ 25,000 жителей.

Хотя Ширазъ также представляетъ развѣ лишь тѣнь того, чѣмъ онъ былъ прежде, но за нимъ все еще остается нѣкоторое значеніе, благодаря торговлѣ виномъ, вродѣ токайскаго, розовымъ масломъ и розовою водою; да и великолѣпіе его мѣстоположенія не совсѣмъ напрасно было превозносимо восточными поэтами. Кромѣ того, путешественникъ, которому по цѣлымъ недѣлямъ приходилось ѣхать по голой пустынѣ, съ удовольствіемъ останавливаетъ свой взоръ на Ширазѣ: тутъ онъ находитъ обиліе сочной темной зелени, надъ которою возвышается куполъ мечети Шабъ-Чирогъ; это обстоятельство также сильно содѣйствовало превознесенію Шираза. Благодаря обилію воды, воздѣлываемыя въ городѣ растенія отличаются поразительно роскошнымъ развитіемъ; розы никогда не устаютъ цвѣсти, и персіянинъ можетъ наслаждаться бараниною круглый годъ, а не два мѣсяца въ году, какъ въ другихъ мѣстахъ. Къ розамъ и баранинѣ присоединяются еще улыбающееся небо и постоянно мягкій воздухъ. Но хорошая пища, плодородіе почвы и мягкій климатъ соблазняютъ ширазцевъ и къ разгулу. Въ Ширазѣ оба пола безстрашно подносятъ къ губамъ чаши съ виномъ, а на пиршествахъ танцоры и танцовщицы играютъ большую роль. Ширазцы жили бы словно въ раю, если бы у нихъ не было худой привычки—пускать въ ходъ кинжалы: старый и малый носятъ за поясомъ кинжалы о двухъ лезвіяхъ, и горячіе споры обыкновенно заканчиваются употребленіемъ въ дѣло кинжаловъ, такъ что легкомысленныя убійства доставляли бы ежедневно матеріалъ для рубрики «городскія происшествія», если бы въ Ширазѣ издавалась газета.

Во всѣхъ вышеназванныхъ провинціяхъ Иранское нагорье спускается очень круто—или къ долинѣ Тигра, или къ Персидскому заливу. Въ первомъ направленіи, еще въ Каріудѣ дуютъ прохладные вѣтры; внизу же они нестерпимо знойны. Впадина, находящаяся въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ пути, имѣетъ около 250 метровъ высоты, а термометръ въ іюлѣ мѣсяцѣ поднимается съ 21° до 31°, на солнцѣ же—даже до 48° Р. (Bellew. Ibid., стр. 447). Такъ-же палитъ солнце и по берегамъ Персидскаго залива, при которомъ персіяне, хотя совершенно неспособная къ мореплаванію нація и потому неимѣющая и слѣдовъ военнаго флота, владѣютъ, однако, нѣсколькими важными гаванями. Торговля сосредоточивается въ Абушерѣ, или Бендеръ-Бушерѣ; при входѣ въ заливъ, въ Ормусскомъ проливѣ, лежатъ лишенныя растительности скалы Ормуса, нѣкогда блестящаго торговаго порта; наконецъ, назовемъ пор-

товый городъ Бендеръ-Абасси, въ провинціи Кирманъ, простирающейся на сѣверо-востокъ до уже извѣстнаго намъ Сеистана.

Сѣверо-восточная провинція Персіи, одна изъ самыхъ большихъ, носитъ названіе Хорассана; въ 1858 году она была точнѣе изслѣдована русскою экспедиціею, съ Ханыковымъ во главѣ, и съ тѣхъ поръ неоднократно была посѣщаема европейцами. Въ восточной части ея преобладаютъ горы, и потому южная часть называется Куистаномъ. Между ними, какъ къ границамъ Афганистана, такъ и на западѣ, тянутся обширныя пустыни. На сѣверѣ, гдѣ расположенъ Мешхедъ, одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Ирана, горы, идущія до юго-восточнаго края Каспійскаго моря, продолженія Гинду-Ку въ Афганистанѣ, снова окаймляютъ край плато, которое здѣсь ниспадаетъ къ лежащей на сѣверѣ Туркменской степи.

Повсюду въ этой части Персіи встрѣчаются явственно замѣтные слѣды послѣдняго голода; здѣсь также царитъ безпредѣльный страхъ предъ сосѣдними туркменами: противъ ихъ хищническихъ набѣговъ слабое персидское правительство и столь же слабое общество въ этихъ пограничныхъ странахъ не могутъ ничего подѣлать. Что касается голода, то его нельзя описать никакимъ перомъ. Съ другой стороны, трудно распознать причины голода въ этой области, ибо, по увѣренію Белью, почва хорошо орошена и даетъ богатый урожай. Во всякомъ случаѣ, нужда была до такой степени велика, что она заставила преодолѣть въ сущности забавную боязнь туркменъ, какъ разсказываетъ Белью: жители Мешхеда толпами собирались у городскихъ воротъ, въ надеждѣ на то, что туркмены возьмутъ ихъ въ плѣнъ и уведутъ съ собою въ рабство, предпочитая сухую корку хлѣба въ цѣпяхъ рабства мукамъ медленной смерти на родинѣ... Туркмены не щадили никого, за исключеніемъ арабовъ, не взирали ни на полъ, ни на возрастъ; тѣхъ, кто не могъ уплатить требуемыхъ ими за свобожденіе денегъ, они отводили въ Хиву, или на другой рынокъ невольниковъ, и тамъ продавали. Положеніе персидскихъ рабовъ у самыхъ туркменъ описано живыми красками путешественникомъ Вамбери. Теперь, когда Хива завоевана побѣдоноснымъ русскимъ оружіемъ и когда тамъ отмѣнено рабство, конечно, и туркмены должны были прекратить работорговлю, по крайней мѣрѣ въ этомъ направленіи, и, быть можетъ, недалеко то время, когда имъ придется отказаться отъ ихъ хищническихъ набѣговъ и на Персію, если теперешняя персидско-туркменская граница сдѣлается границею персидско-русскою. Замѣчательно, что, не смотря на свой страхъ, жители этой мѣстности, въ противоположность афганамъ, ходятъ невооруженными; сопротивленіе для нихъ—вѣрная смерть; туркмены умерщвляютъ стариковъ, совершенно для нихъ ненужныхъ, а равно и тѣхъ,

кто не сдается имъ добровольно. Поэтому равнина, по которой проѣзжалъ Белью, была усѣяна чрезвычайно своеобразными оборонительными башнями; онѣ состоятъ изъ круглой глинистой стѣны, высотою въ 4 метра, окружающей пустое, непокрытое пространство и имѣющей единственный входъ, до того низкій, что въ него нужно вползать на четвереренькахъ. Лишь только персіяне завидятъ туркестанскихъ всадниковъ, они прячутся со своими стадами за эти ограды, доставляющія надежную защиту, пока хищники, получивъ носъ, не уберутся во-свояси. Кромѣ того, туркмены чувствуютъ паническій страхъ предъ всякимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ и вообще нападаютъ только на безоружныхъ; по всѣмъ описаніямъ, они—жалкіе трусы.

Мешхедъ-и-мукаддасъ, т. е. «священный» (см. Николая Ханыкова: Méched, la ville sainte, et son territoire въ «Le Tour du Monde», 1861, p. 269—289), главный городъ персидскаго Хорассана, ведетъ оживленную торговлю и есть складочный пунктъ для каравановъ, идущихъ въ Индію и Китай; главнѣйшія произведенія промышленности суть: вазы, кубки, ковры, трубки и домашняя утварь; главный товаръ—бирюза изъ сосѣдняго Нишабура.

Теперь мы находимся вблизи Каспійскаго моря, отъ котораго разсмотрѣнная нами область отдѣляется восточными отрогами горъ Эльбурса. Хотя южный берегъ Каспійскаго моря принадлежитъ Персіи и имѣетъ нѣсколько нелишенныхъ значенія пунктовъ, каковы: Астерабадъ, Барферушъ, Амолъ въ Мазендеранѣ, Энзели и Рештъ въ Гиланѣ, тѣмъ не менѣе это море можно собственно считать русскимъ бассейномъ, ибо россійскія владѣнія окружаютъ его со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ южной. Даже на южномъ берегу русскіе заставили уступить себѣ небольшой персидскій островъ Ашурадъ, неподалеку отъ Астерабада, какъ стоянку для флота; а въ долинѣ Атрека, впадающаго съ востока въ Каспійское море, они стали твердою ногою, такъ что теперь значительная часть этой рѣки уже обозначаетъ границу между Персіею и русскими владѣніями въ Туркестанѣ.

Для лучшаго уясненія читателямъ того, какое политическое значеніе для русскихъ имѣло это утвержденіе въ бассейнѣ Атрека, считаемъ небезполезнымъ сказать нѣсколько словъ. Съ тѣхъ поръ, какъ земли, нѣкогда принадлежавшія Персіи, къ югу отъ Кавказскихъ горъ, отошли къ Россіи, и рѣка Араксъ стлась границею Россійской имперіи, т. е. около 50 лѣтъ тому назадъ, зависимость Персіи отъ Россіи сдѣлалась совершившимся фактомъ, и никогда правительство шаха не рѣшалось на такой шагъ, которой былъ бы непріятенъ петербургскому кабинету, Уступка долины нижняго Атрека русскимъ едва ли представляла для

Персіи чувствительную утрату, ибо они отдали то, чего не могли вполнѣ назвать своимъ, по крайней мѣрѣ—не были въ силахъ защитить. Эта мѣстность—главный театръ дѣйствій хищническихъ туркменскихъ племенъ, въ особенности текке, которые ежегодно нападаютъ на эти области и исчезаютъ столь же быстро, какъ и появляются, унося и уводя съ собою все, что можно захватить: людей, драгоцѣнности и т. под. Защита, которую персидское правительство заботится доставить въ этой мѣстности своимъ подданнымъ, есть, въ сущности, фикція, да иначе и быть не можетъ при той ужасной испорченности и расшатанности, какія свойственны всѣмъ отраслямъ персидскаго управленія.

На сколько Атрекъ не имѣетъ значенія для Персіи, на столько же важенъ онъ для Россіи, какъ то покажетъ слѣдующее разсмотрѣніе географическихъ условій. Высокія Эльбурсскія горы (къ югу отъ Каспійскаго моря), какъ мы уже знаемъ, продолжаются далѣе къ востоку, въ видѣ горъ Хорассана; тамъ, гдѣ онѣ пересѣкаются Гери-Рудомъ, находится граница Афганистана; затѣмъ, далѣе, эти горы идутъ въ восточномъ направленіи, подъ различными названіями, и такимъ образомъ соединяются прямо съ Гинду-Ку, а къ сѣверу отъ Кабула—съ западными отрогами Гималая. Эта линія есть природная южная граница Туркестана, разсматривая его, какъ обособленное цѣлое. Всѣ земли къ сѣверу и къ югу отъ этой линіи суть культурныя страны, распредѣленныя между различными водораздѣлами, и очень важныя торговыя области. По обѣимъ сторонамъ Хорассанскихъ горъ лежитъ провинція Хорассанъ, древняя Гирканія. Сѣверная часть ея орошается Атрекомъ и его нѣсколькими притоками. Сюда-же примыкаетъ и бассейнъ Гери-Руда и Мервъ-Руда съ городомъ Мервъ; далѣе, къ востоку, страна Кипчакъ, ханства Маймене и Кундузъ, съ городами Андхи и Балхъ,—земли, лежащія къ югу отъ Бухары. Занятіе Атрека было первою, по отношенію къ Туркестану, попыткою къ пріобрѣтенію прочной южной границы и къ установленію непрерывной линіи отъ Каспійскаго моря до Бухары; во всякомъ случаѣ, это—только начало, но конецъ его не можетъ подлежать сомнѣнію. Восточные народы, обитающіе въ тѣхъ мѣстностяхъ, слишкомъ раздроблены и плохо организованы, чтобы они могли оказать успѣшное сопротивленіе русскимъ; изъ Европы же имъ не отъ кого ждать помощи. Недалеко отъ устья Атрека находится Ашурадъ, стоянка русской флотиліи. Сухопутная дорога вдоль южнаго берега Каспійскаго моря, вообще пролегающая по очень нездоровымъ мѣстамъ, всегда находится въ распоряженіи русскихъ, такъ что русскія войска могутъ двигаться въ этомъ направленіи съ Кавказа какъ моремъ, такъ и сухопутьемъ. Движеніе по этой новому пути не можетъ представлять для нихъ особаго препятствія. Въ то время какъ Хива съ трехъ сторонъ защищена безконечными, для большихъ отрядовъ трудно доступными степями, — на этой южной линіи хотя и нѣтъ судоходнаго Яксарта, но за то приходится проходить не по пустынямъ, а по странамъ, до извѣ-

стной степени культурнымъ; тутъ встрѣчаются большой величины города, и потому есть средства для содержанія армій; эта линія—ближайшая и пока послѣдняя цѣль русско-азіатской политики. Очевидно, что русскіе стремятся къ округленію своихъ владѣній, къ достиженію естественныхъ границъ, и это стремленіе столь же законно, какъ и необходимо, ибо только тогда, когда русскіе займутъ военными силами и эту линію, имъ удастся водворить порядокъ среди непокорныхъ, буйныхъ туркменскихъ кочевниковъ и умиротворить ихъ такимъ же образомъ, какъ это удалось имъ сдѣлать съ киргизами, къ сѣверу отъ Аральскаго моря. Лишь при этомъ условіи возможно обратить Туркестанъ въ русскую провинцію и обезпечить для русской торговли эту обширную и богатую область. Россія, какъ извѣстно, всего менѣе склонна стоять за свободу торговли. Поэтому, если она будетъ имѣть въ своей власти весь Туркестанъ, то это, само собою разумѣется, положитъ конецъ англо-индійской торговлѣ въ этой странѣ. Hinc illae lacrymae! Такой разультатъ можетъ быть достигнутъ безъ всякихъ затрудненій. Единственный путь сообщенія между Индіею и Туркестаномъ идетъ изъ Кабула, чрезъ Гинду-Ку, тремя проходами, изъ которыхъ первый имѣетъ 3350, второй—3780, а третій—4100 метровъ высоты. Если русскія военныя силы станутъ твердою ногою къ сѣверу отъ Гинду-Ку, то имъ будетъ легко совершенно запереть эти проходы, разъ на всегда исключить англичанъ и направить въ Россію милліоны, которые нынѣ ежегодно притекаютъ въ Англію. Пограничными землями между Индіею и Россіею на будущее время остаются лишь неприступный Кафиристанъ, азіатскій Тироль, и Афганистанъ. Но желаетъ-ли Россія присоединить также и эти страны, какъ то думаютъ англійскіе аларМИСТЫ,—это по меньшей мѣрѣ сомнительно. Вопроса объ овладѣніи Россіею Индіи собственно нѣтъ, да, вѣроятно, онъ никогда и не будетъ поднятъ ею. Россія стремится овладѣть всѣмъ тѣмъ, лучшую половину чего она уже имѣетъ въ своей власти; она стремится къ округленію и упроченію своихъ владѣній, а это возможно лишь въ предѣлахъ, намѣченныхъ самою природою. Смѣлое движеніе Россіи вовсе не оказывается столь страшнымъ, и совершенно безсмысленно поднимать тревогу, такъ какъ наступленіе этихъ событій можно было предвидѣть уже много лѣтъ тому назадъ. Англіи приходится только лаять на «русскаго медвѣдя»; прогнать-же его она не можетъ—теперь ужъ слишкомъ поздно.

Провинціи Гиланъ и Мазендеранъ обнимаютъ покрытый лѣсомъ сѣверный склонъ Эльбурсскихъ горъ, а также болѣе или менѣе страну, образовавшуюся изъ насосовъ, т. е. плоскую береговую полосу между названными горами и Каспійскомъ моремъ. Эта полоса, часто очень болотистая, посѣщаемая страшными лихорадками, въ которой преимущест-

венно разводятъ рисъ, хлопчатникъ, немного сахарнаго тростника и занимаются шелководствомъ, въ большей части своей поверхности, подобно сосѣднимъ горамъ, покрыта громаднѣйшими лѣсами, и потому представляетъ очень рѣзкую противоположность пустынной, голой или сухой мѣстности къ югу отъ Эльбурса, а также остальной Персіи, которую, шутки ради, раздѣляютъ на солянную пустыню и на пустыню безъ соли. Въ то время какъ въ лѣсахъ горъ преобладаетъ букъ, въ нерѣдко непроницаемыхъ чащахъ низменности мы встрѣчаемъ высокоствольные дубы; повсюду растенія изъ семейства Pomaceae смѣняются гледичіями и нѣжно-лиственными мимозами. Здѣсь дико растетъ виноградная лоза, буковыя деревья достигаютъ высоты 6—10 метровъ, а гранатовыя яблоки принадлежатъ къ обыкновеннѣйшимъ лѣснымъ плодамъ. Большіе папоротники часто занимаютъ огромныя поверхности и почти исключаютъ всякую иную растительность. Высокіе тростники и вьющіяся растенія повсюду встрѣчаются въ этихъ первобытныхъ лѣсахъ, служащихъ обиталищемъ царскимъ тиграмъ и другимъ хищнымъ животнымъ, а олени, дикіе кабаны и фазаны служатъ обыкновеннѣйшими предметами охоты.

Сѣверо-восточную провинцію Персіи составляетъ Адербейджанъ, который на сѣверѣ граничитъ съ русскими владѣніями на Кавказѣ, на западѣ же—съ турецкою Арменіею, и какъ по рельефу своей почвы, такъ и по населенію, принадлежитъ къ Арменіи. Въ ней расположено красивое и большое озеро Урумія, а къ востоку отъ него въ голой мѣстности, у подошвы высокихъ, фантастическихъ по своимъ очертаніямъ, скалистыхъ горъ, на высотѣ 1507 метровъ надъ уровнемъ моря, лежитъ величайшій городъ Персіи и вмѣстѣ съ тѣмъ главное складочное мѣсто ея торговли съ Европою—Табрицъ (100,000 жителей), извѣстный въ Европѣ подъ совершенно ложнымъ названіемъ Тавриса.

Разсмотрѣвъ территорію Персіи, мы должны еще бросить бѣглый взглядъ на ея населеніе. Главнѣйшую составную часть персидскаго населенія представляютъ, само собою разумѣется, собственно иранцы или новоперсы, или персіяне, называемые въ Туркестанѣ, Восточномъ Иранѣ и Афганистанѣ «таджиками». Въ западномъ же Иранѣ ихъ называютъ почти повсемѣстно «тать». Но здѣсь живутъ также армяне, курды и тюркскія племена, въ особенности туркоманы или туркмены, какъ, напр., карагезліи между Тегераномъ и Гамаданомъ. Но особенно на сѣверѣ иранскій языкъ сильно смѣшался съ туранскимъ; разнымъ образомъ турецкій языкъ многіе персіяне понимаютъ болѣе или менѣе; напротивъ, въ

провинціи Фарсъ, гдѣ персидская кровь сохранилась въ чистотѣ, не говорятъ на турецкомъ языкѣ. (Nicolai de Chanykow: Mémoire sur l'ethnographie de la Perse. Paris, 1866, 4°).

Персіяне исповѣдуютъ шіитское ученіе ислама и потому отъ всей души ненавидятъ своихъ западныхъ сосѣдей, турокъ-суннитовъ. Сравненіе обоихъ народовъ, во всякомъ случаѣ, говоритъ лишь въ немногихъ отношеніяхъ въ пользу персіянъ. Персіянинъ, носящій на головѣ характерную шапку изъ черного смушка, такъ-называемый «кулахъ», одѣвается расточительно; нѣкоторыя «джубы» (верхнее платье) стоятъ не дешевле 150—300 рублей. Само собою разумѣется, нужно загнать экономію на чемъ-нибудь другомъ,—и вотъ персіянинъ сберегаетъ на рубашкахъ и мылѣ: даже у богатыхъ людей рѣдко бываетъ болѣе 2—3 рубахъ! Рядомъ съ персіяниномъ, турокъ—сущій ангелъ физической чистоты. Турокъ презрительно относится къ тѣмъ, кто терпитъ паразитныхъ насѣкомыхъ; персіянинъ-же держится изрѣченія: живи и давай жить другимъ. Турокъ не жалѣетъ мыла и тратится на бѣлоснѣжные утиральники; персіянинъ-же краситъ желтоватымъ порошкомъ генны руки, ногти, щеки—чуть не до самыхъ глазъ, а черную бороду—въ кирпичнокрасный цвѣтъ. Правда, османлисъ считаетъ вилку и ножикъ лишними, такъ какъ природа надѣлила его десятью пальцами и столькимъ же числомъ ногтей, но промышленность заботится о снабженіи его блестяще бѣлыми «гаули» (салфетками). Персіянинъ не только считаетъ лишнимъ все то, отъ чего отказался также и турокъ, но идетъ еще далѣе—обходится даже безъ ложки. Домашняя одежда женщинъ непристойна и непріятна для глазъ: рубашка часто короче нашего жилета, отъ пояса идетъ коротенькая, но очень широкая юбка. Персіяне характеризуются неблагодарностью и лживостью и тѣмъ невыгодно отличаются отъ честныхъ турокъ—османовъ или узбековъ. Въ Тегеранѣ нѣтъ общественныхъ гульбищъ, вродѣ тѣхъ, на которыя стекаются константинопольскіе турки, по цѣлымъ часамъ, въ пріятномъ бездѣльи, наслаждаясь игрою синихъ волнъ Босфора. За то турки не знаютъ пирушекъ; въ Персіи-же пиршествамъ предаются и старъ, и младъ; въ нихъ принимаютъ участіе даже женщины, что̀, по понятіямъ магометанъ, дѣло совершенно беззаконное и безбожное. Что касается архитектурныхъ сооруженій, то въ Константинополѣ ихъ больше и они роскошнѣе, нежели въ Тегеранѣ; этого мало: венгерскій путешественникъ Вамбери находитъ, что у османовъ архитектурный вкусъ чище и выше, нежели у персіянъ. За то у чистокровныхъ персіянъ немало проницательности, остроумія и шельмовства. Г. Ханыковъ считаетъ наиболѣе чистыми иранцами обитателей Герата въ Афганистанѣ, а также гвебровъ или парсовъ, которые сохранили древне-иранскій культъ Зороастра, а въ Кирманѣ и Іездѣ образуютъ все еще многочисленную общину огнепоклонниковъ. Про персіянъ вообще можно сказать, что они—противопо-

ложность османамъ. Отличаясь болѣе нервнымъ складомъ, большею живостью въ рѣчи, большею сообразительностью, персіяне, однако, по складу характера, нравственности и духовнымъ способностямъ стоятъ глубоко ниже потомковъ татаръ Бѣлой Орды. «Османы, говоритъ Мурадъ-эфенди, скупы на слова, рѣчь ихъ отличается важностью; персіяне же ловкіе діалектики и отчаянные софисты. Персіянинъ, безспорно, обладаетъ большимъ естественнымъ вкусомъ и чувствомъ изящнаго, нежели оттоманъ, и, относительно способностей и природныхъ дарованій, имѣетъ много сходнаго съ израильтянами и эллинами. Хотя персіяне въ религіозномъ отношеніи фанатичнѣе турокъ, но европейскимъ реформамъ у нихъ распространиться легче, нежели подъ скипетромъ полумѣсяца. Какъ у испанцевъ, такъ и у оттомановъ, и даже еще въ большей степени, блескъ, сила государства тѣсно связаны съ религіею. Съ ислама началась, въ исламѣ получила свой источникъ исторія оттоманства и величіе его. Слава ислама есть вмѣстѣ съ тѣмъ и слава оттомановъ. Не то у персіянъ. Предки ихъ были персами еще до ислама; національность ихъ выросла на государственной основѣ помимо ислама. Ихъ историческія воспоминанія восходятъ далеко за предѣлы образованія ихъ религіи; уже въ эпоху, предшествовавшую исламу, Иранъ былъ могущественнымъ, славнымъ государствомъ. Османлисъ — пастухъ, землedѣлецъ и солдатъ; персіянинъ—купецъ и художникъ». Что, напримѣръ, жители Фарса происходятъ отъ древняго культурнаго народа, — это иностранецъ замѣчаетъ уже по осанкѣ, чрезвычайно тонкимъ, отшлифованнымъ монерамъ жителей, все равно—принадлежатъ ли они къ поселянамъ или горожанамъ.

ГЛАВА VII.

Кавказъ.

На земномъ шарѣ существуетъ мало мѣстъ, которыя пользовались бы столь счастливымъ географическимъ положеніемъ, соединяли бы въ себѣ столь много благопріятныхъ условій для развитія торговли и промышленности въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, какъ Кавказскій перешеекъ, между Чернымъ моремъ на западѣ и Каспійскимъ на востокѣ. Здѣсь протягиваютъ другъ другу руки двѣ части свѣта; два моря омываютъ берега этого перешейка: одно ведетъ въ Европу, другое служитъ путемъ въ сердце Азіи. Гигантская горная цѣпь раздѣляетъ Кавказъ

Дарьяльское ущелье на Кавказѣ.

[illegible] Отличаясь [illegible] большею жи-
[illegible]

со двѣ половины, сильно отличающіяся между собою какъ по климату, такъ и по естественнымъ произведеніямъ. Южная граница страны расположена подъ однимъ градусомъ широты съ Римомъ и Неаполемъ;

Дарьяльское ущелье на Кавказѣ.

[illegible] между Чернымъ моремъ на западѣ и Каспійскимъ на востокѣ. Эти [illegible] другъ другу [illegible] части свѣта; два моря [illegible] берега этого перешейка [illegible] въ Европу, другое служитъ [illegible] въ сердце Азіи. Гигантская горная цѣпь раздѣляетъ Кавказъ

[illegible] стоянія, что и на югѣ Россіи: груши, сливы, вишни; орѣховое дерево. У сѣверной границы кочуютъ калмыки, со стадами овецъ, рогатаго скота и табунами подвижныхъ лошадей; въ прочихъ [illegible] степного края, свободные земледѣльцы и ногайцы, а на юго-востокѣ, ближе къ Каспійскому морю, — [illegible] кочующіе карачегайцы. Зем-

на двѣ половины, сильно отличающіяся между собою какъ по климату, такъ и по естественнымъ произведеніямъ. Южная граница страны расположена подъ однимъ градусомъ широты съ Римомъ и Неаполемъ; здѣсь растутъ лавры, апельсиновыя, лимонныя и абрикосовыя деревья, родятся виноградъ, хлопчатникъ и тутовое дерево. Сѣверная же половина есть продолженіе равнинъ и степей плодороднаго юга Россіи. Гористыя мѣстности богаты лѣсомъ, но бѣдны хлѣбными растеніями; жители испытываютъ недостатокъ въ хлѣбѣ и скотѣ, тогда какъ обитатели степей имѣютъ ихъ въ избыткѣ; за то степнякамъ недостаетъ произведеній горъ; слѣдовательно, такое сосѣдство горъ выгодно для обитателей степей, и наоборотъ. Сама природа указываетъ на то, какъ важно въ этой мѣстности большее развитіе торговой дѣятельности и какое громадное значеніе она можетъ имѣть для страны.

Сѣверная половина Кавказа состоитъ изъ двухъ областей, отличающихся чрезвычайно различнымъ характеромъ,—изъ обширныхъ, непрерывныхъ степей и непрерывныхъ горъ. Отъ границы саратовской губерніи и области донскихъ казаковъ до самой главной цѣпи горъ мѣстность совершенно ровная, лишь рѣдко прерываемая незначительными холмами. Эта равнина, въ свою очередь, также дѣлится на двѣ полосы, различныя по своей природѣ. Первая, начинающаяся отъ указанной сѣверной границы, тянется къ югу до рѣкъ Кубани, Лабы, Малки и Терека и слѣдуетъ по теченію ихъ до моря. Эта огромная полоса представляетъ степь, одну сплошную степь, лишь мѣстами разсѣкаемую глубокими оврагами. Здѣсь нѣтъ лѣсовъ, и только недалеко отъ Ставрополя попадается нѣсколько рощицъ. Въ водѣ также недостатокъ: пять или шесть рѣченокъ отчасти высыхаютъ въ лѣтнее время. Правда, у сѣверной границы встрѣчаются озера, но они содержатъ соленую воду. Страшный бичъ степи—засухи—является слѣдствіемъ недостатка дождей. Суглинистая, черноземная почва родитъ въ изобиліи хлѣбъ и траву, если только идутъ дожди; но послѣдніе принадлежатъ здѣсь къ числу рѣдкихъ явленій. Зимою часто стоятъ холода до — 20°, поднимаются бури и мятели; санный путь держится съ декабря по начало марта. Лѣто, напротивъ, большею частью очень знойное; при жарѣ въ тридцать градусовъ и болѣе, степная трава на столько высыхаетъ, что обращается въ пыль, которая несется вѣтромъ въ видѣ густыхъ, громадной величины, облаковъ. Въ этой части Кавказа родятся тѣ же растенія, что и на югѣ Россіи: груши, сливы, вишни, орѣховое дерево. У сѣверной границы кочуютъ калмыки, со стадами овецъ, рогатаго скота и табунами поджарыхъ лошадей; въ прочныхъ поселеніяхъ живутъ линейные казаки, свободные землепашцы и ногайцы, а на юго-востокѣ, ближе къ Каспійскому морю,—все еще кочующіе кара-ногайцы. Зем-

леделіе и скотоводство стоятъ въ этихъ мѣстностяхъ на самой низшей ступени развитія, какъ у азіатовъ, такъ и у поселившихся здѣсь русскихъ. Ногайцы воздѣлываютъ землю и держатъ скотъ исключительно для себя; русскіе же не имѣютъ никакого сбыта для тѣхъ продуктовъ, которые они могли бы продать; такимъ образомъ, все находится въ застоѣ. По мѣрѣ приближенія къ югу, страна все болѣе теряетъ степной характеръ. Вблизи Георгіевска и Пятигорска, гдѣ находятся наиболѣе посѣщаемыя кавказскія минеральныя воды, мѣстность становится оживленнѣе: уже чаще встрѣчаются отдѣльныя рощи, небольшія горныя цѣпи, рѣки и ручьи; вблизи горъ преобладаетъ каменистая, песчаная почва. По дорогѣ къ горамъ расположены густо населенныя казачьи станицы, отчасти укрѣпленныя и нѣкогда бывшія даже городами; а верстъ на 40 въ сторону лежитъ Пятигорскъ, со своими богатыми цѣлительными минеральными источниками. Послѣднихъ очень много на Кавказѣ. Не смотря на то, что купальни и прочія заведенія на минеральныхъ водахъ устроены великолѣпно, со всевозможнымъ комфортомъ и большимъ изяществомъ, въ особенности въ Пятигорскѣ, они, вообще говоря, все еще мало посѣщаются.

Вторая полоса кавказской равнины тянется у подошвы главной цѣпи, отъ Чернаго моря до Каспійскаго. Этотъ огромный долъ, длиною около 750 верстъ, мѣстами не болѣе 30—40 верстъ въ ширину, напоминаетъ своею роскошною травяною растительностью и мягкимъ климатомъ преріи Миссисипи; здѣсь степи превращаются въ безконечный паркъ, отдѣленный на югѣ высокою горною цѣпью съ глетчерами, базальтовыми и гранитными скалами, на сѣверѣ ограниченный большими рѣками, а на востокѣ и западѣ—двумя морями. Здѣсь въ лѣсахъ растутъ всевозможныя фруктовыя деревья, виноградныя лозы колоссальныхъ размѣровъ, а мѣстами даже хлопчатникъ; въ садахъ родятся благороднѣйшіе, великолѣпные фрукты. Земля распахивается лишь въ немногихъ мѣстахъ: къ почвѣ всей этой длинной полосы почти не касалось рука человѣка. Всѣ хлѣбныя растенія даютъ богатые урожаи; трава часто достигаетъ роста человѣка. Линейные казаки, живущіе въ станицахъ, расположенныхъ у самыхъ горъ, занимаютъ столько земли, сколько имъ нужно.

Третья полоса обнимаетъ цѣпь Кавказскихъ горъ, во всей ея длинѣ и ширинѣ. Кавказскія горы, какъ валъ, разграничивающій народы, можно также причислять и къ Европѣ, и въ этомъ случаѣ имъ будетъ принадлежать, безспорно, первое мѣсто между всѣми горными цѣпями нашей части свѣта, въ виду огромнаго протяженія ихъ, высоты вершинъ и важности ихъ глетчеровъ. Этотъ горный валъ начинается на западѣ полуостровомъ Таманью, изобилующимъ нефтью, идетъ сначала вдоль Чернаго моря, параллельно берегамъ его, потомъ слѣдуетъ поперегъ перешейка и, наконецъ, теряется на востокѣ, въ Апшеронскомъ полуостровѣ, богатомъ нефтяными ключами. Апшеронскій полуостровъ раздѣляетъ Каспійское море на двѣ половины—сѣверную и южную. На

этомъ полуостровѣ, среди негостепріимной, пустынной мѣстности, расположенъ чисто-восточный, но быстро развивающійся, дѣятельный городъ Баку, съ огромнѣйшими заведеніями для очистки нефти въ сосѣднемъ Сураханѣ; а въ непосредственной близи находится простой, но чистенькій храмъ огнепоклонниковъ-парсовъ, Атешгахъ; впрочемъ, нынѣ тамъ уже не живутъ парсы.

Кавказскія горы состоятъ изъ трехъ цѣпей: главной, со среднею высотою въ 3000 метр. надъ уровнемъ моря, и параллельными ей двумя цѣпями, высотою въ 1000 метровъ. Трахитопорфировыя массы Эльбруса (5660 метр.), царя Кавказскихъ горъ, видимаго уже съ Чернаго моря, и Казбека (5042 м.) образуютъ два самыхъ мощныхъ узла. Между обоими, въ такъ называемомъ Среднемъ или Центральномъ Кавказѣ, предъ которымъ съ сѣвера лежитъ равнина Кабарды, возвышаются: Кашантау (5218 метровъ) и Дихтау (5160 метр.). У подошвы Казбека пролегаетъ устроенная русскими, дико-романтическая Военно-грузинская дорога, весьма замѣчательная въ инженерномъ отношеніи: она ведетъ изъ Владикавказа въ Тифлисъ. Отдѣльныя части Кавказа имѣютъ особыя наименованія; такъ, на западѣ, на южныхъ склонахъ горъ лежатъ: Абхазія, Мингрелія, Имеретія, древняя Колхида, и Сванетія по верхнему Ингуру; среднюю часть занимаетъ Грузія; въ восточной части, между степями ногайскихъ татаръ—на сѣверѣ и Апшеронскимъ полуостровомъ—на востокѣ, тянется, въ видѣ треугольника, область Дагестанъ. Въ долинахъ и обширныхъ ущельяхъ, которыя отдѣляются отъ ближайшихъ глетчеровъ исполинскими скалистыми стѣнами и защищены ими, господствуетъ итальянскій климатъ; менѣе чѣмъ на 5 верстъ далѣе природа возвышенныхъ равнинъ носитъ такой-же характеръ, какъ въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи; если подняться еще выше, то мы очутимся въ Сибири, съ ея мятелями и ледяными полями. Столь же различны почва и ея произведенія. На днѣ глубокихъ, съ крутыми скатами, пропастей, куда не проникаетъ ни одинъ солнечный лучъ, не растетъ даже трава; выйдя же изъ нихъ на свободу, мы встрѣтимъ пышную травяную растительность, красивые лѣса и шумные водопады—словно въ долинахъ Швейцаріи. Въ Кавказскихъ горахъ, однако, не беретъ начало ни одна судоходная рѣка. Терекъ и Кубань, самыя большія рѣки этой страны, судоходны лишь въ немногихъ мѣстахъ, а лѣтомъ наполняются иломъ, пескомъ и сильно мелѣютъ. Объ естественномъ богатствѣ Кавказскихъ горъ мы до сихъ поръ еще знаемъ очень мало. Впрочемъ, присутствіе въ нихъ свинцовыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ рудъ извѣстно давнымъ-давно. Многіе горцы отливаютъ свои пули изъ добываемаго ими свинца или мѣди. Въ окрестностяхъ Эльбруса встрѣчается много сѣрнаго колчедана, который горцы употребляютъ для приготовленія пороха. Гранитъ, великолѣпный зеленый и красный порфиръ, разноцвѣтный мраморъ и горный хрусталь находятся въ избыткѣ. Различнѣйшія минеральныя воды, неистощимые источники нефти и камен-

ный уголь обѣщаютъ Кавказу большія богатства въ будущемъ. Не менѣе богата и растительность этихъ горныхъ странъ. Область лѣсовъ тянется по сѣвернымъ и южнымъ склонамъ главной цѣпи, длиною около 2200 верстъ, а шириною отъ 10 до 20 верстъ; высоко на горахъ растутъ сосна, ель и лиственница; ниже—дубы, различные виды тополя, орѣховое дерево и чинаръ (платанъ); въ долинахъ встрѣчаются въ изобиліи фруктовыя деревья южныхъ странъ, а равно прекраснѣйшіе цвѣты; въ наиболѣе теплыхъ изъ этихъ долинъ родятся виноградъ, хлопчатникъ и маслина. На южныхъ склонахъ Мингрельской цѣпи попадается даже родъ чайнаго дерева. По берегамъ Каспійскаго моря татары разводятъ марену и шафранъ; на Черноморскомъ побережьи, въ Абхазіи, климатъ еще жарче, воздухъ влажнѣе, растительность поражаетъ своею пышностью и дикостью; здѣсь все въ дикомъ состояніи—и люди, и природа. Въ долинахъ хотя растутъ пшеница и рисъ, но жители сѣютъ только просо, немного ячменя и кукурузу. Животный міръ также очень интересенъ. При малочисленности населенія, въ лѣсахъ и ущельяхъ все еще встрѣчаются куницы, лисицы, бѣлки, выдры, черные и бурые медвѣди; въ особенно глухолежащихъ мѣстахъ живутъ бобры. Пантеры и гіены посѣщаютъ горы, а на берегахъ Аракса нерѣдко появляется страшный королевскій тигръ. Волки, шакалы, лисицы, лоси, дикія козы, кабаны и зайцы всюду встрѣчаются въ большомъ числѣ: въ горахъ обитаютъ буйволы и дикій кавказскій козелъ; на Эльбрусѣ иногда показывается также могучій зубръ.

Кавказъ населенъ горскими народами и по этническому разнообразію представляетъ единственную въ мірѣ страну; различнѣйшіе языки, нарѣчія и племена живутъ здѣсь рядомъ, скучиваясь въ тѣсномъ пространствѣ: лезгины, мисдшеги, абхазцы, адиге, болѣе извѣстные подъ именемъ черкесовъ, татары, кабардинцы, осетины и казаки. Особеннаго вниманія заслуживаютъ кабардинцы и абхазцы, которые, не смотря на стремленіе отвергать все, что исходитъ отъ невѣрныхъ,—стремленіе, представляющее наиболѣе характерную черту всѣхъ исповѣдующихъ исламъ, уже начали, однако, воздѣлывать хлѣбъ и даже употреблять плугъ; равнымъ образомъ они лучше держатъ свои жилища и сближаются съ русскими. Вообще у кавказскихъ племенъ слишкомъ много природнаго ума, чтобы они могли предаваться слѣпому религіозному фанатизму; ученіе Магомета, не смотря на проповѣди имамовъ и ихъ апостоловъ, не пустило глубокихъ корней даже въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Черкесы, чеченцы (живущіе въ Среднемъ Кавказѣ, въ плодородной и богатой произведеніями Чечнѣ) и другія племена такъ долго боролись противъ русскихъ не изъ слѣпаго послу-

шанія ихъ знаменитому вождю, Шамилю, не изъ ненависти къ гяурамъ, не изъ страсти къ грабежамъ, но изъ любви къ независимости. Многія племена, живущія въ глубинѣ горъ, еще коснѣютъ въ язычествѣ, но христіанство пролагаетъ путь и среди нихъ, хотя медленно. Горделивый и благородный горецъ, не смотря на свою часто истрепанную одежду, мохнатую папаху и косматую бурку, полонъ чувства собственнаго достоинства; движенія его просты и непринужденны; манеры безупречны; костюмъ отличается вкусомъ и красотою убранства, а пѣсни дышатъ поэзіею. Любовь къ лошади у горца часто выше любви къ женѣ, которая, напримѣръ, у абхазцевъ не больше, какъ важнѣйшее животное въ домѣ; жена горца живетъ въ томительнѣйшей зависимости; мужъ заботится только объ оружіи, все же прочее взваливаетъ на свою жену.

Изъ многихъ кавказскихъ народовъ только два имѣютъ историческое значеніе:—армяне, о которыхъ мы уже говорили выше, и грузины. Грузины, составляющіе главную массу населенія тифлисской и кутаисской губерній, происходятъ отъ албанцевъ и иберовъ и потому принадлежатъ къ кавказской расѣ. Они болѣе или менѣе сходствуютъ съ горцами, столь же воинственны и пылки, какъ и горцы, и отличаются къ своей выгодѣ отъ эгоистическихъ армянъ. Грузины говорятъ особымъ языкомъ, распадающимся на нѣсколько нарѣчій; выучиться говорить на грузинскомъ языкѣ очень трудно; столь же трудно произносить грузинскія слова, вслѣдствіе обилія въ нихъ нёбныхъ и гортанныхъ звуковъ. Грузинскіе писатели называютъ своихъ единоплеменниковъ различно—лазиками, мингрельцами, кахетинцами, грузинами и карталинцами. Лазикою или Колхидою въ древности называлась нынѣшняя Гурія, мѣстность по берегу Чернаго моря и рѣкѣ Фазису. Названіе Грузія впервые встрѣчается въ средніе вѣка. Сѣверная часть Грузіи—Кахетія славится своими прекрасными, богатыми виноградниками. Здѣсь выдѣлывается огнистое красное кахетинское вино, не уступающее лучшему бургундскому; но оно до сихъ поръ еще мало вывозится и большею частью потребляется на мѣстѣ. Мингрелія—страна, извѣстная богатствомъ и плодородіемъ почвы, но страдающая лихорадками; она лежитъ къ востоку отъ Чернаго моря. Грузины всего чаще и всего охотнѣе называютъ себя карталинцами, ибо они считаютъ себя потомками Картлоса (внука Ноя), отъ котораго, будто бы, страна и получила свое названіе. Вообще оба главные народа Кавказа, армяне и грузины, подтверждаютъ старый законъ, гласящій, что чѣмъ скуднѣе и скупѣе природа, тѣмъ трудолюбивѣе люди, живущіе среди нея. Красивые обитатели Нижней Мингреліи, которымъ щедрая природа воздала бы сторицею за ихъ труды,—живутъ въ бѣдности, потому что лежатъ на боку. Правда, климатъ оказываетъ большое вліяніе въ этомъ отно-

шеніи: южане всегда лѣнивѣе и менѣе требовательны, чѣмъ сѣверяне. Въ тѣни великолѣпнаго орѣховаго дерева стоитъ хижина мингрельца, выстроенная въ большинствѣ случаевъ изъ мягкаго дерева сладкаго каштана; вблизи нея кукурузное поле, засаженное также тыквою и бобами. Каждое дерево служитъ живою опорою для виноградной лозы, часто толщиною въ полфута; мѣстами попадается тутовое дерево; тамъ и сямъ бродитъ стадо жалкихъ, мелкихъ, большею частью чернаго цвѣта, свиней, пара тощихъ коровенокъ, нѣсколько козловъ, а болѣе богатый мингрелецъ держитъ неизбѣжнаго буйвола. Но съ поднятіемъ на горы картина хозяйства мѣняется. Наилучшія условія жизни мы находимъ приблизительно до высоты 1300 метровъ надъ уровнемъ моря. Тамъ еще растетъ виноградъ, возможно шелководство; такъ называемые южные хлѣба, подъ которыми подразумѣваются кукуруза и преимущественно виды проса (Setaria italica), даютъ хорошіе урожаи; пшеницу разводятъ на тяжелой суглинистой почвѣ. Хорошо живется здѣсь работающему человѣку. Климатъ умѣренный; нѣтъ надобности покрывать виноградныхъ лозъ; тонко-кожистый виноградъ укрѣпляется на южномъ солнцѣ, и ему не приходится страдать отъ избытка дождей, бывающихъ въ низменныхъ странахъ. Здѣсь живетъ населеніе, еще не сгруппировавшееся въ большіе культурные центры, но большею частью разбросанное на большомъ разстояніи, въ очаровательныхъ горныхъ мѣстностяхъ; впрочемъ, теперь оно сдвинулось тѣснѣе, нежели въ Мингрельской низменности, гдѣ почти совсѣмъ нѣтъ земледѣльческихъ деревень, и поселяне живутъ въ разбросанныхъ хуторахъ. Бѣднякомъ остается красивый лѣнтяй нижележащихъ, болѣе роскошныхъ мѣстностей, гдѣ могутъ родиться рисъ и хлопчатникъ, часто маслина, а мѣстами—даже плоды гесперидскихъ садовъ. Но въ большинствѣ случаевъ уже лучше живется его собрату, обитающему на большей высотѣ и также отличающемуся чисто-идеальною физическою красотою; онъ строенъ, граціозенъ въ своихъ движеніяхъ, со смѣлымъ взоромъ, нерѣдко бѣлокуръ, съ голубыми глазами и высокимъ лбомъ; мѣстами же преобладаютъ брюнеты, съ огненными черными глазами, густыми волосами и бородою, красивымъ оваломъ лица, нѣжными, но характерными чертами и умѣренной длины носомъ. Этимъ собратамъ уже приходится нѣсколько трудиться и заботиться; ему уже нужно обезпечить себѣ существованіе въ зимнее время. Домъ свой онъ строитъ прочнѣе, ставитъ своихъ животныхъ въ хлѣвъ, ежегодно обрѣзываетъ виноградныя лозы; шелководство требуетъ ухода и заботъ; лѣсъ растетъ на крутизнахъ, и его нужно сволакивать съ горъ, а для кукурузной плантаціи ему приходится обработывать участокъ часто съ большимъ трудомъ, заступомъ и мотыгою. Имеретинъ, обитатель колхидскихъ предгорій, лучшій хозяинъ, нежели мингрелецъ равнины,—и чѣмъ выше поднимаешься на горы, тѣмъ болѣе оказывается надобности человѣку являться на помощь природѣ, тѣмъ лучше развивается хозяйственный ха-

рактеръ соотвѣтствующихъ племенъ. Но за то рядомъ съ этимъ видимо исчезаетъ грація и импонирующая внѣшность жителей роскошной Колхидской низменности, словно заботы и борьба за существованіе не мирятся съ красотою. Дѣйствительно, повсюду въ Мингреліи типъ мѣстныхъ жителей поражаетъ своего красотою. Посѣщеніе Зугдиди, прежней резиденціи мингрельскихъ князей, во время базара убѣдитъ всякаго въ томъ, что здѣсь живутъ самые красивые люди на землѣ. Напротивъ, въ среднемъ горномъ поясѣ сохранились въ совершенной чистотѣ лишь княжескіе роды, часто вышедшіе изъ равнины и обновляющіе свою кровь вступленіемъ въ бракъ съ жителями ея; но въ простомъ народѣ замѣчается уже много уклоненій отъ вышеописаннаго типа; нерѣдко приходится встрѣчать жалкія, угнетенныя, озабоченныя фигуры; въ особенности бросается въ глаза, что женщины тѣмъ безобразнѣе, чѣмъ выше поднимаешься въ горы. Кавказъ съ незапамятныхъ временъ былъ большою дорогою для народовъ, переселявшихся изъ Азіи въ Европу, и обратно. Каждый изъ странствовавшихъ народовъ оставилъ здѣсь часть своего кочеваго населенія, остатки котораго мало-по-малу изгладились, такъ что нынѣ ихъ трудно роспознать. Но несомнѣнно, что потомки скиѳовъ, половцевъ, хазаръ, болгаръ, гунновъ и монголовъ осѣли въ различныхъ частяхъ. Въ осетинахъ, живущихъ къ западу отъ Казбека, нѣкоторые видятъ потомковъ древнихъ германцевъ,—и дѣйствительно, бѣлокурые, дюжіе, разсудительные, даже нѣсколько грузные осетины совершенно не похожи на прочихъ стройныхъ, граціозныхъ горцевъ и скорѣе сходствуютъ съ германцами, нежели съ кавказцами. (См. этнологическое описаніе осетинъ по д-ру Пфафу въ «Ausland», 1876, № 9, S. 161). Сванеты на западѣ представляютъ смѣшанный народъ, въ которомъ преобладаетъ грузинскій элементъ. Поэтому на верхнемъ Ингурѣ можно встрѣтить всевозможные типы. Тамъ вы можете найдти и настоящія апостольскія лица, съ высокомъ, красивымъ челомъ, и сжатыя головы, напоминающія нѣкоторыхъ обитателей Малороссіи; можете встрѣтить и гладкіе волосы, и великолѣпные локоны. Рядомъ со стройными фигурами мужчинъ-красавцевъ, словно картинка, которые, очевидно, родомъ изъ Мингреліи, попадаются другіе—дюжіе, но плохо сложенные, безъ благородства въ лицѣ и движеніяхъ. Къ тому же многіе страдаютъ зобомъ и нерѣдко въ различной степени кретинизмомъ. Словомъ, по своей внѣшности, населеніе Сванетіи представляетъ пеструю смѣсь народовъ, нагроможденныхъ въ эпохи прошлаго. И дѣйствительно, можно доказать, что съ запада преимущественно переселились мингрельцы, а съ юго-востока—имеретины, такъ что въ западной части еще и теперь часто слышится мингрельское нарѣчіе, въ юго-восточной-же части—имеретинскій діалектъ.

Кромѣ вышеназванныхъ туземныхъ народностей, на Кавказѣ живутъ и чуждые этой странѣ переселенцы, какъ то: русскіе, чехи и

нѣмцы. Русскіе овладѣли страною лишь послѣ упорной борьбы съ горскими народами Кавказа; чешскіе поселенцы появились въ шестидесятыхъ годахъ, основали колоніи «Новая Прага» и «Пиленкова-весь» и очень довольны новыми землями. Наконецъ, нѣмцы живутъ въ Тифлисѣ, въ колоніи Маріенфельдъ, въ Кахетіи и Елизаветполѣ, какъ русскіе назвали древнюю Ганжу.

Въ 1816 году въ Елизаветполь переселилось нѣсколько сотъ виртембергскихъ семей. «Первые колонисты, говоритъ г. Ханыковъ, отличались рѣдкимъ безобразіемъ: то были люди съ широкими, квадратными лицами, бѣлокурыми или рыжими волосами и голубыми глазами. Слѣдующее поколѣніе уже нѣсколько переродилось къ лучшему: черные волосы и черные глаза уже не были рѣдкими явленіями; третье-же поколѣніе совершенно измѣнилось, до такой степени, что не осталось и слѣдовъ прежнихъ виртембергцевъ, ибо черные глаза и темные волосы сдѣлались обычными, а лица удлиннились; въ ростѣ нѣмцы ничего не потеряли, но выиграли въ стройности и наружной привлекательности». (Chanykow: Mémoires sur l'éthnographie de la Perse, p. 14). Такъ какъ нѣмки сохранили свое цѣломудріе, а нѣмецкіе колонисты на Кавказѣ вступали въ бракъ лишь между собою (это соблюдалось на столько строго, что г. Ханыковъ не знаетъ ни одного брака между виртембергцемъ и грузинкою),—то измѣненіе племенныхъ признаковъ можетъ быть объяснено лишь вліяніемъ мѣстныхъ условій. Что г. Ханыковъ правильно объясняетъ это явленіе, доказательствомъ тому служитъ уже извѣстный намъ фактъ, именно, что англосаксы въ Соединенныхъ Штатахъ быстро пріобрѣтаютъ новый типъ—американскій.

Лежащая къ югу отъ гребня Кавказскихъ горъ азіатская часть Кавказа, собственно «Закавказье», долины рѣкъ Ріона и Куры, есть въ настоящее время важнѣйшая изъ двухъ отдѣляемыхъ хребтомъ половинъ, соединенныхъ въ одно намѣстничество; въ ней сосредоточиваются главнѣйшіе города и пункты, каковы: Шуша, Елизаветполь, Эривань, Тифлисъ, Александрополь, крѣпость на границѣ русской Арменіи съ турецкою, Ахалцыгъ, Кутаисъ и т. д.; въ ней, наконецъ, лежитъ большая торговая дорога, идущая отъ Баку, на Каспійскомъ морѣ, до Тифлиса, а оттуда нынѣ существуетъ желѣзнодорожный путь до города Поти, который, не смотря на свой беззащитный, мелкій рейдъ, лихорадочный климатъ и обиліе москитовъ, представляетъ быстро разцвѣтающій торговый пунктъ при Понтѣ Эвксинскомъ.

Важнѣйшій городъ на Кавказѣ — Тифлисъ; онъ имѣетъ болѣе

Чортова долина на Кавказѣ.

60,000 жителей. Этотъ городъ является настоящимъ mixtum compositum европейскаго и азіатскаго города и состоитъ изъ русскаго квартала съ довольно красивыми, выстроенными вполнѣ на европейскій ладъ, зданіями; затѣмъ—изъ чистаго и красиваго нѣмецкаго форштадта съ садами, гдѣ пьютъ пиво и разгуливаютъ парочки влюбленныхъ; наконецъ—изъ персидскаго пригорода съ восточнымъ отпечаткомъ. Красивый, широкій «Головинскій проспектъ» былъ бы украшеніемъ любаго большаго европейскаго города. За то часть города съ армянскимъ базаромъ все еще воскрешаетъ въ памяти то, что Тифлисъ въ началѣ этого столѣтія былъ подъ персидскимъ владычествомъ. Старинный замокъ грузинскихъ царей лежитъ нынѣ въ развалинахъ на горѣ, которая съ одной стороны поднимается круто, а съ другой опоясана романтическимъ шумнымъ потокомъ. «Тифлисъ, говоритъ баронъ Тильманъ,—городъ контрастовъ. Развѣ въ одномъ Каирѣ можно встрѣтить подобную смѣсь восточной поэзіи и восточнаго упадка, европейской цивилизаціи и европейскаго здравомыслія. Но я долженъ разрушить слѣдующую иллюзію: Тифлисъ не принадлежитъ къ числу городовъ изъ «Тысячи и одной ночи на Востокѣ»—Боденштедта».

Въ короткое время послѣ присоединенія кавказскихъ областей къ Россійской имперіи и причисленія ихъ, благодаря этому, къ полуцивилизованнымъ государствамъ, въ нихъ наступили большія перемѣны. Россія дала превосходныхъ администраторовъ этимъ провинціямъ, со времени присоединенія которыхъ къ ней едва прошло сто лѣтъ,—провинціямъ, которыя до начала 60-хъ годовъ, вслѣдствіе рѣдко прерывавшихся набѣговъ свободолюбивыхъ горцевъ, составляли больное мѣсто обширнаго государства, а теперь сдѣлались прочною опорою его могущества въ Азіи. Дѣйствительно, Кавказъ, завоеваніе котораго стоило Россіи такъ много денегъ и крови, представляетъ, за исключеніемъ отдѣльныхъ, по пространству весьма ограниченныхъ мѣстностей,—одну изъ самыхъ надежныхъ и наилучше устроенныхъ азіатскихъ провинцій, управленіе которою составляетъ пріятную противоположность съ порядками сосѣднихъ турецкихъ и персидскихъ областей. Можно себѣ представить, что было-бы сдѣлано и изъ этихъ послѣднихъ, если бы онѣ когда-либо подпали подъ русское владычество.

Какими же средствами былъ достигнутъ этотъ результатъ? спросятъ насъ съ удивленіемъ. Очень простыми: правительство преслѣдовало весьма опредѣленныя и чисто практическія цѣли, но съ желѣзною послѣдовательностью. Вмѣсто того, чтобы мучить туземное населеніе ци-

вилизаторскими экспериментами, что было бы для азіата такъ-же невыносимо, какъ если бы его принудили отказаться отъ своей ловкой и удобной національной одежды и облечься въ европейскій костюмъ,— правительство старательно щадило мѣстные обычаи и особенности. Не увлекаясь смутными тенденціями настоящаго, отказываясь отъ роли сѣятеля цивилизаціи на Востокѣ, мѣстное правительство ограничивается лишь поддержаніемъ дисциплины и порядка. Давъ почувствовать храбрымъ горцамъ силу своего меча, правительство оберегаетъ свой авторитетъ надлежащими военными мѣрами, но во внутреннія отношенія быта кавказскихъ народовъ старается вмѣшиваться возможно меньше. Такимъ образомъ каждая народность остается при своихъ старыхъ обычаяхъ и формахъ жизни, не исключая и формъ правосудія, которыя носятъ вообще болѣе патріархальный, нежели бюрократическій характеръ, причемъ и администрація страны бо́льшею частью находится въ рукахъ туземцевъ. Одно напоминаетъ во внутреннихъ частяхъ Кавказа европейское управленіе—это строго военная организація. Повидимому, въ этомъ и состоитъ наилучшій путь поддерживать порядокъ въ средѣ восточныхъ, въ культурномъ отношеніи отсталыхъ, народовъ. Рядомъ съ этимъ совершенствуются и экономическія условія страны: проводятся дороги и даже рельсовые пути, открывающіе торговлѣ и промышленности новыя области. Но вмѣстѣ съ тѣмъ — и это самое важное— правительство, въ отношеніи религіозныхъ убѣжденій мѣстнаго населенія, держится принципа строгаго невмѣшательства, предоставляя каждой сектѣ полнѣйшую свободу исповѣдывать ея ученія. При такомъ порядкѣ вещей, кавказскіе народы чувствуютъ себя столь благополучными, что вовсе и не думаютъ о возвращеніи своего прежняго независимаго, но варварскаго состоянія, при которомъ никто не былъ обезпеченъ въ неприкосновенности своей жизни и своего имущества. Стало быть, совершенно ложно, будто русскіе интересы на Кавказѣ до сихъ поръ состояли только въ безпримѣрномъ разрушеніи національной жизни, изъ котораго лишь въ далекомъ будущемъ могутъ развиться новыя формы. Напротивъ, считаемъ умѣстнымъ здѣсь-же заявить, что ни одинъ европейскій народъ не щадитъ въ такой сильной степени національную жизнь подчиненныхъ ему народностей, какъ русскіе. Правда, полъ-милліона кавказскаго населенія предпочли бѣжать въ Азіатскую Турцію, вмѣсто того, чтобы подчиниться царскому скипетру; но едва-ли Россія имѣетъ причины жаловаться на это «обезлюженіе». Выселенцами были именно тѣ чеченцы и черкесы, которые переселились частью въ Курдистанъ, частью въ Болгарію, гдѣ они съ самаго же начала получили печальную извѣстность ужасными, возмутительными сценами насилія, вызвавшими единодушный взрывъ негодованія всей Европы. Въ Болгаріи, разсказываетъ Каницъ, черкесскія поселенія, тянущіяся длинными рядами, легко узнаются съ перваго же взгляда: большая бѣдность, грязь и совершеннѣйшій упадокъ составляютъ общія и характерныя ихъ черты.

«Какъ сильно долженъ радоваться за свою родину всякій, проѣзжающій по этимъ мѣстамъ русскій, какъ онъ долженъ считать ее счастливою, что она освободилась отъ этой тунеядствующей сволочи!» (Каницъ: «Дунайская Болгарія»). Какъ думаютъ сами азіаты о подобномъ же предметѣ, видно изъ другаго, аналогичнаго примѣра. Интересенъ именно разговоръ англійскаго врача Белью съ однимъ персіяниномъ, называвшимъ голодъ неотвратимымъ рокомъ, который должно переносить безропотно, но думавшимъ, что русское правительство могло бы сжать въ своихъ рукахъ туркменовъ, если бы захотѣло пожертвовать деньгами,— только этого оно не желаетъ. «Говорятъ, что русскіе хотятъ освободить насъ отъ туркменовъ. Дай Богъ, чтобы они это сдѣлали! Если они сотрутъ съ лица земли эту сволочь, то стяжаютъ себѣ признательность и уваженіе всѣхъ персіянъ».—«Но какъ могутъ русскіе освободить васъ отъ туркменовъ?» спросилъ Белью.—«Россія—большое царство, имѣетъ много денегъ и громадную армію. Что такое для русскихъ туркмены? Если-бы русскіе не жалѣли денегъ, могли-бы сдѣлать все, чего захотятъ. Говорятъ, что они намѣреваются завоевать Хиву и дѣлаютъ уже къ этому приготовленія. Когда это имъ удастся—туркмены Мерва исчезнутъ». Этотъ разговоръ ясно показываетъ, какими глазами смотрятъ въ Азіи на воинственныя намѣренія Россіи и какъ разнообразны надежды, возлагаемыя на русскую державу. Бухарскіе пилигримы не могутъ достаточно нахвалиться русскимъ господствомъ въ Туркестанѣ; они открыто разсказываютъ, что русское управленіе хотя и отличается строгостью, но справедливо, что при немъ гораздо лучше, нежели было прежде подъ управленіемъ хана; они не сомнѣваются, что Россія сдѣлается скоро властительницею всего Туркестана. Такъ какъ эти мнѣнія сообщаются Белью, человѣкомъ безпристрастнымъ и, конечно, отнюдь не руссофиломъ, то они заслуживаютъ полнаго вниманія. О разрушеніи національной жизни нигдѣ нѣтъ рѣчи. Правда, на Кавказѣ мѣсто прежняго, совершенно азіатскаго, образа жизни заступила нѣкоторая пышность на европейскій ладъ, которая, будучи занесена переселившимися сюда русскими семействами высшаго круга, сначала сосредоточилась въ Тифлисѣ, затѣмъ распространилась мало-по-малу и въ остальныхъ губернскихъ городахъ, проникнувъ даже въ дома болѣе богатыхъ туземцевъ; но населеніе деревень и несостоятельные классы удерживаютъ свои нравы и обычаи въ полной неприкосновенности и по-прежнему удовлетворяютъ свои весьма ничтожныя жизненныя потребности простыми и дешевыми мѣстными произведеніями. Предъидущее разсмотрѣніе окончательно убѣждаетъ насъ въ превосходствѣ русскихъ надъ англичанами въ дѣлахъ управленія подчиненными народами, — превосходствѣ, проявившемся во всѣхъ азіатскихъ странахъ. Не можетъ быть вопроса: кто—Россія или Англія—болѣе культурное государство. Равнымъ образомъ безспорно и то, что высокоцивилизованные англичане совершенно почти не умѣютъ поднять подчиненныхъ имъ азіатскихъ наро-

довъ до своего культурнаго уровня; между тѣмъ, какъ русскіе, стоящіе на болѣе низкой ступени цивилизаціи, достигаютъ въ Азіи гораздо большихъ результатовъ и умѣютъ ассимилировать азіатскія племена съ замѣчательнымъ искусствомъ. Конечно, они могутъ довести эти послѣднія только до той культурной ступени, на которой стоятъ сами, но то немногое, что дѣйствительно сообщается этимъ племенамъ, все-таки велико, сравнительно съ тѣмъ многимъ, что англичане могли бы передать, но на самомъ дѣлѣ не передаютъ ни единому человѣку... Культурные успѣхи, дѣлаемые азіатскими племенами подъ русскою эгидою, слишкомъ еще слабы и медленны, но за то постоянны и всегда приспособлены къ естественнымъ дарованіямъ и кореннымъ рассовымъ задаткамъ этихъ племенъ; британская же цивилизація имъ совершенно чужда и они ее вовсе не понимаютъ.

ГЛАВА VIII.

Туркестанская низменность.

Туркестанъ или Туранъ отдѣляется отъ Кавказа Каспійскимъ моремъ и простирается на востокъ до подножій средне-азіатскихъ горныхъ массъ, обрамляющихъ его также и на югѣ; на сѣверѣ-же онъ переходитъ незамѣтно, безъ всякихъ видимыхъ естественныхъ границъ, въ равнину западной Сибири. Поэтому, когда мы говоримъ о Туркестанѣ, то включаемъ въ это званіе и юго-западную Сибирь. Это названіе и еще болѣе названіе «Туранъ», въ настоящее время, когда почти вся эта область находится въ рукахъ русскихъ, теряетъ свое прежнее значеніе; оно имѣетъ только географическій смыслъ и въ иномъ смыслѣ дѣлается все менѣе и менѣе употребительнымъ, замѣняясь административными названіями, вводимыми русскими. Прежде эту область, въ отличіе отъ «Малой Бухары», которую мы называемъ теперь Восточнымъ Туркестаномъ, называли также «Большою Бухарою», но такое неумѣстное названіе совершенно вышло изъ употребленія; напротивъ, часто стало употребляться названіе «Центральная Азія»,—понятіе, также не вполнѣ подходящее для обозначенія тѣхъ мѣстностей, о которыхъ идетъ рѣчь.

Область, которою мы теперь займемся, ограничивается, стало быть, съ запада Каспійскимъ моремъ и Яикомъ или Ураломъ, съ сѣвера — этою же рѣкою до Орска, затѣмъ линіею, идущею отъ Орска до сибирскаго города Семипалатинска, съ востока—высокими, большею частью гранитными горами величаваго Тарбагатая, Ала-Тау и Алтайскимъ хребтомъ, Тіанъ-Шаномъ, или Небесными горами, на границѣ Китая и возвышенностью Памира, къ которой примыкаютъ съ южной стороны гигантскія формы Гинду-Ку. Продолженія послѣдняго до Герата, затѣмъ высокіе хребты на сѣвѣрѣ персидской провинціи Хороссана до Каспійскаго моря образуютъ южную границу этой области, значительно большая часть которой занята Туркестанскою низменностью, величайшею низменностью на земномъ шарѣ, если къ ней прибавить еще Сарматскую равнину Восточной Европы, отдѣляемую отъ нея рѣкою Ураломъ, но въ южныхъ частяхъ этой рѣки съ нею связанную. На этомъ пространствѣ пониженіе почвы возрастаетъ въ направленіи къ югу; постепенное же поднятіе ея идетъ въ юго-восточномъ направленіи. Въ сѣверо западной своей части эта величайшая на земной поверхности впадина въ самомъ глубокомъ своемъ мѣстѣ наполнена водами Каспійскаго моря, уровень котораго, какъ мы уже знаемъ, лежитъ па 26 метровъ ниже уровня Азовскаго моря. Эта плоская, желобообразная впадина продолжается тою частью Россіи, которая тянется между Волгою и Общимъ Сыртомъ къ западу. На востокѣ Каспійское море отъ Аральскаго отдѣляется возвышеннымъ плато Усть-Уртъ, въ 240 километровъ ширины; Аральское озеро послѣ Каспійскаго моря есть величайшій бассейнъ стоячей воды Стараго Свѣта. Въ Аральское море изливаются обѣ главныя водяныя артеріи Туркестана, рѣки-близнецы Аму Дарья, или вѣрнѣе Дерья (Оксусъ), и Сыръ-Дерья (Яксартъ), берущія свое начало въ горахъ. Возвышенной Азіи, первая — на Памирѣ, другая въ Тіанъ-Шанѣ, и несущія свои воды почти параллельными потоками частью черезъ степи и пустыни, характеризующіяся несмѣтнымъ количествомъ малыхъ и большихъ озеръ. Озера эти, подобно Аральскому морю, служатъ бассейнами, принимающими воды степныхъ рѣкъ, изъ которыхъ многія, впрочемъ, не достигая бассейна, теряются въ пескахъ.

Мѣстность къ югу отъ Урала до Общаго Сырта и отъ Каспійскаго моря до Аральскаго моря въ настоящее время носитъ названіе Уральской области; она примыкаетъ на югѣ къ Усть-Урту, а этотъ послѣдній, какъ и весь восточный берегъ Каспійскаго моря, называется Закаспійскою областью. Русскіе господствуютъ надъ всѣмъ восточнымъ побережьемъ Каспійскаго моря до персидской границы по долинѣ Атрека, а вглубь Азіи — до туркменскихъ степей включительно и нѣкогда существовавшаго, нынѣ совершенно высохшаго Ай-Бегюрскаго

залива, превратившагося въ плодородную мѣстность, которая на старыхъ картахъ изображалась въ видѣ южнаго отростка Аральскаго моря.

Восточный берегъ Каспійскаго моря, по своимъ очераніямъ, гораздо разнообразнѣе западнаго. Мы находимъ здѣсь на сѣверѣ глубокій заливъ Мертвый Култукъ съ полуостровомъ Мангышлакъ, далѣе на югѣ—заливъ Кара-Бугазъ, имѣющій видъ почти совершеннаго озера. Хотя берегъ этотъ вообще плоскій и пустынный, но мѣстами на немъ встрѣчаются немаловажныя возвышенія; такъ, напр., полуостровъ Мангышлакъ прорѣзывается наверху плоскими, со стороны береговъ террасообразными горами, а примыкающій къ нимъ съ востока Акъ-Тау состоитъ изъ низкихъ, но крутыхъ мѣловыхъ скалъ. Къ югу отъ пролива Кара-Бугазъ тянутся Балханскія горы, возвышающіяся до 1620 метровъ надъ уровнемъ моря; самая высокая точка ихъ носитъ названіе Диргемъ-Дага. Предгорья этой возвышенности сталкиваются съ длинною цѣпью Курона, состоящаго изъ гранита и порфира. Наконецъ, къ востоку отъ залива Кули-Дарья лежитъ горная цѣпь Сары-Баба, а на островѣ Челекенѣ — скалистый хребетъ Чохракъ. Расположенное между Каспійскимъ и Аральскимъ морями возвышенное плато Усть-Урта («высокой земли») поднято на 200 метровъ надъ уровнями обоихъ озеръ, ограничиваясь довольно крутыми, высокими краями, туго опоясывающими его со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ сѣверо-восточной, гдѣ оно примыкаетъ къ Мухаджаскимъ (Мухадьярскимъ) горамъ, и восточной, гдѣ оно имѣетъ край низкій, совершенно исчезающій въ песчаной степи Большіе Барсуки. Къ югу отъ Усть-Урта, въ юго-восточномъ направленіи, тянется до и по ту сторону Аму-Дарьи («Дарья»—значитъ рѣка) безбрежная пустыня. Это—не степь, съ ея нарядпымъ, хотя и монотоннымъ, растительнымъ покровомъ, съ ея грустнымъ, тоскливымъ обаяніемъ, придаваемымъ ей однообразною жизнью номадовъ; нѣтъ, это—настоящая, совершенно безплодная пустыня, со всѣми ея опасностями и ужасами. Изъ всѣхъ средне-азіатскихъ странъ, эта обращенная къ Европѣ часть самая пустынная, самая безотрадная. На восточномъ берегу Каспійскаго моря русскіе основали многія укрѣпленія, служащія имъ опорными пунктами для обуздыванія окружающаго населенія; въ обширной же степной области между Аму-Дарьею и Каспійскимъ моремъ единственными господами и обладателями являются разбойническіе туркмены или туркоманы, по имени которыхъ называется и самая степь.

На сколько свидѣтельствуетъ исторія, туркмены или, какъ они сами себя называютъ, тюркмены, были всегда хищническимъ, кочевымъ народомъ тюркскаго племени, никогда несоединявшимся въ одно цѣльное, единое государство. Они распадаются на «хальки» или племена, изъ которыхъ каждое дѣлится на различныя орды—«таифы», въ свою

очередь дробящіяся на болѣе мелкія группы—«тиры». Венгерскій путешественникъ Германъ Вамбери называетъ, какъ наиболѣе значительныя изъ туркменскихъ племенъ, слѣдующія: чодуръ, эрзари, аліели, кара, салоръ, сарикъ, теке, гекленъ (самые мирные и цивилизованные изъ туркменъ и большею частью подчиненные власти персидскаго шаха) и, наконецъ, іомудовъ. Общее количество туркменъ считается не болѣе одного милліона душъ,—цифра, конечно, ничтожная сравнительно съ тѣмъ огромнымъ пространствомъ, на которомъ они кочуютъ. Замѣчательно, что у туркменъ вовсе нѣтъ вождей, и, не смотря на то, что чувство повиновенія совершенно чуждо туркменамъ, въ ихъ общественной жизни никакой анархіи не замѣчается: преступленія противъ права или нравственности у нихъ встрѣчаются рѣже, нежели у другихъ магометанскихъ народовъ Азіи. Все у нихъ склоняется предъ силою могучаго «деба», т. е. обычая; религія же имѣетъ въ этомъ отношеніи лишь незначительное вліяніе. Разныя племена живутъ въ большой взаимной враждѣ и не чувствуютъ никакого страха передъ сосѣднею Персіею, между тѣмъ какъ къ русскому могуществу питаютъ большое уваженіе. Относительно своего племени туркмены отличаются вѣрностью и постоянствомъ; у нихъ даже четырехлѣтнія дѣти точно знаютъ таифу и тиру, къ которымъ они принадлежатъ; туркмены гордятся могуществомъ и величіемъ своихъ ордъ. Туркменъ характеризуется смѣлымъ, проницательнымъ взлядомъ, отличающимъ его отъ всѣхъ другихъ кочующихъ и осѣдлыхъ жителей Центральной Азіи. Разбойническіе набѣги (аламаны) составляютъ главное его занятіе, и приглашеніе участвовать въ этомъ дѣлѣ каждый туркменъ принимаетъ съ большою готовностью. Намѣреніе совершить набѣгъ обыкновенно держатъ въ тайнѣ, и когда выбранный предводитель шайки получилъ благословеніе отъ муллы, каждый изъ участниковъ быстро вспрыгиваетъ въ сѣдло и спѣшитъ къ назначенному мѣсту. Нападеніе дѣлается въ полночь или на закатѣ солнца и всегда почти увѣнчивается успѣхомъ. Застигаются врасплохъ большею частію персидскіе караваны. Если кто пытается сопротивляться, тѣхъ, недолго думая, убиваютъ на мѣстѣ, а другихъ уводятъ въ рабство. Съ того времени, какъ русскіе сдѣлались обладателями Туркестана, торговля рабами, конечно, совершенно почти прекратилась, и туркменамъ, лишеннымъ возможности заниматься этимъ ремесломъ, а къ иной, болѣе человѣческой, жизни непривыкшимъ, грозитъ совершенное разрушеніе ихъ экономической жизни. Впрочемъ, гибель этого народа врядъ-ли въ состояніи вызвать у кого либо слезу сожалѣнія. Въ своей домашней жизни туркменъ крайне безпеченъ. Въ вечерніе часы онъ слушаетъ сказки и пѣніе, «бахшей» или пѣвцовъ любви, аккомпанирующихъ себѣ на дутарѣ или двуструнной гитарѣ. Поются преимущественно пѣсни національнаго поэта Махдумкули, умершаго болѣе 80 лѣтъ тому назадъ. Нѣкоторые изъ туркменскихъ обычаевъ тѣмъ замѣчательнѣе, что они почти не встрѣ-

чаются у другихъ номадовъ Центральной Азіи. Туркмены вмѣстѣ съ кипчакъ-узбеками представляютъ самый воинственный народъ въ Азіи и, въ силу своего географическаго положенія, — стражу южныхъ границъ Туркестана. Здѣсь лежитъ также и важнѣйшій пунктъ ихъ страны — городъ Мервъ, именно къ сѣверу отъ Герата въ Афганистанѣ. Городъ этотъ, собственно никому не принадлежащій, содержитъ въ себѣ 30.000 палатокъ и защищается сильною, выведенною частью изъ глины, частью изъ необожженнаго кирпича, стѣною, снабженною башнями и рвами. Рукавъ степной рѣки Мургабъ, которая кончается далѣе къ сѣверу въ степяхъ, протекаетъ по всей длинѣ города, который можно было бы просто назвать лагернымъ станомъ. Такъ какъ для окончательнаго покоренія туркменовъ необходимо обладать Мервомъ, то русскіе рано или поздно, конечно, завладѣютъ и этимъ послѣднимъ пунктомъ, не смотря на безсильную завистъ англичанъ, опасающихся занятія Герата. (F. v. Hellwald. Centralasien. Landschaften und Völker in Kaschgar, Turkestan, Kaschmir und Tibet. Leipzig. 1875. 8°. S. 280—332).

Страна туркменовъ простирается къ сѣверу до Аральскаго моря и оазиса Хивы на Аму-Дарьѣ, представляющаго въ настоящее время, только по имени впрочемъ, независимое «ханство», которое въ послѣдніе годы не разъ ощутило на себѣ мощь Русскаго Царя и было сокращено до незначительной области; да и послѣдняя, рано или поздно, должна будетъ окончательно войти въ составъ русскихъ владѣній. Уже и теперь хивинскій ханъ, подобно сосѣднему бухарскому, представляетъ собою ни что иное, какъ простую пѣшку въ рукахъ русскаго генералъ-губернатора Туркестана.

Опредѣлить съ нѣкоторою точностью границы Хивы почти невозможно, такъ какъ она окружена, за исключеніемъ сѣверной и восточной сторонъ, степями и пустынями, кочевое населеніе которыхъ лишь тогда признаетъ себя подданными хивинскаго хана, когда считаетъ это для себя выгоднымъ. Приблизительно теперешними границами ея можно считать: съ сѣвера — небольшую часть южнаго берега Аральскаго моря; съ сѣверо-востока и востока — Аму-Дарью; съ запада и сѣверо-запада граница захватываетъ полосу около 150 километровъ по лѣвому берегу Аму-Дарьи и идетъ черезъ пустыни, наполненныя летучими песками, соляными лужами и обширными, поросшими тростникомъ, болотами, только на большомъ разстояніи снова переходящія въ степи, годныя для пастьбы кочующихъ стадъ. Среди этой безплодной области находится такъ называемый Хивинскій оазисъ, простирающійся отъ города Питняка до города Кунграда и расположенный большею частью на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи, гдѣ и группируется все осѣдлое населеніе ханства. Паденіе Аму-Дарьи на всемъ этомъ, протекаемомъ ею, пространствѣ,

Среднеазіатскіе типы.

довольно значительно. Такъ какъ эта рѣка не имѣетъ никакихъ притоковъ, то для орошенія полей проведена искусственная система каналовъ, непосредственно питаемая водою Аму-Дарьи. Изъ Питняка видна вся сѣть каналовъ, покрывающая оазисъ. Такъ какъ Аму-Дарья представляетъ единственный источникъ плодородія оазиса и благосостоянія населенія, то недостатокъ воды или слишкомъ высокое стояніе ея въ рѣкѣ становятся обстоятельствами одинаково роковыми. Противъ маловодья, конечно, нѣтъ никакихъ мѣръ; но для защиты отъ наводненій хивинцы устроили вдоль всего лѣваго берега достаточно высокую плотину съ трубами, изъ которыхъ и наполняются каналы водою. На болѣе высокія мѣста и на весь правый берегъ вода поднимается различными способами. Разумѣется, надо было много труда, много старанія и изобрѣтательности, чтобы исполнить подобную задачу. Не смотря на то, изъ 14,400 кв. километровъ большой дельты собственно производительная часть ханства едва ли равняется 5500 кв. километровъ. Большая часть осѣдлыхъ хивинцевъ тѣснится все-таки на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи, такъ какъ мѣстность, лежащая по другую ея сторону, труднѣе орошается и потому труднѣе обработывается. Что касается климата, то онъ совершенно таковъ, какъ и климатъ всѣхъ вообще континентальныхъ степныхъ странъ: лѣтомъ — томительная жара, зимою—сильный холодъ, доходящій иногда до 19°. Аму-Дарья остается покрытою льдомъ обыкновенно въ теченіе одного мѣсяца и вскрывается уже въ февралѣ а скоро послѣ этого наступаетъ и весна. Лѣто начинается въ апрѣлѣ, осень же дѣлается ощутительною лишь въ серединѣ ноября. По причинѣ страшной жары и пыли, лѣто часто становится совершенно невыносимымъ, особенно благодаря послѣдней, которая густыми облаками, подымающимися съ песчаной поверхности степей, носится въ воздухѣ. Осень весьма измѣнчива, хотя до снѣга и дождя дѣло доходитъ рѣдко. Благодаря искусственному орошенію, поля даютъ обильную жатву. Пшеница въ хорошіе годы родится самъ-шестьдесятъ, рисъ самъ-сорокъ и самъ-шестьдесятъ, а джугара даже самъ-триста. Зерна послѣдней замѣняютъ овесъ, а ея стебли — сѣно для лошадей и другаго скота. Кромѣ того, разводятъ также ячмень, чечевицу и горохъ; изъ промышленныхъ растеній: хлопчатникъ, коноплю, кунжутъ—масличное растеніе, марену, табакъ и ленъ. За недостаткомъ луговъ сѣютъ клеверъ, который косится три раза и представляетъ хорошій кормъ. Но въ особенности Хива можетъ гордиться плодами, отличающимися необыкновенно нѣжнымъ вкусомъ. Тамъ растутъ отмѣнныя яблоки, вишни, сливы, абрикосы, персики, виноградъ, гранаты и въ особенности дыни. Овощей, за исключеніемъ моркови и лука, вовсе не разводятъ. Изъ деревьевъ, пользующихся особенно тщательнымъ уходомъ, — тополь, наруанъ и родъ илима, употребляются какъ подѣлочный лѣсъ, шелковичное дерево—для шелковичныхъ червей. Существующія данныя относительно хивинскаго населенія, какъ статистическія, такъ и этно-

графическія, весьма ненадежны. Къ осѣдлой части населенія принадлежатъ узбеки, таджики и персы. Узбеки—народъ тюркскаго племени и, въ качествѣ завоевателей Центральной Азіи, народъ господствующій, хотя въ духовномъ отношеніи они стоятъ ниже таджиковъ. Всѣхъ ихъ считается 100.000; они занимаются земледѣліемъ. а отчасти и торговлею, и составляютъ главный контингентъ арміи. Таджики, народъ арійскаго происхожденія, суть коренные жители Центральной Азіи, подпавшіе подъ иго узбековъ; но теперь они живутъ рядомъ съ таджиками и держатъ въ своихъ рукахъ почти всю торговлю; ихъ также считается 100,000, въ дѣйствительности же ихъ, вѣроятно, больше. Персы, носившіе прежде ярмо рабства, нынѣ же свободные, составляютъ самый трудолюбивый классъ всего населенія и занимаются преимущественно земледѣліемъ. Скотоводство ведется въ размѣрахъ незначительныхъ; порода скота—мелкая. Верблюдовъ и дромадеровъ держатъ также мало. Дромадеры здѣсь рослѣе и сильнѣе верблюдовъ; ослы небольшіе, но сильные, употребляются для верховой ѣзды и въ упряжь. Киргизскія лошади тощи и слабы, но аргамаки чистой туркменской расы большаго роста, красивы, сильны, темперамента огненнаго, проворны. Кочевники держатъ больше скота, нежели осѣдлое населеніе, но все-таки далеко не такъ много, какъ сибирскіе киргизы. Къ номадамъ принадлежатъ каракалпаки, кочующіе на пространствѣ отъ устьевъ Аму-Дарьи почти до озера Дею-или Девъ-Кара, а также и по правому берегу этой рѣки. Численность ихъ не превышаетъ 45,000 душъ; занимаются они земледѣліемъ и рыбною ловлею; нравъ имѣютъ миролюбивый и несутъ на себѣ тягость податей, наложенную хивинцами. Киргизы, въ количествѣ около 35,000 душъ, занимаются преимущественно скотоводствомъ, пользуясь прекрасными луговыми пространствами по Яны-су. Туркмены кочуютъ въ западныхъ и южныхъ пограничныхъ мѣстностяхъ ханства, а также въ степяхъ, между орошающими эти степи каналами. Численность туркменъ едва ли превышаетъ 15,000. Во всей Хивѣ оказывается приблизительно 340,000 жителей, изъ коихъ 100,000 приходится на кочевниковъ. Хивинскія селенія состоятъ изъ криволинейныхъ, грязныхъ и пыльныхъ улицъ, обставленныхъ мазанками, изъ которыхъ всѣ почти окружены земляными валами и садами. Главный городъ Хива лежитъ при сліяніи двухъ каналовъ и опоясанъ по своей окружности, имѣющей 6 километровъ протяженія, глинянымъ валомъ въ 3 метра высоты. Подобнымъ же образомъ укрѣплены и находящіяся внутри города дворцы хана, дома сановниковъ и высшія духовныя школы. Внутренній городъ представляетъ родъ цитадели съ тремя воротами, по обѣимъ сторонамъ которыхъ покоится на лафетахъ приблизительно двадцать пушекъ. Внѣшняя часть города заключаетъ въ себѣ большой базаръ, окруженный значительнымъ количествомъ садовъ. Здѣсь же находятся и лѣтніе дворцы хана. Городъ Хива имѣетъ около 20—30 тысячъ жителей; Кунградъ, лежащій при Талдыкѣ и производящій вне-

чатлѣніе развалинъ, содержитъ 6000—8000 жителей. Второй изъ названныхъ городовъ имѣетъ довольно значительное скотоводство и торговлю. Іени-Ургенчъ, по лѣвую сторону Аму-Дарьи, въ 10 километрахъ отъ берега рѣки, окруженъ довольно прочною, хорошо вооруженною пушками, стѣною и заключаетъ около 3000 жителей. Многія другія поселенія, изъ которыхъ большая часть играетъ роль маленькихъ укрѣпленій, называются городами лишь по имени. Управленіе страною носитъ характеръ деспотическій; въ административномъ отношеніи она дѣлится на части по числу городовъ; каждая изъ этихъ частей, въ свой очередь, раздѣляется на извѣстное число участковъ. Судъ совершается или самимъ ханомъ лично, или особыми судьями, которые рѣшаютъ дѣла частью по писаннымъ законамъ, а частью на основахъ обычнаго права, такъ какъ населеніе держится суннитскаго ученія.

Аму-Дарья или Джейгунъ вмѣстѣ съ Сыръ-Дарьею есть самая важная рѣка въ Туркестанѣ, и желтыя воды ея въ отношеніи ихъ оплодотворяющаго дѣйствія могутъ быть сравнены съ Ниломъ. Аму-Дарья вытекаетъ изъ маленькаго озера Сары-Куль или Викторія, въ окраинныхъ горахъ Памира, съ высоты 4236 метровъ надъ уровнемъ моря, направляясь сначала къ юго-западу; затѣмъ она поворачиваетъ къ сѣверо-западу и, не измѣняя ужъ болѣе своего направленія, впадаетъ въ южный конецъ Аральскаго озера.

По имѣющимся измѣреніямъ, Аму-Дарья въ самыхъ нижнихъ частяхъ своего теченія несетъ 3000 куб. метровъ воды въ секунду (Рейнъ — 2500, Рона — 2000). (R. Lenz. Unsere Kenntnisse über den früheren Lauf des Amu-Derja. St.Petersburg. 1870. 4°). Относительно ея судоходности существуетъ большое разногласіе: одни говорятъ, что она судоходна въ большей части своего теченія, и именно для лодокъ (Ленцъ); другіе утверждаютъ, что она почти вовсе недоступна для плаванія (Vàmbéry. Ueber die Schiffbarkeit des Oxus, въ Beil. zur Allgem. Zeitg. vom 17 Januar 1875); наконецъ, по заявленію Столѣтова, она судоходна, хотя и съ затрудненіями. Все верховье рѣки зимою замерзаетъ, въ суровую же зиму замерзаетъ также и нижнее ея теченіе. Сначала Аму-Дарья течетъ по холодной горной странѣ Вохань, гдѣ принимаетъ пять притоковъ; далѣе она касается справа гористой мѣстности Бадахшанъ — мѣстности живописной и извѣстной своимъ прекраснымъ климатомъ и рубиновыми мѣсторожденіями; здѣсь она принимаетъ рѣку Бадахшанъ и получаетъ названіе Аму-Дарьи. Вправо отъ нея лежитъ слабо-населенная гористая мѣстность Кутель; далѣе, къ югу отъ нея, находится долина Кундузская, еще далѣе, къ сѣверу отъ нея, лежитъ оазисъ Гиссарскій, знаменитый фабрикаціею ножей. Въ западной части Кутеля находится долина Гулумъ, а далѣе мѣстность

*

Бальхъ, отдѣляемая отъ Аму-Дарьи полосой безплодной земли. Еще далѣе, влѣво отъ этой рѣки, тянется Туркменская или Харезмійская пустыня, а вправо отъ рѣки—Кызылъ-Кумская. Самый значительный притокъ Аму-Дарьи, именуемый Акъ-Серай, беретъ начало въ Кундузѣ. Въ среднихъ своихъ частяхъ Аму-Дарья имѣетъ 7—800 метровъ ширины и 2—6 метровъ глубины. Предъ впаденіемъ въ Аральское озеро она образуетъ болотистую, совершенно покрытую тростникомъ, дельту, центральная часть которой имѣетъ видъ впадины и рѣчные рукава которой, не болѣе 1 метра глубины, подвергаются безпрерывнымъ видоизмѣненіямъ. Самый западный рукавъ рѣки называется Талдыкъ; за нимъ слѣдуетъ Юлкенъ-Дарья (Большая рѣка), развѣтвляющаяся въ свою очередь на два рукава: Кичкинъ-Дарья (Малая рѣка) и Яны-су (Новая Вода). На этой послѣдней адмиралъ Бутаковъ встрѣтилъ въ 1849 году препятствіе въ видѣ плотинообразнаго известняковаго вала, возвышавшагося посрединѣ рѣки въ ея ширину, — препятствіе, котораго теперь уже вовсе не существуетъ. Изъ Яны-су (или Іены-су) мы попадемъ въ озеро или, вѣрнѣе сказать, болото Дею-Кара (что значитъ: «дьявольски-черный»), въ которое съ восточной стороны изливается Командшъ-Ярма («каналъ радости»), соединяющій этотъ самый крайній восточный рукавъ Аму-Дарьи съ главною рѣкою. (Объ аму-дарьинской дельтѣ см. Ausland 1875, Nr, 20, S. 398 bis 401, далѣе: A. L. Kuhn, Bericht über meine Reise durch das Chanat Chiwa, въ Russischen Revue, IV, B. d. (1874) S. 58—74).

Вся аму-дарьинская дельта, начиная отъ Талдыка, образующаго границу Хивы, принадлежитъ къ русской Аму-дарьинской области, которая, въ свою очередь, распадается на два уѣзда: Шураханскій и Чимбайскій. Первый простирается отъ бухарской границы на востокъ до сѣверныхъ отроговъ горной возвышенности Шейхъ-Джени; второй—отъ этихъ отроговъ до Аральскаго озера. Между тѣмъ какъ Шураханскій уѣздъ, являющійся большею частью плоскою равниною, заключаетъ въ себѣ по преимуществу осѣдлое населеніе,—въ Чимбаѣ мы находимъ главнымъ образомъ полукочевое, даже вполнѣ кочевое населеніе, въ составъ коего входятъ и каракалпаки, до сихъ поръ еще мало намъ извѣстные. (См. о нихъ H. Vàmbéry въ Ausland 1875 Nr. 35, S. 696—697).

Не всегда Аму-Дарья сохраняла нынѣшнее направленіе въ своемъ теченіи, т. е. не всегда она протекала по нынѣшнему кочевью каракалпаковъ къ Аральскому морю; есть основаніе думать, что она нѣсколько разъ мѣняла теченіе, направляясь то къ Каспійскому морю, то снова затѣмъ къ Аральскому озеру. То же относится и къ Сыръ-Дарьѣ (см.

Herbert Wood. The shores of lake Aral. London 1876. 8°). Старое ложе Аму-Дарьи было въ последнее время вторично изследовано русскою экспедиціею, которая показала, что ложе это тянется подъ именемъ Усбой (что значитъ «низкая равнина»), а также—Огюзъ или Деденъ вдоль такъ называемаго Чинка, южныхъ стремнинъ Усть-Урта, черезъ степи, къ Каспійскому морю. Характеристикою или признаками этого стараго русла рѣки служатъ въ настоящее время обширныя лужи, поемныя мѣста, къ числу которыхъ относятся и озера Сары-Камышъ, и, наконецъ, прекрасная растительность.

Аму-Дарья есть главная рѣка не только Хивы, но и южнѣе лежащаго ханства Бухары, пользующагося, подобно Хивѣ, лишь весьма ограниченною самостоятельностью. Восточная, важнѣйшая, часть страны, съ знаменитымъ городомъ Самаркандомъ, перешла во владѣніе русскихъ, представляя въ настоящее время русскую провинцію Зарявшанъ, названную такъ по имени важнѣйшей водяной артеріи въ странѣ.

Зарявшанъ («расточающій, сѣющій золото»), или Коикъ, вытекаетъ изъ глетчера, 50-ти километровъ длины, въ горахъ, лежащихъ къ востоку отъ Туркестанской равнины, беретъ начало на границѣ снѣговъ горной цѣпи Фонъ-Дагъ и удерживаетъ на протяженіи болѣе 5° долготы весьма постоянное направленіе, параллельное экватору. Около мѣстечка Пенджакенда онъ вступаетъ въ широкую долину, которая за Самаркандомъ переходитъ въ открытую равнину, а по ту сторону Бухары—въ песчаную степь. На западѣ Бухары онъ внезапно поворачиваетъ къ югу и изливается въ маленькое степное озеро Кара-Куль (по-турецки значитъ «черное озеро»). Мѣстность, лежащую между Зарявшаномъ и Аму-Дарьею, можно изучить на пути изъ Хивы въ Бухару. Кунъ (A. L. Kuhn) сдѣлалъ это нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и мы заимствуемъ изъ его описанія слѣдующую краткую характеристику.

Начиная отъ Петро-Александровска, русскаго поселенія на Аму-Дарьѣ, вверхъ по теченію рѣки, до Акъ-Камыша, мѣстность представляется хотя и мало населенною, но въ ней часто встрѣчаются хорошо обработанныя поля, а мѣстами даже и сады. Отъ Акъ-Камыша дорога ведетъ черезъ песчаную, высоко поднятую надъ рѣкою, степь, мѣстами спускающуюся къ рѣкѣ въ видѣ небольшихъ зеленыхъ оазисовъ, имѣющихъ форму полуострова, покрытыхъ кустарникомъ, джиддой и другими степными растеніями и носящихъ туземное названіе тугаевъ. Такъ вьется дорога вдоль рѣки, до селенія Ходжа-Канеффи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она прорѣзывается тонкимъ сыпучимъ пескомъ, доходящимъ до самой рѣки и сильно затрудняющимъ движеніе. Кочевники

держатъ свои стада почти цѣлый годъ на тугаяхъ; сами же переселяются сюда на зиму. По дорогѣ къ берегу встрѣчаются мѣста, покрытыя грудами кирпича; на нихъ, какъ нужно полагать, существовали нѣкогда укрѣпленія, служившія жителямъ для защиты отъ враждебныхъ нападеній. Отъ укрѣпленія Устю до Каракуля тянется пустыня, съ мелкимъ сыпучимъ пескомъ, приблизительно въ 25 километровъ въ ширину. Оставивъ зеленыя окрестности Устю и вступивъ въ эту песчаную пустыню, вы видите со всѣхъ сторонъ среди песка развалины оставленныхъ строеній и засохшіе стволы деревьевъ—нѣмые свидѣтели лучшихъ временъ. Нашимъ путешественникамъ разсказывали, что, лѣтъ 10—25 тому назадъ, здѣсь существовали цвѣтущія поселенія; но сыпучій песокъ, нанесенный съ сѣверо-запада, замелъ ихъ. Каждый годъ какъ говорятъ мѣстные жители, песчаные ураганы отнимали у бѣдныхъ жителей послѣдніе куски ихъ полей и съ каждымъ годомъ уменьшались размѣры годной къ обработкѣ почвы. Подобныя же явленія повторяются также и въ каракульскомъ округѣ. Безотрадный, печальный видъ представляетъ эта мѣстность бухарскаго ханства.

Когда путешественники оставили описанную пустыню, предъ глазами ихъ явилась мало привлекательная картина нѣкогда самаго оживленнаго округа во всемъ ханствѣ. Свѣжіе слѣды цвѣтущихъ селеній, недавно поглощенныхъ песчаною стихіею, производятъ грустное впечатлѣніе. Отъ Каракуля уже начинается обработываемая мѣстность. Приближаясь къ Бухарѣ, путешественникъ встрѣчаетъ все болѣе и болѣе отрадныя картины: кругомъ цвѣтущіе сады, роскошныя плантаціи хлопчатника, джугары и другихъ растеній, составляющихъ славу ханства. Безчисленные каналы, питающіеся водою рѣки Зарявшана, орошаютъ почву. Городъ Бухара лежитъ по лѣвую сторону этой рѣки, недалеко отъ берега; къ востоку, на 240 километр. отъ Бухары, на томъ же Зарявшанѣ, лежитъ и Самаркандъ. Самый городъ Бухара также окруженъ садами. Поразительно - величественное впечатлѣніе производитъ его рынокъ. Весь каравансарай и лавки буквально переполнены произведеніями русской мануфактурной промышленности. Въ неменьшее удивленіе приводитъ городъ Бухара путешественника и количествомъ своихъ медрессе (школъ), мечетей, кладбищъ и различныхъ святынь. Городъ Бухара («благородный») въ настоящее время далеко уже не имѣетъ своихъ прежнихъ прославленныхъ размѣровъ; теперь въ немъ едва-ли можно насчитать болѣе 70,000 жителей. Страною управляетъ эмиръ, имѣющій своимъ мѣстопребываніемъ Бухару, — управляетъ такъ же, какъ и его хивинскій товарищъ. Населеніе города Бухары состоитъ преимущественно изъ таджиковъ, говорящихъ по-персидски и называемыхъ здѣсь сартами, которые ведутъ значительную торговлю.

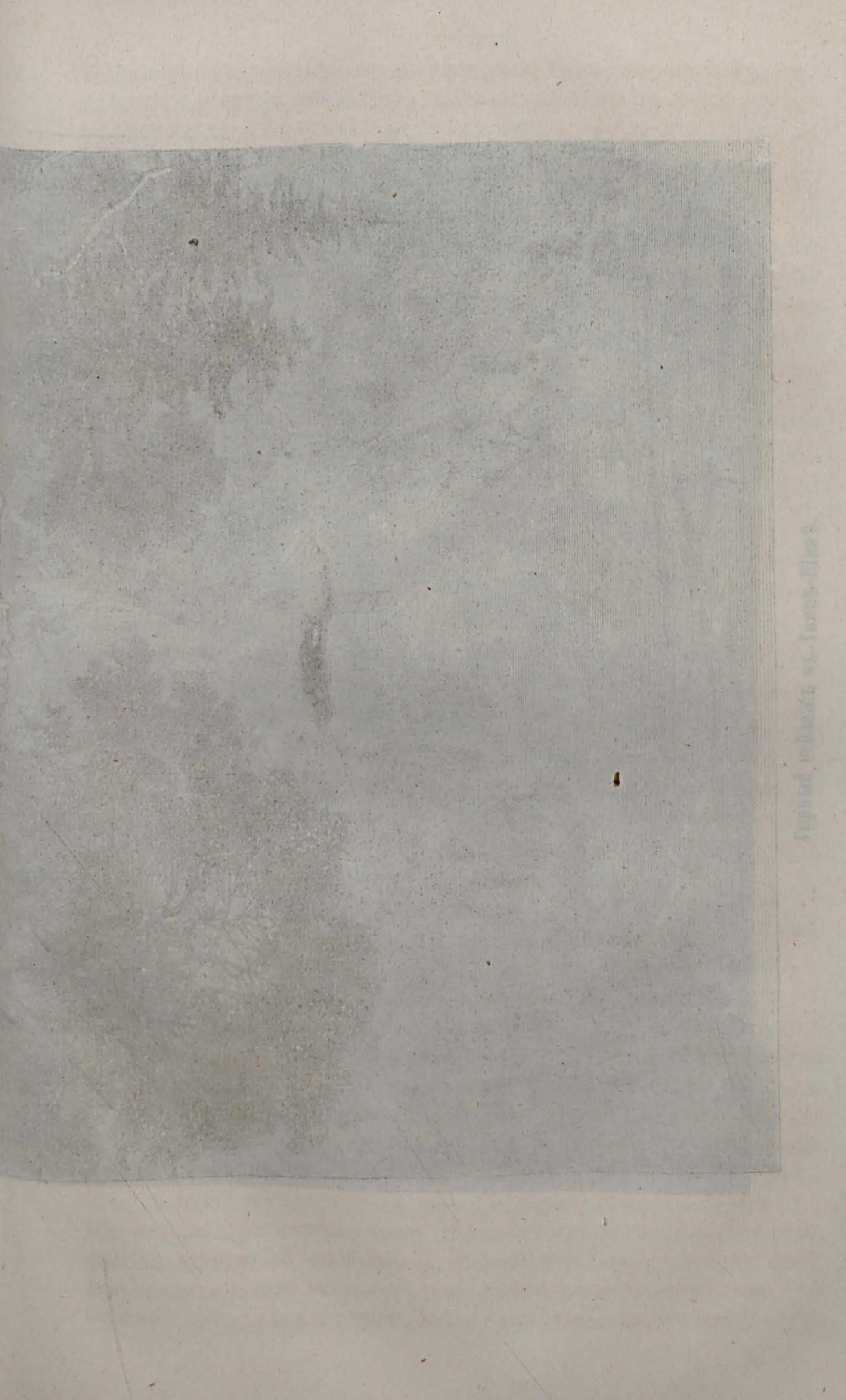
Область между Бухарою и Самаркандомъ представляетъ мѣстами признаки прекрасной культуры почвы. Простирающійся до западнаго конца долины Міанкалъ, Керминскій округъ есть наиболѣе обработанная и

богатая растительностью мѣстность, далеко превосходящая въ этомъ отношеніи окрестности города Бухары. Но чѣмъ болѣе мы приближаемся къ Зарявшанскому округу, тѣмъ мѣстность становится еще богаче и воздѣланнѣе. Гдѣ начинается широкая долина, оттуда до самой Бухары тянется почти безпрерывная цѣпь селеній на плоской плодородной равнинѣ, почва которой была нанесена водами Зарявшана, бывшаго прежде несравненно болѣе многоводнымъ. Здѣсь разбросано множество деревень, садовъ съ фруктовыми и шелковичными деревьями, полей хлопчатника, тыквъ, арбузовъ, пшеницы, ячменя и маиса. Но съ другой стороны встрѣчаются и мѣста, крайне неплодородныя, какъ, напр., близкая Меликская пустыня и пустынная глинистая степь Бухары, простирающаяся къ сѣверу отъ Зарявшана и прорѣзывающаяся отдѣльными хребтами глинистаго сланца и плутоническихъ породъ: это — горные отроги, поднимающіеся въ видѣ голыхъ, суровыхъ гранитныхъ скалъ на высоту около 300 метровъ. Вамбери описываетъ эту пустыню, какъ песчаное море, которое образуетъ то высокіе валы, подобно океану, бичуемому яростною бурею, то мелкую нѣжную зыбь, подобно спокойной зеркальной глади озера, чуть тронутой легкимъ вѣтеркомъ. Не видать ни птицы въ воздухѣ, ни червяка, ни жука на землѣ. Существуютъ лишь одни слѣды угасшей жизни, кости погибшихъ людей и животныхъ, которыя складываются каждымъ случайнымъ путникомъ въ одну кучу съ цѣлью отмѣтить дорогу. Пустыня эта обширна и совершенно безводна, и каждый путешественникъ, даже во время сна, крѣпко обнимаетъ свой бурдюкъ съ водою. Измученные трудностями передвиженія по песку и нестерпимою жарою, заболѣваютъ и умираютъ верблюды и люди. (H. Vàmbéry. Travels in Central Asia. London. 1864. 8°. S. 158). Но самымъ ужаснѣйшимъ опустошителемъ является здѣсь «теббадъ»; это слово персидское и означаетъ лихорадочный вѣтеръ. При его приближеніи, верблюды съ громкимъ ревомъ опускаются на землю, вытягивая по ней свою шею, и стараются спрятать голову въ песокъ. За ними присѣдаютъ, скорчившись, люди. Вѣтеръ проносится надъ ними съ глухимъ шумомъ и осыпаетъ ихъ слоемъ песка, первыя зерна котораго жгутъ тѣло, словно искры.

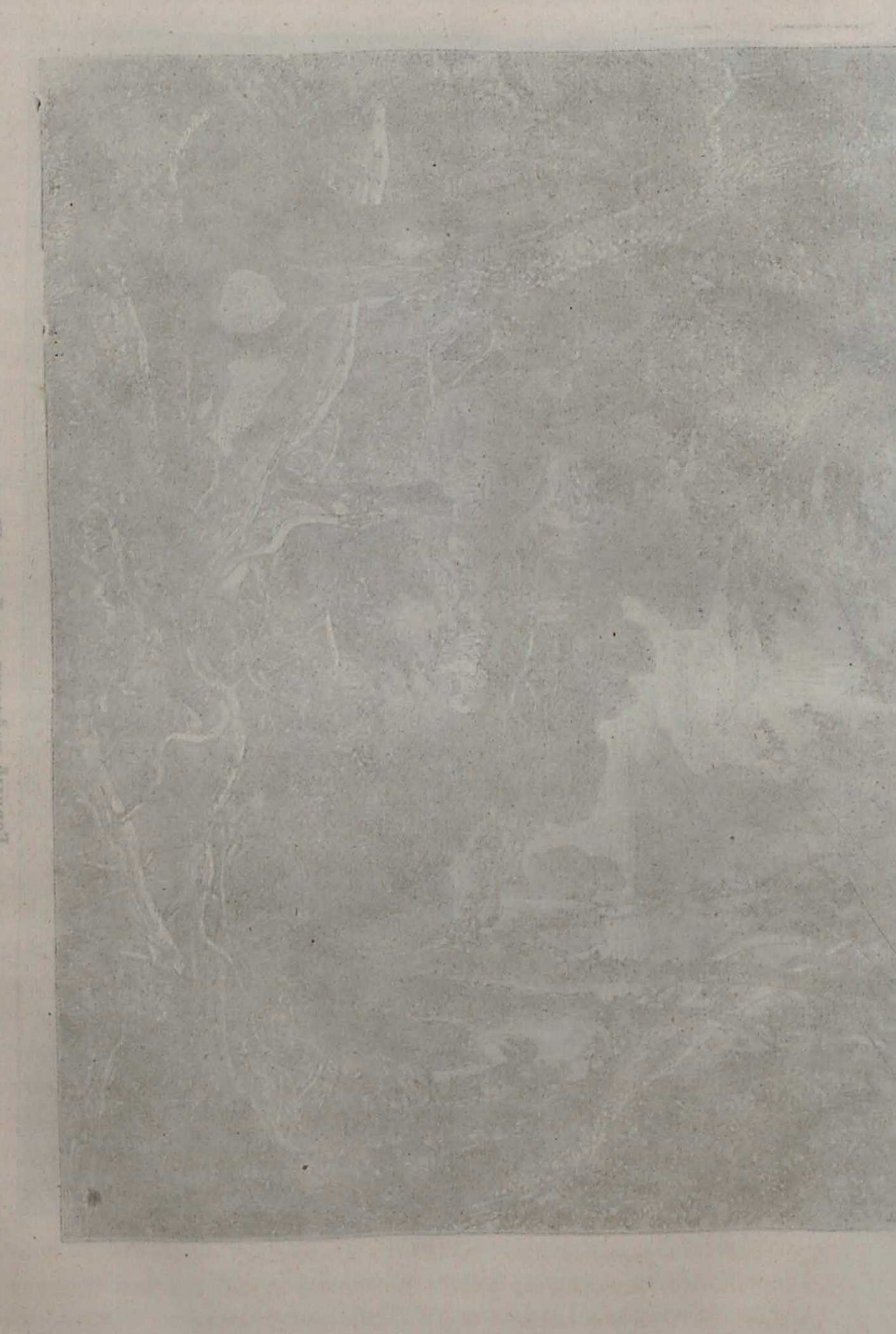
Плоская мѣстность оканчивается на востокѣ отъ Самарканда, древняго торговаго города, въ которомъ считается нынѣ 20,000 жителей и который, по свидѣтельству Вамбери и профессора Радлофа, ничѣмъ не отличается отъ другихъ среднеазіатскихъ городовъ: тотъ же вѣнокъ садовъ, тѣ-же узкія улицы, обставленныя мазанками и полуразваленными стѣнами; та-же тишина въ частяхъ города, удаленныхъ отъ рынка. Миловидно расположился Самаркандъ въ долинѣ Зарявшана которая отъ долины Сыръ-Дарьи отдѣляется высокими горами Карачe-Тау, съ проходами въ 4600—4900 метровъ вышины. Сыръ-Дарья,

имѣющая протяженіе въ 2000 километровъ, беретъ свое начало также въ горахъ Средней Азіи, именно въ Тіанъ-Шанѣ, и вступаетъ въ равнину позже Аму-Дарьи. Верхнее ея теченіе, подъ имемемъ Нарыма, орошаетъ прежнее ханство Коканъ, которое недавно было превращено въ русскую провинцію Фергану.

Прежнее ханство Коканъ представляетъ продолговатую, на западѣ открывающуюся въ долину Сыръ-Дарьи, котловину, образуемую террасообразно ниспадающими горными хребтами системы Тіанъ-Шаня. Множество дикихъ горныхъ рѣчекъ поспѣшно стремятся къ Сыръ-Дарьѣ, Ферганской долинѣ и по степямъ, охватывающимъ ихъ въ большей части теченія, но не доносятъ своихъ водъ въ цѣлости, такъ какъ эти послѣднія отводятся жителями для орошенія полей. Этому обилію воды страна обязана черезвычайно богатыми жатвами пшеницы, риса, сорго, кукурузы, обильными сборами хлопка, льна, табаку и т. д. Кромѣ разнаго рода фруктовъ, здѣсь съ успѣхомъ разводится еще шелковичное дерево, черви котораго доставляютъ превосходный шелкъ. Въ экономическомъ отношеніи первое мѣсто занимаютъ шелкъ, ленъ и кукуруза. Здѣшній шелкъ, самый лучшій во всей Средней Азіи, составляетъ важный предметъ мѣстной торговли. Населеніе Ферганы частью иранскаго, частью тюркскаго происхожденія. Тюркскія племена, по завоеваніи Ферганы, нашли тамъ древне-персидское населеніе въ лицѣ таджиковъ и сартовъ, которые и въ настоящее время, вмѣстѣ съ тюркскими узбеками, составляютъ осѣдлую часть населенія описываемой области. Они поселились преимущественно въ плодородныхъ мѣстностяхъ къ югу отъ Сыръ-Дарьи и довели эту мѣстность до весьма цвѣтущаго состоянія, если только Кунъ, удостовѣряющій это, не смотрѣлъ на предметъ черезъ русскіе очки. Каракалпаки и киргизы—также тюркскаго племени, но ведутъ бродячій образъ жизни; они кочуютъ въ степяхъ къ сѣверу отъ Сыръ-Дарьи, а также въ восточной части долины Ферганы, хотя здѣсь они не столь многочисленны, какъ въ предъидущихъ мѣстахъ. Между киргизами выдаются болѣе высшимъ культурнымъ развитіемъ кипчаки. Они народъ полукочевой и разбиваютъ свои палатки большею частью вблизи селеній. Общее количество населенія въ Ферганѣ простирается до 96,000 душъ. По образу жизни, нравамъ и обычаямъ жители Кокана ничѣмъ не отличаются отъ соплеменнаго имъ населенія русской части Туркестана. Важнѣйшие города въ Коканѣ суть: Коканъ, Маргиланъ, Андиджанъ, Наманганъ, Узкендъ и Балыкчи. Возвышенныя долины горъ, окаймляющихъ Коканъ съ юга и юго-востока, покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, но лѣтомъ обладаютъ весьма мягкимъ, въ высшей степени благопріятнымъ для скотоводства, климатомъ. На равнинахъ снѣгъ выпадаетъ рѣдко, хотя бываютъ ночи, когда термометръ опускается до—10°, а въ горахъ Ташкента свирѣпствуютъ частыя вьюги. Степи же



Горный пейзажъ въ Тьянъ-Шанѣ.



страдаютъ отъ чрезмѣрнаго лѣтняго зноя. Въ мартѣ онѣ начинаютъ одѣваться пышною зеленью и душистыми цвѣтами; въ концѣ апрѣля уже все цвѣтетъ и благоухаетъ; затѣмъ жара все увеличивается, доходя до 40°, и тогда-то прощай, растительность! Не остается и слѣда ея: кругомъ видишь лишь голый песокъ и растрескавшуюся отъ жары глину; только у источниковъ, ручьевъ и въ глубокихъ оврагахъ можно найти еще скудную растительность. Хотя лѣтомъ почти вовсе не бываетъ дождей, но, при искусственномъ орошеніи, изобильно родятся почти всѣ виды зерноваго хлѣба, а сѣянная трава можетъ быть скашиваема нѣсколько разъ. Въ сентябрѣ и октябрѣ жара спадаетъ, но и въ ноябрѣ еще температура дня не бываетъ ниже 15°.

Все обширное пространство между Тіанъ-Шанемъ на востокѣ и Аральскимъ озеромъ на западѣ занимаетъ русское генералъ-губернаторство Туркестанъ, раздѣляющееся на двѣ области: Сыръ-Дарьинскую и Семирѣченскую. Первая, прежде всего насъ здѣсь интересующая, имѣетъ преимущественно степной характеръ и заключаетъ въ себѣ наиболѣе значительные города: Ходжентъ, Ташкентъ, нынѣ русскій и главный городъ Туркестана, Чемкентъ и Газретъ-и-Туркестанъ, — всѣ въ долинѣ Сыръ-Дарьи, но не у береговъ этой рѣки. Длинная горная цѣпь Кара-Тау съ восточной стороны сопровождаетъ эту рѣку, текущую къ сѣверу отъ Ходжента до Туркестана, а съ запада окаймленную пустынною степью Кызылъ-Кумъ («красный песокъ»)—краснобурое песчаное море, всхолмленное бурями, раскинувшееся болѣе чѣмъ на 250 километровъ (235 верстъ). Холмы этого моря песку покрыты легкимъ кустарникомъ, достигающимъ иногда 3—4 метровъ (10—13 ф.) высоты. Здѣсь растетъ одинъ только злакъ, но въ большомъ количествѣ, служащій неисчерпаемымъ подножнымъ кормомъ для лошадей. Край Кызылъ-Кумской степи, называемый Акъ-Камышъ, состоитъ уже изъ хорошихъ луговъ, которыми пользуются номады.

На краю этой степи берега Сыръ-Дарьи представляютъ совершенно другой видъ: они голы и безплодны. Сама рѣка, то глубоко врѣзываясь въ землю, отдѣляется отъ степи лишь узкою полосою зарослей, то, покидая свое мелкое ложе, заливаетъ берега, образуя поросшія камышемъ лагуны и непроходимыя болота, широко, часто на сотни слишкомъ миль, покрывающія равнину. Въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ крутой берегъ позволяетъ рѣкѣ разливаться развѣ только въ самое сильное половодье, киргизъ занимается земледѣліемъ, и почва, утучненная рѣчными наносами, можетъ давать, какъ говорятъ, богатую жатву. Конечно, тамъ, гдѣ разливныя воды рѣки спадаютъ, почва покрывается роскошною травою,

привлекая тѣмъ въ зимніе мѣсяцы множество киргизовъ. Среди такихъ луговъ мѣстами возвышаются песчаные холмы въ 10—12 метровъ (32—39 фут.) высоты, обросшіе большею частью гребенщикомъ, турангой и джидой; рѣчные берега, возвышающіеся на 2—3 метра надъ рѣкою, покрываются гребенщикомъ, чертополохомъ и саксауломъ (Haloxylon ammodendron). Многіе острова, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ 3 километра ($2^3/_4$ версты) длины, бываютъ обыкновенно покрыты непроницаемымъ кустарникомъ, въ которомъ водятся тигры. Ширина рѣки достигаетъ отъ 280 до 750 метровъ (130 до 350 саж.), глубина $5^1/_2$—11 метровъ (18—36 фут.), скорость теченія—до 7 километровъ ($6^1/_2$ в.) въ часъ, средняя скорость $4^1/_2$—6 киломертовъ (4—$5^1/_2$ в.). Вода мутная и желтая, но прѣсная, пріятная на вкусъ, если отстоится, и здоровая. Нижняя часть теченія этой рѣки, въ послѣднее время точнѣе изслѣдованная, раздѣляется на множество рукавовъ, образуя большіе острова; впрочемъ, видъ низовья безпрестанно мѣняется, что̀ объясняется рыхлостью береговъ и отсутствіемъ горной породы въ руслѣ. Не смотря на извилистость и мелкость этого низовья (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ глубина его не превышаетъ 1 метра), оно доступно для плаванія пароходовъ. Рѣка замерзаетъ въ декабрѣ, вскрывается въ мартѣ. Вся окружающая мѣстность имѣетъ характеръ морскаго дна. Солончаковая, глинистая почва долины въ ея нижней части, при искусственномъ и искусномъ орошеніи, годна для земледѣлія; лѣтомъ дождей совершенно не бываетъ, и тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ скопленій воды, почва имѣетъ пустынный видъ, покрываясь лишь солью да немногими колючими растеніями. Въ болѣе плодородныхъ мѣстахъ родятся въ изобиліи овощи, прекрасные плоды и даже виноградъ. При устьяхъ рѣки, надъ болотами, покрытыми тростникомъ, носятся цѣлыя тучи комаровъ и саранчи, а въ зарослях водятся въ большомъ количествѣ дикіе кабаны. Сыръ-Дарья впадаетъ двумя рукавами въ богатое островами Аральское озеро, которое за его величину русскіе называютъ моремъ. Озеро это (Аралъ—значитъ «островное озеро») занимаетъ около 70,000 кв. километровъ (1268,38 миль), и уровень его лежитъ выше уровня Чернаго моря на 48 метр. (157 ф.), сравнительно съ Каспійскимъ моремъ вышена 74 метра (243 ф.). Нѣкоторые ученые доказываютъ, что Аральское озеро существовало съ перерывами, что оно часто исчезало и затѣмъ снова появлялось. Въ послѣднее время этотъ интересный вопросъ, тѣсно связанный съ вопросомъ объ измѣненіяхъ теченія Аму и Сыръ-Дарьи, разсматривался много разъ. Невозможно, конечно, доказать, что въ какую-либо изъ историческихъ эпохъ въ Аральское озеро не впадали воды Аму и Сыръ-Дарьи, которыми, при отсутствіи иныхъ источниковъ питанія, безспорно обусловливается его существованіе въ настоящее время. Съ другой стороны, Элизе Реклю доказалъ, что если бы озеро лишилось водъ обѣихъ этихъ рѣкъ, его исчезновеніе было бы дѣломъ лишь нѣсколькихъ лѣтъ; существующія же условія мѣстности не позволяютъ отрицать, что Аму и Сыръ-Дарья имѣли нѣкогда другое

теченіе. Замѣтимъ, что и въ настоящее время Аральское озеро обнаруживаетъ несомнѣнные признаки изсяканія.

Нѣкоторую часть глубокой Арало-каспійской впадины составляютъ и Киргизскія степи, которыя, подымаясь въ среднемъ до 330 футовъ (100 м.) высоты, представляютъ вообще широкіе раздолы, или, вѣрнѣе сказать, волнистую, раскатистую поверхность, склоны которой большею частью весьма пространны и пологи. Впрочемъ, совершенно неожиданно случается наталкиваться здѣсь на глубокія и широкія выемки, тянущіяся на громадномъ разстояніи черезъ степи. Невидно вокругъ ни деревца, ни кустика, на которыхъ могъ бы отдохнуть утомленный глазъ путника; вся степь похожа на необозримое море, широкія волны котораго моментально оцѣпенѣли. Исключенія составляютъ только Мухаджарскія горы, продолженіе Урала, прорѣзывающія степь съ сѣвера на югъ; впрочемъ, самая высокая вершина этихъ горъ — Айрукъ едва достигаетъ 1000 футовъ (300 м.) высоты. Гористая часть степи состоитъ повсюду изъ полеваго шпата и порфира, въ которыхъ встрѣчаются часто свинецъ, мѣдь, серебро, а иногда и золото. Вдоль Иртыша и въ степныхъ равнинахъ находятъ только каменноугольный известнякъ и почти горизонтальные пласты угля.

Подъ 49° сѣверной широты въ этой обширной низменности, повидимому, возвышается порогъ, отъ котораго направляется къ сѣверу Ишимъ и разбѣгаются по песку безчисленныя степныя рѣки, блуждая въ юго-западномъ направленіи. Здѣсь появляются низкіе хребты возвышенностей, какъ-то: Аркатъ, Алджанъ, Чингизъ-Тау, довольно значительный гребень котораго, лѣсистый, богатый источниками и возвышающійся до 4260 (1300 м.) футовъ, отдѣляетъ голую Иртышскую степь отъ Балхашской низменности, затѣмъ Каркаралы, Кентъ-Каслыкъ, большею частью гранитные и порфирные холмы, имѣющіе однако всего только 330—1000 футовъ абсолютной высоты; далѣе слѣдуютъ Акъ-Тау (по-турецки—«бѣлыя горы»), Кургенташъ и длинная цѣпь Ильдигиса, подлѣ изобилующаго свинцомъ Улу-Тага.

Къ югу отъ вышеупомянутаго порога, отъ Аральскаго озера до озера Балхашъ, тянется цѣлый рядъ отдѣльныхъ озеръ. Къ западу отъ этого порога и сѣверо-востоку отъ Аральскаго озера лежитъ также замѣчательная область озеръ, изъ которыхъ многія небольшія озера между собою соединяются, образуя фигуры розетокъ. Подобно Аральскому озеру, всѣ они замѣтно высыхаютъ, а нѣкоторыя уже совершенно вы-

сохли. Вмѣстѣ съ Каспійскимъ моремъ и Аральскимъ озеромъ, Балхашъ, покрывающій пространство около 374,60 кв. миль, составляетъ, самое большое скопленіе воды въ Киргизскихъ степяхъ. Сѣверные и сѣверо-западные берега его возвышаются надъ озеромъ уступообразно, подобно Устъ-Урту у западнаго края Аральскаго моря. Напротивъ того, южный болотистый берегъ, гдѣ лишь съ трудомъ можно прослѣдить береговую линію, плосокъ; отъ него до предгорій Ала-Тау («пестрыя горы») тянется степь, состоящая изъ песчаныхъ холмовъ, Аджабайнымъ-Акъ-Кумъ, продолженіе Бедъ-Пакъ-Дала или Голодной степи, отдѣляющей Сибирь отъ Туркестана. Къ востоку отъ Балхаша, въ песчаныхъ степяхъ, которыя своимъ голымъ, изсохшимъ видомъ производятъ впечатлѣніе древняго, высохшаго морскаго дна, лежатъ остатки бывшаго продолженія Балхашскаго озера—Сассыкъ-Куль и Ала-Куль. Съ Ала-Кулемъ Балхашъ составлялъ одинъ бассейнъ еще въ историческія времена.

По ту сторону Лепсы, впадающей въ Балхашъ, начинается Семирѣченскій край, образуемый съ одной стороны горною цѣпью джунгарскаго Ала-Тау, съ предлежащею ей уступовидною и гористою мѣстностью, а съ другой стороны—высокою (отъ 1650 до 525 фут.) степною равниною, спускающеюся мало-по-малу къ Балхашу. Линія гребня Ала-Тау съ юго-востока, Балхашъ съ сѣверо-запада, р. Или съ юга, р. Лепса съ сѣвера составляютъ естественныя границы описываемой области; отъ заднеазіатской возвышенности она отдѣляется снѣговою областью джунгарскаго Ала-Тау, но въ то же время находится съ нею въ естественной и исторической связи посредствомъ глубокой впадины, служащей ложемъ для р. Или.

Семь рѣкъ, которымъ страна обязана своимъ названіемъ, суть слѣдующія: Лепса съ Баксаномъ, Акъ-Су съ Сарканомъ, Біенъ и Караталъ съ Кокъ-Су. Изъ нихъ только Лепса, южная пограничная рѣка Или и Караталъ постоянно изливаются въ озеро; всѣ же остальныя, хотя также стремятся къ южному берегу Балхаша, теряются въ пескахъ, не достигая его, или изливаются въ него только въ половодье. Всѣ эти рѣки берутъ свое начало въ снѣговой области Ала-Тау и протекаютъ сперва по плодороднымъ долинамъ, затѣмъ по обширнымъ равнинамъ до самаго Балхаша. Въ верхнемъ теченіи онѣ представляютъ настоящія горныя рѣки: быстро и шумно лавируютъ онѣ въ каменистыхъ руслахъ по живописнымъ ущельямъ и долинамъ горъ; но какъ только онѣ вырвались на просторъ степей, теченіе ихъ становится медленнымъ, лѣнивымъ, вода въ нихъ дѣлается мутною,—словомъ, онѣ получаютъ всѣ свойства степныхъ рѣкъ. Степи, окружающія Балхашъ, служащія зимними

стоянками кочевниковъ, покрыты голыми, песчаными, мелкими и соляными лагунами, лишены деревьевъ и представляютъ только растительность, соотвѣтствующую свойствамъ водъ, съ преобладаніемъ характернаго саксаула, слѣдовательно, несутъ на себѣ характерную печать Аралокаспійской низменности. Въ камышевыхъ и тростниковыхъ заросляхъ, покрывающихъ берега рѣкъ и Балхаша, водятся куланы, дикобразы и черепахи. Культурная область—отъ 1300 до 4250 футовъ (500—1300 м.) высоты—имѣетъ хорошую почву и богатое орошеніе; травянистая растительность ея представляетъ сходство скорѣе всего съ растительностью западно-сибирской и восточно-европейской низменностей. Русская колонизація распространяется именно въ этой области и концентрируется въ такихъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ лѣса, что̀ бываетъ на высотѣ 4250—8200 футовъ (1300—2500 м.), хотя и не вездѣ. Лѣса эти содержатъ богатый запасъ строеваго матеріала для поселеній. Такъ произошли мало-по-малу многочисленныя, нынѣ цвѣтущія и значительныя поселенія, какъ-то: городъ Копальскъ или Копалъ, форты и военные пункты: Аксуйскъ, Арассанъ, Караталъ, Коксуйскъ, Алтынъ-Имель и Калчикъ. Такимъ образомъ Семирѣченскій край состоитъ изъ двухъ противоположныхъ по своему характеру частей—степей и горъ, чѣмъ обусловливается также противоположность его естественныхъ и культурныхъ условій. Горы, съ ихъ обильною влагою, соединяютъ въ себѣ источники питанія, жизни, разныя благопріятствующія культурѣ условія; гладкія степи, съ ихъ голымъ, изсохшимъ видомъ, дѣйствуютъ на все живое, напротивъ, гнетущимъ, мертвящимъ образомъ, препятствуютъ культурѣ. Пустынныя степи безъ воды и деревьевъ служатъ кочевьями предпочтительно; это—главное поприще номада, естественныхъ влеченій котораго не можетъ сломать никакая воля, никакая культурная сила. Но въ мѣстностяхъ, выше расположенныхъ, и въ предгорьяхъ культура можетъ привиться и развиваться съ успѣхомъ.

Намъ осталось еще бросить бѣглый взглядъ на жителей русскаго Туркестана. Кромѣ извѣстныхъ уже намъ узбековъ и таджиковъ или сартовъ, въ составъ туркестанскаго населенія входятъ туркотатарскія народности, представляющія, повидимому, помѣсь собственно монголовъ съ турками и носящія общее названіе киргизовъ. Но въ этомъ общемъ названіи должно строго отличать два совершенно различныхъ племени, именно: казаковъ, неправильно называемыхъ киргизами, и собственно киргизовъ или, вѣрнѣе, кара-киргизовъ (черныхъ киргизовъ). Многочисленнѣйшій изъ этихъ народовъ никогда и не назывался иначе, какъ казаками они получили названіе киргизовъ только отъ русскихъ казаковъ послѣ того, какъ эти послѣдніе познакомились съ настоящими

киргизами. (W. Radloff. Beobachtungen über die Kirgisen, in Petermann's Geograph. Mitth. 1864, S. 163—168). Поэтому вѣрнѣе называть степи не Киргизскими, а Казацкими, ибо ихъ главнѣйшіе жители суть казаки, между тѣмъ какъ кара-киргизы обитаютъ преимущественно въ гористыхъ мѣстностяхъ, окружающихъ степи.

Кара-киргизы, которыхъ китайцы и калмыки называютъ буратъ (буряты), живутъ отчасти въ Джунгаріи и въ Туркестанѣ, въ восточномъ Алтаѣ, въ горныхъ мѣстностяхъ истоковъ Сыръ-Дарьи и по значительнымъ притокамъ этой рѣки: Чуи и Талассу, затѣмъ въ Ала-Тау, на возвышенностяхъ, окружающихъ озеро Иссыкъ-Куль, а на югѣ до истоковъ Аму-Дарьи. Они говорятъ на чистомъ турецкомъ языкѣ и раздѣляются на двѣ народности: «правую» (on) и «лѣвую» (sol), которыя, въ свою очередь, распадаются на роды и семейства. Ихъ можно раздѣлить также на сѣверныхъ и южныхъ кара-киргизовъ. Къ сѣверу отъ Сыръ-Дарьи ихъ пастбища имѣютъ наибольшее протяженіе съ востока на западъ, а на сѣверѣ они примыкаютъ къ владѣніямъ казаковъ, на югѣ—къ осѣдлому населенію Ферганы и Восточнаго Туркестана. Къ югу отъ Сыръ-Дарьи всѣ мѣстности, занятыя кочующими племенами, вытягиваются преимущественно съ сѣвера на югъ; съ восточной стороны онѣ прилегаютъ къ землямъ осѣдлаго населенія Восточнаго Туркестана, съ западной—къ землямъ осѣдлаго населенія Фергана и Бухары. Киргизскія кочевья въ Тіанъ-Шянѣ, къ югу отъ Сыръ-Дарьи, прорѣзываются полосою владѣній воинственныхъ и фанатическихъ горныхъ сартовъ. Сѣверные кара-киргизы не имѣютъ ни малѣйшей общественной связи между собою, никакой болѣе или менѣе общей государственной организаціи: всѣ многочисленныя племена живутъ совершенно раздѣльно и даже враждуютъ между собою; даже отдѣльные роды распадаются иногда на независимыя группы, стоящія также во враждебныхъ между собою отношеніяхъ. Вся ихъ воинственная сила поглощается нескончаемою внутреннею борьбою, къ которой присоединяются еще несогласныя отношенія къ казакамъ, такъ что, не смотря на ихъ дикость, на нихъ безъ труда наложено было иго китайцами и коканцами; въ послѣднее же время они, по примѣру другихъ племенъ, за малыми исключеніями, добровольно подчинились русскому владычеству. Территорія сѣверныхъ кара-киргизовъ отъ земель южныхъ кара-киргизовъ отдѣляется дикимъ, мало доступнымъ горнымъ узломъ у истоковъ Чуи и Нарына, гдѣ живетъ немногочисленное племя чириковъ, также признавшихъ надъ собою русское господство. Южные кара-киргизы находятся въ тѣснѣйшей связи съ Коканомъ, составляя здѣсь, въ соединеніи съ кипчаками и горными сартами, господствующую расу и воинственное ядро населенія. Они усвоили себѣ коканскую полуцивилизацію и,

благодаря своей энергіи, сдѣлались независимымъ и вліятельнымъ этнографическимъ элементомъ въ Коканѣ. (Globus, XII, 1867, S. 145—146, и Zeitschrift für allgemeine Erdkunde. Berlin, 1867, II. S. 84). Они извѣстны еще подъ названіемъ «алай-киргизовъ». (Shaw. Visits to high Tartary, p. 31). Къ этому же большому племени принадлежатъ и орды, кочующія по обѣимъ сторонамъ Памирскихъ горъ, какъ по склонамъ ихъ, такъ и по степямъ. Онѣ-же занимаютъ область Сарыкуля; а небольшая часть ихъ достигла, много лѣтъ тому назадъ, луговъ Сарикіи, по рѣкѣ Каракачъ у Сенджу; это—самый южный пунктъ, до котораго эти кочевники когда-либо распространялись.

Казаки, по А. Левшину и Фурману, могутъ быть разсматриваемы какъ народность переходная, смѣшанная: во внѣшнихъ ихъ признакахъ существуетъ много монгольскихъ чертъ; по языку же они представляютъ народъ тюркскаго происхожденія; они подчинены въ большей своей части Россіи и раздѣляются на три орды: Большую (Улу-джусъ)—къ югу отъ Балхаша до Иссыкъ-Куля, Среднюю (Орта-джусъ)—между Балхашемъ и сибирскимъ городомъ Омскомъ, и Малую орду (Кючукъ-джусъ)—въ большомъ числѣ въ западной части степей до Ташкента и Чуи. Итакъ, оказывается, что все обширное пространство, отъ устьевъ Волги и Урала съ запада, на востокъ до Джунгаріи и отъ сибирской границы съ сѣвера до Туркестана на югъ принадлежитъ казакамъ. Площадь эта всегда будетъ служить кочевьемъ для номадовъ и какъ-бы создана именно для этой цѣли. Земледѣліе могло бы процвѣтать здѣсь лишь на весьма ограниченномъ пространствѣ. Впрочемъ, не недостатокъ мѣстъ, на которыхъ земледѣльческій трудъ вознаграждался-бы достаточно обильнымъ продуктомъ, препятствуетъ здѣсь возникновенію и развитію земледѣлія, а проникающее до глубины души отвращеніе киргиза къ осѣдлой жизни; онъ отъ природы склоненъ къ скотоводству и потому бродитъ по странѣ, свойства которой вполнѣ отвѣчаютъ естественнымъ его склонностямъ; онъ чувствуетъ себя привольно только въ степи, гдѣ можетъ съ быстротою вѣтра мчаться вдаль въ легкихъ кибиткахъ, а въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году—также и по горнымъ склонамъ, потому что они доставляютъ его стадамъ роскошныя пастбища. Осенью казаки снимаютъ свои войлочныя палатки и спускаются снова въ долины. Весною, какъ только широкія равнины покроются травою, и тюльпанъ да кудрявка выбросятъ милліоны цѣтовъ, зимнія юрты убираются, и безчисленныя стада начинаютъ безпрерывную перекочевку. Въ то время, какъ казаки разсѣяваются со своими юртами на всемъ неизмѣримомъ пространствѣ степей и рѣдко останавливаются на мѣстѣ въ количествѣ болѣе двадцати кибитокъ, кара-киргизы занимаютъ вмѣстѣ одну и ту же долину, растягиваясь въ ней на многія версты.

Киргизъ ворчливъ, грубъ и вспыльчивъ, но проявляетъ больше искренности и природнаго добросердечія, нежели казакъ. Онъ любитъ дѣйствовать открыто: любитъ воевать, но не воровать; но и тотъ, и другой—

магометане лишь по внѣшности. Вся ихъ религія ограничивается очень немногими церемоніями; у нихъ нѣтъ ни духовенства, ни мечетей, и сердца ихъ не пылаютъ фанатизмомъ. Оба народа, какъ сказано, занимаются преимущественно скотоводствомъ, но питаются большею частью однимъ молокомъ. Земледѣліе въ большемъ ходу у киргизовъ, нежели у ихъ сосѣдей, казаковъ. (Radloff. Beobachtungen über die Kirgisen. Petermann's Geogr. Mittheil., 1864, S. 63—68). Вообще жизнь номадовъ въ степяхъ крайне однообразна. (B. Zaleski. La vie des steppes kirghizes, descriptions, récits et contes. Paris. 1865, fol., и Herm. Wagner, Reisen in den Steppen und Hochgebirgen Sibiriens und des angrenzenden Central-Asiens. Leipzig 1864. 8°.) Все вертится здѣсь на двухъ вещахъ: на стадахъ и войнѣ. Номадъ-пастухъ всегда вооруженъ, а казакъ въ то-же время и разбойникъ. Хищническіе набѣги на стада—«баранты»—они предпринимаютъ обыкновенно въ самую жаркую пору дня; аулы же (лагерь изъ палатокъ, называемыхъ здѣсь юртами или кибитками) подвергаются ихъ нападеніямъ преимущественно въ такое время, когда ночь приходитъ уже къ концу, а собаки и пастухи, утомленные ночнымъ бодрствованіемъ, дремлютъ, и стадо остается безъ тщательнаго надзора. Нападающіе имѣютъ одну только цѣль—получить добычу, и потому главнымъ образомъ стараются о томъ, чтобы произвести въ стадѣ замѣшательство, безпорядокъ, и, пользуясь этимъ, угнать скота возможно больше. Но при этомъ дѣло доходитъ иногда и до чрезвычайно кровавыхъ рукопашныхъ схватокъ. Когда умираетъ какой-либо предводитель рода, тогда ссора и вражда между разными родами прекращаются: на обширномъ пространствѣ степей водворяется миръ, хищническихъ набѣговъ не совершается, и другъ, и недругъ изъ близкихъ и дальнихъ ауловъ идетъ на похороны усопшаго родоначальника. Общее количество казаковъ едва достигаетъ 700,000 человѣкъ, которые всѣ почти находятся въ зависимости отъ Русскаго Императора. Отдѣльныя орды съ теченіемъ времени были совершенно покорены отчасти силою оружія, а частью путемъ подарковъ. Это имѣло для русской политики особенную важность, потому что на всемъ пространствѣ отъ Каспійскаго моря до Алтайскихъ горъ всѣ караванные пути съ юга на сѣверъ пролегаютъ черезъ земли киргизовъ. Киргизы встрѣчаются еще въ предѣлахъ китайскихъ владѣній къ юго-востоку отъ озеръ Балхаша и Зайсана. Впрочемъ, съ нѣкотораго времени въ равнинахъ Зайсана, въ южномъ Алтаѣ и Тарбагатаѣ замѣчается рѣшительное тяготѣніе киргизовъ къ западу.

Заключимъ наше описаніе Туркестанской низменности нѣсколькими словами о Средней Азіи.

Пути сообщенія во Внутренней Азіи оставались неизмѣнными въ теченіе цѣлыхъ тысячилѣтій. Тѣ самыя дороги, по которымъ шли въ Индію

Киргизскій султанъ въ юртѣ.

и по Яксарту (Сыръ-Дарья) древніе завоеватели Азіи, а также Александръ Македонскій, и которыми позже пользовались первые магометанскіе завоеватели и орды Чингисъ-Хана и Тимура, служатъ до сихъ поръ единственными путями караваннаго движенія. Пунктъ, въ которомъ всѣ эти дороги сходятся,—есть Бухара. Здѣсь встрѣчаются караваны изъ Индіи, Персіи, Россіи, Монголіи и Китая. Путь изъ Индіи пролегаетъ по Кабулу, черезъ извѣстные Хайберскіе проходы, далѣе черезъ снѣговую область Паропаниза на Бухару. Эта линія устанавливаетъ сообщеніе съ Лондономъ и Ливерпулемъ, откуда товары доставляются на корабляхъ въ Карачи, при устьяхъ Инда, а отсюда траспортируются вверхъ по рѣкѣ. Сообщеніе Бухары съ Россіею двоякое: болѣе короткая, но и болѣе затруднительная дорога идетъ отъ Оренбурга, вдоль западнаго берега Аральскаго озера, черезъ Хиву и по Аму-Дарьѣ; вторая линія идетъ отъ Аральскаго озера, вверхъ по Сыръ-Дарьѣ, черезъ Коканъ, въ Самаркандъ и Бухару. Кто владѣетъ этими большими линіями, тому принадлежитъ весь рынокъ Внутренней Азіи. Одна изъ этихъ дорогъ находится цѣликомъ въ рукахъ русскихъ; вліяніе же англичанъ на южной линіи проявляется только частями и временно. Съ тѣхъ поръ, какъ аму-дарьинская линія перешла во владѣніе русскихъ, ни одинъ индійскій караванъ не можетъ перейти Паропаниза, если это несогласно съ русскими интерессами. Хотя Средняя Азія населена весьма рѣдко, но она имѣла всегда значительную торговлю, которая увеличивалась тѣмъ въ большей пропорціи, чѣмъ живѣе становилось сообщеніе туземныхъ народовъ съ европейцами. Культурныя страны Средней Азіи одарены природою въ высшей степени щедро: трудно найти мѣстность, которую можно было бы сравнить съ ними по разнообразію и высокимъ качествамъ ихъ продуктовъ; ихъ производительныя силы, при правильномъ управленіи и разумномъ руководствѣ, каково русское, которое уже такъ много успѣло сдѣлать для благосостоянія и цивилизаціи въ Туркестанѣ,—силы эти, говоримъ мы, могутъ достигнуть чрезвычайнаго развитія. Въ отпускной торговлѣ Средней Азіи важное мѣсто занимаетъ хлопчатая бумага двухъ различныхъ сортовъ. Для русской промышленности она сдѣлалась совершенно необходимою. Туркестанскому хлопку пророчатъ большую будущность. Вамбери высказываетъ мнѣніе, будто этотъ хлопокъ обладаетъ лучшими качествами, нежели индійскій, персидскій, египетскій, и не уступаетъ американскому. Самаго лучшаго достоинства хлопокъ родится въ Хивѣ, главномъ мѣстѣ хлопчатобумажной культуры. Далѣе, въ Туркестанѣ издавна существуетъ шелководство, заимствованное отъ китайцевъ, и особенно древне это производство въ восточныхъ частяхъ Туркестана. Затѣмъ важный предметъ отпускной торговли образуютъ черныя мерлушки (извѣстныя въ Европѣ подъ названіемъ астраханскихъ); изъ остальныхъ предметовъ среднеазіатской промышленности достойны вниманія: туркменскія лошади, очень мало уступающія, по своимъ качествамъ, арабскимъ лошадямъ, далѣе—шерсть и кожи. Кромѣ того, соб-

ственно изъ Хивы вывозятся: пшеница, рисъ, красильныя, стручковыя растенія, превосходныя дыни и яблоки. Особенное развитіе представляетъ мелочная торговля, посредствомъ которой продукты изъ базаровъ большихъ городовъ достигаютъ самыхъ бѣдныхъ стоянокъ кочевниковъ. Обработывающая промышленность страны весьма ничтожна; поэтому ввозъ европейскихъ товаровъ очень значителенъ. Многіе предметы самаго незатѣйливаго домашняго обихода, какъ въ большихъ городахъ, такъ и въ степяхъ, обыкновенно привозятся изъ Россіи и Англіи. Россія доставляетъ именно: желѣзные инструменты, посуду, оружіе, хлопчатобумажные фабрикаты, мелочные товары, сахаръ и т. д. Русскіе имѣютъ большое преимущество въ томъ, что они дѣйствуютъ на этомъ поприщѣ уже давно, очень точно изучили вкусъ и потребности восточныхъ жителей и умѣютъ съ ними ловко обращаться. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ англичане стоятъ далеко назади. Торговая дѣятельность ихъ въ Средней Азіи имѣетъ сравнительно еще весьма короткую исторію, и самому восторженному почитателю англо-саксовъ не придетъ въ голову приписывать англичанамъ умѣнье обращаться съ жителями востока надлежащимъ образомъ.

ГЛАВА IX.

Сибирь.

Описывая въ предъидущей главѣ Киргизскія степи и ихъ населеніе, мы незамѣтно подошли къ Сибири, той части азіатскаго материка, которая расположена къ сѣверу отъ средне-азіатскихъ возвышенностей и составляетъ пятую часть всего материка, превосходя по своему пространству всю Европу. Дѣйствительно, какъ мы уже разъ замѣтили, ни по характеру почвы, ни по характеру населенія, границы между Туркестанскою и Западно-Сибирскою низменностями не существуетъ. Эта послѣдняя низменность омывается двумя могучими рѣками, Обью и Иртышемъ, и тянется вдоль Урала до самаго Ледовитаго океана. Въ смыслѣ географическомъ, обширная низменность отъ сѣверныхъ береговъ Каспійскаго моря и Аральскаго озера до устьевъ Оби составляетъ одно цѣлое.

На сѣверъ отъ Аральскаго озера—тамъ, гдѣ между нимъ и южными отрогами Мухаджаскихъ горъ стелется степь Барсуки, находится полоса,

которая лежитъ ниже уровня Средиземнаго моря. Флора этой полосы, въ особенности къ сѣверо-востоку отъ озера, отличается вполнѣ морскимъ характеромъ, состоитъ только изъ такихъ видовъ и даже родовъ растеній, которые исключительно свойственны морскому дну и не встрѣчаются ни въ соляныхъ, ни въ прѣсныхъ внутреннихъ оз ерахъ Поэтому не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что вся Арало-Каспійская впадина, равно какъ и Западно-Сибирская низменность, вмѣстѣ съ тѣми низменными полосами, болотистыми и покрытыми соляными озерами, которыя тянутся между Джунгарскими горами, образовывали нѣкогда большой заливъ Сѣвернаго Ледовитаго океана. Разсѣянныя по всему этому пространству соляныя озера, а также галофиты, составляющіе здѣсь единственный родъ растительности, привели къ этому заключенію, подтверждаемому также геологическими и палеонтологическими изысканіями. Многочисленныя озера, которыя тянутся къ западу отъ Аксакалъ-Барби до Сары-Копа, какъ бы въ одной бороздѣ, указываютъ мѣсто, гдѣ Арало-Каспійскій заливъ соединялся съ болѣе, сѣвернымъ Сибирскимъ заливомъ, когда глубина всего большаго залива Ледовитаго моря была уже незначительна.

Области Уральская, Тургайская Акмолинская и Семипалатинская, лежащія въ Киргизскихъ степяхъ, причисляются къ Сибири. Приэтомъ земля уральскаго казачьяго войска распространяется и за правый, западный, берегъ рѣки Урала, которую, вмѣстѣ съ горами того-же имени, мы привыкли считать границею Европы, и наоборотъ: та часть Сибирской низменности, которая прилегаетъ къ восточнымъ подножьямъ Уральскаго хребта и на которой лежатъ важные горнозаводскіе города, по административному раздѣленію, относится къ Пермской губерніи, лежащей на европейской сторонѣ. Въ остальной части Западной Сибири находятся губернія Тобольская, ограниченная съ западной стороны восточными склонами Уральскихъ горъ и омываемая рѣками Обью и Иртышемъ; далѣе, губернія Томская, въ составъ которой входятъ: верхняя долина Оби и Алтайскія горы. Рѣка Енисей въ губерніи того же имени на всемъ своемъ протяженіи служитъ границею между Западною и Восточною Сибирью. Къ этой послѣдней принадлежатъ: на югѣ Иркутская губернія, Забайкальская область Амурская область, восточно-сибирская Приморская область, простирающаяся до самаго крайняго сѣвера, до полуострова Чукчей включительно. Остальную часть сибирскаго сѣвера занимаетъ Якутская область.

Столь огромная страна, какова Сибирь, должна представлять, конечно, весьма разнообразный характеръ. Только юго-западная ея часть

имѣетъ свойства совершенной низменности; южныя и восточныя части, напротивъ того, отличаются вполнѣ горною физіономіею. Онѣ покрыты горами, обрамляющими средне-азіатское возвышенное плато съ запада и съ сѣверо-запада, т. е. джунгарскимъ Ала-тау, Тарбагатаемъ и Алтаемъ; продолженіе этихъ горъ составляетъ Даурская альпійская страна, отдѣляемая отъ Дуарскихъ горъ, служащихъ водораздѣломъ между Леною и Амуромъ, глубокою разсѣлиною Байкальскаго озера, величайшаго горнаго озера на всемъ земномъ шарѣ. Далѣе тянутся Яблоновый и Становой хребты. Большія рѣки, образующія самыя большія рѣчныя области въ Старомъ Свѣтѣ, съ разнообразно извивающимся теченіемъ почти одинаковаго протяженія, а именно: Обь, Енисей, Лена, Индигирка и Колыма, берутъ свое начало въ вышеупомянутыхъ горахъ, направляясь къ азіатскому сѣверу, который, по своимъ свойствамъ, не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ остальнымъ материкомъ и представляетъ, подобно самымъ сѣвернымъ частямъ Америки, совершенно полярную страну. Сѣверная граница лѣсовъ почти нигдѣ не достигаетъ Ледовитаго моря; за лѣсами и культурными пространствами тянутся широкія степи, прерываемыя кое-гдѣ цѣпями холмовъ и небольшихъ горъ, переходящія, наконецъ, въ пустынныя, страшныя тундры, съ которыми мы уже познакомились въ Сѣверной Россіи. Съ приближеніемъ къ сѣверу, температура и безъ того чрезвычайно континентальнаго климата Сибири замѣтно понижается, а вмѣстѣ съ нею производительность почвы и количество населенія, которое нѣсколько сгущается и осѣдло только на югѣ; на сѣверѣ же уступаетъ все болѣе и болѣе мѣсто бродячимъ племенамъ самоѣдовъ, остяковъ, коряковъ, якутовъ, юкагировъ, тунгузовъ и чукчей.

Подобно безбрежному морю, развернувшемуся предъ глазами стоящаго на берегу наблюдателя, взорамъ путешественника, спускающагося по восточному склону европейско-азіатскихъ пограничныхъ горъ, т. е. рудоноснаго Уральскаго хребта, открывается обширная равнина, — необозримая, неизмѣримая. Начальною станціею, преддверіемъ въ эту громадную степь Западной Сибири служитъ рудниковый городъ, выстроенный на плоскости, окруженной горами, на восточной сторонѣ Урала,—Екатеринбургъ (30,000 жит.), при рѣченкѣ Иссети, притокѣ Тобола, сливающагося при городѣ Тобольскѣ съ Иртышомъ.

Караванный путь отъ Екатеринбурга до Омска и далѣе на Томскъ или Семипалатинскъ—путь наиболѣе торный и наиболѣе посѣщаемый

европейскими путешественниками. Весною 1876 года по этой дорогѣ ѣздили: Отто Финшъ, А. Э. Брэмъ и графъ Вальдбургъ-Цейль. За городкомъ Тюменемъ тянется мѣстность луговаго характера, покрытая рѣдкими и невзрачными сосновыми рощами, въ томъ же родѣ, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бранденбургской Марки; при Ялуторовскѣ—переправа черезъ Тоболъ. За Ялуторовскомъ верстъ около 160, начинается степь. Вначалѣ она усѣяна большимъ количествомъ березовыхъ кустарниковъ и небольшихъ лѣсковъ, множествомъ болотистыхъ пространствъ и большихъ озеръ, и только на правомъ, высокомъ берегу Иртыша она получаетъ собственно степной характеръ; это—безконечная, поросшая травою, площадь, которая только мѣстами на самомъ крайнемъ горизонтѣ кажется ограниченною кустарниковою порослью. По такой-то мѣстности пролегаетъ дорога на Омскъ (около 30,000 жителей), при Иртышѣ, лѣвомъ и самомъ могучемъ притокѣ Оби. Городъ этотъ весьма видный, занимаетъ большое пространство, гораздо большее, нежели Бременъ. Дома его выстроены большею частью изъ дерева, а большія казенныя постройки изъ камня; каменныя постройки сосредоточены въ особенности въ крѣпости, окруженной уже сильно запущенными валами. Среди города встрѣчаются обширныя, ничѣмъ незанятыя площади, много церквей, изъ которыхъ одна казачья, одна католическая и одна протестантская; кромѣ того, существуетъ большая мечеть для башкировъ и киргизовъ, которые встрѣчаются въ городѣ очень часто въ качествѣ легковыхъ извозчиковъ. Изъ Омска вы въѣзжаете въ степь, которая далѣе получаетъ видъ прерій; она представляетъ волнообразную, холмистую поверхность, покрытую короткою травою. Здѣсь пасутся большія стада киргизскаго рогатаго скота, лошадей, жирохвостыхъ (курдючныхъ) овецъ и козъ Мѣстами встрѣчается солончаковая почва, поросшая соотвѣтствующею растительностью. Главную особенность, отличающую степь отъ прерій, представляютъ безчисленныя, часто очень большія озера, обитаемыя разною водяною птицею: разными видами дикихъ утокъ, лебедями и чайками. Дорога отъ Омска идетъ вдоль казачьей линіи, служившей нѣкогда оборонительною линіею противъ киргизовъ, составляющихъ большинство населенія: въ Павлодарскомъ уѣздѣ считаютъ, напримѣръ, 6000 русскихъ казаковъ и 103,000 киргизовъ (или, вѣрнѣе, «казаковъ»). Большинство киргизовъ живетъ по лѣвому берегу Иртыша, но большое число ихъ зимуетъ въ казачьихъ деревняхъ, нанимаясь у казаковъ въ качествѣ прислуги. Всѣ казаки говорятъ по-киргизски (испорченный татарскій языкъ), а нѣкоторые изъ киргизовъ говорятъ и по-русски. На разстояніи 725 верстъ отъ Омска считается 30 станцій, около 35 деревень и только одинъ городъ—Павлодаръ съ 1320 жителей. Казачьи деревни зажиточнѣе и чище русскихъ и сибирскихъ деревень; ихъ жители выглядятъ также лучше. Все въ нихъ проникнуто военнымъ духомъ. Казаки владѣютъ полосою земли на 15 верстъ по

обѣимъ сторонамъ линіи. Они не платятъ никакихъ податей; обязаны только на свой счетъ содержать лошадь и обмундироваться; и то, и другое они исполняютъ очень хорошо. Каждая деревня находится подъ начальствомъ «атамана», на которомъ лежитъ обязанность заниматься военною выправкою юношества; для той же цѣли присылаются еще особые руководители изъ учебной сотни въ Омскѣ. Многія деревни имѣютъ прекрасныя церкви, а также и школы. Казаки владѣютъ хорошими стадами скота и занимаются земледѣліемъ. Поля лежатъ большею частію на разстояніи 6 — 7 верстъ отъ деревни, такъ что ихъ обыкновенно не видно. Киргизы не несутъ службы. Они платятъ отъ юрты три рубля въ казну, и если пасутъ свой скотъ на лугахъ казачьихъ, то приплачиваютъ къ этому еще извѣстную сумму. По дорогѣ постоянно приходится встрѣчать войлочныя юрты, а въ направленіи къ Семипалатинску онѣ попадаются все чаще и чаще. Киргизскія гробницы, четыреугольные срубы изъ бревенъ, имѣютъ часто видъ маленькихъ домиковъ. Большія стада, тамъ и сямъ пасущіяся на лугахъ, стерегутся верховыми пастухами, изъ которыхъ иного видишь преисправно галопирующимъ на осѣдланномъ быкѣ. Семипалатинскъ имѣетъ 10,000 жителей, изъ коихъ 7000 татаръ; киргизовъ нѣтъ; въ немъ существуетъ двѣ церкви и семь мечетей. Дома почти сплошь деревянные. Улицы широки, но песчаны. Это — настоящій дюнный городъ. Отсюда дорога ведетъ въ Сергіополь, лежащій къ югу, — черезъ гранитныя горы Аркатъ — голыя, чудныя, поразительно дикія, живописно возвышающіяся на 1300 футовъ среди широкой, открытой степи. Здѣсь водится аргали (Ovis Ammon) — гигантскій горный баранъ, величиною съ годовалаго теленка, вооруженный колоссально толстыми, сильно изогнутыми рогами, достигающими 1,3 метровъ длины. Своимъ образомъ жизни онъ напоминаетъ каменнаго барана и дикую козу; охота на него рѣдко бываетъ успѣшна, по причинѣ чрезвычайной быстроты и ловкости движеній, свойственныхъ этому животному. Въ Сергіополѣ впервые показывается снѣговая цѣпь Тарбагатая. Къ сожалѣнію, въ Сергіополѣ казачья линія прекращается; далѣе предстоитъ очень затруднительное путешествіе по направленію рѣки Каракола и озеръ Сассыкъ-Куля и Ала-Куля, черезъ совершенно открытую степь, до дер. Лепсинской, у сѣвернаго подножія Алатау. Вблизи горъ, гдѣ степь изобилуетъ травою, на равнинахъ, покрытыхъ ревенемъ, омегомъ и таволгой, а часто и великолѣпными пунсовыми піонами, живутъ большія стада хорошаго рогатаго скота, верблюдовъ, лошадей, курдючныхъ овецъ. Затѣмъ слѣдуютъ настоящія солончаковыя степи. Ноги лошадей погружаются выше путовой кости въ почву, покрытую бѣлыми кристаллами соли; на горизонтѣ появляются чудною игрою сверкающіе миражи, причемъ всегда бываетъ очень жарко. Растительность имѣетъ сѣровато-бѣлую окраску. Крупныя и мелкія драхвы — не рѣдкость, много также коршуновъ; мѣстами встрѣчается и каменный

орелъ. Въ составъ животнаго міра степей входятъ еще слѣдующіе рѣдкіе виды птицъ: песчаная курица, восточная горлица (Turtur gelastes), бѣлогрудый альпійскій жаворонокъ, сѣроголовая трясогузка. При Ала-Кулѣ приходится проходить огромныя тростниковыя заросли, страшной густоты, въ которыхъ киргизы со своими юртами находятъ себѣ зимою защиту противъ сильныхъ мятелей и вьюгъ. Наконецъ, съ холма открывается самое озеро: это—безконечное сѣро-голубое зеркало, ограниченное на заднемъ планѣ Тарбагатаемъ, въ который оно кажется упирающимся. На югѣ виднѣется Алатау, горы котораго съ ихъ ниспадающими долинами и альпійскими озерами представляютъ величественнѣйшую панораму и щедро надѣляютъ водою извѣстный своимъ плодородіемъ Семирѣченскій край.

Длина Алатау равна 300 верстъ, высота его гребня 6500 футовъ, а горныя вершины болѣе 12,800 футовъ; въ южномъ направленіи онъ связывается съ Иренъ-Хабирганскими горами; на западѣ же спускается уступами мало-по-малу къ Балхашской низменности. Его важнѣйшая боковая вѣтвь есть Копальская цѣпь, идущая отъ востока къ западу; склонами Бурекойскихъ горъ она незамѣтно переходитъ въ степи. Цѣпи Аламанская и Алтынъ-Имельская (высота перевала 4655 футовъ) образуютъ продолженіе Алатау въ юго-западномъ направленіи, гдѣ доходятъ почти до самыхъ береговъ Или, но нигдѣ не достигаютъ линіи снѣговъ. Главный гребень Алатау, равно какъ и Копальской цѣпи, состоитъ изъ гранита и сіенита; сѣверо-западный склонъ — изъ глинистаго и другихъ сланцевъ. Алтынъ-Имельскія и Аламанскія горы богаты порфирами; здѣсь залегаютъ также драгоцѣнныя минеральныя сокровища, свинцовыя и мѣдныя, содержащія серебро, руды, золото и уголь.

Въ этой области лежитъ конечный пунктъ нѣкогда цвѣтущей караванной дороги изъ Китая,—дороги, которая, къ сожалѣнію, вслѣдствіе войны 1866 г., быстро пришла въ упадокъ. Пунктъ этотъ—китайскій пограничный городъ Чугучакъ. Темныя глиняныя стѣны низкихъ, плоскихъ домовъ въ этомъ городѣ находятся въ полной гармоніи съ общимъ колоритомъ степей. Чтобы изъ Чугучака достигнуть оз. Зайсана приходится переходить Тарбагатай, или Байбаковы горы. Эта могучая, большею частью гранитная, цѣпь тянется приблизительно на 280 верстъ съ запада на востокъ, достигая въ Тастонѣ 11,400 футовъ надъ уровнемъ моря; она остается покрытою снѣгомъ въ теченіе всего лѣта и является, если смотрѣть съ сѣвера, въ высшей степени величественною. Она отдѣляетъ область Зайсанъ-Нора или озера Дзайсангъ—на сѣверѣ отъ степной области Сассыкъ-Куля и Ала-Куля—на югѣ.

Отъ пос. Зайсана дорога ведетъ черезъ пустынную степь, поросшую особымъ травянистымъ растеніемъ въ три фута высоты, такъ наз. «джи», а мѣстами покрытую полувысохшими болотами и бѣлыми блестящими солончаками, — къ изобилующему рыбою Зайсанъ-Нору, изъ котораго вытекаетъ Черный Иртышъ, Кара Иртышъ, уже въ видѣ могучаго потока. Рѣка эта, еще прежде, чѣмъ достигаетъ оз. Зайсана, лежащаго на 1900 фут. надъ уровнемъ моря, судоходна на протяженіи 185 верстъ въ китайской Джунгаріи. Къ сѣверу отъ Зайсана и Чернаго Иртыша возвышаются предгорья Алтая.

То, чтò называютъ обыкновенно Алтаемъ, не представляетъ какого либо опредѣленнаго горнаго хребта: это — скорѣе большая группа различныхъ горныхъ цѣпей, идущихъ между верхнимъ теченіемъ Иртыша и Енисея въ весьма разнообразныхъ направленіяхъ; было бы вѣрнѣе говорить объ Алтайскихъ горахъ, но не объ Алтаѣ. Здѣсь находятся истоки одной изъ могущественнѣйшихъ водяныхъ артерій Западной Сибири — Катунь и Бія, изъ сліянія которыхъ и составляется могучая рѣка — Обь. Различныя цѣпи Алтайской системы горъ на югѣ имѣютъ вообще направленіе съ запада на востокъ; въ сѣверныхъ же частяхъ ея — съ юга на сѣверъ. Собственно Алтай, занимающій нѣсколько болѣе четвертой части всей горной группы, простирается къ сѣверу отъ Бухтармы, праваго притока Иртыша, отъ Змѣиногорска до романтическаго озера Алтынъ-Куля, названнаго русскими Телецкимъ; въ это озеро съ востока изливается рѣка Чулышманъ.

Часть Алтайской горной системы, выдвинутая главнымъ образомъ къ западу, и есть Алтай въ собственномъ смыслѣ, или Русскій, а также Колыванскій Алтай, знаменитый богатымъ содержаніемъ рудъ. Здѣсь, на высотѣ 750 футовъ надъ уровнемъ моря, лежитъ маленькое озеро Колыванъ, которое хотя и описывается самымъ прекраснымъ во всемъ Алтаѣ, но далеко не величественно, хотя дѣйствительно отличается необыкновенною прелестью. Его берега, имѣющіе незначительныя протяженія, украшаются причудливыми гранитными скалами и прекрасными зелеными рощами, представляющими мѣстами видъ парка. Съ восточной стороны Колыванскаго Алтая тянутся ряды болѣе высокихъ и значительныхъ горныхъ цѣпей, которыя, въ свою очередь, рѣзко отдѣляются другъ отъ друга безчисленными, глубоко врѣзывающимися, водными потоками, отличаясь въ то-же время между собою особенными названіями. Одною изъ самыхъ важныхъ горныхъ цѣпей должно считать Катунскія горы, среди которыхъ высится могущественнѣйшая вершина Алтайской системы — величественная Бѣлуха, достигающая 11,000 футовъ высоты, рядомъ съ двумя совершенно недоступными шпица-

Чимбулакъ въ Алатаускихъ горахъ.

ми катунскихъ колоннъ. Средняя высота Алтайской системы, вѣроятро, достигаетъ 5250 футовъ; но ея остроконечныя и зубчатыя вершины переходятъ за линію снѣговъ на 3300 футовъ. Множество быстрыхъ рѣкъ, многоразличіе формъ и красокъ сообщаютъ всему горному ландшафту весьма разнообразный характеръ. Между горными цѣпями повсюду тянутся обширныя возвышенныя плоскости, покрытыя снѣгомъ или болотами и мѣстами прерываемыя рядами невысокихъ скалъ или гранитными глыбами. Рѣдко подымается скала выше 100 футовъ надъ окружающею ее равниною. Климатъ Алтайскихъ горъ, вездѣ континентальный, характеризуется холодною зимою и рѣзкими переходами; термометръ нерѣдко понижается до—40° Р.; при этомъ лѣтомъ часто по цѣлымъ мѣсяцамъ не бываетъ дождя и стоитъ засуха. Господствующіе тамъ юго-западные вѣтры обыкновенно такъ сухи, что дѣйствуютъ большею частью только губительно: мѣстности, наиболѣе имъ подверженныя, отличаются пустынною, скудною, степною растительностью. Въ Алтаѣ живутъ преимущественно кочующіе, отчасти преданные еще шаманизму, калмыки, составляющіе западно-монгольскую вѣтвь народовъ.

Южныя предгорья Алтая состоятъ изъ гранита, кристаллическаго сланца и порфира, съ роговою обманкою, и представляютъ фантастическія, хотя и голыя формы, нелишенныя живописной прелести. Въ этихъ предгорьяхъ находятся знаменитые алтайскіе рудники. Зыряновскъ, маленькій городокъ съ 1800—2000 жителей,—одинъ изъ самыхъ значительныхъ пунктовъ во всемъ районѣ рудниковъ, составляетъ, какъ и самый Алтай, владѣніе Императора, которое, по своимъ размѣрамъ, почти равняется территоріи Франціи. Въ этой мѣстности добываются золото, серебро, мѣдь, свинецъ и олово. Изъ нихъ только первое получается посредствомъ толчей и промывки въ чистомъ видѣ на самомъ мѣстѣ; остальныя руды отправляются для выплавки, частью по Иртышу, частью сухимъ путемъ, на Змѣиногорскій, Барнаульскій и другіе заводы. Змѣиногорскъ доставляетъ ежегодно 725,000 пудовъ руды, изъ которой выработываютъ 50 пудовъ серебра и 15,000 пудовъ мѣди. Ежегодная добыча золота простирается отъ трехъ до четырехъ пудовъ. Маточная порода, въ которой проходятъ руды,—авгитовый порфиръ, чередующійся со сланцемъ и мощными штоками кварца; золото находится преимущественно въ этомъ послѣднемъ. Рудники устроены совершенно по нѣмецкому образцу; но паровыя машины еще не получили въ нихъ примѣненія. Руда поднимается здѣсь посредствомъ коннаго привода, а шахтовый насосъ приводится въ движеніе силою воды. Верстахъ въ 65 отъ Зыряновска лежитъ Верхне-Присторскій рудникъ, гдѣ руду грузятъ на особенныя рудныя судна—«карбассы» и сплавляютъ по Иртышу въ Усть-Каменогорскъ. Плаваніе по Иртышу столько же пріятно, сколько и интересно. Сначала рѣка течетъ по равнинѣ, среди мягкихъ, нѣжныхъ луговъ; далѣе, вскорѣ послѣ впаденія въ нее бурно пѣня-

щихся водъ Бухтармы, главный пунктъ которой—Усть-Бухтарминскъ—живописно выглядываетъ у подошвы голой пирамидальной гранитной горы,—рѣка вступаетъ въ мѣстность гористую или скалистую, чрезвычайно богатую живописными, дико-романтическими видами. Берега этой части Иртыша можно сравнить съ берегами Рейна; по величественности же своихъ картинъ они даже значительно превосходятъ берега рейнскіе; за то имъ совершенно недостаетъ того поэтическаго вѣянія, которое такъ обаятельно на Рейнѣ. Кромѣ того, и по скудной населенности береговъ сейчасъ видно, что находишься на азіатской рѣкѣ, — много, если на всемъ протяженіи ея встрѣтишь съ полдюжины одинокихъ рыбачьихъ хижинъ, да столько же небольшихъ суденъ съ рудою. Но тѣмъ богаче береговая фауна, и въ особенности много птицъ. Наконецъ, сѣрый или буросѣрый лабиринтъ одѣтыхъ оранжевыми лишаями скалъ внезапно открывается на вольную, широкую равнину. Справа и слѣва виднѣются большіе аулы и красивыя стада рогатаго скота; а когда обогнете покрытый кустарникомъ островъ, передъ глазами является миловидный Усть-Каменогорскъ. Дальнѣйшая дорога въ Змѣиногорскъ ведетъ по холмистой, воздѣланной мѣстности, со множествомъ большихъ деревень. Змѣиногорскъ, хотя и самый старый изъ алтайскихъ рудниковъ, давно уже не дѣйствуетъ, какъ рудникъ; онъ только переработываетъ на металлы руду, добываемую на Зыряновскомъ, Рыбинскомъ и другихъ рудникахъ. Недалеко отъ него находятся знаменитые Императорскіе гранильные заводы, называемые, по имени лежащаго при нихъ небольшаго озера, Колыванскими. Въ этомъ веселомъ уголкѣ, окруженномъ живописными группами скалъ, шлифуются прекраснѣйшіе порфиры, яшмы, мраморъ и другіе камни, но, какъ и въ Екатеринбургѣ, въ формы лишь большихъ предметовъ, какъ то: вазъ, каминныхъ карнизовъ, зеркальныхъ рамъ и т. п. Отъ Колывани, черезъ степь, хотя и не вполнѣ лишенную растительности, но съ общимъ характеромъ пустыни, путь лежитъ на Барнаулъ, главный городъ Алтайской области, съ населеніемъ около 14,000 душъ. Барнаулъ расположенъ на лѣвомъ берегу Оби, въ чрезвычайно плодородной и благодатной мѣстности, и имѣетъ немало научныхъ учрежденій.

Какъ видно изъ предъидущаго, все, что до сихъ поръ узнали мы о Сибири, никоимъ образомъ не оправдываетъ сужденій, все еще высказываемыхъ объ этой странѣ большею частью даже образованною публикою. И теперь еще слово Сибирь у многихъ возбуждаетъ идею о чемъ-то невыразимо ужасномъ. До какой степени безосновательно подобное представленіе, показываетъ фактъ обратный, что на людей, жившихъ въ Сибири, имя это производитъ электрическое дѣйствіе и будитъ въ душѣ ихъ самыя сладостныя воспоминанія. А. фонъ-Миддендорфу удалось найти по-истинѣ райскій уголокъ даже въ изобилующей

міазмами Барабинской степи, именно къ востоку отъ Омска. (Middendorff. Die Baraba. St. Petersburg. 1870. 4°). Конечно, такія описанія относятся преимущественно къ западнымъ и южнымъ частямъ Сибири, но не къ сѣвернымъ, куда направляется теченіе большихъ рѣкъ.

Съ сѣверомъ Сибири можно познакомиться, отправляясь внизъ по Оби. На берегахъ этой рѣки возвышается Томскъ, съ 25,600 жителей, одинъ изъ самыхъ большихъ, богатыхъ и прихотливыхъ городовъ Сибири, важный промышленный и торговый пунктъ. Здѣсь начинаются открытыя въ 1830 году обширныя золотыя розсыпи, которыя, до появленія калифорнскаго золота, доставляли этого металла столько, сколько добывалось его во всей Америкѣ. Отъ Томска до Тюмени существуетъ правильное сообщеніе хорошо устроенными пароходами. Далѣе, внизъ по рѣкѣ, находится Самаровъ, главный пунктъ, почти при впаденіи Иртыша въ Обь, которая здѣсь имѣетъ 3 версты ширины,— въ эту колоссальную рѣку, для которой, вмѣстѣ съ ея притоками, едва хватило бы мѣста въ Европѣ. Къ сожалѣнію, тамъ замѣчается слишкамъ мало жизни, не смотря на плодородную почву и могучія естественныя сокровища окружающей его мѣстности. На отдаленномъ сѣверѣ, въ 1065 верстахъ отъ Тобольска, среди непроходимыхъ первобытныхъ лѣсовъ и пустынныхъ безплодныхъ болотъ, называемыхъ здѣсь тундрами, на крутомъ утесистомъ берегу рѣчки Сосвы, недалеко отъ того мѣста, гдѣ она изливается въ исполинскую Обь, лежитъ уѣздный городокъ Березовъ, служившій прежде самымъ суровымъ мѣстомъ ссылки. Въ обѣ стороны отъ этой рѣки тянутся первобытные гигантскіе хвойные лѣса, обширныя луговыя равнины, изборожденныя озерами, ручьями и болотистыми, поросшими мхомъ, трясинами. На всей здѣшней природѣ лежитъ рѣзкая печать угрюмаго, суроваго сѣвера. Въ теченіе восьми мѣсяцевъ промерзлая земля остается покрытою бѣлымъ саваномъ снѣговъ. Термометръ часто падаетъ на 45 градусовъ ниже нуля. Стужа сильно затрудняетъ свободное дыханіе и мгновенно превращаетъ выходящій изо рта паръ въ иней; птицы часто падаютъ изъ воздуха мертвыми, а стекла въ окнахъ трескаются; мерзлая земля даетъ длинныя и глубокія трещины, и даже ледъ на озерахъ раскалывается. При всемъ этомъ, погода не отличается постоянствомъ. Воздухъ часто бываетъ влаженъ и туманенъ; небо же всегда мутно и заволочено сѣрыми облаками. Здѣсь часто свирѣпствуютъ сильныя вьюги; единственное спасеніе для человѣка или животнаго, застигнутаго такою вьюгою,—зарыться въ снѣгъ и терпѣливо, нерѣдко цѣлыя сутки, ожидать конца непогоды. Ночи здѣсь длинныя, темныя и лишь изрѣдка прерываются величественнымъ явленіемъ сѣвернаго сіянія. Мертвое, словно въ пустынѣ, молчаніе царитъ въ мрачномъ, глубоко зарыв-

шемся въ снѣгъ, городишкѣ. Одни только хвойныя деревья: лиственницы, пихты и ели, своею зеленью и высокимъ ростомъ нѣсколько оживляютъ эту печальную картину вѣчной зимы. Близъ самаго уже устья Оби лежитъ Обдорскъ. Рѣка, вскрывшись въ маѣ на равнинѣ, а въ іюнѣ и іюлѣ въ Алтаѣ, становится все шире и шире, и выше Березова, по впаденіи въ нее Сосвы, достигаетъ ширины 45 верстъ, дѣлаясь подобной морю, среди котораго разсѣяно множество большихъ и малыхъ острововъ, густо поросшихъ лѣсомъ. Немного къ востоку отъ глубокой Обской губы находятся устья Енисея, съ нижнемъ теченіемъ котораго ближе познакомилъ насъ проф. Норденшильдъ въ августѣ 1875 года. Шведскій ученый рѣшительно возстаетъ противъ того представленія о сибирской тундрѣ, будто это ни что иное, какъ обширная, покрытая льдомъ или снѣгомъ, пустыня, среди которой лишь кое-гдѣ встрѣчается жалкая растительность. Напротивъ, на Енисеѣ онъ наблюдалъ подобное всего только въ одномъ мѣстѣ; на всемъ же остальномъ пространствѣ, и въ особенности на островахъ рѣки, растительность отличается поразительною пышностью. Плодородіе почвы, неизмѣримыя протяженія луговыхъ пространствъ и обиліе травъ дѣлаютъ тундру прекраснѣйшимъ пастбищемъ. Далѣе къ югу, между Туруханскомъ и Енисейскомъ, гдѣ ширятся древніе высокоствольные лѣса, или на мало населенныхъ равнинахъ, окружающихъ Красноярскъ,— равнинахъ, почва которыхъ состоитъ изъ мощнаго слоя чернозема, тундра, по своему плодородію, ни чуть не уступаетъ самымъ плодороднымъ частямъ Скандинавіи, а, пожалуй, и превосходитъ ихъ.

Красноярскъ—городъ съ 13,000 жителей, съ хорошими постройками и богатыми золотопромывальнями—лежитъ на верхнемъ Енисеѣ, вытекающемъ изъ Саянскихъ горъ и питающемся водами Монгольскаго плато. Выше Енисейска, городка съ 7000 жителей, въ Енисей впадаетъ съ востока Ангара, или Верхняя Тунгузка, на которой, недалеко отъ ея выхода изъ Байкальскаго озера, лежитъ самый значительный городъ Сибири—Иркутскъ съ 33,000 жителей. Петербургскія моды и западно-европейскіе обычаи распространены въ немъ болѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ изъ сибирскихъ городовъ. Въ Иркутскѣ, главномъ центрѣ мѣховой торговли Сибири, есть театръ, гимназія, библіотека и чрезвычайно дѣятельное Географическое Общество.

Байкальское озеро, лежащее недалеко отъ южной сибирской границы,—одинъ изъ величайшихъ бассейновъ Стараго Свѣта, имѣетъ поверхность въ 581 квадр. милю, въ длину—560, а въ ширину отъ 140 до 170 верстъ. Единственный стокъ озера—Нижняя Ангара; паденія же его уровня отъ уноса воды Ангарою и испаренія вовсе незамѣтно, потому что

убыль воды безпрерывно возмѣщается притокомъ многихъ ручьевъ, а также рѣкъ: Селенги, Баргузина и Верхней Ангары. Лѣтомъ сообщенiе между берегами озера и прилегающими къ нимъ мѣстностями поддерживается помощью парохода. Передъ западнымъ берегомъ Байкала лежитъ островъ Ольхонскiй, гдѣ, среди подлѣска, встрѣчается множество альпiйскихъ розъ, какъ и вообще повсюду на берегахъ озера. Байкалъ можно представить себѣ естественно раздѣленнымъ, посредствомъ острова Ольхонскаго и противолежащаго ему полуострова Святаго, на два бассейна: южный и сѣверный. Сѣверо-западные берега этого послѣдняго представляютъ величественную, дикую и прекрасную декорацiю, производящую впечатлѣнiе чрезвычайно живописнымъ сочетанiемъ гранитныхъ скалъ и нисходящихъ съ горныхъ высотъ до самаго озера сосенъ и лиственницъ. Берега Байкала замѣчательны также горячими источниками, существованiе которыхъ стоитъ въ связи съ вулканическою дѣятельностью и частыми землетрясенiями. Недалеко отъ этихъ источниковъ живутъ зажиточные русскiе поселенцы, занимающiеся воздѣлыванiемъ ржи, ячменя и картофеля. Зимою жители охотятся на соболей и бѣлокъ. По берегамъ часто встрѣчаются хищныя птицы, какъ то: бѣлоголовые орланы, пустельги и сарычи. Кромѣ русскихъ, большинство прибайкальскаго населенiя составляютъ буряты и тунгузы. Буряты, народность монгольскаго происхожденiя, всѣ безъ исключенiя были до покоренiя Сибири язычниками—шаманами; только въ концѣ XVII столѣтiя они перемѣнили свою религiю: одни, населявшiе мѣстность по ту сторону Байкала, приняли буддизмъ, другiе—православiе. Буряты отличаются преимущественно флегматическимъ темпераментомъ. Имъ свойственно, повидимому, нѣкоторое отвращенiе къ труду, и часто одинъ только голодъ заставляетъ ихъ взяться за работу. Они скрытны, упрямы, неразговорчивы и мало услужливы. Русскiе познакомили ихъ съ табакомъ и спиртными напитками, и теперь то и другое находитъ среди бурятъ страстныхъ любителей; даже девятилѣтнiй мальчикъ—и тотъ, смотришь, китайскую трубку въ зубахъ держитъ. Впрочемъ, буряты — народъ очень миролюбивый. Смертоубiйство у нихъ — нѣчто необыкновенное; разбоевъ и грабежа никогда не бываетъ; отъ одной только склонности къ воровству они не свободны. Земледѣлiемъ они начали заниматься лишь недавно, но уже достигли въ этомъ дѣлѣ довольно значительныхъ успѣховъ. Къ ремесламъ бурятъ имѣетъ большую склонность, и въ этомъ отношенiи оказывается обыкновенно способнѣе своего учителя—русскаго. Религiя бурятъ состоитъ отчасти въ шаманизмѣ, частью въ буддизмѣ, или представляетъ смѣсь того и другого; даже тѣ, которые принадлежатъ къ греческой церкви, придерживаются или открыто, или тайно какого-либо изъ этихъ языческихъ ученiй. Сначала шаманизмъ, основанный на устномъ преданiи, былъ распространенъ между всѣми народами Восточной и Сѣверной Сибири. Но онъ, какъ ученiе, имѣвшее столь шаткую поддержку, не могъ долго

устоять передъ систематически развитымъ и опирающимся на богатую духовную литературу ламаизмомъ или буддизмомъ, хотя элементы его и до сихъ поръ еще продолжаютъ жить. Для буддистскаго духовенства Сибири существуютъ три степени священства; только священники первыхъ двухъ степеней носятъ названіе ламъ. Характерная черта всего этого духовнаго сословія—грубое невѣжество. Многіе пожилые ламы совершенно не въ состояніи переводить книгъ, употребляемыхъ ими при своихъ священнодѣйствіяхъ и написанныхъ на тибетскомъ языкѣ. Они вовсе не понимаютъ, что въ этихъ книгахъ написано, хотя для многихъ изъ этихъ книгъ существуютъ монгольскіе, печатанные въ Китаѣ, переводы. Не смотря, однако, на такое невѣжество, буддистское духовенство Восточной Сибири исполнено фанатическаго рвенія въ дѣлахъ распространенія своей вѣры, изгнанія шаманизма и борьбы съ христіанствомъ. Не менѣе сильно развита въ немъ алчность: она гонитъ его изъ юрты въ юрту, чтобы пользоваться всѣмъ, что есть лучшаго у ихъ обитателей. Проводя жизнь свою въ праздности, подвергаясь безпрестанно всякому мірскому соблазну, благочестивые мужи дѣлаются, наконецъ, пьяницами и сластолюбцами. Каждый лама, за исключеніемъ очень немногихъ старцевъ, имѣетъ хозяйку, или такъ называемую «рабинку», съ которой живетъ вмѣстѣ. Нѣкоторые держатъ у себя 2 — 3 рабинки. Сыновья отъ такихъ браковъ слывутъ «племянниками» и почти всегда наслѣдуютъ духовный санъ отца. — На сѣверо-западномъ берегу Байкальскаго озера живутъ тунгузы, считающіе мѣстность къ сѣверу отъ озера и восточныя берега этого послѣдняго своею собственностью. Отъ тупоумныхъ (большею частью) бурятъ западнаго берега и Ольхонскаго острова они рѣзко отличаются: — нрава веселаго, проворны, осмотрительны, чистосердечны, кротки и смѣлы. Это — народъ охотничій. Рождаясь во мракѣ еловыхъ лѣсовъ, тунгузы уже въ колыбели начинаютъ подвергаться опасностямъ отъ дикихъ звѣрей; голодъ и жажду переносятъ терпѣливо, и, не смотря на нужду, которой подвергаются въ своихъ уединенныхъ лѣсахъ, особенно зимою, когда часто по цѣлымъ днямъ продолжается вьюга, и падаетъ снѣгъ, они остаются дома и не обнаруживаютъ никакого намѣренія отправляться въ услуженіе къ русскимъ. Одежда тунгузовъ въ своемъ родѣ красива и легка, представляя такимъ образомъ прямую противоположность неуклюжей и грязной одеждѣ бурятъ. На сколько свободно слѣдуетъ своимъ склонностямъ мужчина, на столько зависимо у тунгузовъ положеніе женщины. Она строитъ хижину, выдѣлываетъ кожу, шьетъ платье, заботится о домашнемъ хозяйствѣ, ухаживаетъ за оленями; заботы о рогатомъ скотѣ также лежатъ на ней, — словомъ, она дѣлаетъ все, а иногда даже участвуетъ вмѣстѣ съ мужемъ въ охотѣ. Безъ женщины — мужчина существо безпомощное. Большая часть тунгузовъ сѣвернаго и восточнаго береговъ Байкальскаго озера приняло христіанство отъ русскихъ миссіонеровъ; впрочемъ, они усвоили только внѣшнюю, фор-

мальную сторону православія и въ настоящее время довольствуются одними церковными обрядами, исполняя ихъ лишь въ присутствіи русскихъ; но, какъ только случится имъ переселиться въ лѣсъ, они снова становятся шаманами.

Страна къ востоку отъ Байкальскаго озера носитъ названіе Забайкальской области и составляетъ отдѣльную провинцію, главный городъ которой Чита, на высотѣ 1760 футовъ надъ уровнемъ моря, имѣетъ только 4000 жителей. Область эта важна своимъ торговымъ путемъ, ведущимъ по долинѣ Селенги, въ Китайской Монголіи, въ Ургу и служащимъ преимущественно для движенія каравановъ съ чаемъ и ревенемъ. На границѣ лежатъ два извѣстные города: Кяхта—на русской и Маймачинъ—на китайской сторонѣ, въ которыхъ обѣ націи поддерживаютъ между собою весьма дружественныя сношенія. Забайкальская область прорѣзывается, въ направленіи почти съ юга на сѣверъ, Становымъ хребтомъ, у подножья котораго, на Шилкѣ и на высотѣ 1460 футовъ надъ морскимъ уровнемъ, лежитъ центральный пунктъ даурскаго горнаго округа—Нерчинскъ, съ богатыми серебряными и свинцовыми рудниками. Но еще гораздо большее значеніе, чѣмъ Забайкальская область, имѣетъ примыкающая къ ней съ восточной стороны Амурская область. Онъ обнимаетъ 5129,5 кв. миль поверхности и, обладая плодородною, способною къ обработкѣ, почвою имѣетъ, безъ сомнѣнія, блестящую будущность. Главный городъ края—Благовѣщенскъ, на Амурѣ, находится, такъ сказать, еще въ зародышѣ. Далѣе, при устьи этой рѣки, лежитъ Николаевскъ, который, вмѣстѣ съ Владивостокомъ, на югѣ принадлежитъ къ самымъ важнымъ прибрежнымъ мѣстамъ Амурской области.

Вся описываемая область орошается Амуромъ и его притоками. Амуръ происходитъ изъ слиянія Шилки и Аргуни и, на протяженіи 770 верстъ до впаденія въ него Зеи, годенъ для плаванія небольшихъ судовъ. Отъ впаденія Зеи до Уссури, на разстояніи 890 верстъ, по немъ могутъ ходить суда, сидящія не глубже 8 футовъ; а отсюда онъ доступенъ уже и для морскихъ пароходовъ, которые, впрочемъ, немного не доѣзжая до устьевъ, должны съ трудомъ проходить через мель. Бассейнъ Амура, котораго только сѣверная часть принадлежитъ Россіи, южная же осталась за китайцами, замыкается со всѣхъ сторонъ и прорѣзывается въ разныхъ направленіяхъ горами. На сѣверѣ тянется, въ направленіи съ запада на востокъ, приблизительно подъ $55\frac{1}{2}$ градусомъ с. ш., Становой хребетъ; на западѣ границу составляетъ Большой

Хинганъ, на югѣ—Чанбошанъ; на востокѣ область отдѣляется отъ моря хребтомъ Сихота-Алинь. Тамъ, гдѣ Амуръ получаетъ свое названіе, онъ прорѣзываетъ Большой Хинганскій хребетъ, а недалеко отъ морскаго берега—также и Сихоту-Алинь, такъ что мы вступаемъ въ бассейнъ Амура, на западѣ и востокѣ, какъ бы чрезъ ворота. Параллельно Становому хребту, на нѣсколько градусовъ южнѣе, тянется, подъ различными именами, до Охотскаго моря, прорываемый рѣкою Зеею хребетъ Джукду. Между устьями Бурея и Сунгари, Амуръ прорѣзываетъ идущій съ юго-запада на сѣверо-востокъ Малый Хинганскій хребетъ, а еще далѣе, по теченію рѣки, протягиваются Чаньятынскія горы, которыя, впрочемъ, представляютъ скорѣе размытое рѣками плоскогорье, нежели горы въ собственномъ смыслѣ слова. Хотя амурскій бассейнъ въ цѣломъ отличается гористымъ характеромъ, но онъ содержитъ въ себѣ и три большія низменности: Зея-Бурейскую — между Большимъ и Малымъ Хинганомъ; Средне-Амурскую, хотя и меньшую, за то еще болѣе роскошную, чѣмъ предъидущая, и наконецъ — Ханкайскую равнину. Кромѣ этихъ низменностей, существуетъ, конечно, множество меньшихъ. Климатическія условія края вообще неблагопріятны: средняя годовая температура, при одинаковой широтѣ мѣста, на 8—10° ниже, чѣмъ въ Западной Европѣ, и на $4^1/_2$—$6^1/_2$° ниже, чѣмъ въ Европейской Россіи. Климатъ континентальный, съ весьма жаркимъ лѣтомъ и очень холодною зимою, такъ что европейскіе виды хлѣба и виноградъ могутъ еще созрѣвать. Въ іюлѣ наступаетъ правильный періодъ дождей, сопровождающійся сильнымъ половодьемъ, которое иногда очень быстро спадаетъ. Постоянное обиліе влаги—одна изъ причинъ, почему страна такъ богата лѣсами. Хвойные лѣса состоятъ изъ лиственницы, пихты, ели и кедра; лиственные же — изъ березы, дуба, илима ясеня, орѣховаго и пробковаго дерева, клена и липы,—все это въ гигантскихъ размѣрахъ. Виноградъ приноситъ обильный урожай. Удивительною пышностью отличаются здѣсь травы. Характерно для флоры Амурскаго края то обстоятельство, что ее составляютъ вмѣстѣ и растенія, свойственныя умѣренному поясу, и такія, которыя встрѣчаются только въ гораздо болѣе теплыхъ странахъ. То же относится отчасти и къ фаунѣ. Пантера и тигръ перекрещиваютъ слѣды рыси, росомахи и волка. Кромѣ того, здѣсь встрѣчаются двѣ породы медвѣдей и пушные звѣри собственно: соболь (ежегодно добывается отъ 22,000 до 25,000 шкурокъ), красная и чернобурая лисицы, куница, горностай и рѣчная выдра. Кедровые лѣса кишатъ темносѣрыми бѣлками, шкурки которыхъ оплачиваются на мѣстѣ 12 — 17 копѣйками за каждую. Изъ жвачныхъ животныхъ здѣсь встрѣчаются олень, лось, косуля и мускусный быкъ; птицъ насчитывается 211 видовъ. Невѣроятнымъ богатствомъ рыбы отличаются амурскій, а также уссурійскій бассейны: осетры, бѣлуги, горбуши, карпы, стерляди, сомы и др. За то настоящее бѣдствіе страны

Тунгузскій Храмъ на Амурѣ.

составляютъ мухи и комары. Золото было открыто въ 23 мѣстахъ; въ двухъ мѣстахъ оно разработывается. Желѣзо находится въ Маломъ Хинганѣ; очень часто попадается также мышьякъ,—минералъ, котораго прежде въ Россіи не получали; далѣе — известь, асфальтъ, алебастръ, мраморъ и каменный уголь средняго, впрочемъ, достоинства. Пути сообщенія въ странѣ ограничиваются почти исключительно водою — по волнамъ и по льду; проѣзжихъ дорогъ въ собственномъ смыслѣ почти вовсе не существуетъ. Движеніе по водѣ поддерживается обществомъ пароходства по Амуру и правительствомъ. Кромѣ того, три судна принадлежатъ инженерному и пять телеграфному вѣдомствамъ. Послѣднее имѣетъ собственныя суда для наблюденія за телеграфными проволоками, пролегающими между берегомъ Тихаго океана и Европою. Заселеніе Амурскаго края русскими колонистами, начавшееся въ 1854 году, сопровождалось огромными трудностями. Въ настоящее время здѣшнее населеніе состоитъ изъ тунгузовъ, частью осѣдлыхъ, частью кочующихъ, затѣмъ китайцевъ и гиляковъ, занимающихся охотою или рыбною ловлею; всѣ они производятъ только для собственнаго потребленія,— не болѣе. Если обратить вниманіе на огромную отдаленность, малое знакомство съ климатомъ и рѣдкость населенія этого края, то можно удивляться, что достигнуты уже и такіе результаты. Въ 1869 году здѣсь находилось 18,519 казаковъ, переселенныхъ сюда по распоряженію начальства, и 25,870 крестьянъ, которые, за исключеніемъ 3900 человѣкъ, явились сюда добровольно. Матеріальное положеніе этого населенія вообще можно признать благопріятнымъ. Въ особенности быстро развивается основанный на берегу «Золотаго Рога», немного лѣтъ тому назадъ, городъ Владивостокъ, главная улица котораго тянется вдоль берега на нѣсколько верстъ. Въ немъ считается 460 домовъ, — всѣ почти одноэтажные и деревянные, и нѣсколько русскихъ церквей. Изъ 5000 жителей только 1045, включая въ это число солдатъ и матросовъ, состоятъ въ русскомъ подданствѣ. Остальные—большею частью китайцы различныхъ племенъ. Женщинъ во Владивостокѣ сравнительно мало, такъ какъ китайцы обыкновенно оставляютъ своихъ женъ дома.

Противъ устьевъ Амура и сѣверныхъ морскихъ береговъ Амурской области лежитъ большой островъ Сахалинъ или Карафто, прежде находившійся подъ двойнымъ господствомъ русскихъ и японцевъ, нынѣ-же перешедшій по договору въ полное владѣніе Россіи.

Поверхность Сахалина составляетъ 58,600 кв. килом. (около 51,500 кв. верстъ). Длина его—950 кил. (890 верстъ). Ширина мѣняется отъ 140 до 25 кил. (130—23 в.). Положеніе острова само по себѣ не было бы неблагопріятно, ибо онъ лежитъ подъ широтами Калуги—Перекопа;

но близость Охотскаго моря моря дѣлаетъ климатъ его непривлекательнымъ. Въ серединѣ мая на горахъ еще лежитъ снѣгъ, и средняя температура подъ 48° с. ш. такая же, какъ и въ Норвегіи къ сѣверу отъ полярнаго круга. При этомъ климатъ столь же влажный, какъ и холодный. На западныхъ берегахъ острова въ теченіи 253 дней въ году небо бываетъ покрыто облаками; на восточныхъ берегахъ такихъ дней еще болѣе. Весь островъ прорѣзывается цѣпью горъ, восходящихъ до 620 метровъ (2000 фут.) высоты, не достигая, однако, линіи вѣчнаго снѣга. На этой возвышенности берутъ начало рѣки, имѣющія, конечно, короткое теченіе. Изъ естественныхъ богатствъ острова прежде всего обращаетъ на себя вниманіе каменный уголь. Не одинъ разъ пробовали разработывать залежи этого продукта, причемъ всегда оказывалось, что хотя онъ въ достоинствѣ и уступаетъ англійскому углю, но все-таки очень цѣненъ и на треть дороже австралійскаго и японскаго. Кромѣ угля, будутъ имѣть современемъ очень важное значеніе обширные лѣса, которыми въ настоящее время пользуются только для охоты на пушныхъ звѣрей. Охота, весьма выгодная рыбная ловля да бой тюленей — вотъ всѣ промыслы, питающіе мѣстное населеніе; разведеніе хлѣбовъ не имѣетъ здѣсь благопріятныхъ для себя условій. Овощи могутъ еще родиться; возможно также и скотоводство. Населеніе состоитъ изъ 3000 русскихъ, почти исключительно солдатъ, далѣе—китайцевъ приблизительно въ такомъ же числѣ, питающихся продуктами рыбной ловли, и, наконецъ, изъ туземцевъ: гиляковъ и айносовъ—въ числѣ около 3000 душъ. На каждыя 5 квадратныхъ верстъ пространства приходится, стало быть, одинъ человѣкъ.

Весь сѣверо-востокъ Сибири занимаютъ кочующія племена якутовъ, юкагировъ, коряковъ и чукчей. Главная рѣка этой обширной области — Лена, истоки которой лежатъ у самаго западнаго берега Байкальскаго озера. По принятіи идущаго съ востока Витима, она описываетъ путь въ формѣ буквы S, еще принимаетъ съ востока рѣку Олекму и могучій Алданъ, поворачиваетъ на сѣверъ, къ Ледовитому океану, въ который изливается широко развѣтвляющеюся дельтою. На Ленѣ, выше впаденія Алдана, лежитъ Якутскъ — самый населенный городъ сѣверо-восточной Сибири. Изъ западныхъ ея притоковъ самый значительный—Вилюй, находящійся въ связи съ неизвѣстною до сихъ поръ сибирскою областью озеръ на западѣ. Меньшія, но все-таки очень значительныя рѣки, текущія на западѣ отъ Лены, суть: Хатанга, Анабара и Оленекъ, а на востокѣ — Яна, Индигирка и Колыма. Всѣ онѣ впадаютъ въ Сѣверное Ледовитое море, изъ котораго противъ дельты Лены, нѣсколько въ сторонѣ, возвышаются безплодные и безлюдные Новосибирскіе острова съ совершенно арктическою природою. На востокѣ, къ

Берингову проливу, Азія оканчивается полуостровомъ Чукчей, самая большая рѣка котораго Анадырь изливается въ Анадырскій заливъ Берингова моря.

Изъ народовъ сѣверо-восточной Азіи наибольшаго вниманія заслуживаютъ чукчи, коряки и якуты. Говоря о чукчахъ, надо строго отличать настоящихъ чукчей, населяющихъ берега Ледовитаго моря и живущихъ охотою и рыбною ловлею, отъ такъ называемыхъ оленьихъ чукчей, состоящихъ въ тѣсномъ родствѣ съ сосѣдними коряками. По языку, эти послѣднія двѣ народности различаются еще менѣе, чѣмъ португальцы и испанцы. Вездѣ у поименованныхъ сибирскихъ народностей шаманы или чародѣи пользуются высочайшимъ почетомъ, и несомнѣнно то, что послѣдніе — не обманщики, но они сами вѣрятъ въ свое искусство, слѣдовательно, сами принадлежатъ къ обманутымъ. Оленьи-чукчи производятъ вполнѣ благопріятное впечатлѣніе какъ своею фигурою, такъ и своими качествами; по внѣшности они отличаются отъ сѣверо-американскихъ краснокожихъ только одеждою; точно также и коряки нисколько не уступаютъ американцамъ въ ростѣ и силѣ. Ихъ выдающіяся скулы, ихъ смѣлый, быстрый взглядъ, ихъ жесткіе, какъ уголь черные, волосы дѣлаютъ ихъ до неразличимости подобными краснокожимъ американцамъ. Коряки отличаются весьма кроткимъ нравомъ, никогда не бьютъ своихъ дѣтей и не позволятъ себѣ оскорблять своихъ женъ какимъ-либо грубымъ словомъ. Въ виду этого, по-истинѣ достойно удивленія то, что коряки своихъ дряхлыхъ собратовъ или безнадежныхъ больныхъ обыкновенно умерщвляютъ, закалывая копьями; однако, по нѣкоторомъ размышленіи, мы найдемъ причины, извиняющія такой обычай. Слабые и больные субъекты становятся негодными для кочевой жизни, и умерщвленіе ихъ дѣлается больше изъ состраданія, съ цѣлью прекратить долгія мученія. Смерть и для самого такого субъекта есть желанная гостья, и корякъ съ искусствомъ анатома умѣетъ нанести уколъ именно туда, гдѣ нужно, чтобы, по возможности, быстрѣе покончить съ несчастнымъ. Совершенно отличную отъ чукчей и коряковъ народность представляютъ ламуты при Охотскомъ морѣ, которые, вмѣстѣ съ тунгузами, манджурами и гиляками Амурской области, образуютъ группу, сходную съ китайцами. Ламуты и тунгузы очень близки другъ къ другу; какъ тѣ, такъ и другіе отличаются высокимъ ростомъ и тонкимъ станомъ, черными жесткими волосами, отсутствіемъ бороды, темно-оливковымъ цвѣтомъ кожи и болѣе или менѣе косо прорѣзанными глазами. Живутъ они, какъ и другіе кочевники, въ палаткахъ, но не перетаскиваютъ съ мѣста на мѣсто, подобно корякамъ, жердей, нужныхъ при разбивкѣ этихъ палатокъ, а оставляютъ ихъ на покидаемомъ мѣстѣ; на новой стоянкѣ заготовляютъ или новыя жерди, или пользуются тѣми, которыя оставлены были другими ордами. Третья группа на-

родностей, населяющихъ сѣверъ Азіи, принадлежитъ къ тюркской семьѣ народовъ; къ ней относятся и якуты. Русскіе увѣряютъ, будто рѣчь стамбульскаго османа можетъ быть легко понимаема якутами на Ленѣ. Число якутовъ безпрерывно ростетъ, тогда какъ среди всѣхъ остальныхъ народностей замѣчается вымираніе. Врангель не безъ основанія называетъ якутовъ желѣзными людьми, ибо между народами Сибири они болѣе всѣхъ закалены противъ низкихъ температуръ. Кеннанъ видѣлъ, какъ якуты только въ рубахѣ и тулупѣ стояли на 32 градусномъ морозѣ, смѣясь и болтая между собою, словно въ ихъ легкія вливался бальзамическій лѣтній воздухъ. При всемъ этомъ, они чрезвычайно дѣятельны и умѣютъ такъ же ловко, какъ и русскіе, выстроить, съ помощью топора, деревянную избу съ дверями и окнами. Вообще у нихъ нѣтъ недостатка ни въ доброй волѣ, ни въ способности выполнять терпѣливо трудныя работы.

Самую замѣчательную часть сѣверо-восточныхъ береговъ Азіи представляетъ полуостровъ Камчатка, прорѣзанный по своей длинѣ цѣпью высокихъ огнедышащихъ горъ. Кромѣ множества горячихъ источниковъ и озеръ, кромѣ безчисленныхъ потухшихъ вулкановъ, непосредственно у восточныхъ береговъ полуострова возвышается 14 еще и нынѣ дѣйствующихъ вулкановъ, среди которыхъ Ключевская сопка, въ 4804 метра (15,750 фут.) является самою высокою огнедышащею горою въ Азіи. Камчатскія сопки представляютъ одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ примѣровъ рядовыхъ вулкановъ на земной поверхности; прямое продолженіе ихъ мы находимъ на Курильскихъ островахъ,— архипелагѣ, протягивающемся, подобно шнуру, до Іессо, самаго сѣвернаго изъ большихъ Японскихъ острововъ. Слабонаселенные Курильскіе острова вездѣ отличаются вулканическимъ характеромъ и содержатъ отъ 8 до 10 очень высокихъ дѣйствующихъ вулкановъ. Въ противоположность восточнымъ, западные берега Камчатки представляютъ низкую холмистую поверхность; среднія же между этими крайностями высоты выполняютъ внутреннее пространство полуострова. Самый значительный населенный пунктъ въ Камчаткѣ, Петропавловскъ, куда почта приходитъ только разъ въ годъ, лежитъ на берегу Авачинской губы, представляющей одну изъ прекраснѣйшихъ и безопаснѣйшихъ гаваней въ свѣтѣ.

По сдѣланнымъ прежними путешественниками описаніямъ, читатель, конечно, не назоветъ Камчатки особенно прекраснымъ уголкомъ земли; но не такъ относится къ этой странѣ г. Кеннанъ; онъ приходитъ отъ нея въ полный восторгъ. Первыя недѣли его пребыванія тамъ (сен-

тябрь) принадлежали къ самому прекрасному времени года подъ такими высокими широтами, такъ что появленіе утра, напримѣръ, было исполнено неописанныхъ красотъ. Небо ясно и чисто. Въ спокойномъ воздухѣ тянутся по направленію внутрь страны стаи дикихъ лебедей, издавая пріятные трубные звуки, а жаркое солнце обливаетъ своимъ розовымъ сіяніемъ снѣга вулканической цѣпи, самая ближайшая вершина которой—Коряцкая сопка—возвышается до 3512 метровъ (11,520 фут.); далѣе вправо изъ разрушеннаго Авачинскаго кратера струится въ эфирѣ золотистый дымъ длинною полосою, а Розельскій вулканъ дымится темными тяжелыми клубами. На десять верстъ въ сторону торчитъ острый Вилючинскій пикъ, который также привѣтствуетъ раннее утро пылающими огнями. Берега внутреннихъ водъ страны украшены травами почти тропической пышности, усѣяны пестрыми цвѣтами, кустарниками альпійскихъ розъ, пятилистникомъ и рѣдкими черными камчатскими лиліями. Низкія мѣста покрыты группами тополей и березъ, а позже становятся также замѣтными и разбросанные по склонамъ горъ темные хвойные лѣса.

Камчадалы, весьма сильно отличаясь въ физическомъ отношеніи отъ своихъ сосѣдей, коряковъ и чукчей, представляютъ породу людей малорослую, съ темнымъ цвѣтомъ кожи, съ плоскимъ широкимъ лицомъ, выдающимися скулами, маленькими, глубоко лежащими глазами,—породу безбородую, съ длинными, гладкими, черными волосами, маленькими руками и ногами, съ красивыми членами тѣла, но съ наклонностью къ вздутости брюха. Съ 1780 года, вслѣдствіе эпидемій и голода, они мало по малу уменьшились въ числѣ наполовину. Лѣтомъ они бьютъ копьями заходящую въ прѣсныя воды лосось, разводятъ рѣпу, картофель, сѣютъ рожь, вымѣниваютъ на мѣха у русскихъ чай и сахаръ, а нѣкоторые держатъ коровъ. Кеннанъ увѣряетъ, что они приготовляютъ изъ кислаго молока, жаренаго творога и сладкихъ сливокъ, посыпаемыхъ сахаромъ и корицею, такое кушанье, которое было бы достойно занять мѣсто на столѣ цивилизованныхъ народовъ. Внутри ихъ домовъ господствуетъ величайшая чистота. Стѣны, потолокъ и полъ одѣты некрашеными, но гладкими, снѣжно-бѣлыми березовыми досками; окна снабжены выбойчатыми занавѣсками, а стѣны украшены американскими гравюрами. Только двери слишкомъ ужъ низки,—до такой степени, что иностранецъ, позвоночный столбъ котораго не выноситъ сильныхъ, привычныхъ только камчатскимъ жителямъ, изгибаній, долженъ ползкомъ проникать во внутренность жилья. Въ срединѣ села, которое всегда располагается между группами деревьевъ, на берегу многорыбной рѣки, стоитъ церковь, выстроенная въ камчатско-византійскомъ стилѣ, такъ какъ камчадалы обращены въ христіанство. Кромѣ полуострова, они живутъ еще на нѣкоторыхъ изъ острововъ Курильскаго архипелага.

ГЛАВА X.

Японія.

У восточныхъ береговъ Азіи, наиболѣе выдающихся къ востоку, лежитъ Японская имперія, безъ сомнѣнія, самое интересное въ настоящее время государство этой части свѣта. Японія стоитъ къ азіатскому континенту въ такомъ же приблизительно отношеніи, какъ Великобританія—къ европейскому; нужно только представить себѣ, что эта послѣдняя протянута вдоль французскихъ и испанскихъ береговъ. Какъ Великобританія была нѣкогда соединена съ Европою, такъ и Японскій архипелагъ соединялся съ азіатскимъ материкомъ; на это указываетъ существованіе на Японскихъ островахъ дикихъ млекопитающихъ животныхъ, изъ которыхъ пока извѣстны только: заяцъ, косуля, антилопа, медвѣдь, дикій кабанъ, лисица, красный и черный барсуки, выдра, куница и бѣлка. (Raphael Pumpelly. Across America and Asia. London. 1870 8°. P. 88). Замѣчательно, что въ Японіи мало домашнихъ животныхъ; изъ нихъ тамъ встрѣчаются только рогатый скотъ, лошади, двѣ породы собакъ и кошки. Овецъ, козъ иословъ, повидимому, совсѣмъ нѣтъ. Японская имперія состоитъ изъ четырехъ большихъ острововъ: Іессо, Гонсіу, ложно называемаго Нипономъ, Сикокъ и Кіузіу, и 3850 малыхъ острововъ, занимающихъ, всѣ вмѣстѣ, пространство отъ 330,000 до 440,000 кв. километровъ и имѣющихъ отъ 33 до 34 милліоновъ населенія. Самый сѣверный изъ большихъ острововъ—Іессо отдѣляется проливомъ Ла-Перуза отъ русскаго Сахалина и проливомъ Цугару (Сангарскимъ) отъ Нипона. Этотъ послѣдній, имѣющій фигуру нижней челюсти, самый большой изъ Японскихъ острововъ, въ южной своей, такъ сказать, вырѣзкѣ заключаетъ Сикокъ, самый меньшій изъ упомянутыхъ четырехъ большихъ острововъ; между ними лежитъ Суво-Нада, или «Внутреннее море». Этотъ широкій проливъ, наполненный островами, подводными камнями и скалами, отъ которыхъ весь онъ какъ-бы окаменѣлъ, богаче всякой иной части моря красотами природы. На востокѣ онъ оканчивается Линшотскимъ проливомъ, на сѣверо-западѣ переходитъ въ морской рукавъ, отдѣляющій одною своею вѣтью, Ванъ-деръ-Капелленъ, Кіузіу отъ Нипона, а другою—Бунго—Кіузіу отъ Сикока. Предбрежье японскихъ острововъ, по причинѣ безчисленныхъ скалистыхъ островковъ, мелей и коралловыхъ

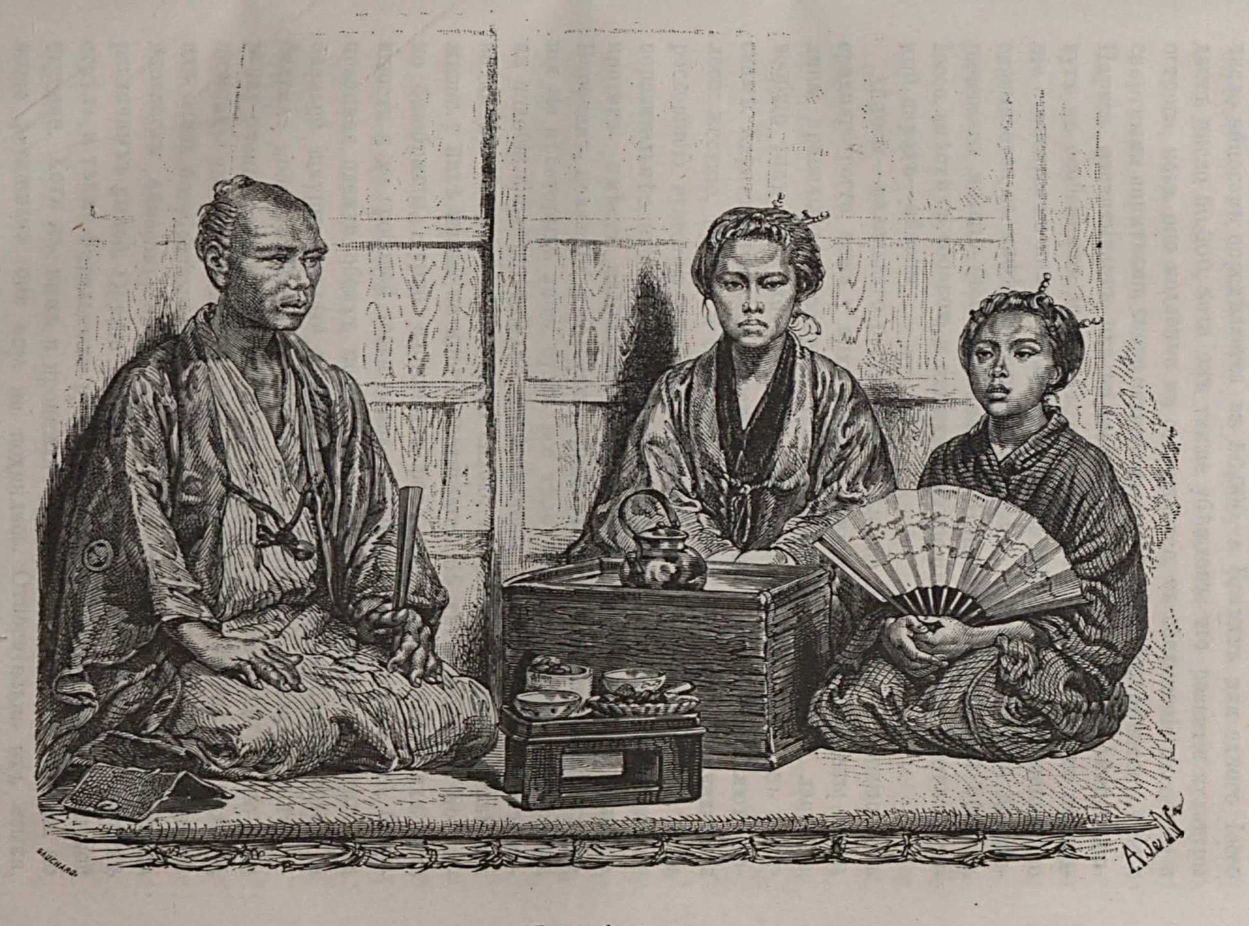
рифовъ, а Японское море по причинѣ водоворотовъ, смерчей и оркановъ (урагановъ) въ высшей степени опасно для судоходства Съ внутренностью отдѣльныхъ острововъ мы немного познакомились только нѣсколько лѣтъ тому назадъ; впрочемъ, наши географическія свѣдѣнія о Японіи, до сихъ поръ еще чрезвычайно незначительныя, ограничиваются преимущественно лишь важнѣйшими береговыми пунктами да ближайшими окрестностями ихъ.

Характеризуя Японскій архипелагъ въ общихъ чертахъ, мы можемъ сказать, что острова его гористы. Бо́льшіе изъ нихъ покрыты значительными горами съ вулканами, частью еще дѣйствующими и иногда восходящими въ область вѣчныхъ снѣговъ. Базальтъ и трахитовыя образованія, изъ которыхъ бьютъ горячіе ключи,—господствующія горныя породы. Землетрясенія часты. Климатъ умѣренный и здоровый. Берега Японіи лѣтомъ охлаждаются свѣжимъ морскимъ вѣтромъ, а зимою, такъ сказать, отапливаются экваторіальнымъ теченіемъ Тихаго океана. Берега, обращенные къ этому теченію, обладаютъ климатомъ самымъ мягкимъ; климатъ же сѣверныхъ береговъ холоднѣе, нежели климатъ областей Европы, лежащихъ подъ тѣми же широтами. На широтахъ Марселя и Гибралтара въ зимніе мѣсяцы въ Японіи лежитъ глубокій снѣгъ. Естественныя произведенія разнообразны; состояніе земледѣлія превосходно; производительность богата и пышна. Растительный міръ долинъ, составляющій рѣзкую противоположность флорѣ нагорной полосы, представляетъ роскошную, разнообразную картину. Извѣстно, что наша цвѣточная флора обогатилась многими красивыми растеніями именно изъ Японіи. Фрукты отличаются большими размѣрами, частью отъ природы, а частью отъ искусства садовниковъ. Японія производитъ самый лучшій въ мірѣ рисъ, чрезвычайно питательный. Разведеніемъ его трудолюбивые японцы занимаются особенно ревностно; вообще, каждый клочекъ земли обработывается ими такъ же тщательно, какъ въ Китаѣ. Кромѣ, того пищею жителей служатъ безчисленныя породы рыбъ и черепнокожихъ животныхъ, къ которымъ японецъ любитъ присоединять еще змѣй и разнаго рода пресмыкающихся. Изъ лѣсныхъ деревьевъ—камфорное, какъ стволъ, такъ и корень, составляетъ главный предметъ вывоза. Горы особенно изобилуютъ мѣдною рудою. Японія имѣетъ громадное количество городовъ, изъ которыхъ многіе довольно населенны; впрочемъ, ближе извѣстны лишь порты, сдѣлавшіеся доступными въ силу договоровъ. Сюда принадлежатъ: Гакодади на Іессо, портъ Нигата на западномъ берегу Нипона, Токіо (называвшійся прежде Іеддо), главный городъ имперіи, Канагава и Іокогама на восточномъ, Фіого или Гіого и Осака на южномъ берегу острова; наконецъ Нагасаки на Кіузіу и Нава на островахъ Ліукіу, составляющихъ южное продолженіе Японской имперіи. Внутри Нипона, недалеко

отъ большаго Бивакскаго озера, лежитъ городъ Міако—«японскій Римъ» и прежняя резиденція императора, болѣе употребительнымъ названіемъ которой въ настоящее время дѣлается Кіото. По народной переписи, произведенной японскимъ правительствомъ въ 1874 году, въ имперіи оказалось 33.300,675 жителей, а именно: 16.891,729 душъ мужескаго и 16.408,946 женскаго пола. Приростъ населенія съ 1872 г. опредѣляется въ 189,850 душъ. Въ 1874 году родилось 290,836 мальчиковъ и 278,198 дѣвочекъ, а умерло 208,092 лица мужескаго и 197,312 женскаго пола.

Въ доисторическое время первоначальными жителями Японіи были, по всей вѣроятности, айносы. Нынѣшніе японцы, перешедшіе съ азіатскаго материка, отчасти вытѣснили айносовъ къ сѣверу, отчасти цивилизовали и смѣшались съ ними. Въ настоящее время мѣстность, занимаемая айносами, ограничивается преимущественно островомъ Іессо; но еще въ VII столѣтіи послѣ Р. Х. весь почти Нипонъ, къ сѣверу отъ 38° сѣв. широты, находился въ ихъ исключительномъ владѣніи, и не безъ упорной борьбы они уступили его новымъ пришельцамъ. Слѣды смѣшенія съ айносами встрѣчаются главнымъ образомъ на сѣверѣ Нипона, гдѣ народъ этотъ держался наиболѣе долго и поэтому вступалъ въ сношенія съ японцами наиболѣе часто.

Айносы—первоначальные обитатели Курильскихъ острововъ, Сахалина и Іессо. Имъ тождественны или близко родственны гиляки, жители материка, противолежащаго Сахалину. Жившіе на материкѣ къ югу отъ Амура аборигены были, повидимому, также айносы, но они постепенно вытѣснялись возроставшимъ наплывомъ приморскихъ тунгузовъ, или ламутовъ, и другими тунгузскими племенами. Айносы—племя, стоящее на самой низкой ступени развитія; многіе изслѣдователи и вовсе отрицаютъ у нихъ способность къ развитію; мнѣніе это, впрочемъ, раздѣляется не всѣми наблюдателями. Капитанъ Блекистонъ увѣряетъ даже, что айносы обладаютъ значительными способностями и охотно пользуются всякимъ случаемъ, какой только представляется имъ, чтобы образовать себя. Тѣмъ не менѣе, какъ и всякій первобытный народъ, они не могутъ выдержать прикосновенія чуждой высшей культуры и погибаютъ. Въ этомъ совершенно согласны всѣ компетентные наблюдатели: Брандтъ, Блекистонъ, Пемпелли, Ст. Джонъ и другіе. Если этотъ процессъ длился въ Японіи цѣлыя столѣтія и еще не окончился, то это зависѣло, вѣроятно, оттого, что айносы постоянно уклонялись отъ смертоноснаго для нихъ вліянія чуждой культуры, подвигаясь къ сѣверу. Численность ихъ безпрерывно однако уменьшается и полное вымираніе—несомнѣнная судьба ихъ. Японцы утверждаютъ что на Іессо жи-



Японскіе типы.

Японскія лица

ветъ около 10,000 айносовъ; но англійскій флотскій офицеръ Ст. Джонъ считаетъ это число преувеличеннымъ. По другимъ источникамъ, число айносовъ опредѣляется въ 50,000, а Брандтъ для одного Іессо даетъ число 60,000, хотя онъ также убѣжденъ, что развитіе культуры острова, какъ оно медленно ни совершается, въ соединеніи съ оспою и спиртными напитками, скоро истребитъ послѣдніе слѣды айносовъ. Генри Парксъ насчитываетъ ихъ на Іессо отъ 25,000 до 30,000. Айносы живутъ въ особенныхъ деревняхъ, отдѣльно отъ японцевъ, и эти послѣдніе относятся къ нимъ съ глубокимъ презрѣніемъ. Такое отношеніе ясно сказывается въ мифѣ, состоящемъ въ томъ, что жена нѣкоего доисторическаго микадо была изгнана изъ Нипона на безлюдный островъ Іессо, вмѣстѣ съ собакою, и отъ ихъ соединенія произошелъ этотъ странный народъ—айносы.

Айносы—маленькаго роста: самые высокіе изъ нихъ не превышаютъ средняго роста; кожа у нихъ темная, темнѣе, чѣмъ у японцевъ; черты лица правильны, выраженіе лица кроткое, добродушное и ласковое; вообще типъ ихъ сходенъ болѣе съ европейскимъ, чѣмъ съ азіатскимъ. Характерную особенность ихъ наружнаго вида составляютъ волоса: жесткіе, прямые и торчащіе, но всегда черные и отличающіеся роскошною густотою какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ; это тѣмъ поразительнѣе, что населеніе сосѣдней части азіатскаго материка, напротивъ, имѣетъ накожную растительность гораздо болѣе слабую. Впрочемъ, показанія о волосахъ айносовъ весьма разнорѣчивы; увѣренія же нѣкоторыхъ лицъ, будто все тѣло айносовъ покрыто волосами, на подобіе шерсти, очевидно, преувеличены. Айносы не обладаютъ, повидимому, большою мускульною силою, и средняя продолжительность жизни у нихъ низка: не многіе достигаютъ 55 лѣтъ. Женщины довольно безобразны, дурно сложены и рано старѣются; жизнь ихъ отъ юности и до гробовой доски полна изнурительныхъ напряженій. Обыкновенная одежда обоихъ половъ состоитъ изъ кафтана, сшитаго изъ оленьей шкуры, который простирается до колѣнъ и охватывается на бедрахъ поясомъ. Женщины татуируютъ себѣ лицо, накладывая татуировку очень слабаго синяго цвѣта вокругъ губъ въ видѣ кольца и на нижнихъ частяхъ щекъ, въ формѣ закрученныхъ усовъ, что̀ дѣлаетъ ихъ очень безобразными. Всѣ путешественники жалуются на нечистоплотность айносовъ; она способствуетъ распространенію множества различныхъ сыпей. Оружіе айносовъ состоитъ изъ лука и ядовитыхъ стрѣлъ, а также фитильныхъ ружей. Искусства стоятъ у нихъ на низкой ступени. Хотя къ нимъ и проникли нѣкоторыя понятія буддизма, но выше фетишизма они еще не поднялись. Относительно ихъ языка, который, конечно, есть только языкъ устный, изслѣдователи еще не согласны между собою. На островахъ Іессо и Кунаширѣ, лежащемъ къ сѣверо-востоку отъ Іессо, береговые айносы находятся въ полной зависимости отъ японцевъ. Прежній повелитель острова Іессо, князь

Матсмайскій, разрѣшилъ имъ одинъ лишь промыселъ—рыболовство. Они обязаны платить своему повелителю ясакъ мѣхами и сушеною рыбою, и только по этому случаю нѣкоторые изъ айносовъ появляются въ городахъ Матсмай и Гакодади,—чтобы вымѣнять избытокъ мѣховъ и рыбы, единственныя произведенія ихъ нынѣшняго непріютнаго отечества, на рисъ и охотничьи принадлежности. Японцы пользуются ихъ услугами не только въ дѣлахъ рыболовства и охоты, но и въ собираніи водорослей. Хотя внутри острововъ айносы могутъ дѣйствовать свободнѣе, тѣмъ не менѣе они предпочитаютъ жить по берегамъ, потому что здѣсь легче могутъ быть добываемы средства къ жизни. Въ одномъ только мѣстѣ Блекистонъ наблюдалъ айносовъ, занимавшихся обработкою почвы; это именно у Вулканическаго залива, гдѣ онъ видѣлъ хорошіе посѣвы картофеля, проса и рѣпы. (См. Ausland 1873, Nr. 44, S. 75, Nr. 46, S. 911).

Что касается нынѣшнихъ японцевъ, то они принадлежатъ къ племенамъ возвышенной части Азіи и между этими племенами занимаютъ, какъ въ физическомъ, такъ и духовномъ отношеніяхъ, первое мѣсто. Стройные, не маленькаго роста и не обрюзглые, какъ китайцы, со станомъ меньшимъ, чѣмъ у европейцевъ, съ узкими глазными разрѣзами и темнымъ цвѣтомъ кожи, мужчины пользуются большею частью черезвычайно мускулистымъ сложеніемъ. На сколько непріятны вообще черты лица въ мужскомъ населеніи, на столько, напротивъ, привлекательна, по довольно согласному приговору всѣхъ наблюдателей, наружность японокъ высшаго класса. Многія изъ нихъ обладаютъ столь же бѣлымъ цвѣтомъ кожи, какъ и самыя прекрасныя изъ европеянокъ. Народный языкъ японцевъ признается современными филологами самостоятельнымъ, и если есть въ немъ признаки родства съ какимъ-либо другимъ языкомъ, то скорѣе всего съ манджурскимъ и чистыми монгольскими; утверждаютъ, впрочемъ, что японскій языкъ въ устахъ женщинъ звучитъ столь же музыкально, какъ и итальянскій. Теоретическое изученіе его представляетъ не бо̀льшія трудности, чѣмъ и изученіе какого-либо изъ современныхъ европейскихъ языковъ.

Не смотря на это, при изученіи японскаго языка, какъ книжнаго, такъ и разговорнаго, учащемуся приходится раскусить довольно твердый орѣхъ. Такъ, русскій путешественникъ Головнинъ, долгое время находившійся въ плѣну у японцевъ, разсказываетъ, что, напр., слово *фи* (огонь) выговаривается какъ *фи*, *ги*, *хси*, *фси*, и ни одинъ европеецъ, не смотря на всю гибкость своего языка, не съумѣетъ произнести этого слова съ особеннымъ шипѣніемъ сквозь зубы, — какое выходитъ у

японца. Онъ самъ два года мучился надъ этимъ—и все-таки безуспѣшно. То же и со словомъ *нга*, которое пишется *га*—паденіе. Онъ нѣсколько разъ пытался произнести правильно это слово, но ни разу нѣжное ухо японцевъ не было удовлетворено. Съ другой стороны, ни одинъ іеддоецъ не можетъ произнести надлежащимъ образамъ наше *р*: оно у него выходитъ гортаннымъ; еще хуже—съ буквою *л*, которой въ японскомъ алфавитѣ вовсе не существуетъ и которая всегда замѣняется буквой *р*. Если слово оканчивается на *у*, то оно совершенно проглатывается, а буква *и*, если она также стоитъ на концѣ слова, произносится шепотомъ. Каждая почти провинція Японіи имѣетъ свое особое нарѣчіе, и разница ихъ отъ кореннаго языка тѣмъ значительнѣе, чѣмъ дальше мѣстность отъ главнаго города. Въ Нингако всѣ говорятъ самымъ лучшимъ японскимъ языкомъ,—такимъ, какой въ Іеддо распространенъ только въ высшихъ классахъ. Прибавимъ къ этому, что выговоръ мужчинъ и женщинъ неодинаковъ, къ чему ухо не такъ легко привыкаетъ. На первый взглядъ можетъ показаться, что трудности грамматики менѣе велики, чѣмъ на самомъ дѣлѣ: въ ней нѣтъ члена, рода и множественнаго числа. Но если углубиться далѣе, то наталкиваешься на такое обиліе оборотовъ, оттѣнковъ, измѣненій, что начинаешь серьезно сожалѣть объ отсутствіи упомянутыхъ грамматическихъ формъ, которыя составили бы, при наличныхъ условіяхъ, весьма существенное облегченіе. (Ефимъ Кудрявскій: Japan und seine Literatur, въ Ausland 1875, Nr. 27, S. 525—526). Еще досаднѣе съ письмомъ. Японцы—единственный изъ извѣстныхъ до сихъ поръ народовъ, который, по доброй волѣ, безъ внѣшняго принужденія, приняли отъ чужаго народа письмо, литературу, философію и мораль. Къ сожалѣнію, всѣ эти сокровища они заимствовали отъ китайцевъ, причемъ китайское письмо удержали и послѣ того, какъ былъ составленъ настоящій фонетическій алфавитъ изъ 47 буквъ. Какъ все у нихъ носитъ двойственный характеръ, такъ и этотъ фонетическій алфавитъ состоитъ собственно изъ двухъ алфавитовъ: одинъ называется катакана, другой фирагана. Изъ этого возникаетъ то затрудненіе, что должно знать китайскіе идеографическіе знаки да еще двойной фонетическій алфавитъ, ибо японцы постоянно смѣшиваютъ всѣ эти три способа писанія. Китайскіе знаки, въ свою очередь, раздѣляются на три рода: одинъ существуетъ исключительно для печатанія и поэзіи, другой—для документовъ, третій—для обыденнаго употребленія.

Еще почтенный Тунбергъ замѣтилъ, что изъ всѣхъ народовъ земнаго шара японцы ближе всѣхъ стоятъ по своей цивилизаціи къ европейцамъ. Этимъ сходствомъ они обязаны своему особенному умѣнью заимствовать хорошее изъ чужихъ краевъ. Обладая гибкимъ и подвижнымъ умомъ, японцы отличаются въ то же время любознатель-

ностью и пониманіемъ высшихъ интересовъ. Характеръ ихъ, вообще добродушный и симпатичный, особенно въ сравненіи съ характеромъ другихъ народовъ монгольскаго племени, напр. китайцами, всего менѣе дѣтскій или ребяческій и проявляетъ добродѣтели, подъ которыми, однако, скрываются фальшивость, недовѣрчивость, коварство и мстительность, преслѣдующая свою жертву подъ личиною сердечной дружбы нерѣдко по цѣлымъ годамъ. Страсть къ наживѣ и чувственность также составляютъ оборотную сторону натуры японца, вполнѣ умѣющаго обольстить иностранца своею милою веселостью. Японцы въ высшей степени вѣжливы и любезны, что относится не только къ высшимъ, но и къ низшимъ, даже къ самымъ низшимъ классамъ народа; вмѣстѣ съ тѣмъ они храбры и способны воодушевляться подвигами своихъ предковъ. Это — народъ воинственный, умѣющій презирать смерть, какъ никакой другой, и обладающій до болѣзненности развитымъ чувствомъ чести. Въ этомъ чувствѣ, ведущемъ часто къ единоборствамъ,—источникъ особеннаго обычая гаракири, или распарыванія брюха, столь же ненормальнаго, какъ и жестокаго способа самоубійства, практикуемаго въ Японіи съ незапамятныхъ временъ.

Подробное описаніе самаго процесса очевидцами (Ausland 1869, Nr. 47, S. 1110—1113) снова подтверждено барономъ Генрихомъ фонъ-Зибольдомъ (Wiener Abendpost 1874, Nr. 63), и мы приводимъ изъ статьи этого правдиваго человѣка слѣдующую выдержку: «Если гаракири производится по повелѣнію правительства или князя, который также пользуется правомъ присужденія къ гаракири, то оно выполняется въ присутствіи спеціально на этотъ случай отряжаемыхъ чиновниковъ и другихъ свидѣтелей, призываемыхъ для того, чтобы строго наблюдать за точнымъ соблюденіемъ предписываемыхъ для такого акта правилъ и формальностей, которыя, приблизительно, состоятъ въ слѣдующемъ: Операція производится обыкновенно ночью, въ храмѣ или подъ открытымъ небомъ, и только высокопоставленнымъ особамъ предоставляется въ распоряженіе особенная комната, приготовленная для этого друзьями и самимъ княземъ, которые видятъ для себя большую честь въ томъ, что ихъ домъ или замокъ употребляется для такой благородной цѣли. Комната драпируется бѣлымъ шелкомъ (траурный цвѣтъ у японцевъ), но должна имѣть совершенно простую обстановку; такова же и одежда, въ которую, по правиламъ, долженъ облекаться гаракирецъ. Комната освѣщается лишь нѣсколькими свѣчами, такъ что въ ней царствуетъ таинственный полумракъ. Осужденный опускается на небольшомъ возвышеніи на колѣни, обращаясь лицомъ къ сѣверу, а свидѣтели молчаливо обступаютъ его полукругомъ. Затѣмъ торжественно читается приговоръ

и такъ же торжественно, съ соблюденіемъ извѣстныхъ формъ, кладется на табуретѣ обернутый въ гладкую бѣлую шелковую матерію, чрезвычайно острый кинжалъ, отъ 6 до 9 дюймовъ длиною. Послѣ этого, гаракирецъ объявляетъ свою послѣднюю волю и проситъ заранѣе избраннаго для этого друга нанести ему, послѣ выполненія предстоящей операціи, рѣшительный ударъ въ голову своимъ мечемъ, — дружеская, услуга, въ которой никогда не отказываютъ; наконецъ, гаракирецъ схватываетъ предложенное ему оружіе, обнажаетъ надлежащее мѣсто своего тѣла и съ невозмутимымъ спокойствіемъ, придающимъ этому акту высокое моральное значеніе, дѣлаетъ себѣ разрѣзъ слѣва направо въ 4 дюйма глубиною; въ это время стоящій позади другъ его ловкимъ ударомъ отдѣляетъ ему отъ туловища голову, которую и показываетъ затѣмъ собранію. Было бы величайшимъ стыдомъ для человѣка, рѣшившагося па гаракири, если бы онъ затруднился исполнить надъ собою операцію, и въ тотъ моментъ, когда онъ наклоняется, чтобы взять предложенный ему кинжалъ, былъ умерщвленъ мечемъ. Подобное уклоненіе вызвало бы къ нему глубочайшее презрѣніе. Но еще болѣе тяжкое нравственное униженіе испыталъ бы онъ, если бы, вытягивая кинжалъ изъ ноженъ, замѣтилъ, что, вмѣсто стальнаго клинка, ему поднесли бамбуковый или, просто, дамскій вѣеръ, — знакъ, что его считаютъ неспособнымъ на мужественный поступокъ, или недостойнымъ его. Японцы такъ проникнуты сознаніемъ высокаго рыцарскаго значенія гаракири и такъ увѣрены, что эта, по ихъ мнѣнію, рѣшительная проба мужества гарантируетъ имъ безсмертную славу, что они съ легкостью преодолѣваютъ физическое страданіе. Никогда еще не слыхали жалобнаго звука отъ достойнаго гаракирца; кто предварительно выражаетъ сомнѣніе, позволятъ ли ему силы его организма заглушить крики физическаго страданія, тому доброе имя спасаетъ, разумѣется, его другъ: быстро снимая ему голову, онъ не допускаетъ вырваться позорному стону изъ мужественной груди. Гаракири въ той формѣ, какъ оно описано выше, практикуется и въ настоящее время. Офицеръ, чиновникъ, полицейскій предаются ему съ радостью или, по крайней мѣрѣ, съ легкостью по самому незначительному поводу: самаго незначительаго упрека со стороны начальника совершенно достаточно для этого. Другой видъ гаракири, къ которому часто прибѣгаютъ въ настоящее время самураи, когда имъ случается запутываться въ дѣлахъ чести, состоитъ въ томъ, что они лишаютъ себя жизни безъ всякой посторонней помощи, проявляя еще болѣе удивительное присутствіе духа и мужество, а именно: распоровъ брюхо, они еще собственноручно перерѣзываютъ себѣ горло. Этотъ видъ самоубійства пользуется въ Японіи особенно высокимъ почетомъ, а самый самоубійца и его родственники, которые, подъ вліяніемъ чувства удивленія предъ геройскимъ подвигомъ близкаго человѣка, совершенно забываютъ о печали,—возбуждаютъ къ себѣ всеобщее уваженіе, считаются мучениками чести, и даже самое маленькое, пятнышко не можетъ

остаться на нравственной физіономіи этого мученика. Близкое знакомство съ требованіями гаракири считается признакомъ хорошаго тона. Въ Японіи существуетъ объ этомъ предметѣ самостоятельная литература, которая содержитъ въ себѣ не только подробное изложеніе правилъ этого кроваваго обычая, но также и большое количество выдающихся случаевъ его примѣненія».

Всѣ путешественники въ одинъ голосъ утверждаютъ, что иностранцу все въ Японіи, на чемъ ни остановился бы его взоръ, представляется сказкою, получившею только плоть и кровь реальной дѣйствительности; здѣсь все его поражаетъ, изумляетъ, возбуждаетъ въ немъ живѣйшее удивленіе. Здѣсь онъ постоянно задаетъ себѣ вопросъ: дѣйствительно-ли все, окружающее его, существуетъ, или это только сонъ, разсказъ изъ тысячи и одной ночи? Такъ сильно отличаются отъ нашихъ жизнь и дѣятельность японскаго народа.

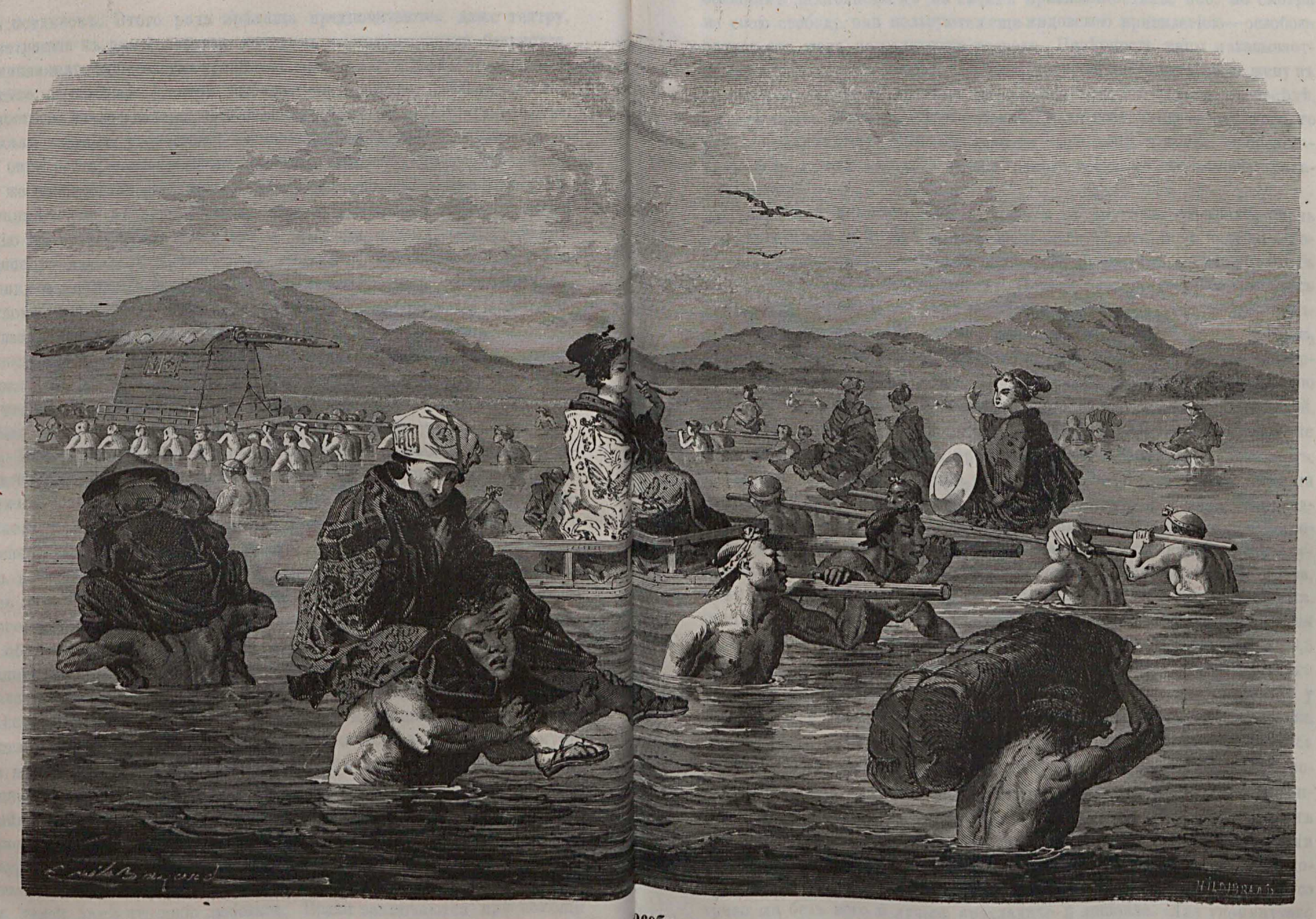
Въ Японіи, разсказываетъ баронъ Гюбнеръ (Promenade autour du monde. Paris. 1873. 8°. 2 vol.), не каждое наблюденіе котораго, конечно, можетъ быть принято безъ провѣрки,—все смотритъ какъ-то весело. Все улыбается въ этой странѣ: небо, растительность, люди. Вы постоянно слышите здѣсь болтовню и шутки; на всѣхъ лицахъ ясно сказывается безпечность и какое-то легкое отношеніе къ жизни; при этомъ японцы въ высшей степени любезны и вѣжливы. И это замѣчается не только въ чайныхъ, въ обществѣ прекрасныхъ японскихъ дѣвушекъ, но и у носильщиковъ паланкина, на плечахъ которыхъ путешественникъ со всѣмъ своимъ багажемъ совершаетъ свое странствованіе. Точно также и японскіе нищіе не ищутъ состраданія слезами и жалкими кривляніями, какъ наши нищіе, но различными шутками и комическою мимикою стараются возбудить смѣхъ и этимъ способомъ добыть себѣ щедрую милостыню. Здѣсь всѣ предаются на досугѣ увеселительнымъ играмъ, какъ дѣти. Баронъ Гюбнеръ видѣлъ лицъ трехъ различныхъ поколѣній: дѣда, отца и внука, которые съ большимъ увлеченіемъ занимались запусканіемъ фантастически разукрашеннаго змѣя; сжиганіе фейерверковъ днемъ также принадлежитъ къ числу любимыхъ забавъ японцевъ. Большая часть сжигаемыхъ при фейерверкахъ предметовъ состоитъ изъ ракетъ и бомбъ, которыя высоко взлетаютъ въ воздухѣ и потомъ не сгараютъ огнемъ, а извергаютъ пестрый, великолѣпнѣйшихъ цвѣтовъ дымъ, или разсыпаются бумажными и проволочными фигурами, плавно, медленно возвращающимися на землю.

Въ каждомъ городѣ существуетъ особенная часть, называемая Іосиварою, гдѣ преимущественно сосредоточиваются увеселительныя мѣста. Въ главномъ городѣ Токіо такая Іосивара заключаетъ 394 чайныхъ; ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ публичными домами, которыхъ, въ

свою очередь, считается въ Іосиварѣ 153, съ 3289 обитательницъ, — число поразительно малое для такого города, какъ Іеддо (почти равнаго по величинѣ Берлину). Болѣе мелкіе «цвѣтники» находятся и въ другихъ частяхъ города; далѣе—существуютъ гостинницы съ такъ называемыми прислужницами. Иногда можно видѣть бѣдныхъ дѣвушекъ, принадлежащихъ къ самымъ низшимъ слоямъ населенія, разряженныхъ, съ набѣленными шеями, нарумяненными щеками, позлащенными губами и вычерненными зубами, сидящихъ въ вечерніе часы передъ своими жилищами, гдѣ онѣ предлагаютъ себя на выборъ всякому проходящему. Шумъ и назойливость, которые совсѣмъ ненавистны природѣ японца, наблюдаются только въ портахъ. Однако же и въ Іосивари бываетъ довольно оживленно. Съ семи часовъ вечера до поздней ночи по улицамъ шатаются фигляры, комики, гимнастеры, давая здѣсь свои представленія, которыя столь же забавны, какъ и интересны. Здѣсь есть также театры. Плата за входъ небольшая; тамъ вы видите публику, расположившуюся въ лежачемъ положеніи всюду—въ партерѣ, ложахъ, въ галереѣ. Въ серединѣ пространства, занимаемаго зрѣтелями, между сценою и партеромъ, перекинуты на высотѣ около одного метра мостки, по которымъ приходятъ и уходятъ актеры, ибо на подмосткахъ нѣтъ никакихъ кулисъ; на заднемъ планѣ видно только мѣсто дѣйствія. Сцена состоитъ изъ движущагося круга. Въ то время какъ одна часть ея представляетъ, напр., комнату, другая часть ея, невидимая для публики, устанавливается новою декораціею, затѣмъ простымъ поворотомъ круга комната внезапно превращается, напримѣръ, въ садъ. Оркестръ состоитъ изъ однѣхъ дѣвушекъ, которыя держатъ въ рукахъ японскія лютни, сопровождая произносимыя актерами слова звонкою игрою на этихъ инструментахъ. Театръ освѣщается свѣчами, сдѣланными изъ бумаги, пропитанной саломъ, и распространяющими больше дыму, нежели свѣта, такъ что, не смотря на множество этихъ бумажныхъ свѣчей и не смотря на старанія наблюдающаго за свѣчами, который обѣгаетъ весь театръ, безпрерывно снимая обуглившуюся часть бумажнаго фитиля, въ театрѣ поддерживается въ высшей степени недостаточное освѣщеніе, и лишь съ трудомъ удается видѣть, что происходитъ на сценѣ. Когда появляется какой-либо выдающійся актеръ, то его особо иллюминуютъ: маленькій мальчикъ, входящій за нимъ въ возможно наклоненномъ положеніи, держитъ передъ его носомъ во все продолженіе рѣчи двѣ свѣчи, укрѣпленныя на длинныхъ шестахъ, что въ цѣломъ представляетъ въ высшей степени комическое зрѣлище. Хотя европеецъ мало понимаетъ общій смыслъ того, что слышитъ и видитъ на сценѣ, но отдѣльныя мѣста бываютъ для него совершенно ясны; впрочемъ, эти отдѣльныя сцены до такой степени обыкновенны, что зритель-европеецъ ощущаетъ скоро непреодолимое влеченіе къ выходнымъ дверямъ. («Schwab. Merkur» vom 14 Jan. 1875).

Одну изъ самыхъ любимыхъ народныхъ забавъ у японцевъ состав-

ляетъ поединокъ. Этого рода зрѣлища предпочитаются даже театру, и пристрастіе къ нимъ публики доходитъ до совершеннаго безумства, напоминающаго неистовства испанцевъ при бояхъ быковъ. Японецъ — существо, въ высшей степени любящее наслажденія. Первая его потребность въ началѣ вечера, посвященнаго dolce far niente,—ванна. Онъ не ждалъ введенія утонченной европейской цивилизаціи, чтобы полюбить опрятность; состоятельныя семейства имѣютъ собственныя бани; лица же несостоятельныя пользуются общественными купальнями, находящимися еще въ первобытномъ состояніи. Европеецъ, явившійся въ Японію съ извѣстными понятіями о приличіи и стыдливости, будетъ совершенно изумленъ при первомъ взглядѣ на купальни, гдѣ молодыя дѣвушки и женщины всякаго возраста купаются открыто, цѣлымъ обществомъ, не обращая никакого вниманія на любопытные и нескромные взоры проходящихъ, которые могутъ совершенно безпрепятственно созерцать съ улицы эту картину. Несправедливо было бы, однако, говорить, что японцы лишены чувства стыда, на томъ только основаніи, что оба пола имѣютъ обыкновеніе купаться вмѣстѣ, или что молодая «мусме» забываетъ закрыть окно, около котораго совершаетъ свой туалетъ. Въ японскихъ домахъ, какъ и въ дѣтской колыбели, игнорируется то, что называется стыдомъ и обусловливается въ сущности только климатомъ. Японецъ не менѣе негра удивится, если ему сказать, что онъ поступаетъ безнравственно, купаясь въ обществѣ женщинъ. Безобразія въ отношеніяхъ между полами въ Японіи встрѣчаются отнюдь не чаще, чѣмъ во всякой другой странѣ. Правда, любовь и бракъ понимаются здѣсь наивнѣе, если хотите—проще, но во всякомъ случаѣ не менѣе строго, чѣмъ у насъ. Бракъ здѣсь — простая формальность, письменное обѣщаніе, которымъ обмѣниваются между собою стороны. Объяснившись съ родителями, женихъ вводитъ невѣсту въ свой домъ — и только; нѣтъ никакого вмѣшательства со стороны религіи или закона. Невѣста становится послѣ этого хозяйкою, матроною. Она ведетъ хозяйство, повелѣваетъ прислугою и посвящается въ дѣла своего мужа. Она несетъ на себѣ всю отвѣтственность въ домѣ. Новая жизнь ея посвящается не удовольствіямъ, но самоотреченію. Первый актъ ея, какъ хозяйки дома,—принесеніе въ жертву своей красоты. Она дѣлаетъ себя старою и безобразною: сбриваетъ себѣ брови, покрываетъ зубы черною глазурью, такъ что если она открываетъ ротъ и обнаруживаетъ полость его, то даже самому отъявленному льстецу трудно было бы сказать такой дамѣ что либо любезное. Браки заключаются при помощи посредника, который беретъ на себя обязанность заботиться, чтобы бракъ былъ счастливъ. Японецъ можетъ имѣть лишь одну законную жену, и только если онъ принадлежитъ къ дворянству, содержитъ еще двѣ или четыре наложницы, которыя часто, въ интересахъ семейнаго согласія, избираются самою супругою, предлагающею ихъ своей дражайшей половинѣ въ видѣ подарка. Японскіе мужья не отличаются



Японскій способъ переправы.

большимъ постоянствомъ въ своихъ привязанностяхъ, ибо, не смотря на свою свободу, они пользуются еще жидовскою привилегіею—освобождаться отъ женъ посредствомъ развода. Невѣрность жены наказывается самымъ строгимъ образомъ. Мужъ, который застанетъ свою жену въ комнатѣ наединѣ съ другимъ мужчиною, хотя бы только въ бесѣдѣ, имѣетъ право убить на мѣстѣ обоихъ. Если гость уйдетъ отъ него, то онъ все-таки можетъ пожаловаться на свою жену, и тогда, ее обезглавятъ; если же онъ лишаетъ жизни одного гостя, то его самого предаютъ смерти.

Прекрасный полъ въ Японіи, какъ и въ другихъ странахъ, очень любитъ нравиться и наряжаться. Монгольскій типъ лица наноситъ вообще довольно незначительный ущербъ его прелестямъ, но ущербъ этотъ возмѣщается искуснымъ туалетомъ. Первая одежда, которая у японокъ надѣвается прямо на голое тѣло, «фтано», представляетъ родъ передника, приблизительно въ 4 метра шириною и въ одинъ метръ длиною, къ обоимъ верхнимъ угламъ котораго прикрѣплены ленты. Фтано обвертывается сзади напередъ, такъ чтобы боковыя полотнища лежали одно на другомъ на животѣ и на бедрахъ. Оно дѣлается изъ разноцвѣтной, большею же частью красной, шелковой матеріи или крепа и столь же элегантно, какъ и остальныя принадлежности туалета японскихъ дамъ. Когда японка опоясалась фтано, тогда она надѣваетъ, смотря по времени года и по тому, одѣвается-ли она по домашнему, или дѣлаетъ праздничный туалетъ, два или болѣе, иногда пять, шесть длинныхъ широкихъ, похожихъ на халатъ, платьевъ, называемыхъ «кійемонъ» и спускающихся до полу. Они сшиты обыкновенно изъ шелка или крепа, нижніе—бѣлаго или свѣтлаго, верхнее—бо́льшею частью темнаго цвѣта. Зимніе кійемоны подбиты ватою. Поверхъ всѣхъ кійемоновъ обвивается особенный поясъ—«оби», длиною отъ $2^1/_2$ — 3 метровъ, шириною 0,3 метра, изъ бархата или самой тяжелой шелковой матеріи. Концы его затягиваются въ видѣ четыреугольнаго узла обыкновенно на спинѣ; у дамъ же Іосивари—ниже груди. Мать носитъ своего груднаго ребенка въ особенной повязкѣ на спинѣ и отъ такого груза не освобождается даже во время занятій хозяйственными работами. Зонтикъ и вѣеръ составляютъ необходимую принадлежность какъ мужчины, такъ и женщины. Почти третья часть мужчинъ ходятъ нагими, нося на себѣ одинъ только поясъ; они обыкновенно татуируются великолѣпными голубыми и красными узорами. Это — большею частью люди изъ класса рыболововъ, кули и бетто (конюхи), у которыхъ татуировка замѣняетъ собою трико; да безъ него и лучше: прохладнѣе и дешевле. Для упомянутаго украшенія предназначаются плечи и руки, спина, бедра — преимущественно одной половины тѣла. Подобная неправильность не можетъ удивлять, если принять во вниманіе пристрастіе японцевъ къ произвольному, безпорядочному распредѣленію цвѣтныхъ украшеній на фарфорѣ и лакированныхъ предметахъ. Особенно часто встрѣчаются чело-

вѣческія фигуры или ихъ части, около $^1/_3$ или $^1/_2$ натуральной величины; нѣтъ недостатка и въ непристойныхъ изображеніяхъ, которыми ихъ обладатель, повидимому, особенно важничаетъ. Наиболѣе употребительныя краски — киноварь и черная тушь. Остальная часть мужскаго населенія носитъ почти такую же одежду, какъ и женщины. Патриціи, князья, дайміо и т. д. одѣваются въ шелкъ, а прежде носили еще за поясомъ два меча, какъ знаки своего достоинства; точно также они одни только имѣли привилегію ѣздить верхомъ и отращивать на головѣ волосы. Недавно это послѣднее дозволено и обыкновеннымъ гражданамъ; прежде же они ходили съ обстриженною головою, что въ особенности мальчикамъ придавало очень забавную наружность. Вообще, что касается волосъ на головѣ, — у японцевъ наблюдается большое различіе. Буддистскіе монахи стригутъ голову наголо; служители культа Синто носятъ свою особенную прическу; доктора, состоящіе на службѣ у дайміо, и другія лица опять имѣютъ другую прическу. Самый обыкновенный видъ головнаго убора такой:на остриженной головѣ лежитъ сзади напередъ короткая коса, пояпонски «ками-іотари», которая у корня связывается бумажною ленточкою и укрѣпляется на черепѣ посредствомъ помады «бингзо», приготовленной изъ масла плодовъ Camelia Sesanqua. Панталоны—«патье»—не составляютъ въ Японіи общеупотребительной части одежды и носятся главнымъ образомъ только солдатами, путешественниками, крестьянами, носильщиками, вообще лицами, которыя должны двигаться много и свободно. Дома большею частью одноэтажные, почти цѣликомъ выстроенные изъ бамбука, съ выдающеюся крышей для защиты отъ дождя. Мебели въ нихъ не существуетъ. Вы не увидите ни стола, ни стула; даже кровать составляетъ роскошь, незнакомую японцамъ. Это одинаково справедливо какъ для бѣднаго, такъ и для богатаго дома, каково жилище микадо, и только по болѣе или менѣе роскошнымъ матамъ вы узнаете разницу въ сословномъ положеніи и въ степени состоятельности обитателей. Иностранцамъ (франкамъ) отводятся въ гостинницахъ всегда самыя плохія комнаты: лучшихъ комнатъ имъ не подобаетъ, — онѣ устланы очень дорогими матами («татами»), а такъ какъ иностранцы не могутъ отстать отъ своей грубой привычки ходить въ комнатѣ въ сапогахъ, то они портили бы богатое убранство комнаты больше, чѣмъ сколько получаетъ гостинница за свои услуги по обыкновенному счету. Постель японца состоитъ изъ тюфяка; поверхъ него накладывается очень широкая ватная одежда съ рукавами, въ которую японецъ, собирающійся спать, заползаетъ; затѣмъ онъ покрывается еще другимъ одѣяломъ. Изголовьемъ (макура) служитъ деревянный ящичекъ въ 0,20 метровъ длины, 0,10 метровъ высоты и 0,5 м. верхней ширины; онъ покрывается бумажною подушкою, которую для чистоты каждую ночь перемѣняютъ. Затылокъ спящаго не долженъ касаться подушки, ибо въ противномъ случаѣ испортилась бы прическа. Дома изъ камня имѣютъ

только люди зажиточные. Во всѣхъ другихъ жилищахъ стѣны, даже наружныя, состоятъ изъ бамбуковой рѣшетки, такъ что съ улицы можно видѣть насквозь, черезъ четыре или пять комнатъ, что дѣлается во дворѣ. Вмѣсто бамбука, для стѣнъ часто употребляется бумага, пропитанная масломъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Іеддо, среднимъ числомъ, въ каждыя семь лѣтъ сгораетъ совершенно и опять вновь застраивается. Маленькія открытыя жаровни («хебачи»), устанавливаемыя на полу, покрытомъ матами, служатъ для отапливанія жилища, варки пищи и источникомъ огня для разныхъ другихъ нуждъ. Употребленіе бумаги вмѣсто стекла въ лампахъ, фонаряхъ и т. д. встрѣчается всюду, и потому общераспространенная привычка японскихъ дѣтей играть огнемъ дѣлается еще болѣе опасною. Города въ Японіи раздѣлены на пожарныя части, которыя каждую ночь правильно объѣзжаются пожарными досмотрщиками — «канабосами». Каждая такая часть располагаетъ хорошо организованною пожарною командою — «чеказе», каланчою, караульнею и депо. Проворство, мужество и терпѣливость пожарной команды вошли въ поговорку. Замѣчательно, что японецъ считаетъ неприличнымъ употреблять носовой платокъ, какъ это дѣлаютъ европейцы; вмѣсто платка, онъ носитъ четыреугольный кусокъ бумаги, который каждый разъ, удовлетворивъ своему назначенію, выбрасывается тотчасъ же. Мужчины, равно какъ и женщины, курятъ легкій, очень мелкой крошки табакъ изъ маленькой стальной трубки, вмѣщающей очень мало табаку, такъ что послѣ каждыхъ четырехъ или пяти затяжекъ приходится набивать ее снова. Курильщиковъ опіума среди туземцевъ не встрѣчается. Главную пищу жителей составляютъ, какъ и у китайцевъ, рисъ, рыба и произведенія садовъ. Кулинарное искусство въ Японіи находится въ цвѣтущемъ состояніи и направляется именно къ тому, чтобы одинъ и тотъ же питательный продуктъ приготовить въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Если европеецъ желаетъ отвѣдать кушанье японскаго приготовленія, то долженъ прежде всего выучиться обращаться съ палочками; иначе онъ рискуетъ подвергнуться насмѣшкамъ со стороны хозяина, пригласившаго его къ своему столу. Пріятно при этомъ то, что за самый роскошный обѣдъ приходится платить лишь самую бездѣлицу, какъ и вообще за все содержаніе. Это обстоятельство дѣлаетъ понятнымъ, почему въ Японіи въ такомъ ходу изумительно мелкая размѣнная монета. Одною желѣзною монеткою ихъ на долларъ идетъ десять тысячъ) можно бѣдняка сдѣлать счастливымъ. Эта же монетка составляетъ обыкновенно и ту лепту, которую бросаютъ въ жертвенный ящикъ, выставленный передъ каждымъ алтаремъ.

Японскіе храмы отличаются совершенно своеобразнымъ устройствомъ и часто колоссальными размѣрами; они наполнены разнаго рода истуканами — порожденіемъ самой дикой фантазіи, какими-то пугалами сдѣланными для того, чтобы возбуждать въ посѣтителяхъ храма не лю-

бовь и надежду, а страхъ. Въ каждый праздничный день ко храму тянутся густыя толпы японцевъ, но не для одной только молитвы, — ей посвящается лишь небольшая часть дня, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для того, чтобы провести время въ большомъ обществѣ. При каждомъ болѣе или менѣе значительномъ храмѣ находится множество увеселительныхъ зрѣлищъ, панорамъ, театровъ и т. п. Здѣсь же производятся разнаго рода лоттереи, игры, знаменитое бросаніе вѣеровъ, стрѣльба изъ лука, причемъ побѣдитель въ состязаніи награждается всегда небольшимъ призомъ. Особенный экипажъ, прежде всего обращающій вниманіе иностранца, впервые прибывшаго въ Японію,—это такъ называемая «джинрикичія» или джинрикча — родъ дѣтской коляски на двухъ колесахъ, которая возится туземцами, носящими названіе «нинзого». Улицы кишатъ этими экипажами, между тѣмъ какъ лошади встрѣчаются въ высшей степени рѣдко, да и то лишь верховыя. Вообще ѣзда на джинрикчѣ вовсе не неудобна: не говоря уже о томъ, что легко направлять ея движеніе по произволу, она катится съ удивительною скоростью и въ этомъ отношеніи могла бы смѣло поспорить съ нашими городскими экипажами, хотя бы ее влекъ одинъ только человѣкъ, конечно, изъ болѣе или менѣе быстроногихъ.

Бросивъ бѣглый взглядъ на жизнь народа въ Японіи, умѣстно будетъ теперь упомянуть также о ея государственномъ и соціальномъ устройствѣ. Какъ то, такъ и другое развивались совершенно самостоятельно въ теченіе долгаго времени, съ тѣхъ поръ какъ японцы завладѣли своимъ нынѣшнимъ прекраснымъ отечествомъ. Какъ великъ этотъ періодъ—трудно сказать; исторія Японской имперіи начинается едва только съ 3-го столѣтія по Р. Х.; что совершалось раньше—всѣ касающіяся этого свѣдѣнія носятъ лишь легендарный характеръ. Вѣрно одно, что японскій народъ остался несмѣшаннымъ. Чужеземцы приходили въ страну рѣдко и оказывали весьма небольшое вліяніе на жизнь и культуру туземцевъ. Такимъ образомъ національность японцевъ осталась нетронутою; они умѣли всегда стойко выдерживать нападенія противниковъ. Едва-ли можно найти въ исторіи другой примѣръ такой кровной аристократіи, какая существуетъ въ Японіи. Исторія этой страны до настоящаго времени распадается на два явственные періода, именуемые японцами «ошей» и «гашей». Первый изъ нихъ тянется до 1192 года христіанской эры и обнимаетъ время самодержавнаго царствованія микадо или военныхъ императоровъ, мало-по малу превратившихся въ духовныхъ королей. Это—древній періодъ японской исторіи. Второй періодъ охватываетъ время развитія могущества сьогуновъ, или военныхъ властителей, которыхъ европейцы долго называли неподходящимъ

именемъ «тайкуновъ». Періодъ этотъ—средніе вѣка японцевъ—начинается съ 1192 года и оканчивается 1868 годомъ—возстановленіемъ исключительнаго господства микадо. (Fr. O. Adams. Geschichte von Japan von den frühesten Zeiten bis auf die Gegenwart. Uebersetzt von Emil Lehmann. Gotha, 8°. 1. Bd.). Только въ началѣ 16 столѣтія сьогунатъ сдѣлался неоспоримо легальною формою государственнаго строя; о значеніи его европейцы долгое время не имѣли яснаго представленія; именно они думали, что Японія находилась подъ управленіемъ двухъ королей: свѣтскаго, жившаго въ Іеддо—сьогуна, и духовнаго—микадо, имѣвшаго резиденцію въ Кіото; между тѣмъ какъ въ дѣйствительности сьогунъ всегда былъ ничѣмъ инымъ, какъ вицерегентомъ микадо, и не смѣлъ претендовать открыто на одинаковыя съ нимъ права самодержавія, хотя съ теченіемъ времени сьогуны отняли у микадо всю власть и держали ихъ въ Кіото почти въ качествѣ почетныхъ плѣнниковъ. Но революція 1868 года привела къ полному паденію сьогуната и возвратила настоящему повелителю страны—микадо—всю его прежнюю власть.

Итакъ, въ настоящее время верховная власть находится въ рукахъ императора, микадо, который, однако, 4-го ноября 1873 года добровольно рѣшился даровать своему народу представительное правленіе, вошедшее въ силу съ 1875 года. Во главѣ государственныхъ учрежденій стоитъ «дай-ши-инъ», который составляется изъ государственнаго совѣта (шоинъ), собственно собранія министровъ (уинъ) и сената (саинъ). По древнему географическому раздѣленію, Японская имперія распадалась на 9 большихъ частей или провинцій, изъ которыхъ каждая, въ свою очередь, дѣлилась на нѣсколько «куни» или округовъ. Провинціи эти были: 1) Кинай—центральная провинція, составлявшая неотчуждаемую собственность императорской фамиліи, съ 5 округами; 2) Токайдо—восточное побережье, съ 15 округами; 3) Тосандо—горная мѣстность на восточной сторонѣ, съ 13 округами; 4) Гокурокудо — сѣверная континентальная часть, съ 7 округами; 5) Санипдо — горная мѣстность на южной сторонѣ, съ 8 округами; 6) Саніодо—горная мѣстность на сѣверной сторонѣ, съ 8 округами; 7) Нанкаидо—южное побережье съ 5 округами и островомъ Авадзи, священнымъ мѣстопребываніемъ божественной четы Исанаги и Исанами-но-Микото; 8) Сайкадо—западная часть, состоящая изъ острововъ Кіузіу и всѣхъ остальныхъ, лежащихъ къ югу отъ острововъ Японскаго архипелага; 9) Гокукайдо или сѣверное побережье, образованное въ недавнее время, съ 10 округами на островѣ Іессо и одиннадцатымъ, обнимающимъ Курильскіе острова. Это древнее дѣленіе имперіи уже нѣсколько столѣтій тому назадъ перестало соотвѣтство-

вать потребностямъ управленія. Поэтому въ 1871 году для всей имперіи принято новое административное раздѣленіе по образцу «гун-кенской» системы, заимствованной изъ Китая; нынѣшніе «кены» соотвѣтствуютъ французскимъ департаментамъ, а губернаторы ихъ «кен-реи»—префектамъ. По этому дѣленію только три главные города Японіи образуютъ административные округа съ китайскимъ названіемъ «фу», каждый подъ управленіемъ градоначальника, непосредственно назначаемаго императоромъ. Это именно два собственно главныхъ города имперіи—Кіо и японская Венеція Осака; Сай-Кіо-Фу, или округъ западной столицы, заключаетъ въ себѣ городъ Кіото или Міако; То-Кіо-Фу, или «округъ восточной столицы», обнимаетъ Іеддо; наконецъ Огосака-Фу заключаетъ въ себѣ торговый городъ того же имени. Вся имперія, за исключеніемъ трехъ вышеупомянутыхъ «фу» и провинціи Гокукайдо, была раздѣлена въ 1871 году на 66 кеновъ, число которыхъ впослѣдствіи уменьшилось до 60. Каждый кенъ управляется кен-реемъ, зависящимъ непосредственно отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Названіе главнаго города представляетъ въ то же время и названіе кена, къ которому городъ относится. Изъ главныхъ городовъ кеновъ до сихъ поръ доступны для иностранцевъ только 4: Канагава, Гіого, Нагасаки и Нійгата, остальные 56—еще закрыты для чужеземцевъ. Въ провинціи Гакукайдо гун-кенская система еще не примѣнена; здѣсь управленіе колоніальное. Губернаторъ Іессо живетъ въ Гакодади. (Левъ Мечниковъ. Petermann's Geograph. Mitth. 1876).

Нынѣ въ Японіи введена всеобщая воинская повинность. По общему рекрутскому закону 1873 года, всѣ японскіе подданные, достигшіе 20 лѣтъ, подлежатъ воинской повинности и должны служить три года въ арміи или во флотѣ. Для полученія офицерскаго чина они подвергаются особому испытанію. По истеченіи этихъ трехъ лѣтъ всѣ они зачисляются въ первый резервъ и во все время первой резервной службы участвуютъ въ военныхъ упражненіяхъ. Черезъ два года ихъ перечисляютъ во второй резервъ, который призывается только въ случаѣ levée en masse. Всѣ мужчины отъ 17 до 40 лѣтъ, непопавшіе ни въ одну изъ вышеупомянутыхъ трехъ категорій, образуютъ милицію или ландверъ, призываемый подъ ружье въ случаѣ защиты отдѣльныхъ округовъ. По этой новой системѣ, японская армія будетъ представлять войско: въ мирное время въ 31,680 человѣкъ, въ военное—46,360. Вся армія состоитъ изъ 42 полковъ (дай-тай) пѣхоты, 3 полковъ кавалеріи, 16 батарей артиллеріи и 10 саперныхъ баталіоновъ (сіо-тай). Въ мирное время численность арміи гораздо меньшая: 4 полка пѣхоты, 1 полкъ кавалеріи, 2 батареи и 1 саперный батальонъ. Японскіе солдаты отличаются большими достоинствами. Робость чужда японцамъ, а чувство чести — ихъ общая добродѣтель. Наставниками и руководителями были прежде пруссаки, а нынѣ французы. По окончаніи франко-прусской войны прежніе французскіе инструкторы были замѣнены нѣм-

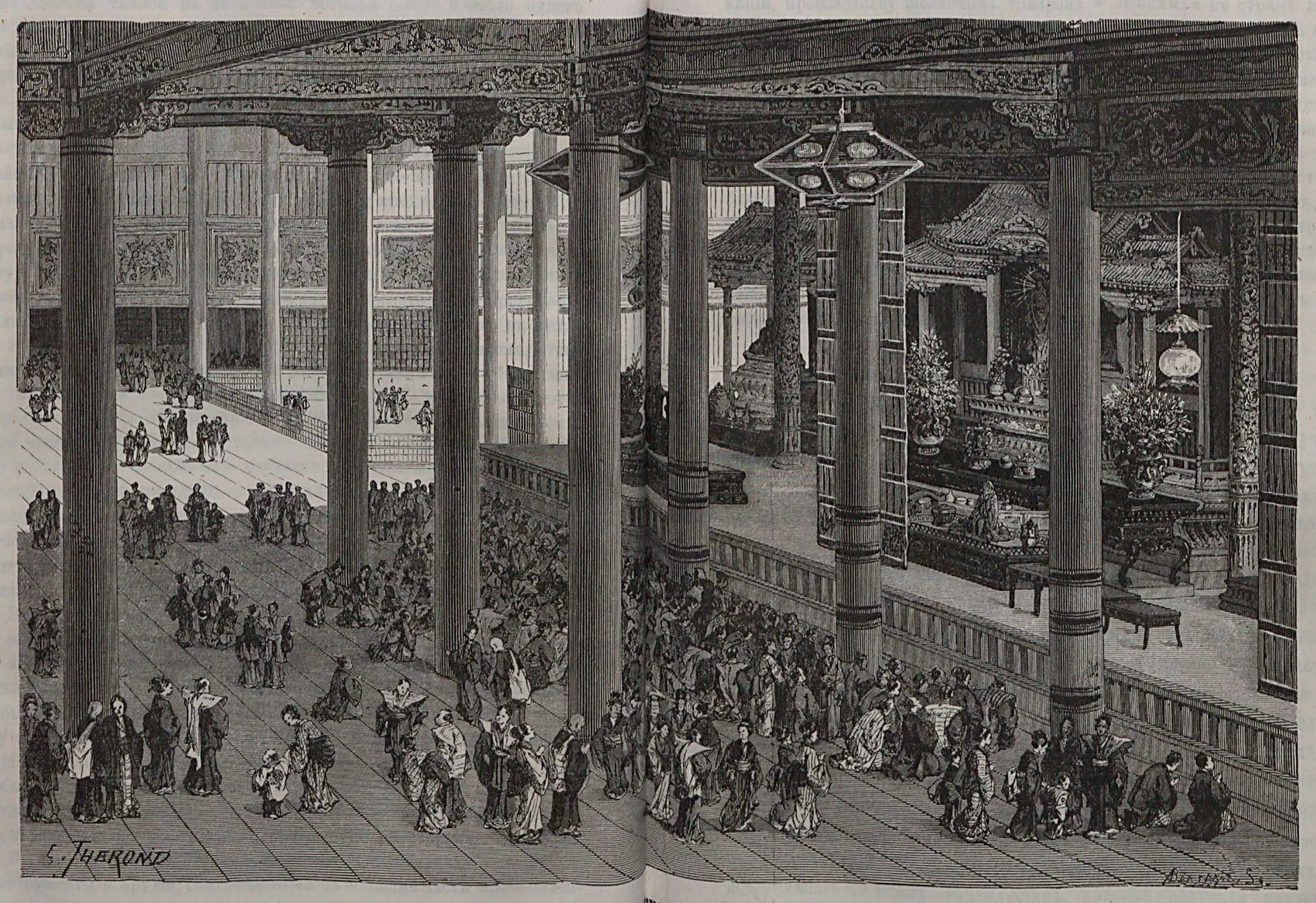
цами, однако контракты съ послѣдними не были возобновлены. Повидимому, французскій духъ пришелся японцамъ болѣе по вкусу, чѣмъ нѣмецкій. Въ японской арміи иностранецъ не можетъ получить никакой должности. Въ военномъ отношеніи государство распадается на 6 округовъ. Артиллерійскіе депо и арсеналъ находятся въ Тингавѣ — предмѣстьи Іеддо, въ Осакѣ, Гіого, Нагасаки, Кагосима и Гакодади. Военный флотъ состоитъ изъ 21 корабля (въ томъ числѣ два желѣзныхъ панцырныхъ фрегата) съ 60 пушками и 3677 человѣкъ экипажа, въ числѣ коихъ 272 офицера. Первый морской округъ имѣетъ своимъ центромъ Оодсу, а второй—Кагосиму. Въ дѣлѣ кораблестроенія Японія уже сдѣлалась независимою отъ другихъ государствъ и обращается за помощью къ Англіи лишь для полученія панцырныхъ судовъ. Природа надѣлила японцевъ всѣми дарами, необходимыми для хорошихъ моряковъ: они смѣлы, предпріимчивы и со временемъ ни въ чемъ не будутъ уступать своимъ учителямъ.

Школьное дѣло, хотя оно, вообще говоря, зиждется на старинной педагогической теоріи, пользуется самымъ полнымъ вниманіемъ правительства. Въ учебномъ отношеніи страна раздѣлена на 7 округовъ Каждый окружный городъ имѣетъ высшее учебное заведеніе (дай-гаку-ко); среднихъ учебныхъ заведеній (цинъ-гаку-ко) считается всего 224, а элементарныхъ (начальныхъ) школъ (сіо-гаку-ко) — 47,000, при населеніи въ 33.423,715 душъ. Японія также примкнула ко всемірной почтовой конвенціи и раздѣляется на 8 главныхъ почтовыхъ округовъ: Токіо, Саикіо, Іокогама, Осака, Мотомура, Оодсу, Сакай и Коба; кромѣ того, проведенъ телеграфъ на протяженіи 2832 километровъ. Съ марта 1875 года между Осакою и Кобою открыто желѣзнодорожное сообщеніе; этотъ рельсовый путь предполагается продолжить, къ сѣверу чрезъ долину озера Бива, почти до самой Цугары и западнаго берега.

Главныя отрасли промышленности Японіи, получившей культуру изъ Китая, родственны китайскимъ. Фабрикація оружія нынѣ весьма ограничена, вслѣдствіе организаціи арміи по европейскому образцу, отчего понадобился и ввозъ европейскаго оружія. За то въ этой странѣ процвѣтаетъ зародившаяся еще въ древности писче-бумажная, бронзовая и лаковая промышленность. Фабрикація фарфора и эмали началась сравнительно недавно, т. е. около 300 лѣтъ тому назадъ. Приготовленіе фарфора сосредоточено въ Аритѣ и Имари, гдѣ занимаются имъ 36 деревень и гдѣ находятся неисчерпаемыя залежи каолина. Подъ именемъ «имари» голландцы уже давно ввозили въ Европу японскій фарфоръ. Въ апрѣлѣ 1875 г. д-ръ Рейнъ, объѣздившій, по порученію прусскаго министерства торговли, Японію въ теченіи двухъ лѣтъ, съ цѣлью изученія тамошней промышленности, посѣтилъ, вмѣстѣ съ австрійскимъ врачемъ и естествоиспытателемъ д-ромъ А. фонъ-Рорецомъ, этотъ округъ, гдѣ, кромѣ вазъ, вышиною въ 2 метра, изготовляется также тонкій, какъ яичная скорлупа, фарфоръ. Чрезвычайно интересна

и японская живопись на бумагѣ или шелкѣ, а равно книги съ картинами. Полосы тканей въ нѣсколько метровъ длины и около одного метра ширины расписаны частью растеніями, частью фигурами; первыя чрезвычайно красивы и занимаютъ среднее мѣсто между строгою стилистикою и натурализмомъ; вторыя состоятъ изъ совершенно условныхъ образовъ, вродѣ тѣхъ, какія встрѣчаются на опахалахъ, каминныхъ экранахъ, чайныхъ ящикахъ и т. д., но они не мелки, а, напротивъ, большихъ размѣровъ. Книги съ картинками также представляютъ интересъ во многихъ отношеніяхъ; во-первыхъ, японцамъ вовсе незнакома перспектива: болѣе отдаленные предметы соотвѣтственно уменьшены. На картинахъ, изображающихъ площади и т. д., всегда фигурируютъ европейцы, обыкновенно представляемые въ такомъ каррикатурномъ видѣ, который намъ показываетъ, что японцы находятъ въ насъ смѣшнаго. Гравюры отличаются поразительною оригинальностью. Между большимъ числомъ книгъ, часто толщиною въ мизинецъ, состоящихъ изъ сложенныхъ (но не сшитыхъ) листочковъ, отпечатанныхъ лишь на одной сторонѣ и сброшюрованныхъ не обыкновеннымъ способомъ, а на противоположной сторонѣ, находятся многочисленные альбомы, въ которыхъ пестро перемѣшаны ландшафты, фигуры людей, животныхъ, жанровыя сцены и глупѣйшія каррикатуры. Рисунки въ большинствѣ случаевъ великолѣпны; самыя трудныя сокращенія произведены совершенно правильно; въ изображеніи ландшафтовъ, съ покрытыми лѣсомъ холмами и рѣками, достигнутъ, простѣйшими средствами и лишь съ помощью легкихъ тоновъ, такой эффектъ, который не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Однако, въ публикѣ вообще распространены, какъ недавно показалъ проф. Экснеръ, чрезвычайно странныя представленія о японскомъ народѣ, его торговой и промышленной дѣятельности. Общій оборотъ по ввозу въ 1871 г. составлялъ 156 милліоновъ марокъ; ввозъ почти исключительно состоялъ изъ фабрикатовъ; товаровъ же мѣстнаго производства было вывезено всего лишь на 12 милл. марокъ. Это несоотвѣтствіе между отпускомъ сырья и фабрикатовъ должно было бы свести къ нулю значеніе Японіи, какъ промышленнаго государства, для остальнаго міра, если бы надежда не постоянный сбытъ машинъ, а равно и то обстоятельство, что японское населеніе преимущественно занимается земледѣліемъ, не вынуждали насъ къ справедливой оцѣнкѣ кустарной промышленности Японіи. Профессоръ Экснеръ показалъ на нѣсколькихъ примѣрахъ, что инструменты и орудія, употребляемыя въ большей части промышленныхъ отраслей, отличаются почти невѣроятною простотою, нерѣдко также нецѣлесообразною формою. Эти орудія требуютъ отъ работника почти обезъяньей ловкости рукъ и ногъ, для производства предметовъ, которые у насъ не могли бы быть изготовлены самыми сложными машинами. Во всякомъ случаѣ, недосягаемая доброкачественность японскихъ произведеній по большей части обусловливается превосходными свойствами



Внутренность будд…скаго храма въ Китаѣ.

...то храма въ Китаѣ

сырья; сказанное относится въ особенности къ писчебумажной фабрикаціи, производству шелковыхъ товаровъ и любимыхъ въ странѣ лаковыхъ вещей. Приготовленіе послѣднихъ дѣлается возможнымъ лишь благодаря высокимъ качествамъ употребляемой древесной смолы. Безпримѣрное терпѣніе и добросовѣстность японскаго рабочаго заслуживаютъ всякой похвалы. Если въ послѣднее время и замѣчается ухудшеніе японскихъ товаровъ, то виною этого является не европейская цивилизація, такъ какъ промышленный упадокъ начался уже сто лѣтъ тому назадъ. Однако, не одно это обстоятельство заставляетъ смотрѣть съ безпокойствомъ на будущее японской промышленности. Напротивъ, все современное состояніе страны внушаетъ большое опасеніе, — страны, которая является средоточіемъ поразительнѣйшихъ контрастовъ, вслѣдствіе своей крайней торопливости и ниспроверженія стараго для насажденія послѣднихъ успѣховъ цивилизаціи, рядомъ съ удержаніемъ старыхъ, просуществовавшихъ столѣтія, учрежденій.

Съ упраздненіемъ должности сьогуновъ, для Японіи началась новая эра, эпоха всеобщаго преобразованія, а отчасти и низверженія того, что существовало прежде. Эта страна хотѣла разомъ сдѣлаться участницею во всѣхъ духовныхъ и матеріальныхъ благахъ, достигнутыхъ культурными народами Запада. Правительство микадо экспромтомъ заводитъ флотъ и сухопутныя войска, устраиваетъ желѣзныя дороги и телеграфныя линіи, возводитъ роскошныя палаты, бросая на это совершенно безполезно много милліоновъ, — напр., новый монетный дворъ въ Огосакѣ, содержитъ крайне дорогія посольства въ Вашингтонѣ, а равно и при большихъ европейскихъ дворахъ, отправляетъ сотни молодыхъ японцевъ для обученія въ Европу и Сѣверную Америку, не страшась большихъ издержекъ; призываетъ на большое жалованье значительное число европейскихъ и американскихъ учителей всевозможныхъ наукъ, для преподаванія послѣднихъ въ Японіи, учреждаетъ кавалерскіе ордена на европейскій ладъ, пытается одѣть туземцевъ въ европейское платье, задается даже мыслью ввести въ Японіи англійскій языкъ. Однако, рядомъ съ этою ревностью къ прогрессу, у современныхъ правителей японскаго государства обнаруживается безпощадная нетерпимость ко всѣмъ учрежденіямъ, которыя получали поддержку и покровительство отъ сьогуновъ. Сюда относится прежде всего буддизмъ. Его богатства были отобраны, у великолѣпныхъ храмовъ отняты украшенія, буддистскіе монахи изгнаны изъ монастырей, а послѣдніе обращены въ казармы. Многочисленные колокола при храмахъ уже увезены въ Америку и тамъ сбыты, какъ старая мѣдь; нынѣ-же, какъ

говорятъ, туда же продана великолѣпная бронзовая статуя Дайбута, въ Камакурѣ. На упрекъ, дѣлаемый вождямъ этого прогрессивнаго движенія, за ихъ слѣпую вражду къ буддизму, они отвѣчаютъ: буддизмъ— чужеземная языческая религія, которая не должна быть терпима въ Японіи. Не смотря на это, эти передовые бойцы за просвѣщеніе относятся еще съ гораздо большею нетерпимостью и жестокостью, нежели къ буддистскому духовенству,—къ бѣднымъ туземнымъ христіанамъ.

Въ прежнее время Японія поражала большимъ числомъ вѣроисповѣданій (около 30 различныхъ сектъ), которыя жили рядомъ въ глубочайшемъ согласіи, что не должно удивлять того, кто знаетъ, какъ добродушно и беззаботно живутъ японцы, не обращая вниманія ни на что, кромѣ своихъ ближайшихъ семейныхъ дѣлъ. Однако, особенно распространены три религіозныхъ формы. Древнѣйшая изъ нихъ—Синто или Ками, по-японски «Ками-но-мици», т. е. «путь Ками» — почитаніе духовъ, живымъ потомкомъ которыхъ является государь Японіи. Религія Синто, какъ называется она по-китайски, признаетъ одно верховное существо, распространенное по всей вселенной, слишкомъ высокое и святое, чтобы къ нему можно было обращаться съ молитвою, и in abstracto отождествляетъ, въ ея древнѣйшей и простѣйшей формѣ, небо «Тенка», какъ обиталище божества, съ самымъ божествомъ; она признаетъ безсмертіе души, обѣщаетъ вѣчныя награду или наказаніе въ загробной жизни. Предметы поклоненія—небесныя тѣла, элементы, а также силы природы, которыя уже ранѣе считались какъ нѣчто самостоятельное и олицетворенное, и, въ качествѣ духовъ (ками), были объектомъ молитвы. На этой религіи, служащей прочною опорою и нынѣшней династіи, основалась теократія синто, смѣнившая военную власть и которая впослѣдствіи должна была уступить мѣсто буддизму. Буддизмъ появился въ Японіи въ 552 году по Р. Хр. и пустилъ глубокіе корни въ этой странѣ, подвергнувшись различнымъ измѣненіямъ. Третье мѣсто занимаетъ такъ называемое философское ученіе (ученіе Сиуто или Сиза), слабое подражаніе ученію китайскаго мудреца Конфуція (Конъ-фу-це), котор е, однако, никогда не пользовалось особымъ благоволеніемъ правительства. Его можно разсматривать, какъ очищенный матеріализмъ, лежащій, впрочемъ, также въ основѣ синтоизма и буддизма. Оно не учитъ безсмертію души; равнымъ образомъ «философское ученіе» не зиждется на какой либо метафизической теологіи, но основывается на этическихъ истинахъ. Оно исповѣдуется высшими классами и учеными, хотя наружно они придерживаются религіи Ками. Христіанство было занесено неутомимымъ іезуитомъ-миссіонеромъ Франсуа Ксавье, въ срединѣ 16-го столѣтія; но зависть голландцевъ, которые въ своихъ походахъ на испанскія и португальскія колоніи, прибыли также и въ Японію, погубила дѣло распространенія христіанства въ

этой странѣ, въ чемъ, кромѣ того, виноваты и промахи португальцевъ. Въ 1596 г. японское правительство подвергло страшному преслѣдованію христіанъ, воспретило христіанскую религію и снова изгнало португальцевъ изъ Японіи. Послѣ возстановленія самодержавія микадо, въ 1872 году христіанство было объявлено дозволенною религіею, но въ дѣйствительности ставились всевозможныя препятствія къ его распространенію. Однако, по новѣйшимъ извѣстіямъ, оказывается, что въ настоящее время новообращенные христіане не преслѣдуются; японскимъ проповѣдникамъ предоставлена свобода проповѣди во всѣхъ мѣстахъ страны; напротивъ, дѣятельность иноземныхъ миссіонеровъ, какъ и купцовъ, ограничивается упомянутыми въ договорѣ портами. Префектъ главнаго города требуетъ отъ полиціи указанія имени новообращенныхъ, но болѣе для того, чтобы судить объ успѣхахъ христіанства, чѣмъ по другимъ побужденіямъ. Проповѣдникамъ дозволено говорить проповѣди въ капеллахъ. Русскій священникъ о. Николай, состоящій при посольствѣ, повидимому, имѣетъ наибольшій успѣхъ; православная церковь всегда биткомъ набита народомъ, а по сосѣдству японцы продаютъ свои кумирницы, ибо, какъ говорятъ они, возвѣщаемый иностранцами Богъ входитъ въ моду, впослѣдствій же, пожалуй, и не сбудешь кумирницы по столь дорогой цѣнѣ. Католическіе патеры втиши обращаютъ туземцевъ и, по слухамъ, пользуются большимъ успѣхомъ въ странѣ. Буддисты чуютъ соперничество и потому получаютъ новый толчокъ къ миссіонерской дѣятельности. Часто бываютъ диспуты; публичное поученіе народа въ догматахъ вѣры и основахъ нравственности, соотвѣтственно ученію Будды, производится во многихъ мѣстахъ; храмы приведены въ лучшее, болѣе благоустроенное состояніе, а злоупотребленія прекращены.

Въ заключеніе сказаннаго нами о японскомъ народѣ, мы должны прибавить еще нѣсколько словъ о сословныхъ различіяхъ въ Японіи. Тамъ, собственно говоря, существуетъ раздѣленіе всего общества на двѣ части: дворянство, утратившее большую часть своихъ прерогативъ съ послѣдними преобразованіями, и народъ. Дворянство раздѣляется на два, рѣзко различающихся, класса: «куге»—придворное дворянство, и «буке»—военное дворянство; между этими двумя подраздѣленіями имѣется много промежуточныхъ ступеней съ шестью главными классами. (См. Beilage zur Allgemeine Zeitung, 19 сент. 1875 года). Вообще народонаселеніе издревле раздѣляется на 7 (по другимъ—на 8) сословій, сообразно главнѣйшимъ занятіямъ, а именно: 1) «Дайміо», т. е. князья, высшее въ государствѣ сословіе, прежде могущественные феодалы, стоявшіе къ микадо въ отношеніяхъ, подобныхъ тѣмъ, въ какихъ въ средневѣковой Германіи находились владѣтельные князья и графы къ императору. Число ихъ первоначально соотвѣтствовало числу «коку» (т. е. провинцій), именно всего было 18 «кокусіу»-дайміо. 2) Наслѣдственное дворянство; изъ этого сословія назначаются губернаторы провин-

цій, генералы и высшіе государственные чины; низшее дворянство образуютъ «гаттамотто». 3) Духовенство культа Синто и буддизма. 4) Воины—«яконинъ» и «самураи». Эти четыре класса составляютъ высшій слой населенія и носятъ по два меча, а также пышные панталоны, вродѣ женской юбки, которыхъ не имѣютъ права надѣвать лица низшихъ классовъ. 5) Высшая часть среднихъ классовъ: врачи, чиновники и т. д. 6) Купцы, какъ бы ни были они богаты. 7) Мелкіе торговцы, лавочники, ходебщики, машинисты, художники, живописцы. 8) Матросы, рыбаки, крестьяне, поселяне, батраки. Наконецъ, существуетъ родъ паріевъ—«іета» или «іетори», не пользующихся ни водою, ни огнемъ, ни жилищемъ совмѣстно съ другими людьми (см. Mohnike: Ausland, 1871, № 30, S. 697—700); число этихъ отверженцевъ равняется 250,000 до 300,000 душъ. Они распространены по всему государству; всего же болѣе ихъ на огромномъ островѣ Нипонѣ. Къ классу «іета» принадлежатъ: живодеры, дубильщики, кожевники, а также исполнители общественныхъ работъ, сопряженныхъ съ лишеніями. Они не имѣютъ права жить въ деревнѣ или городѣ, гдѣ живутъ люди другихъ классовъ, и не причисляются къ населенію; имъ не дозволяется входить въ гостинницы, чайныя и т. под.; въ пути, внѣ своихъ жилищъ, они должны ѣсть изъ собственной посуды. На значеніе всѣхъ этихъ классовъ знатоки Японіи до сихъ поръ еще смотрятъ различно; одни считаютъ ихъ кастами, на подобіе индійскихъ; другіе же оспариваютъ такое воззрѣніе. (См. Beilage zur Allgem. Ztg. 27 августа 1874 г., а также George Bousquet: Les mœurs et le droit au Japon, въ Revue des deux mondes, 15 іюля 1875, стр. 254).

Что наши свѣдѣнія о многихъ важныхъ сторонахъ японской народной жизни еще очень недостаточны, этому нечего удивляться: изъ всего государства намъ извѣстны лишь нѣсколько приморскихъ пунктовъ — такъ называемыхъ договорныхъ портовъ. Наши познанія о Японіи имѣютъ не болѣе цѣны, нежели сужденіе иностранца, напримѣръ, о Германіи, видѣвшаго только Бременъ, Гамбургъ, Штетинъ или Данцигъ. Установленіе сношеній съ иноземцами хотя и открыло европейцамъ важнѣйшіе приморскіе города, но не дало права проникать внутрь страны. Напротивъ, посѣщеніе для европейцевъ ограничено нѣкоторыми, точно опредѣленными, поясами; получить разрѣшеніе на переходъ за указанныя границы чрезвычайно трудно, и это удавалось пока лишь немногимъ. Въ этомъ-то и заключается причина того, почему мы обрѣтаемся въ столь глубокомъ невѣдѣніи относительно топографіи внутренней Японіи.

Наиболѣе посѣщаемый изъ японскихъ острововъ есть, конечно, Нипонъ; на немъ находятся важнѣйшія поселенія европейцевъ, и онъ

славится очаровательностью своихъ ландшафтовъ. Однако, островъ Iессо (78,600 квадр. километр.) не уступаетъ по красотѣ и прелести Нипону. По описанію одного новѣйшаго путешественника, особенно очарователенъ путь черезъ перешеекъ, отдѣляющій красивый и обширный заливъ Вулканъ (VulcanBai), къ югу отъ Iессо, отъ бухты Цугары.

На югѣ расположены Нипонскія горы, тогда какъ на сѣверѣ возвышается вулканъ Комангадаке, у подошвы котораго втиснуто прелестное озеро между лѣсомъ и лугами. Растительность, по силѣ и пышности, можетъ быть названо почти тропическою. Повсюду встрѣчаются благородные экземпляры магноліи, бука, березы, клена и дуба, великолѣпно обвитые виноградными лозами или оплетенные плющемъ. Верхушка Комангадаке состоитъ только изъ обломковъ пемзы, а высочайшее мѣсто на краю возвышается на 1152 метра надъ моремъ. На восточной сторонѣ, или ближе къ морю, стѣна кратера обвалилась. Внутренній обвалъ жерла круто спускается въ глубину, на нѣсколько сотъ футовъ, къ плоскому дну воронки, среди которой стоитъ совершенно правильный холмъ, остатокъ конуса изверженія. Почва кратера перерѣзана по всѣмъ направленіямъ зіяющими трещинами, откуда поднимаются водяные пары. Видъ на море и острова величественъ; средняя и задняя части сцены покрыты облѣсенными горами, зелень которыхъ постепенно переходитъ въ фіолетовый цвѣтъ. У ногъ зрителя тянутся огнедышащія горы, расположенныя рядами; а вдали виднѣется наполовину потухшій вулканъ Уссу. Не смотря на то, что былъ конецъ мая (29 число), во внутреннихъ складкахъ Комангадаке все еще лежалъ снѣгъ. Берега залива Вулканъ и окрестностей ихъ чрезвычайно богаты минералами; здѣсь находятся золото, серебро, свинецъ, желѣзо, нефть и каменный уголь. Въ юго-восточномъ углу Iессо, близъ Iезана, расположена сольфатара съ сѣрными отложеніями; подобную же сольфатару имѣетъ также Ивaупобори, средній конусъ гряды вулкановъ. У пролива Цугара, супротивъ Нипона, лежатъ города Матсмай, или Матсумаль, и Гакодади; послѣдній — одинъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ сѣверной Японіи; онъ расположенъ при обширной и безопасной бухтѣ съ превосходною якорною стоянкою. Собственно внутренняя часть Iессо, которая, какъ предполагаютъ, отъ сѣвера къ югу прорѣзана рядомъ вулкановъ, большею частью потухшихъ, совершенно не изслѣдована. Произведенныя по настоящее время изслѣдованія относились, главнымъ образомъ, къ окрестностямъ залива Вулканъ и прилегающему къ нему полуострову. Наилучшее описаніе Iессо дано капитаномъ Блекистономъ, посѣтившимъ его въ сентябрѣ 1869 года. (См. Journal of the R. geographical. Soc. 1872, P. 77—142).

Главнѣйшій островъ Нипонъ, или Гонсіу (230,600 квадр. километровъ), также мало изслѣдованъ во внутреннихъ частяхъ. Почва его песчаная и мало плодородная; лишь въ окрестностяхъ Токіо, на пространствѣ около 160 квадр. километровъ, появляется черная богатая земля, очевидно даръ вулканизма, а вслѣдствіе этого—благосостояніе и довольство жителей; все же прочія поселенія на Нипонѣ носятъ отпечатокъ бѣдности. Дома служатъ безразлично кровомъ какъ для людей, такъ и для животныхъ, ибо о первыхъ прилагается не больше заботы, чѣмъ о послѣднихъ. Эта бѣдность представляетъ очень рѣзкій контрастъ той любви къ порядку и опрятности, какая замѣчается въ остальной Японіи.

Важнѣйшій городъ Японіи—столица Токіо, прежде носившая названіе Іеддо, подъ которымъ она преимущественно и извѣстна въ Европѣ. Хотя Токіо лежитъ на самомъ берегу величайшаго и самаго красиваго въ свѣтѣ залива, однако онъ пользуется лишь немногими преимуществами портоваго города, такъ какъ рейдъ Синагавы почти недоступенъ для большихъ судовъ Городъ расположенъ на волнообразной равнинѣ, ограниченной: съ юга — заливомъ, съ востока и сѣвера — широкою и красивою рѣкою Сумидагавою («гава»—рѣка), съ запада — отчасти плоскою, обращенною въ рисовыя поля, мѣстностью, отчасти низкими рядами холмовъ, покрытыми хвойными и бамбуковыми насажденіями. Въ центрѣ города возвышается холмъ, на которомъ стоитъ зáмокъ, японскій «Сиро», до 1869 года служившій резиденціею сьогуновъ, а съ той поры — мѣстопребываніе микадо. Къ сѣверо-востоку отъ города находится другой холмъ, на которомъ находится великолѣпный буддистскій храмъ Уэно и гробницы многихъ сьогуновъ послѣдней династіи. На востокъ отъ Сумидагавы, которая, сдѣлавъ крутой поворотъ съ сѣверо-востока на юго-западъ, изливается въ море, лежитъ большой форштадтъ Гондьо; къ юго-западу отъ него и отъ города находится мѣстечко Синагава, вѣрнѣе—лишь продолженіе города Таканава. Іеддо состоитъ изъ четырехъ частей: Сиро, Сото - Сиро, Митси и Гондьо. Сиро, резиденція микадо, окруженная высокими крѣпостными стѣнами и роскошными деревьями, а также обнесенная широкимъ крѣпостнымъ рвомъ съ проточною водою, скрытъ отъ взора, кромѣ нѣсколькихъ шпицевъ, выдающихся надъ прочими зданіями. Вокругъ Сиро тянется Сото-Сиро, который также окруженъ широкимъ, на подобіе канала, рвомъ неправильной круговой формы. Къ югу этотъ кварталъ идетъ до Сумидагавы. Эта южная часть Сото-Сиро прорѣзана большимъ числомъ маленькихъ каналовъ, соединяющихся съ двумя уже вышеупомянутыми каналами, а отчасти и между собою; иные же изъ нихъ изливаются въ море. Въ нéй находятся нѣсколько длинныхъ и широкихъ улицъ, а также много

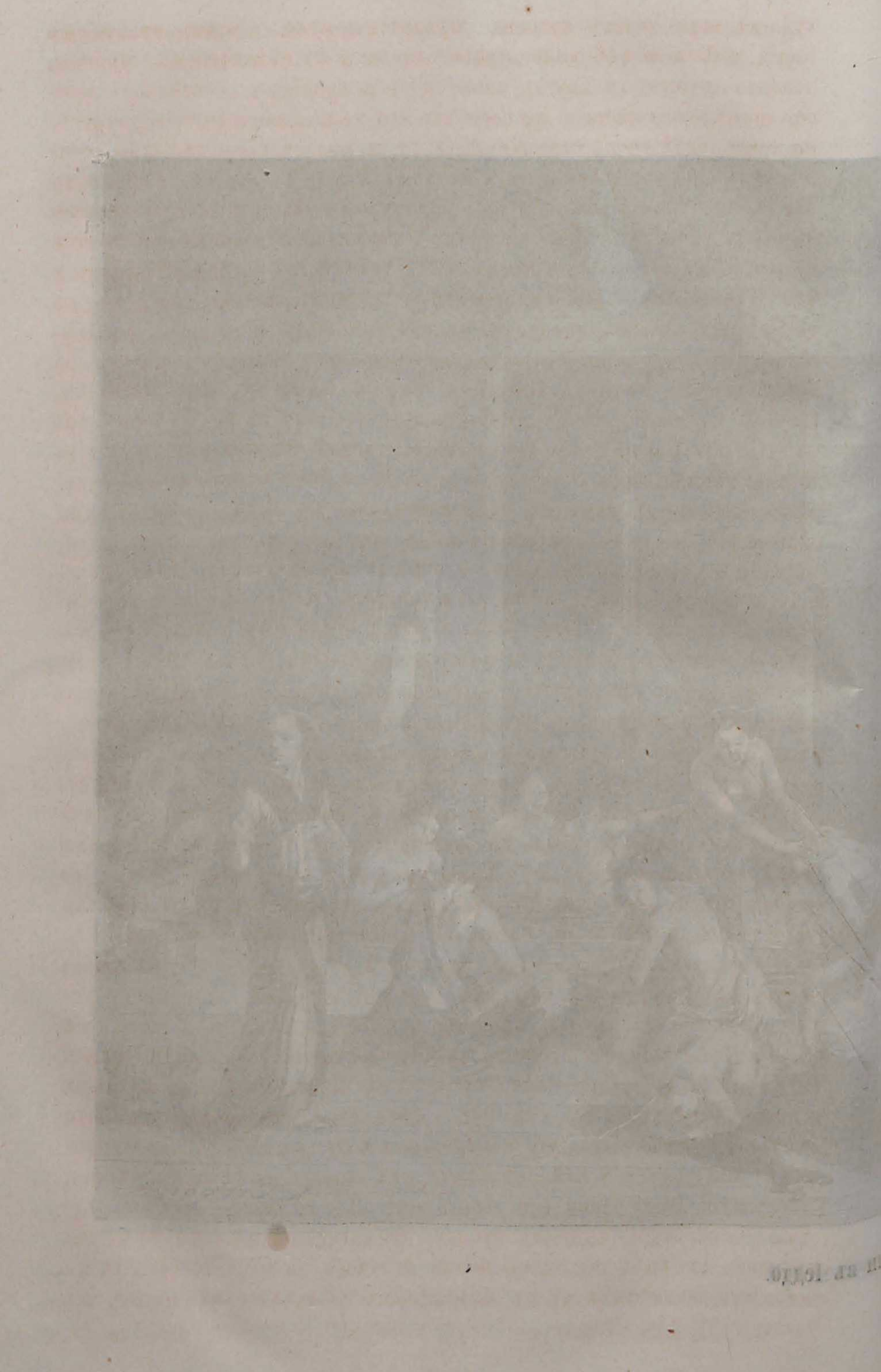
маленькихъ переулковъ, пересѣкающихся подъ прямымъ угломъ съ первыми. Здѣсь живетъ торговый людъ; здѣсь же сосредоточиваются богатѣйшіе и роскошнѣйшіе магазины. Ближе къ Сиро лежатъ безчисленные «яске» (jasikes), т. е. дворцы дайміо, а также палаты сановниковъ и высшихъ государственныхъ чиновъ. Четыре зданія повторяются въ Іеддо до безконечности, именно: храмъ, «яске» дайміо, простой домъ и безопасная отъ огня башня для склада товаровъ. Въ храмахъ преобладаетъ буддистскій характеръ. Яске не имѣютъ никакого сходства съ настоящими дворцами: это — группы домовъ, окруженныхъ одноэтажными, выбѣленными постройками, окна которыхъ снабжены черными деревянными рѣшетками. Эти зданія служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и окружною стѣною; въ нихъ живетъ низшее дворянство, носящее по два меча, рейтары и слуги. Дома эти всегда имѣютъ видъ низкихъ, длинныхъ прямоугольниковъ, въ родѣ казармъ. Крыша состоитъ изъ черныхъ черепицъ съ бѣлыми краями. Черный и бѣлый цвѣта преобладаютъ въ Сото-Сири. Если Кіо-то, древняя резиденція микадо, есть Аѳины Японіи, то Іеддо—Вавилонъ отдаленнаго Востока. Театры Іеддо — лучшіе во всемъ государствѣ; рестораны и чайныя, а равно «гей-сіа» (тантовщицы и пѣвицы) и лупанаріи Іеддо не имѣютъ соперниковъ на всемъ Востокѣ. Окрестности Іеддо представляетъ величайшая и плодороднѣйшая во всей имперіи равнина, дающая богатые урожаи риса. За то промышленное развитіе города ничтожно и ограничивается, главнымъ образомъ, производствомъ художественныхъ издѣлій и предметовъ роскоши, преимущественно бронзовыхъ и лаковыхъ издѣлій. Законъ, обязывавшій всѣхъ дайміо жить ежегодно въ теченіи шести мѣсяцевъ въ столицѣ (семейства же ихъ не могли покидать Іеддо въ теченіи цѣлаго года), сильно содѣйствовалъ быстрому развитію города. Со времени же уничтоженія этого закона (въ 1866 году), число жителей уменьшилось, такъ что нынѣ она имѣетъ едва 600,000, вмѣсто прежнихъ полутора милліоновъ.

Къ югу отъ Іеддо, при заливѣ, расположены города Канагава и Іокогама, оба открытые европейцамъ, причемъ послѣдній представляетъ даже главное мѣсто по торговлѣ съ ними и имѣетъ хорошую гавань. На заднемъ планѣ, среди мощнаго широкаго, основанія, круто возвышается «гора горъ», на которую въ послѣднее время часто всходили, — именно вулканъ Фузи-яма, высотою въ 3920 метровъ; Фузи-яма имѣетъ видъ совершеннаго, вверху нѣсколько притупленнаго конуса, поднимающагося надъ всѣми окружающими вершинами. Вверху лежитъ обширный кратеръ, глубиною въ 320 метровъ; съ края его открывается видъ на всю цѣпь горъ Гакони, высотою въ 2130 метровъ. (См. Rutherford Alcock. The Capital of the Tycoon. A Narrative of a three years' residence in Japan. London. 1863. 8°. I т.). Фузи-яма («яма» въ переводѣ означаетъ гору) есть, однако, лишь одинъ изъ четырехъ большихъ вулкановъ Нипона; три прочіе суть: Сиро-яма, Азама-яма и Яке-яма; послѣд-

ній—самый сѣверный на этомъ островѣ и лежитъ при проливѣ Цугара, напротивъ Іессо; но могучій Азама-яма занимаетъ довольно центральное положеніе къ сѣверо-западу отъ Токіо. Азама-яма и Фузи-яма — это великолѣпные близнецы-вулканы, невольно напоминающіе географамъ обоихъ горныхъ исполиновъ Анагуака—Попокатепетль и Истассигуатль. Въ 1873 году на Азама-яму совершилъ восхожденіе французъ Жоржъ Буке (Bousquet), который, по всей вѣроятности, познакомился со внутренностью Нипона лучше другихъ путешественниковъ. Путь его шелъ изъ Токіо, чрезъ Ваги-Тоге (проходъ Тоге), а также проходъ Симонита, у подошвы вулкана, восхожденіе на который крайне трудно. Азама-яма, высотою болѣе 3000 метровъ, несетъ на своей вершинѣ кратеръ, имѣющій въ діаметрѣ 300 метровъ; изъ него постоянно поднимаются въ воздухъ облака дыма и паровъ. Отсюда же открывается прелестный видъ на окружающую мѣстность: къ сѣверо-востоку и востоку текутъ воды къ Тихому океану, образующія большею частію обширную Тонегаву; на югѣ развертывается горная цѣпь, на протяженіи 180 километровъ, до полуострова Атами, склоняясь къ востоку, вблизи Фузи-ямы. Всѣ воды, берущія здѣсь начало, изливаются въ заливъ Іеддо. Отсюда до западнаго берега, Нипонъ прорѣзанъ съ сѣвера на югъ мощными продольными цѣпями. Эти горы образуютъ водораздѣлъ между Тихимъ океаномъ и Японскимъ моремъ; послѣднее принимаетъ въ себя всѣ воды, берущія начало на сѣверномъ склонѣ горъ. Буке предпринялъ обратный путь изъ Азама-ямы не на Токіо, но на торговый портъ Нагойя, лежащій далеко западнѣе на тихоокеанійскомъ берегу. Чтобы достигнуть его, Буке пришлось перейдти чрезъ всѣ эти горныя цѣпи, а также чрезъ трудную для движенія тѣснину Вада-Тоге, гдѣ прекращается всякая растительность. Здѣсь онъ находился въ японской Швейцаріи, гдѣ романтическіе берега маленькаго теплаго озера Сува (900 метровъ надъ уровнемъ моря) смѣняются ужаснѣйшими тѣснинами, вродѣ Шиводжири и Торіи-Тоге, и долинами, по которымъ шумно течетъ Кисогава. Черезъ Ои (Oï), по однообразной песчано-холмистой мѣстности, въ области Овари, гдѣ жители занимаются производствомъ голубаго фарфора, повсюду встрѣчаемаго въ Японіи, путешественникъ достигаетъ, наконецъ, Нагойи, смертельно однообразнаго города, съ 200,000 жителей; это — четвертый по величинѣ городъ Нипона, послѣ Іеддо, Осаки и Кіо-то; впрочемъ, онъ приходитъ въ упадокъ, вслѣдствіе плохой гавани.

Самый интересный изъ городовъ внутри Японіи есть, безспорно, Кіото или Міако; къ нему изъ Іеддо ведутъ двѣ главныя дороги: «Токаидо», идущая вдоль южнаго берега острова, и «Тосандо» или «Накасендо»—горная дорога, проходящая чрезъ средину Нипона; ею отчасти пользовался Буке еще прежде. Изъ Нагойи онъ направился черезъ рядъ поселеній, которыя всѣ болѣе или менѣе укрѣплены (по крайней мѣрѣ имѣютъ «сиро» — зáмокъ), къ большому живописному озеру Бива, от-

Публичныя бани въ Іеддо.



куда къ морю течетъ красивая, прозрачная рѣка. Своимъ названіемъ озеро, имѣющее 110 километровъ длины и 45 километровъ ширины, обязано сходству съ двуструнною гитарою японцевъ; со всѣхъ сторонъ оно обрамлено горами, а по берегамъ его расположено много мѣстечекъ, въ томъ числѣ очень старинный Отсу съ многочисленными «кураяски» (богатыми магазинами). Дорога Токайдо отсюда ведетъ къ священному Кіо-то, японскимъ Аѳинамъ. Кіо-то, нынѣ называемый Міако, лежитъ въ равнинѣ, окруженной низкими холмами; эта равнина орошается ручьемъ Камогава; въ немъ 63,217 домовъ, 93 синтоистическихъ и 945 буддистскихъ храмовъ, изъ коихъ особенно замѣчательны два; въ одномъ, по словамъ японцевъ, хранятся 333,333 истукановъ, въ другомъ находится знаменитый колоссъ Будды съ цвѣткомъ лотоса, на которомъ онъ сидитъ. Населеніе считаютъ въ 238,663 человѣкъ. Японцы считаютъ эту древнюю столицу чѣмъ-то въ родѣ Аѳинъ, ибо Саи-Кіо или Кіо-то со временъ глубокой древности представляетъ средоточіе національной учености, а нарѣчіе столицы считается классическимъ японскимъ языкомъ. Дѣйствительно, въ Міако сосредоточены типографіи; Міако — фокусъ японской литературы; онъ кишитъ пилигримами и богомольцами. Главная отрасль промышленности — производство фарфоровыхъ и бронзовыхъ товаровъ. Кіо-то долгое время считался святилищемъ, недоступнымъ для чужеземцевъ, и только въ послѣдніе годы его посѣтили нѣкоторые европейцы. Дальнѣйшее путешествіе Буке совершилъ по Іодогавѣ, въ большой «яне-фуне» (крытой лодкѣ), и достигъ японской Венеціи — Осаки, лежащей на берегу моря. Дѣйствительно, Осака — царица японскихъ городовъ; этотъ городъ прорѣзанъ по всѣмъ направленіямъ каналами, чрезъ которые сообщеніе производится по 3500 мостикамъ, имѣющимъ форму ослиной спины; тамъ живутъ больше на водѣ, нежели на твердой землѣ; все въ Осакѣ свидѣтельствуетъ о большой чистотѣ и удобствѣ. Впрочемъ, со времени открытія нѣкоторыхъ портовъ для иностранцевъ, торговля Осаки значительно потеряла въ богатствѣ и значеніи, такъ какъ вся торговля страны все болѣе сосредоточивается въ Іеддо и Іокогамѣ. Осака имѣетъ населеніе въ 272,000 душъ. При той же бухтѣ японскаго средиземнаго моря, такъ сказать, запертой островомъ Авадси, лежатъ еще пункты Кобе и Гіого, представляющіе, собственно говоря, одно цѣлое. (Bousquet: Un voyage dans l'intérieur du Japon, въ Revue des deux mondes, 15 января 1874, стр. 278—306). Въ шести часахъ отъ Гіого расположены замѣчательныя минеральныя воды Арима; Арима—городокъ съ 343 домами и 1450 жителями; онъ скрытъ въ горномъ ущельи. Температура воды равна 106° Фар. (=41° Ц.); не смотря на столь высокую температуру, японская публика, стекающаяся на воды, купается ежедневно два раза, оставаясь болѣе получаса въ водѣ, которая вытекаетъ, изъ различныхъ мѣстъ выложеннаго гладкими камнями дна, че-

тырьмя огромными ключами. (Mitth. der deutschen Gesellschaft für Natur und Völkerkunde Ostasiens. Jokohama. Jan. 1874. IV Heft).

Взявъ въ руки карту Японіи, мы увидимъ, что на югѣ архипелага три большихъ острова: Нипонъ, Кіузіу и Сикокъ, почти касаются другъ друга своими краями, отдѣляясь одинъ отъ другаго тремя узкими проливами. Лишь въ вогнутой срединѣ остается открытымъ обширный бассейнъ—средиземное море Суво-Нада, которое на западѣ продолжается рядомъ заливовъ; одинъ изъ нихъ омываетъ Осаку. При проливѣ, образующемъ западное устье этого средиземнаго моря, на Нипонѣ еще лежитъ городъ Симоносеки, а супротивъ его, на островѣ Кіузіу, расположенъ Кокури. Горы на Кіузіу образованы изъ формацій песчаника; вся пахатная земля острова также песчаная, что̀, однако, не препятствуетъ тому, что и Кіузіу тоже богатъ красотами природы. Особеннымъ обиліемъ послѣднихъ славится южный фіордообразно изсѣченный берегъ, на которомъ лежитъ городъ Нагасаки, съ 70,000—80,000 жителей. Этотъ портъ былъ ранѣе всѣхъ прочихъ открытъ для европейцевъ, теперь же онъ все болѣе приходитъ въ упадокъ.

ГЛАВА XI.

Полуостровъ Корея.

Къ западу отъ Японіи и противъ нея лежитъ полуостровъ Корея, который во всѣхъ отношеніяхъ можетъ быть разсматриваемъ какъ самостоятельный членъ Азіи. Названіе «Корея» есть испорченное туземное слово—Кейринъ или Тсьо-Сіенъ. Корея вытянута съ сѣверозапада на юго-востокъ и простираетси отъ 34° 40′ до 42° 30′ сѣв. широты и отъ 125° до 129° зап. долготы отъ Гринвича. Восточная часть омывается Японскимъ моремъ, западная часть—Желтымъ моремъ и Корейскимъ заливомъ. На сѣверѣ рѣки Ялу и Тюмень образуютъ границу съ китайскою и русскою Манджуріею. Поверхность, не считая множества мелкихъ острововъ у южнаго и западнаго береговъ, опредѣляется въ 205,000 кв. километровъ,—слѣдовательно, втрое больше

Шотландіи. Страна гориста, и даже въ прибрежной области возвышаются вершины до 2400 метровъ надъ уровнемъ моря. Долины плодородны, а горы мѣстами покрыты густыми лѣсами. Такъ говоритъ путешественникъ Александръ Вильямсонъ (Journeys in North-China. London. 1870. 8°. II vol., p. 295). Въ политическомъ отношеніи Корея представляетъ королевство, раздѣленное на восемь «тао», или провинцій.

Изъ всѣхъ государствъ настоящаго времени Корея всего болѣе сохраняетъ прежнюю замкнутость и изолированность, которыя образуютъ поразительнѣйшій контрастъ замѣчательному перевороту во взглядахъ, происшедшему въ сосѣдней Японіи немного лѣтъ тому назадъ. Благодаря европейскимъ стремленіямъ, даже Китай принужденъ былъ открыть доступъ въ большую часть своего государства, только Корея, стоящая къ Срединному государству въ данническихъ отношеніяхъ, рѣшилась герметически замкнуться не только отъ вліяній европейскаго прикосновенія, но и отъ своихъ ближайшихъ сосѣдей, китайцевъ и японцевъ, такъ что о Кореѣ мы знаемъ едва-ли болѣе, чѣмъ о нѣкоторыхъ частяхъ внутренней Африки. (Edinburgh Review, октябрь 1872, № 278, стр. 300). Въ гористыхъ пустошахъ сѣвера возвышается исполинская гора Пе-тау-Шенъ, т. е. «гора бѣлой головы», какъ рубежный знакъ на границѣ Манджуріи; китайскіе географы опредѣляютъ высоту ея въ 20 «ли», или около 12,000 метр. (Bulletin de la Soc. de géograph. de Paris, 1865. II vol., p. 345). На западныхъ и восточныхъ склонахъ Пе-тау-Шена берутъ начало вышеназванныя рѣки—Ялу и Тюмень; текущій къ востоку Тюмень нынѣ образуетъ границу съ владѣніями внушающаго страхъ сосѣда—Россіи, тогда какъ Ялу течетъ на западъ, по обширной, пустынной, обитаемой только тиграми и пушными звѣрями, лѣсистой области и, пройдя 2115 «ли», изливается въ Корейскій заливъ Желтаго моря. Внутри страны, какъ говорятъ, находятся 33 города первой, 28 городовъ второй и 70 городовъ третьей величины. (Ibid., p. 345—346). По внутренней части страны протекаетъ Ганъ-Кангъ, важнѣйшая рѣка Кореи; она течетъ по провинціи Кингъ-ки, съ востока на западъ, и образуетъ обширную дельту, въ которой разбросано множество скалистыхъ и лѣсистыхъ острововъ; это—Архипелагъ Императорскаго Принца. На Ганъ-Кангѣ лежитъ столица государства—Сеуль (также Кьонгъ). Корея согласно описывается путешественниками, какъ чрезвычайно гористая страна, хотя и пересѣченная многочисленными рѣчными долинами; столь же согласно, во всѣхъ имѣющихся источникахъ объ этой странѣ, говорится и о ея бѣдности, упадкѣ земледѣлія и торговли, простотѣ нравовъ жителей. Народонаселеніе едва-ли превосходитъ 9 милліоновъ; по переписи 1793 г., численность населенія опредѣлена въ 7.342,341 душъ. Оно распредѣлено очень неравномѣрно, какъ иначе и быть не можетъ въ столь гористой странѣ; въ большихъ до-

*

линахъ, особенно на западной сторонѣ, оно очень густо, на востокѣ—гораздо рѣже, а на сѣверѣ совсѣмъ рѣдко, но не потому, чтобы климатъ и почва были неблагопріятны (этого въ дѣйствительности нѣтъ), но потому, что правительство создало тамъ искусственную пустыню, съ цѣлью удержать воинственныхъ манджуровъ отъ нападеній; для этого оно приказало срыть четыре города и снести много деревень. Поэтому-то на картѣ Петермана между Кореею и Шинкингомъ, или Ліао-Тонгомъ, показана очень большая, широкая полоса нейтральной, незаселенной области. Климатъ здоровый, на сѣверѣ онъ очень суровъ, подобно манджурскому; по мѣрѣ же приближенія къ югу климатъ походитъ на японскій; впрочемъ, зимою бываютъ снѣгъ и ледъ даже въ самыхъ южныхъ частяхъ страны. Такъ какъ Корея съ трехъ сторонъ окружена моремъ, то атмосферные осадки, само собою разумѣется, тамъ очень обильны, вслѣдствіе чего растительность роскошна, а берега богаты очаровательными картинами природы.

По Фридриху Мюллеру, корейцы принадлежатъ къ урало-алтайской вѣтви монгольской (нагорно-азіатской) расы и представляютъ народъ смѣшаннаго происхожденія; именно, съ одной стороны, они—потомки санъ-гановъ, обитающихъ на югѣ Кореи, а съ другой — потомки сіенъ-писовъ, неоднократно выступавшихъ на историческую сцену Нагорной или Высокой Азіи и родиною коихъ была сѣверо-восточная Монголія; но, какъ отдѣльная нація, сіенъ-писы уже давно исчезли. Свою національность и языкъ корейцы получили отъ завоевавшаго ихъ народа—касъ-ли, проникшаго съ сѣвера на полуостровъ во второмъ столѣтіи до Р. Хр.; касъ-ли держали въ своей власти весь полуостровъ. (Fr. Müller. Allgemeine Ethnographie. Wien. 1873. 8°. S. 335). По внѣшности, корейцы болѣе похожы на японцевъ, чѣмъ на китайцевъ; во всякомъ случаѣ черты монгольскаго типа обнаруживаются очень рѣзко. Округленныя яремныя кости сильно выдаются, носъ у корня сплюснутъ, ноздри широкія, глаза всегда чернаго цвѣта и прорѣзаны наискось; корейцы средняго роста и сильны,—по всей вѣроятности, рослѣе и сильнѣе сосѣднихъ народовъ. (Edinburgh Review. Ibid., p. 309, и Globus, XXIV, p. 131).

Главное пищевое средство—плохаго сорта рисъ, затѣмъ пшеница, ячмень, просо и кукуруза; послѣдняя разводится въ большомъ видѣ. Соленыя капуста и свекла представляютъ предметъ ежедневной пищи; тоже должно сказать и о рыбѣ—для приморскихъ жителей. Состоятельные корейцы ѣдятъ говядину и свинину, бѣдняки-же не брезгаютъ лошадинымъ и собачьимъ мясомъ; какъ извѣстно, всеядные китайцы

также охотно употребляютъ въ пищу собакъ. Табакъ хотя и воздѣлывается, но лучшихъ качествъ продуктъ вывозится изъ Китая. Яблоки, орѣхи, груши, абрикосы, гранаты, сливы хорошо родятся въ странѣ Культура различныхъ сортовъ конопли важнѣе разведенія хлопчатника; изъ пеньки изготовляется грубое, толстое полотно для одежды низшихъ классовъ населенія; дворяне и чиновники носятъ одежды изъ шелка, который въ небольшомъ количествѣ получается въ самой странѣ. Изъ Кореи вывозятся за границу лишь два товара, провозимые китайскими купцами наполовину контрабандою, или продаваемые прислугою ежегодно переселяющагося въ Пекинъ общества; кромѣ того, эти же товары привозятся на ярмарку, устраиваемую, съ разрѣшенія правительства, на границѣ. Эти два предмета сбыта суть: бумага и жинсенъ. Жинсенъ (Panax Ginseng) выращивается изъ сѣмянъ, подъ защитою навѣсовъ изъ пихтовой коры; корни этого растенія собираютъ лишь по прошествіи пяти лѣтъ; послѣ сбора, ихъ просушиваютъ на солнцѣ. Корейскій жинсенъ цѣнится китайцами далеко не такъ высоко, какъ жинсенъ изъ лѣсовъ по Амуру и Уссури; но все-таки за полукилограммъ (1, 2 русск. фунта) платятъ не дешевле 60—80 мар. (18—24 руб.). Корейская бумага приготовляется изъ хлопка и внутренней коры одного вида тутоваго дерева; она, подобно японской, очень прочна и находитъ себѣ многоразличное употребленіе. Полуостровъ Корея обладаетъ очень большими минеральными богатствами: золотомъ, серебромъ, желѣзомъ, мѣдью, свинцомъ и каменнымъ углемъ; но право добычи принадлежитъ исключительно правительству. Корейцы столь-же искусны въ обработкѣ металловъ, какъ и японцы, и въ этомъ дѣлѣ обнаруживаютъ тонкій, художественный вкусъ. За то судостроеніе находится на низкой ступени развитія; по рѣкамъ ходятъ плоскодонныя лодки, а у береговъ моря—маленькія джонки. Народъ, за исключеніемъ придворныхъ кружковъ, ведетъ очень простую жизнь; даже чай не проникъ въ его среду. Простой смертный пьетъ отваръ изъ риса или проса, богачъ изрѣдка наслаждается, какъ роскошью, настоемъ жинсена; плохая, очень крѣпкая водка выкуривается изъ различнаго хлѣба и потребляется въ умѣренномъ количествѣ. Сахаръ встрѣчается только въ аптекахъ; для подслащенія же употребляютъ медъ. Одежда народа состоитъ изъ длинныхъ, широкихъ панталонъ, доходящихъ до щиколодки, затѣмъ изъ простаго и широкаго балахона, завязываемаго поясомъ. Высшіе классы поверхъ бумажнаго верхняго платья и широкихъ бумажныхъ панталонъ часто носятъ накидку изъ тонкаго шелковаго газа, спускающуюся до колѣнъ; спереди эта накидка имѣетъ пуговицы и часто окрашена въ свѣтлосиній цвѣтъ. Зимою повсюду надѣваютъ шубы и подбитое ватою платье. Обувь состоитъ изъ соломенныхъ и нитяныхъ сандалій, оканчивающихся спереди направленнымъ кверху носкомъ. Женатые мужчины укрѣпляютъ на макушкѣ свитые въ одну массу волосы, посредствомъ очень тонкихъ бамбуковыхъ палочекъ, и на-

дѣваютъ на волосы (но не на голову) шляпу своеобразной формы, сплетенную также изъ бамбука; эта шляпа сидитъ твердо только потому, что удерживается лентами, завязываемыми у подбородка. Женщины, не обезображивающія своихъ ногъ, подобно китаянкамъ, заплетаютъ волосы въ двѣ косы и обвиваютъ ихъ вокругъ головы.

Наши познанія о государственныхъ учрежденіяхъ и подробностяхъ мѣстнаго управленія въ Кореѣ крайне ограниченны. Впрочемъ, мы знаемъ, что Корея, подобно Китаю, есть абсолютная монархія; но въ Кореѣ существуютъ привилегированные классы и наслѣдственное дворянство, которыхъ нѣтъ въ Китаѣ. Корона монарха передается по наслѣдству, но порядокъ престолонаслѣдія неоднократно былъ предметомъ распрей, причемъ дворяне играли важную роль. Чиновники могутъ получать должности по управленію лишь послѣ хорошо выдержаннаго испытанія,—словомъ такъ-же, какъ и въ Китаѣ; однако, они могутъ пріобрѣтать мѣста также покупкою или въ знакъ особой милости монарха. Правители областей имѣютъ неограниченную власть надъ жизнью и имуществомъ народа; они примѣняютъ варварскія наказанія, и удары бамбуковою тростью принадлежатъ къ числу обыкновеннѣйшихъ наказаній, назначаемыхъ за самые маловажные проступки. Каждый кореецъ обязанъ нести военную службу; постояннаго войска въ Кореѣ не существуетъ; настоящимъ войскомъ можно считать развѣ только лейбъ-гвардію монарха. Само собою разумѣется, дисциплина и тактика—вещи неизвѣстныя. Обыватели каждаго округа, обязанные исполнять безплатно различныя работы по требованію правительства, призываются въ опредѣленные сроки въ окружной городъ, гдѣ они получаютъ оружіе и несутъ полицейскія обязанности. Въ этомъ случаѣ они не носятъ обычной бамбуковой шляпы; ее замѣняетъ особый головной уборъ, кругловатой формы. Вооруженіе состоитъ изъ рогатины, лука и фитильныхъ ружей; впрочемъ, въ столицѣ, кромѣ того, производится хорошее оружіе; гвардія носитъ каски и латы. Во время войны солдатъ надѣваетъ длинное верхнее платье, которое такъ плотно подбито ватою, что оно задерживаетъ сабельные удары и пули мушкетовъ, но не въ состояніи предохранить отъ штуцерныхъ пуль. Это обмундированіе до такой степени тяжело (одна каска вѣситъ 10 килограммовъ), что мѣшаетъ свободному и быстрому движенію солдатъ.—Равнымъ образомъ и въ религіозномъ отношеніи Корея напоминаетъ сосѣдній Китай. Въ народѣ распространенъ буддизмъ, а также ученіе Лао-тзе или Тао; высшіе же классы довольствуются этическими правилами Конфуція. Слова корейскаго языка состоятъ изъ многихъ слоговъ; онъ находится въ отдаленномъ родствѣ какъ съ японскимъ языкомъ, такъ и урало-алтайскими нарѣчіями. По мнѣнію французскаго ученаго Леона-де-Рони (Leon de Rosny: Aperçu de la langue Coréenne, въ Journal asiatique 1864, p. 287—325), корейскій языкъ отличается отъ китайскаго тѣмъ, что въ немъ имѣется 27 настоящихъ буквъ. Однако туземный алфавитъ пользуется небольшимъ

вниманіемъ и употребляется только женщинами и дѣтьми, тогда какъ всѣ образованные люди знакомы съ китайскими письменами. Такъ какъ послѣднія, подобно нашимъ арабскимъ цифрамъ, имѣютъ совершенно опредѣленное значеніе, то употребляющіе ихъ аннамитъ, японецъ или кореецъ понимаютъ, что обозначаютъ эти знаки; такимъ образомъ посредствомъ нихъ становится возможнымъ пониманіе написаннаго, хотя языки этихъ народовъ очень сильно отличаются одинъ отъ другаго. Такъ, напр., знакъ для обозначенія человѣка по-китайски призносится «іенъ», по-корейски «сарамъ»; но при чтеніи знака, какъ у китайца, такъ равно и у корейца, порождается представленіе объ одномъ и томъ же предметѣ — человѣкѣ.

ГЛАВА XII.

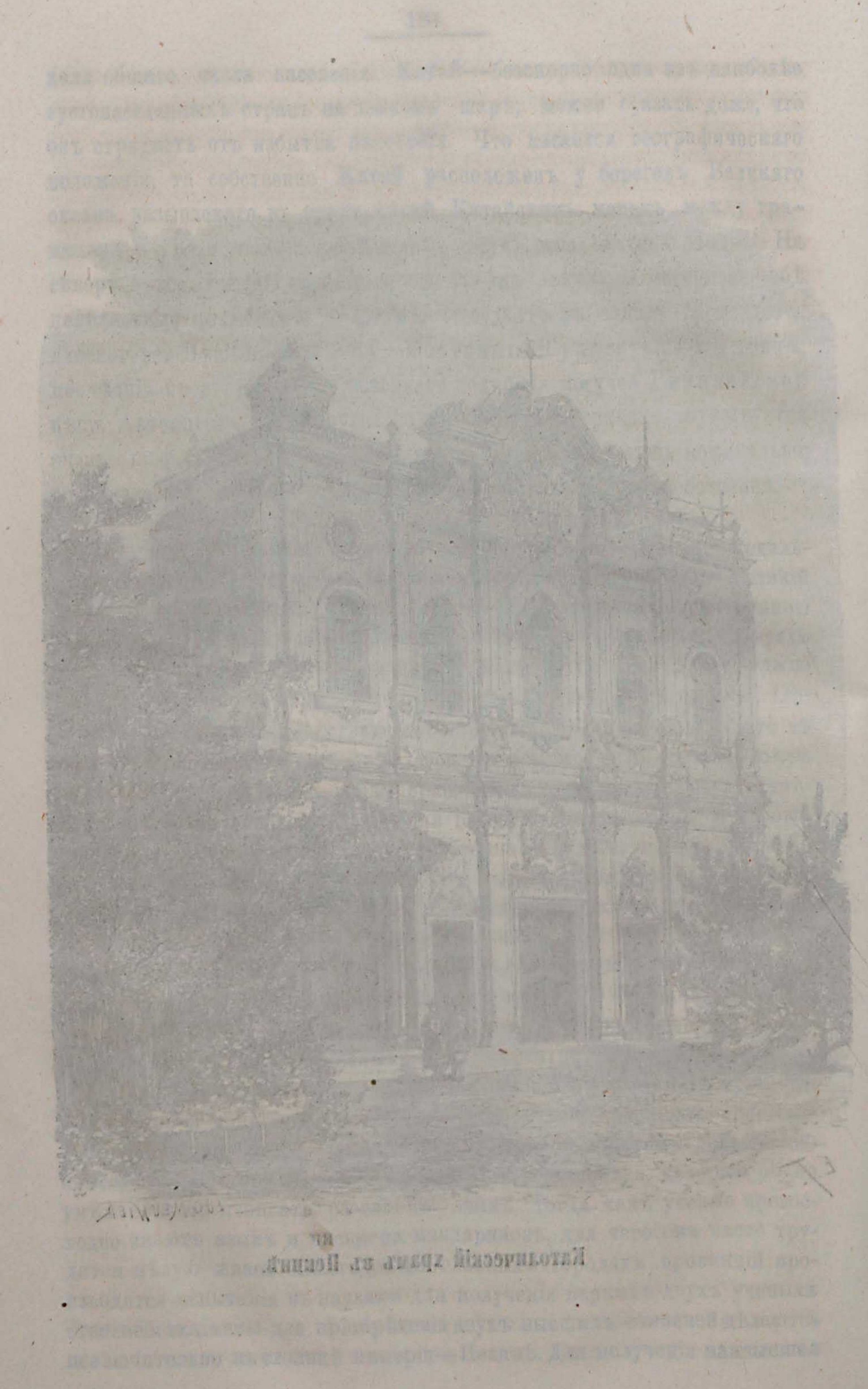
Китай.

Подъ именемъ Китая обыкновенно понимаютъ Китайскую имперію въ обширномъ смыслѣ, т. е. территорію, которая заключаетъ громадныя области, неимѣющія ничего общаго, какъ по природѣ, такъ и по населенію, съ Китаемъ собственно. Китайская имперія въ обширномъ смыслѣ, или «Срединное государство», какъ китайцы называютъ свою страну, по занимаемой площади равняется Европѣ; что же касается численности народонаселенія, то хотя мы и не имѣемъ надежныхъ данныхъ на этотъ счетъ, но не ошибемся, сказавъ, что едва-ли эта страна уступаетъ нашей части свѣта и въ въ этомъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ, уже давно отказались отъ слишкомъ высокой оцѣнки численности населенія Китайской имперіи, напр. въ 500 милліоновъ душъ; нынѣ ее считаютъ равною только 400 милліонамъ, да и то многіе стоятъ за уменьшеніе этой цифры, — и легко можетъ быть, что настоящее число не превосходитъ 300 милліоновъ. Какъ бы то ни было, населеніе Китая состоитъ изъ очень различныхъ элементовъ, которые въ теченіи прошлыхъ вѣковъ были подчинены китайцами и должны были усвоить ихъ культуру. Съ 1640 года въ Китаѣ правитъ татарская династія изъ Манджуріи. Собственно Китай образуетъ лишь нѣсколько больше трети всего государства, и, само собою разумѣется, на долю китайцевъ въ тѣсномъ смыслѣ приходится лишь нѣкоторая, хотя и наиболѣе значительная,

доля общаго числа населенія. Китай—безспорно одна изъ наиболѣе густонаселенныхъ странъ на земномъ шарѣ; можно сказать даже, что онъ страдаетъ отъ избытка населенія. Что касается географическаго положенія, то собственно Китай расположенъ у береговъ Великаго океана, называемаго въ этомъ мѣстѣ Китайскимъ моремъ, между границами Кореи и границами Аннама, государства Задней Индіи. На сѣверѣ находится Манджурія, а далѣе къ западу Монголія,—обѣ подвластныя китайцамъ; наконецъ, еще далѣе къ западу громоздятся плоскогорья Возвышенной Азіи—Восточный Туркестанъ и Тибетъ; послѣдній простирается до сѣвернаго подножія могучей Гималайской цѣпи. Авторитетъ государства во всѣхъ этихъ странахъ чувствуется очень слабо; иногда центральная власть признается лишь номинально; организованное управленіе встрѣчается только въ Китаѣ собственно.

Управленіе Китайскою имперіею все еще зиждется на патріархальныхъ началахъ. Императоръ, называемый «та-куангъ-ти», или «великій императоръ», считается отцомъ народа и пользуется ограниченною властью. Основные законы имперіи изложены въ первыхъ четырехъ книгахъ Конфуція и построены на томъ началѣ, что государство должно быть управляемо по тѣмъ же кореннымъ правиламъ, какъ и семья. Оффиціальное имя нынѣ царствующаго императора есть «Киціангъ», что̀ въ переводѣ означаетъ «высокое благоденствіе»; но чаще его называютъ «Тунъ-чи». Монархъ есть глава правленія и религіи въ государствѣ. Государственная религія, именуемая Конфуціевой по имени ея основателя, не имѣетъ ни іерархіи, ни собственнаго культа, а лишь немногія символическія функціи, торжественно выполняемыя въ новый годъ императоромъ и вице-королями. За этими небольшими исключеніями, названная религія предписываетъ только изученіе и изслѣдованіе нравственныхъ началъ Конфуція и Лао-тзе. Другіе культы, процвѣтающіе въ Китаѣ, между которыми преобладаютъ буддизмъ и браманизмъ, пользуются покровительствомъ, ибо они признаются полезными для воспитанія народа; классъ же ученыхъ, индифферентистовъ и матеріалистовъ относится къ нимъ презрительно. На югѣ страны живутъ туземные магометане и христіане; повсюду внутри страны разсѣяны христіанскія общества. Школъ чрезвычайно много, и притомъ совершенно свѣтскихъ. Поэтому рѣдко можно встрѣтить человѣка, который бы не умѣлъ читать и писать на своемъ языкѣ, тогда какъ ученые превосходно знаютъ языкъ и письмена мандариновъ, для чего они часто трудятся цѣлую жизнь. Ежегодно въ главныхъ городахъ провинцій производятся испытанія въ наукахъ для полученія первыхъ двухъ ученыхъ степеней; экзамены для пріобрѣтенія двухъ высшихъ степеней дѣлаются исключительно въ столицѣ имперіи—Пекинѣ. Для полученія наивысшей

Католическій храмъ въ Пекинѣ.



ученой степени нужно знать болѣе 100,000 письменъ, тогда какъ всякая низшая степень требуетъ соотвѣтственно меньшей напряженности памяти. Рѣдко можно встрѣтить такихъ китайцевъ, которые достигли высшихъ степеней учености въ столь молодомъ возрастѣ, чтобы они могли посвятить себя физикѣ и естествознанію; большинство ограничивается тѣмъ, что заучиваетъ наизусть старинныя положенія этихъ наукъ и правила ихъ практическаго примѣненія. Каждой степени учености предоставлено право носить особенную, отличительную для нея, пуговицу на шляпѣ. Общественныя должности предоставляются людямъ, достигшимъ различныхъ степеней учености, по мѣрѣ ихъ важности. Управленіе государствомъ вѣряется верховному совѣту изъ четырехъ членовъ, изъ которыхъ двое принадлежатъ къ китайской и двое къ татарской національности. Въ засѣданіяхъ этого совѣта принимаютъ участіе два представителя «канлина» или великой коллегіи, которые обязаны наблюдать за тѣмъ, чтобы никакое постановленіе, находящееся въ противорѣчіи съ основными законами священныхъ книгъ Конфуція, не было принято. Члены совѣта и ихъ помощники называются «та-гіоси», или государственными министрами, и завѣдываютъ «ле-пао», государственными учрежденіями или министерствами. Министерства эти слѣдующія: 1) министерство гражданскихъ чиновъ, которое имѣетъ обязанностью наблюдать за поведеніемъ гражданскихъ чиновниковъ и ввѣреннымъ имъ управленіемъ; 2) министерство финансовъ, которое управляетъ государственнымъ имуществомъ; 3) министерство обычаевъ и церемоній; оно имѣетъ обязанностью наблюдать за тѣмъ, чтобы національные законы и нравы соблюдались народомъ; 4) военное министерство; 5) министерство общественныхъ работъ; 6) верховный военный судъ. Независимо отъ этихъ министерствъ и теоретически выше ихъ стоитъ «тучейвемъ», или совѣтъ общественныхъ цензоровъ. Онъ состоитъ изъ 40 или 50 членовъ съ двумя президентами, изъ которыхъ одинъ татаринъ, другой китаецъ. По изстари заведенному обычаю, каждому члену этого совѣта предоставлено право непосредственно обращать вниманіе императора на все достойное порицанія въ государствѣ. При совѣщаніяхъ въ различныхъ министерствахъ всегда присутствуетъ одинъ изъ этихъ цензоровъ, хотя ему и не предоставлено право голоса; другіе цензоры объѣзжаютъ различныя провинціи имперіи и контролируютъ управленіе намѣстниковъ. Относительно общей суммы доходовъ имперіи нѣтъ точныхъ свѣдѣній; мы только знаемъ, что таможенные сборы доставляются не столько ввозомъ, сколько вывозомъ.

Военныя силы страны подраздѣляются на двѣ отдѣльныя группы; одна изъ нихъ состоитъ изъ войскъ, принадлежащихъ къ манджурской національности, слѣдовательно какъ и нынѣ царствующая династія, другая—изъ войскъ китайскихъ и другихъ племенъ. Первая группа—главная военная сила, на которую опирается династія, раздѣляется на восемь отдѣльныхъ знаменъ и занимаетъ важнѣйшіе города страны; она

расположена въ крѣпостяхъ, или командующихъ надъ городами позиціяхъ, окруженныхъ стѣнами и верками. Не смотря на воинственность этихъ войскъ, ихъ, однако, вслѣдствіе недостаточности вооруженія и обученія, можно считать негодными для своего дѣла. Въ послѣднее время, при содѣйствіи англійскихъ инструкторовъ, достигнуты, особенно въ артиллеріи, нѣкоторые успѣхи. Войско китайской національности заключаетъ въ себѣ 600,000 человѣкъ, которые распредѣлены во всей имперіи, живутъ въ собственныхъ домахъ, сами заботятся о своемъ пропитаніи и только отъ времени до времени, въ особенныхъ случаяхъ, собираются въ главныхъ городахъ провинцій, подъ начальство своихъ командировъ. Китай пересѣкается во всѣхъ направленіяхъ 2000 императорскихъ дорогъ, которыя, въ связи съ большимъ количествомъ рѣкъ и обширною сѣтью каналовъ, дѣлаютъ его богатѣйшею страною въ мірѣ по средствамъ сообщенія. Къ сожалѣнію, на содержаніе какъ дорогъ, такъ и каналовъ въ хорошемъ состояніи и предохраненіе ихъ отъ вліянія времени и дурной погоды не обращали должнаго вниманія, почему въ настоящее время они отчасти негодны къ употребленію. По населеннѣйшимъ частямъ имперіи можно было бы очень легко провести желѣзныя дороги, постройка которыхъ потребовала бы небольшихъ издержекъ, а между тѣмъ дороги приносили бы богатую прибыль. Переполненіе страны населеніемъ объясняетъ трудности, съ которыми приходится бороться жителямъ, чтобы добыть пропитаніе. Китайская раса—столь же трудолюбивая, какъ и алчная до барыша; она ничего не упускаетъ изъ виду, чтобы добыть, посредствомъ земледѣлія и промысловъ, всевозможные продукты почвы и моря; не смотря на это, наводненія, плохіе урожаи и междуусобицы провинцій и даже деревень часто порождаютъ ужаснѣйшую дороговизну, вслѣдствіе чего голодъ опустошаетъ страну, и никакой законъ не въ силахъ охранить собственности. Не меньшій бичъ, чѣмъ это частое наступленіе голода, представляетъ чрезвычайно и безпримѣрно плохое управленіе, добычею котораго имперія сдѣлалась въ настоящее время. Чиновники въ царствованіе теперешней династіи достигли высшей степени испорченности. При деспотически-демократическомъ образѣ правленія, гдѣ по закону цѣнятся только знаніе и личныя заслуги, лишь всеобщая нравственность можетъ обезпечить уваженіе къ закону и правосудіе. Но знаніе, заслуги и нравственность начинаютъ терять силу, коль скоро испорченность изъ сферы семейства перешла въ государство; при патріархальной формѣ правленія, не налагающей на власть другой узды, кромѣ обязанности питать отеческую любовь къ подвластнымъ, недостатокъ нравственности въ правителяхъ имѣетъ самыя ужасныя послѣдствія и легко дѣлаетъ ихъ продажными. Правосудіе и любая общественная должность продаются licitando, а тѣ учено-политическія учрежденія, которыя, если ихъ созерцать изъ прекраснаго далека, возбуждаютъ удивленіе людей, съ энтузіазмомъ вѣрящихъ въ возвышен-

ныя теоріи свободы и равенства, ограничваемыхъ только разумомъ и нравственностью, здѣсь плодятъ самую унизительную тиранію, которая когда-либо вела народъ къ погибели. Единственная забота мандарина высшаго ранга заключается въ томъ, чтобы погасить въ возможно короткое время денежный долгъ, который онъ обязанъ уплатить мандарину высшаго ранга за полученіе своего поста, а затѣмъ пріобрѣсти богатство, чтобы достигнуть высшей степени. Этого мало: каждый мандаринъ, въ свою очередь, окруженъ безчисленными спутниками, происходящими изъ поддонковъ народа и служащими въ качествѣ солдатъ, полицейскихъ агентовъ и палачей. Эти преторіанцы, столь же безнравственные, какъ и склонные къ насилію, проводятъ все время въ игрѣ и въ куреніи опіума, и употребляютъ плоды ненавистнаго грабежа для привитія себѣ пороковъ. Такимъ образомъ, верховная власть вицекоролей всецѣло находится въ рукахъ этой камарильи, которая свила себѣ такое прочное гнѣздо и укрѣпилась до такой степени, что держитъ все китайское общество въ сѣтяхъ грязи, безнравственности и несчастія. (См. Lovera въ Rivista marittima, 1872).

Добросовѣстность требуетъ сказать, что, не смотря на очень полезныя путешествія барона Рихтгофена, Армана Давида, Маргари, Эл. Нея и другихъ, о внутреннемъ Китаѣ мы знаемъ немногимъ болѣе, чѣмъ о внутренней Японіи. Для сношенія съ европейцами, по договору, открыты лишь нѣкоторые пункты, преимущественно порты, именно слѣдующіе: Ніу-чіангъ, главный городъ имперіи Пекинъ, Тіенъцинъ, Тенъ-чжеу, Чи-фу, Чинъ-кіангъ, Кіеу-кіангъ, Ганкоу, три послѣдніе на Янъ-це-Кіангѣ; Шанхай, Нингъ-по, Фучжеу, Гіаменъ (Амой), Ша-теу (Сватоу) и Кантонъ; на противолежащемъ материку большомъ островѣ Формозѣ находятся порты, также открытые по договору: Ке-лунъ, Таншуй и Тайванъ; на островѣ Хайнанъ — городъ Кіунгъ—чжеу. По договору между Англіею и Китаемъ, отъ 12 сентября 1876 года, еще должны быть открыты въ 1877 г. шесть китайскихъ городовъ для иностранной торговли, а именно: Ша-зи, Та-тунъ, Вугу и И-чанъ—на Янъ-це-Кіангѣ, Венъ-чжеу и Пакой—на морскомъ берегу. Кромѣ того, на Янъ-це-Кіангѣ устраиваются еще шесть пристаней; тамъ будутъ приставать пароходы, садиться и высаживаться пассажиры, нагружаться и выгружаться товары. Два очень важные береговые пункта, изъ коихъ каждый расположенъ на одномъ изъ небольшихъ островов южнаго Китая, именно Гонконгъ и Макао, находятся въ рукахъ европейцевъ: первый въ рукахъ англичанъ, второй—во владѣніи пор-

тугальцевъ. Оставляя безъ вниманія нѣсколько путешествій новѣйшаго времени, мы можетъ сказать, что, только благодаря нѣкоторымъ изъ этихъ береговыхъ пунктовъ и неустрашимому мужеству миссіонеровъ, мы нѣсколько познакомились съ внутреннимъ Китаемъ.

По характеру своей поверхности, собственно Китай представляетъ отчасти горную страну, отчасти низменность, а по обилію воды, мягкому климату и богатому разнообразію ландшафтовъ принадлежитъ къ благословеннѣйшимъ странамъ. Горная страна занимаетъ западъ; тамъ находится главный хребетъ ея Цинъ-Лингъ; на югѣ она переходитъ въ альпійскую страну Юнъ-нань. На западѣ послѣдняя соединяется съ отрогами Гималая, а первый — съ Кюнь-Люнемъ посредствомъ Нань-Шаня, причемъ обѣ цѣпи имѣютъ значеніе сѣверныхъ границъ Тибетской возвышенной страны. На восточномъ концѣ Нань-Шаня поднимается знаменитая «Великая Стѣна», которая окружаетъ весь сѣверъ собственно Китая, какъ оплотъ противъ вторженія варваровъ; но въ настоящее время она уже находится въ значительномъ упадкѣ. Отдѣльные горные хребты имѣютъ особенныя названія; относительно ихъ направленія мы знаемъ слишкомъ мало, чтобы представить себѣ полную систему китайской орографіи. Нѣкоторые темные пункты уяснены, благодаря недавно опубликованнымъ изслѣдованіямъ барона Фердинанда Рихтгофена. Съ плоскогорья Нагорной Азіи, восточные склоны котораго обозначаются вышеупомянутыми горными хребтами, спускаются въ долину двѣ мощныя водяныя жилы, Гоанго, или Желтая рѣка, и Янъ-це-Кіангъ, или Голубая рѣка, рѣки-близнецы, которыя своимъ теченіемъ живо напоминаютъ Сыръ и Аму-Дарью въ Центральной Азіи, а также Тигръ съ Евфратомъ Месопотаміи. Подобно двумъ послѣднимъ, онѣ также окружаютъ китайскую Месопотамію, и ея нижняя область есть вмѣстѣ съ тѣмъ плодородная китайская низменность, колыбель имперіи. Болѣе сѣверная изъ двухъ рѣкъ, Гоанго, извивается подобно лежащему S и вливается въ заливъ Печили; Янъ-це-Кіангъ, устье котораго такъ широко, что съ одного берега нельзя видѣть другаго,—послѣ Амазонской рѣки и Миссисипи самая громадная и длинная рѣка земнаго шара, а для Китая важнѣйшій торговый путь, который служитъ посредникомъ для сообщенія съ внутренними частями имперіи. Рядомъ съ этими двумя рѣками заслуживаетъ упоминанія Си-кіангъ, который беретъ начало въ Юнъ-нанѣ, принимаетъ восточное направленіе, достигаетъ у Кантона Южно-китайскаго моря, разливаясь на много рукавовъ.

Мы уже упоминали вскользь о великомъ плодородіи собственно Китая. Въ самомъ дѣлѣ, китайская Месопотамія есть самая хлѣбородная мѣстность на землѣ, богатства которой трудолюбивый китаецъ эксплоатируетъ всѣми возможными средствами, не щадя своихъ силъ. Пшеница, ячмень,

табакъ, стручковыя растенія—вотъ главнѣйшія произведенія культуры сѣверныхъ провинцій съ холодными зимами и жаркимъ лѣтомъ; хлопчатникъ, сахарный тростникъ, перецъ, бетель, пряные коренья, южные плоды и прежде всего рисъ, который составляетъ главную потребность каждаго китайца,—вотъ произведенія среднихъ провинцій съ сильными жарами и бурными, дождливыми зимами. Полосы, гдѣ рисъ воздѣлывается наиболѣе интензивно, представляютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, центръ имперіи, средоточіе самаго густаго населенія и фокусъ торговли. Между 24 и 35° сѣв. ш. находится родина чайнаго деревца, листья котораго даютъ чрезвычайно драгоцѣнный предметъ торговли—чай. Лучшій черный чай идетъ изъ провинціи Фукіенъ, съ холмовъ Бона; лучшій зеленый чай—съ Гоанго и Санъ-то-чжеу. Англичане, конечно, хотятъ увѣрить, что самый лучшій чай производится въ Индіи и почти исключительно потребляется въ Англіи. Однако, лучшій чай, послѣ китайцевъ, пьютъ русскіе, которые скупаютъ самые тончайшіе сорта за высшую цѣну. Весь потребляемый въ Россіи чай до настоящаго времени шелъ сухимъ путемъ—караванами чрезъ пустыню Гоби и Монголію на Маймачинъ-Кяхту; нынѣ же въ Россію провозится чай также и моремъ, которымъ для этой цѣли англичане пользовались уже издавна, разумѣется въ ущербъ аромату чая. Западныя горныя цѣпи на своихъ западныхъ склонахъ представляютъ одно изъ немногихъ мѣстъ произрастанія ревеня (Rheum Emodi Wall.), столь важнаго въ медицинѣ средства; къ сожалѣнію, значительно распространено также воздѣлываніе столь вреднаго Papaver orientale, изъ котораго добывается опасный опіумъ. Употребленіе этого наркотическаго вещества было прежде неизвѣстно въ Китаѣ, но оно тамъ введено алчными до наживы англичанами, изъ Индіи, гдѣ этотъ продуктъ получается высшихъ качествъ. Съ тѣхъ поръ англичане съ полнымъ успѣхомъ работаютъ, вѣроятно, въ интересахъ цивилизаціи, надъ тѣмъ, чтобы осчастливить китайскій народъ посредствомъ яда — опіума, такъ что нынѣ въ громадной имперіи существуютъ провинціи, въ которыхъ все народонаселеніе, вслѣдствіе куренія опіума, сдѣлалось хилымъ и выродилось. Полагаютъ, что въ Китаѣ почти четвертая часть народонаселенія куритъ опіумъ, составляющій предметъ монополіи правительства, и оно не перестаетъ поощрять его разведеніе посредствомъ денежныхъ вспомоществованій Опіумъ, произведенный въ странѣ, по большей части проникаетъ въ восточную Монголію и сѣверную Манджурію; нѣкоторыя южныя провинціи также начинаютъ воздѣлывать его. Но опіума собственнаго производства не хватаетъ для удовлетворенія потребности народа, и въ кассу англо-индійскаго правительства ежегодно притекаетъ не менѣе 120—140 милліоновъ марокъ, которые отнимаются у потребляющихъ опіумъ китайцевъ. Нельзя достаточно заклеймить того, что эта постыдная торговля находитъ защитниковъ также среди нѣмцевъ (напримѣръ въ Allgem. Zeitung, отъ 25 іюля 1875 г.). Замѣчательно, что, не смотря на

повсемѣстный недостатокъ въ лѣсѣ, китайцы старательно истребляютъ кусты и лѣса. Если даже объяснять такое лѣсоистребленіе сильнымъ спросомъ на древесные сортименты и расчисткою лѣса подъ пашни, то все-таки становится непонятнымъ это систематическое выжиганіе лѣсовъ на горахъ; оно не могло быть вызвано также и потребностью въ пастбищахъ, потому что разведеніе скота въ Китаѣ незначительно. Аббатъ Давидъ того мнѣнія, что истребленіе лѣсовъ въ Китаѣ служитъ мѣрою для уничтоженія дикихъ звѣрей. Не только въ жаркой Индіи, но и въ Китаѣ, даже въ его наиболѣе сѣверныхъ провинціяхъ, весьма распространены тигръ и пантера, которые, соотвѣтственно болѣе холодному климату, отличаются и болѣе сильнымъ тѣлосложеніемъ, и большею дикостью. Опытъ показываетъ, что всѣ животныя, принадлежащія къ семейству кошекъ, непремѣнно покидаютъ тѣ мѣстности, въ которыхъ, съ исчезновеніемъ лѣсовъ и кустарниковъ, наступаетъ недостатокъ въ логовищахъ; вотъ эта-то причина, при отсутствіи мужества у китайцевъ, могла привести къ обезлѣсенію страны. Напротивъ того, однимъ изъ источниковъ народнаго богатства является производство шелка-сырца; разведеніе шелковичнаго червя было издавна туземною отраслью китайской промышленности, и потому понятно, что шелкъ представляетъ одну изъ значительнѣйшихъ статей торговли. Въ Шанхаѣ онъ принадлежитъ, вмѣстѣ съ чаемъ и хлопчатою бумагою, къ тремъ важнѣйшимъ предметамъ вывоза; въ Кантонѣ же вывозъ шелка занимаетъ первое мѣсто; второе затѣмъ мѣсто занимаетъ чай, а третье Cassia lignea—продуктъ весьма важный для средней Европы, потому что тамъ кассія повсюду потребляется вмѣсто дорогой корицы съ Цейлона. Но самыя большія богатства Китая лежатъ въ его нѣдрахъ; тамъ сокрыты неисчерпаемыя сокровища, въ видѣ залежей руды и каменнаго угля, такъ что эти оба продукта въ состояніи произвести впослѣдствіи новый поворотъ въ китайской торговлѣ.

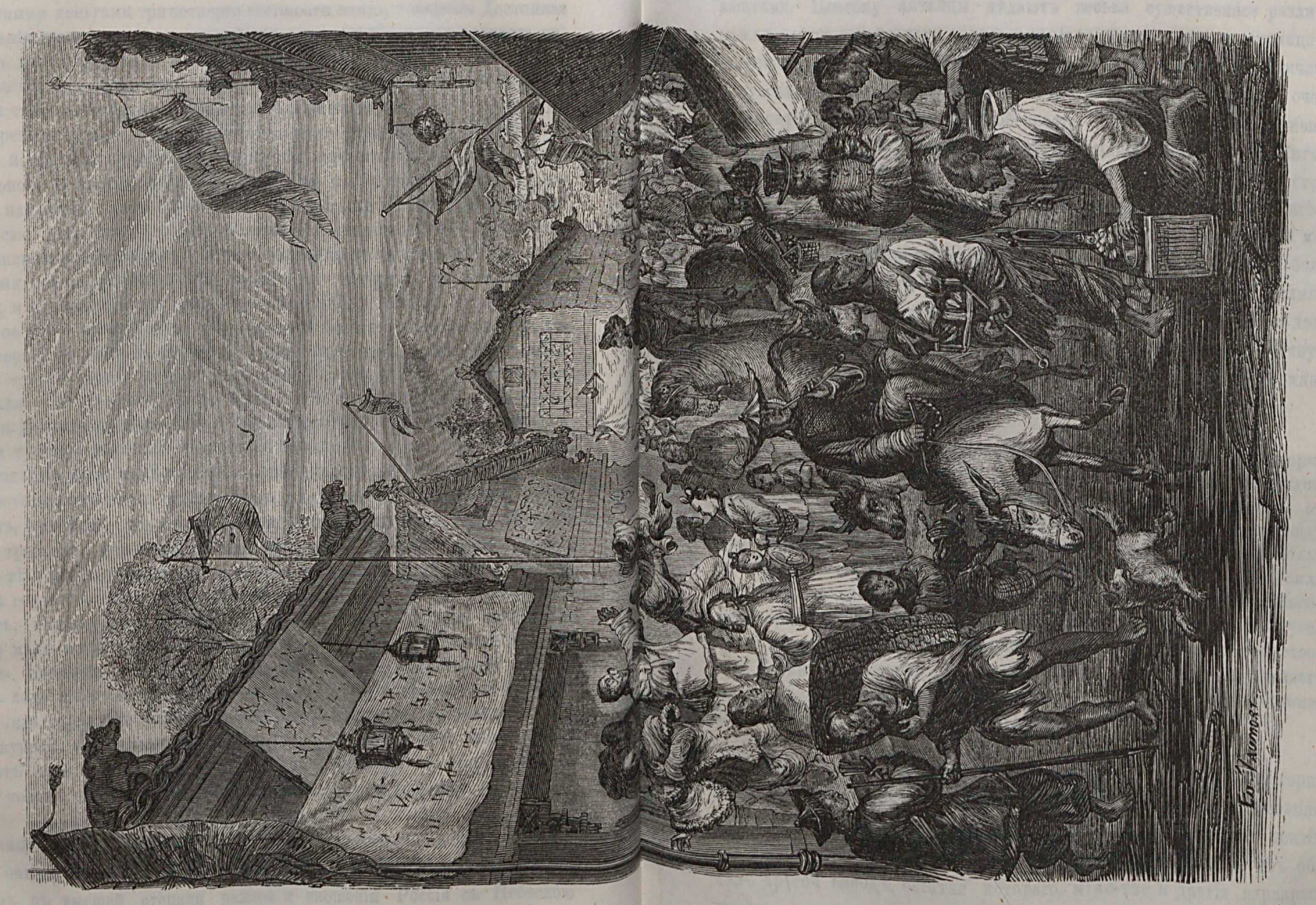
Каменный уголь, какъ горючій матеріалъ, употреблялся въ Китаѣ очень давно; но лишь десять лѣтъ тому назадъ европейцы впервые обратили вниманіе на каменноугольныя залежи. Путешественники, оказавшіе наукѣ большія услуги, а именно: Кингсмиль, Рафаэль Пемпелли, аббатъ Давидъ, уже изслѣдовали нѣкоторыя изъ значительнѣйшихъ копей, но болѣе точнымъ знаніемъ китайскихъ каменноугольныхъ бассейновъ мы обязаны фонъ-Рихтгофену. На югѣ Цинъ-лингъ-Шаня (который на нашихъ картахъ невѣрно называется Пелингомъ), имѣющаго до 3350 метровъ высоты, т. е. цѣпи, состоящей изъ кристаллическихъ горныхъ породъ и отдѣляющей гидрографическій бассейнъ Янъ-це-Кіанга отъ бассейна Гоанго, находятся каменноугольныя залежи, менѣе значительныя сравнительно съ залежами къ сѣверу отъ этой разграничительной линіи; но первыя залежи все-таки занимаютъ очень обширную площадь. Поверхность большаго и широкаго каменноугольнаго бассейна въ провинціи Си-чуанъ фонъ-Рихтгофенъ опредѣляетъ въ

250,000 кв. километровъ. Этотъ бассейнъ окруженъ со всѣхъ сторонъ высокими горами; притоки Янъ-це-Кіанга повсюду обнаруживаютъ въ своихъ глубокихъ размоинахъ наслоенія угля, что облегчаетъ его добываніе, потому что большинство изъ этихъ рѣкъ судоходно до самаго края бассейна. Качество угля различно: на сѣверѣ и западѣ бассейна— хорошій смолистый уголь, на югѣ и востокѣ—антрацитъ посредственнаго качества; болѣе къ югу, въ Юнъ-нанѣ, встрѣчаются значительные пласты очень хорошаго антрацита, а вблизи находятся мѣдныя, оловянныя, цинковыя и свинцовыя руды въ большомъ изобиліи. Древняя каменноугольная формація собственно тянется болѣе къ востоку, въ провинціи Ху-нанъ. Этотъ бассейнъ, по своему богатству, можетъ сравняться съ Пенсильванскимъ; онъ занимаетъ поверхность въ 40,000 кв. километровъ и простирается по обѣимъ сторонамъ рѣки Сіанга до Сіангъ-танга и заключаетъ превосходный антрацитъ на югѣ и смолистый уголь на сѣверѣ. На сѣверѣ имперіи расположены обширнѣйшія и богатѣйшія каменноугольныя залежи, которыя тянутся черезъ 25° долготы, отъ западныхъ пустынь до береговъ Желтаго моря. Большая часть ихъ принадлежитъ къ древней каменноугольной формаціи, и только небольшая часть геологически моложе. Центръ этихъ залежей— провинція Шанъ-си, въ которой находятся также богатыя мѣсторожденія желѣзняка. Богатство Китая каменноугольными залежами громадно, и едва-ли въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ представляются столь благопріятныя условія для горнозаводской разработки. Мощные каменноугольные пласты залегаютъ почти горизонтально и тянутся подъ плато непрерывною площадью въ 80,000 кв. километровъ. Залегающій подъ углемъ и образующій его подошву известнякъ также расположенъ горизонтально. Плоскогорье, которое носитъ названіе Таль - ханъ-Шаня, возвышается на 600—900 метровъ надъ окружающею его равниною, и потоки воды во многихъ мѣстахъ размыли мѣстность до известняка, такъ что каменноугольные пласты выступаютъ наружу. Антрацитовый уголь наилучшаго качества, плотенъ и чистъ. Провинціи Хонанъ и Канъ-су, граничащія съ Шанъ-си, менѣе богаты углемъ; онъ также попадается въ окрестностяхъ Пекина. (См. F. f. Hochstetter. Asien, seine Zukunftsbahnen und seine Kohlenschätze. Wien. 1876. 8°. S. 171—186).

Эти общія свѣдѣнія показываютъ, что каменноугольныя залежи Китая, относительно ихъ распространенія и качества, вполнѣ могутъ соперничать съ американскими. Къ этому присоединяются еще очень выгодныя условія, благопріятствующія добыванію и вывозу угля изъ Китая. При положеніи Китая, который имѣетъ сильно развитую береговую линію и прорѣзывается многочисленными рѣками и каналами, при обиліи въ немъ хлѣба, риса, чая, шелка, хлопка, льна, пеньки, сахара, индиго и табаку, въ особенности же при его богатствѣ каменнымъ углемъ и минеральными продуктами всѣхъ родовъ,—Китай, быть

можетъ, обладаетъ величайшимъ денежнымъ богатствомъ, такъ какъ одинъ Западъ, въ теченіи 30 лѣтъ, уплатилъ ему лишь за шелкъ и чай наличными деньгами три четверти стоимости этихъ товаровъ. Достойная удивленія промышленность китайцевъ, прилежаніе и выносливость рабочихъ классовъ, ихъ небольшія потребности, уваженіе къ властямъ, любовь къ порядку и миру, охота, съ какою они принимаются даже за самыя тяжелыя работы, наконецъ, ихъ коммерческая ловкость, въ чемъ они превосходятъ даже англичанъ, — все это свидѣтельствуетъ о томъ, какая мощь заключается въ этой націи, численностью въ 300 — 400 милліоновъ человѣкъ. Дѣйствительно, уже въ настоящее время мы можемъ наблюдать новый фазисъ въ развитіи китайской торговли. Европейскіе дома очень охотно покупаются китайцами и устраиваются для жилищъ и магазиновъ. Этимъ объясняются постоянныя жалобы, которыя теперь раздаются со стороны иностранцевъ, на вялость торговли, и подтверждается давно установившійся взглядъ, что китайцы, мало по малу, но постоянно забираютъ въ свои руки всю торговлю, отчего торговля, находящаяся въ рукахъ иностранцевъ, должна уменьшаться въ той же мѣрѣ, между тѣмъ какъ прочія условія остаются безъ перемѣны. Мы видимъ здѣсь повтореніе того, что случилось въ Калифорніи. До недавняго времени было совершенно неслыханнымъ дѣломъ, чтобы туземцы нанимали пароходы; теперь же они не только нанимаютъ ихъ, но даже имѣютъ собственные пароходы. Причины этого переворота заключаются, прежде всего, въ дешевизнѣ китайскаго труда; затѣмъ, китайскіе торговые дома, непринимающіе на службу европейцевъ, требуютъ менѣе расходовъ, по крайней мѣрѣ на пятую часть, чѣмъ тѣ дома, которыми завѣдываютъ европейцы. Далѣе, у китайскаго купца гораздо меньше потребностей, чѣмъ у иностраннаго купца этихъ странъ; поэтому онъ можетъ довольствоваться меньшею прибылью. Этого мало: китаецъ имѣетъ дѣло со своими земляками, образъ мыслей, языкъ, привычки и потребности которыхъ онъ основательно знаетъ, тогда какъ иностранный купецъ долженъ имѣть помощника (compradore) изъ туземцевъ для торговаго посредничества; наконецъ, китайскій купецъ неутомимъ: онъ посвящаетъ дѣлу все свое вниманіе, работаетъ день и ночь; весь его умъ и всѣ помыслы его сосредоточиваются только на барышахъ. (Allgem. Zeitung, отъ 4 ноября 1876 года).

Самыя важныя торговыя сношенія съ Китаемъ поддерживаетъ Англія; они простираются на сумму до 840 милл. марокъ. Равнымъ образомъ въ высшей степени важны и сношенія Россіи съ Небесною имперіею, сношенія не только торговаго, но и политическаго характера. Граница между обѣими странами тянется на тысячи километровъ. Сношенія Россіи съ Китаемъ начались два столѣтія тому назадъ, причемъ русскіе ясно доказали свойственный однимъ имъ, преимущественно



Китайскій рынокъ.

предъ всѣми прочими европейцами, талантъ и умѣнье обращаться съ азіатами. Поэтому китайцы дѣлаютъ весьма существенное различіе между всѣми европейцами и русскими. Ихъ ненависть къ иностранцамъ не простирается на послѣднихъ. Сравнительно съ торговлею англичанъ и русскихъ, сношенія американцевъ и французовъ съ Китаемъ очень незначительны; сказанное въ особенности справедливо по примѣненію къ французамъ. Но чтобы достигнуть вліянія и значенія въ Китаѣ, которыхъ имъ не можетъ дать незначительная торговля съ этой страной, Франція не только приняла на себя, предпочтительно предъ всѣми европейскими государствами, протекторатъ надъ католическими миссіонерами и китайскими христіанами, но также выказываетъ очень большую ревность въ дѣлѣ распространенія тамъ католической религіи. Изъ 500 европейскихъ миссіонеровъ, находящихся въ Китаѣ, на долю французовъ приходится три четверти; изъ большаго числа дѣйствующихъ тамъ монахинь очень немногія не принадлежатъ къ упомянутому народу.

Посты католическихъ миссіонеровъ Франціи простираются непрерывною цѣпью до самой западной границы Китая. Эти люди принуждены принять нравы, носить одежду туземцевъ и навсегда отказаться отъ своего отечества. Они не могутъ никогда покидать Китая и сообщать иностранцамъ какія-либо свѣдѣнія относительно этой страны. Только такимъ образомъ можно унять преувеличенную и никогда не дремлющую подозрительность китайскихъ учрежденій и чиновниковъ. Миссіи находятся въ цвѣтущемъ состояніи, а многочисленныя общины туземныхъ христіанъ существуютъ повсюду внутри необъятной и таинственной Китайской имперіи. (T. Cooper. Travels of a pioneer of commerce in pigtail and petticoats: or an overland journey from China towards India. London 1871, 8°, p. 117—118).

Китайцы — важнѣйшій изъ народовъ монгольской, вѣрнѣе горноазіатской расы; у нихъ почти четырехугольное лицо, сильно выдающіяся скулы и маленькіе, узко-прорѣзанные глаза. По преданію, они пришли съ запада въ бассейны Гоанго и Янъ-це-Кіанга, гдѣ прежде ихъ обиталъ другой народъ, остатки котораго, міао-тзе и другія варварскія племена, населяютъ теперь гористый югъ Китая. (C. v. Scherzer. Einige Beiträge zur Ethnographie China's. Wien. 1859 8°. Revue d'Anthropologie. III vol., p. 699.—Sitten und Gewohnheiten in Kwei-Tcheu въ Ausland 1872, № 5, S. 115—118; наконецъ, Dr. Ch. E. Martin. Etude ethnographique sur le Chinois et les Miao-tse.

Paris, 1873. 8°.). На глубокою древность китайской цивилизаціи, безъ сомнѣнія, указываетъ языкъ. «Это—«корневой языкъ», состоящій изъ однихъ односложныхъ словъ; здѣсь нѣтъ никакихъ склоненій или спряженій. Одна и таже группа звуковъ можетъ исполнять всѣ грамматическія функціи; китайскій языкъ еще не развился до словообразованія, и ограниченіе смысла какого-нибудь корня достигается приставленіемъ его къ другимъ корнямъ. На этой ступени стояли нѣкогда всѣ, нынѣ болѣе развитые и самые развитые, языки. Сначала были только корни и никакихъ словъ, и только чрезъ приставленіе корня къ корню получался опредѣленный смыслъ. Впрочемъ, законы сопоставленія китайскихъ корней вполнѣ удовлетворяютъ потребностямъ не только домашняго обихода и рынка, законадателей населеннаго государства, но и не препятствуютъ поэтическимъ изліяніямъ любви, пригодны для увлекательнаго романа, для драмы съ содержаніемъ, касающимся государственныхъ дѣлъ, и даже для философа, который захотѣлъ бы діалектически злоупотреблять для построенія причудливыхъ системъ. Какимъ образомъ возможно небольшими средствами достигнуть великаго, это показали китайцы на своемъ языкѣ». (Peschel въ Ausland 1872 г., № 14, S. 315. Robert K. Douglas. The language and literature of China. London 1875. 8°). Столь-же оргинальны и своеобразны китайскія письмена, помощью которыхъ совершенно нельзя передать чуждыхъ, не-китайскихъ звуковъ. (См. H. Wuttke: Geschichte der Schrift. Leipzig. 1872. 8°. I Bd., S. 241 ff.).

Высокое уваженіе, оказываемое китайцами всему, что перешло къ нимъ отъ ихъ предковъ, естественнымъ образомъ привело къ тому, что они остались далеко позади другихъ народовъ въ научномъ образованіи; но ихъ патріархальность, которая дѣлаетъ похожимъ государство на семью въ большомъ видѣ и, обратно, семью на государство въ маломъ видѣ, рядомъ со многими особенностями, смѣшными въ нашихъ глазахъ, породила также и много прекрасныхъ чертъ въ народной и семейной жизни, а иногда и превосходныя учрежденія; вообще было бы весьма ошибочно изъ низкой степени образованія заключать объ упадкѣ и испорченности китайцевъ. Такъ, китайцы—чрезвычайно умѣренный народъ; пьянство принадлежитъ къ величайшимъ рѣдкостямъ; около 9 или, самое позднее, 10-ти часовъ ночи никто не ходитъ по улицамъ города. Особенно характерное качество китайцевъ—вѣжливость; если вы придете въ домъ китайца, то онъ до тѣхъ поръ не занимаетъ своего мѣста,—и непремѣнно по правую сторону гостя, такъ чтобы онъ сидѣлъ подлѣ его сердца,—пока не сядетъ гость, и если послѣдній въ разгарѣ

разговора нѣсколько приподнимется, то хозяинъ долженъ сдѣлать тоже самое и сѣсть не прежде, чѣмъ гость снова займетъ свое мѣсто. Неизбѣжную при этомъ чашку чая не слѣдуетъ выпивать тотчасъ-же; прикосновеніе къ ней служитъ знакомъ прекращенія разговора. Подобнаго рода правилъ вѣжливости можно было бы привести множество. Положеніе женщины не такъ плохо, какъ это часто думаютъ; конечно, женщины бѣднѣйшихъ классовъ должны сильно работать для своего ежедневнаго пропитанія, которое почти исключительно состоитъ изъ риса и капусты; однако—не болѣе женщинъ тѣхъ же классовъ въ другихъ странахъ. Хотя мужьямъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ предоставлена власть надъ жизнью и смертью своихъ женъ, однако никогда не случается, чтобы мужъ билъ жену; напротивъ, нерѣдко бываетъ, что мужъ находится подъ башмакомъ своей жены. Число бѣдняковъ, которымъ приходится бѣдствовать отъ холода и голода, значительно меньше, чѣмъ, напримѣръ, въ Англіи, а относительно первыхъ потребностей жизни работающія женщины обставлены лучше, чѣмъ ихъ западныя сестры. Рожденіе сына встрѣчается въ китайской семьѣ, какъ особенно радостное событіе, хотя нельзя сказать, чтобы рожденіе дочери считалось несчастіемъ; въ послѣднемъ случаѣ развѣ подсмѣются надъ отцомъ, какъ это бываетъ и у насъ,—и только. Что рожденіе сына привѣтствуется особенно радостно, это объясняется слѣдующимъ китайскимъ обычаемъ: сынъ, если даже и женится, остается въ домѣ родителей и помогаетъ имъ въ старости, тогда какъ дочь или покидаетъ домъ, или увеличиваетъ расходы на содержаніе семьи. Китайцы съ особеннымъ уваженіемъ относятся къ глубокой старости; для мужчины преклонныхъ лѣтъ считается лестнымъ, когда его спрашиваютъ о лѣтахъ, что́ дѣлается въ такой оригинальной формѣ: «ваши достопочтенные зубы?». При кончинѣ императора вся страна облекается въ глубокій трауръ; правила соблюденія его, по своей строгости, далеко превосходятъ распоряженія, дѣлаемыя въ этомъ случаѣ въ любомъ изъ европейскихъ государствъ. Дворъ и высшія сословія носятъ въ продолженіи ста дней бѣлое платье, опушенное бѣлымъ мѣхомъ; бѣлый цвѣтъ, какъ извѣстно,—въ Китаѣ цвѣтъ траурный; въ продолженіи этого же, столь длиннаго времени, ни одинъ мужчина не долженъ брить бороды, а женщины обязаны снять на этотъ срокъ всѣ головныя украшенія, которыя онѣ такъ богато носятъ въ другое время. По истеченіи указаннаго времени, цвѣтъ платья измѣняется въ черный или въ темный; платье такого цвѣта должно носить въ продолженіи цѣлаго года. Въ средѣ высшихъ сословій во время этого-же срока не должно быть вѣнчаній; для обыкновеннаго народа воспрещеніе свадебъ имѣетъ силу лишь въ теченіи ста дней; всякія забавы и публичныя увеселенія строго запрещаются на цѣлый годъ; во всѣхъ домахъ умолкаютъ звуки флейты и гитары, прежде часто раздававшіеся; визитныя карточки, обыкновенно краснаго цвѣта, цвѣта радости, дѣлаются темно-коричневыми; письмо и печать, прежде также

красныя, должны быть темно-голубаго цвѣта. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ считается оскорбительнымъ написать кому-либо на бѣлой бумагѣ голубыми чернилами. Поэтому нѣкоторые слои общества сильно страдаютъ отъ такого національнаго траура; всѣ цирюльники на сто дней, всѣ члены театровъ или подобныхъ обществъ на цѣлый годъ остаются совершенно безъ занятія. Подобно національному трауру, справляется отдѣльными лицами трауръ по умершему члену семейства, и въ этомъ случаѣ особенно выказывается то почтеніе къ старости, о которомъ мы упоминали нѣсколько разъ.—Какъ у всѣхъ остальныхъ людей, такъ и у жителя Небесной имперіи бываетъ иногда недостатокъ въ деньгахъ, и онъ долженъ достать ихъ во что бы то ни стало; между тѣмъ проценты, уплачиваемые за ссуду, почти невыносимо высоки; именно закономъ дозволено брать 3% ежемѣсячно; этотъ необычайно высокій процентъ за ссуды нѣсколько объясняется только тѣмъ, что кредиторъ рискуетъ почти всѣмъ, потому что какъ онъ, такъ и должникъ боятся воротъ суда, ибо, при отвратительномъ управленіи китайскихъ чиновниковъ, обыкновенно можно воспользоваться своимъ правомъ лишь при помощи большой суммы денегъ. Поэтому китайскій кредиторъ часто самолично чинитъ судъ. Снабженный самоваромъ, трубкой и матрацемъ, онъ приходитъ въ комнату своего должника и уходитъ изъ нея не ранѣе, чѣмъ достигнетъ своей цѣли. Для противодѣйствія такимъ ненормальнымъ явленіямъ, въ Китаѣ образовались особыя ссудныя товарищества, которыя, какъ кажется, оказываютъ въ высшей степени благодѣтельное вліяніе. Члены такого общества вносятъ извѣстную сумму; ею завѣдываетъ одинъ изъ нихъ, замѣняемый каждый мѣсяцъ другимъ членомъ; изъ этой суммы вкладчики получаютъ ссуды за очень низкіе проценты; дивидендъ никогда не выплачивается, вслѣдствіе чего многія общества чрезвычайно богаты; не-члены могутъ, при совершенной надежности относительно возврата, получать деньги въ ссуду за проценты, почти на треть ниже противъ обычныхъ въ Китаѣ процентовъ. Столь же благодѣтельныя учрежденія мы находимъ и въ такъ называемыхъ купеческихъ гильдіяхъ. Онѣ назначаютъ цѣну товарамъ, даютъ ссуды нуждающимся и защищаютъ своихъ членовъ отъ когтей тираническихъ и эгоистичныхъ мандариновъ, противъ которыхъ единичное лицо почти безпомощно; если какой-нибудь членъ умираетъ, не оставивши средствъ, то гильдія беретъ на себя издержки по похоронамъ. Благодѣтельное вліяніе этихъ гильдій простирается еще далѣе: они составляютъ вольныя пожарныя команды, которыя одинаково защищаютъ отъ огня всѣхъ жителей города.—Въ каждомъ китайскомъ городѣ находится очень много ломбардовъ для принятія закладовъ; этими учрежденіями китайцы пользуются въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ; даже высшіе классы не находятъ ничего предосудительнаго въ закладѣ лѣтомъ мѣховъ и зимняго платья.—Китайцы вѣрятъ, что ходъ ихъ жизни до мельчайшихъ подробностей предопредѣленъ неиз-

мѣнными законами; къ тому же они очень суевѣрны и приписываютъ самыя обыкновенныя явленія природы сверхъестественнымъ причинамъ; такъ, кометы, солнечныя и лунныя затмѣнія считаются особенными предостереженіями для трона; громъ, молнія и градъ—посѣщеніемъ разгнѣваннаго божества; поэтому, на убитаго громомъ человѣка смотрятъ, какъ на тайнаго преступника, а на мѣстность, пострадавшую отъ градобитія,—какъ на обитель нечестивцевъ. Самъ императоръ обращается къ небу съ молитвой о дождѣ или хорошей погодѣ, если они нужны. Очень замѣчательны также еще мало понятныя европейцамъ суевѣрія «фенгъ-шуй». (См. Dr. Ernst Eitel. Feng-shui, or the rudiments of natural science in China. London. 1873. 8°).

Китай раздѣляется на 18 провинцій (сангъ) съ почти совершенно самостоятельнымъ управленіемъ, которое охватываетъ всевозможныя отрасли государственной жизни. Города раздѣляются на нѣсколько разрядовъ; города перваго разряда носятъ названія «фу» и имъ всегда подчинено большое число городовъ втораго разряда—«чжеу», а этимъ подвластно большое число городовъ третьяго разряда—«хеу». Китайскіе города, какъ и японскіе, всѣ очень похожи другъ на друга, и описаніе теперешней столицы и резиденціи—Пекина—можетъ служить образцомъ для всѣхъ другихъ городовъ, примѣненномъ лишь въ уменьшенномъ масштабѣ.

Пекинъ въ настоящее время доступенъ для иностранцевъ. Только обширный, расположенный въ срединѣ Татарскаго города, дворецъ императора, называемый также «Императорскимъ, или Запрещеннымъ городомъ», составляетъ исключеніе. Однако фонъ-Гюбнеру, который служитъ намъ здѣсь руководителемъ, удалось бросить взглядъ въ одну изъ улицъ этой запрещенной части города чрезъ широко-отворенныя ворота, и послѣдняя показалась ему вполнѣ сходною съ доступною частью города. Онъ поднялся на площадку большихъ Среднихъ воротъ «Хинъ-менъ», ведущихъ изъ Китайскаго въ Татарскій городъ, чтобы бросить взглядъ на всю столицу. Послѣдній образуетъ два параллелограмма, изъ которыхъ одинъ, Татарскій городъ, своею короткою стороною опирается перпендикулярно на длинную сторону другаго, Китайскаго города. Фонъ-Гюбнеръ отправился, вмѣстѣ съ многочисленнымъ обществомъ, въ «Тіенъ-танъ», Храмъ Неба, который однажды въ годъ посѣщается императоромъ; остальное-же время года храмъ остается запертымъ. Храмъ занимаетъ съ его различными священными мѣстами, садами, дворами, гробницами и т. д. двѣ мили въ окружности. Самое интересное изъ принадлежащихъ къ «Тіенъ-тану» зданій—это храмъ Временъ Года, въ которомъ четыре деревянныя колонны поддерживаютъ куполъ, единственный, какой фонъ-Гюбнеръ видѣлъ въ Китаѣ. Въ это святилище

могутъ входить только императоръ, принцы крови и ихъ свита. Другіе храмы суть: большой «Ламазари», т. е. буддистскій храмъ «Юнгъ-го-кунгъ», и храмъ Конфуція—«Вен-Міао», оба расположенные на сѣверо-восточномъ концѣ Татарскаго города. Въ одномъ дворикѣ «Венъ-Міао», подъ черными мраморными плитами, хранится полное собраніе сочиненій мудрецовъ, точно также какъ и другія классическія произведенія, которыми могутъ пользоваться ученые. Далѣе Гюбнеръ посѣтилъ древнюю и знаменитую обсерваторію іезуитовъ, расположенную у восточной стѣны Татарскаго города, гдѣ, какъ истинные шедёвры въ художественномъ и научномъ отношеніяхъ, привлекаютъ вниманіе два глобуса, сдѣланные китайскими работниками подъ руководствомъ патеровъ, а также четыре католическія церкви, лежащія въ Татарскомъ городѣ. Замѣчательнѣйшая изъ нихъ—это такъ называемая Сѣверная церковь, по-китайски «Пей-тангъ», и при ней семинарія, которая имѣетъ очень интересную библіотеку и богатый естественно-историческій кабинетъ. Число христіанъ, принадлежащихъ къ пекинскому апостолическому викаріату, въ настоящее время составляетъ 27,000, изъ которыхъ 8000 живутъ въ городѣ. Между ними находится много зажиточныхъ ремесленниковъ; всѣ часовые мастера въ Пекинѣ — христіане. Цифра населенія этого города, какъ и цифра населенія Іеддо, показывается очень различно, и во всякомъ случаѣ она меньше, чѣмъ обыкновенно думаютъ въ Европѣ. По показанію фонъ-Гюбнера, число жителей въ Пекинѣ равно милліону, по другому оно простирается до 800,000, по третьему—до 500,000 душъ. Вообще Пекинъ производитъ неблагопріятное впечатлѣніе своею грязью, упадкомъ своихъ мостовъ, построенныхъ изъ мрамора частью въ прошломъ столѣтіи, своими худо содержимыми каналами и зрѣлищемъ всеобщей запущенности. Спрашивается, чему приписать этотъ странный контрастъ нравственнымъ качествамъ и умственнымъ способностямъ китайскаго народа, — сильной, дѣятельной и бодрой націи, которая переполняетъ Америку, Австралію, Океанію и до извѣстной степени побѣдоносно соперничаетъ съ самыми развитыми народами Европы?

Какъ Пекинъ—сѣверная столица, такъ Кіангъ-нингъ на Янъ-це-Кіангѣ, обыкновенно называемый нами Нанкиномъ, представляетъ южную, прежнюю столицу Китайской имперіи; однако, мы не остановимся на описаніи ея; столь же мало можетъ привлечь наше вниманіе Шанхай, съ его почти 400,000 жителей, расположенный при устьѣ Голубой рѣки, въ болотистой, некрасивой мѣстности, или совершенно неинтересная торговая метрополія Куанъ-тунгъ, называемый европейцами Кантономъ. Типъ всѣхъ этихъ мѣстъ, расположенныхъ на морскомъ берегу, одинъ и тотъ же; характерно въ нихъ лишь большое число

жителей. Города, менѣе чѣмъ съ 100,000 жителей, принадлежатъ къ маленькимъ, а города въ 200,000, 300,000, даже 400,000 жителей отнюдь не представляютъ рѣдкости. Въ противоположность имъ, приходящій въ упадокъ португальскій городъ Макао, съ 12,000 жителей, и даже британская колонія Гонконгъ съ 115,000 жителей, — довольно незначительные пункты, не смотря на важность послѣдняго для европейской торговли. Тонкинскій заливъ запирается на востокѣ выдающимся къ югу полуостровомъ; насупротивъ послѣдняго, отдѣленный только узкимъ проливомъ, лежитъ гористый, нездоровый островъ Гайнанъ, съ богатыми золотыми рудниками и драгоцѣнными древесными породами. Внутренняя часть послѣдняго, населенная независимыми племенами, еще совершенно не изслѣдована; мы знаемъ только, что Та-учи-Шанъ достигаетъ снѣговой линіи. Китайцы владѣютъ лишь берегами острова, народонаселеніе котораго, при величинѣ поверхности въ 41,750 кв. килом., достигаетъ почти $1\frac{1}{2}$ милліона; изъ нихъ 200,000 приходятся только на портъ Кіунъ-чжеу-фу. Далѣе къ сѣверу, противъ провинціи Фу-кіанъ, отдѣляясь отъ материка Фукіанскимъ или Формозскимъ проливомъ, лежитъ островъ Тайванъ, или Формоза; впрочемъ, китайцамъ принадлежатъ одни западные берега его. Внутри этого острова и на востокѣ живутъ еще непокоренныя дикія племена; впрочемъ, они все болѣе вытѣсняются китайскими колонистами, поселяющимися на западномъ берегу.

Бастіонъ островов и архипелаговъ, подобно укрѣпленію, защищаетъ западные берега Азіи. Начиная отъ южной оконечности Камчатки, онъ идетъ до сѣверныхъ частей тропическаго пояса. Сперва тянутся Курильскіе острова, потомъ Японскій архипелагъ, Линшоттовы острова, архипелагъ Ліу-кіу и архипелагъ Маяко-сима, который опирается на большой островъ Формозу, словно на фланговое укрѣпленіе. Сравненіе съ бастіономъ здѣсь совершенно умѣстно: благодаря этимъ островамъ и архипелагамъ, китайскія гавани, отъ Амоя до Желтаго моря, защищены отъ ужаснаго бича Тихаго океана — тейфуновъ или тифоновъ. Отброшенный отъ мощныхъ скалъ Формозы, тифонъ несетъ опустошеніе чрезъ Гонконгъ и Макао на южные берега Китая. Испанскіе моряки удачно назвали островъ Формозою, потому что онъ истинно величественъ по своей красотѣ. Альпійская цѣпь высотъ вулканическаго характера, хотя и безъ дѣйствующихъ вулкановъ, прорѣзываетъ его внутри и переходитъ на западѣ въ обширную, плодородную долину, которая прорѣзывается большихъ количествомъ прозрачныхъ рѣкъ, привлекшихъ много промышленныхъ колонистовъ изъ ближайшей ки-

тайской провинціи—Фу-кіана; гдѣ находятся колонисты, тамъ равнина превратилась въ города и сады. Напротивъ, восточная часть острова, гористая до самаго берега, населена дикими племенами, находящимися въ варварскомъ состояніи. Морское путешествіе вдоль западныхъ береговъ услаждаетъ глазъ поразительно прекрасными видами. Средняя часть горной цѣпи поднимается до 3650 метровъ, между тѣмъ какъ горы, лежащія ближе къ морю, достигаютъ только половины этой высоты. Очертанія этихъ горныхъ цѣпей столь же фантастичны, какъ и прекрасны: куполы и стройныя башни, причудливые зубцы и крутые склоны смѣняютъ другъ друга. Блестящая зелень по большей части одѣваетъ эти склоны, по которымъ низвергаются водопады, блистающія, какъ серебро, при тропическомъ солнцѣ, а въ разсѣлинахъ, составляя тѣневую часть картины, иногда показывается туземная деревня. Туземцы раздѣляются на два класса, изъ которыхъ одинъ—пеппогоаны, покоренные, заключаетъ съ китайцами браки и перенялъ у нихъ нравы и обычаи, удержавши, однако, свой собственный языкъ. Пеппогоаны служатъ посредниками для сношенія съ непокоренными жителями, живущими на 70 километровъ къ сѣверо-востоку отъ Тайвана. Этихъ дикарей описываютъ, какъ хорошо сложенныхъ, живыхъ людей, съ тонкими чертами лица, черными глазами и такими же волосами. Пеппогоаны кажутся многообѣщающимъ народомъ, который способенъ усвоить начала христіанства. Китайцы выбираютъ себѣ женъ предпочтительно изъ этого племени, потому что онѣ сильнѣе, болѣе способны къ работѣ и красивѣе, чѣмъ ихъ женщины. Онѣ не уродуютъ ногъ и имѣютъ другую прическу. Дикари Формозы татуируютъ свои лица. По словомъ капитана Бокса, ихъ хижины изъ бамбука и пальмовыхъ листьевъ очень красивы. Надъ дверью часто можно видѣть повѣшенные, въ качествѣ трофеевъ черепа дикихъ медвѣдей, оленей или обязъянъ; а одинъ, особенно гордый, житель Формозы повѣсилъ надъ хижиною пучекъ изъ шести косъ, которыя онъ собственноручно отрѣзалъ у убитыхъ китайцевъ. Жители воздѣлываютъ маисъ и красный рисъ, но въ высшей степени первобытнымъ и небрежнымъ образомъ. Мы получимъ приблизительное понятіе о величинѣ Формозы, если вообразимъ, что къ поверхности Корсики придана поверхность Сардиніи. Между естественными произведеніями замѣчательны сѣрные источники и вообще сѣра, которою островъ необыкновенно богатъ. На немъ также много нефти, а въ послѣднее время открыта небольшая каменноугольная залежь. Съ острова Формозы идетъ въ торговлю камфора, а внутри его имѣются цѣлые лѣса камфорнаго дерева, — совершенно нетронутые, ибо туземцы не умѣютъ добывать камфоры.

Самый важный путь во внутрь Китая, которымъ часто пользовались европейцы, представляетъ Голубая рѣка, могучій Янцекіангъ, на берегахъ коего лежатъ города Чинкіангъ, Нанкинъ, Кейкіангъ и Ханкоу.

Храмъ пятисотъ боговъ въ Пекинѣ.

Изъ послѣдняго города предпріимчивые англичане, Куперъ и Маргари, попытались проникнуть въ почти совершенно неизслѣдованныя провинціи южнаго Китая.

Послѣднимъ изъ этихъ достопамятныхъ путешествій было путешествіе Маргари, который 4-го декабря 1874 года покинулъ Ханкоу и въ китайской шлюпкѣ поплылъ вверхъ по Янцекіангу. Мѣстность — пустынныя и посѣщаемыя разбойниками равнины Гу-пе—по обоимъ берегамъ рѣки была ровна и засѣяна хлопчатникомъ и кунжутомъ. Маргари на пути встрѣчалъ очень много плотовъ. Въ Лосфанѣ, гдѣ иностранцевъ никогда не видали, вокругъ него собралась любопытная толпа. Со всѣхъ сторонъ около Лосфана тянутся дюны, за которыми простирается необозримая, гладкая равнина, засѣянная рисомъ и лотосомъ. 20 сентября Маргари достигъ острова Чуншаня, находящагося при входѣ въ большое озеро Тунтингъ; выйдя изъ илистаго Янцекіанга, экспедиція поплыла по прозрачнымъ водамъ озера. Благодаря сильному попутному вѣтру, путешественники, не останавливаясь, прошли мелководное озеро и поплыли по рѣчкѣ Юань. При Ни-Гзинъ-Тангѣ, въ 60 «ли» отъ устья этой рѣки, прежніе обнаженные бичевники и илистые берега смѣнились сплошными, покрытыми густою растительностью лугами. Поля были весьма тщательно обработаны и по большей части засѣяны хлопчатникомъ; жилища красивы, и вообще благосостояніе повсюду бросалось въ глаза. Маргари присталъ въ Чангъ-Те и направился далѣе къ Тао-Юань-Гзину, большому и богатому городу, бывшему прежде складочнымъ пунктомъ горшечнаго товара; теперь же онъ пріобрѣлъ печальную извѣстность самой необузданной и безпокойной мѣстности въ провинціи. Горный ландшафтъ здѣсь чрезвычайно красивъ: вершины горъ покрыты сосною, а склоны одѣты толстомѣрною ясенью, а изрѣдка и пальмами. На слѣдующій день пути стѣсненныя прозрачныя воды рѣки неслись уже между горделивыми и круто-возвышающимися скалистыми стѣнами. Весь Ху-Нань въ геологическомъ отношеніи представляетъ большой интересъ. Далѣе кверху русло рѣки было усѣяно подводными скалами, появились опасные пороги. У Ченъ-Чи-Гзина она дѣлаетъ петлеобразный заворотъ, который идетъ на 100 ли на югъ и столько же на сѣверъ; затѣмъ рѣка снова принимаетъ западное направленіе. 10-го октября экспедиція достигла Ченъ-Юань-фу—города, окруженнаго величественными скалистыми высотами. Послѣ продолжительнаго путешествія на лодкѣ, которое здѣсь кончилось, Маргари такъ сильно заболѣлъ, что долженъ былъ почти не покидать постели; однако, онъ мужественно продолжалъ путешествіе.

На слѣдующій день началось путешествіе на носилкахъ. Теперь Маргари оправился отъ своей болѣзни. У Чинъ-Пинъ-Гзина онъ видѣлъ въ продажѣ каменный уголь; слѣдовательно, вблизи того

города должны находиться каменноугольныя копи. Чѣмъ болѣе путешественники приближались къ главному городу, тѣмъ обширнѣе становились города, тѣмъ многочисленнѣе были деревни, тѣмъ обширнѣе было земледѣліе, въ особенности воздѣлываніе риса и табака. 3-го ноября Маргари прибылъ въ Квей-Тингъ-Гзинъ. На слѣдующій день дорога шла по большей части ущельями, а горы, покрытыя травою, были такъ скучены, что не оставалось никакого пространства для земледѣлія. По обѣимъ сторонамъ дороги тянулись густыя живыя изгороди. 5-го ноября достигли Квей-Янга, главнаго города Квей-чжеу. Видъ этого города, открывающійся съ высоты послѣдняго ущелья, въ высшей степени прекрасенъ. Квей-Янгъ лежитъ на волнистой равнинѣ, которая усѣяна деревьями и кругомъ заперта горами. Эти горы по большей части стоятъ одинокими на равнинѣ и одѣты богатою растительностью, исключая вершинъ, представляющихъ гладкія черныя каменныя плиты и роскошно увѣнчанныхъ храмами. На концѣ дороги, передъ самымъ городомъ, стоитъ множество арокъ изъ бѣлаго мрамора, которыя воздвигнуты въ память благочестивыхъ женщинъ. У Чинъ-Чи-Гзина начинаются обширныя обработываемыя равнины; хоть онѣ тогда были покрыты высокою травою, но все еще на нихъ замѣтны слѣды прежней обработки. Долины по большей части простираются съ запада на востокъ. Дикіе цвѣты густо обрамляли обѣ стороны дороги, въ живыхъ изгородяхъ стояли въ полномъ цвѣтѣ дикорастущіе чайные кусты. Замѣчательны холмы, имѣющіе 100 метровъ высоты и которые отъ Квей-Янга встрѣчаются разбросанно въ большомъ количествѣ по долинѣ, простирающейся отъ сѣвера къ югу, точно такъ же, какъ и въ полосѣ по ту сторону Чинъ-Чи-Гзина; далѣе, на югъ, страна представляетъ, повидимому, точно такой же характеръ. Квей-чжеу описывали, какъ непроходимую горную страну, но Маргари былъ пріятно удивленъ, когда нашелъ тамъ много прекрасныхъ равнинъ. Дорога вела черезъ холмы, обросшіе травою, и волнистыя пустынныя мѣстности—къ Лангъ-Таю. Наконецъ, здѣсь встрѣтилась дѣйствительно гористая мѣстность, и дорога неоднократно поднималась по крутизнамъ. Маргари опредѣлилъ высоту вершины въ 1220 метровъ. Рѣка Метоу служитъ границею поселеній дикихъ племенъ «міао-тзе» и «чунгъ-чіа». Далѣе къ западу находится еще болѣе обширное обработанное пространство земли и встрѣчается большее число деревень; наконецъ, тамъ ведется нѣкоторая торговля апельсинами и соломенными башмаками. Юнъ-нань имѣетъ болѣе холодный климатъ, чѣмъ Квей-чжеу, гдѣ дома устроены безъ разсчета на холода. Средняя температура до сихъ поръ равнялась 10—11° Р. Наконецъ, миновали Юннаньскій проходъ, послѣднюю преграду, и 20 ноября достигли перваго пограничнаго города Юнъ-наня. На пути отъ главнаго города Юнъ-нань-фу до долины Иравадди въ сосѣдней Бирмѣ встрѣчается столько естественныхъ препятствій, что они составляютъ очень серьезное затрудненіе для торговыхъ сношеній.

Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить, до какой степени сурова природа этой страны. Весь Юнъ-нань покрытъ горными цѣпями. По дорогѣ отъ Юнъ-наня до Бамо нужно переходить горныя цѣпи, поднимающіяся отъ 1000 до 1220 метровъ надъ равниною, которая, въ свою очередь, также лежитъ высоко надъ уровнемъ моря. Страна скудно населена, и даже долины воздѣланы только отчасти. Опіумъ производится въ большомъ количествѣ. Треть всей жатвы приходится на долю мака. Жители страны вообще бѣдны, а ихъ жилища жалки. Станціи «лекинъ» являются наиболѣе процвѣтающими учрежденіями; онѣ встрѣчаются повсюду, и ими пользуются постоянно, какъ жилищами; вообще это — самыя лучшія и чистыя мѣста въ городахъ.

Возвратимся съ юга на сѣверъ — къ столицѣ имперіи, Пекину; отъ нея начинается большая сибирская дорога въ Кяхту, прорѣзывающая степи Гоби и Монголію; по этой-то дорогѣ мы покинемъ Китай собственно, чтобы разсмотрѣть прочія провинціи Китайской имперіи.

Отправившись изъ Пекина на сѣверъ, по направленію къ Китайской стѣнѣ, мы на второй день прибудемъ въ такъ называемый «укрѣпленный городъ» Чангъ-піу-чао; на самомъ же дѣлѣ, вмѣсто города, нашимъ взорамъ представится полуразвалившаяся деревня, окруженная глиняными стѣнами. На слѣдующее утро путешественникъ достигаетъ пяти огромныхъ воротъ долины Императорскихъ Гробницъ. Эта долина, чрезвычайно занесенная пескомъ и окруженная высокими горами, въ видѣ амфитеатра, заключаетъ въ себѣ, вдоль горной рѣки, съ поросшими лѣсомъ берегами, гигантскія гробницы тринадцати китайскихъ императоровъ; онѣ расположены полукругомъ. Въ слѣдующую ночь мы переѣдимъ чрезъ Нангкао, затѣмъ очутимся въ дикомъ, мрачномъ ущельи. Стѣны его состоятъ изъ скалъ, а дно образуетъ высохшее русло горнаго потока. Цѣпь стѣнъ, увѣнчанная башенками и зубцами, идетъ по верхушкѣ крутаго гребня, слѣдуя змѣеобразно всѣмъ его неровностямъ, докуда хватаетъ глазъ. На первый взглядъ кажется, что это и есть Великая Китайская стѣна. Однако, при дальнѣйшемъ движеніи по трудно доступной долинѣ, появляются, одна около другой, двѣ другихъ параллельныхъ стѣны на хребтѣ скалистыхъ горъ, и ихъ контуры рѣзко выдѣляются на горизонтѣ. Затѣмъ путешественникъ снова вступаетъ въ мрачно зіяющее ущелье, взбирается на блистающую поверхность фирна и видитъ предъ собою два кіоска, окрашенныхъ въ пунсовый цвѣтъ и висящихъ на вершинахъ черныхъ скалистыхъ зубцовъ, подобно орлинымъ гнѣздамъ. Эти кіоски служатъ естественными воротами въ новый проходъ. Стаи дикихъ утокъ и гусей съ крикомъ проносятся надъ его головою; на много миль кругомъ не встрѣтишь ни единаго человѣческаго существа. Еще нѣсколько далѣе и—предъ нами укрѣпленія, отдѣляющія Китай отъ Монголіи. Стѣны и оконные просвѣты ба-

стіона кое-гдѣ обвалились; но Великая стѣна, неожиданно появляющаяся вправо и влѣво, словно она выросла изъ земли, не обнаруживаетъ ни малѣйшаго слѣда поврежденія и упадка; подобно гигантской каменной змѣѣ, она извивается по главному гребню горъ и увѣнчана четырехугольными башнями, прерывающими ея волнообразную линію. Какъ 2000 лѣтъ тому назадъ, когда стѣна только что вышла изъ рукъ строителей, такъ и въ настоящее время она стоитъ цѣлою и невредимою.

Къ сѣверу отъ собственно Китая лежитъ горная страна Манджурія, а къ западу отъ нея расположена Монголія, отдѣленная Хинганскими горами. Монголія—нагорье, покрытое на югѣ пустынею Гоби или Шамо; на западѣ она простирается до русскихъ владѣній въ Туркестанѣ. Эта западная часть носитъ названіе Джунгаріи; въ ней сосредоточиваются истоки многихъ рѣкъ, текущихъ по направленію къ туркестанскимъ низменностямъ; между этими рѣками наиболѣе значительныя суть: Черный Иртышъ и Или. Джунгарія далѣе переходитъ въ различныя горныя системы—Алтая, Тарбагатая, джунгарскаго Ала-Тау и Тіанъ-Шаня. Сѣверная часть Монголіи прилегаетъ къ Саянскимъ и Китайско-русскимъ пограничнымъ горамъ, тогда какъ Манджурія собственно обнимаемъ область Амура и его притоковъ, Сунгари и Уссури. Рѣками Уссури и Амуромъ отдѣляется еще оставшаяся во владѣніи Китая часть Манджуріи отъ русскихъ областей Амурской и Приморской, которыя въ географическомъ смыслѣ должны быть причислены къ этой провинціи Китайской имперіи.

Манджурія, главная рѣка которой—Сунгари, по количеству воды соперничаетъ съ Амуромъ, имѣетъ хорошій климатъ, плодородную почву, значительныя минеральныя богатства, такъ что она вполнѣ способна вмѣстить въ себя и прокормить избытокъ населенія сѣвернаго Китая. Въ самомъ дѣлѣ, Манджурія постепенно заселяется земледѣльческимъ населеніемъ Китая, такъ что въ настоящее время кочующіе манджуры образуютъ меньшинство народонаселенія. По этой области англичанинъ Вильямсонъ съ 1864 г. совершилъ нѣсколько важныхъ по своимъ результатамъ путешествій. Въ одно изъ такихъ путешествій онъ выѣхалъ изъ Мукдена, стариннаго манджурскаго города, считаемаго мѣстными жителями священнымъ, хотя его обширные пригороды очень грязны, и направился на сѣверъ къ Петунѣ или Синъ-чунгу, недалеко отъ впаденія Нонни въ Сунгари, затѣмъ двигался параллельно послѣдней внизъ до Санъ-синга, послѣдняго китайскаго города на Сунгари, откуда онъ возвратился въ Мукдень, черезъ Гиринъ. Гиринъ, новая столица Манджуріи, также расположенъ на Сунгари; въ немъ счи-

тается 100,000 жителей; улицы города вымощены бревнами и досками; онъ ведетъ обширную торговлю лѣсомъ и имѣетъ оживленное судоходство. Въ 1870 г. русскій архимандритъ Палладій съ топографомъ Нахвальныхомъ совершилъ чрезвычайно интересное путешествіе: онъ выѣхалъ изъ Мукденя, черезъ Гиринъ и Петуну достигъ Нонни и, слѣдуя по этой рѣкѣ вверхъ, посѣтилъ укрѣпленные пункты Цицихаръ и Мергенъ; наконецъ, при манджурскомъ городѣ Айгунѣ, лежащемъ супротивъ главнаго города Амурской области—Благовѣщенска, онъ прибылъ къ Амуру. Топографъ Нахвальныхъ въ 1872 г. снова предпринялъ путешествіе въ Манджурію, вмѣстѣ съ подполковникомъ Барабашомъ; оба эти лица обогатили насъ новыми свѣдѣніями о рѣкахъ Нонни и Сунгари, хотя онѣ были еще прежде посѣщаемы русскими путешественниками: кн. Крапоткинымъ, Усольцовымъ, Хилковскимъ и другими. Близъ Санъ-синга, въ Сунгари, которая далѣе катитъ свои воды по необозримымъ лѣсамъ, съ правой стороны впадаетъ Хурха или Хурка, долина которой густо заселена китайцами. Въ ней лежитъ богатый, хорошо построенный городъ Нингута; оттуда путешественники перевалили черезъ горную цѣпь, отдѣляющую бассейнъ Хурки отъ бассейна Суйфуна. Суйфунъ — береговая рѣка; она, послѣ короткаго теченія въ направленіи съ запада на востокъ, впадаетъ вблизи Владивостока въ заливъ Японскаго моря, именно въ заливъ Петра Великаго. Изслѣдованію Манджуріи, безспорно, всего болѣе содѣйствовали русскіе. Русскіе пароходы поднимались по Сунгари и проникали по Нонни до Цицихара, а также плавали по Хуркѣ; впрочемъ, послѣдняя до такой степени мелководна и камениста, что добраться до Нингуты можно лишь на лодкѣ. У восточной границы Манджуріи, на высотѣ 49 метровъ надъ уровнемъ моря, лежитъ довольно значительное озеро Ханка, въ большей своей части расположенное на русской территоріи. На югѣ Манджурія отдѣляется отъ Кореи, своего восточнаго сосѣда, горами Шань-Алинь, идущими параллельно морскому берегу. Отъ Желтаго моря между обѣими странами тянется узкая полоска нейтральной области; на ней лежитъ Фунъ-хуанъ, единственное мѣсто для сухопутнаго сообщенія съ Кореею, отдѣленною отъ Китая частоколомъ. Менѣе изслѣдована западная Манджурія съ Хинганскими горами, чрезъ которыя ведетъ нѣсколько проходовъ, высотою въ 1140 метровъ, въ Монголію. Однако, не слѣдуетъ думать, будто между манджурами и монголами дѣйствительно существуетъ естественная граница: монголы встрѣчаются также у восточнаго подножія Хинганскихъ горъ. Подробнѣйшими свѣдѣніями объ этой манджуро-монгольской пограничной области мы обязаны русскому астроному Фритше, который въ 1873 году изъ Пекина направился къ русской пограничной крѣпости на Аргуни—Старо-Цурухатуевску.

Послѣ шестидневнаго переѣзда онъ достигъ Калгана, выстроеннаго у воротъ Великой Китайской стѣны, въ 200 километрахъ къ

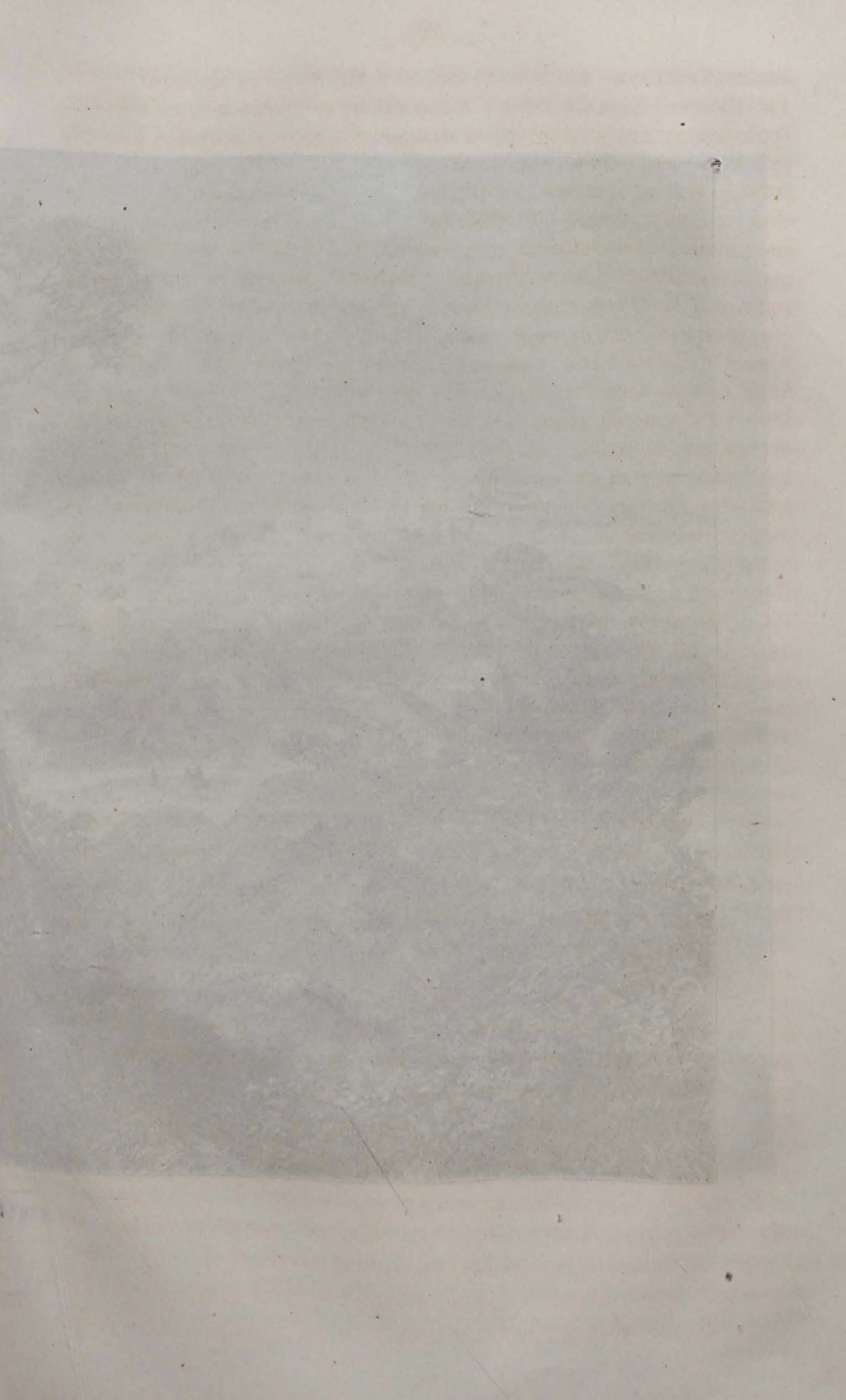
сѣверо-западу отъ Пекина. Дорога въ этотъ городъ пролегаетъ чрезъ два прохода и три равнины той горной страны, которая окружаетъ съ юго-востока плато Гоби; на первыхъ 50 километрахъ высота надъ уровнемъ моря составляетъ около 40 метровъ, на слѣдующихъ 150 километрахъ — 600 метровъ, а самъ Калганъ расположенъ на высотѣ 826 метровъ. Отсюда Фритше отправился въ большую китайскую деревню—Си-ванъ-тзе, снаружи Великой стѣны, на высотѣ около 1150 метровъ надъ уровнемъ моря. Тамъ живутъ три католическіе патера и глава бельгійской католической миссіи для юго-восточной Монголіи; задача этой миссіи — распространеніе христіанства среди такъ называемыхъ манзовъ, китайцевъ, обитающихъ къ сѣверу отъ Великой стѣны. Другія станціи ихъ называются: Си-инъ-тзе, западнѣе Си-ванъ-тзе, далѣе — Бей-лей-гу, расположенный на истокѣ (Инъ-тингъ) рѣки Ляо-хо, впадающей въ заливъ Ляо-тунгъ, при извѣстномъ, открытомъ также и для европейской торговли, портѣ Ніу-чуанъ; четвертая станція католической миссіи — Ге-шуй; она лежитъ на 90 километровъ къ сѣверо-востоку отъ Бей-лей-гу, на 30 километровъ къ югу отъ Шара-Мурена, по всей вѣроятности, наибольшаго истока Ляо-хо, Отъ Си-ванъ-тзе къ Ге-шую ведутъ двѣ дороги. Одна изъ нихъ сначала идетъ на сѣверо-сѣверо-востокъ, къ торговому городу Лама-мяо чрезъ возвышенную равнину Гоби, держась почти одной и той же высоты надъ уровнемъ моря, именно 1400 метровъ; оттуда она поворачиваетъ на востоко-сѣверо-востокъ и слѣдуетъ то нагорьями, то горными странами до Ге-шуя. Она имѣетъ около 400 километровъ длины. Миссіонеры проѣзжали ее приблизительно въ 10 дней, въ китайской телѣгѣ. Вторая дорога между Си-ванъ-тзе и Ге-шуемъ—длиною почти въ 700 километровъ; ѣзда по ней крайне затруднительна, особенно въ лѣтнюю жару, такъ какъ она постоянно лавируетъ между узкими и весьма излучистыми долинами очень различной высоты надъ уровнемъ моря. Путь этотъ, въ разстояніи около 40 километровъ отъ воротъ Ту-ши-лу, дважды прорѣзываетъ Великую стѣну; его высота надъ уровнемъ моря колеблется между 600 и 1550 метровъ; наибольшая высота горныхъ вершинъ, находящихся по сосѣдству съ этою дорогою, немного менѣе 300 метровъ. Снѣговыхъ горъ, вродѣ Печа, все еще показываемой на новѣйшихъ картахъ, въ этой мѣстности не существуетъ. Средняя температура воздуха всей этой обширной горной страны равна 4,4° Р.

Спустя 18 дней пути, Фритше достигъ миссіонерской станціи Бей-лей-гу на Инъ-гингѣ, а позднѣе—китайской деревни Ге-шуй, вблизи того мѣста, гдѣ китайское населеніе прекращается и начинается монгольское. Боясь, чтобы не повторилось того же, что случилось съ монголами княжествъ Онгіотъ, Чахаръ и Іеголь, откуда они были вытѣснены китайцами, переселившимися въ названныя мѣстности,—князья, властвующіе надъ монголами, живущими къ сѣверу и западу отъ Ге-шуя, не дозво-

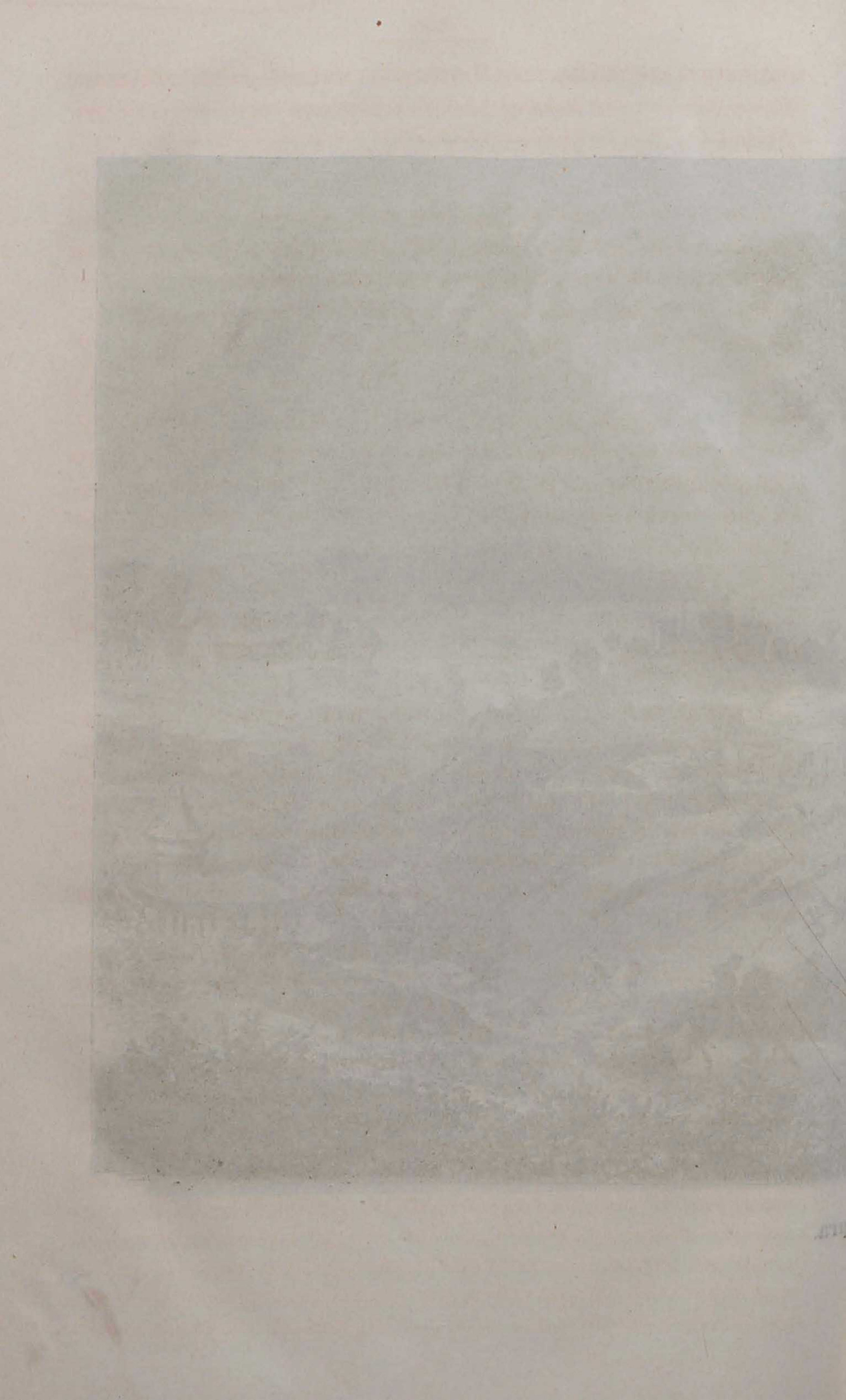
ляютъ въ своихъ предѣлахъ селиться ни одному китайцу съ цѣлью заниматься земледѣліемъ. Китайцы встрѣчаются по всей Монголіи лишь въ качествѣ купцовъ, такъ какъ монголы, повидимому, неспособны къ торговой дѣятельности. Число римско-католиковъ въ Си-ванъ-тзе, Бей-лей-ту и Ге-шуѣ составляетъ около 3000 душъ; они живутъ преимущественно земледѣліемъ и отчасти охотою; но большею частью бѣдны, хотя все-таки богаче сосѣднихъ китайцевъ-язычниковъ, потому что куреніе опіума, благодаря благодѣтельному вліянію патеровъ, вовсе не встрѣчается у китайцевъ-христіанъ. Уже въ первый день по отъѣздѣ изъ Ге-шуя, Фритше, отправившись къ сѣверу отъ 43-го градуса широты, достигъ одного изъ величайшихъ (быть можетъ, даже самаго большаго) истоковъ Ляо-хо, именно Шара-Мурена. Его вода мутна, берега песчаны и расположены лишь на 500 метровъ надъ уровнемъ моря, тогда какъ Ге-шуй лежитъ выше 300-ми метрами. Днемъ позже онъ прибылъ къ Чаганъ-Мурену, теченіе котораго было прослѣжено имъ въ сѣверо-сѣверо-западномъ направленіи почти до его истоковъ, подъ 44,5° широты, гдѣ беретъ начало еще и другой истокъ Ляо-хо, Эрче-Муренъ. Чаганъ-Муренъ на нашихъ картахъ ошибочно называется Кара-усу, а его верхнее теченіе показано неправильно — какъ разъ противоположно тому, какое существуетъ въ дѣйствительности, именно съ ЗСЗ. на ВЮВ., тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ течетъ съ сѣвера на югъ. Почти подъ 47,7° с. ш. и 118° в. д. отъ Гринвича Фритше перевалилъ чрезъ проходъ Чолоту-даванъ (1200 метровъ) и затѣмъ очутился на западномъ склонѣ низкихъ краевыхъ горъ, идущихъ съ ЮЮЗ. на ССВ., на волнистой степи, высотою въ 900 метровъ надъ уровнемъ моря. Эта степь постепенно понижается къ рѣкѣ Аргуни до 600 метровъ высоты. Чолоту-даваномъ оканчивается княжество Баринъ и начинается княжество Уде-Мичинъ, въ которомъ уже не понимаютъ китайскаго языка, господствующаго до этого мѣста. Въ обширной степи между 45° и 50° с. ш. Фритше повсюду находилъ, на среднемъ разстояніи около 20 километровъ, воду для завариванія кирпичнаго чая, который, вмѣстѣ съ хлѣбомъ, масломъ и солью, составлялъ его единственную пищу. Вода часто извлекалась изъ колодцевъ, которые — фактъ интересный — имѣли во всей этой длинной полосѣ почти одинаковую глубину, именно около трехъ метровъ. Число рѣкъ, встрѣчавшихся ему на пути, не превосходило пяти. Онѣ текутъ по большей части къ сѣверо-западу и западу; двѣ изъ нихъ, послѣ короткаго теченія, впадаютъ въ маленькое соляное озеро, находящееся почти подъ однимъ меридіаномъ съ большимъ озеромъ Кулунъ-норъ; другія же рѣки, посредствомъ Буира и Кулунъ-нора, изливаются въ Аргунь. Мелкія озера, которыя, если полны, содержатъ прѣсную (дождевую) воду, очень часто встрѣчались Фритше на пути. Только одинъ бассейнъ содержалъ воду; всѣ же прочіе высохли, ибо это было почти наканунѣ наступленія дождливаго періода. Кромѣ изрѣдка попадавшихся юртъ и китайскаго

города Хайлара, на пути, между 43 и 50° шир., въ земляхъ Баринъ, Уде-Мичинъ, Халка и странѣ солоновъ, по которымъ онъ по очередно проѣхалъ съ юга на сѣверъ, находятся лишь семь ламайскихъ монастырей, кои у монголовъ, повидимому, заступаютъ мѣсто городовъ. Монголы этихъ мѣстностей управляются своими собственными чиновниками, и лишь высшее должностное лицо только-что поименованныхъ вассальныхъ земель Китая, живущее въ Хайларѣ,—родомъ манджуръ, присылаемый изъ Пекина. Въ городѣ Хайларѣ, центрѣ торговли сѣверо-восточной Монголіи и почти совершенно неизвѣстномъ русскимъ, хотя онъ отстоитъ отъ русской границы по Аргуни лишь въ 120 километрахъ,—китайцы имѣютъ около 60 лавокъ; кромѣ того, они торгуютъ въ этой странѣ чаемъ, табакомъ, сѣдлами, юртами, хлѣбомъ и т. д. большею частью въ удаленныхъ одно отъ другаго мѣстахъ, гдѣ они прочно поселились, не взявши съ собою женъ, и устроили заведенія для фабрикаціи монгольскихъ палатокъ. Монголы платятъ за китайскіе товары рогатымъ скотомъ, лошадьми и овцами. Верблюды же, разводимые въ большомъ числѣ монголами между Кяхтою и Пекиномъ, почти неизвѣстны монголамъ, встрѣчавшимся по пути слѣдованія Фритше—между Пекиномъ и рѣкою Аргунь. Лѣсовъ онъ не встрѣчалъ по этой дорогѣ. Въ мѣстностяхъ, населенныхъ китайцами, до 43° с. ш., онъ видѣлъ лишь жалкіе остатки лѣсовъ и небольшія насажденія вблизи деревень; въ расположенной къ сѣверу степи ему попадался мѣстами кустарникъ, и только съ приближеніемъ къ русской границѣ Фритше увидѣлъ единичныя еловыя деревья. (Verhandl. d. Gesellsch. f. Erdk. zu Berlin. 1874. № 1, S. 27—29).

Монголія занимаетъ самое низкое плато между Алтаемъ и Тіанъ-Шанемъ и восточную часть между Тіанъ-Шанемъ и Кюнъ-Люнемъ; средняя высота ея, по всей вѣроятности, едва превосходитъ 600 метровъ; кромѣ того, монгольское возвышенное плато прорѣзано глубокою впадиною. Къ юго-востоку отъ монгольскаго города Урги, по ту сторону рѣки Тола, возвышается безлѣсная и безводная нагорная равнина—Гоби — до горъ Дарханъ-Ула, высотою въ 1500 метровъ. Мѣстность до этого пункта не имѣетъ вполнѣ характера пустыни, ибо горные склоны покрыты кустарникомъ, вышиною въ 0,60 до 1 метра. Гоби описываютъ, какъ обширное пастбище, прокармливающее многочисленныя стада скота. Отсюда начинается впадина до прохода Мандаль (1130 метр.) Близъ развалинъ Олонъ-Байшингъ эта впадина становится значительнѣе; тутъ-же среди ровной мѣстности возвышается сіенитовая стѣна, состоящая изъ горизонтальныхъ пластовъ; это—естественный валъ, который монголы называютъ «опоясывающими скалами». Онъ тянется по прямой линіи съ востока на западъ и самымъ явственнымъ



Городъ Урга.



образомъ отдѣляетъ Сѣверную Монголію отъ Средней — Гоби собственно, гдѣ послѣдняя становится пустынею въ строгомъ значеніи этого слова. Обломки и гальки порфира, яшмы, халцедона и карнеоля, между коими растутъ солончаковыя растенія, покрываютъ почву; здѣсь начинается обширная котловина, наиболѣе низко расположенные пункты которой суть: Эрги, Уде, Дурма и Шабадургума. Эта впадина, собственно Песчаная пустыня или Шамо китайцевъ, представляетъ не летучій песокъ, но почву, образовавшуюся изъ песка и насыщенную частицами соли,— дно нѣкогда бывшаго внутренняго моря, покрытое разными видами тростника (Arundo) и почти всѣми видами, свойственными берегамъ Каспійскаго моря. Къ югу отъ Дурмы почва снова возвышается до высоты береговой окраины этого древняго морскаго бассейна и при Цаганъ-Балгасу достигаетъ 1370 метровъ возвышенія надъ уровнемъ моря; слѣдовательно, высота его соотвѣтствуетъ той, какая опредѣлена для сѣвернаго края котловины близъ Урги. Наибольшаго возвышенія плато достигаетъ у Великой стѣны, именно 1645 метровъ, въ горахъ Хинганъ, откуда плоскогорье постепенно понижается къ Пекину. (Zeitschrift für Allg. Erdk. 1863, S. 355—356).

Путешественники по Монголіи пользовались, главнымъ образомъ, двумя входами въ эту страну: именно вступали въ нее чрезъ Кяхту-Маймачинъ на сѣверѣ и Семипалатинскъ—въ Западной Сибири, откуда дорога ведетъ изъ горнозаводскихъ округовъ Алтайскихъ горъ къ монгольскому городу Кобдо, чрезъ Усть-Каменогорскъ. Путь чрезъ Кяхту-Маймачинъ на Пекинъ прорѣзываетъ восточную Монголію почти съ сѣвера на югъ и довольно хорошо извѣстенъ уже въ теченіи столѣтій, какъ торговая дорога.

Урга, въ области монголовъ халка или халхасовъ, называемая ими Курень или Такурень, т. е. «огороженное пространство», лежитъ подъ 47° 55′ с. ш. и 106° 41′ в. д. отъ Гринвича, на разстояніи около 252 километровъ отъ сибирской границы, близъ Кяхты. Этотъ городъ — Мекка буддистскихъ монголовъ, ибо въ монастырѣ Урги находится мѣстопребываніе ламы-короля, или первосвященника монголовъ, Гуиссонъ-Тамбы, который, подобно тибетскому Далай-ламѣ, считается воплотившимся богомъ. Въ этотъ городъ стекаются многочисленные богомольцы изъ всѣхъ мѣстностей буддистской Восточной Азіи. Самый городъ, своими неправильно разбросанными домами, базаромъ изъ шатровъ, гдѣ ведется, однако, обширная торговля, напоминаетъ скорѣе лагерь кочевниковъ. Улясутай (на высотѣ 2500 метровъ) въ западной Монголіи представляетъ центръ военнаго управленія. Путь изъ Урги до Улясутая былъ развѣданъ, лѣтомъ 1868 года, русскимъ

консуломъ Шишмаревымъ. 23 іюля онъ выѣхалъ изъ Урги и 3-го августа достигъ рѣки Баянту, принадлежащей къ рѣчной системѣ озера Ике-Аралъ-норъ. Съ берега этой рѣки онъ впервые увидѣлъ величественный Отхонъ-Тенгри, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ; 4-го августа онъ прибылъ въ Улясутай, куда до него никогда не ступала нога европейца; этотъ городъ стоитъ при рѣкѣ Богдо въ мѣстѣ впаденія въ нее рѣченки Улясутай, среди очаровательной горной мѣстности,—въ глубокой долинѣ, открывающейся на востокъ ущельемъ, по которому течетъ Улясутай; вѣтры, дующіе здѣсь въ теченіи цѣлаго дня, дѣлаютъ эту долину лишь немногимъ лучше пустыни; всѣ посадки ограничиваются почти исключительно картофелемъ и свеклою. Къ тому же климатъ очень суровъ, и англійскій путешественникъ Ней Эліасъ рѣдко наблюдалъ въ ноябрѣ 1872 года температуру свыше—6° Р., во время своего 11-дневнаго пребыванія въ этомъ мѣстѣ. Улясутай — не городъ въ обычномъ смыслѣ: это—крѣпость, имѣющая всего 600 метровъ длины и 590 метровъ ширины; она окружена довольно высокими частоколами, имѣющими на каждой сторонѣ ворота и четыре башни. Жители, числомъ около 4000 душъ, большею частью монголы, состоятъ изъ чиновниковъ и солдатъ. Торговля производится въ деревнѣ, расположенной въ разстояніи одного километра отъ Улясутая; тамъ китайскіе купцы обмѣниваютъ свои бумажныя матеріи, плюшъ, табакъ и кожу на овечьи шкуры, сало, рогатый скотъ, лошадей, буйволиные рога и мѣха. Впрочемъ, эта торговля нынѣ находится въ большомъ упадкѣ, а на товары стоятъ очень высокія цѣны.

Область къ сѣверу отъ Улясутая и переходная къ Сибири мѣстность были изслѣдованы въ 1870 году Матусовскимъ. Онъ покинулъ Улясутай 8 сентября и прослѣдовалъ по охраняемой стражею дорогѣ до цѣпи Танну-Ула, перевалилъ чрезъ эти горы во время страшной мятели и наткнулся на истоки Шурмака, принадлежащаго къ системѣ лѣвыхъ притоковъ верхняго Енисея, ниже мѣста соединенія его главныхъ притоковъ, именно Беи-Кхема и Куа-Кхема, и переплылъ рѣку на плотѣ. Отсюда въ слѣдующіе четыре дня Матусовскій достигъ русской деревни Уса (или Усы), на южномъ склонѣ Саянской горной цѣпи. По развѣдкамъ Матусовскаго, всѣ пути изъ Минусинска въ Монголію проходятъ чрезъ эти значительныя цѣпи; однако, Танну-Ула показалась ему ниже сѣверныхъ Саянскихъ горъ; перевалы чрезъ Танну-Ула не представляютъ особыхъ трудностей для вьючныхъ животныхъ, тогда какъ узкія тропы въ Саянскихъ горахъ чрезвычайно затрудняютъ движеніе навьюченныхъ верблюдовъ; особенно южные склоны круты и каменисты, мѣстами же болотисты на значительную глубину; поэтому они пригодны лишь для легко навьюченныхъ лошадей. Водянымъ же сообщеніемъ по Енисею нельзя пользоваться, вслѣдствіе множества пороговъ и скрытыхъ подъ водою камней. Проѣханныя полосы Монголіи были нанесены на путевую карту топографомъ Матусовскимъ, оказав-

шимъ большія услуги ознакомленіемъ насъ съ этою мѣстностью. Кромѣ того, онъ совершилъ поѣздку къ озеру Ике-Аралъ-норъ, одной изъ значительнѣйшихъ озерныхъ группъ въ западной Монголіи, и дозналъ, что лежащее къ сѣверо-востоку отъ Кобдо озеро Киргисъ-норъ, хотя оно и имѣетъ незначительную величину, образуетъ центръ западно-монгольскаго бассейна, въ который вливаютъ свои воды тамошнія многочисленныя озера и рѣки; далѣе, что между озеромъ Кызылъ-Башемъ и Чернымъ Иртыщемъ не имѣется гидрографическаго соединенія, существованіе котораго такъ часто утверждали, хотя, съ другой стороны, между ними и нѣтъ горной цѣпи. Путешествіе англичанина Нея Эліаса, который въ 1872 году проѣхалъ Монголію поперегъ, съ востока на западъ, отъ Пекина до русскаго Алтая, значительно обогатило наши свѣдѣнія о Монголіи. Онъ отправился въ Калганъ, а оттуда къ станціи бельгійской миссіи — Си-инъ-тзе. Въ этой странѣ воздѣлываются пшеница, овесъ, просо и въ особенности макъ; культура послѣдняго — главная приманка для поселяющихся здѣсь китайцевъ. Надежныхъ свѣдѣній о торговлѣ опіумомъ собрать не удалось; однако, несомнѣнно, что, не смотря на обложеніе высокою пошлиною, она все еще составляетъ главнѣйшую коммерческую отрасль въ Монголіи. Дорога, длиною въ 240 километровъ, въ Квей-Гва-Чангъ, крайнему пункту торговли, направляющейся изъ Улясутая и Тянь-Шаня, идетъ чрезъ нѣсколько гористую луговую мѣстность; въ разстояніи около 65 километровъ отъ горола расположенъ проходъ, высотою въ 1770 метровъ надъ уровнемъ моря, ведущій въ долину, почва которой представляетъ буро-желтый лёссъ; она пересѣчена безчисленными трещинами и пропастями. По другую сторону холмовъ эти разсѣлины служатъ мѣстами обитанія для жителей. Квей-Гва-Чангъ состоитъ изъ двухъ городовъ и ведетъ обширную торговлю чаемъ, мукою, просомъ и мануфактурными товарами, покупаемыми монголами въ обмѣнъ на скотъ и шкуры. Отсюда Эліасъ посѣтилъ ближайшій пунктъ на Желтой рѣкѣ,— Гоковъ, небольшой, дѣятельный городъ съ обширными запасами твердаго, сланцеватаго угля. Другая экскурсія привела его въ Ку-ку-Иликунгъ, послѣднее китайское поселеніе въ пустынѣ. Изъ Квей-Гва-Чанга въ Улясутай расходятся двѣ дороги: одна почтовая, а другая— караванная. Монгольская степь представляетъ мало разнообразія для путешественника; Эліасъ прежде всего прибылъ въ землю монгольскаго племени туметъ, которое встрѣтило его вѣжливо и привѣтливо; эти монголы держатъ нѣсколько небольшихъ стадъ овецъ и козъ. Вотъ общая характеристика степи: низкіе холмы, съ лежащими между ними долинами и равнинами, скорѣе каменистыми, нежели песчаными; тамъ и сямъ небольшой высоты скалистые пригорки; травы почти нѣтъ. Лучшая вода встрѣчается вблизи этихъ холмовъ; здѣсь она всегда прѣсная; въ равнинѣ же часто негодна для питья. 8 октября Эліасъ достигъ рѣки Онгинъ; она течетъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ, на протяженіи около 100

километровъ, и затѣмъ теряется въ пустынѣ. Двигаясь далѣе на западъ, по южному склону крутыхъ горъ Кангай, состоящихъ изъ красныхъ и сѣрыхъ гранитныхъ массъ, онъ прибылъ къ рѣкѣ Туй, затѣмъ къ Байтарику—важнѣйшимъ рѣкамъ Кангая; вся мѣстность вокругъ дикая и неплодородная; дикія лошади и ослы бродятъ табунами въ 20—30 головъ. 25-го октября Ней Эліасъ остановился на лѣвомъ берегу Чаганъ-Токойи, берущей начало въ горахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ дороги; эта рѣка течетъ сначала въ юго-юго-западномъ направленіи, а потомъ въ западномъ, параллельно другой высокой горной цѣпи, называемой Сирке и образующей важную орографическую особь въ географической физіономіи страны, такъ какъ нѣкоторыя изъ ея вершинъ возвышаются надъ общимъ уровнемъ на 1000 — 1300 метровъ. Къ сѣверо-западу находится горный кряжъ, откуда берутъ начало Улясутай и Буянта; перевалъ черезъ него лежитъ на высотѣ 2440 метровъ. Изъ Улясутая Эліасъ направился въ Кобдо, сперва вдоль рѣки Ябканъ, а потомъ переправился черезъ нее, чтобы достигнуть южнаго берега Тургенъ - Ике - Аралъ. Между обоими озерами лежитъ горная цѣпь, чрезъ которую идетъ дорога въ Кобдо. Послѣдній расположенъ въ обширной, каменистой, лишенной растительности, равнинѣ и состоитъ изъ административнаго города, окруженнаго глиняною стѣною, и торговаго квартала на юго-востокѣ. Кобдо ведетъ болѣе значительную торговлю, нежели Улясутай; въ немъ около 6000 жителей, изъ коихъ 3000 монголовъ и 1650 солдатъ. Разводятся лишь капуста, свекла и макъ. Перевалъ въ 2750 метровъ высоты ведетъ изъ Кобдо къ китайскому пограничному городу Суокъ, откуда, по второму высокому, но незатруднительному перевалу въ Алтаѣ, путешественникъ достигаетъ Чу и Бійска. (Proced. R. geograph. Soc. Vol XVII, № 3, p. 184—193).

Съ юго-восточною Монголіею насъ познакомили замѣчательныя путешествія Н. М. Пржевальскаго въ страны Ордосъ и Альшана. Этотъ смѣлый путешественникъ выѣхалъ въ 1871 году изъ Калгана къ юго-западу, прямо къ горамъ Иншань, тянущимся вдоль лѣваго берега средняго теченія Гоанго. Уже по Кяхтинской караванной дорогѣ начинаетъ мѣняться физіономія мѣстности: горы становятся выше, скалы появляются чаще, суглинистая, отчасти песчаная почва бѣднѣетъ травою. Еще далѣе къ западу луга смѣняются степями въ обширныхъ долинахъ; орошенія нѣтъ и слѣдовъ, на много миль вовсе нѣтъ воды; монголы и стада ихъ пользуются только того водою, какую даютъ вырытые колодцы. Высочайшія горы, возвышающіяся въ этой странѣ, носятъ названіе Шара-хадъ и Сума-хадъ. Эти горы представляютъ дикую картину. Въ Сума-хадѣ Пржевальскій нашелъ дикую овцу аргали (Ovis Argali), стадами до 15 головъ. Цѣпь Иншань тянется въ видѣ высокой стѣны по лѣвому берегу Гоанго и оканчивается крутизнами. Пржевальскій побывалъ только въ западномъ концѣ этой цѣпи, который монголы называютъ «Муни-Ула», а китайцы — «Улясанъ»;

онъ нашелъ абсолютную высоту ея равною 2255 метрамъ и призналъ за нею вполнѣ альпійскій характеръ; горы Иншань и рѣка Гоанго (послѣднюю, вмѣстѣ съ землею Ордосъ, можно прекрасно обозрѣть съ высочайшей вершины Муни-Ула) образуютъ вполнѣ опредѣленную границу распространенія млекопитающихъ и птицъ. Изъ Иншаньскихъ горъ Пржевальскій направился въ Бауту — городъ на лѣвомъ берегу Гоанго; онъ окруженъ четырьмя стѣнами, очень населенъ, весьма грязенъ и ведетъ оживленную торговлю съ Монголіею. Чтобы достигнуть земли Ордосъ, Пржевальскому пришлось переправиться по самому южному и наибольшему притоку Гоанго, называемому Багахатунъ. Параллельно Гоанго, въ разстояніи 20 — 24 километровъ, съ правой стороны рѣки, тянется область летучихъ песковъ, которую монголы удачно называютъ «Кузупчи» — ошейникъ. По характеру своей поверхности, она напоминаетъ вытянутыя въ длину морскія волны. Населеніе Ордоса ютится лишь въ долинѣ Гоанго, на 120 километровъ къ западу отъ Бауту; далѣе же не встрѣчается уже человѣческихъ существъ. На лѣвомъ берегу Гоанго лежитъ страна Алашань. Большая часть этой обширной области представляетъ степь, летучіе пески безъ всякой растительности; нѣтъ ни млекопитающихъ ни птицъ, — словомъ тамъ полное отсутствіе жизни. Остальная часть, гдѣ къ песку примѣшаны глина и соль, покрыта скудною, хотя чрезвычайно своеобразною растительностью. Равнымъ образомъ и населеніе здѣсь очень рѣдко. Около 20 километровъ къ западу отъ главнаго города страны Дынь-юаньинъ, гдѣ имѣетъ свое мѣстопребываніе туземный князь (ванъ), возвышаются горы Алашаня. Общая длина горной цѣпи, по показанію монголовъ, равна 240—250 километрамъ; она повсюду круто поднимается надъ долиною Гоанго и обладаетъ явственнымъ альпійскимъ характеромъ; наивысшій пунктъ въ южномъ Алашанѣ, вершина горы Баянъцумбуръ, достигаетъ 4890 метровъ абсолютной высоты и возвышается на 1770 метровъ надъ долами Алашаня. Къ сѣверу отъ Алашаня лежитъ область уротовъ, которая расположена между Алашанемъ, страною монголовъ «цахаръ» и «халкасъ» и землею Ордосъ. Почва этой области волниста, даже холмиста и, постепенно повышаясь, скоро достигаетъ 1770 метровъ; поэтому она поднимается надъ плоскостями Алашаня на 700 метровъ, надъ долиною Гоанго—на 750 метровъ. Отъ послѣдней — плато уротовъ рѣзко отдѣлено высокою окраинною цѣпью. (Н. Пржевальскій: Монголія и страна тангутовъ. Трехлѣтнее путешествіе въ Восточной Нагорной Азіи. Спб. 1875. Томъ I, стр. 93 — 156).

ГЛАВА XIII.

Возвышенная или Нагорная Азія.

Подъ этимъ названіемъ мы понимаемъ ту центральную часть азіатскаго материка, которая ограничена на сѣверѣ горною системою Тіанъ-Шаня, а на югѣ—системою Гималая. Послѣдняя цѣпь, въ своей развѣтвленной внутренней части, заключаетъ высочайшія изъ измѣренныхъ понынѣ вершинъ земнаго шара. Къ сѣверу отъ Гималайскихъ горъ на нашихъ картахъ обозначены еще двѣ большихъ цѣпи—Каракорумъ и Кюнъ-Люнь; хотя обѣ онѣ, вообще говоря, тянутся параллельно Гималайской цѣпи, но ихъ не слѣдуетъ считать особыми горными системами, какъ то думали до сихъ поръ. Подобно тому, какъ на сѣверѣ находится только одна горная система, именно Тіанъ-Шань, такъ точно и все обширное пространство, между Восточнымъ Туркестаномъ и Индіею, занято единственною горною системою—Гималаемъ. Слѣдовательно, Каракорумъ и Кюнъ-Люнь должно считать принадлежащими къ Гималайской системѣ; за этими горами можно признать значеніе лишь второстепенныхъ цѣпей, отдѣленныхъ широкими возвышенными равнинами, что наблюдается также и въ Тіанъ-Шанѣ. Горы Средней Азіи, какъ все болѣе и болѣе выясняется, характеризуются не хребтами, увѣнчанными высокими вершинами, а широкими плоскогорьями. Таковъ, напримѣръ, бассейнъ Тарима, впадающаго въ озеро Таримъ-голъ или Лопъ-норъ, которое впервые узрѣлъ глазъ европейца (Пржевальскій) лишь 11 февраля 1877 года,—или страна, называемая нами, для краткости, Восточнымъ Туркестаномъ (китайцы же его именуютъ Или или Западною землею); далѣе—Тибетъ и Кашмиръ (Малый Тибетъ); оба послѣдніе суть ни что иное, какъ огромныя нагорья Гималайской системы. На сѣверо-западѣ и западѣ послѣдняя продолжается двумя группами горъ, которыя также считались самостоятельными системами; мы говоримъ о Гинду-Ку и Памирѣ. Гинду-Ку на западѣ, отдѣляетъ область Аму-Дарьи отъ афганистанскихъ водъ; Памиръ же тянется отъ Пуштъ-и-Кара (Ослинаго хребта), крайняго сѣверо-западнаго отрога Каракорума, гдѣ онъ соединяется съ Гинду-Ку,—на сѣверо-западъ до Тіанъ-Шаня. Слѣдовательно, Гинду-Ку и Памиръ образуютъ, такъ сказать, уголъ, открытый къ

сѣверо-западу, и представляютъ въ своей связи съ Гималаемъ подобіе косо поставленной буквы ипсилонъ (Y); уголъ, заключенный между двумя сторонами этого ипсилона, есть область верхней Аму-Дарьи, орошающей Западный Туркестанъ; здѣсь находятся мѣстности Ваханъ, Бадахшанъ и Кундузъ, на югъ отъ Гинду-Ку — Читраль и Кафиристанъ, или страна сіяпошей; наконецъ, въ мѣстѣ соединенія (горномъ узлѣ) расположена земля дардовъ. Мы разсмотримъ прежде всего сѣверную горную систему, т. е. Тіанъ-Шань, или Небесныя горы, отдѣляющія Нагорую Азію отъ прилегающихъ къ ней съ сѣвера уступовъ Джунгаріи и Западной Монголіи.

Трудно сказать, гдѣ начинается и гдѣ кончается Тіанъ-Шань. Вообще хребты, начинающіеся къ востоку отъ городовъ Чемкента (Чемкенда) и Самарканда, въ русскомъ Туркестанѣ, должны быть причислены къ системѣ Тіанъ-Шана. Послѣдняя состоитъ изъ многихъ, большею частью параллельныхъ цѣпей, слѣдующихъ приблизительно по направленію съ запада на востокъ и между которыми заходитъ на востокъ, какъ бы длинными языками, Западная низменность. При взглядѣ на карту, мы замѣчаемъ, что эти цѣпи отдѣляютъ Джунгарію и упомянутую возвышенную равнину—Восточный Туркестанъ, гдѣ одинъ азіатскій завоеватель, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, основалъ могущественное царство. Текущая съ востока на западъ рѣка Или—на сѣверѣ и лѣниво несущая свои воды въ обратномъ направленіи къ озеру, монгольскому Лопъ-нору, рѣка Таримъ—на югѣ ограничиваютъ участокъ на которомъ, между 40 и 45° с. шир., громоздятся Небесныя горы.

Самая сѣверная параллельная цѣпь Тіанъ-Шаня носитъ названіе Заилійскаго Ала-Тау и продолжается къ востоку въ видѣ Нань-Шаня, близъ Кульджи; на западѣ продолженіемъ ея служатъ длинныя Александровскія горы; послѣднія тянутся вдоль рѣки Таласъ и, постепенно возвышаясь къ западу, достигаютъ 4572 метровъ высоты. Заилійскій Ала-Тау, въ свою очередь, распадается на двѣ цѣпи—Сѣверную и Южную. Одна цѣпь отдѣляется отъ другой глубокою долиною; въ срединѣ же онѣ соединены поперечною сѣдловиною, на которой стоитъ трехглавый исполинъ Тальгарньенъ-Таль-Чоку, высотою съ Монбланъ. Глубоко врѣзавшаяся долина, раздѣляемая этимъ горнымъ узломъ на двѣ части—западную и восточную, служитъ ложемъ двумъ рѣкамъ—Большому Кебину и Чилику, текущимъ, само собою разумѣется, по двумъ противоположнымъ направленіямъ. Южная подошва Заилійской Южной цѣпи омывается водами большаго горнаго озера Иссыкъ-Куля; поверхность этого воднаго бассейна больше великаго герцогства Оль-

денбургъ, несчитая второстепенныхъ земель. Берега озера Иссыкъ-Куль, въ которое впадаетъ 40 различныхъ рѣкъ, мало привлекательны; они большею частью довольно пустынны, и лишь отдѣльныя мѣста пригодны для кочевья киргизовъ. Сѣверная рѣка носитъ названіе Кунгея, южная же—Терскея, и здѣсь возвышается мощная, увѣнчанная снѣгами, цѣпь Темурту-Тагъ или Тіанъ-Шань собственно. Слѣдовательно, Иссыкъ-Куль, окруженный со всѣхъ сторонъ высокими горами, представляетъ исполинское альпійское озеро въ полномъ значеніи этого слова. Самыя большія, по настоящее время извѣстныя, возвышенности Тіанъ-Шаня лежатъ въ этой центральной части—Темурту-Тага. Въ этой же цѣпи, по всей вѣроятности, громоздится, какъ высочайшая вершина всей системы, Тенгри-Ханъ, «Король Духовъ», высотою около 6100 метровъ, среди скопленія исполинскихъ глетчеровъ. На югѣ совершенно голая, непокрытая лѣсомъ и необитаемая цѣпь ограничивается долиною Нарыма или верхнимъ теченіемъ Сыръ-Дарьи; эта долина идетъ довольно параллельно южной береговой линіи Иссыкъ-Куля, и въ нее ведутъ шесть проходовъ. Лучшіе изъ нихъ — Барскаунъассу на восточномъ и Кицартъ на западномъ концахъ. Однако, если не считать вершины Тенгри-Ханъ,—высочайшее вздутіе Тіанъ-Шаня, повидимому, находится въ его южномъ концѣ; этотъ край образуется цѣпью Кокъ-Кія, высотою въ 5100 метровъ, у теплаго Восточнаго Туркестана. Между послѣднею цѣпью и Темурту-Тагомъ нужно перевалить черезъ хребетъ Тіанъ-Шаня по всей его ширинѣ. Этотъ хребетъ— «сыртъ» на языкѣ киргизовъ — представляетъ широкую, большую возвышенную страну, равнинная часть которой поднимается на очень значительную абсолютную высоту; на этомъ плоскогорьи высятся отдѣльныя вершины и цѣпи, достигающія еще высшихъ областей воздушнаго моря. Эти цѣпи, словно стѣны, раздѣляютъ всю возвышенность на нѣсколько меньшихъ плато, изъ коихъ наиболѣе замѣчательны по ширинѣ и длинѣ—долина Нарыма и долина южнѣе лежащаго Аксая. Возвышенная долина Аксая, текущаго съ запада на востокъ и получающаго въ нижнемъ своемъ теченіи названіе Кокшаля, должна быть признана самою широкою и обширнѣйшею нагорною равниною Тіанъ-Шаня. (См. Hellwald, Centralasien, S. 139—172). Наши свѣдѣнія о восточномъ концѣ Тіанъ-Шаня, простирающагося вглубь Монголіи, очень недостаточны, или, вѣрнѣе сказать, мы почти вовсе не знаемъ этой части; лишь въ послѣдніе годы русскіе путешественники проникли въ эту область; упомянемъ прежде всего о Сосновскомъ, который отъ Янъ-це-Кіанга, въ Китаѣ, отправился къ городамъ Хами и Баркулю, лежащимъ въ восточномъ концѣ Тіанъ-Шаня; оттуда, двигаясь вдоль сѣвернаго подножія Тіанъ-Шаня, онъ чрезъ Гученъ прибылъ къ озеру Зайсанъ и Семипалатинску. По показанію Сосновскаго, Тіанъ-Шань достигаетъ въ своемъ восточномъ концѣ гораздо большей высоты, нежели то полагали прежде. Вообще Небесныя горы (Тіанъ-Шань, а также

Горные китайскіе охотники.

Бо-Шань, т. е. Бѣлыя горы) представляютъ непрерывную цѣпь, которая тянется отъ сѣверо-восточныхъ частей округа Хами, чрезъ Старый Турфанъ и Джунгарію, къ западу, а затѣмъ поворачиваетъ къ юго-западу и соединяется съ китайскимъ Цинъ-лингомъ или Луковичными горами. На всемъ протяженіи цѣпь носитъ различныя мѣстныя названія.

На югъ отъ этой мощной горной системы простирается Восточный Туркестанъ, или Кашгарія, какъ называется она по имени главнаго города. Это—обширная возвышенная равнина, высотою отъ 1300 до 1400 метровъ; она орошается Таримомъ, въ который впадаетъ съ запада Кашгаръ-Дарья; Кашгарія съ трехъ сторонъ окружена горами, а съ четвертой отдѣлена отъ внѣшняго міра пустынею Гоби Прежде она была подчинена Китаю, но въ 1864 году сбросила иго чужеземцевъ, причемъ на кашгарскій тронъ попалъ сынъ крестьянина, отважнѣйшій вождь партіи, завоевавшій себѣ корону, которой онъ, однако, недавно лишился. Кашгаръ—обширный городъ, съ населеніемъ почти въ 80,000, укрѣпленный рвами и глиняными стѣнами. Но еще больше Яркендъ, съ населеніемъ въ 120,000. Какъ большой мануфактурный городъ, заслуживаетъ упоминанія еще Хотанъ или Ельчи, расположенный на 12 дней пути къ востоку отъ Яркенда; въ 1866 году его посѣтилъ англійскій путешественникъ Джонсонъ; въ настоящее время въ немъ считается около 40,000 жителей.

Надъ большими городами Восточнаго Туркестана обыкновенно возвышаются цитадели, расположенныя въ нѣкоторомъ отдаленіи внѣ городовъ; прежде онѣ были заняты китайскими гарнизонами. Снаружи эти города представляются однообразными и мрачными. Такъ какъ мечети не имѣютъ минаретовъ (только въ Яркендѣ на старой мечети Регистанъ находится башня) и такъ какъ дома низки и покрыты плоскими крышами, то путешественникъ, приближающійся къ городу, видитъ только глиняныя стѣны цвѣта окружающей земли, а по угламъ—легкія, кубическія башни въ китайскомъ стилѣ. Нигдѣ камень не употребляется на постройки, да его и негдѣ взять въ равнинѣ; вслѣдствіе такого отсутствія каменныхъ зданій, нигдѣ не видно также надписей или древностей, которыя могли бы пролить свѣтъ на прошлое этой страны. Всѣ города Восточнаго Туркестана окружены стѣнами, утончающимися кверху; у воротъ и стѣнъ, а также въ углахъ находятся контрфорсы. Улицы неправильны и узки; лишь по главнымъ улицамъ можетъ проѣхать двуколесная арба. Лавки, харчевни и бани не лучше простыхъ сараевъ; онѣ расположены по обѣимъ сторономъ главныхъ улицъ, т. е. тѣхъ, которыя ведутъ отъ городскихъ воротъ къ большой рыночной

площади въ центрѣ города. Важное значенie Восточнаго Туркестана обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что это новое магометанское царство, которому, однако, въ настоящее время снова угрожаетъ гибель, лежитъ между крайними внѣшними предѣлами русскаго и англійскаго вліяній. Здѣсь сталкивается азіатская политика Россіи и Англіи.

Къ числу самыхъ темныхъ, наименѣе изслѣдованнныхъ областей Средней Азіи въ настоящее время принадлежитъ область, отдѣляющая на западѣ Кашгарію отъ рускихъ владѣній въ Туркестанѣ. Если уже Восточный Туркестанъ представляетъ значительную возвышенную страну, то здѣсь громоздятся еще болѣе мощныя горныя массы, соединяющія Тіанъ-Шань съ системою Гималая. Внутренняя часть этихъ горныхъ массъ еще очень мало изслѣдована; однако, можно считать несомнѣннымъ, что она носитъ преимущественно характеръ величественнаго плоскогорья, обыкновенно называемаго Памирскою возвышенною равниною. Киргизы, кочующіе на этихъ хладныхъ пространствахъ, удачно называютъ ее, за ея высоту, «Кровлею Міра»—Бамъ-и-дуніа.

Ал. фонъ-Гумбольдтъ думалъ, что по Памиру тянется высокая изолированная цѣпь Болоръ-Тага или Белутъ-Тага (Облачныя горы), которая, будто-бы, возвышается, какъ продольная стѣна, между Западнымъ и Восточнымъ Туркестаномъ. Съ западныхъ склоновъ этихъ горъ стекаетъ Аму-Дарья; изысканіе ея истоковъ впервые познакомило насъ съ истинною природою Памира. Истоки Аму-Дарьи были открыты Джономъ Вудомъ въ 1838 году; именно, она беретъ начало въ Желтомъ озерѣ, или Сары-Куль, имѣющемъ форму полумѣсяца и лежащемъ на 4755 метрахъ надъ уровнемъ моря. Оно съ трехъ сторонъ окружено низкими холмами; на южной же сторонѣ возвышаются высокія горы около 5790 метровъ высоты; это—крайнія восточныя вершины Гинду-Ку, который примыкаетъ здѣсь къ Пуштъ-и-Кару. Аму, выйдя изъ этого озера, сперва течетъ къ западу по узкой долинѣ, чрезъ холодныя страны Вахана, къ нѣсколько ниже лежащему Бадахшану; тамъ дѣлаетъ она крутой поворотъ къ сѣверу, а затѣмъ, принявъ рѣку Сурхабъ, также стекающую съ Памира, поворачиваетъ большою дугою къ югу. Въ большей части этого теченія она прорѣзываетъ область Памиръ, которая поднимается изъ постепенно возвышающейся плоскости Бухары, по линіи, довольно параллельной 70° вост. долготы отъ Гринвича. Бадахшанъ и Ваханъ уже лежатъ внутри Памирской области и притомъ на сѣверныхъ склонахъ Гинду-Ку, который, какъ уже было сказано, ограничиваетъ ее съ юга. Внутри Памира, кромѣ вышеназванныхъ, находится еще нѣсколько озеръ. Къ сѣверу, по правому берегу Сурхаба, расположена мѣстность Каратегинъ, у южнаго подножія мощныхъ

горъ, ограничивающихъ съ сѣвера Памиръ и отдѣляющихъ его отъ бассейна Сыръ-Дарьи. Эти сѣверныя, направляющіяся къ западу, цѣпи образуютъ южный край Ферганы, бывшаго ханства Коканъ, и носятъ названіе Алай-Тага; западное продолженіе ихъ, почти до самаго Самарканда, представляетъ Карачъ-Тау, а между послѣднимъ и болѣе южною, параллельною ему, цѣпью Гисаръ прорывается Зарявшанъ изъ исполинскаго глетчера Алай-Тага и течетъ по узкой нагорной долинѣ. Горы Алай-Тага достигаютъ громадной высоты—5790 до 6090 метровъ. Посредствомъ Терекъ-Давана, Алай на востокѣ непосредственно соединяется съ южною, главною, цѣпью Тіанъ-Шаня. Алай, подобно послѣднему, имѣетъ на югѣ различныя возвышенности—предгорья. Такъ, у его южнаго подножія тянется Алайское плато въ 2430 метровъ высоты, или Даштъ-и-Алай; оно къ востоку становится все шире и въ этомъ направленіи представляетъ видъ безконечной, ровной степи, которая тянется между горами и все болѣе расширяется. Къ югу же плато Алай ограничено необычайно высокими горами Трансалая или Заалая; средняя высота гребня этихъ горъ немногимъ ниже 6500 метровъ; но вершины достигаютъ еще большей высоты, причемъ нѣкоторые пики, быть можетъ, не ниже 7600 метровъ. Что касается величественности, то, по словамъ изслѣдователя этой области, А. Федченко, во всемъ горномъ мірѣ Туркестана нельзя найти ничего подобнаго. Позади, т. е. къ югу отъ этихъ Заалайскихъ горъ, лежитъ собственно Памиръ, въ который ведетъ нѣсколько проходовъ. Къ востоку, т. е. по направленію къ Кашгаріи, склонъ Памира, по описанію англичанъ Гайварда и Шоу, образуется чрезвычайно живописными горами Кызылыартъ; высота вершинъ ихъ колеблется между 6000—6300 метрами. Высочайшая изъ нихъ, Тагальма, по опредѣленію Гайварда, имѣетъ 6325 метровъ надъ уровнемъ моря. Крутой склонъ горъ къ востоку, по направленію Кашгарской возвышенной равнины, заставляетъ предполагать, что всѣ озера Памира имѣютъ стокъ къ западу, и что гребень Кызылыарта образуетъ водораздѣлъ. Путешественникъ Мирза-Суджа, проѣхавшій, въ 1868 году, по южному Памиру съ запада на востокъ, нашелъ южное продолженіе Кызылыарта въ горахъ Чичикъ, съ которыхъ онъ, по проходу того же имени (на высотѣ 4570 метровъ), спустился въ Кашгарію. Но Федченко держался того мнѣнія, что Кызылыартъ и его предполагаемыя южныя продолженія не образуютъ восточнаго края Памира, но что онъ тянется по направленію съ востока на западъ. Область истоковъ Аму-Дарьи, а равно бассейны кашгарскихъ рѣкъ состоятъ, по его мнѣію, изъ параллельныхъ цѣпей съ лежащими между ними возвышенными равнинами. Слѣдовательно, схематически можно было-бы представить Памиръ въ видѣ ряда параллельныхъ, лежащихъ одна позади другой, цѣпей, тянущихся съ востока на западъ. Однако, этому представленію, державшемуся въ теченіе нѣкотораго времени, былъ нанесенъ сильный ударъ сообщеніями англійскаго капитана Троттера, а также новыми изслѣ-

дованіями полковника русской службы Костенко. Если они подтвердятся, то несомнѣно, что воззрѣнія Федченко придется признать совершенно неосновательными. Костенко въ іюлѣ 1876 г. перевалилъ чрезъ Заалайскую цѣпь и первый изъ европейцевъ вступилъ съ сѣвера въ собственно Памиръ. Уже съ высоты Кызылыартскаго перевала въ Заалаѣ онъ могъ обозрѣть весь Памиръ, въ южной части котораго лежитъ живописное синее озеро Кара-Куль; затѣмъ онъ посѣтилъ самое озеро, бывшее до того времени предметомъ однѣхъ гипотезъ, и предпринялъ рекогносцировку по направленію къ кашгарской границѣ, до маленькаго озера Ранъ-Куль. Между обоими этими озерами возвышается гора Усъ-бель (3500 метровъ), водораздѣлъ между Кара-Кулемъ и рѣками, образующими Таримъ-голъ. Съ вершины этой горы открывается величественное зрѣлище на лежащія къ востоку горы, далеко восходящія за предѣлы вѣчнаго снѣга. Эти горы ограничиваютъ долину Кашгаръ-Дарьи и въ дѣйствительности суть ни что иное, какъ Кызылыартъ Гайварда. Высоту ихъ Костенко опредѣляетъ въ 7620—7920 метровъ надъ уровнемъ моря и предлагаетъ назвать ихъ Константиновскими горами. Костенко даетъ слѣдующую характеристику этой мѣстности: Заалайскія горы имѣютъ видъ альпійской цѣпи и образуютъ сѣверную границу Памира; позади нихъ начинается плоскогорье, пересѣченное по всѣмъ направленіямъ хребтами, изъ коихъ лишь очень немногіе достигаютъ области вѣчнаго снѣга. Равнины, долины, ущелья, а также самые горные хребты расположены не въ одномъ опредѣленномъ направленіи, а хаотически перепутаны. Долины не широки (отъ 2 до 3 километровъ); отъ нихъ часто отвѣтвляются боковыя долины. Во всей мѣстности нѣтъ ни деревьевъ, ни кустарниковъ; даже трава растетъ лишь на отдѣльныхъ небольшихъ участкахъ, напримѣръ, по берегамъ ручьевъ, гдѣ иногда она достигаетъ большой густоты и пышности, доставляя скоту кочевниковъ нѣкоторую пищу. Горы состоятъ изъ мягкихъ породъ; поэтому проходы отложе и удобнѣе для перевала; да и вообще всѣ пути въ Памиръ довольно сносны. Ручьи и рѣчки, стекающія съ невысокихъ горъ, обыкновенно не отличаются стремительностью и потому также не представляютъ никакихъ затрудненій при переправѣ. Почва состоитъ или изъ каменистаго песка, или изъ суглинка, или песчано-солончаковыхъ поверхностей, или, наконецъ, покрыта соляными болотами, которыя, вскорѣ послѣ высыханія, оставляютъ на поверхности слой магнезіи, блистающій подобно снѣгу. Иногда попадаются и влажныя мѣста, на которыхъ всегда растетъ низкая, но густая трава. Тамъ, гдѣ почва способна давать отпечатки, можно видѣть слѣды сернъ, зайцевъ, волковъ, лисицъ и оленей. Каменный баранъ (Ovis polii) несомнѣнно прежде встрѣчался здѣсь въ очень большомъ количествѣ, но совершенный недостатокъ свѣжихъ слѣдовъ, а также безчисленное количество повсюду разбросанныхъ большихъ, тяжелыхъ роговъ этихъ животныхъ заставляютъ думать, что они, повидимому, вы-

мерли послѣ страшной эпидеміи, господствовавшей между ними въ 1869 году. Медвѣди и тигры не встрѣчаются; изъ пернатаго царства были замѣчены: орлы, коршуны, вороны, красноклювыя галки и большое множество мелкой птицы. Не смотря на суровый климатъ, Памиръ посѣщается лѣтомъ кочевниками Кашгаріи, Каратегина, Шугнана и другихъ областей. Всѣ эти номады занимаются исключительно скотоводствомъ. Лѣтомъ дни стоятъ знойные, по ночамъ же бываетъ холодно. Уже въ началѣ августа здѣсь температура понижается до 4° Р Зимою бываютъ очень сильные холода; они-то и заставляютъ кочевниковъ спускаться въ болѣе низкія области. Вѣтры обыкновенно очень суровы; направленіе ихъ зависитъ отъ положенія долинъ. Точно также разрѣженный воздухъ затрудняетъ пребываніе здѣсь человѣка, даже въ лѣтнюю пору, хотя, съ другой стороны, разсказы о вредномъ вліяніи воздуха часто преувеличены. Однако не подлежитъ никакому сомнѣнію, что полнокровные люди страдаютъ въ этихъ мѣстахъ кровотеченіемъ изъ носа и подвержены обморокамъ; у большинства же вліяніе такой разрѣженной атмосферы сказывается затрудненіемъ дыханія, а иногда и стѣсненіями въ груди; впрочемъ, можно привыкнуть и къ этому воздуху.

Къ югу отъ Памира, какъ мы уже знаемъ, находятся слѣдующія горы: на западѣ—Гинду-Ку, на востокѣ—цѣпи Гималайской системы, ограничивающія также Восточный Туркестанъ и степь Гоби съ юга Самая сѣверная изъ этихъ цѣпей есть Кюнъ-Люнь, или горы Анеута, которыя тянутся къ востоку, придерживаясь 36° сѣв. шир. Такъ какъ существованіе Кызыльарта и его южнаго продолженія, Чичика, нынѣ можно считать доказаннымъ, то мы едва-ли ошибемся, принявъ Кюнъ-Люнь за продолженіе ихъ обоихъ. Далѣе, къ югу, слѣдуетъ высокая цѣпь Каракорумъ и, наконецъ, главная цѣпь самаго Гималая. Всѣ три (Кюнъ-Люнь, Каракорумъ и Гималай) скучиваются на западѣ, именно къ Пуштъ-и-Кару, такъ что здѣсь они представляютъ рядъ слѣдующихъ одна за другою цѣпей съ параллельными узкими рѣчными долинами, между которыми первое мѣсто принадлежитъ долинѣ Инда. Эта чрезвычайно гористая область Инда называется Малымъ Тибетомъ, или Кашмиромъ, на который распространяется владычество англичанъ, владѣющихъ Переднею Индіею. Къ западу отъ Инда, который, послѣ своего поворота къ юго-востоку, до нѣкоторой степени отдѣляетъ область Гималая отъ группы Гинду-Ку, въ углу къ югу отъ Памира, между индійскою и афганистанскою границами, лежатъ мало извѣстныя долины Кафиристана, Читраля, Гильгита и Дардистана Напротивъ, на востокѣ отъ Малаго Тибета цѣпи Гималая все болѣе

и болѣе расходятся, причемъ между Кюнъ-Люнемъ на сѣверѣ и главною цѣпью на югѣ остается обширное пространство, занятое огромною возвышенною равниною—Тибетомъ, или Бодыуломъ, который тянется до неизвѣстныхъ горныхъ областей юго-восточнаго Китая. Мы займемся теперь краткимъ обзоромъ этихъ областей, начиная съ запада.

Южныя долины Гинду-Ку до рѣкъ Инда и Кабула не имѣютъ общаго названія. Австріецъ д-ръ Г. В. Лейтнеръ, главнѣйшій изслѣдователь этой непроходимой области, предложилъ называть ее Дардистаномъ, производя это названіе отъ «дарду» или «дардовъ», къ племени которыхъ принадлежатъ всѣ мелкіе народы этихъ долинъ.

У сѣверной границы Дардистана лежатъ узбекскія земли Бадахшанъ и Кундузъ; на югѣ протекаетъ рѣка Кабулъ, отдѣляя Дардистанъ отъ Афганистана. Страна орошается многими рѣками, которыя растекаются, подобно жилкамъ листа, на востокъ и западъ и вливаются въ пять значительныхъ рѣкъ, несущихъ затѣмъ свои воды по странѣ. Значительнѣйшая и самая восточная изъ этихъ рѣкъ отдѣляетъ Кафиристанъ отъ Кашгара и носитъ при своемъ впаденіи въ Кабулъ названіе Камы; далѣе вверхъ она называется Кумаръ, а у своихъ истоковъ—Кашгаръ или Читраль. Многія рѣченки, вытекающія изъ глубокихъ ущелій и зіяющихъ пропастей боковыхъ долинъ, въ видѣ горныхъ потоковъ, и питаемыя снѣгомъ вершинъ, обращаются по временамъ въ рѣки большой величины, по которымъ въ періодъ таянія снѣговъ можно перебраться лишь на паромахъ. По обѣимъ сторонамъ рѣкъ тянутся богатыя аллювіальныя равнины. Температура и климатъ сильно мѣняются, такъ какъ разница въ высотѣ значительна. Въ болѣе высокихъ горахъ лѣтній зной рѣдко бываетъ тягостенъ; въ зимніе же мѣсяцы снѣгъ лежитъ долгое время. Нижележащія долины защищены отъ сильныхъ зимнихъ мятелей, и хотя онѣ обрамлены высокими, покрытыми снѣгомъ, горами, но съ іюня по августъ въ нихъ стоятъ очень сильныя жары. Зимою очень часты страшныя мятели; въ это время перевалы становятся непроходимыми, и на недѣли прекращается всякое сообщеніе между долинами.

Жители этой области—дарду или дарды. Подъ этимъ названіемъ въ тѣсномъ смыслѣ должно понимать лишь народъ, живущій въ горной странѣ Шинаки, въ обширномъ же—не только племена: чиласовъ, астори, гильгити и дурейли, но и населеніе Гунзы, Нагира, Читраля, а также сіяпошей Кафиристана. Гильгитъ лежитъ на западъ отъ Инда, Чиласъ—на юго-западъ отъ Гильгита, Читраль—ближе къ Гинду-Ку. Области Гунза и Нагиръ расположены по одному притоку Гильгита, впадающаго въ Индъ. Наконецъ, къ западу отъ гильгитовъ до авганистанской границы живутъ въ трудно-доступной горной странѣ различныя племена сіяпошей Кафиристана. Эти мелкіе горскіе народы дробятся на громад-

ное множество подраздѣленій съ различными названіями; столь же велика путаница относительно языковъ и религій. Но изъ всѣхъ этихъ народовъ дарду ни одинъ не представляетъ такого интереса, какъ сіяпоши, или черноногіе; ихъ часто, во всѣ времена, пытались поработить, но всегда безуспѣшно; они сохранили свою независимость по настоящее время и придерживаются своихъ языческихъ вѣрованій. Кафиры имѣютъ совершенно европейскія черты лица и очень смышленны; у нихъ встрѣчаются и черные, и голубые глаза; выпуклыя надбровныя дуги, длинныя рѣсницы, открытый и широкій лобъ; цвѣтъ волосъ мѣняется отъ чернаго до свѣтлокаштановаго. Оба пола красивы и стройны. Сіяпоши раздѣляются на 18 племенъ, которыя, однако, по одеждѣ не отличаются между собою; ихъ города и деревни (кафиры никогда не живутъ въ шатрахъ) расположены большею частью на горныхъ склонахъ и имѣютъ иногда отъ 400 до 500 домовъ. Сіяпоши—хорошіе скотоводы, владѣютъ большими стадами крупнаго рогатаго скота и овецъ, а въ особенности козъ; всѣ они любятъ вино; въ настоящее время вооружены кремневыми ружьями, по всей вѣроятности, русской фабрикаціи. Набѣги они совершаютъ большею частью лишь въ отместку магометанамъ за ихъ нападенія. Религія сіяпошей очень проста—чистѣйшее идолопоклонство; вслѣдствіе отсутствія письменности, она не представляетъ строго выработанной системы. Многіе обычаи напоминаютъ существующіе у парсовъ, съ которыми сіяпоши состоятъ въ этнографическомъ родствѣ; они говорятъ на различныхъ нарѣчіяхъ, очень близкихъ къ санскритскому языку, и потому, повидимому, представляютъ собою остатки первобытныхъ жителей странъ по рѣкѣ Кабулу и нынѣшняго Афганистана, что̀ подтверждается также историческими документами на афганскомъ языкѣ, а равно и другими магометанскими писателями.

Область верхняго Инда,—по всей вѣроятности, самая величественная альпійская страна на землѣ — занята государствомъ Холабъ-Сингъ, обыкновенно носящимъ названіе Кашмира, хотя послѣднее наименованіе относится лишь къ небольшой части обширнаго пространства, которое находится во власти кашмирскаго «магариджи» (великій король) и о протяженіи коего лишь весьма немногіе европейцы имѣютъ точное понятіе. Территорія этого магараджи, признавшаго, по договору 16 марта 1846 г. въ Амритсарѣ, надъ собою верховную власть Англіи, представляетъ крайнее разнообразіе въ отношеніи климата, физическихъ свойствъ и населяющихъ племенъ, такъ какъ она простирается отъ знойныхъ равнинъ Пенджаба до неизмѣримыхъ глетчеровъ и вѣчныхъ снѣговъ на высочайшихъ вершинахъ Гималая и заключаетъ въ себѣ людей какъ арійскаго, такъ и урало-алтайскаго происхожденія, а равно различныя вѣроисповѣданія: магометанское, буддистское и браманское. Въ об-

щемъ страна имѣетъ гористый характеръ и притомъ до такой степени, что невольно удивляешься, гдѣ населеніе находитъ для себя мѣсто. Къ Кашмиру принадлежитъ округъ Джаму, хотя, строго говоря, онъ могъ бы съ бо̀льшимъ правомъ дать свое названіе и всей странѣ, такъ какъ въ главномъ городѣ этого округа магараджа имѣетъ свою резиденцію. Джаму лежитъ почти у самой южной границы Кашмира, на притокѣ Чинаба, впадающаго въ Индъ. Кромѣ Джаму и Кашмира, государство, поверхность коего опредѣляютъ въ 176,000 квадр. километровъ, заключаетъ въ себѣ слѣдующія области: Ле, или Ладакъ, Балтистанъ, или Малый Тибетъ, съ главнымъ городомъ Искардо, и Гильгитъ.

Въ отношеніи физическихъ свойствъ, вся страна раздѣлается на три пояса; она начинается равнинами Пенджаба въ Индіи и постепенно поднимается къ сѣверу. Эти пояса суть: прежде всего внѣшніе холмы, т. е. горная страна около 600—1220 метровъ средней высоты надъ уровнемъ моря; за ними слѣдуетъ средній поясъ, высотою отъ 2440 до 3050 метровъ, и, наконецъ, чрезвычайно высокія горы, съ вершинами высотою отъ 4570 до 8220 метровъ. Высочайшія горныя вершины: Нанга-Парбатъ (8815 метровъ), и вторая, еще пока безъимянная, но обозначаемая на индійскихъ картахъ буквою $к^2$, возвышается до 8615 метровъ и послѣ Эвереста представляетъ высочайшую гору на земномъ шарѣ. Глетчеры заслуживаютъ особаго вниманіи. Величайшій изъ ледниковъ—глетчеръ Бальторо, длиною въ 56 километровъ, пробивается между двумя высокими пиками. Но и эти громадные глетчери суть лишь жалкіе остатки колоссальныхъ ледниковъ, которые нѣкогда покрывали всю область Гималая. Весьма замѣчательны наводненія, снѣжныя и земляныя лавины, производящія страшныя опустошенія въ сѣверныхъ горахъ Индіи.

Кашмиръ представляетъ горную долину, обставленную со всѣхъ сторонъ громадными снѣговыми вершинами; средняя часть его образуетъ равнину, по которой протекаетъ рѣка Джеламъ и гдѣ лежитъ озеро Волларъ. Эта возвышенная равнина имѣетъ въ среднемъ 1620 метровъ высоты, такъ что вся котловина напоминаетъ колоссальный кратеръ. Изъ вершинъ, окружающихъ вѣнкомъ Кашмирскую равнину, высочайшія находятся на востокѣ; впрочемъ, удобные проходы между ними ведутъ во всѣ стороны—въ сосѣднія долины. Кашмиръ неоднократно описывали, какъ рай, гдѣ царитъ вѣчная весна, а великій моголъ, шахъ Джехангиръ, обыкновенно говаривалъ: «Я охотнѣе потерялъ бы всю огромную Индію, нежели мой милый Кашмиръ». Ландшафтные элементы этого рая—увѣнчанные снѣгомъ пики, живописныя ущелья, многочисленныя озера, прекрасныя рѣки съ водопадами, великолѣпные лѣса и

Одинъ изъ видовъ смертной казни въ Китаѣ.

роскошный цвѣточный коверъ въ равнинахъ. Изъ озеръ самое значительное—Волларское, чрезъ которое протекаетъ Джеламъ; но въ отношеніи красоты пальма первенства принадлежитъ Манаса-Кулю. Эти озера и всѣ притоки Джелама дѣлаютъ Кашмиръ богато орошенною страною. На берегахъ Джелама, въ долинѣ, на высотѣ 1830 метровъ надъ уровнемъ моря, длиною въ 100 километровъ и шириною въ 65 кил., возвышается, среди роскошной растительности и въ мягкомъ климатѣ, главный городъ возвышенной равнины—Сринаггаръ («Солнечный городъ»), окруженный и защищенный восхитительными горами; онъ сосредоточивается главнымъ образомъ на правомъ берегу рѣки. Нѣкогда онъ былъ значительно многолюднѣе, чѣмъ нынѣ; число жителей въ немъ показываютъ очень различно — отъ 40,000 до 120,000 душъ. Сринаггаръ въ нѣкоторомъ отношеніи можетъ быть сравненъ съ Флоренціею, а иные изъ его каналовъ представляютъ такія картины, подобныхъ которымъ не имѣетъ даже Венеція. Подобно ей, Сринаггаръ есть городъ мостовъ, переброшенныхъ черезъ многочисленные каналы или развѣтвленія рѣки и построенныхъ изъ громадныхъ стволовъ великолѣпнаго туземнаго кедра — деодары; эти каналы перерѣзываютъ городъ по всѣмъ направленіямъ и соединяются съ сосѣднимъ озеромъ Даль, длиною около 8 километровъ, а шириною въ 4 километра. Отличается же Сринаггаръ отъ Венеціи тѣмъ, что берега каналовъ окаймлены зелеными деревьями. При посредствѣ многихъ шлюзовъ, озеро Даль отдаетъ часть своей воды рѣкѣ Джеламу, когда въ ней спадетъ вода; когда же священная рѣка находится въ періодѣ половодья, и уровень ея поднимается выше уровня озера, то она своимъ давленіемъ закрываетъ шлюзы. Изъ этихъ каналовъ, соединяющихъ Даль съ Джеламомъ, Яблоневый каналъ или Сутъ-и-куль — самый величественный; рѣка покрыта водяною птицею съ пестрымъ опереніемъ, а прекрасныя деревья на берегахъ, окаймленныхъ лотосомъ, простираютъ къ небу свои кроны. На Далѣ плаваютъ странной формы сады, которые напоминаютъ такъ называемыя chinampas на озерѣ Тескуко, близъ Мексики, хотя тамъ большая часть такихъ садовъ конечно, не плаваетъ уже въ настоящее время. Изъ различныхъ растеній, очаровывающихъ взоры, особенно бросается въ глаза водяной орѣхъ (Traba bispinosa), изъ котораго жители Кашмира приготовляютъ муку и вкусный хлѣбъ. Вильсонъ разсказываетъ (The abode of snow. Observations on a journey from chinese Tibet to the Indian Caucasus through the upper valleys of the Himlaya. Edinburgh et London. 1875. 8^{0}), что изъ одного Волларскаго озера ежегодно добывается 60,000 тоннъ этого растенія.

Населеніе всего государства можетъ быть раздѣлено на арійское и не-арійское. Первое, въ свою очередь, распадается на нѣсколько семей: догра, хибали, пагари, кашмири и дарду; не-арійскія же тибетцы дѣлятся на три семьи: бальти, ладаки и чампа. Арійцы, большею частью магометане - сунниты, представляютъ собою, безспорно, самыхъ краси-

выхъ изъ индусовъ. Народъ имѣетъ явственный индогерманскій типъ, и французскій путешественникъ В. Лежанъ называетъ его квази-европейскою расою. Въ Кашмирѣ нѣтъ тѣхъ физическихъ особенностей, которыя часто такъ непріятно дѣйствуютъ на насъ при видѣ индійцевъ, именно нѣтъ тощихъ членовъ, выдающихся скулъ и очень темной кожи. Мужчины широкоплечи, сложены атлетически, но все-таки пропорціонально, съ мужественными чертами лица. Такъ какъ они сохранили свои племенные признаки въ большей чистотѣ, нежели индусы равнины, то у нихъ также и цвѣтъ кожи свѣтлѣе. Женщины со свѣжими и красивыми лицами, благодаря чему, ихъ охотно берутъ въ гаремы Индостана; но въ чертахъ лица у нихъ поразительно много еврейскаго. Крестьянки, работающія на поляхъ подъ знойными лучами солнца, конечно, загораютъ, подобно нашимъ поселянкамъ въ лѣтніе мѣсяцы, и въ это время кашмирянки столь же черны, какъ и женщины Пенджаба; женщины же состоятельныхъ классовъ не смуглѣе итальянокъ. Жители Кашмира подвижны, остроумны, веселы и находчивы, но вмѣстѣ съ тѣмъ лживы, чрезвычайно любятъ удовольствія, суевѣрны, невѣжественны и фальшивы; они обладаютъ большою ловкостью и словно созданы для мануфактурной промышленности и торговли, проявляя, рядомъ съ этими достоинствами, страсть къ надувательству безъ зазрѣнія совѣсти. Что касается отношеній между полами, то кашмирцы, какъ говорятъ, народъ очень развратный; уголовныя же преступленія у нихъ почти совершенно неизвѣстны. Англійскій путешественникъ Вильсонъ обрисовываетъ современное состояніе Кашмира не лестными красками. По сравненію съ пышностью и великолѣпіемъ природы, народъ производитъ чрезвычайно невыгодное впечатлѣніе, говоритъ онъ. Народъ развратенъ, испорченъ и малодушенъ; повсюду встрѣчаются чахлыя, полунагія дѣти, истощенныя женщины, оскорбляющія взоръ. Правда, теперешній магараджа, повидимому, заботится о введеніи реформъ и еженедѣльно чинитъ судъ, причемъ даже самый бѣдный крестьянинъ можетъ принести ему жалобу; но практически эта свобода имѣетъ лишь ничтожное значеніе, въ виду господствующей системы застращиванія.— Знаменитая торговля кашмирскими шалями пришла въ большой упадокъ. Ткачи этихъ шалей, повидимому, получаютъ жалкую заработную плату и находятся почти въ положеніи настоящихъ рабовъ, такъ какъ имъ не дозволяется покидать Кашмира, или обращаться къ другимъ занятіямъ. Тончайшій козій пухъ, употребляемый на приготовленіе шалей, получается не въ самомъ Кашмирѣ, но изъ Турфана, находящагося въ области Яркенда. Лишь въ степяхъ Центральной Азіи, бичуемыхъ вѣтрами, хорошо живется этимъ животнымъ съ такимъ нѣжнымъ пухомъ. Вниманіе кашмирскаго правительства начинаетъ привлекать другая отрасль промышленности, именно—производство шелковыхъ матерій. Общее число жителей въ государствѣ въ настоящее время едва ли болѣе полутора милліоновъ; въ роскошной долинѣ не живетъ, пожа-

луй, и 500,000 человѣкъ, тогда какъ въ ней легко могли бы найдти мѣсто и пропитаніе четыре милліона, а страна превосходно бы годилась для британской колонизаціи. Въ Кашмирѣ господствуетъ кастовое устройство, а умерщвленіе дѣтей женскаго пола повсемѣстно въ ходу; въ Джаму обычай сожиганія вдовъ—такъ называемый «сати»—соблюдался до самаго послѣдняго времени и исполнялся съ еще бо́льшимъ фанатизмомъ, нежели у самаго набожнаго населенія Индіи.

Въ заключеніе скажемъ еще нѣсколько словъ о жителяхъ тибетскаго племени, обитающихъ главнымъ образомъ въ Ладакѣ и Балтистанѣ. Ихъ своеобразнымъ порядкамъ, обычному тамъ многомужеству (поліандріи) Фридерикъ Дрью, хорошо знающій страну (F. Drew: The Jummoo and Cashmere territories, a geographical account. London. 1875, 8°), приписываетъ малочисленность населенія въ этихъ гималайскихъ округахъ. Члены племени гадди обращаютъ на себя вниманіе въ особенности странными, единственными въ своемъ родѣ, формами головнаго убора. Напротивъ, чампы, повидимому, болѣе замѣчательны своею организаціею, и въ особенности легкими, нежели платьемъ. Они живутъ на высокихъ перевалахъ Кашмира и считаютъ неудобнымъ, даже невыносимымъ спускаться ниже 3320 метровъ надъ уровнемъ моря и дышать болѣе густымъ воздухомъ. Всего охотнѣе они располагаются по берегамъ обширнаго солянаго озера въ какой-либо уединенной долинѣ, на высотѣ почти 4000 метровъ. Они живутъ въ шатрахъ, и у нихъ преобладаетъ многомужество (поліандрія). Обычай мытья, повидимому, имъ совершенно незнакомъ. Въ Балтистанѣ живутъ люди того же племени, что и въ Ладакѣ; но они приняли исламъ и потому перемѣнили поліандрію на полигамію, отчего народонаселеніе на столько возросло, что страна уже не можетъ прокормить его, почему выселеніе сдѣлалось необходимостью. Какъ кажется, часть балтисовъ служитъ въ арміи кашмирскаго магараджи.

По ту сторону Инда возвышается цѣпь Каракорумъ, или Муцтагъ, т. е. Ледниковыя горы, какъ называютъ ее обитатели Восточнаго Туркестана, тогда какъ Каракорумомъ они называютъ лишь проходъ того-же имени. Каракорумъ также начинается у узла Пуштъ-и-Каръ, о которыхъ мы упоминали выше; тамъ онъ сталкивается съ Памиромъ и Гинду-Ку; отъ этого узла Каракорумъ поворачиваетъ къ востоку-юго-востоку и тянется почти до самыхъ истоковъ Инда, въ китайскомъ Тибетѣ.

Мы не знаемъ ничего опредѣленнаго о его продолженіи къ востоку отъ прохода Чангъ-Ченмо, т. е. намъ неизвѣстно: соединяется ли онъ съ высокою группою гималайской вершины Кайласъ, у священныхъ истоковъ Инда и Брамапутры, или же теряетъ характеръ отдѣльной

цѣпи и переходитъ на возвышенное тибетское плато, въ видѣ радіальныхъ развѣтвленій. Высочайшія вершины встрѣчаются въ той части цѣпи, которая лежитъ между проходомъ Каракорумъ и началомъ Гильгитской долины; тамъ нѣкоторыя изъ вершинъ достигаютъ высоты 7620—7925 метровъ; гребень имѣетъ среднюю высоту въ 6000—6300 метровъ, а высочайшій Дапсангъ, находящійся неподалеку отъ Муцтагскаго перевала, возвышается даже до 8619 метровъ. Въ сѣверную часть цѣпи здѣсь проникаютъ длинныя поперечныя долины, тогда какъ южная, обращенная къ Инду, сторона представляетъ болѣе крутые склоны и болѣе дика, чѣмъ сѣверная. Такъ, почва на сѣверѣ имѣетъ несомнѣнно болѣе значительное общее возвышеніе, нежели бассейнъ Инда, къ югу отъ цѣпи. Каракорумъ удерживаетъ направленіе съ ЗСЗ. на ВЮВ. отъ Пуштъ-и-Кара и по ту сторону прохода того же имени; но здѣсь онъ дѣлаетъ поворотъ къ югу и снова восходитъ до болѣе высокихъ вершинъ. Отсюда къ востоку онъ образуетъ южный край плоскогорій, которыя имѣютъ 5000 средней высоты и тянутся по направленію къ Кюнъ-Люню; затѣмъ продолжается къ востоку отъ Чангъ-Ченмо до тибетскаго озера Пангонгъ. Гребень Каракорума, а не гребень Кюнъ-Люня, образуетъ водораздѣлъ между сѣверомъ и югомъ Нагорной Азіи; его снѣговая линія, повидимому, достигаетъ: на сѣверѣ—5670 метровъ, а на югѣ — отъ 5550 до 5600 метровъ высоты. Проходы находятся на очень значительной высотѣ. Два главные прохода, ведущіе чрезъ болѣе центральную часть цѣпи, суть: Муцтагъ и Каракорумъ; послѣдній расположенъ на высотѣ 5583 метровъ. Путь черезъ него начинается на югѣ отъ верхняго Шейока, одного изъ главныхъ притоковъ Инда, и спускается къ сѣверу отъ перевала на плато Актагъ, послѣ чего слѣдуетъ долиною рѣки Яркендъ въ Восточномъ Туркестанѣ. Третій проходъ, Чангтангъ или Чангъ-Ченмо пересѣкаетъ горную цѣпь болѣе въ юго-восточномъ направленіи, на высотѣ 5942 метровъ, и замѣчательно удобенъ для перевала. Главное затрудненіе при переходѣ чрезъ эти горы заключается въ разрѣженномъ воздухѣ на столь значительной высотѣ и въ безплодіи окрестностей; отъ обоихъ этихъ неудобствъ приходится сильно страдать вьючнымъ животнымъ. Между Каракорумомъ и Кюнъ-Люнемъ тянутся обширныя возвышенныя равнины. Конечно, высота не остается одинаковою; приходится переходить болѣе или менѣе высокіе параллельные хребты или цѣпи и спускаться въ болѣе или менѣе глубокія долины; но замѣчательно, что впадина между Кюнъ-Люнемъ и остальною системою Гималая значительно менѣе глубоки. нежели другія впадины

Самъ Кюнъ-Люнь представляетъ длинную, узкую цѣпь, идущую по направленію съ запада на востокъ; онъ ограничиваетъ возвышенную долину Тибета съ сѣвера и слѣдуетъ въ своей западной части вдоль рѣкъ Каракашъ и Яркендъ. Южный склонъ этой западной части

прорѣзанъ короткими поперечными долинами; къ восточному краю уменьшается высота и крутизна горъ. Между 77 и 81° вост. долг. отъ Гринв. цѣпь Кюнъ-Люнь достигаетъ значительнѣйшей высоты; здѣсь горы суровы и круты; высочайшія вершины поднимаются до 7000 и 7150 метровъ, и даже средняя высота гребня все еще превышаетъ 6000 метровъ. Въ то время, какъ восточная часть Кюнъ-Люня образуетъ лишь одинъ хребетъ возвышенностей и одинъ рядъ озаренныхъ солнцемъ вершинъ, западная часть даетъ отъ себя развѣтвленія, идущія параллельно главной цѣпи, или же расходящіяся, въ видѣ поперечныхъ хребтовъ, по плоскогорью Восточнаго Туркестана.

Къ востоку отъ 79° долготы, страна между Кюнъ Люнемъ и цѣпью Каракорумъ представляетъ плато, западное продолженіе Тибетскаго нагорья, къ которымъ оно сходно по внѣшнему виду и характеру; низкіе, волнистые холмы и непрерывные, неправильные хребты придаютъ разнообразіе монотонной равнинѣ, тогда какъ въ углубленіяхъ встрѣчаются многочисленныя соляныя озера, изъ коихъ многія въ извѣстныя времена года высыхаютъ или просачиваются въ почву, оставляя громадную соляную кору. На такихъ высоколежащихъ равнинахъ почти совершенно исчезаетъ растительная жизнь; лишь на немногихъ, болѣе покровительствуемыхъ природою мѣстахъ кое-гдѣ пробивается изъ земли нѣсколько былинокъ или растеніе «бурси», въ родѣ лаванда какъ бы для того, чтобы привѣтствовать глазъ.

Тибетъ собственно, т. е. страна между Кюнъ-Люнемъ и Гималаемъ, представляетъ продольную долину исполинскихъ размѣровъ, дно которой занято различными, меньшей величины, плоскогоріями. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Тибета, Годсонъ (Hodgson), описываетъ физическій характеръ этой страны въ слѣдующихъ словахъ: «Тибетъ—притупленное плато треугольной формы; оно тянется съ юго-востока на сѣверо-западъ, между 28 и 36° с. шир., 72° и 102° вост. долготы. Климатъ Тибета очень холоденъ и сухъ, вслѣдствіе необычайной высоты, достигающей, среднимъ числомъ, 3650 метровъ надъ уровнемъ моря, вслѣдствіе громадныхъ снѣговыхъ горъ, обрамляющихъ его и поднимающихся на югѣ до 6000 метровъ, вслѣдствіе недостатка облаковъ и дождя, вслѣдствіе чрезвычайной разрѣженности атмосферы, песчаной и солончаковой почвы,—наконецъ, вслѣдствіе необычайной бѣдности растительнаго міра, являющейся результатомъ всѣхъ выше названныхъ причинъ. Тибетъ ограниченъ на югѣ Гималаемъ, на сѣверѣ — Кюнъ-Люнемъ, на западѣ—Бегиромъ, а на востокѣ—Юнъ-Лингомъ. Эти горы

большею частью покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, а ихъ проходы лежатъ уже на высотѣ 4870 — 5180 метровъ. (B. H. Hodgson: Essays on the languages, literature and religion of Nepal and Tibet; together with further papers on the geography, ethnology and commerce of those countries. London. 1874. 8°).

Посреди широкой долины возвышается, до 4800 метровъ, мощный валъ, раздѣляющій ее на восточную и западную части. Къ Западному Тибету принадлежатъ кашмирскія земли Балтистанъ и Ладакъ, затѣмъ провинція Гнари-Корсумъ китайскаго Тибета; восточная котловина—Бодыулъ—состоитъ изъ провинцій Хамъ, Уэ и Цангъ; послѣдняя область, въ свою очередь, распадается на двѣ отдѣльныя части: Цангъ собственно и Догтолъ. Провинція Хамъ граничитъ съ Китаемъ; главный городъ ея—Хамдо; къ юго-западу отъ него расположена Бонга, первая станція постояннаго пребыванія христіанскихъ миссіонеровъ и гдѣ образовалась первая въ Тибетѣ христіанская община. Провинція Уэ—самая маленькая по величинѣ, но за то наиболѣе важная. Въ ней находится Лáза (Ласса), резиденція «Далай-Ламы», духовнаго главы буддистовъ и повелителя Восточнаго Тибета, хотя въ настоящее время онъ состоитъ въ зависимости отъ Китая. Эта зависимость простирается и на Гнари-Корсумъ; китайцы взяли въ свои руки управленіе этою страною еще въ большей степени, нежели въ Восточномъ Тибетѣ. Китайское правительство пока сдѣлало уступку лишь въ одномъ отношеніи: во главѣ исполнительной власти въ Гнари-Корсумѣ стоятъ два природные тибетца; эти, такъ называемые, «гарпаны» назначаются черезъ каждые три года и имѣютъ свое мѣстопребываніе: зимою въ Гаргунсѣ, а лѣтомъ—въ Гартокѣ. Для защиты страны, въ Гнари-Корсумѣ, а также въ области Далай-Ламы существуетъ подобіе ландвера; въ этотъ, небольшой по числу, ландверъ записывается все мужское населеніе, способное носить оружіе. Изъ боязни (не совсѣмъ безосновательной) очутиться, подобно Индіи, подъ властью чужеземцевъ — жадныхъ къ пріобрѣтенію земель британцевъ, тибетскіе чиновники усердно охраняютъ свое государство отъ всякихъ посѣтителей, хотя бы самыхъ безобидныхъ. (См. Hermann von Schlagintweit. Reisen in Indien und Hoch-Asien. Iena. 1872. 8°. III Bd.).

Этимъ обстоятельствомъ объясняется крайняя недостаточность нашихъ познаній о внутреннемъ Тибетѣ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ миссіонеровъ, въ эту страну проникали лишь очень немногіе европейцы южная часть ея въ послѣдніе годы была изслѣдована образованными индусами, такъ называемыми «пандитами». Что же касается сѣвера, то на нашихъ картахъ все еще зіяетъ безотрадная пустота, и лишь на крайнемъ сѣверо-востокѣ удалось побывать смѣлому русскому путешественнику Н. Пржевальскому; изъ южной Монголіи онъ проникъ въ

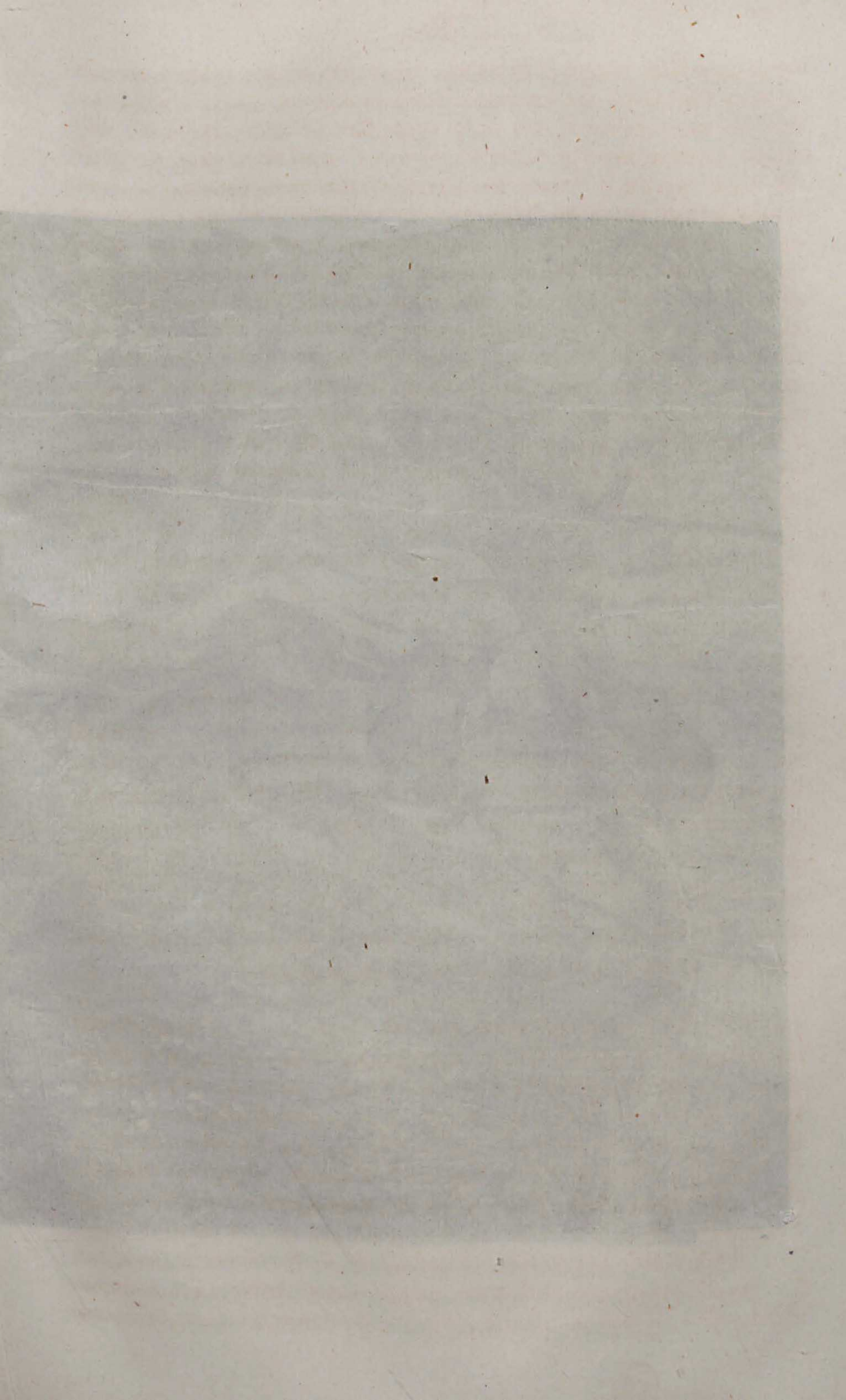
область большаго озера Куку-норъ и въ Цайдамъ. «Берега Куку-нора извилисты и очень мелки; вода соленая, негодная для питья. Но эта соленость придаетъ поверхности описываемаго озера превосходный темноголубой цвѣтъ, на который обращаютъ вниманіе даже монголы и удачно сравниваютъ его съ цвѣтомъ голубаго шелка. Вообще, видъ Куку-нора чрезвычайно красивъ; въ особенности, какъ мы застали это озера позднею осенью, когда окрестныя горы, уже покрытыя снѣгомъ, стояли бѣлою рамкою широкахъ, бархатно-голубыхъ водъ, убѣгавшихъ къ востоку отъ нашей стоянки за горизонтъ». Окрестныя степи чрезвычайно плодородны и заселены большимъ числомъ антилопъ (Antilope gutturosa); монголы и тангуты встрѣчаются здѣсь въ очень большомъ числѣ, а на травянистыхъ пространствахъ повсюду пасутся огромныя стада. Абсолютная высота озера составляетъ около 3040 метр. Перейдя высокія горы, которыя возвышаются на южномъ берегу Куку-нора и простираются километровъ на 600 (верстъ на 500) къ западу отъ него, Пржевальскій со своими спутниками вступилъ въ мѣстность Цайдамъ; вся эта область состоитъ изъ громаднаго солянаго болота, съ совершенно ровною поверхностью, поросшею тростникомъ; по всей вѣроятности, не особенно давно она было дномъ большаго озера. Она лежитъ метровъ на 300 ниже Куку-нора и орошается значительною рѣкою Буйханъ-голъ, текущею съ востока на западъ. Цайдамская болотистая равнина, ограниченная съ сѣвера горами къ югу отъ Куку-нора, на югѣ—цѣпью Бурханъ-Будда, теряется далеко на западѣ и простирается, по словамъ монголовъ, безъ перерыва, до самаго Лопъ-нора. Въ этой области живутъ на свободѣ дикіе верблюды, преслѣдуемые монголами Цайдама. На югъ отъ цѣпи Бурханъ-Будда, которая служитъ границею холоднаго и пустыннаго плоскогорья сѣвернаго Тибета, мѣстность поднимается до 4250—4600 метровъ абсолютной высоты, удерживая ее до горъ Танла. На этомъ огромномъ плато, въ свою очередь, громоздятся исполинскія горы, именно цѣпи Шуга и Гурбу-Найджи обѣ онѣ достигаютъ снѣговой линіи. Цѣпь Гурбу-Найджи; образуетъ начало системы Кюнъ-Люня, которая ограничиваетъ съ юга западную часть Цайдама и равнины Лопъ-нора. Вездѣ, гдѣ растетъ хотя немного травы, встрѣчаются громадныя стада яковъ (Poëphagus grunniens), газелей, антилопъ, оронго, адо (новые виды) и горныхъ овецъ, которыя иногда собираются стадами въ нѣсколько сотъ головъ. Пржевальскій открылъ также новый видъ муфлона (Ovis argali nov. spec.) съ бѣлоснѣжною грудью, а караванъ его постоянно сопровождали волки, питавшіеся мясомъ убитыхъ животныхъ, которое пришлось частью выбрасывать—такъ было его много.

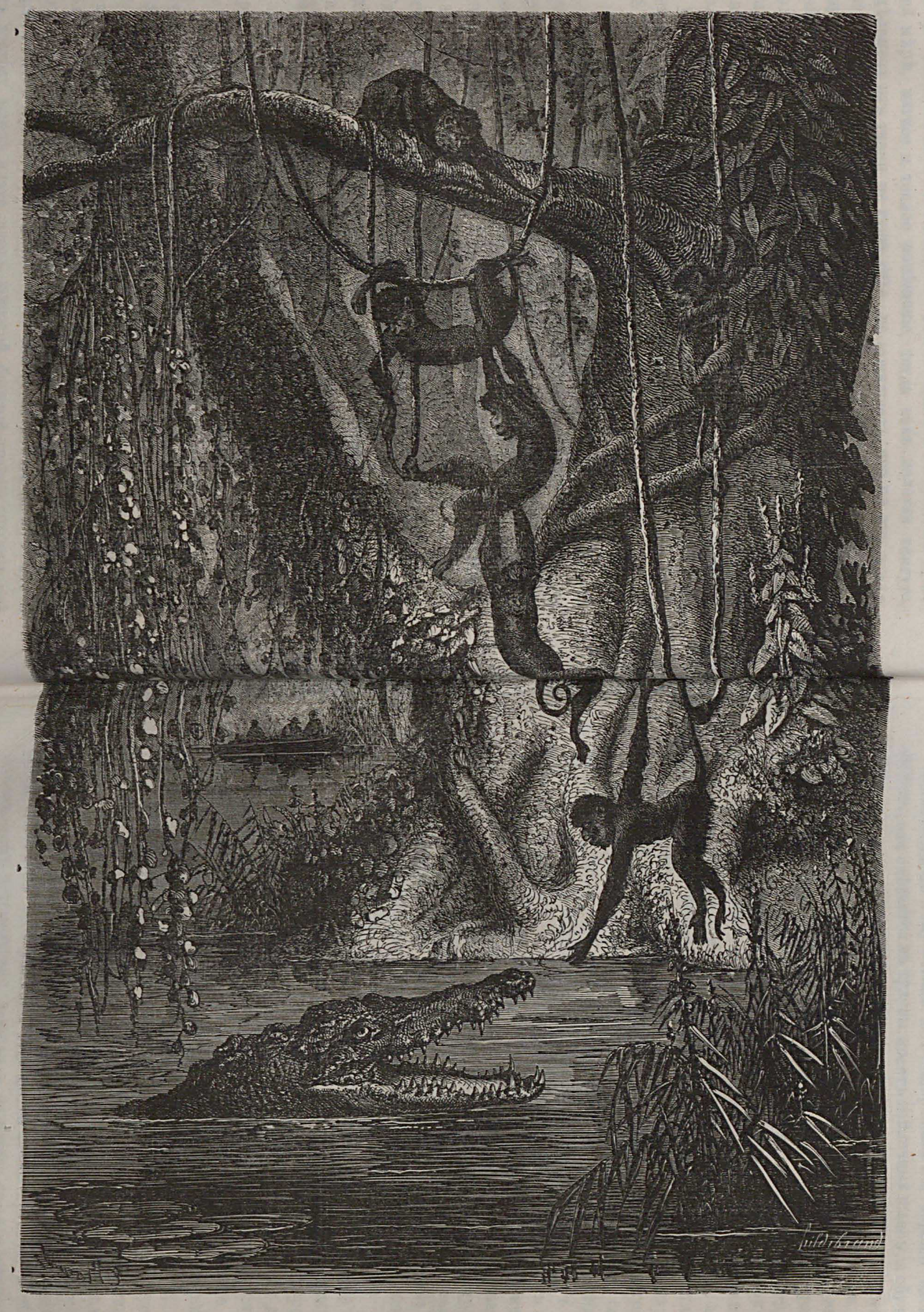
Тангуты, живущіе въ большомъ числѣ въ мѣстностяхъ Хань-су, Куку-норъ и Цайдамъ, по своему типу напоминаютъ нашихъ цыганъ, съ коими они сходны еще болѣе въ отношеніи характера. Монголъ кажется европейцу грубымъ дикаремъ; но если сопоставить его съ тангутомъ, онъ—цивилизованный человѣкъ. Его жилище, юрта,—дворецъ по сравне-

ніи съ палаткою тангута, гдѣ иногда по колѣни стоитъ грязь, а ложемъ служитъ нѣсколько кустарниковъ, брошенныхъ на землю. Можно сказать не преувеличивая, что нора сурка или пищухи (Lagomys) вдесятеро удобнѣе, нежели жилище тангута. У животнаго есть, по крайней мѣрѣ, мягкое и теплое помѣщеніе, тогда какъ палатка тангута, сдѣланная изъ ткани не гуще сита, не защищаетъ его ни отъ дождя, ни отъ зимней стужи. Наклонность къ воровству и обману—главная черта характера тангутовъ. Въ этомъ отношеніи они превосходятъ даже китайцевъ и представляютъ для послѣднихъ то-же, что китайцы для монголовъ. Одно колѣно этого племени, кара-тангуты, обитающіе главнымъ образомъ въ мѣстности Куку-норъ, живетъ грабежомъ и держитъ страну въ постоянномъ страхѣ. Кара-тангуты нападаютъ на монголовъ; они не только отбиваютъ у нихъ скотъ, но убиваютъ жителей и уводятъ ихъ въ неволю. (Н. Пржевальскій: Монголія и страна тангутовъ. Трехлѣтнее путешествіе въ Восточной Нагорной Азіи. Т. І. Спб. 1875 г. Стр. 256—339).

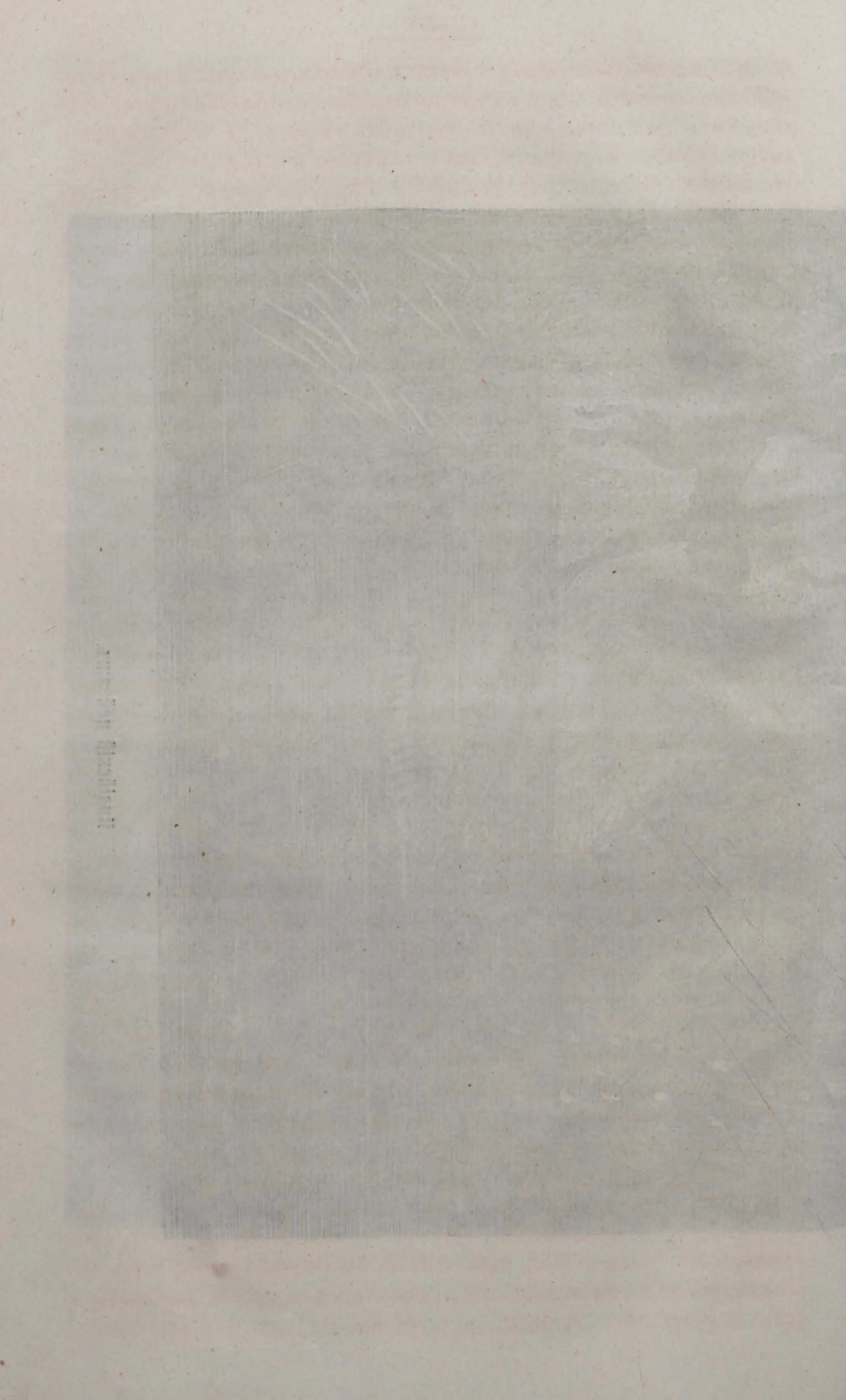
Южный Тибетъ, по которому проходятъ сѣверные параллельные хребты Гималая, орошается Индомъ, текущимъ къ сѣверо-западу, и его притоками, Сетледжемъ, а также верхнимъ теченіемъ Брамапутры, несущей свои воды въ противоположномъ направленіи. Брамапутра, носящая въ Тибетѣ названіе Яру-цангъ-бо-тзіу или болѣе короткое—Сангпо, а потомъ—Дихонга, беретъ начало нѣсколько къ востоку отъ истоковъ Инда и Сетлежа, въ сѣверной части Гималая, и уже въ Тибетѣ представляетъ очень большую рѣку. Ея рѣчная сѣть лежитъ здѣсь на высотѣ 5200 метровъ надъ уровнемъ моря и ограничивается на сѣверѣ высокою горною цѣпью, по ту сторону которой расположенъ бассейнъ большаго Тенгри-нора; на нашихъ картахъ онъ носитъ также названіе озера Чунгхенъ-нора или Янъ-Намчо; по настоящее время его не видѣлъ ни одинъ европейскій изслѣдователь.

Свѣдѣніями о южномъ Тибетѣ мы всего болѣе обязаны путешествію ученаго пандита Найнъ-Синга, который, въ 1874—1875 годахъ, проѣхалъ по немъ съ запада на востокъ, а затѣмъ черезъ Ассамъ благополучно вернулся въ Индію. Въ іюлѣ 1874 года Найнъ-Сингъ отправился въ путь изъ Ле, перешелъ при Чагрѣ границу Тибета и достигъ, близъ Но, въ округѣ Рудокъ, озера Пангонгъ, длиною въ 160 километровъ, состоящаго собственно изъ ряда озеръ; вода его въ восточной части годна для питья, въ западной-же она соленая. Изъ Но путь идетъ къ востоку черезъ плато, вдоль широкой, богатой травою долины, гдѣ паслись въ большомъ числѣ стада дикихъ ословъ, антилопъ и исполинскихъ овецъ (Ovis Ammon). На этомъ плоскогорьи, высотою отъ 4180





Индійскій пейзажъ.



до 4570 метровъ, повсюду встрѣчаются обширныя водныя поверхности. Большинство этихъ озеръ имѣетъ соленый вкусъ. Жители страны принадлежатъ къ племени кампа, переселившемуся сюда изъ восточнаго Тибета лѣтъ 25 тому назадъ. Это—широкоплечій, хорошо сложенный народъ; онъ одѣвается въ тулупы, носитъ войлочныя шляпы, а обувью служатъ кожаные сапоги съ загнутыми кверху носками. Кампы превосходные наѣздники; даже женщины почти не покидаютъ сѣдла. Свои черные шатры они приготовляютъ изъ волосъ яка; кромѣ того, они выдѣлываютъ грубое сукно. Пища ихъ состоитъ изъ мяса, масла, сыра, молока и небольшаго количества муки, приправляемой къ навару вродѣ супа. 17 сентября Найнъ-Сингъ достигъ золотыхъ розсыпей Токъ-Дауракпа. Онѣ не столь значительны, какъ розсыпи Токъ-Ялунга, посѣщенные имъ въ 1867 году. Общая добыча золота изъ этихъ, а также и изъ двухъ другихъ, лежащихъ далѣе къ западу, пріисковъ составляетъ около 160,000 мар. въ годъ. При дальнѣйшемъ путешествіи въ направленіи къ ВВЮ., дорога идетъ, на протяженіи 290 километровъ, по Гангдисъ-ри, сѣверному хребту Гималая. Между покрытыми снѣгомъ вершинами этихъ горъ особенно поражаетъ своею высотою (7620 метр.) Тарготъ-япъ; у подножія его разстилается озеро Данграюмъ, имѣющее форму цифры 8 и окруженное горами; его берега образуютъ округъ Накшанъ-Омбо. Послѣдній представляетъ интересъ въ географическомъ отношеніи: на высотѣ 4650 метровъ надъ уровнемъ моря, слѣдовательно, на одной изъ наибольшихъ во всемъ плато, онъ на обширномъ пространствѣ есть единственная мѣстность, гдѣ существуетъ хлѣбопашество; именно тамъ разводятъ ячмень.—Отсюда, слѣдуя дорогою, Найнъ-Сингъ чрезъ область обширной системы озеръ достигъ Тенгри-нора, лежащаго на 320 километровъ къ востоку. Въ озера эти, населенныя множествомъ рыбъ и птицъ, впадаетъ большое число рѣкъ, берущихъ начало въ горныхъ хребтахъ, отдѣляющихъ плоскогорье отъ долины Брамапутры. Величайшее изъ этихъ озеръ—Данграюмъ-чо, о которомъ мы уже упоминали; съ юга на сѣверъ оно имѣетъ 72 кил. въ длину и 40 километровъ въ ширину. Большое озеро Тенгри-норъ носитъ, вслѣдствіе своего высокаго положенія, названіе Намъ-тзо, т. е. «Небеснаго озера». Это—великолѣпный водный бассейнъ, шириною въ 80 километровъ, расположенный на высотѣ 4712 метровъ надъ уровнемъ моря; на югѣ оно окаймлено высокими снѣговыми горами, съ которыхъ спускаются огромные глетчеры. Высочайшая вершина этой цѣпи (длиною болѣе 240 километровъ) есть величественный пикъ Джангъ-Нинджинтангла, поднимающійся выше 7600 метровъ надъ уровнемъ моря. Къ сѣверу отъ озера горы не столь высоки; озеро считается священнымъ и, не смотря на свое удаленіе отъ населенныхъ пуктовъ, посѣщается множествомъ богомольцевъ, такъ какъ на берегу озера и островахъ его находятся буддистскіе монастыри. Прибывъ къ сѣверному берегу озера (высота всего надъ уровнемъ моря равна 4712 метрамъ) и обогнувъ

его съ юга, Найнъ-Сингъ достигъ Лассы, затѣмъ, посѣтилъ мужской монастырь Самайе-гонпа, лежащій на юго-востокъ, недалеко отъ Брамапутры. Внизъ по теченію, почти подъ 91° 42′ вост. долг. отъ Гринвича, на правомъ берегу лѣниво текущей Брамапутры, имѣющей здѣсь ширину въ 450 метровъ и глубину въ 6 метр., расположенъ городъ Четангъ, съ 2 монастырями и 700 ламами. Изъ Четанга (на высотѣ 3500 метровъ надъ уровнемъ моря) дорога поднимается по долинѣ Іелунга, притока Брамапутры, къ проходу Каркангъ (на высотѣ 4940 метровъ), служащему переваломъ чрезъ главную цѣпь Гималая; затѣмъ, пройдя еще черезъ проходъ Кіа-кіа, она спускается въ долину Тавангъ (3135 метровъ). Въ Чона-іонгъ, лежащій въ сосѣдней Чуханской долинѣ, съѣзжаются купцы изъ Тибета и Ассама на большую ярмарку, для обмѣна своихъ товаровъ.

Громадный горный валъ Гималая, отдѣляющаго на югѣ Тибетъ отъ Индіи, тянется почти непрерывною цѣпью отъ Гинду-Ку — на сѣверо - западѣ до Ассама и Бирмана, гдѣ долина Брамапутры обозначаетъ восточный конецъ горъ, направляющихся обращенною на югъ дугою. Всѣ тѣ возвышенности, которыя лежатъ по ту сторону Брамапутры, далѣе къ востоку, на Заднеиндійскомъ полуостровѣ, мы не считаемъ продолженіями или развѣтвленіями Гималая; намъ кажется, что наши познанія о горахъ южнаго Китая еще слишкомъ не полны, чтобы можно было утверждать существованіе такой связи. Гималай, подъ которымъ мы понимаемъ лишь самую южную цѣпь изъ различныхъ параллельныхъ хребтовъ, образующихъ одну систему, имѣетъ ширину отъ 300 до 370 километровъ; ширина его постепенно возрастаетъ отъ запада къ востоку. Эта цѣпь спускается отлого къ Нагорной Азіи и, напротивъ, круто—къ Индійской низменности на югѣ. Далеко внутри континента лежитъ граница высокихъ горъ, которыя нельзя прослѣдить съ береговъ моря; онѣ поднимаются безъ всякихъ предгорій, подобно высокой, сильно наклонной стѣнѣ, построенной на равнинѣ. Южную подошву окаймляетъ болотистая мѣстность «Терай», шириною до 20 часовъ пути. Свойства почвы ея благопріятствуютъ развитію пышной растительности; послѣдняя очень богата, разнообразна и блещетъ великолѣпнѣйшими экземплярами тропическаго пояса, каковы: различные виды пальмъ, Calamus, камедныя деревья, бамбукъ, вьющіяся растенія. Но вредныя испаренія, поднимающіяся съ земли и постоянно окружающія ее тонкою пеленою тумана, а также опасные хищные звѣри и ядовитыя змѣи, обитающія тамъ, угрожаютъ путешественнику болѣзнями и смертью. Поэтому, несчастные боксы,

живущіе въ этихъ мѣстахъ, строятъ, для защиты себя отъ вредныхъ вліяній, жалкія хижины на нѣсколько футовъ надъ землею, влача въ нихъ свое горькое существованіе. Въ строеніи Гималая особенно поразительною чертою являются узкія, на подобіе ущелій, долины наружной части горъ, совершенно лишенныя водопадовъ. Долины, съ отлогимъ паденіемъ и значительной ширины, благопріятныя для поселенія, вродѣ долины Инна въ Тиролѣ, очень рѣдки. На высотѣ 1820—2130 метровъ надъ уровнемъ моря расположены санитарныя станціи живущихъ въ Индіи британцевъ,—климатическія станціи, пребываніе въ которыхъ оказывается особенно полезнымъ при первыхъ стадіяхъ развитія легочныхъ болѣзней. Минеральныхъ источниковъ и вулкановъ нѣтъ въ массовыхъ горахъ, состоящихъ изъ гранита и слюдянаго сланца.

Гималай можно раздѣлить на три группы: Западную, Центральную и Восточную. Западная группа простирается отъ поворота Инда къ югу до источниковъ этой рѣки. Въ ней расположены владѣнія кашмирскаго магараджи, а также англійскія провинціи: Кулу, Спити, Лагулъ, Канауръ. Настоящаго гребня здѣсь не существуетъ; однако, эта группа богата вершинами выше 7000 метровъ надъ уровнемъ моря; Нанда-Деви поднимается даже до 7808 метровъ. Рѣки, берущія начало въ южномъ скопленіи горъ, имѣютъ слѣдующую особенность: онѣ не тотчасъ выходятъ на равнину, но, часто на протяженіи многихъ сотенъ километровъ, слѣдуютъ по продольнымъ равнинамъ между цѣпями и параллельно имъ, пока, наконецъ, онѣ не соберутся съ силами и не пробьются изъ своего заточенія чрезъ трещины въ горной преградѣ. Поразительнѣйшій примѣръ этого представляетъ Индъ: онъ беретъ начало въ Тибетѣ, течетъ на сѣверо-западъ позади пяти цѣпей Гималая, прежде чѣмъ достигаетъ поворотнаго пункта, и прорываетъ всѣ пять преградъ, чтобы найдти себѣ выходъ къ югу—въ Индійскую равнину. Эта большая дуга Инда вмѣщаетъ въ себѣ пять большихъ притоковъ его, которымъ Пенджабъ (Пятирѣчье) обязанъ своимъ названіемъ. Каждый изъ нихъ есть подражаніе Инду, но, конечно, въ маломъ видѣ; а ущелья, которыми они прорываютъ горныя цѣпи, представляютъ самыя дикія мѣстности Гималая. Боксы, раваты, тару и т. под. племена, живущія въ этой части Гималая, происходятъ отъ индусовъ; безупречная честность—выдающаяся черта ихъ характера, равно какъ любовь къ семьѣ и отечеству, строгость къ религіи, набожность, доходящая до суевѣрія. Поэтому, чрезвычайно велико число браминовъ, странствующихъ въ этихъ гористыхъ мѣстностяхъ и живущихъ подаяніемъ жителей и милостынею «факировъ» (богомольцевъ).

Центральная часть Гималая, отъ истоковъ Инда до Тисты, притока Ганга, прорѣзана во многихъ мѣстахъ поперечными долинами съ сѣ-

вера на югъ и заключаетъ въ себѣ горныхъ исполиновъ земнаго шара. Изъ нихъ мы назовемъ только два замѣчательнѣйшихъ зубца—вершины Давалагири (8576 метровъ) на западѣ и Гауризанкаръ или Маунтъ-Эверестъ (8840 метровъ), высочайшую гору нашей планеты,—на востокѣ; далѣе лежитъ Канчинджинга или Канчинъюнга (8583 метра). Эту центральную часть Гималая называютъ также Нипальскою, потому что она почти совершенно занята самостоятельнымъ государствомъ Нипаль. Нипалемъ мы называемъ длинную полосу земли, ограниченную съ сѣвера вершинами Гималая; къ югу же, къ Индійской равнинѣ, она ниспадаетъ все меньшими уступами, подобно гигантской волнѣ. На самомъ сѣверѣ этой волны тянутся блистающіе снѣгомъ гребни Гималая, громадныя массы котораго, спустившись дважды до 3050 метровъ, внезапно понижаются почти до высоты 300 метровъ надъ Сѣверо-индійскою равниною, а затѣмъ снова круто поднимаются. Здѣсь длинная песчаниковая цѣпь и такъ-называемые «Дуны» (Dhuns) образуютъ вторую, но уже меньшую, волну, поднимающуюся на 900—1200 метровъ надъ уровнемъ моря. Эта цѣпь рядомъ холмовъ переходитъ въ такъ называемый «Баверъ» (сухую, лѣсистую страну), который, въ свою очередь, длинною дугою понижается въ область Терай, представляющую, по своему общему характеру, влажную, нездоровую, зараженную маларіею, мѣстность. Терай лежитъ ниже Сѣверо-индійской равнины и является повтореніемъ прежней волнообразной формаціи, котловиною новой волны. Нѣкоторыя части его покрыты низкими джунглями (зарослями), среди которыхъ возвышаются самыя жалкія деревушки; другія полосы—ни что иное, какъ необитаемыя пустыни, одѣтыя грубою растительностью. Въ этихъ полосахъ земли не существуетъ точно проведенной границы между Нипалемъ и англійскими владѣніями, да, по всей вѣроятности, ея никогда и не будетъ. Но въ Тераѣ имѣются также и плодородныя части, именно на индійско-нипальской границѣ. Лучшую изъ нихъ представляетъ красивая, хорошо орошенная и плодородная котловина, въ который лежитъ столица Нипаля—Катманду, съ 50,000 жителей. Это—красивый городъ, съ мощеными улицами, хорошенькими домами и многими храмами между садовъ; его наружность обличаетъ, что тамъ сталкивались индусскій и китайскій элементы. Страна, деспотически управляемая «раджою» (королемъ или княземъ) изъ воинственнаго племени горкасовъ, очень производительна, въ особенности богата металлами, и населена приблизительно двумя милліонами жителей. Народонаселеніе состоитъ частью изъ индусовъ (парабатійа), исповѣдующихъ браманизмъ, частью изъ буддистовъ-неварисовъ, происшедшихъ отъ смѣшенія индійцевъ съ жителями Тибета, частью изъ бутіевъ (butijas), ведущихъ пастушескую жизнь въ высокихъ горахъ. Поэтому въ государствѣ говорятъ не менѣе чѣмъ на тринадцати различныхъ нарѣчіяхъ.

Въ Восточной группѣ Гималая возвышается **Чумалари**, или **Джамалари** (7300 метровъ), высочайшая вершина этой части Гималайскихъ горъ; эта группа занята нѣсколькими областями: **Сиккимъ**, **Бутанъ** и **Ассамъ**. Часть Сиккима представляетъ подчиненное Великобританіи вассальное государство, управляемое туземнымъ раджою; другая часть— британскій округъ, съ главнымъ городомъ **Дарджилингъ**, высоко превозносимымъ за его восхитительное мѣстоположеніе и превосходный климатъ. Бутанъ—государство пространствомъ въ 50,000 кв. километровъ, съ населеніемъ около $^3/_4$ милліона, исповѣдующимъ буддизмъ; жители тибетскаго происхожденія и говорятъ на тибетскомъ языкѣ. Бутанъ до сихъ поръ еще пользуется независимостью и имѣетъ двухъ властителей: духовнаго—«дебъ-раджу» и его свѣтскаго замѣстителя— «дарма или дванъ-раджу»; послѣдній избирается тремя могущественнѣйшими «пиллосами», или намѣстниками; впрочемъ, его рѣдко оставляютъ на тронѣ долѣе трехъ лѣтъ. Всѣ чиновники назначаются изъ среды духовенства и пользуются вообще большою властью. Господствующая религія—буддизмъ въ его сѣверной формѣ, называемой нами ламаизмомъ. Главный городъ Бутана—**Тази-чо-сонгъ** (Тасисудонъ). Наконецъ, Ассамъ, т. е. страна, орошаемая Брамапутрою, уже вполнѣ носитъ характеръ Индіи; да и крайняя сѣверо-восточная провинція его дѣйствительно образуетъ часть этой страны. Мы упоминаемъ объ Ассамѣ въ этой главѣ только потому, что англичане стараются воспользоваться Ассамомъ, какъ переходною страною въ Южный Китай.

ГЛАВА XIV.

Полуостровъ Передней Индіи.

Подобно тому какъ Апеннинскій полуостровъ словно припаянъ къ материку Европы, такъ и полуостровъ Передней Индіи примкнутъ къ горнымъ массамъ Возвышенной Азіи; онъ имѣетъ поверхность около 3.850,000 кв. кил. и ограниченъ, также какъ и Италія, съ сѣвера высокими горами. Гималай, величайшая горная система земли, также какъ и Альпы, относительно очень недавняго происхожденія: ни одна изъ ея горныхъ породъ не старѣе эоцена, древнѣйшаго изъ трехъ отдѣловъ третичнаго періода. Солиманова же цѣпь, отдѣляющая съ запада Индію отъ Афганистанскаго нагорья, принадлежитъ большею частью еще болѣе позднему

періоду. Индія, также какъ Италія, нѣкогда была островомъ, и только по выполненіи долины Ганга, какъ тамъ долины рѣки По, установилась связь съ азіатскимъ материкомъ.

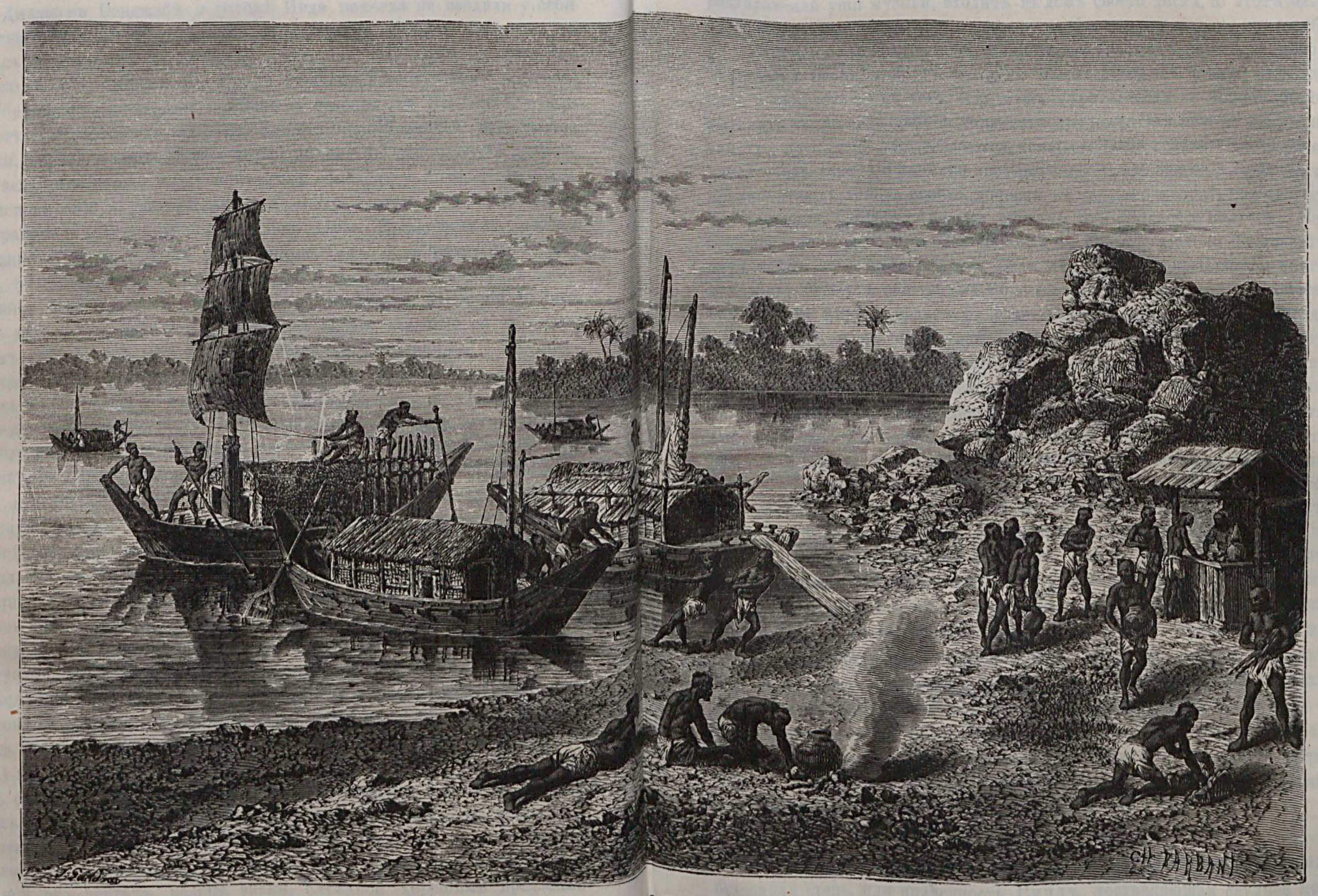
Поэтому границъ древней Индіи мы должны искать не тамъ, гдѣ теперь ея окраина, но въ палеозоическихъ образованіяхъ, которыя находятся въ горныхъ хребтахъ теперешней центральной Индіи. Самая сѣверная область, къ востоку отъ Инда, возвышающаяся изъ песчаной пустыни, называется Аравульскою цѣпью, наиболѣе высокій пикъ которой—Абу—поднимается надъ поверхностью моря на 1520 метровъ. На восточномъ концѣ цѣпь эта встрѣчается съ плато Виндіа, высотою отъ 600 до 900 метровъ, которое спускается на сѣверѣ и востокѣ къ долинѣ Ганга, а на западѣ—къ долинамъ Нербудды и Тапты. Къ юго-востоку и юго-западу отъ горъ Виндіа идутъ двѣ другія цѣпи: юго-восточная носитъ разныя названія, сопровождаетъ западную границу долины Ганга и оканчивается у Ориссы и у моря; другая тянется чересъ Берарь и Нагпуръ, называется сначала Сатпурскою цѣпью, а тамъ, гдѣ она подходитъ къ отрогамъ Виндіа, — цѣпью Магадео или Магадева, которая направляется къ Ориссѣ. Далѣе къ югу эти горные хребты взаимно соединяются, прерываясь только рѣками Годавери и Кришна, и продолжаются неправильно до плато Майсорскаго (Майсуръ) и верхней возвышенности Сѣвернаго и Западнаго Гатовъ, которые, подъ именемъ Аннимуллай, Пульнай и другихъ небольшихъ высотъ простираются до мыса Коморина. Природа и жизнь Индійскаго полуострова опредѣляются извѣстною уже намъ Гималайскою цѣпью горъ. «Она защищаетъ Индію отъ суровыхъ сѣверныхъ вѣтровъ, дующихъ надъ возвышенностями Центральной Азіи, а также удерживаетъ дождевыя облака, всю влагу океана, которую приносятъ пассаты съ Южнаго моря. Вслѣдствіе этого, облака неминуемо должны оставить свой запасъ влаги на равнинахъ, у подошвы горъ, обращая лѣтній зной въ пріятную прохладу, а южную растительность—въ роскошную зелень. Гималайская цѣпь представляетъ, въ климатическомъ отношеніи, разграничительную стѣну, вершина и основаніе которой являютъ собою чрезвычайные контрасты». (Daniel. Handbuch der Geographie. I Bd. S. 310).

По своему рельефу Индія можетъ быть раздѣлена на двѣ весьма различныя части: на обширную низменность, которая простирается у подошвы Гималая и связываетъ съ нимъ древній островъ Индіи, и на собственно этотъ островъ, который образуетъ такъ называемое плато Деканъ. Область собственно Гималая и въ географическомъ, и въ этнографическомъ отношеніяхъ принадлежитъ не къ Индіи, а къ Возвышенной Азіи, такъ какъ она образуетъ лишь послѣдній, самый южный валъ горныхъ громадъ Центральной Азіи, и хотя въ настоящее время

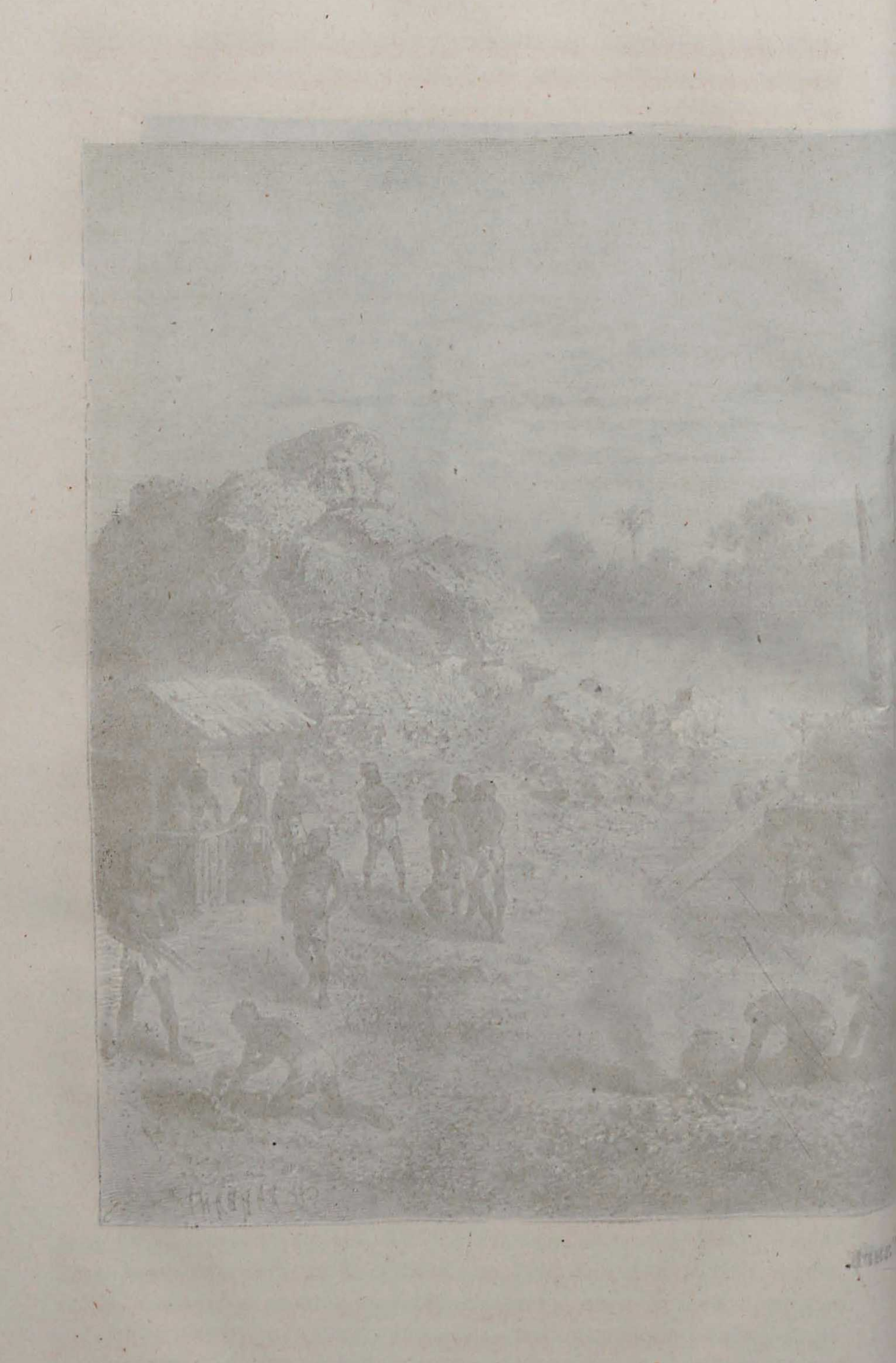
повсюду въ Гималаѣ болѣе или менѣе замѣтно индійское вліяніе и встрѣчается индійская народность, но ея первоначальное населеніе не принадлежитъ къ племени индусовъ. Этнографически и географически Индія начинается низменностью, которая тянется непрерывно вдоль всей южной подошвы Гималайскихъ горъ, съ запада—отъ того мѣста, гдѣ изъ нихъ выходитъ Индъ, до обширнаго Бенгальскаго залива Индійскаго океана. Двѣ могучія рѣки: Индъ или Синдъ—на западѣ и Гангъ—на востокѣ, съ важнѣйшими притоками, вытекаютъ изъ Гималайскихъ горъ и орошаютъ Индію.

Первая рѣка, т. е. Индъ, по выходѣ изъ долинъ Кашмира, течетъ съ СВ. на ЮЗ., вдоль горъ, отдѣляющихъ Индію отъ Афганистана, и только съ востока, и притомъ исключительно въ верхнемъ своемъ теченіи, принимаетъ значительные притоки. Притоками Джеламомъ, въ который впадаютъ Чинабъ и Рави, и Сетледжемъ она орошаетъ долину Пенджабъ или Пятирѣчье, самую сѣверо-западную провинцію Индіи. По берегамъ этихъ рѣкъ преобладаетъ роскошная тропическая растительность, между тѣмъ какъ «дуабы», какъ называютъ уступы, или междурѣчья, часто представляютъ пустоши, покрытыя кустарникомъ или травою. Дуабъ между Индомъ и Джеламомъ—совершенная пустыня, раздѣленная на двѣ части Калабагомъ или «Соляными горами», имѣющими болѣе 1000 метровъ высоты. Въ этихъ горахъ соль выходитъ наружу, на поверхность земли; въ нихъ находятся различныя соляныя копи, какъ, напримѣръ, близъ Сарди, Варха и пр., но особенно значительна копь Хевра. Въ Пенджабѣ много большихъ, населенныхъ городовъ съ звучными названіями. Такъ, здѣсь мы встрѣчаемъ три важныхъ пункта съ цвѣтущею торговлею: Мультанъ, вблизи Чинаба, окруженный рощами пальмъ и тропической растительности, съ цитаделью и 80,000 жителей; Лагоръ, на рѣкѣ Рави, соединенный съ Мультаномъ желѣзною дорогою, имѣетъ 100,000 жителей, ведетъ важнѣйшія банковыя дѣла и, кромѣ многочисленныхъ развалинъ изъ блестящей эпохи прошлаго, въ настоящее время богатъ великолѣпными дворцами, мечетями, мавзолеями и базарами; наконецъ, къ востоку отъ него—городъ Амритсаръ (Амритшеръ, 900,000 жителей), древняя святыня сейковъ (sikhs, т. е. «учениковъ»),—секты, возникшей около 1500 года послѣ Р. Х. Ученія этой секты представляютъ собою облагороженный исламъ съ примѣсью браманизма. Къ сѣверо-западу отъ Лагора, вдоль подошвы Гималая, рельсовый путь ведетъ къ Раваль-Пинди и далѣе къ Пешавару, разцвѣтающему торговому городу съ 60,000 жителей и важнѣйшему британскому военному посту въ Индіи. Пешаваръ въ долинѣ Кабула представляетъ ближайшій военный постъ къ Афганистану, куда отсюда ведутъ опасные Хайберскіе проходы.

Главное населеніе Пенджаба и по настоящее время—джаты, сильное, выносливое, высокорослое племя, съ чисто кавказскими чертами лица. Джаты въ Пенджабѣ и долинѣ Инда никогда не вводили у себя индійскаго кастоваго устройства, и остальные индусы смотрятъ на нихъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, какъ на нечистыхъ, называя ихъ «багека», т. е. отверженными. Кромѣ джатовъ и собственно индусовъ, т. е. браминовъ, кшатріевъ, вайсіевъ и судровъ, въ Пенджабѣ существуютъ еще различныя племена. Единственное бродячее, неимѣющее родины, племя—чангары, имя которыхъ сильно напоминаетъ цыганъ. Что касается домашнихъ и религіозныхъ обычаевъ у жителей разныхъ вѣроисповѣданій, то у магометанъ, какъ всегда и вездѣ, они опредѣляются кораномъ; индусы же значительно болѣе обременены на своемъ жизненномъ пути разными церемоніями. Такъ, если родится въ домѣ сынъ, то призываютъ домашняго жреца, который накладываетъ новорожденному свой «янамъ-патри», или гороскопъ, и по истеченіи 40 дней даетъ ему имя. До пятилѣтняго возраста волосъ мальчика не стригутъ; затѣмъ обыкновенно эта операція совершается брамином у Иваламуки (мѣсто, гдѣ изъ земли прорывается пламя). Когда мальчику исполнилось 8—12 лѣтъ, то волоса на головѣ брѣются, и жрецъ показываетъ ему, какъ дѣлать «чауку» (обмазанное коровьимъ пометомъ мѣсто, на которомъ индусы совершаютъ свою трапезу), обучаетъ его «сандіи» и «гаятри» (священнымъ изреченіямъ изъ Ведъ) и накладываетъ на него священный поясъ. Съ этого времени мальчикъ считается совершеннолѣтнимъ и долженъ соблюдать шесть, лежащихъ на каждомъ индусѣ, обязанностей: онъ долженъ носить косму волосъ на темени (остальную же часть головы брить), долженъ надѣвать «доти» (кусокъ матеріи, обернутой вокругъ бедръ и заткнутой сзади); онъ долженъ носить священный поясъ, въ рукахъ держать нѣчто вродѣ четокъ и на лбу имѣть священный знакъ (краснаго или бѣлаго цвѣта). Когда наступаетъ мальчику 14 лѣтъ, его родители стараются пріискать ему подходящую жену. Послѣ переговоровъ между родителями брачущихся, сватовство производится слѣдующимъ образомъ: отецъ дѣвушки посылаетъ черезъ домашняго цирюльника 6 фиников и 1 рупію (около 60 коп.) въ домъ отца мальчика, въ знакъ того, что онъ желаетъ свою дочь отдать ему въ жены. По прибытіи цирюльника, домашніе вымазываютъ стѣны, по обѣимъ сторонамъ дверей, масломъ, въ знакъ привѣтствія посланца; затѣмъ собираются родственники, и жрецъ дѣлаетъ изъ муки «чаукъ» (четыреугольное мѣсто посыпается мукою; на ней онъ чертитъ разные знаки, служащіе хорошимъ предзнаменованіемъ), которому онъ заставляетъ мальчика молиться. Послѣ этого, цирюльникъ бросаетъ въ полу мальчика 6 фиников и 1 рупію и дѣлаетъ религіозный знакъ на его лбу; наконецъ, слѣдуютъ поздравленія и пиршество.—За семь дней до свадьбы женихъ и невѣста намазываются и отмываются (что часто настоятельно необходимо) разными составами



Видъ на Гангѣ.



изъ муки, масла и пахучихъ веществъ. Когда въ день свадьбы женихъ, ѣдущій верхомъ на лошади въ сопровожденіи родственниковъ, подъ звуки раздирающей уши музыки, входитъ въ домъ своего тестя, то этотъ одѣваетъ его въ красивое платье, на голову надѣваетъ ему діадему изъ серебра и золота и повязываетъ лобъ вѣнкомъ изъ золотыхъ нитокъ; во дворѣ зажигается огонь, вокругъ котораго жрецъ обводитъ четыре раза жениха и невѣсту, послѣ чего, если мужъ умретъ, жена не можетъ болѣе выходить замужъ. Свадебное торжество продолжается четыре дня, причемъ въ послѣдній день раздаются подарки. Такія свадьбы часто обходятся очень дорого, и нерѣдко знатные индусы, изъ опасенія издержекъ, предпочитаютъ топить своихъ дочерей въ тепломъ молокѣ тотчасъ послѣ рожденія. Обычаи сейковъ отличны отъ обычаевъ индусовъ. Настоящіе сейки не обращаются никогда къ браминамъ (они ненавидятъ ихъ), также какъ не почитаютъ Ведъ или другихъ священныхъ книгъ индусовъ; но чтутъ священный «грантъ» (книгу), служащій имъ наставителемъ въ вѣрѣ и правилахъ жизни. Сейки женятся нѣсколько позднѣе индусовъ и потому представляютъ значительно болѣе сильное племя. Настоящій сейкъ при женитьбѣ прибѣгаетъ только къ «гранти», которые при этомъ прочитываютъ соотвѣтствующіе отрывки изъ гранта»; четырехкратнаго обхожденія вокругъ свадебнаго огня не дѣлаютъ. Сейки не стригутъ волосъ ни на головѣ, ни на бородѣ, но оставляютъ ихъ рости, и заплетаютъ волосы въ длинныя косы вокругъ головы. Они носятъ родъ узкихъ панталонъ и высокую чалму, въ которой хранится нѣсколько стали, такъ какъ каждый сейкъ считаетъ необходимымъ имѣть при себѣ сталь. Покойниковъ они сжигаютъ, такъ же какъ индусы, но при этомъ опять прибѣгаютъ только къ гранту; «срады» и другія церемоніи индусовъ они отвергаютъ, какъ нечестивыя. Между магометанами, индусами и сейками—много такъ называемыхъ «факировъ», которые ведутъ религіозно-созерцательную жизнь на счетъ рабочихъ классовъ. Эти аскеты живутъ или уединенно подъ деревьями, или на могилахъ, или въ мѣстахъ сожиганія, или, подобно монахамъ, въ монастыряхъ, подъ управленіемъ «маганта» или настоятеля. Большинство изъ нихъ—сущіе лѣнтяи, которые, подъ маскою религіознаго подвижничества, предпочитаютъ нищенство работѣ, почему и заклеймлены народнымъ остроуміемъ; тѣмъ не менѣе, факиры получаютъ богатую подачку и особенно пользуются благорасположеніемъ женщинъ.

Къ югу отъ Пенджаба, по лѣвую сторону простирается обширная безводная степь, или низменность Синдъ, доставляющая скудное пропитаніе лишь стадамъ буйволовъ, осламъ и верблюдамъ. Индъ, лишенный здѣсь притоковъ, течетъ у самой подошвы горъ Гала, по направленію къ морю, въ которое онъ и впадаетъ одиннадцатью рукавами, образуя дельту, частью покрытую рисовыми низинами, частью же песча-

ную и болотистую. При началѣ дельты расположена крѣпость Гейдерабадъ (24,000 жителей), съ оружейными заводами и шелковыми фабриками; при самомъ же морѣ лежитъ Каранчи (Куратчи), самый западный портъ Индіи. Къ востоку отъ дельты Инда, въ сушу глубоко врѣзывается заливъ Качъ, омывающій на западѣ полуостровъ Гуджератъ и постепенно переходящій въ низменность такъ называемаго Рена (Ran). Лѣтомъ она представляетъ лишенную деревьевъ и кустарниковъ песчаную пустыню; въ періодъ-же дождей обращается въ илистую лагуну, на западномъ концѣ которой расположено озеро Синдри, окаймленное съ сѣвера Алла-Бандомъ («Божьею плотиною»). И озеро, и плотина обязаны своимъ происхожденіемъ землетрясенію, бывшему въ 1819 году. Вся эта низменная область дельты на обширномъ пространствѣ, вверхъ по рѣкѣ, подвержена наводненіямъ Инда; восточную границу пояса наводненія представляетъ Тарръ, или Индійская пустыня, прерываемая оазисами и образующая водораздѣлъ между Индомъ и Гангомъ. Главную часть населенія Синда, подобно тому какъ и въ Пенджабѣ, составляютъ джаты.

Долина Ганга еще обширнѣе долины Инда. Гангъ, священная рѣка индусовъ, беретъ начало въ Гималайскихъ горахъ и течетъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ, вдоль подошвы исполинской цѣпи, между послѣднею и горами Виндіа—на югѣ. Почти параллельно Гангу, съ юга направляется почти столь-же большая рѣка Джумна, важнѣйшій, стекающій съ Гималая, притокъ его, который, однако, впадаетъ въ Гангъ справа, при Алагабадѣ. Этотъ замѣчательный фактъ объясняется тѣмъ, что истоки Джумны лежатъ къ западу отъ истоковъ Ганга, благодаря чему его прозрачныя, зеленыя воды могли сдѣлать поворотъ къ югу и достигнуть праваго берега Ганга. Со склоновъ Гималайскихъ горъ въ Гангъ впадаютъ большія рѣки; южные же притоки, вообще говоря, менѣе значительны, но между ними Шонъ занимаетъ довольно важное мѣсто. Въ широкой аллювіальной равнинѣ, увлажняемой водами Ганга и Джумны, расположены страны, находящіяся въ настоящее время подъ скипетромъ Англіи. Здѣсь лежитъ гордые города: Дели (160,000 жителей), древняя, нѣкогда блестящая, столица великаго могола; Агра—съ великолѣпными постройками (125,000 жителей), бывшая резиденція тимуридовъ, и Алагабадъ (100,000 жителей), знаменитый священный городъ индусовъ, исповѣдывающихъ браманизмъ, и, кромѣ того, въ настоящее время главный арсеналъ. Всѣ эти три города лежатъ на Джумнѣ; послѣдній (Алагабадъ) стоитъ при сліяніи ея съ

Гангомъ. На Гангѣ расположены: Канпуръ (Cawnpore, 50,000 жителей), главная военная станція англичанъ, и знаменитый населенный Лукновъ (Лакнау), на Гумти, съ 300,000 жителей и роскошными дворцами, храмами, мечетями и надгробными памятниками; Лукновъ находится на территоріи прежняго королевства Одъ (Audh); еще далѣе на Гангѣ стоятъ прославленные Бенаресъ и Патна; первый, съ 170,000 жителей,—тоже священный городъ индусовъ и средоточіе культа Сивы, съ 1000 индусскихъ храмовъ, 333 магометанскими мечетями и вмѣстѣ съ тѣмъ центръ древнеиндійской учености; Патна, съ 280,000 жителей, главный пунктъ по торговлѣ опіумомъ, производимымъ въ окрестностяхъ.

Бенгальская низменность, какъ называютъ равнину, орошаемую Гангомъ и его притоками, чрезвычайно плодородна; почва въ большомъ количествѣ производитъ почти всѣ тропическія растенія: хлопчатникъ, сахарный тростникъ, кофейное дерево, рисъ; кромѣ того, на ней родятся самыя лучшія пряности: перецъ, инбирь, корица и мускатный орѣхъ (Myristica moschata Thunb.), гвоздика (Caryophyllus aromaticus), нѣсколько видовъ пальмъ, въ томъ числѣ кокосовая (Cocos nucifera L.) и катеху (Areca catechu L.), одуряющіе орѣхи которой, будучи завернуты въ листья одного вида перца, бетеля (Chavica Betle Miq.), жуются мѣстными жителями, отчего слюна, губа и десны окрашиваются въ омерзительный синеватокрасный цвѣтъ, который считаютъ, однако, красивымъ въ Индіи, да и во всей Восточной Азіи. Скотоводство значительно, а овцы, буйволы и козы пользуются большимъ уходомъ. Въ сохранившихся еще дѣвственныхъ лѣсахъ Бенгаліи, деревья которыхъ опутаны безконечными вьющимися растеніями, живутъ страшные царскіе тигры, слоны, носороги и другія животныя. Климатъ чрезвычайно знойный и вредный для здоровья; здѣсь средоточіе холеры, на долю которой приходится 25% всѣхъ смертныхъ случаевъ. Съ приближеніемъ къ устью, бурый, мутный Гангъ пріобрѣтаетъ такую ширину, что глазъ не видитъ противоположнаго берега; наконецъ, эта могучая рѣка вступаетъ въ болотистую, но густонаселенную область дельты, гдѣ воды ея сливаются съ водами Брамапутры, притекающей съ востока. Соединившись, обѣ рѣки впадаютъ въ Индійскій океанъ многочисленными рукавами, такъ называемыми «Сундарбанъ» (Сундербундъ, что въ переводѣ означаетъ: тысяча устьевъ).

Г. Бевериджъ (Beveridge), въ своемъ описаніи округа Бакарганджъ, приводитъ вѣрную картину природы области нижняго Ганга. Описанная имъ мѣстность лежитъ на юго-востокѣ Нижней Бенгаліи и покрыта настоящею сѣтью рѣкъ. При дождепадѣ отъ 2 до 2,28 метровъ въ годъ, она даетъ превосходные урожаи риса и сахарнаго трост-

ника. Лѣса, частью покрывающіе Бакарганджъ, великолѣпны, а его многочисленные пруды и рѣки кишатъ отмѣнною рыбою. Это—превосходная страна изобилія; но и ей присущи нѣкоторыя пагубныя особенности. Надъ роскошными пальмами и рисовыми полями часто совершенно нежданно-негаданно разражается опустошительный циклонъ; не то стая тигровъ нападаетъ на деревню и быстро обезлюживаетъ ее. Прекрасныя бухты, манящія къ себѣ для купанья и прохладныя волны которыхъ такъ хорошо освѣжаютъ въ знойные дни, посѣщаются, тоже неожиданно, прожорливыми алигаторами; или, наконецъ, кобры, гремучія змѣи, производятъ столь же сильныя опустошенія среди людей, какъ мыши на хлѣбныхъ поляхъ. Деревни большею частью построены на плотинахъ у болотъ, или по берегамъ озеръ, глубина которыхъ мѣняется, смотря по количеству выпавшаго дождя. Вся эта мѣстность состоитъ изъ аллювіальной почвы и почти ровная: наибольшая высота ея надъ уровнемъ моря не превышаетъ 6,70 метровъ. Чтобы познакомить читателей съ аллювіальными отложеніями Ганга, мы приведемъ слѣдующее описаніе Ляйеля: «Едва ли возможно составить себѣ хотя на половину точное представленіе о томъ, въ какихъ громадныхъ размѣрахъ Гангъ совершаетъ процессъ образованія наносовъ, и притомъ — такъ спокойно и невидимо. Представьте себѣ, что двѣ тысячи кораблей, нагруженныхъ каждый 1400 тоннами (тонна=61 пуду) ила, ежечасно днемъ и ночью въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ свозятъ его въ море,—только тогда вы будете въ состояніи составить себѣ понятіе о томъ громадномъ количествѣ твердыхъ веществъ которое намываетъ Гангъ въ продолженіе четырехмѣсячнаго періода дождей». Сообщеніе въ странѣ происходитъ преимущественно по водянымъ путямъ. Оно производится на всякаго рода лодкахъ, а мѣстами и на пароходахъ, но неправильно, въ зависимости отъ прилива. Нѣкоторыя рѣки текутъ медленно, другія же несутъ большое количество воды и имѣютъ значительное паденіе; наконецъ, безчисленныя рѣченки и ручьи протекаютъ по деревнямъ и прорѣзываютъ поля. Сѣверная часть страны состоитъ большею частію изъ огромныхъ болотъ; тамъ обитаетъ лишь низшая каста индусовъ; они строятъ свои жилища на возвышеніяхъ, выдающихся надъ иломъ, живутъ рыбною ловлею и охотою на водяную птицу, а также культурою риса, воздѣлываемаго на болѣе сухихъ мѣстахъ. Рисъ сѣется и собирается на поверхности, которая кажется плавающею на водѣ; такія рисовыя «поля» напоминаютъ плавающіе огороды съ дынями и тыквами въ Кашмирѣ. Нѣсколько грузный человѣкъ подвергается опасности провалиться чрезъ эту тонкую кору и завязнуть въ болотѣ. Жизнь этихъ полуводяныхъ обитателей характеризуется полнѣйшимъ отсутствіемъ какого-либо удобства. Они окружены цѣлыми тучами москитовъ, а въ періодъ дождей къ нимъ прокрадываются ядовитыя змѣи чрезъ небольшой слой сухой земли, на которой построены ихъ хижины. Скоту, иногда цѣлые дни стоя въ водѣ по самую шею, приходится бо-

роться съ наводненіями, тогда какъ впродолженіи двухъ-трехъ мѣсяцевъ, пока съ наступленіемъ мая не кончится холодное время года, и люди, и животныя страдаютъ отъ недостатка воды и холодныхъ бурь. Большая часть населенія состоитъ изъ магометанъ; но въ жизни ихъ религія, повидимому, не имѣетъ важнаго значенія, ибо обманъ, клятвопреступленіе, надувательство встрѣчаются на каждомъ шагу. Кромѣ того, они любятъ ссоры, проявляютъ разрушительные инстинкты и нерѣдко изъ ненависти поджигаютъ даже храмы своихъ враговъ. Необычайное плодородіе почвы избавляетъ ихъ отъ необходимости трудиться; поэтому жители отличаются лѣностью, доходящею часто до полнѣйшей апатіи. Не смотря на богатства природы, у людей нѣтъ богатства, ибо никто но старается пріобрѣсть, сберечь и скопить. (H. Beveridge. The district of Bakarganj. London. 1876. 8°).

Въ этой нездоровой полосѣ, на берегу Хугли, западнаго большаго рукава, который хотя и защищенъ искусственными средствами отъ занесенія иломъ, но все-таки представляетъ чрезвычайныя опасности для рѣчнаго плаванія,—расположена Калькута, блестящая столица англійскихъ владѣній въ Индіи; она лежитъ въ 165 километрахъ отъ моря, занимаетъ 20 квадр. километровъ поверхности и имѣетъ болѣе 600,000 жителей.

Калькута (правильнѣе произносить«Кальката») раздѣляется на двѣ части—Бѣлый и Черный городъ. Бѣлый городъ, населенный не только европейцами, но и многими туземцами, имѣетъ вполнѣ европейскую внѣшность и прорѣзанъ красивыми, прямыми улицами; а въ аристократическомъ кварталѣ Чауринги (Chowringhee) помѣщаются великолѣпныя палаты высшихъ чиновъ управленія и богатыхъ негоціантовъ. Черный городъ, гдѣ скучена наибольшая часть населенія, въ томъ числѣ лишь немногіе изъ европейцевъ, носитъ совершенно характеръ восточныхъ городовъ — узкія, кривыя и грязныя улицы, большею частью хижины, хотя есть и высокіе дома и немного массивныхъ зданій. Графиня Ностицъ обстоятельно изобразила намъ жизнь калькутцевъ. Вслѣдствіе недостатка европеянокъ въ Индіи, многіе англичане всѣхъ классовъ держатъ наложницъ изъ туземныхъ женщинъ. Весьма странно то, что къ этимъ женщинамъ туземцы относятся съ большимъ презрѣніемъ,— хотя это объясняется вовсе не моральными принципами, такъ какъ бракъ у индійцевъ, по нашимъ понятіямъ, не что иное, какъ конкубинатъ. Каждый индусъ имѣетъ столько женъ, сколько пожелаетъ, и нерѣдко женщины составляютъ предметъ выгодной торговой сдѣлки: мужчина высшей касты беретъ жену изъ состоятельной семьи, принадлежащей къ низшей кастѣ, и получаетъ приличную сумму за честь, оказываемую тѣмъ родителямъ невѣсты. Онъ не заботится даже о томъ,

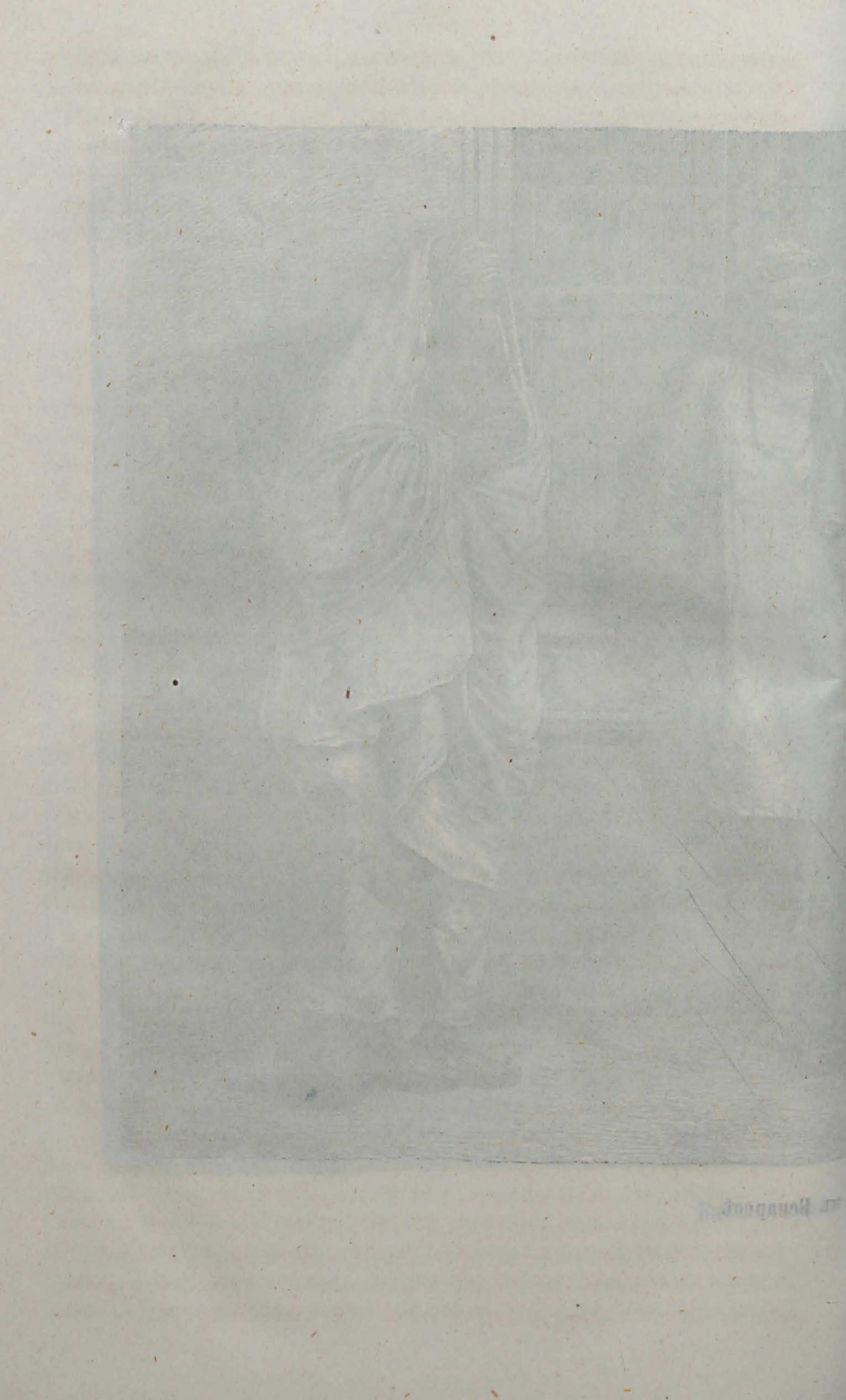
чтобы взять жену къ себѣ, но оставляетъ ее въ домѣ родственниковъ; повторяя такую выгодную сдѣлку по возможности часто, онъ переходитъ отъ одной жены къ другой и живетъ беззаботно. Презрѣніе, съ какимъ индусы относятся къ женщинамъ, живущимъ съ европейцами, проистекаетъ изъ кастовыхъ предразсудковъ противъ мужчинъ, непринадлежащихъ ни къ какой кастѣ; оно простирается и на потомство отъ такого осуждаемаго брака. Характерно то, что индусы относятся къ этимъ полукастовымъ людямъ еще съ меньшимъ уваженіемъ, нежели къ ихъ бѣлымъ отцамъ. Еще замѣчательнѣе слѣдующее обстоятельство: дѣти, происшедшія отъ брака между европейцами и индусками, скудно одарены отъ природы какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Хотя и отецъ, и мать принадлежатъ къ индогерманской расѣ, хотя англичане отличаются физическими преимуществами, а индуски часто обладаютъ большою красотою, но дѣти отъ такого союза, наоборотъ, бываютъ въ большинствѣ случаевъ очень некрасивы. Правда, въ умственномъ отношеніи они не совсѣмъ лишены дарованій, легко выучиваются, но рѣдко съ основательностью; далѣе, у нихъ нѣтъ терпѣнія, положиться на нихъ тоже нельзя. Отъ матери они, повидимому, унаслѣдовали лишь порочную наклонность ко лжи. Къ сожалѣнію, наклонность эта пустила глубокіе корни въ характерѣ туземцевъ и омрачаетъ ихъ прочія хорошія и достойныя уваженія качества. Не смотря на заботливое воспитаніе дѣтей отъ смѣшаннаго брака, оно, вообще говоря, даетъ не очень удовлетворительные результаты. Климатъ Бенгаліи дѣйствуетъ чрезвычайно вредно на физическое развитіе европейскихъ дѣтей. До восьми-десятилѣтняго возраста они имѣютъ цвѣтущій видъ и кажутся здоровыми, но потомъ начинаютъ терять свѣжесть лица, блѣднѣютъ, постепенно чахнутъ и, наконецъ, не подвергаясь какой-либо явственной болѣзни, кончаютъ свое земное существованіе, подобно тепличнымъ растеніямъ, лишеннымъ воздуха и свѣта. Мальчики, пріѣхавшіе въ Европу изъ Индіи для образованія, по достиженіи 18—20 лѣтъ, снова возвращаются въ Индію, съ цѣлью занять уже заранѣе приготовленныя имъ мѣста въ гражданской или военной службѣ, или принять участіе въ частныхъ предпріятіяхъ, и сдѣлать карьеру. Дѣвушки, достигнувъ 15 — 17-лѣтняго возраста, тоже возвращаются домой; за время разлуки онѣ отвыкли отъ семьи и сдѣлались неузнаваемыми молодыми дамами; по пріѣздѣ къ родителямъ, ихъ окружаетъ рой поклонниковъ, а затѣмъ вскорѣ онѣ покидаютъ родительскій домъ, чтобы, въ свою очередь, испытать всю тягость разлуки съ близкими. Такимъ образомъ узы, тѣсно связывающія англійскія семейства съ ихъ родиною, становятся непрочными, благодаря обстоятельствамъ, устраненіе коихъ невозможно. Только немногимъ избраннымъ семьямъ удается избѣжать разлуки раннимъ возвращеніемъ на родину. (Gräfin Nostitz: Helfer's Reisen, II Bd., S. 28—72).

Недалеко отъ Калькуты, въ дельтѣ Ганга, лежитъ еще французскій городъ Чандернагоръ, съ 32,000 жителей, на Хугли; а далѣе къ востоку—важнѣйшій торговый пунктъ Бенгаліи, Читтагонгъ, или Исламабадъ, въ географическомъ смыслѣ расположенный уже на почвѣ Задней Индіи. До извѣстной степени, къ Задней Индіи принадлежитъ также и бассейнъ могучей Брамапутры, которая соединяетъ свои воды съ водами Ганга и вмѣстѣ съ нимъ образуетъ величайшую на земномъ шарѣ дельту. Брамапутра протекаетъ по восточной Бенгаліи почти въ направленіи съ сѣвера на югъ; но, подвигаясь далѣе отъ устьевъ къ истокамъ, мы замѣчаемъ, что она дѣлаетъ сильный поворотъ къ востоку. Въ этой части ея теченія лежитъ область Ассамъ ограничивающаяся собственно долиною Брамапутры. Здѣсь послѣдняя течетъ почти съ востока на западъ; на югѣ она сопровождается холмами Гаро, Казіа и Нага, служащими южною границею Ассама и населенными дикими племенами того же имени. Англійское господство все еще довольно слабо чувствуется эти горскими народами, а поселеніямъ въ Ассамѣ, который очень богатъ чаемъ, отъ нихъ частенько приходится весьма плохо. Важнѣйшій пунктъ въ сѣверномъ Ассамѣ—Судія; близъ него Брамапутра принимаетъ съ востока свой важнѣйшій притокъ, Брамакундъ, тогда какъ съ сѣвера изъ Тибета по тѣснинѣ прорывается Дихонгъ; Брамакундъ долгое время считали истокомъ Брамапутры; но новыя изслѣдованія показали почти съ полною несомнѣнностью, что Дихонгъ, носящій въ Тибетѣ названіе Яру-цанъ-бо-тзіу, или Сангпо, представляетъ верхнее теченіе Брамапутры. Долина Дихонга идетъ съ сѣвера на югъ и должна считаться восточною границею индійскаго Гималая. Путешествія индійскихъ пандитовъ почти до очевидности показали, что Дихонгъ есть продолженіе Сангпо; послѣдній беретъ свое начало, къ востоку отъ истоковъ Инда и Сетледжа, въ сѣверной части Гималая и течетъ съ запада на востокъ. Слѣдовательно, Брамапутра имѣетъ форму громадной буквы S. Часть ея, называемая Дихонгомъ, отдѣляетъ западную, еще принадлежащую къ системѣ индійскаго Гималая, горную страну дикихъ сло, называемыхъ англичанами «аборъ», отъ горъ Нагонгъ—на востокѣ, именуемыхъ англичанами Мишми.

Въ общемъ, Бенгальская область по р. Брамапутрѣ, въ особенности Ассамъ, представляетъ безпредѣльную равнину, обрамленную съ сѣвера, востока и юга высокими горами и орошенную многочисленными рѣка-

ми. Отдѣльныя цѣпи холмовъ, мѣстами круто поднимающіяся надъ равниною, безконечные дѣвственные лѣса и обширныя преріи смѣняютъ другъ друга. Ни одна страна равной величины не имѣетъ такого множества рѣкъ: наиболѣе значительныхъ рѣкъ, между которыми Брамапутра занимаетъ первое мѣсто, насчитывается 61; всѣ онѣ, посредствомъ притоковъ, сплетаются въ одну нераспутываемую цѣпь. Поэтому страна чрезвычайно богата водою и принадлежитъ къ числу плодороднѣйшихъ въ Индіи. Климатъ сыръ, и такъ какъ густые лѣса препятствуютъ достаточному провѣтриванію атмосферы, то въ этой мѣстности стоитъ душный, тяжелый, вообще нездоровый воздухъ, тѣмъ болѣе, что періодъ дождей здѣсь продолжается долѣе, нежели въ другихъ частяхъ Индіи; онъ начинается въ мартѣ и кончается въ послѣднихъ числахъ ноября, такъ что низкія полосы, лежащія почти у самыхъ рѣкъ, часто остаются подъ водою болѣе восьми мѣсяцевъ. Процессъ испаренія этихъ громадныхъ массъ воды идетъ медленно и наполняетъ воздухъ міазмами, производящими лихорадку, кровавый поносъ и тому подобныя, вызываемыя болотными испареніями, болѣзни. Въ періодъ дождей Ассамъ страдаетъ отъ опустошительныхъ бурь, наносящихъ плантаціямъ часто неисчислимый вредъ. Въ холодное время—съ конца ноября по начало февраля—стоитъ болѣе пріятная температура; тогда европеецъ могъ бы поправиться отъ недуговъ, если бы воздухъ не дѣлали нездоровымъ густые туманы, которые поднимаются въ полночь и часто до 11 часовъ утра закутываютъ все въ непроницаемую мокрую пелену. Выше лежащія мѣста, гдѣ существуетъ болѣе сильный токъ воздуха, менѣе страдаютъ отъ такихъ тумановъ. Къ счастью, въ Ассамѣ не бываетъ знойныхъ, всепожигающихъ вѣтровъ, дующихъ въ западныхъ и южныхъ частяхъ Индіи въ маѣ и началѣ іюня. Что касается естественныхъ произведеній страны, то она чрезвычайно богата каменнымъ углемъ. Въ ней встрѣчается превосходнаго качества желѣзо, а ассамскіе кузнецы обладаютъ особою ловкостью въ насталиваніи ножей и оружія. Сѣрные и соляные ключи находятся въ изобиліи; добываемая изъ послѣднихъ соль считается лучше привозимой изъ Бенгаліи. Низвергающіяся съ горъ рѣки содержатъ болѣе или менѣе богатые наносы золотаго песку, который въ концѣ дождливаго времени усердно добываютъ туземцы. Верхняя часть страны имѣетъ неистощимые запасы нефти. До введенія англійскимъ правительствомъ монополіи въ торговлѣ опіумомъ, ассамцы воздѣлывали для этой цѣли столько маку, сколько было необходимо для удовлетворенія ихъ собственныхъ нуждъ. Разнообразнѣйшіе сорта риса растутъ въ изобиліи на болотистыхъ «потàрахъ» (полосахъ, покрытыхъ водою); послѣднія часто тянутся по луговинамъ на протяженіи цѣлыхъ миль. На болѣе сухихъ мѣстахъ разводятъ хлопокъ и табакъ въ такомъ количествѣ, что оба эти продукта представляютъ немаловажныя статьи отпуска. Но въ самомъ цвѣтущемъ состояніи находится шелководство. Для кормленія червей особенно пригодно дерево «сумъ».

Нищенствующіе монахи въ Бенаресѣ.



Далѣе: янтарь, слоновая кость, всякаго рода рога, а также въ большихъ количествахъ буйволиныя, тигровыя и оленьи шкуры. Наконецъ, упомянемъ о главномъ произведеніи страны—чаѣ, который былъ извѣстенъ туземцамъ уже до прибытія англичанъ и употреблялся ассамцами, какъ лекарственное средство. Животный міръ представляетъ безконечное богатство и разнообразіе. Лѣса и горы служатъ мѣстопребываніемъ дикихъ слоновъ; они бродятъ или въ одиночку, или обыкновенно стадами, подъ руководствомъ наиболѣе сильнаго и стараго животнаго, называемаго ассамцами «гунда», причиняя громадныя опустошенія рисовымъ полямъ и плантаціямъ. Въ болѣе низкихъ частяхъ лѣсовъ и вблизи болотъ живутъ носороги. Медвѣди, дикіе буйволы и дикіе кабаны встрѣчаются повсюду. Шакалы и дикія кошки являются сущими бичами страны. Косули и различные виды оленей пасутся въ преріяхъ и доставляютъ богатую охоту, собенно въ холодное время, послѣ сожженія травы. Наконецъ, ни одна провинція Индіи не имѣетъ такого множества ядовитыхъ змѣй, какъ Ассамъ, не говоря уже о скорпіонахъ, тысяченожкахъ и другихъ гадахъ. Столь же богата она пьявками и термитами. Къ нимъ присоединяются еще крысы, лягушки и москиты. Всѣ эти твари живутъ въ домахъ вмѣстѣ съ людьми, слишкомъ часто истощая терпѣніе обитателей ихъ своимъ нежелательнымъ присутствіемъ. Лѣса оживлены, кромѣ названныхъ животныхъ, еще обезьянами, попугаями, орлами, соколами, коршунами и другими пернатыми. Рыболовство ведется въ обширныхъ размѣрахъ, ибо рѣки богаты всевозможною рыбою, а ассамцы—большіе охотники до нея. Нынѣ число жителей нѣсколько менѣе милліона. Населеніе состоитъ изъ индусовъ, магометанъ, переселившихся сюда бенгальцевъ и нѣкоторыхъ дикихъ племенъ—аборигеновъ страны. Разговорнымъ языкомъ служитъ ассамскій, вѣтвь санскритскаго; онъ очень сходенъ съ языкомъ бенгали. Магометане, кромѣ того, понимаютъ «урду» и говорятъ на этомъ языкѣ; со времени-же устройства школъ англійскимъ правительствомъ, образованнымъ кастамъ не чуждъ и англійскій языкъ. А с с а м ц ы или а г о м ы, какъ они первоначально назывались,—красивый, крѣпко сложенный народъ, съ довольно свѣтлымъ цвѣтомъ кожи; они чрезвычайно понятливы и способны къ просвѣщенію. (Oscar Flex: Pflanzenleben in Indien. Berlin. 1873, 8°, S. 2—6). Въ горахъ, окружающихъ равнину, живутъ совершенно дикія и независимыя племена, именно: г а р о, х а з і я и н а г а, нравы и обычаи которыхъ намъ извѣстны еще мало. О нагасахъ мы знаемъ только, что общественное положеніе лица обусловливается татуировкою. Эта операція должна быть производима надъ мальчикомъ не ранѣе того, какъ онъ вступитъ въ юношескій возрастъ; а чтобы быть юношею, онъ долженъ убить мужчину или женщину, и въ доказательство совершеннаго убійства представить голову своей жертвы. (Ausland, 1872, № 45, S. 1079. См. также William R o b i n s o n: A descriptive account of Asam. London, 1841. 8°, p. 335—421; въ этомъ сочиненіи описаны племена:

бутіа, ака, капахоръ, дупла, мири, аборъ и бораборъ, мишми и бормишми, хамти, сингфу, нага, кахаръ, хазія и гаро).

Къ югу отъ описанныхъ нами выше областей, именно на югъ отъ Бенгаліи, возвышается, обостряющееся къ югу треугольникомъ, плато Деканъ, имѣющее среднюю высоту отъ 600 до 800 метровъ. Сѣверный край Декана образуютъ трудно доступныя горы Виндіа, вторичные песчаники которыхъ продолжаются до Панны въ Бандельકандѣ, до прохода Тара и форта Ротосъ. На южныхъ склонахъ этихъ горъ, поднимающихся до высоты 2000 метровъ, беретъ начало рѣка Шонъ, направляющаяся на сѣверо-востокъ къ Гангу. Въ этихъ же горахъ лежатъ истоки другой рѣки—Нербудды (Нарбады), текущей въ обратномъ направленіи и изливающейся въ Персидское море. Параллельно ей, нѣсколько южнѣе, близъ Сурата, въ море впадаетъ Тапты. Всѣ эти рѣки берутъ начало въ возвышенной области, покрытой горными вершинами и грядами горъ; въ этой чудной мѣстности соединяются такія формы животной и растительной жизни, какихъ рядомъ не встрѣтишь въ другомъ мѣстѣ: салевыя лѣса (т. е. изъ Shorea robusta, называемой «сала») стоятъ рядомъ съ тековыми, не смѣшиваясь, однако, одинъ съ другимъ; красная болотная дичь и птицы джунглей встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ салевыхъ лѣсахъ.

Замѣчательно красивую картину представляетъ открытая и хорошо воздѣланная долина Нербудды. Представьте себѣ могучую рѣку, стиснутую на $^1/_3$ своей обычной ширины и, на протяженіи болѣе трехъ километровъ, несущуюся съ шумомъ между двумя свѣтлыми стѣнами изъ чистаго бѣлаго мрамора; эти стѣны высятся на 30 метровъ и мѣстами имѣютъ прожилки темнозеленыхъ или черныхъ вулканическихъ породъ, которыя, подобно агату, дѣлаютъ чистую бѣлизну мрамора еще бѣлѣе. Путешествіе по долинѣ Нербудды доставляетъ необыкновенно много удовольствія. Превосходный климатъ, картины природы, люди, произведенія природы,—все это чрезвычайно интересно. Къ числу интересныхъ предметовъ принадлежитъ «мова», одно изъ наиболѣе полезныхъ дикорастущихъ деревьевъ, такъ какъ цвѣты его съѣдобны, и изъ нихъ приготовляется бо́льшая часть употребляемыхъ въ странѣ крѣпкихъ напитковъ. Мова приносится также въ жертву для умилостивленія безчисленныхъ боговъ гондами, исповѣдующими пантеизмъ. Эти странные люди прежде исполняли работы въ каменноугольныхъ копяхъ долины Нербудды и притоковъ этой рѣки, и съ удивительнымъ мужествомъ проникали внутрь земли. Въ этомъ случаѣ имъ пригодился пантеизмъ. Съ самой колыбели гондъ считаетъ каждую скалу, каждую рѣку,

каждую пещеру населенною особымъ духомъ, котораго непремѣнно нужно умилостивить, хотя бы самымъ простымъ способомъ, и тѣмъ вполнѣ обезпечить себя отъ его гнѣва. Такъ, гондъ прикасается сперва охрою къ камню, который онъ намѣревается взорвать порохомъ на тысячу частей, кладетъ предъ нимъ пригоршню риса и ставитъ чашку съ водкою изъ «мовы»,—и вотъ богъ каменноугольной копи на столько удовлетворенъ, что позволяетъ своему простаку-почитателю отламывать глыбы отъ божескаго обиталища, какъ и сколько ему угодно. Горы Магадео, или «горы Великаго Бога», между Нербуддою и Тапты, замѣчательно красивы и въ глазахъ гондовъ особенно священны. Вся гряда горъ посвящена Сивѣ, а среди высокихъ пиковъ лежитъ одна изъ священнѣйшихъ обителей, которую каждый индусъ долженъ посѣтить по крайней мѣрѣ разъ въ своей жизни. Во время стеченія богомольцевъ, взорамъ наблюдателя представляется оригинальное зрѣлище: толпы людей, столь же пестрыя, какъ и тѣ, что скучиваются въ знаменитыхъ «гатахъ» въ Бенаресѣ, стекаются по всѣмъ, ведущимъ къ святому мѣсту, дорогамъ; въ другое-же время, по народному повѣрью, доступъ къ нему прегражденъ дикими животными, домовыми и страшными болѣзнями. Тотчасъ позади Джильпы, послѣдней деревни на равнинахъ, начинаются джунгли; при подъемѣ же на горы, картина постепенно мѣняется. Пройдя 22 километра, путникъ достигаетъ возвышенной равнины Печмарри (Puchmurree), напоминающей красивый англійскій паркъ; затѣмъ между рѣдко стоящими деревьями начинаютъ показываться три большія отдѣльныя вершины, которыя при закатѣ солнца окрашиваются въ красный и огненный цвѣта и рѣзко отдѣляются отъ пурпуровыхъ облаковъ въ отдаленіи... Средній пикъ носитъ названіе Магадео; это и есть обитель божества; вправо, подобно бастіону исполиновыхъ твердынь, возвышается Чаурадео, имѣющій четырехугольную форму и отлогіе склоны; влѣво же мрачно выглядываетъ крутой скатъ Дупгара, высочайшаго пункта Среднеиндійской возвышенной страны. Дорога поднимается въ гору сравнительно отлого; по всѣмъ же прочимъ направленіямъ спускъ съ плоскогорья очень крутъ и обрывистъ. По восточному перевалу никогда не проходило ни одно вьючное животное. Съ этой возвышенной равнины развертывается предъ глазами зрителя слѣдующая панорама: ряды покрытыхъ лѣсомъ горъ перепутываются между собою въ дикомъ безпорядкѣ; далѣе виднѣются длинныя линіи утесовъ, вродѣ бастіоновъ, обозначающія южную сторону горъ Магадео; песчаниковая формація темнокраснаго цвѣта красиво отдѣляется отъ бамбуковъ темнозеленаго цвѣта, въ сторонѣ которыхъ возвышаются эти утесы. Съ восточнаго-же края плато наблюдатель видитъ предъ собою скалистый склонъ, высотою въ 620 метровъ; этотъ длинный, зеленый склонъ ведетъ въ плоскую, неизмѣримую долину, покрытую лѣсомъ. Это и есть большой салевый лѣсъ. По краямъ этого гигантскаго плато замѣчаются страшныя, таинственныя ущелья, изъ

коихъ одно, Джамбо-Дурбъ, считается особенно священнымъ, неизбѣжно посѣщается набожными богомольцами и представляетъ чудо природы, повергающее въ ужасъ. Величественные, безпредѣльные лѣса населены благородными бизонами и «самбаромъ», царемъ красной дичи. Тигры и медвѣди рѣдко встрѣчаются на возвышенной равнинѣ; за то пантеръ множество въ Печмарри. (I. Forsyth: The Highlands of Central India: notes on their forests and wild tribes, natural history and sports. London, 1871, 8°).

Западный край Деканскаго плоскогорья образуетъ большая цѣпь Западныхъ Гатовъ (т. е. проходовъ), которые начинаются при впаденіи Хандеша въ море, тянутся параллельно берегу его, въ видѣ зубчатыхъ разорванныхъ вершинъ, и въ Магабалешварѣ достигаютъ свыше 1500 метровъ надъ уровнемъ моря. Въ Гатскихъ горахъ преобладаетъ гнейсъ; въ Дарварѣ онъ сталкивается со вторичнымъ песчаникомъ. Подобно всѣмъ береговымъ горамъ, Гаты тоже отлого спускаются въ сторону континента, въ данномъ случаѣ—къ Деканскому нагорью; напротивъ, они круто ниспадаютъ къ узкой приморской полосѣ, и притомъ многими уступами, почва которыхъ воздѣлывается такъ-же тщательно, какъ сады. На нижнихъ террассахъ, произрастаютъ: перецъ бетель, сахарный тростникъ и кокосовая пальма; выше слѣдуютъ тековые лѣса съ ихъ почти неистощимою древесною породою—Tectonia grandis L.; еще выше начинаются лѣса, состоящіе изъ цѣнныхъ породъ сандаловаго и чернаго дерева. Короткія рѣченки низвергаются водопадами со склоновъ Гатскихъ горъ къ берегамъ моря. У этихъ западныхъ береговъ Индіи, на маленькомъ островѣ, въ нездоровомъ климатѣ, лежитъ Бомбей; онъ имѣетъ 650,000 жителей, въ томъ числѣ 400,000 индусовъ, 140,000 мусульманъ, до 50,000 парсовъ (потомковъ древнихъ персовъ, или огнепоклонниковъ), 25,000 индо-португальцевъ. Бомбей—одинъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ Индіи, съ великолѣпною гаванью. На Малабарскомъ берегу (такъ называется поморье къ югу отъ Бомбея) расположены: португальскій городъ Гоа, Мангалоръ и французскій городъ Маге.

Западные Гаты оканчиваются горами Нилагири, или Синими горами, пріятный и здоровый воздухъ которыхъ въ послѣднее время привлекаетъ многихъ европейцевъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Въ Додабеттѣ, считавшейся долгое время высочайшею горою южной Индіи, онѣ поднимаются до 2500 метровъ высоты, представляютъ поперечный кряжъ, соединяющій Западныя Гатскія горы

съ Восточными Гатами, идущими параллельно восточному берегу полуострова, и круто опускаются на югѣ къ узкой, глубокой поперечной трещинѣ—Гапу, возвышающейся лишь на 130 метровъ надъ уровнемъ моря.

Исконные жители горъ Нилагири раздѣляются на четыре или пять племенъ, которыя отличаются какъ между собою, такъ и отъ индусовъ равнины. Одно изъ этихъ племенъ, по нравамъ и обычаямъ, представляетъ большое подобіе нашимъ цыганамъ; но оно не ведетъ кочевой жизни, а живетъ въ постоянныхъ поселеніяхъ. Что касается религіозныхъ вѣрованій, то ихъ нѣтъ и слѣда у этого племени; единственное сверхчувственное представленіе состоитъ въ вѣрѣ въ колдовство. Изъ другихъ племенъ упомянемъ только о тода, ведущемъ исключительно пастушескую жизнь (см. William E. Marshall. A phrenologist amongst the Todas; or the Study of a primitive tribe in South India: history, character, customs, religion, infanticide, polyandry, language. London. 1873. 8°); это—наиболѣе многочисленное и самое культурное племя; численность его приблизительно равна 20,000 душъ; племя это занимается земледѣліемъ.

Къ югу отъ вышеупомянутаго Гапа, Индія образуетъ новую самостоятельную горную систему—Кардамума; она выполняетъ собою вершину индійскаго треугольника, простирается до мыса Коморина (почти подъ 8° сѣв. широты) и имѣетъ вершину въ 2900 метровъ высоты. Въ этой горной системѣ, точнѣе—въ горахъ Анамалли, возвышается высочайшій пикъ къ югу отъ Гималая. Цѣпь отъ западнаго берега отступаетъ болѣе внутрь, оставляя на своихъ склонахъ мѣсто для страны Траванкоръ. Противъ восточныхъ береговъ Индіи лежитъ большой, гористый островъ Цейлонъ, отдѣленный отъ материка заливомъ Манааръ и Палкскимъ проливомъ. Песчаный, лишенный заливовъ берегъ къ сѣверу отъ пролива Палкскаго носитъ названіе Коромандельскаго; отъ имѣетъ въ ширину отъ 70 до 200 километровъ. Климатъ въ этомъ поясѣ, т. е. по берегамъ Бенгальскаго залива, чрезвычайно вредный для здоровья, и въ періодъ сѣверо-восточнаго муссона, дующаго съ октября по апрѣль, судоходство невозможно. Въ срединѣ апрѣля начинаетъ дуть юго-западный муссонъ, сопровождаемый ливнями и ураганами; онъ приноситъ съ собою временную смерть растительности. Здѣсь расположены французскія поселенія: Карикалъ (62,000 жителей) и Пондишери (124,000 жит.); затѣмъ слѣдуетъ главный городъ англичанъ на Коромандельскомъ берегу—Мадрасъ съ 430,000

жителей. Мадрасъ—чрезвычайно важный торговый пунктъ, хотя трудно представить мѣсто, менѣе благопріятное для торговли въ географическомъ отношеніи: въ періодъ сѣверо-восточнаго муссона на рейдѣ (гавани, которая могла бы дать защиту кораблямъ, не существуетъ) не можетъ остановиться ни одна лодка, не подвергаясь опасности быть разбитою въ дребезги; въ другое же время лишь «массулы», или рыбачьи челны, не страшатся опаснаго буруна.

По направленію внутрь страны возвышаются Восточныя Гатскія горы, которыя, однако, не столь высоки и не такъ круты, какъ Западные Гаты. Восточныя Гатскія горы можно считать лишь незначительною окраиною плоскогорья внутренняго Декана; воды послѣдняго прорываютъ ихъ. Въ то время, какъ западные берега Индіи, вслѣдствіе того, что Западныя Гатскія горы близко подходятъ къ морю, не имѣютъ значительныхъ рѣкъ къ югу отъ Тапты, и лишь орошаются береговыми рѣками съ короткимъ теченіемъ,—въ Бенгальскій заливъ впадаютъ очень большія рѣки. Плоскогорье Декана образуетъ волнистую равнину, высота которой надъ уровнемъ моря колеблется между 450 и 800 метрами, и усажено безчисленными цѣпями холмовъ и отдѣльными куполообразными вершинами. Эта равнина въ сѣверной своей части дика, лѣсиста, гориста и покрыта густыми джунглями. Равнина имѣетъ паденіе отъ запада къ востоку, такъ что всѣ воды, берущія начало въ западной части Декана, слѣдовательно у восточнаго подножія Западныхъ Гатскихъ горъ, направляются къ Бенгальскому заливу, предварительно прорвавъ Восточные Гаты. Слѣдуя съ юга на сѣверъ, мы встрѣчаемъ слѣдующія рѣки: Кавери, Тирункоджилуръ, Паларъ, Пенна, могучую Кришну или Кистну, Годавери и Маганади. Высокое положеніе Деканскаго плоскогорья умѣряетъ тропическій зной и дѣлаетъ его климатъ здоровымъ, пріятнымъ, въ которомъ съ успѣхомъ родится большая часть индійскихъ произведеній. На сѣверо-восточной границѣ, по направленію къ Бенгаліи, къ сѣверу отъ Маганади, простирается къ устьямъ Ганга горная страна, покрытая первобытнымъ лѣсомъ. Въ этой горной странѣ живетъ дикій народъ. Она отдѣляется отъ берега моря мѣстностью Орисса.

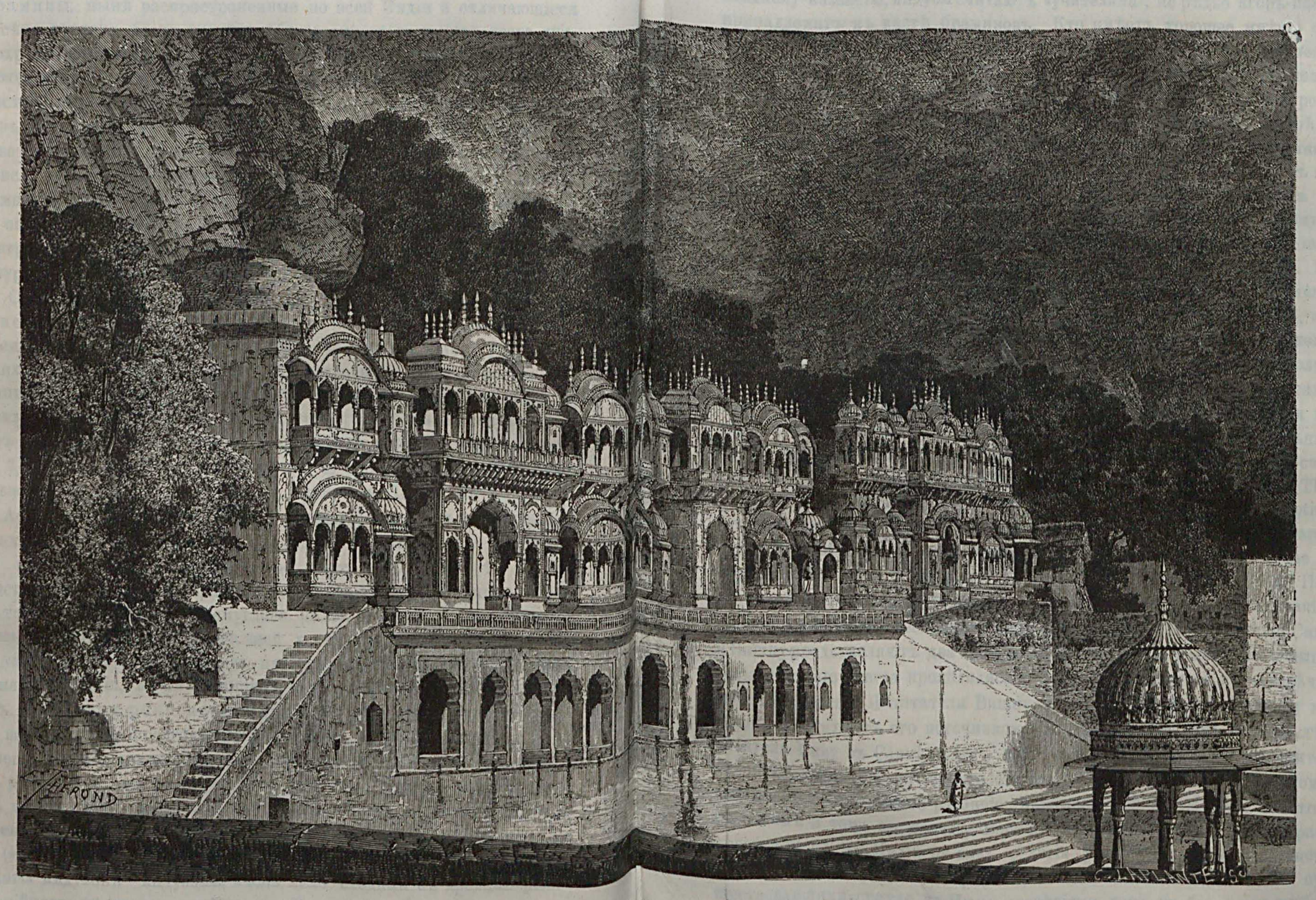
Большинство имѣетъ очень сбивчивыя представленія о населеніи Передней Индіи; вообще его представляютъ довольно однороднымъ, тогда какъ въ дѣйствительности едва-ли существуетъ на землѣ страна, въ которой бы встрѣчалось большее разнообразіе въ отношеніи населяющихъ ее народностей и племенъ на всевозможныхъ ступеняхъ культуры—отъ цивилизованныхъ европейцевъ, отъ философски образованныхъ индусовъ до самыхъ грубыхъ дикарей. По послѣднему счи-

сленію, общая цифра народонаселенія Передней Индіи составляетъ 240.726,193 душъ. Если исключить переселившихся европейцевъ, то оно можетъ быть раздѣлено прежде всего на двѣ расы:—арійскіе индусы и дравидскіе народы. Послѣдніе, безъ сомнѣнія, были первобытнымъ населеніемъ всей Индіи; но они подпали подъ иго индусовъ, пришедшихъ въ страну около 2000—1500 гг. до Р. Хр., и были оттѣснены къ югу, причемъ, конечно, обѣ расы подвергались многоразличнымъ смѣшеніемъ. Еще и нынѣ индусы живутъ лишь въ сѣверныхъ равнинахъ Инда до долины Брамапутры; напротивъ, весь Деканъ, вмѣстѣ съ гористыми частями внутри страны, занимаютъ дравидскіе народы. Однако, каждая изъ этихъ расъ не представляетъ однороднаго цѣлаго, но распадается на большое число различныхъ племенъ, о жизни которыхъ мы часто не имѣемъ никакого понятія.

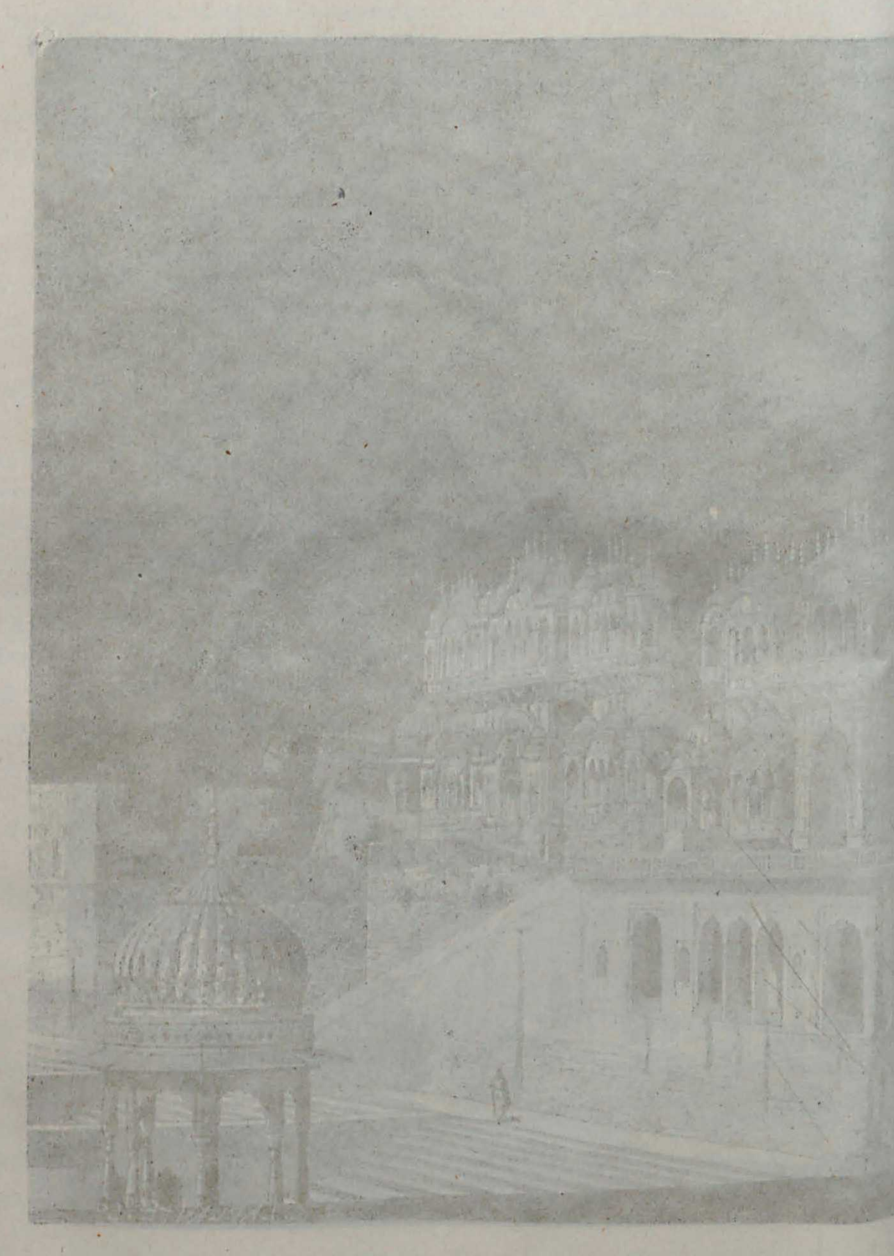
Фридрихъ Мюллеръ раздѣляетъ, съ этнологической и вмѣстѣ съ тѣмъ культурно-исторической точекъ зрѣнія, арійскую семью индійцевъ на три группы, именно: на племена сѣверо-западныхъ горъ, на арійцевъ индійскихъ равнинъ (индусовъ собственно) и на цыганъ. Къ племенамъ сѣверо-западныхъ горъ принадлежатъ уже извѣстные намъ дарду и сіапоши Кафиристана. Индусы же, какъ въ лингвистическомъ, такъ и въ соціальномъ отношеніи, раздѣляются на нѣсколько частей. Въ первомъ отношеніи, т. е. языка, различаютъ: кашмири—въ Кашмирѣ; на этомъ языкѣ говорятъ почти 3 милліона человѣкъ; къ югу отъ области распространенія кашмири до самаго Мультана, между Индомъ и Сетледжемъ, господствуетъ языкъ пенджаби (16 милліоновъ), переходящій къ югу и юго-востоку въ гинди, языкъ Средней Индіи, различныя нарѣчія и говоры котораго употребляются населеніемъ не менѣе какъ въ 61 милліонъ душъ. Урду или гиндостани, т. е. гинди съ большою примѣсью персидско-арабскихъ элементовъ и на которомъ говоритъ магометанское населеніе Центральной Индіи, служитъ общимъ разговорнымъ языкомъ и потому распространенъ по всей Индіи. Въ долинѣ нижняго Инда, отъ Мультана до самаго моря, господствуетъ синди (2 милліона). Къ югу отъ горъ Аравулли, гинди переходятъ въ гуджерати (6 милліоновъ), простирающійся до цѣпи Виндіа. Къ югу отъ гуджерати до Чота-Нагпура на востокѣ и до Гоа на западномъ берегу находится область языка марати (10 милліоновъ). Между Парніа и Динаджпуромъ гинди переходятъ въ бенгали ($22\frac{1}{2}$ милліоновъ), область коего тянется вдоль Гималая до Ассама. Кромѣ названныхъ языковъ, существуютъ еще орійя (2 милліона), ассами (около 1 милліона), нарѣчіе языка бенгали, и непали. Слѣдовательно, изъ 240 милліоновъ индійскаго населенія, нѣсколько болѣе половины, именно около 125.000,000 говорятъ на языкахъ арійскаго корня; осталь-

ные 115.000,000—на языкахъ дравидской семьи. Что касается общественнаго устройства, то у индусовъ существуютъ слѣдующіе классы: 1) Брамины, нынѣ распространенные по всей Индіи и отличающіеся отъ всѣхъ прочихъ кастъ высшею образованностью; у нихъ всего лучше сохранились племенныя особенности; брамины, вообще говоря, отличаются тѣмъ благороднымъ типомъ, который такъ удивляетъ насъ въ чистыхъ представителяхъ этой расы. 2) Уже знакомые намъ джаты—въ сѣверо-западной Индіи. 3) Раджпуты, нѣкогда феодальные завоеватели западной части Индостана, нынѣ же поселенцы-хлѣбопашцы; число ихъ все болѣе уменьшается, отчасти вслѣдствіе смѣшенія съ другими классами, отчасти вслѣдствіе частаго убиванія дѣтей женскаго пола; они живутъ въ сѣверо-восточномъ Пенджабѣ, въ округахъ Джаму и Кангра, въ горахъ Симла; далѣе—въ восточномъ Одѣ, въ Азимгарѣ и Газипурѣ, затѣмъ къ юго-западу отъ Бундельканда, въ Мальвѣ и Удейпурѣ. Средоточіемъ ихъ могущества служатъ такъ называемыя раджпутанскія государства; впрочемъ, въ послѣднихъ большую часть населенія составляютъ не они, а джаты. 4) Курми или кунби, въ среднихъ и восточныхъ частяхъ такъ называемыхъ Сѣверо-западныхъ провинцій. 5) Гуджаръ — безпокойное пастушеское племя, въ цѣпяхъ холмовъ вокругъ Кашмира, въ особенности же въ Гуджератѣ. 6) Агиръ — пастушеское племя въ браминскихъ и раджпутанскихъ земляхъ. 7) Гвала — въ Бенгаліи и Ориссѣ. 8) Кшатріи—потомки древней касты воиновъ, нынѣ торговое племя въ Пенджабѣ и восточномъ Афганистанѣ. 9) Банія (бани, баніаменъ)—одно изъ многочисленнѣйшихъ сословій въ Индіи; оно занимаетъ въ Индостанѣ собственно и къ югу тоже положеніе, какое кшатріи въ Пенджабѣ. По наружности, баніи и кшатріи поразительно отличаются отъ браминовъ. 10) Каястъ (каятъ, каитъ) — смуглаго цвѣта и красивой наружности; хотя каяты принадлежатъ къ низшей кастѣ, но они отличаются большимъ умомъ и способностями, изъ ихъ среды вышли свѣтскіе писатели современной Индіи, и они занимаютъ важныя мѣста во всѣхъ вѣдомствахъ. 11) Касты ремесленниковъ мало отличаются одна отъ другой и во всей Индіи представляютъ довольно однообразный типъ. 12) Наконецъ, особаго упоминанія заслуживаютъ касты рабовъ. Само собою разумѣется, мы не встрѣчаемъ ихъ въ сѣверо-западныхъ гористыхъ мѣстностяхъ, такъ какъ тамъ враждебные аборигены не были покорены. Къ этимъ паріямъ относятся: чангары, чамары, домъ и проч. (E. Müller. Allgem. Ethnographie. S. 453—463).

Религія индусовъ—индуизмъ, очень мало сходный съ древнею религіею арійцевъ; нѣсколько стиховъ изъ Ведъ и формулы, произносимыя жрецами, непонимающими ихъ, — вотъ и почти все, что сохранилось отъ древней религіи Ведъ. Теперешняя религія индусовъ, называемая браманизмомъ, по имени жрецовъ—браминовъ, раздѣляется на различныя секты, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ совершенно извращены, ис-



Ульвурскіе царскіе храмы.



порчены по своей сущности. Такъ, вѣнцомъ оскорбленія человѣческаго достоинства являются «агори» или «агоръ-панты», которыхъ, судя по послѣднему названію, индусы считаютъ «учителями»; не рѣдко агоръ-панты принадлежатъ къ кастѣ браминовъ. Кто имѣетъ хорошее мнѣніе объ индуизмѣ, тому предлагаемъ прочесть слѣдующее мѣсто изъ сочиненія, изданнаго въ Лондонѣ: «Агори — особый классъ народа; ихъ можно часто встрѣтить въ «гатахъ» (берега и уступы Ганга) — въ Бенаресѣ, иногда также въ другихъ мѣстахъ Индіи и въ Ассамѣ. Агори—людоѣды; по ихъ понятіямъ, между предметами не существуетъ никакой разницы; всѣ различія суть плодъ воображенія. Ударъ или пинёкъ для нихъ все равно, что благословеніе. Они ходятъ in puris naturalibus, держатъ въ рукѣ человѣческій черепъ, обглодавъ съ него гнилое мясо и вынувъ пальцами мозгъ и глаза; послѣ этой операціи, черепъ служитъ имъ вмѣстилищемъ для всякой жидкости—водки, молока или гнилой воды. Въ пищу они употребляютъ все, что попадается имъ подъ-руку: гніющій трупъ, падаль, помои и всякую нечисть. Сбитые въ войлокъ волоса, налитые кровью глаза, покрытое грязью и насѣкомыми тѣло — таковъ, агори, внушающій ужасъ и отвращеніе. Онъ похожъ болѣе на волка, чѣмъ на человѣческое существо. Однако, индусы относятся къ этимъ жалкимъ тварямъ съ уваженіемъ, и никто изъ нихъ не отважится не принять его въ свой домъ. Агори составляютъ самые омерзительные поддонки среди той многочисленной сволочи, которая живетъ въ священномъ городѣ Бенаресѣ; они способны на всякое преступленіе». (The People of India; a Series of Photographic Illustrations, with Descriptive Letter-press, of the Races and Tribes of Hindustan. Originally prepared under the authority of the Gouvernement of India etc. Edited by the J. Forbes Watson and J. W. Kaye. Vols I u II. London, Allen). Но въ Индіи наиболѣе распространены послѣдователи двухъ вѣроисповѣданій, именно воздающіе божеское почитаніе Сиву и Вишну. Богопочитаніе Сиву и Вишну представляютъ два противоположные образа религіознаго мышленія, которые всегда проявлялись и будутъ проявляться въ человѣческомъ обществѣ. Почитатели Вишну, обращаясь къ этому божеству въ Вишнавѣ, считаютъ его источникомъ всего добраго, такъ какъ послѣдователи Сиву въ Саивѣ ждутъ добра и блага, къ которому стремится человѣкъ, лишь отъ него самаго, отъ его собственныхъ дѣяній. Въ этомъ заключается главнѣйшее различіе; впрочемъ, обѣ секты часто сходятся на одномъ и томъ же началѣ. Вообще можно сказать: «Индуизмъ распространился въ Индіи не какъ религія реставрирующая, возстановляющая, но какъ вѣра консервативная. Онъ воспользовался всѣми существовавшими прежде въ Индіи суевѣріями, какъ ни были они грубы, безнравственны и преступны, и, придавъ всѣмъ имъ философскую подкладку, выкристаллизовалъ каждое изъ нихъ въ совершенно чистую форму, установляя вмѣстѣ съ тѣмъ такую солидарность между всѣми ими, которая дѣлаетъ чрезвычайно труднымъ распознаваніе отдѣльныхъ час-

тей. Индуизмъ не только призналъ различія между классами и племенами, но нашелъ имъ особое оправданіе, и, вмѣсто того, чтобы сплавить ихъ во-едино, до извѣстной степени обратилъ ихъ въ оцѣпенѣлое состояніе, такъ что въ индійской деревнѣ различныя касты, живущія рядомъ, имѣютъ менѣе общихъ интересовъ, менѣе сходны въ мысляхъ и чувствованіяхъ, нежели, напримѣръ, французы и нѣмцы. Это обстоятельство дѣлаетъ положительно невозможными въ средѣ индусовъ патріотизмъ и національное сознаніе въ нашемъ смыслѣ, до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать индуизмъ». Съ другой стороны, индуизмъ не только представляетъ растяжимую философію, въ немъ не только заключаются высокія нравственныя истины, онъ не только научаетъ многимъ соціальнымъ добродѣтелямъ, но и содержитъ многія существенныя черты христіанскаго ученія. (John Robson. Hinduism and relations to Christianity. Edinburgh, 1874, 8°).

Дравидская раса въ Индіи, съ этнологической точки зрѣнія, раздѣляется на два, а съ причисленіемъ первобытныхъ жителей Цейлона—на три, существенно отличающихся одно отъ другаго, племени, именно: на сѣверо-индійское, или племя мунда, на дравидское племя въ тѣсномъ смыслѣ и на сингалезовъ. Лишь некультурные изъ этихъ народовъ, именно мунды и племена горъ Нилагири, удержали свои старинные обычаи и нравы; прочія же цивилизовались и совершенно преобразились, усвоивъ арійскую культуру. Всѣмъ дравидскимъ языкамъ свойственъ одинъ и тотъ-же характеръ агглютинаціи («склеиванія»), которая также сильно характеризуетъ урало-алтайскіе языки; это обстоятельство и породило у нѣкоторыхъ изслѣдователей мысль о генеалогическомъ родствѣ между обѣими группами языковъ, котораго въ дѣйствительности не существуетъ.

Къ племени мунда принадлежатъ некультурные горскіе народцы возвышенной страны Чота-Нагпуръ, къ юго-западу отъ Кальтуты; эти горцы носятъ общее названіе коль. Сюда относятся: санталь (сонталь), сингбумскіе коли (ларка-коль или го), бумиджъ и такъ называемые мунда-коль. Напротивъ, сюда не принадлежатъ урау-коль и раджамалъ-коль; они причисляются къ группѣ дравидскихъ народовъ. (L. Nottrott: Die Gossner'sche Mission unter den Kolhs. Bilder aus dem Missionsleben. Halle. 1874. 8°). Между этими полудикарями, занимающимися, однако, земледѣліемъ, распространена вѣра въ безчисленное множество злыхъ духовъ—«бонговъ», вѣра въ колдовство и вѣдьмъ, которыя, смотря по обстоятельствамъ, подвергаются убіенію или изгнанію изъ страны. Значитъ, человѣческій разумъ повсюду выкидываетъ однѣ и тѣ же штуки. Нѣмецкіе евангелическіе миссіонеры работаютъ среди

народцевъ «коль», и въ настоящее время въ указанной мѣстности уже существуетъ большое число христіанскихъ общинъ. Кромѣ «коль», изъ семьи мунда весьма распространено племя билла или биль. Биллы живутъ въ лѣсахъ возвышенностей, сопровождающихъ теченіе рѣкъ Тапты, Нербудды и Маге, и представляютъ смѣшанное племя, заимствовавшее нравы и обычаи по большей части у тѣхъ цивилизованныхъ народовъ, въ области коихъ оно обитаетъ. (См. Globus. XXI Bd. S. 193—198). Меры или майры живутъ въ горахъ Аравулли и занимаются земледѣліемъ; племя мина, близко родственное предъидущему (мерѣ или майрѣ), обитаетъ въ горахъ, которыя, въ видѣ хребтовъ, тянутся отъ Аджмира къ Джумнѣ.

Дравидское племя состоитъ изъ десяти отдѣльныхъ народовъ, говорящихъ на различныхъ языкахъ. Они суть: 1) Тамулы (тамиль), самый образованный и наиболѣе предпріимчивый изъ всѣхъ дравидскихъ народовъ, живутъ въ такъ называемой Карнатикѣ, т. е. въ области ниже Восточныхъ Гатскихъ горъ, отъ Паликата до мыса Коморина, и лежащей въ ней возвышенной странѣ; къ тамуламъ принадлежитъ также рабочее народонаселеніе сѣверной и сѣверо-западной части Цейлона, а также большая часть такъ называемыхъ клинговъ или калинговъ, встрѣчающихся въ приморскихъ городахъ Задней Индіи и Малайскаго архипелага; наконецъ—дикія племена пруларъ и курумбаръ въ горахъ Нилагири. 2) Телинга (телугу)—отъ Паликата до Генджама, на берегу Бенгальскаго залива. 3) Канарезы (каннади, карната)—въ Майсорѣ и Канарѣ; къ канарезамъ, по языку, должны быть причислены дикіе котары, или когатары, и бадагары (бургеры)—въ лѣсахъ Нилагири; наконецъ, некультурные кодугу или курги—въ Западныхъ Гатскихъ горахъ. 4) Малабарцы, или малайала—на Малабарскомъ берегу, отъ Мангалора до Тривандрама. 5) Вымирающіе тулу (тулува)—въ узкой береговой полосѣ вокругъ Мангалора. 6) Тода (туда, тувадаръ)—въ Нилагири. 7) Гондъ (гонда)—въ той полосѣ Индіи, которая лежитъ между Годавери, его притоками, Вайнъ и Индравати, и горами Гондвана, къ югу отъ Нербудды. 8) Кровожадные, приносящіе людей въ жертву, конды или ку,—къ югу отъ Маганади, въ богатой лѣсомъ, холмистой странѣ провинціи Орисса. (John Campbell: A personal narrative of thirteen years service amongst the wild tribes of Khondistan for the suppression of human sacrifice. London. 1864, 8°). 9) Уже упомянутые урау-коль и раджамалъ-коль. Наконецъ, 10) брагуи, живущіе въ Белуджистанѣ.

Аборигены, или первобытные жители Цейлона принадлежатъ несомнѣнно къ дравидской расѣ, какъ то доказываетъ коренное нарѣчіе сингалезскаго языка—элу. Но со временемъ они сильно смѣшались съ индусами, пришедшими съ материка. Довольно чистокровными остатками первобытнаго населенія можно считать веддовъ (названіе племени ведда или бедда), которые живутъ въ лѣсныхъ областяхъ такъ называемой Вед-

даратты, на восточной сторонѣ острова. (F. Müller: Allgem. Ethnographie, S. 410—416). Въ умственномъ отношеніи ведды стоятъ на столько низко, на сколько это возможно для существъ, одаренныхъ разумомъ. (Ausland, 1876, № 15, S. 296—297).

Островъ Цейлонъ имѣетъ сердцевидную или грушевидную форму; поверхность его равна 63,300 квадр. километрамъ, а число жителей составляетъ около $2^1/_2$ милліоновъ. Средняя и нѣкоторыя южныя части Цейлона представляютъ горную страну, къ которой примыкаетъ холмистая страна; къ сѣверу же она переходитъ въ совершенную низменность, тогда какъ на югѣ холмы часто простираются до самаго моря. Горная страна, имѣющая въ среднемъ 1600 метровъ высоты, но нелишенная вершинъ, каковы: Педроталагалла (Педуру-Таллагалле, 2536 метровъ) и славная своимъ волшебнымъ видомъ Саманелла, или Адамовъ пикъ (2250 метровъ),—богата живописными, восхитительными мѣстностями, обильно орошена и имѣетъ прохладный климатъ; холмистая страна столь-же плодородна и большею частью состоитъ подъ культурою, тогда какъ никогда не блекнущая, роскошная зелень и масса кокосыхъ пальмъ покрываютъ сѣверную окраину острова. Изъ многочисленныхъ произведеній Цейлона особенно замѣчательны: драгоцѣннѣйшіе благородные камни, алмазы и рубины; далѣе—желѣзо, марганецъ, поваренная соль, отличныя жемчужныя раковины. Ни одна мѣстность въ мірѣ не превосходитъ Цейлона въ отношеніи богатствъ растительнаго царства. Кромѣ различнѣйшаго подѣлочнаго лѣса, Цейлонъ доставляетъ въ изобиліи перецъ, хлопокъ, кофе, корицу. Главный городъ острова—Коламбо или Коломбо на восточномъ берегу; отъ него идетъ желѣзная дорога внутрь страны, до Канду; на южномъ берегу находится Пуанъ-де-Галь (Point de Galle), съ важнѣйшею торговою гаванью.

Вообще говоря, Передняя Индія имѣетъ мало острововъ. У береговъ ея почти нѣтъ острововъ, и лишь въ отдаленіи отъ нихъ мы встрѣчаемъ нѣсколько островныхъ группъ, которыя по своей природѣ должны быть причислены къ Индіи. Такъ, ближе всего на западѣ, слѣдовательно предъ Малабарскимъ берегомъ, лежатъ Лакедивскіе, а къ югу отъ нихъ — Маледивскіе острова. Первые коралловаго образованія, въ числѣ 14,000; они могутъ быть раздѣлены на 20 группъ и частью состоятъ изъ голыхъ скалъ. На нихъ живетъ около 10,000 индо-арабовъ. На этихъ коралловыхъ островахъ растутъ только однѣ кокосовыя пальмы; тамъ собираютъ также раковины «каури», очень любимыя на Восто-

кѣ, гдѣ онѣ заступаютъ мѣсто денегъ. Маледивскіе острова также представляютъ цѣпь изъ 12,000 до 15,000 коралловыхъ острововъ, изъ коихъ только 50 обитаемы; на нихъ встрѣчаются тѣ же произведенія, какъ и на Лакедивскихъ островахъ, но народонаселеніе этихъ острововъ гораздо значительнѣе; оно состоитъ изъ 200,000 малайцевъ-магометанъ, находящихся подъ властью султана, имѣющаго своимъ мѣстопребываніемъ Мале. Въ Бенгальскомъ заливѣ, ближе къ берегамъ Задней Индіи, лежатъ Андаманскіе и Никобарскіе острова; каждая группа образуетъ цѣпь или гряду: онѣ отдѣлены проливомъ Десятаго Градуса. Андаманскіе острова состоятъ изъ четырехъ, сравнительно большихъ и множества малыхъ острововъ, имѣющихъ въ общей сложности поверхность въ 6600 кв. километровъ и 15,000 жителей-негритосовъ, принадлежащихъ къ числу племенъ, находящихся на самой низшей ступени культуры; они не имѣютъ постоянныхъ жилищъ и ходятъ почти голые. Негритосы питаются исключительно рыбою. На большей части плоскихъ острововъ, носящихъ, однако, слѣды вулканизма, растутъ пальмы, дыни и въ изобиліи превосходные строевые лѣса. Климатъ очень нездоровый, вслѣдствіе множества болотъ, а потому человѣколюбивые англичане на самомъ сѣверномъ изъ этихъ острововъ, именно Чатамѣ, устроили колонію для преступниковъ. (Frederick J. Moat: Adventures and researches among the Andaman Islanders. London. 1863, 8°, и Dr. v. Liebig: Die Andaman-Inseln, въ Jahresbericht der Geogr. Ges. in München. 1871. S. 103—125). Никобарскіе острова состоятъ изъ 9 большихъ и 11 меньшихъ, очень плодородныхъ, но также нездоровыхъ острововъ съ 5000 жителей—малайцевъ.

Съ 1-го января 1877 г. Передняя Индія образуетъ имперію; монархъ Соединеннаго королевства есть вмѣстѣ съ тѣмъ и императоръ (императрица) Передней Индіи; въ дѣлахъ управленія его заступаетъ назначаемый имъ вице-императоръ, имѣющій свое мѣстопребываніе въ Калькутѣ. Индія, пользующаяся самостоятельнымъ управленіемъ и располагающая войскомъ въ 180,000 человѣкъ, въ которомъ большую часть составляютъ туземные солдаты (сипаи), раздѣляются на три президентства, именно: Бенгальское съ главнымъ городомъ Калькутою, Мадрасское и Бомбейское. Эти президенства, въ свою очередь, состоятъ изъ провинцій (въ Бенгальскомъ президенствѣ), или округовъ (въ Мадрасскомъ), или, наконецъ, дивизій (въ Бомбейскомъ). Въ Лондонѣ дѣйствуетъ особое министерство по индійскимъ дѣламъ, или государственный секретаріатъ, вѣдающій дѣла обширной имперіи. Какъ мы уже знаемъ, Передняя Индія занимаетъ пространство въ 3.850,000 квадр. километровъ, на которомъ живетъ почти 240.000,000 душъ. Но не вся эта территорія и не все это народонаселеніе состоятъ подъ

непосредственною властью англичанъ, ибо весьма значительная часть страны принадлежитъ туземнымъ князьямъ, образуя подъ властью ихъ тѣ особенныя государства, которыя стоятъ часто въ очень запутанныхъ, неопредѣленныхъ отношеніяхъ къ англичанамъ въ сосѣднихъ, непосредственно имъ принадлежащихъ, областяхъ. Такъ какъ въ Британской Индіи живетъ только около 100,000 европейцевъ, то можно себѣ представить, какъ должно быть трудна задача ихъ—удерживать въ своей власти эту огромную массу людей.

Общее число жителей въ Британской Индіи, по послѣдней переписи составляло 189.613,238 душъ; территорія, находившаяся въ то время подъ управленіемъ британцевъ, равнялась 2.323,145 квадр. километрамъ. Густота населенія: 81 чел. на одинъ квадр. километръ. Туземныя государства имѣли 1.562,264 кв. кил. и 50.325,457 душъ народонаселенія. (Французскія владѣнія—508 кв. кил. и 259,918 жителей; португальскія—4168 кв. кил. и 527,517 жителей).—Поверхность всей Индіи равна 3.845,318 кв. кил., а народонаселеніе—240.726,193 жителямъ, или 76% всего населенія Европы. Почти $1/3$ изъ этихъ 189 милл. живетъ въ Бенгаліи, по $1/6$—въ Сѣверо-западныхъ провинціяхъ, съ Аллагабадомъ, Бенаресомъ и т. д., и въ Бомбейскомъ президентствѣ. Изъ туземныхъ государствъ наибольшее число жителей, именно по 9 милліоновъ, имѣютъ раджпутанскія государства на сѣверо-западѣ и Гейдерабадъ въ Деканѣ. Всего гуще населены провинціи: Нижняя Бенгалія, Бегаръ, Одъ; въ нихъ послѣдовательно на одинъ квадр. километръ приходится: 167, 180 и 181 жителей. Въ округѣ Хугли, въ Нижней Бенгаліи, на 1 кв. километрѣ живутъ до 400 душъ. Изъ 195 городовъ земнаго шара съ населеніемъ свыше 100,000 жителей на долю Передней Индіи приходится 16, на туземныя государства—только 5. Въ общей цифрѣ населенія Британской Индіи 96 милл. душъ мужескаго и 92 милл. душъ женскаго пола. Далѣе, по происхожденію жители распредѣляются такъ: 127 милл. индусовъ, 40 милл. магометанъ, $1/2$ милл. азіатовъ не-индійскаго происхожденія, $1/10$ милл. не-азіатовъ и т. д. (со включеніемъ Британскаго Бирмана). По религіи населеніе имѣетъ слѣдующій составъ: 73% индусовъ, 21% магометанъ, 1,5% буддистовъ, 0,5% христіанъ; наконецъ, небольшое число евреевъ. Средній прирость населенія въ Индіи составляетъ $1/2$% ежегодно, причемъ индусы, вслѣдствіе раннихъ браковъ, размножаются быстрѣе магометанъ; католики—быстрѣе индусовъ и магометанъ, именно прирость католическаго населенія равенъ $1\,1/5$%; протестанты же—еще быстрѣе: ежегодный приростъ составляетъ $6\,1/10$%; однако, не слѣдуетъ забывать, что общее количество протестантовъ не достигаетъ и 250,000 душъ. Огнепоклонники, парсы постепенно вымираютъ: теперь ихъ не болѣе 70,000. Наименьшее число послѣдователей имѣетъ іудейская религія: число ихъ ограничивается лишь 8800, но

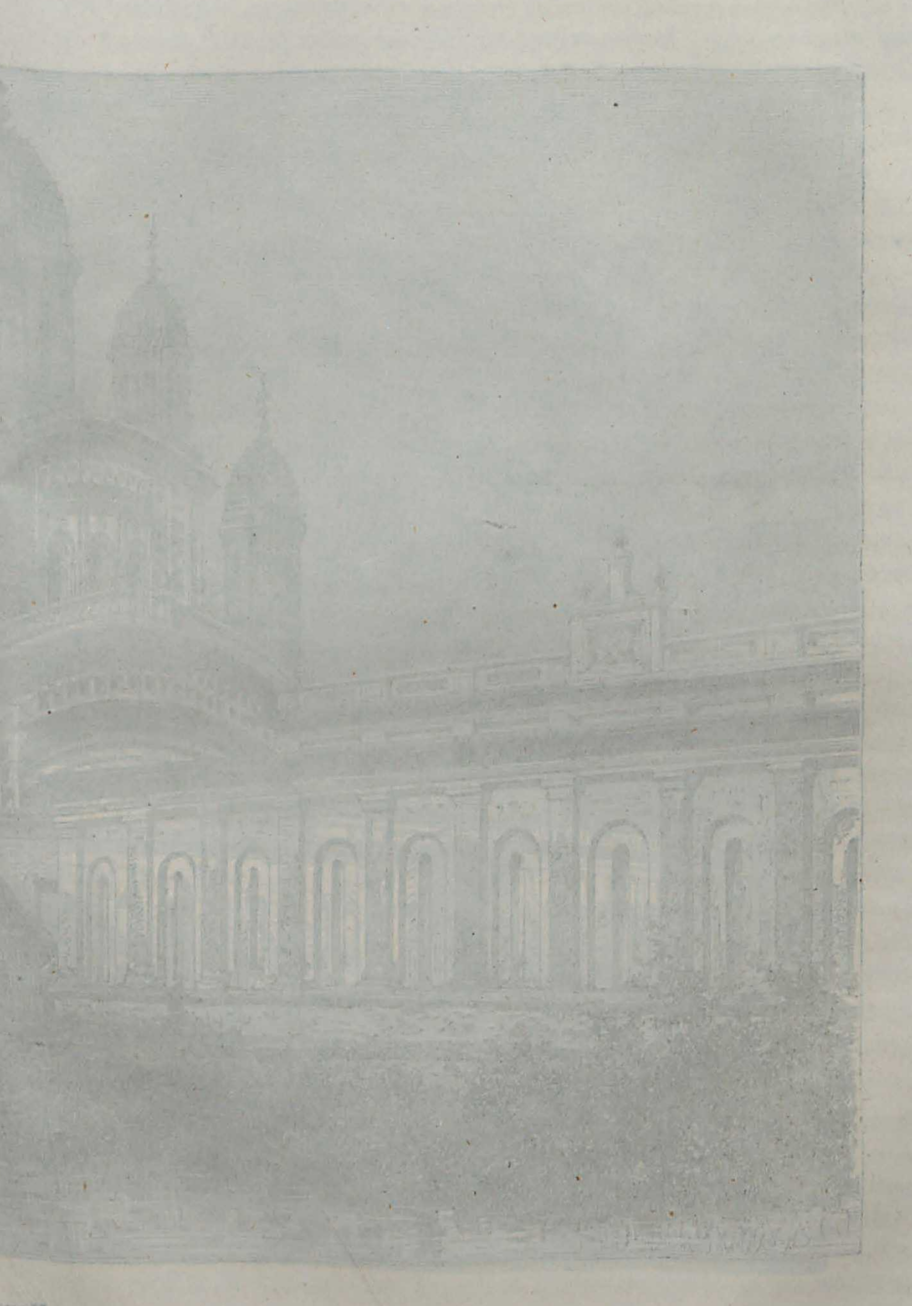
среди нихъ не замѣчается вымиранія. Очень велика численность живущихъ въ Индіи магометанъ; этого никто и не подозрѣвалъ до послѣдней переписи. Въ Бенгаліи живетъ 19.553,831 магометанъ, въ Пенджабѣ—9.337,685, въ Сѣверо-западныхъ провинціяхъ—4.189,348; затѣмъ, въ Бомбейскомъ президентствѣ—3.870,450, въ Мадрасскомъ президентствѣ—1.857,975, въ Одѣ—1.197,705, въ Ассамѣ—1.104,601; наконецъ, въ центральныхъ провинціяхъ: Майсорѣ, Берарѣ, Британскомъ Бирманѣ, Аджмирѣ и Кургѣ, немного менѣе 2 милл., такъ какъ тамъ населеніе почти исключительно состоитъ изъ индусовъ. Отсюда видно, что подъ властью Англіи находятся болѣе 40 милліоновъ мусульманъ, и такъ какъ среди нихъ много очень энергическихъ и фанатическихъ элементовъ, то всегда является надобность обращать нѣкоторое вниманіе и на чувства мусульманскаго міра.

О громадномъ значеніи для Англіи магометанскаго движенія въ Индіи разсказываетъ очень обстоятельно Германъ Вамбери, нынѣ одинъ изъ основательнѣйшихъ знатоковъ ислама. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ (говоритъ онъ), какъ фанатическіе вагабиты начали пускать все чаще и чаще революціонныя ракеты изъ своей главной квартиры — Патны. То они прилѣпятъ среди горцевъ небольшое воззваніе къ возстанію, то какой либо вдохновленный юноша изъ этой секты открыто и свободно пропагандируетъ революцію среди сипаевъ и поджигаетъ ихъ къ «джигаду»—войнѣ противъ невѣрныхъ, слѣдовательно противъ собственныхъ властителей. Англія относится почти равнодушно къ этой опасной игрѣ. Этого мало; существуютъ господа, предлагающіе слѣдовать такой утопіи: нужно, говорятъ они, заботиться о томъ, чтобы школьное дѣло, судебныя учрежденія и гражданское управленіе скроить по мусульманской мѣркѣ для магометанскихъ подданныхъ; изготовленіе такого шеріата, съ прививкою ему англійскихъ учрежденій, навѣрное удовлетворило бы ихъ. Если уже само по себѣ довольно нелѣпо заманивать путемъ уступокъ какой-либо народъ, завоеванный мечомъ, въ ярмо ихъ побѣдителя, то такая система въ примѣненіи къ азіятамъ, а въ особенности къ магометанамъ, является сущимъ безуміемъ. Вамбери очень мѣтко замѣчаетъ: лучшую уступку магометанамъ-индусамъ англичане сдѣлали бы въ томъ случаѣ, если бы всѣ они, на всемъ пространствѣ, отъ долинъ Кашмира до мыса Коморина, сразу собрали свои пожитки и удалились бы во свояси. Если Англія желаетъ достичь успѣха въ отношеніи своихъ магометанскихъ подданныхъ въ Индіи, то она разъ навсегда должна отказаться отъ всякихъ, такъ называемыхъ, конституціонныхъ экспериментовъ и въ своихъ обширныхъ азіятскихъ владѣніяхъ быть болѣе азіятскою державою. При этомъ никогда не слѣдуетъ забывать, что борьба противъ невѣрныхъ навсегда останется кореннымъ принципомъ ислама. Такъ говоритъ ученый и практическій знатокъ Востока — Германъ Вамбери. Его удачныя объясненія невольно приводятъ всякаго непредубѣжденнаго человѣка къ

тому заключенію, что владычество англичанъ въ Индіи зиждется на вулканической и глубоко подкопанной почвѣ.

Индусы, также какъ и мусульмане, — не долюбливаютъ англичанъ, которые все болѣе стремятся сломить могущество туземныхъ князей. Всѣ сохранившіяся еще пока туземныя государства въ Индіи находятся подъ покровительствомъ Англіи; дѣйствительною независимостью пользуются лишь горскіе народы, очень часто повергающіе англичанъ въ страшное замѣшательство.

Всѣ состоящія подъ покровительствомъ государства могутъ быть раздѣлены на три категоріи. Государства, властители коихъ пользуются субсидіями отъ Англіи, поставляютъ британскому правительству регулярную армію; за это они получаютъ опредѣленную сумму, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть замѣнена уступкою имъ земли (!). Въ этихъ государствахъ живутъ около 20 милліоновъ жителей. Въ данническихъ, состоящихъ подъ покровительствомъ Англіи, государствахъ, британское правительство хотя и не содержитъ постояннаго войска, но защищаетъ ихъ въ случаѣ войны (съ кѣмъ?) и получаетъ за это опредѣленную дань. Въ этого рода государствахъ (числомъ 50) считается 12 милліоновъ жителей. Наконецъ, покровительствуемыя государства третьей категоріи находятся къ Англіи въ такихъ же отношеніяхъ, какъ и государства второй категоріи, но, въ отличіе отъ послѣднихъ, дани не платятъ; такихъ государствъ всего 90, а число жителей въ нихъ равно $3^1/_2$ милліонамъ. Государства всѣхъ трехъ классовъ отказались отъ права защиты своихъ предѣловъ собственными силами и отъ дипломатическихъ переговоровъ съ другими государствами, — короче, находятся въ рукахъ англичанъ, которые вмѣшиваются всюду, если имъ это нужно, если они находятъ это для себя выгоднымъ. Британское правительство гарантируетъ имъ внѣшнее спокойствіе и является третейскимъ судьею во всѣхъ спорахъ между правительствами этихъ государствъ. При этомъ имъ великодушно «позволяется» держать для себя особое войско, но въ такомъ числѣ, въ какомъ то признаетъ возможнымъ англійское правительство; послѣднее снабжаетъ ихъ и порохомъ, но тоже въ достаточномъ, по его мнѣнію, количествѣ, т. е. дѣлающемъ совершенно безвредными и эти ничтожныя туземныя войска. Что касается внутренняго управленія, то британское правительство оставило за собою право принимать его на себя въ тѣхъ случаяхъ, когда туземные князья провинятся въ плохомъ управленіи. (Daniel: Handb. d. Geogr. I. S. 327—328). Но что такое «плохое управленіе»—это, само собою разумѣется, опять-таки рѣшаютъ сами англичане, которые, слѣдовательно, являются единственными властителями и въ туземныхъ государствахъ. Ежегодно туземные князья являются, для выраженія своего почтенія,



Мечеть Угли.

къ вице-императору на «дарбаръ», т. е. на большую аудіенцію, — одно изъ важныхъ государственныхъ дѣяній этого представителя англійскаго могущества. Самый значительный изъ этихъ князей — Низамъ, въ Деканѣ, въ столицѣ котораго, Гейдерабадѣ (20,000 жителей), расположены три англійскіе полка «для защиты Низама».

Однако, чтобы быть справедливыми, мы должны также указать и на тѣ успѣхи, какіе сдѣлала Остъ-Индія подъ англійскимъ управленіемъ. Оффиціальный отчетъ о нравственномъ и матеріальномъ прогрессѣ Индіи высказывается очень поучительно на-счетъ совершившихся въ этой странѣ измѣненій, какъ къ лучшему, такъ и къ худшему: Народъ, равно какъ и право, въ Остъ-Индіи претерпѣли болѣе глубокій переворотъ, чѣмъ то представляется при поверхностномъ разсмотрѣніи. Перенесеніе политическаго центра тяжести изъ резиденцій властителей внутри полуострова—на берега моря, обезоруженіе населенія, возстановленіе прочнаго мира и спокойствія какъ въ самыхъ густонаселенныхъ, такъ и въ наиболѣе негостепріимныхъ частяхъ имперіи, прекращеніе грубыхъ обычаевъ, напримѣръ принесенія въ жертву людей лѣсными жителями, сожиганія вдовъ, обычнаго у индусовъ, и зрѣлищъ самобичеванія аскетовъ, встрѣчающагося между индусами и мусульманами; далѣе, устройство путей сообщенія, желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ между всѣми, даже небольшими городами, — все это сразу бросается въ глаза; менѣе замѣтенъ, хотя не менѣе важенъ, переходъ населенія отъ занятія ремеслами къ земледѣлію. Равнымъ образомъ и фабрикаты Индіи сильно измѣнились. Старинныя туземныя ремесла исчезаютъ во многихъ мѣстахъ, во-первыхъ, вслѣдствіе того, что не могутъ выдержать конкуренціи съ ткацкими фабриками, во-вторыхъ—вслѣдствіе распространенія машинъ въ Индіи. Но искусные туземцы легко примѣняются къ измѣнившимся условіямъ, обнаруживаютъ большую ловкость и способность къ машинной работѣ. На джутовыхъ и хлопчатобумажныхъ фабрикахъ, а также на свеклосахарныхъ заводахъ, они находятъ себѣ работу тысячами, но еще не во всѣхъ мѣстахъ удается пару замѣнить превосходную ручную работу туземцевъ; такъ, напримѣръ, въ Ориссѣ и Батнѣ все еще въ ходу ручной ткацкій станокъ, а лучшій въ свѣтѣ муслинъ, о которомъ, въ связи съ очаровательными принцессами, передаютъ самые баснословные разсказы, и теперь можно купить, хотя за очень дорогую цѣну, у ткачей въ Даккѣ.

Другое послѣдствіе англійскаго владычества — большее развитіе національнаго чувства у отдѣльныхъ народностей; разница въ правахъ и законахъ между различными провинціями сдѣлалась болѣе рѣзкою, нежели прежде. Число лицъ, за которыми признано право на землю, значительно увеличилось противъ прежняго. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и забота о народныхъ языкахъ; если прежніе завоеватели, говорившіе по-персидски, на языкахъ гиндостани и маратти, подавляли народные языки и навязывали свой придворный, то при англій-

скомъ управленіи этотъ придворный языкъ долженъ былъ совершенно измѣниться со времени устройства народныхъ школъ, за которыми послѣдовали среднія учебныя заведенія, а позднѣе—и университеты по англійскому образцу. Правительство энергически заботится устранить всякую примѣсь, вошедшую въ языки Сѣверной Индіи подъ давленіемъ великихъ моголовъ. По вопросу о томъ—какое нарѣчіе возвести на степень школьнаго языка въ той или другой мѣстности, написаны цѣлые томы разсужденій, и въ нихъ онъ разсматривается съ полною основательностью. Успѣхъ въ учебной части вообще значителенъ, хотя много еще остается сдѣлать, чтобы народъ правильно оцѣнилъ предлагаемыя ему средства къ образованію. Въ Пенджабѣ число школъ и учениковъ сильно увеличивается, но, не смотря на то, еще около 70% дѣтей приходится рости безъ всякаго образованія. Въ сѣверной части Бомбейскаго президентства школьное дѣло сильно теряетъ вслѣдствіе того, что большое число мальчиковъ оставляетъ школы, чтобы жениться! Въ Бенгаліи число элементарныхъ школъ значительно увеличилось, и желаніе учиться по-англійски, какъ говорятъ, всеобщее. Правительство занято устройствомъ высшихъ техническихъ и ремесленныхъ школъ, чтобы дать возможность молодымъ бенгальцамъ выбирать между бо́льшимъ числомъ профессій и спеціальностей, ибо нынѣ для нихъ доступны только юридическая практика или государственная служба. Конечно, вмѣстѣ съ образованіемъ, молодые люди и даже дѣти въ такихъ большихъ центрахъ, какъ Калькута и другіе, проявляютъ и бо́льшую наклонность къ пьянству. Хотя масса народа и отличается еще трезвостію, но не то уже замѣчается среди образованнаго класса. Мѣры, принятыя правительствомъ къ искорененію страшно господствующаго дѣтоубійства, оказываютъ удовлетворительное дѣйствіе. Въ Сѣверо-западныхъ провинціяхъ отношеніе числа дѣвочекъ къ общему числу дѣтей возрасло въ теченіи года съ 28,9% (въ началѣ года) до 30,9% (въ концѣ года). Въ Горукпорскомъ округѣ уже нѣтъ этого рода преступленій, а въ Одѣ оно не имѣетъ общаго распространенія.

Нынѣ для индійцевъ закрытъ старый путь къ достиженію почестей и богатства—въ качествѣ княжескихъ любимцевъ, посредствомъ насилія и интригъ, а не посредствомъ энергической дѣятельности. «Если туземецъ и ненавидитъ что либо въ нашихъ государственныхъ учрежденіяхъ, такъ это необходимость работать равномѣрно, подобно часовому механизму. Нѣтъ никакой возможности, будучи сегодня обыкновеннымъ работникомъ, стать завтра во главѣ вооруженной толпы и сдѣлаться начальникомъ. Правда, каждый, съ талантомъ и прилежаніемъ, можетъ изъ уличнаго продавца предметовъ ежедневной необходимости возвыситься до милліонера, но отрѣзанъ путь къ королевской коронѣ и княжеской власти. Съ другой стороны, индійцамъ нравится въ нашихъ учрежденіяхъ то, что они дали ему могущественнаго властелина, который охраняетъ страну

отъ завоевателей, не терпитъ внутреннихъ раздоровъ, проявляетъ мягкость и признаетъ равноправность всѣхъ передъ закономъ».

Не такъ великъ переворотъ въ правахъ индійцевъ. Въ приморскихъ поселеніяхъ и окружающихъ мѣстностяхъ существующія уже лѣтъ 20 среднія и высшія школы производятъ свое дѣйствіе на характеръ молодаго поколѣнія, на его воззрѣнія и образъ мыслей; что же касается внутренности страны, то учебное вѣдомство пока не можетъ похвалиться большею энергіею. Честолюбія высшихъ классовъ все еще не удалось направить на новую, лучшую дорогу. Древняя Индія не имѣла понятія о личныхъ правахъ на землю; новоиспеченные землевладѣльцы или рентьеры, съ ихъ баснословными богатствами, далеко еще не сдѣлались такимъ мѣстнымъ дворянствомъ, которое бы служило народу примѣромъ, а правительству—опорою. Пропасть между европейцами и туземцами все еще слишкомъ велика, чтобы европейскіе чиновники, столь высоко стоящіе надъ туземцами по образованію, чувству собственнаго достоинства и благовоспитанности, могли служить имъ примѣромъ для подражанія.

Англійская законодательная власть построила на совершенно новыхъ началахъ какъ уголовный, такъ и гражданскій кодексъ, примѣнительно къ Индіи. Вообще говоря, въ новыхъ законахъ англійскія воззрѣнія и учрежденія были перенесены на Индію, хотя и встрѣчаются очень важныя уклоненія. Нѣкоторые законы опередили развитіе страны и на практикѣ сдѣлались посмѣшищемъ, или оказались даже вредными. Въ руки безсовѣстныхъ, ловкихъ ростовщиковъ, услуги которыхъ бѣдному человѣку столь же неизбѣжно необходимы, какъ услуги торговыхъ посредниковъ нашихъ крестьянамъ,—гражданскіе законы, съ ихъ сроками и т. п., даютъ въ руки страшное оружіе; если прежде мелкаго плательщика налоговъ раззоряла власть и притѣсненія, то теперь его имуществу угрожаетъ опасность со стороны закона и судьи; страсть къ сутяжничеству, благодаря новымъ законамъ, получила чрезвычайно сильный толчокъ къ своему развитію, а это оказываетъ тѣмъ большій вредъ, что индіецъ считаетъ дачу ложнаго показанія непредосудительнымъ источникомъ наживы.

Три прежнихъ президенства раздѣлены на провинціи, а эти, въ свою очередь, распадаются на соотвѣтственно большіе округа. Управленіе въ большей части государства, въ такъ называемыхъ неустроенныхъ провинціяхъ, всецѣло передано судьямъ первой инстанціи; въ Бенгаліи же и въ прочихъ устроенныхъ провинціяхъ стремились провести отдѣленіе судебной власти отъ административной столь же строго, какъ и въ Англіи. Однако, такое отдѣленіе не годится для азіятовъ, и въ настоящее время посредствующее звено для всего государства хотятъ найдти въ такомъ учрежденіи, которое бы соединяло въ себѣ обѣ власти — судебную и административную, но съ тѣмъ, чтобы судебная власть была ввѣрена однимъ членамъ учрежденія, а

административная — другимъ. Въ большихъ городахъ существуютъ управы, съ правомъ самообложенія податями и налогами и съ обязательствами по отношенію къ нѣкоторымъ общеполезнымъ учрежденіямъ; гласные этихъ управъ частью избираются горожанами, частью назначаются правительствомъ. За весьма немногими исключеніями, индійцы мало способны къ самоуправленію; поэтому интересно выждать—оправдается ли на дѣлѣ созывъ окружныхъ выборныхъ, работающихъ, съ ограниченнымъ кругомъ дѣйствій, въ Пенджабѣ уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Условія, при которыхъ въ древнее время сельскія общины проявляли дѣятельную жизнь и заправляли всѣмъ мѣстнымъ управленіемъ, нынѣ уже исчезли—съ признаніемъ права владѣнія за отдѣльными лицами; прежде-же граница обозначала владѣнія всей общины, а земли иногда подвергались новому передѣлу. Вмѣстѣ съ тѣмъ пытаются возстановить нѣкогда превосходную сельскую полицію. Въ управленіи налогами и податями сдѣланы большіе успѣхи противъ прежняго; но вмѣстѣ съ тѣмъ упразднены нѣкоторыя изъ учрежденій, дѣятельность которыхъ была очень полезна. Сравнительно съ нашими, прямые налоги на землю высоки, даже чрезмѣрны. Впрочемъ, жалобы на тягость податей не остаются безъ вниманія: и законодательство, и администрація стараются устранить ее тамъ, гдѣ она еще чувствуется. Короче сказать, какъ въ моральномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ Индія дѣлаетъ успѣхи—то медленные, едва замѣтные, то неожиданные и поразительно быстрые. Недавно въ «Times» трактовалось о различіи между индійскимъ и англійскимъ господствомъ; по мнѣнію англійской газеты, британское владычество справедливѣе, легче и благодѣтельнѣе, чѣмъ индійское; однако «Times» сознается, что жители предпочитаютъ индійское владычество англійскому. («Allgem. Zeitung», 8 сентября 1875.).

ГЛАВА XV.

Задняя Индія.

Полуостровъ Задней Индіи, называемый также «Золотымъ», по величинѣ меньше полуострова Передней Индіи и принадлежитъ къ числу наименѣе извѣстныхъ областей земнаго шара, особенно въ его сѣверныхъ частяхъ. Обширныя горныя страны тянутся отъ восточнаго конца Гималайской цѣпи—на западѣ, почти до Южнокитайскаго моря—на востокѣ, и по нимъ проходитъ граница между Срединнымъ государ-

ствомъ (Китаемъ) и индо-малайскими государствами на полуостровѣ Задней Индіи; впрочемъ, эта граница еще не вполнѣ установлена. Вырѣзы, заливы и полуострова придаютъ Задней Индіи гораздо большую расчлененность, сравнительно съ безобразной Передней Индіей; къ тому же первая протягивается къ югу далѣе второй, ибо она почти доходитъ до экватора (крайняя южная оконечность подъ 1° сѣв. шир.); сѣверный же край едва заходитъ за поворотный кругъ. Западные берега Задней Индіи омываются водами Бенгальскаго залива, который образуетъ здѣсь заливъ Пегу или Мартабанскій, и затѣмъ, позади Ардаманскихъ и Никобарскихъ острововъ, съуживается въ Малаккскій проливъ. Послѣдній отдѣляетъ большой остъ-индскій островъ Суматру отъ полуострова Малакки, образующаго языкообразный, направленный къ югу и юго-востоку, придатокъ Задней Индіи; нижняя часть его имѣетъ такое же направленіе, какъ и лежащій къ западу отъ него островъ Суматра. Съ востока полуостровъ Малакка, называемый также Малайскимъ, омывается Китайскимъ моремъ и его вѣтвью — глубокимъ Сіамскимъ заливомъ; за нимъ слѣдуетъ выдающійся, тупой полуостровъ Кохинхинскій, а къ сѣверу отъ послѣдняго заливъ Тонкинскій. Этотъ большой полуостровъ Задней Индіи раздѣленъ шестью меридіональными цѣпями на такое же число параллельныхъ продольныхъ долинъ; по каждой изъ нихъ съ сѣвера на югъ течетъ рѣка, изъ коихъ особенно тремя обусловливались государственныя и историческія событія. Такъ, по рѣкамъ Иравадди, Менамъ и Меконгъ уже съ давнихъ временъ существуютъ три большихъ государства: Пегу, Шанъ и Аннамъ, извѣстныя также подъ другими названіями: Бирманъ, Сіамъ и Кохинхина. Въ настоящее время они отчасти окружены съ запада владѣніями властвующаго на моряхъ Альбіона, которому именно принадлежатъ западные берега Задней Индіи, тогда какъ на востокѣ полуострова упрочилось французское вліяніе.

Область, обыкновенно называемая Бирмою или Бирманомъ (по проф. Адольфу Бастіану, только названіе Бирма и есть правильное, прочія же—Барма или Бурма—ошибочныя), раздѣляется на двѣ, рѣзко различающихся, части: на Нижній Бирманъ, нынѣ состоящій въ англійскомъ владѣніи, и на Верхній Бирманъ, или Аву, находящуюся пока подъ властью туземнаго монарха, который, однако, держится лишь по милости Англіи. Нижній или Британскій Бирманъ можетъ быть раздѣленъ на три части: Арраканъ, Ракангъ или Рошангъ, — узкая полоса, длиною около 480 километровъ, по Бенгальскому заливу, отдѣ-

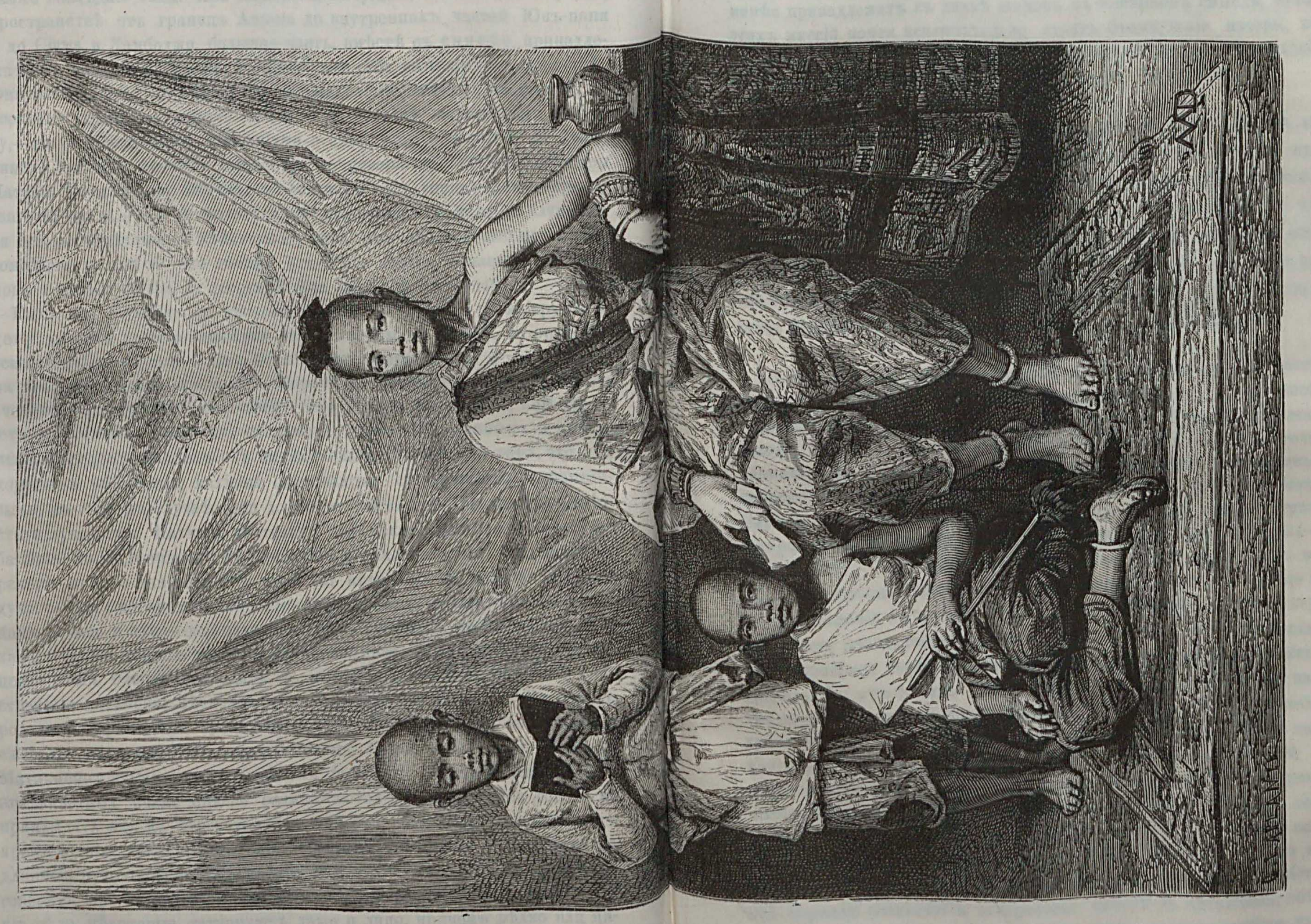
ляемая отъ государства Ава высокою цѣпью горъ; далѣе, Пегу, т. е. земля въ области дельты Иравадди, простирающаяся до Мартабанскаскаго залива; наконецъ, длинное узкое побережье—Тенассеримъ, тянущееся по Малайскому полуострову до перешейка Крау (Kraw). Жители бассейна Иравадди суть: въ области дельты—талаинги или пегуаны; далѣе позади ихъ — бирманы, а въ сѣверныхъ гористыхъ областяхъ — такъ называемыя племена шанъ, называемыя въ Сіамѣ лаосами и обитающія въ многочисленныхъ горныхъ странахъ и альпійскихъ долинахъ на сѣверѣ Золотаго полуострова и на югѣ Небесной имперіи. Подъ Сіамомъ мы разумѣемъ рѣчную область Менама, слѣдовательно — Сіамъ собственно, или Тай, и не малую часть лаосскихъ земель; кромѣ того, часть бывшей Камбоджи и среднюю часть полуострова Малакки. Эта страна не меньше Германіи; она тянется отъ сѣвера къ югу на протяженіи, которое равно разстоянію южной оконечности Италіи отъ шлезвигъ-ютландской границы. Значительно большая часть собственно Сіама состоитъ изъ низменности, орошаемой Менамомъ, его многочисленными притоками, развѣтвленіями и его соединительными рукавами. Это—величественная дельта, гдѣ мало по малу отлагался и отлагается рѣчной илъ, постоянно все далѣе и далѣе продвигающійся въ Сіамскій заливъ. Лежащій на сѣверѣ Лаосъ представляетъ, въ большей или меньшей степени, горную страну, которая, словно поясъ, тянется отъ Тонкинскаго залива къ Ассаму, по окраинамъ государствъ: Бирмана, Сіама, Аннама и Китая. Здѣсь живутъ народы, сами себя называющіе ловасами, откуда и образовалось европейское «лаосъ»; впрочемъ, подобно родственнымъ имъ сіамцамъ, они всего охотнѣе именуютъ себя «таями» (таи, Thai) — «великолѣпными». Бирманы называютъ ихъ «шанъ», откуда произошло имя Сіамъ, а китайцы зовутъ ихъ — «лолосами». По обѣимъ сторонамъ Менамской низменности уступообразно возвышаются лѣсистыя горы. Камбоджа, принадлежащая къ области Меконгъ, представляетъ изолированную долину, отчасти также живописную горную страну. Нижняя часть Камбоджи занята французами, а въ дельтѣ Меконга основана ими колонія Нижняя Кохинхина. Власть ихъ простирается также и на восточную половину Заднеиндійскаго полуострова, гдѣ въ настоящее время расположена Аннамская имперія — узкая полоса земли, которая, подобно Чили въ Южной Америкѣ, тянется почти по направленію съ сѣвера на югъ, между сопровождающими Меконгъ горами и берегами моря. Въ силу послѣднихъ договоровъ съ Франціею, эта имперія обратилась почти въ вассальное государство Франціи. Самую сѣверную, граничащую съ Китаемъ, часть Аннама образуетъ Тонкинъ, имѣющій важное значеніе и орошаемый рѣкою Гонгъ-кіангъ, или Сонгъкой, представляющею въ настоящее время единственный торговый путь внутрь Юнъ-наня.

Послѣ этой общей характеристики, разсмотримъ теперь, сколь возможно подробнѣе, Золотой полуостровъ, изслѣдованіемъ котораго мы всего болѣе обязаны берлинскому ученому, профессору д-ру Адольфу Бастіану. Для этой цѣли предпримемъ мысленно путешествіе съ сѣвера на югъ, принявъ за исходный пунктъ сѣверную горную страну, которая, строго говоря, начинается уже на восточномъ, т. е. лѣвомъ берегу Брамапутры.

Во всякомъ случаѣ, холмы Мишми можно считать крайнимъ западнымъ пунктомъ странъ Заднеиндійскаго полуострова. Они расположены въ углу между Дихонгомъ и Брамакундомъ, къ югу отъ котораго возвышается цѣпь Паткой; гребень ея обозначаетъ сѣверную границу Бирмана и вмѣстѣ съ тѣмъ водораздѣлъ двухъ бассейновъ—Брамапутры и Иравадди. Здѣсь живутъ сингпо или сингфу, поселенія которыхъ заходятъ далеко въ сѣверный Бирманъ. Мы находимся здѣсь въ бассейнѣ Иравадди, безспорно величайшей изъ рѣкъ Задней Индіи. Иравадди имѣетъ общее направленіе съ сѣвера на югъ и впадаетъ въ заливъ Пегу. Гдѣ лежатъ истоки ея—это до сихъ поръ не уяснено; пока же мы довольствуемся допущеніемъ, что Иравадди беретъ начало въ горахъ Хамти, къ востоку отъ цѣпи Паткой. Взявъ въ руки карту юго-восточной Азіи, мы увидимъ, что почти всѣ значительныя рѣки Заднеиндійскаго полуострова получаютъ начало въ этомъ сѣверномъ хребтѣ, который частью принадлежитъ южно-китайской провинціи Юнъ-нань. Слѣдуя съ запада на востокъ, мы прежде всего встрѣчаемъ Кіендвенъ, важнѣйшій притокъ Иравадди съ правой стороны, текущій долгое время параллельно главной рѣкѣ. Вблизи области его истоковъ лежитъ холмистая мѣстность Хукунгъ, отдѣляемая отъ долины Иравадди лишь цѣпью горъ. Параллельно Иравадди же, но еще болѣе къ востоку, течетъ Салуенъ или Салуинъ, впадающій близъ Мартабана и Маульмейна; истоки Салуена еще неизвѣстны. Подъ названіемъ Лу-Кіанга, онъ спускается съ горъ Лангтанъ-сигонга, или Гулонгъ-сигонга, на границѣ Юнъ-нания. Еще немного къ востоку— и мы вступаемъ въ долину Кіулунгъ-Кіанга, или Ланцанга, который болѣе извѣстенъ подъ именемъ Меконга или Камбоджи. Благодаря французской экспедиціи, съ Де-ла-Гре (de la Grée) во главѣ, мы въ настоящее время совершенно точно знаемъ теченіе этой длиннѣйшей изъ всѣхъ рѣкъ Задней Индіи; намъ извѣстно, что она протекаетъ по всему Юнъ-наню и беретъ начало въ восточномъ Тибетѣ. Лишь горный хребетъ отдѣляетъ долину Ланцанга отъ долины Кинша-Кіанга; Киншъ-Кянгъ — ни что иное, какъ исполинская рѣка Китая, Янъ-це-Кіангъ, или Голубая рѣка, которая протекаетъ по самой сѣверной части провинціи Юнъ-нань и мѣстами служитъ ей границею. Послѣдняя изъ направляющихся къ югу рѣкъ, берущихъ начало въ южно-китайской

возвышенной странѣ, есть Сонгъ-кой, впадающій въ Тонкинскій заливъ; торговое значеніе этого воднаго пути было признано лишь въ самые послѣдніе годы. Изъ народовъ, живущихъ на этомъ обширномъ пространствѣ отъ границъ Ассама до внутреннихъ частей Юнъ-наня и до Сіама и Камбоджи, большая часть, вмѣстѣ съ сингфу, принадлежитъ къ племенамъ шанъ, которыя сами себя называютъ таями (тай). Они распадаются на нѣсколько подраздѣленій, именно: на западѣ, по верхнему Иравадди, живутъ хамти, а на востокѣ, по верхнему Меконгу,—лаосы. Новѣйшими свѣдѣніями о сингфу мы обязаны Г. Л. Дженкинсу (Jenkins), который неоднократно совершалъ экскурсіи въ горы Паткой. Хотя сингфу номинально состоятъ подъ управленіемъ бирманскаго «вуна» или магонгскаго губернатора, но они ни мало не слушаются его распоряженій, а дѣйствуютъ, какъ имъ заблагоразсудится. Несомнѣнно только то, что сингфу отъ всего сердца ненавидятъ бирмановъ. (Journal of the R. geograph. Soc. 1871. S. 342—348).

Кахіены состоятъ въ тѣсномъ родствѣ съ сингфу; по маіору Сладену, кахіены даже совершенно тождественны съ сингфу, которые повсюду называютъ себя этимъ послѣднимъ именемъ, хотя и раздѣляются на множество мелкихъ племенъ. Впрочемъ, «сингфу» значитъ попросту «человѣкъ», какъ часто называютъ себя дикари. На востокѣ они обитаютъ до Момейна и повсюду считаются дикимъ, вѣроломнымъ и мятежнымъ народомъ. Сладенъ изъ личнаго опыта убѣдился въ томъ, что, при хорошемъ обращеніи, кахіены оказываются сговорчивыми и понятливыми; во всякомъ случаѣ, они до извѣстной степени не лишены хитрости и лукавства. Кахіены дѣятельно занимаются торговлею, падки на барыши, но гостепріимны въ отношеніи къ иностранцамъ. Что касается религіи ихъ, то она состоитъ лишь изъ вѣрованія въ добрыхъ и злыхъ духовъ (натъ), которымъ приносятся жертвы. Горы, долины, деревья, рѣки, даже солнце и луна—все находится подъ вліяніемъ этихъ натовъ. Кахіены усердно вѣрятъ также и въ привидѣнія. Шаны по одеждѣ и акценту очень близко подходятъ къ китайцамъ; у нихъ есть свои собственныя письмена, нѣсколько отличныя отъ бирманскихъ. Въ своихъ родныхъ горахъ они преимущественно занимаются скотоводствомъ, ежегодно въ декабрѣ и январѣ сгоняютъ большіе табуны лошадей въ Маульмейнъ и Рангунъ, съ успѣхомъ разводятъ также и слоновъ, ибо эти животныя очень хорошо размножаются въ неволѣ, если только не принуждать ихъ къ черезчуръ большой работѣ. Шаны приготовляютъ превосходныя стальныя издѣлія, особенно бирманскіе боевые ножи съ длинною рукояткою — такъ называемые «дахи» (dahs); сталь ихъ, какъ говорятъ, не уступаетъ всякой другой. Они расписываютъ себѣ почти все тѣло, нѣкоторые татуируютъ даже и лицо, причемъ рѣдко или никогда не употребляютъ красной краски, а лишь одну темно-синюю съ буроватымъ отливомъ. Шаны исповѣдуютъ буддизмъ; христіанскіе миссіонеры пока еще не появлялись среди нихъ. Но къ сѣверу отъ



Жители Камбоджи.

странъ, населенныхъ шанами, существуютъ католическія миссіи, дѣйствующія въ средѣ различныхъ племенъ, которыя живутъ между Тибетомъ, Юнъ-наномъ и Бирманомъ и, по всей вѣроятности, всѣ болѣе или менѣе принадлежатъ къ семьѣ шановъ въ обширномъ смыслѣ; во главѣ этихъ миссій почти исключительно стоятъ французскіе патеры, которымъ наука землевѣдѣнія глубоко обязана драгоцѣннѣйшими свѣдѣніями объ этомъ таинственномъ уголкѣ земли и его обитателяхъ.

Если мы по Иравадди спустимся къ югу, то тамъ увидимъ зародыши большаго государства, ибо эта рѣка — самая могучая въ областяхъ Задней Индіи, а ея плодородная долина хорошо отдѣлена меридіональными цѣпями на востокѣ и западѣ. Но развитію его здѣсь препятствуетъ вмѣшательство европейцевъ, именно англичане все болѣе и болѣе обрѣзывали Бирманское королевство. Въ настоящее время оно по величинѣ приблизительно равно Франціи и имѣетъ около $3^1/_2$, самое большее 4 милліоновъ жителей индо-малайскаго племени.

Бирманское государство состоитъ изъ трехъ различныхъ частей, а именно: изъ Бирмана собственно, между $23^1/_2$ и $18^1/_2°$ с. ш., населеннаго чистыми бирманами; затѣмъ—изъ сѣвернаго Бирмана, населеннаго сингфу, шанами и другими племенами; въ третьихъ — изъ восточныхъ данническихъ государствъ, населенныхъ шанами. Эти государства простираются отъ меридіональной цѣпи на восточной границѣ собственно Бирмана до рѣки Камбоджи или Меконга; однако, области шановъ, которыя должны быть причислены къ Бирману, лежатъ между 24—30° сѣв. ш. и 97 — 101° вост. дол. отъ Гр. Вассальная зависимость всѣхъ областей, лежащей вблизи столицы Мандалей, очень тяжела; по мѣрѣ же приближенія къ востоку она слабѣетъ. На сѣверо-востокѣ верховная власть находится въ рукахъ китайцевъ, такъ что трудно сказать, гдѣ начинается господство бирмановъ и гдѣ кончается господство китайцевъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ вся дань, представляемая каждые три года бирманскому двору, состоитъ лишь изъ небольшаго золотаго кубка, какого-нибудь серебрянаго цвѣтка съ кускомъ шелковой матеріи или парчи, пары башмаковъ, соли, чая и позолоченныхъ свѣчей; такіе подарки приносятся нѣкоторыми областями одинаково и Бирману, и Китаю. Въ каждой области достоинство «чауваба» (чабва) или леннаго короля наслѣдственно въ княжескомъ семействѣ; но всякій наслѣдникъ престола утверждается мандалейскимъ дворомъ; онъ же назначаетъ ему и ближайшаго преемника. Въ княжествахъ, чаувабствахъ, гдѣ бирманы раздѣляютъ сюзеренство вмѣстѣ съ китайцами, обѣ власти—китайская и бирманская — соглашаются насчетъ выбора наслѣдника престола; иногда же такое соглашеніе не достигается, и тогда на престолъ вступаютъ два лица, между которыми завязывается война.

Что касается образа правленія въ Бирманѣ, то тамъ царитъ полнѣйшая деспотія. Его «золотоногое» величество правитъ страною, какъ абсолютный король, предъ которымъ все должно преклоняться. Даже европейскіе послы обязаны снимать башмаки, когда они предстаютъ предъ лицо Золотоногаго; знакомъ королевскаго достоинства служитъ павлинъ. Послѣ короля, величайшимъ почетомъ въ Бирманѣ пользуется бѣлый слонъ, какъ и во всѣхъ странахъ Задней Индіи. Его слоновое сіятельство, какъ «вельможа государства», имѣетъ свой собственный дворецъ, своего министра двора, удѣльныя имѣнія въ самыхъ плодородныхъ хлопчатниковыхъ раіонахъ страны, четыре золотыхъ зонтика и придворный штатъ изъ 30 человѣкъ. Впрочемъ, понятіе «бѣлый слонъ» очень растяжимо, ибо бѣлымъ можетъ быть названо даже очень смуглое животное, если только оно имѣетъ свѣтлыя пятна позади ушей, на лбу или на хоботѣ.

Бирманы исповѣдуютъ буддизмъ, который, вообще говоря, у нихъ сохранился въ большей чистотѣ, чѣмъ гдѣ-либо: въ него не проникло ученіе о богахъ-хранителяхъ, а монастырскіе обѣты бѣдности и цѣломудрія нарушаются менѣе, чѣмъ гдѣ-либо. У нихъ существуетъ вполнѣ національная система воспитанія; именно: законъ обязываетъ всѣхъ дѣтей въ теченіи трехъ лѣтъ жить въ «кейунгѣ» или въ храмовомъ домѣ, гдѣ они прислуживаютъ жрецамъ, или «пунгіямъ», причемъ послѣдніе обучаютъ ихъ письму, чтенію, правиламъ ариѳметики и богословію, такъ что всѣ бирманскія дѣти умѣютъ читать и писать. Замѣчательно также свободное положеніе женщинъ въ Бирманѣ; она принимаетъ участіе во всѣхъ дѣлахъ повседневной жизни, пользуется совершенно одинаковыми правами съ мужчиною. Въ отношеніи характера бирманы представляютъ большое сходство съ китайцами; они остроумны и предпріимчивы, хотя лѣнивы, и обладаютъ большимъ духомъ независимости и умомъ. Будучи свободны отъ кастоваго духа и племенныхъ предразсудковъ, они охотно признаютъ превосходство европейцевъ и чрезвычайно готовы поучиться у нихъ. Необыкновенно терпимые или индифферентные къ другимъ религіознымъ убѣжденіямъ, бирманы, однако, крѣпко держатся своей вѣры и недоступны для пропаганды. Правда, ихъ жрецы ведутъ длинные диспуты съ миссіонерами, но они считаютъ свои священныя книги столь же древними и столь же неопровержимо истинными, какъ миссіонеры—свои, христіанскія, и требуютъ, для убѣжденія въ противномъ, математическихъ доказательствъ, которыхъ, само собою разумѣется, христіане-миссіонеры представить имъ не могутъ.

Всѣ важные пункты государства, конечно, лежатъ въ долинѣ Иравадди, отличающейся ландшафтными красотами и большимъ плодородіемъ. Здѣсь же возвышается нынѣшняя столица Мандалей. Бирманы неоднократно переносили столицу изъ одного мѣста въ другое, отчасти вслѣдствіе революцій или перемѣны династій, отчасти же изъ суевѣрій или по ка-

призу королей. Такъ, съ 1364 года столицею была Ава; около 1740 года она перенесена въ Мучобъ, а въ 1782 году — въ Амерапуру; въ 1819 году Аву снова сдѣлали столицею; въ 1837 г. она опять была перенесена въ Амерапуру; наконецъ, въ 1857 году—въ Мандалей, гдѣ она находится и по настоящее время. Этотъ городъ расположенъ лишь въ нѣсколькихъ километрахъ выше Амерапуры, также на Иравадди и на томъ же самомъ берегу ея. Дома вдоль берега и въ предмѣстьяхъ Мандалея выстроены по обычному бирманскому типу: хрупкія строенія изъ цыновокъ и бамбука, стоящія на деревянныхъ сваяхъ, вбитыхъ въ илъ. Эти дома малыхъ размѣровъ и отнюдь не имѣютъ красиваго вида; они построены скученно, что̀, при легкой воспламеняемости употребляемаго матеріала, дѣлаетъ пожаръ страшно опаснымъ. На главныхъ улицахъ большая часть домовъ выстроена изъ кирпича; но часто кирпичи лишь прибиваются гвоздями къ деревянному основанію. Китайскія лавки, нерѣдко двухъ-этажныя, представляютъ красивый видъ; китайцы по большей части живутъ въ предмѣстьяхъ и южныхъ частяхъ города и держатъ въ своихъ рукахъ почти всю торговлю Мандалея. Число европейцевъ въ этой столицѣ въ 1871 году было не больше 14. Повсюду встрѣчаются пагоды, храмы и «кейунги» (школы или монастыри). Городъ окруженъ очень толстою стѣною изъ рыхлаго кирпича и рвомъ, черезъ который переброшенъ очень незатѣйливый мостъ.

Нынѣшній Британскій Бирманъ, прежде составлявшій владѣніе бирманскаго короля, перешелъ къ англичанамъ, которые съ теченіемъ времени мало-по-малу оттягивали у него одинъ клочекъ территоріи за другимъ. Британскій Бирманъ въ настоящее время входитъ въ составъ Бенгальскаго президентства, въ Передней Индіи, и распадается на 4 провинціи: Читтагонгъ, Арраканъ—поморье къ востоку отъ дельты Ганга, Пегу и Тенассеримъ, которыя въ совокупности имѣютъ 243,000 квадр. километровъ и 2.400,000 жителей.

При разсматриваніи съ береговъ моря, Арраканъ представляется чрезвычайно дикою и вмѣстѣ съ тѣмъ живописною областью. Высокія горы, одѣтыя мрачными, величественными лѣсами до самыхъ вершинъ, поднимаются на равнинахъ въ видѣ послѣдовательнаго ряда цѣпей, до высоты 1200—1500 метровъ. Равнины имѣютъ очень незначительное протяженіе и большею частью ограничены выступами низкихъ горныхъ цѣпей или поясами густыхъ лѣсовъ, которые въ непосредственной близи озера состоятъ изъ манговыхъ деревьевъ. Низины перерѣзаны безчисленными ручьями, низвергающимися съ горъ; весенніе разливы затопляютъ цѣлыя полосы; эти затопленныя пространства, вмѣстѣ съ множествомъ заливовъ моря, создаютъ лабиринтъ средиземныхъ водъ который все еще очень недостаточно изслѣдованъ. Эти воды служатъ

путями быстраго сообщенія между деревнями. Почва, вообще говоря, очень плодородна, но климатъ чрезвычайно вреденъ для европейцевъ. На очень изгложенныхъ мѣстами берегахъ моря, предъ которыми лежитъ гряда острововъ, условія благопріятнѣе. Поэтому на берегахъ мы встрѣчаемъ важнѣйшіе пункты страны: Сандовей, Намри и Акіабъ; эти пункты, вмѣстѣ съ лежащимъ внутри страны Арраканомъ, суть единственныя мѣста, заслуживающія названія городовъ. Вдоль береговъ и на островахъ найдены грязовые вулканы, и вообще въ этой полосѣ бываютъ землетрясенія. Фауна, вообще говоря, сходна съ индійскою. О минеральныхъ богатствахъ страны еще мало знаютъ; впрочемъ, извѣстны желѣзныя руды, очень хорошіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ бѣдные, нефтяные источники, наконецъ — превосходныя каменноугольныя залежи. Громадные дубовые и тековые лѣса одѣваютъ горы; холмы же покрыты всѣми видами бамбука. Низменныя мѣстности чрезвычайно пригодны для культуры риса; кромѣ него, главнымъ образомъ воздѣлываютъ: табакъ, сахарный тростникъ, индиго и перецъ; на берегахъ моря получаютъ превосходную соль посредствомъ выпариванія. Рисъ и соль— главные предметы отпуска; кромѣ того, вывозятся: табакъ, сахаръ, особое деревянное масло, орѣхи бетеля, буйволовыя шкуры и рога, слоновая кость, сушеная рыба и ласточкины гнѣзда. Полученіе масла изъ дерева «гирдшумъ» представляетъ своеобразную промышленность. Населеніе состоитъ изъ потомковъ бенгаловъ, индостанцевъ магометанскаго исповѣданія, каяновъ, бирмановъ и муговъ или арракановъ; послѣдніе считаются истинными туземцами и составляютъ болѣе половины всего населенія. Муги и бирманы очень похожи другъ на друга и, повидимому, принадлежатъ къ одному племени; у нихъ широкое индо-малайское лицо; роста они маленькаго, но коренастые и сильные, говорятъ на односложномъ языкѣ съ особою выразительностью и обильною жестикуляціею. Бирманы же вообще свѣтлѣе, сильнѣе и отличаются чрезвычайно искусною татуировкою. Каяны—грубое по внѣшности, но добродушное горское племя; они живутъ большею частью дичью, убиваемою отравленными стрѣлами; подобно китайцамъ, весьма любятъ собачье мясо и, быть можетъ, суть аборигены страны.

Пегу обнимаетъ область нижняго Иравадди, который здѣсь образуетъ сильно развѣтвленную дельту. Послѣдняя, по своему характеру, напоминаетъ дельту Ганга: почва низменная, песчаная, иловатая, а въ дождливое время года подверженная опустошительнымъ наводненіямъ. Здѣсь лежитъ главный городъ Британскаго Бирмана, Рангунъ (т. е. «городъ побѣды») со 100,000 жителей — бирмановъ, китайцевъ и индусовъ. На западѣ дельты расположенъ городъ Басейнъ (25,000 жижелей), важный по торговлѣ рисомъ.

Изъ четырехъ главныхъ народностей Бирмана, т. е. собственно бирмановъ, талаинговъ, кареновъ и шановъ, три первыя живутъ смѣшанно въ Пегу. Талаинги или моны—туземное племя, или древнѣйшіе пере-

селенцы въ Пегу; впрочемъ, нынѣ они встрѣчаются лишь къ востоку и западу отъ дельты Иравадди, въ Мартабанѣ и Тенассеримѣ. Талаинги мало отличаются отъ бирмановъ, и такъ какъ они носятъ одинаковую съ ними одежду, то ихъ можно смѣшать съ бирманами. Вообще они свѣтлѣе послѣднихъ и имѣютъ болѣе тонкія черты лица и небольшую бороду; но по акценту талаинги отличаются отъ бирмановъ, именно: въ бирманскомъ языкѣ нѣтъ буквы *р*, тогда какъ языкъ талаинговъ богатъ ею. Обѣ эти народности живутъ до того смѣшанно, а браки между ними столь часты, что, быть можетъ, не далеко время, когда бирманское племя сдѣлается господствующимъ. («Zeitschrift d. Ges. f. Erdk. zu Berlin», 1874 года).

Провинціи Тенассерима образуютъ узкую полосу земли по западному берегу полуострова Малакки, между 11 и 20° с. ш.; длина этого побережья равна 1000, а ширина — едва 200 километрамъ; съ запада Тенассеримъ омывается Бенгальскимъ заливомъ, съ востока ограниченъ высокими горами, прорѣзывающими полуостровъ въ продольномъ направленіи и образующими границу между Британскою областью и Сіамскимъ королевствомъ. На сѣверѣ рѣкою Салуеномъ онѣ отдѣляются отъ Бирмана, къ которому и принадлежали до войны. На высокомъ водораздѣлѣ между заливами Бенгальскимъ и Сіамскимъ беретъ начало невѣроятное множество рѣкъ; онѣ прорываютъ боковыя цѣпи, идущія параллельно главнымъ горамъ, послѣ короткаго, но стремительнаго теченія вливаются въ Бенгальскій заливъ и во время муссона часто обращаются въ разрушительные потоки. Важнѣйшая изъ нихъ есть величественный Мартабанъ, или Маульмейнъ, образующійся отъ сліянія трехъ судоходныхъ рѣкъ: Аттарана, Гайне и Салуена. При его впаденіи расположены оба города: Мартабанъ и Маульмейнъ (70,000 жителей), которые, вмѣстѣ съ Акіабомъ, Басейномъ и Рангуномъ, принадлежатъ къ четыремъ «рисовымъ портамъ» Задней Индіи. Предъ берегами лежитъ скалистый архипелагъ Мергуй, прежде главная стоянка малайскихъ пиратовъ; нынѣ на немъ живутъ въ небольшомъ числѣ кочующіе, дикіе селонги. Внутри Тенассерима обитаютъ въ чрезвычайной изолированности карены. Такъ какъ прежніе завоеватели страны, бирманы, обращались съ каренами презрительно, то они, по возможности, избѣгаютъ всякаго общенія съ ними; лишь немногіе изъ нихъ посѣщаютъ города для пріобрѣтенія необходимыхъ снарядовъ путемъ обмѣна. Карены живутъ маленькими обществами изъ 10—15 семей, разбивая свои жилища вблизи какого-нибудь ручья въ лѣсу на возвышенности, поджигаютъ подлѣсокъ, пламя котораго обугливаетъ также вѣтви и стволы высокихъ деревъ, и затѣмъ воздѣлываютъ на находящейся подъ деревьями почвѣ, смѣшанной съ золою, рисъ, бананы, огурцы, бетель и бататы. Этихъ растеній, вмѣстѣ съ птицею и добычею охоты, достаточно для удовлетворенія ихъ потребностей. Хлопчатникъ доставляетъ каренамъ матеріалъ для одежды, кото-

рая лучше скрываетъ ихъ тѣло, нежели одежда бирмановъ. Они отличаются менѣе сильнымъ тѣлосложеніемъ, скулы у нихъ менѣе выдаются, глаза не такъ косо прорѣзаны, а цвѣтъ кожи свѣтлѣе—вродѣ того, какой у европейцевъ южныхъ странъ. Поразительны на крашенныя щеки и чревычайно легкій румянецъ у дѣвушекъ. Такъ какъ скудно развитый языкъ кареновъ не имѣетъ письменъ, и такъ какъ карены лишены всякаго образованія, то у нихъ вовсе не существуетъ высшихъ религіозныхъ понятій. Видя въ окружающихъ ихъ могучихъ явленіяхъ природы проявленіе силъ, которыхъ они объяснить не въ состояніи, они приписываютъ ихъ «натамъ», т. е. добрымъ или злымъ духамъ. На вопросъ объ отвлеченныхъ понятіяхъ, напр. на вопросъ о представленіяхъ относительно загробной жизни, которыя существуютъ у всѣхъ нецивилизованныхъ народовъ, они отвѣчаютъ: «объ этомъ мы ничего не знаемъ; мы даже не думаемъ о томъ; намъ извѣстно только, что мы явились на свѣтъ и снова должны покинуть его, а такъ какъ на свѣтѣ хорошо, то и послѣ смерти будетъ то же хорошо».

Изъ Бирмана и бассейна Иравадди отправимся на востокъ, въ область Менама, «матери водъ»; бассейнъ этой рѣки обнимаетъ королевство Тай или Сіамское. На пространствѣ 800,340 квадр. километровъ въ Сіамскомъ королевствѣ живетъ около 6,300,000 душъ; изъ этого числа 2,600,000—въ Сіамѣ собственно; столько же приходится на внутреннія части — страну Лаосъ, 500,000—на Камбоджу и 600,000—малайцевъ на полуостровъ Малакку. Но какъ бы ни измѣнялись эти числа, за вѣрность которыхъ мы поручиться не можемъ, самое населеніе все-таки представляетъ большую пестроту; именно въ отношеніи происхожденія оно распредѣляется такъ: два милліона собственно сіамцевъ, одинъ милліонъ китайцевъ, одинъ милліонъ малайцевъ и одинъ милліонъ лаосовъ. Господствующая религія—буддизмъ. Каждая изъ названныхъ народностей имѣетъ свои особенные нравы и обычаи, и хотя большая часть ихъ принадлежитъ къ семьѣ монгольскихъ народовъ, однако каждая изъ нихъ представляетъ особой типъ.

Сіамцы характеризуются тупымъ носомъ и выдающимися скулами; глаза имѣетъ тусклое выраженіе и лишены ума; ротъ широкій, губы всегда окрашены бетелемъ въ красный цвѣтъ; зубы черные, какъ эбеновое дерево; носовыя крылья широкія. Сіамцы стригутъ волосы на головѣ, оставляя на темени лишь одинъ пучекъ ихъ. Волосы у нихъ черные и жесткіе; у женщинъ, которыя также имѣютъ подобный хохолъ, они нѣжнѣе и пользуются тщательнымъ уходомъ. Красивыми можно назвать только дѣтей. Къ сожалѣнію, со вступленіемъ въ юношескій возрастъ, привлекательность ихъ исчезаетъ; въ особенности дѣвушки рано ста-

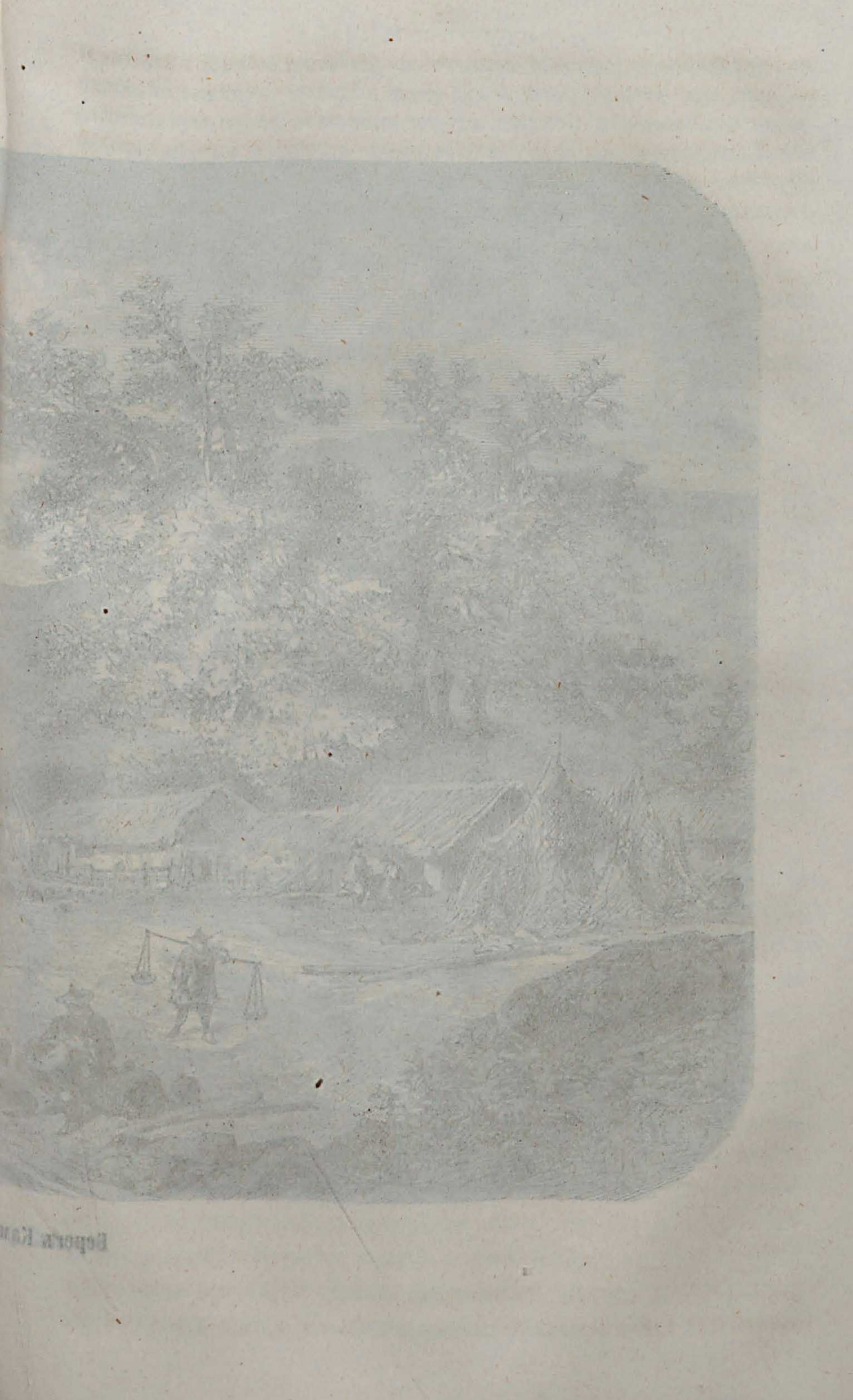
рѣются и становятся тогда положительно безобразными. По мнѣнію же Mouhot (Travels in the central parts of Indochina [Siam], Cambodja, and Laos, during the years 1858, 1859 и 1860. London. 1864. 8°. 2 vol.), сіамскія женщины много красивѣе мужчинъ, а молоденькія дѣвушки, въ возрастѣ отъ 12 до 20 лѣтъ, могли бы служитъ живыми моделями нашимъ скульпторамъ. По наблюденіямъ густава Списа (Die preussische Expedition nach Ostasiens 1860—1862. Berlin und Leipzig. 1864. 8°) и Франка Винсента (The Land of the white Elephant: a personal narrative of travel and adventure in Burmia, Siam, Cambodja and Cochinchina. London. 1873. 8°), женщинъ почти нельзя отличить отъ мужчинъ—до того онѣ похожи на нихъ по внѣшности. Мужчины и женщины обвертываютъ вокругъ бедръ кусокъ матеріи—цвѣтную, шелковую или бумажную «лангути», которая завязывается между ногами. Верхнимъ платьемъ, смотря по времени года, служитъ куртка или кусокъ матеріи. Курточки носятъ въ особенности женщины, или же онѣ набрасываютъ поперегъ груди кусокъ ткани. Взрослые люди, даже женщины, не носятъ никакихъ украшеній—ни колецъ, ни цѣпочекъ, ни серегъ; за то тѣмъ обильнѣе убираютъ ими состоятельные люди своихъ дѣтей, которыя на голомъ тѣлѣ носятъ золотыя и серебряныя пряжки и тому подобныя драгоцѣнности. Кромѣ жеванія бетеля, въ большомъ ходу также куреніе табака,—почти каждый мужчина носитъ за ухомъ сигару. Пища главнымъ образомъ состоитъ изъ риса, рыбы, овощей, плодовъ, лука, а также навара изъ перца и пряностей. Къ плодамъ относятъ также и дуріанъ.

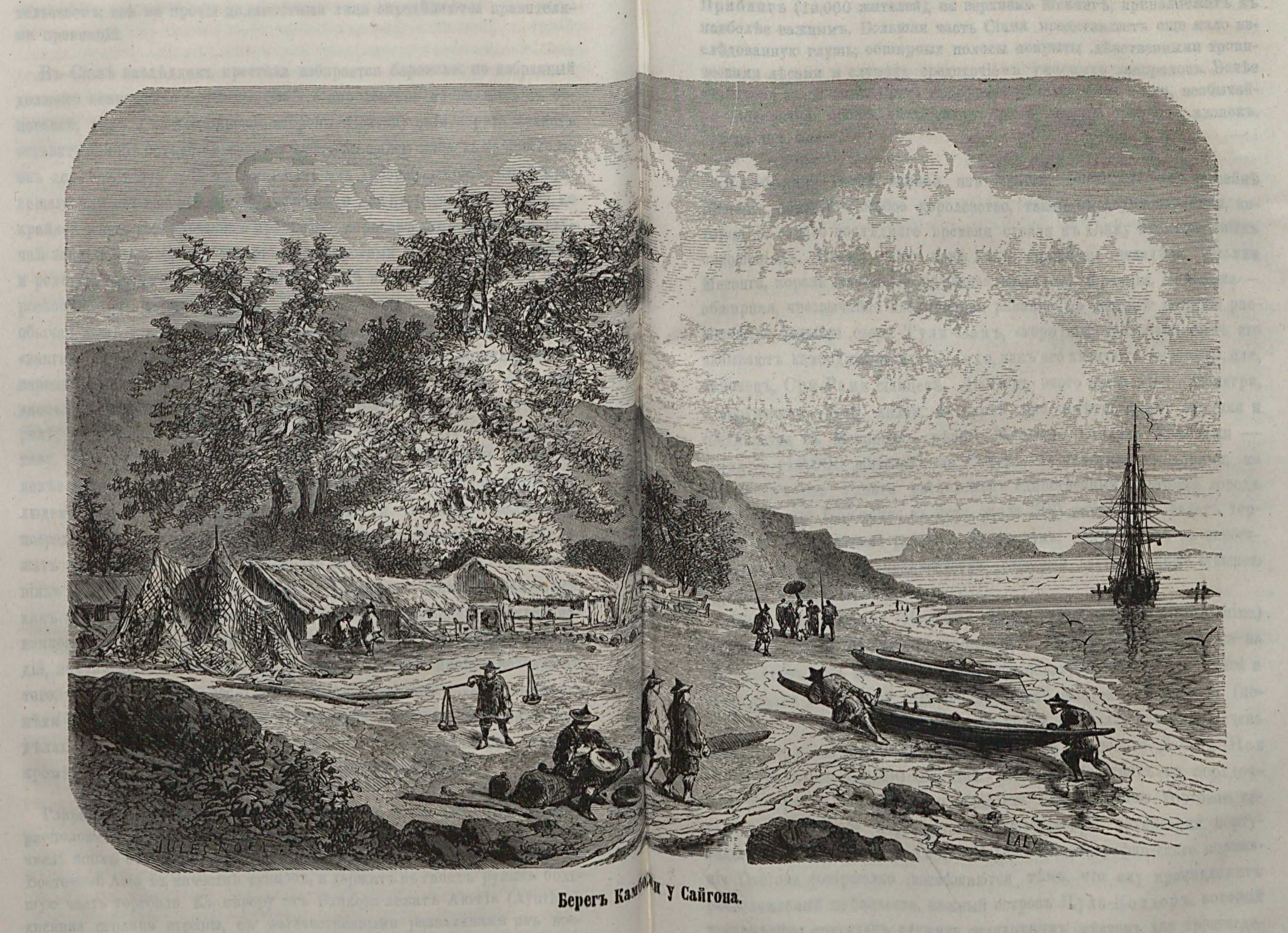
Сѣверный Сіамъ — родина лаосскихъ народовъ, которые также причисляются къ такъ называемой монгольской группѣ. Лаосы, вообще говоря, отнюдь не воинственный народъ; они послужили главнымъ этнографическимъ элементомъ въ числѣ другихъ, изъ которыхъ сложились нынѣшніе сіамцы; отъ нихъ они такъ мало отличаются въ отношеніи языка, что оба народа понимаютъ другъ друга безъ всякаго затрудненія. Область лаосовъ, нынѣ подчиненныхъ Сіаму, раздѣлена на большое число провинцій, правители которыхъ назначаются сіамскимъ дворомъ. Послѣдній держится разумнаго обыкновенія—опредѣлять на губернаторскія должности лаосскихъ предводителей изъ выдающихся фамилій, предоставляя королевскій титулъ тѣмъ изъ нихъ, которые принадлежатъ къ княжеской крови. Земское собраніе или мѣстный сеймъ имѣетъ въ Лаосѣ, въ общихъ чертахъ, такую же организацію, какъ въ Сіамѣ и Камбоджѣ. Если правитель провинціи носитъ титулъ короля, то онъ называется «кіао-мунгъ», т. е. властитель мунга; за нимъ слѣдуютъ три важныхъ сановника: «опалатъ», имѣющій къ первому такое же отношеніе, какъ второй король въ Сіамѣ къ первому королю, затѣмъ — «латсвонгъ» и, наконецъ, «латсбутъ». На эти должности также назначаются лица княжеской крови, и притомъ тоже сіамскимъ прави-

тельствомъ; всѣ же прочія должностныя лица опредѣляются правителями провинцій.

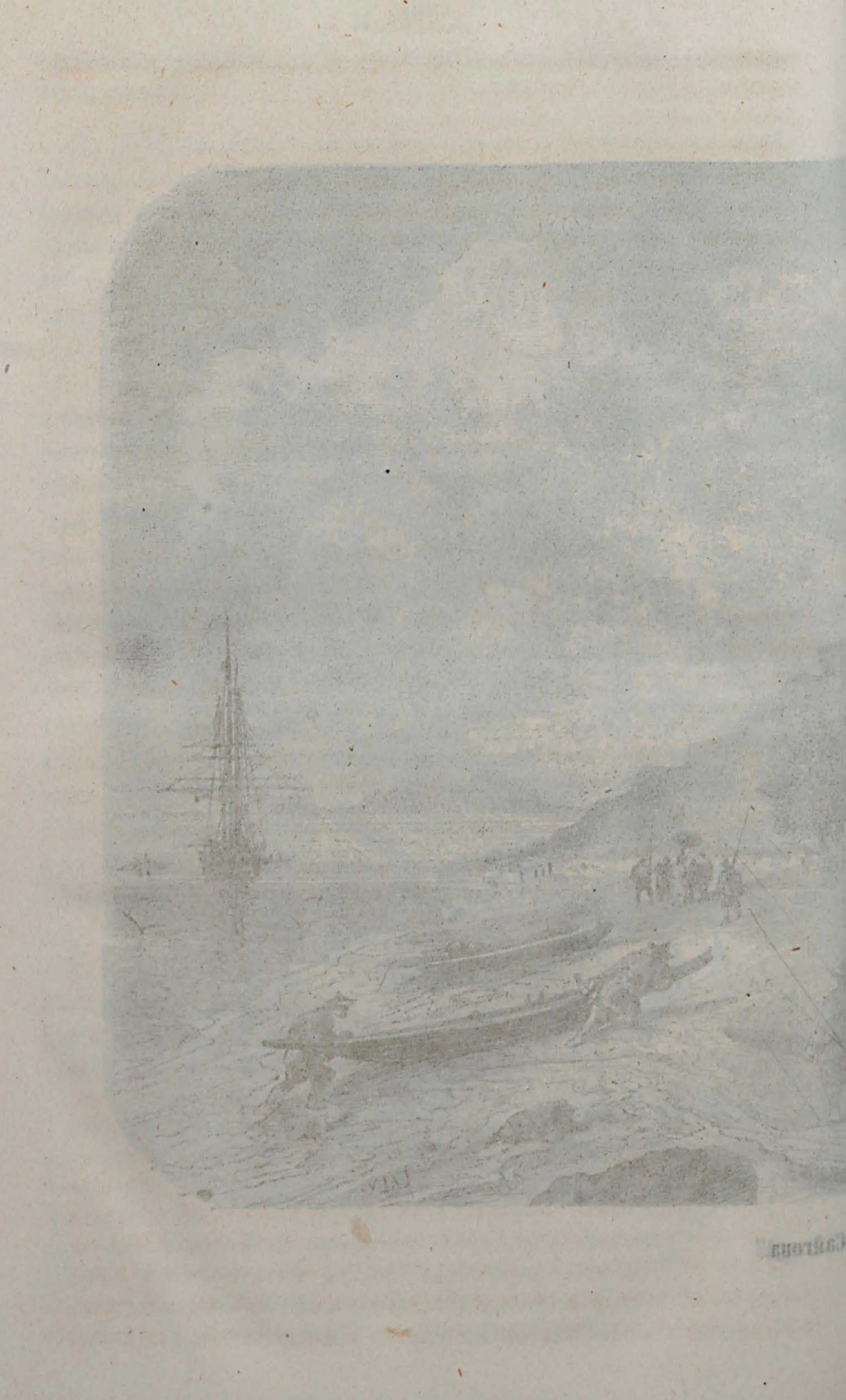
Въ Сіамѣ наслѣдникъ престола избирается баронами; но избранный долженъ непремѣнно быть «хао-фа», т. е. королевской крови, какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны. Поэтому если король желаетъ оставить по себѣ потомство, которое имѣло бы шансы попасть на престолъ, онъ долженъ взять себѣ въ жены одну изъ дочерей втораго, нынѣ правящаго, или изъ дочерей прежняго (перваго или втораго) короля, или, по крайней мѣрѣ, изъ лаосскихъ принцессъ; впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ законность избранія оспаривается строгими законовѣдами. Сіамцы и родственныя имъ племена—единственный народъ, допускающій себѣ роскошь имѣть двухъ королей. Впрочемъ, этотъ старинный сіамскій обычай нынѣ утратилъ всякое значеніе; второй король, носящій титулъ «вангна», обыкновенно избираемый изъ ближайшихъ родственниковъ перваго короля, живетъ спокойно въ своемъ дворцѣ и вовсе не утруждаетъ себя государственными дѣлами. Поэтому если рѣчь идетъ о королѣ, то всегда подразумѣвается первый король. По отношенію къ нему, всѣ подданные—ни болѣе какъ крѣпостные или рабы. Тѣмъ не менѣе существуютъ значительныя различія между простанородьемъ или людьми мѣченными, которымъ на сгибѣ кисти ставится особый знакъ посредствомъ татуировки, и немѣченными; къ послѣднимъ принадлежатъ благородные, а также чиновники съ ихъ семействами. Въ сословіяхъ ремесленниковъ сынъ долженъ заниматься тѣмъ же ремесломъ, какъ и его отецъ. Во время войны существуетъ всеобщая воинская повинность; въ мирное же время войско набирается изъ рабочихъ гильдій, подчиненныхъ военному министерству. Нельзя пройти молчаніемъ того, что за послѣднее десятилѣтіе Сіамъ сдѣлалъ очень большіе успѣхи въ отношеніи культуры и добровольно допустилъ въ своихъ предѣлахъ европейское вліяніе. Буддизмъ — государственная религія; кромѣ того, безпрепятственно проповѣдуется христіанство.

Главный городъ и резиденція Сіама — Банкокъ, «Венеція Востока», расположенъ на могучемъ Менамѣ, съ 400,000 — 500,000 жителей, въ числѣ коихъ половина китайцевъ, которые распространены повсюду въ Восточной Азіи, въ качествѣ купцовъ, и держатъ въ своихъ рукахъ большую часть торговли. Къ сѣверу отъ Банкока лежатъ Аютіа (Ayuthia), древняя столица страны, съ величественными развалинами изъ временъ прошлаго. На сѣверѣ государства расположено лишь немного значительныхъ пунктовъ, причемъ ведущій съ Китаемъ торговлю Луангъ-





Берегъ Камбоджи у Сайгона.



Прабангъ (12,000 жителей), на верхнемъ Меконгѣ, принадлежитъ къ наиболѣе важнымъ. Большая часть Сіама представляетъ еще мало изслѣдованную глушь; обширныя полосы покрыты дѣвственными тропическими лѣсами и служатъ средоточіемъ ужасныхъ лихорадокъ. Болѣе извѣстная намъ часть Сіама прорѣзана рѣками и каналами, необычайно плодородна, производитъ сахаръ, рисъ, индиго, кукурузу, хлопокъ, перецъ и т. под.

Камбоджа, самая южная изъ частей, лежащихъ въ бассейнѣ Меконга, образуетъ особое королевство, также съ двумя королями, которые до самаго послѣдняго времени стояли къ Сіаму въ вассальныхъ отношеніяхъ. Но съ тѣхъ поръ какъ французы овладѣли устьями Меконга, король Камбоджи сдѣлался вассаломъ Франціи. Камбоджа—обширная, чрезвычайно плодородная равнина, на востокѣ которой расположено большое озеро Тули-Сапъ, «море прѣсной воды», какъ его называютъ камбоджійцы, или Біенхо, какъ его именуютъ аннамиты, или, наконецъ, Сри-Рама сіамцевъ. Діаметръ этого озера 192 километра, а окружность—640 килом.; на картѣ оно имѣетъ форму скрипки и соединяется съ Меконгомъ рѣкою Мезапъ. Столица Камбоджи — Удонгъ (12,000 жителей), на Семумѣ, съ бамбуковыми домами; на юго-западъ отъ Удонга расположенъ единственный портовый городъ Компутъ или Кампотъ; въ немъ около 300 домовъ; онъ ведетъ торговлю преимущественно рисомъ, гуммигутомъ, получаемымъ въ окрестностяхъ, небольшимъ количествомъ слоновой кости, а также сушеною рыбою и лѣсомъ.

Французская колонія Нижняя Кохинхина (Basse Cochinchine) обнимаетъ шесть провинцій, отобранныхъ у Аннама, и раздѣляется на 17 округовъ. Въ настоящее время она образуетъ однородное цѣлое и управляется на военный ладъ французскимъ флотомъ. Сайгонъ (по-аннамски Гіа-динъ), который французы сдѣлали столицею, очень живописно и выгодно расположенъ на берегу широкаго Донгъ-Ная и имѣетъ около 50,000 жителей. Хотя онъ отстоитъ на порядочное разстояніе отъ моря, но обладаетъ первоклассною торговою гаванью, объявленною портофранко и посѣщаемую китайскими, португальскими и другими кораблями. Неудобства географическаго положенія Сайгона совершенно возмѣщаются тѣмъ, что ему принадлежитъ расположенный по близости, важный островъ Пуло-Кондоръ, который чрезвычайно пригоденъ служить складочнымъ мѣстомъ для произведеній сосѣднихъ земель. По оффиціальнымъ даннымъ., число жителей въ

Нижней Кохинхинѣ равно 1.267,566 душъ, изъ коихъ 1.100,000 аннамитовъ.

Соотвѣтственно тропическому положенію этой болотистой, низменной страны, климатъ ея чрезвычайно знойный; при этомъ, однако, круглый годъ,—и днемъ, и ночью—господствуетъ необыкновенно сильная влажность. Она то и есть причина большаго плодородія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и источникъ многихъ болѣзней: крововаго поноса и тифозныхъ горячекъ. Не слѣдуетъ подвергать себя дѣйствію прямыхъ солнечныхъ лучей, ибо солнечный ударъ, въ большинствѣ случаевъ, имѣетъ роковой исходъ; холера—мѣстная болѣзнь, но она не причиняетъ значительныхъ опустошеній.

Камбоджа и Нижняя Кохинхина прежде входили въ составъ Аннамской имперіи, занимающій нынѣ восточную часть Золотаго полуострова, между Меконгомъ и моремъ. Въ своемъ настоящемъ объемѣ эта имперія, внутренность коей еще совершенно не изслѣдована и извѣстна лишь по скуднымъ извѣстіямъ смѣлыхъ католическихъ миссіонеровъ, раздѣляется на три части: 1) Тонкинъ или Дангъ-гной, внѣшняя провинція, названная такъ въ отличіе отъ 2) Кохинхины собственно, или Дангъ-конгъ—внутренней провинціи; 3) Ціампа или Чампа—на югѣ. Сюда-же принадлежитъ еще область моевъ и лаосскихъ племенъ, подчиненныхъ Аннаму. Общее число жителей имперіи опредѣляется въ 9 милліоновъ.

Собственно Аннамъ или Дангъ-тронгъ,—полоса земли, шириною отъ 16 до 32 километровъ,—тянется отъ 12° с. ш., гдѣ она граничитъ съ Ціампою, до южной границы Тонкина; на западѣ она окружена голыми горами, покрытыми лишь скудною растительностью, и на 15 километровъ внутрь страны представляетъ совершенную пустыню. Пройдя по этой мѣстности, путешественникъ подходитъ къ высокимъ горамъ, почти вовсе неизслѣдованнымъ. Главный городъ Гюе (Hue), лежащій при морѣ, какъ говорятъ, имѣетъ 50,000—100,000 жителей и сильно укрѣпленъ превосходными внѣшними и внутренними верками, благодаря французскимъ инженерамъ; въ немъ, кромѣ того, имѣются превосходные склады и арсеналы. Городскія стѣны въ 20 метровъ вышины, а крѣпостной ровъ — въ 30 метровъ ширины. Благодаря этимъ укрѣпленіямъ и вооруженію, Гюе считался значительнѣйшею крѣпостью Азіи. Военные корабли строятся тамъ ежегодно, частью по европейскому образцу, частью же представляютъ сочетаніе европейскихъ и азіятскихъ формъ. Король живетъ въ обширномъ и укрѣпленномъ дворцѣ.

Область Мой тянется между Камбоджею и Аннамомъ, отъ 10° 40′ до 16° с. ш. Она населена моями; именемъ «мой» аннамиты называютъ всѣ многочисленныя горскія племена, имѣющія различные нравы и говорящія на разныхъ нарѣчіяхъ; сіамцы именуютъ ихъ «хасами» (Khas). Область лаосовъ, подчиненныхъ аннамскому императору, лежитъ къ сѣверу отъ Камбоджи и Меконга. Она имѣетъ отъ 32 до 40 километровъ ширины; на югѣ и западѣ расположено много городовъ, но на востокѣ страна пустынна. По равнинѣ на сѣверѣ проходятъ двѣ горныя цѣпи; рѣки ея — ни что иное, какъ горные потоки. Всѣ описанія согласно изображаютъ страну въ очень цвѣтущемъ состояніи; она населена зажиточнымъ народомъ, управляемымъ патріархально начальниками. Лаосы занимаются земледѣліемъ, имѣютъ нѣсколько шелковыхъ фабрикъ и заведеній для приготовленія золотыхъ издѣлій. (Gützlaff: «Journal of the R. geograph. Soc.». 1849).

Тонкинъ на сѣверѣ очень гористъ и вообще представляетъ такой же характеръ, какъ и сосѣднія китайскія провинціи. Восточная часть его почти ровная и по направленію къ морю переходитъ въ аллювіальную равнину. Большая часть рѣкъ Тонкина течетъ на юго-востокъ. Наибольшая изъ нихъ — Гонкъ-Кіангъ, или Красная рѣка, называемая также Сонгъ-кой, или Сонгъ-ка; она образуется изъ сліянія двухъ рѣкъ. Въ пескѣ этихъ рѣкъ много золотыхъ частицъ; собираніемъ ихъ заняты тысячи людей. Эта рѣка течетъ въ юго-восточномъ направленіи, оставляя вправо столицу Тонкина, Кешо, или Га-ной (100,000 жителей); затѣмъ въ Гіенѣ она дѣлаетъ крутой поворотъ, направляется къ сѣверу и образуетъ дельту, въ которой лежитъ Домеа, прежде гавань для иностранныхъ кораблей. По южной границѣ, отъ горъ до берега моря, идетъ стѣна, прежде раздѣлявшая Тонкинъ отъ Аннама; теперь же она безполезна, такъ какъ обѣ страны имѣютъ общаго властителя. Послѣ Кореи, Тонкинъ всего сильнѣе удержалъ прежнюю замкнутость отъ иностранцевъ; да и аннамское правительство желало похоронить Тонкинъ въ забвеніи и охранить его отъ любопытства европейцевъ.

Какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи, народы Аннама представляютъ большое разнообразіе. Жители горъ свѣтлѣе, ростомъ выше, а характеромъ проще, нежели остальные аннамиты; многіе изъ нихъ все еще ведутъ кочевую жизнь; обитатели равнинъ отличаются большими способностями, цивилизованнѣе, далѣе ушли въ искусствахъ, трудолюбивѣе и болѣе свѣдущи въ наукахъ, нежели горскія племена; за то первыя и болѣе лживы, лукавы, сильнѣе испорчены.

Хотя аннамиты и состоятъ въ племенномъ родствѣ съ южно-китайцами, съ такъ называемыми племенами «пунти», тѣмъ не менѣе языкъ

и нравы ихъ отчасти измѣнились подъ вліяніемъ времени и обстоятельствъ. Впрочемъ, ихъ образованіе и цивилизація остались китайскими; равнымъ образомъ характеръ аннамитовъ вообще представляетъ мало оригинальности и самостоятельности. Религію свою они отчасти получили тоже изъ Китая, именно: ученіе Конфуція, культъ почитанія предковъ, и вѣру въ геніевъ-хранителей. Однако, господствующая религія—буддизмъ. Аннамиты—легкомысленный, податливый, храбрый и живой народъ, и французы утверждаютъ, что изъ всѣхъ азіатовъ аннамиты всего ближе подходятъ къ нимъ по нѣкоторымъ качествамъ. Другіе же писатели отзываются объ аннамитахъ не столь лестно. По Г. Бинето (Bulletin de la Société de géographie de Paris, 1864), аннамитъ слабъ, трусливъ и жестокъ; онъ любитъ воровать и занимается морскимъ разбоемъ. Аннамиты обладаютъ большими коммерческими наклонностями и торгуютъ всѣмъ. Ярмарокъ и рынковъ множество; но торговля ведется лишь внутри страны, ибо заграничная торговля—монополія правительства. Народу запрещено покидать государство, съ цѣлью вести торговлю за границею; а изъ сосѣднихъ народовъ лишь одни китайцы имѣютъ право посѣщать страну для мѣновой торговли; впрочемъ, въ самое послѣднее время относительно нѣкоторыхъ пунктовъ это право предоставлено и французамъ. На-ряду съ нѣкоторыми другими добродѣтелями, аннамиты отличаются замѣчательною воздержанностью. Какъ и повсюду въ Задней Индіи, рисъ составляетъ ихъ главную пищу: онъ замѣняетъ имъ хлѣбъ; напиткомъ служитъ теплая вода, настоянная на чаѣ или другихъ ароматическихъ листьяхъ. Аннамиты охотно ѣдятъ предметы, возбуждающіе отвращеніе у европейцевъ, какъ-то: насѣкомыхъ, саранчу, нѣкоторыхъ земляныхъ червей, змѣй, крысъ, собакъ, кошекъ, тигровъ, если удается убить послѣднихъ, а также мясо павшихъ животныхъ. Не смотря на чрезвычайное плодородіе почвы, не смотря на всю способность довольствоваться малымъ, аннамиты часто страдаютъ отъ ужаснаго голода.

Власть аннамскаго императора или короля неограниченна. Она сосредоточивается въ особѣ монарха и отъ него исходитъ; по теоріи-же, она не должна быть произволомъ, такъ какъ отправленія власти регулированы законами. Король имѣетъ тайный совѣтъ; затѣмъ, министерство юстиціи, военное, духовныхъ дѣлъ или культа, министерство общественныхъ работъ и, наконецъ, министерство внутренныхъ дѣлъ и внѣшнихъ сношеній. По договору, подписанному въ 1874 году, Аннамъ, какъ было выше сказано, обратился въ вассальное государство Франціи.

Намъ остается еще бросить взглядъ на полуостровъ Малакку, главное мѣстопребываніе малайскаго народа. Малакка тянется отъ

13° 45′ до 1° 35′ сѣв. шир.; сначала она идетъ къ югу (до 8° 50 сѣв. шир.), а потомъ поворачиваетъ къ юго-востоку; рубежомъ между двумя этими направленіями служитъ перешеекъ Краү (Krah или Kraw) —углубленіе, лишь мало возвышающееся надъ уровнемъ моря. По ту сторону, т. е. къ югу отъ этого перешейка, возвышаются, какъ самостоятельная часть, въ видѣ большой косы, Малаккскія гори, съ мысами Буросъ и Романія — крайними отрогами этихъ горъ. Направляющаяся къ югу часть полуострова принадлежитъ непосредственно Сіаму, за исключеніемъ лежащей по западному берегу области Тенассерима, достоянія британцевъ. Вторая, болѣе южная, половина, идущая къ юго-востоку, занята малайскими государствами, изъ коихъ одни платятъ дань Сіаму, другія же совершенно независимы. Данническія государства тянутся поперегъ полуострова до 5° сѣв. шир.; самостоятельныя же занимаютъ самую южную оконечность его. По западному берегу и около него раскинуты участки, принадлежащіе англичанамъ, такъ называемыя «Strait-Settlements», именно: островъ Пуло-Пинангъ, провинція Уэллеслей (Wellesley), Малакка съ Нанингомъ и, наконецъ, Сингапуръ на маленькомъ островкѣ, какъ разъ у южнаго края полуострова.

Большая часть Заднеиндійскаго полуострова покрыта густыми лѣсами, причемъ бамбуковымъ принадлежитъ важнѣйшее мѣсто. Но главнѣйшій продуктъ Малакки — олово, одинъ изъ наиболѣе рѣдкихъ металловъ на земномъ шарѣ. Малайскія государства, состоящія въ вассальной зависимости отъ Сіама, суть: Лигоръ съ Талунгомъ, Кеддахъ (Quedah или Keddah), Патани, Калантанъ и Трингано; всѣ они населены довольно рѣдко; небольшія мѣстности внутри страны и по берегамъ состоятъ подъ властью раджей, назначаемыхъ изъ Банкока. Населеніе состоитъ изъ сіамцевъ, малайцевъ и китайцевъ, которые взаимно смѣшиваются. Двѣсти лѣтъ тому назадъ, португальцы и голландцы вели здѣсь значительную торговлю, особенно оловомъ; въ настоящее же время она перешла цѣликомъ въ руки китайцевъ. Городъ Тонеа (Toneah), важнѣйшій пунктъ сіамской Малакки, лежитъ на островѣ Юнкъ-Цейлонѣ, принадлежащемъ къ Лагору и имѣетъ не менѣе 30,000 жителей. Очень важный, принадлежащій англичанамъ, островъ Пуло-Пинангъ лежитъ у сѣвернаго входа въ Малаккскій проливъ и имѣетъ 25 километровъ длины и 13 ширины; по своему положенію онъ представляетъ передовой постъ для сношеній съ Заднею Индіею, Индійскимъ архипелагомъ и Китаемъ. Пуло-Пинангъ изобилуетъ цѣнными произведеніями: кокосовыми пальмами, рощи которыхъ покрываютъ почти всѣ крутые берега острова, рисомъ, перцомъ,

пряною гвоздикою, мускатнымъ орѣхомъ, бетелемъ, чаемъ, хлопчатникомъ, табакомъ, кофе и сахарнымъ тростникомъ. Противъ Пуло-Пинанга, получившаго, со времени занятія его англичанами, ничего не выражающее имя «Prince of Wales Irland» (Принца Ирландскаго Уэльса), лежитъ маленькая англійская провинція Уэллеслей съ 50,000 жителей, большею частью малайцами, которые воздѣлываютъ для вывоза огромное количество сахарнаго тростника. Англичанамъ принадлежитъ также городъ Малакка, имѣющій нынѣ едва-ли болѣе 13,000 жителей ($^1/_3$ изъ нихъ малайцевъ), и окружающая его область.

Мы мало знаемъ о независимыхъ малайскихъ государствахъ въ южной части полуострова, изъ которыхъ важнѣйшія пять: Перакъ, Салангуръ, Румбо, Пахангъ и Джогуръ. Но, на сколько извѣстно, продукты страны и прочее, а также деспотическія формы правленія начальниковъ, авторитетъ которыхъ, впрочемъ, сильно палъ,—повсюду здѣсь одинаковы, перечисленіе же ихъ лишь безполезно утомило бы читателя. Особеннаго вниманія заслуживаютъ только дикія племена, живущія въ неизвѣстныхъ горахъ внутри страны. Изъ нихъ самыя важныя: семанги и ваи; кромѣ того, называютъ еще слѣдующія племена: райетъ-утанъ, якунъ, саккей, гала, беланда и безизикъ. Первыя, т. е. ваи и семанги, живутъ преимущественно въ лѣсахъ сѣвера, прочія же, которыхъ можно соединить вмѣстѣ подъ общимъ именемъ орангъ-бенуа,—на югѣ. По берегамъ моря бродятъ орангъ-лауты. Этнографически эти лѣсные люди не отличаются отъ малайцевъ,—принадлежатъ къ тому же племени и представляютъ лишь отставшую въ культурномъ отношеніи отрасль малайцевъ.

Важнѣйшій пунктъ не только Малакки, но и всей Задней Индіи, — маленькій островъ Сингапуръ, съ городомъ того же имени, лежащій у самаго южнаго конца полуострова. На умѣренно плодородной почвѣ и въ здоровомъ климатѣ, хотя только въ 130 километрахъ отъ экватора, Сингапуръ, «Львиный городъ», менѣе чѣмъ въ 60 лѣтъ, выросъ изъ ничего въ многолюдный городъ (болѣе 100,000 жителей). Немногія мѣста Стараго и Новаго Свѣта представляютъ примѣръ такого быстраго разцвѣтанія, какъ Сингапуръ, созданіе англичанъ. При переходѣ во владѣніе англичанъ, островъ этотъ былъ рѣдко населенъ и почти совершенно невоздѣланъ. Въ настоящее время онъ внутри отчасти обработанъ и имѣетъ множество плантацій перца и гамбира (Nauclea Gambir), принадлежащихъ китайцамъ. Кромѣ того, на островѣ разводятся саговая пальма, нѣкоторыя пряности, сахарный тростникъ и рисъ; кокосовыя-же пальмы растутъ скудно. Доходъ, доставляемый воздѣлываніемъ почвы, вообще говоря, незначителенъ, и внутренность острова, если выключить нѣсколько китайскихъ деревень, рѣдко населена. Да и это незначительное населеніе, по отношенію къ жизненнымъ средствамъ, вполнѣ зависитъ отъ сосѣднихъ острововъ. Одному только благопріятному географическому положенію, на торговомъ пути между

Индіею и Китаемъ, Сингапуръ обязанъ своимъ развитіемъ, — во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ либеральной политикѣ англичанъ, которая навлекла нѣкоторыя опасности на юную колонію. Эта политика имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что хотя Сингапуръ и принадлежитъ англичанамъ, но фактически находится въ рукахъ китайцевъ. Въ самомъ городѣ считаютъ не менѣе 60,000 китайцевъ; остальное — малайцы, и только 6000 европейцевъ. Поэтому Сингапуръ и носитъ преимущественно отпечатокъ китайскаго поселенія.

ГЛАВА XVI.

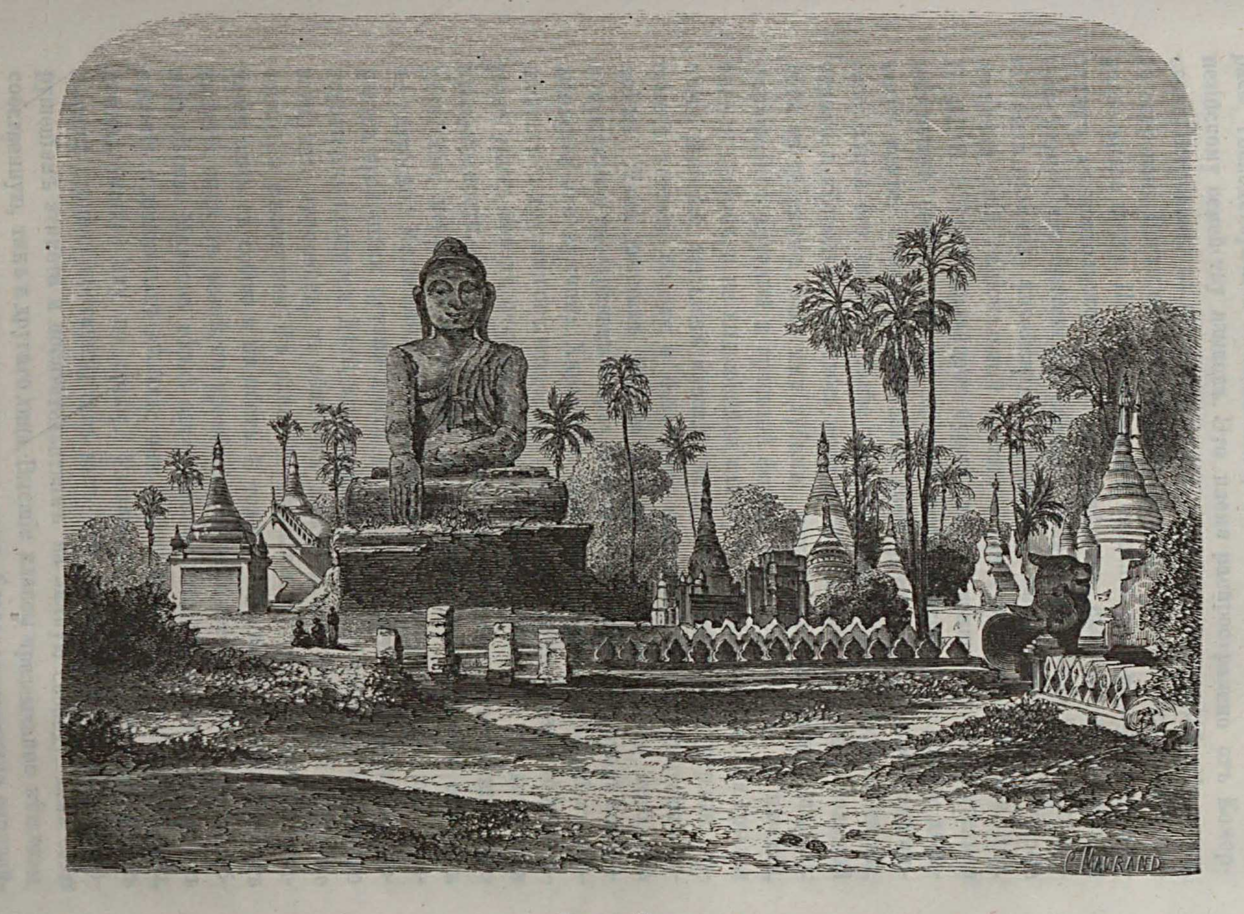
Остъ-Индскій архипелагъ.

Остъ-Индскій архипелагъ, между южною Азіею и Австраліею, представляетъ собою самую богатую группу изъ пяти скопленій большихъ острововъ, поднятіе которыхъ нельзя приписать ни дѣйствію вулканическихъ силъ, ни дѣятельности кораллов; это—части нѣкогда бывшаго обширнаго материка. Еще въ третичный періодъ между Азіею и Австраліею существовала материковая связь, раздробленность лежащаго между ними островнаго міра не достигала такой степени, и даже когда Австралія совершенно отдѣлилась, то, по всей вѣроятности, долгое время существовала еще и нынѣ явственно замѣтная связь между отдѣльными материковыми массами. Въ самомъ дѣлѣ, между островами Бали и Ломбокомъ тянется глубокая, заполненная моремъ, борозда, какъ бы разграничивающая двѣ части свѣта; такая же борозда проходитъ между Борнео и Целебесомъ; тогда какъ лишь мелководное море (не болѣе 50 саж. глубины) отдѣляетъ богатые камфорою острова Суматру, Яву и Борнео отъ Азіи; другое такое же море отдѣляетъ Новую Гвинею и смежные острова отъ Австраліи. Такъ какъ малая глубина моря всегда заставляетъ предполагать, что материковое соединеніе существовало недавно и нарушилось лишь въ слабой степени, то мы, вмѣстѣ съ Пешелемъ, можемъ съ достаточною надежностью признать, что Ява прежде была связана съ Борнео, Борнео съ Малаккою, Малакка съ Банкою и Суматрою. Слѣдовательно, только половина того, что мы называемъ Остъ-Индскимъ архипелагомъ

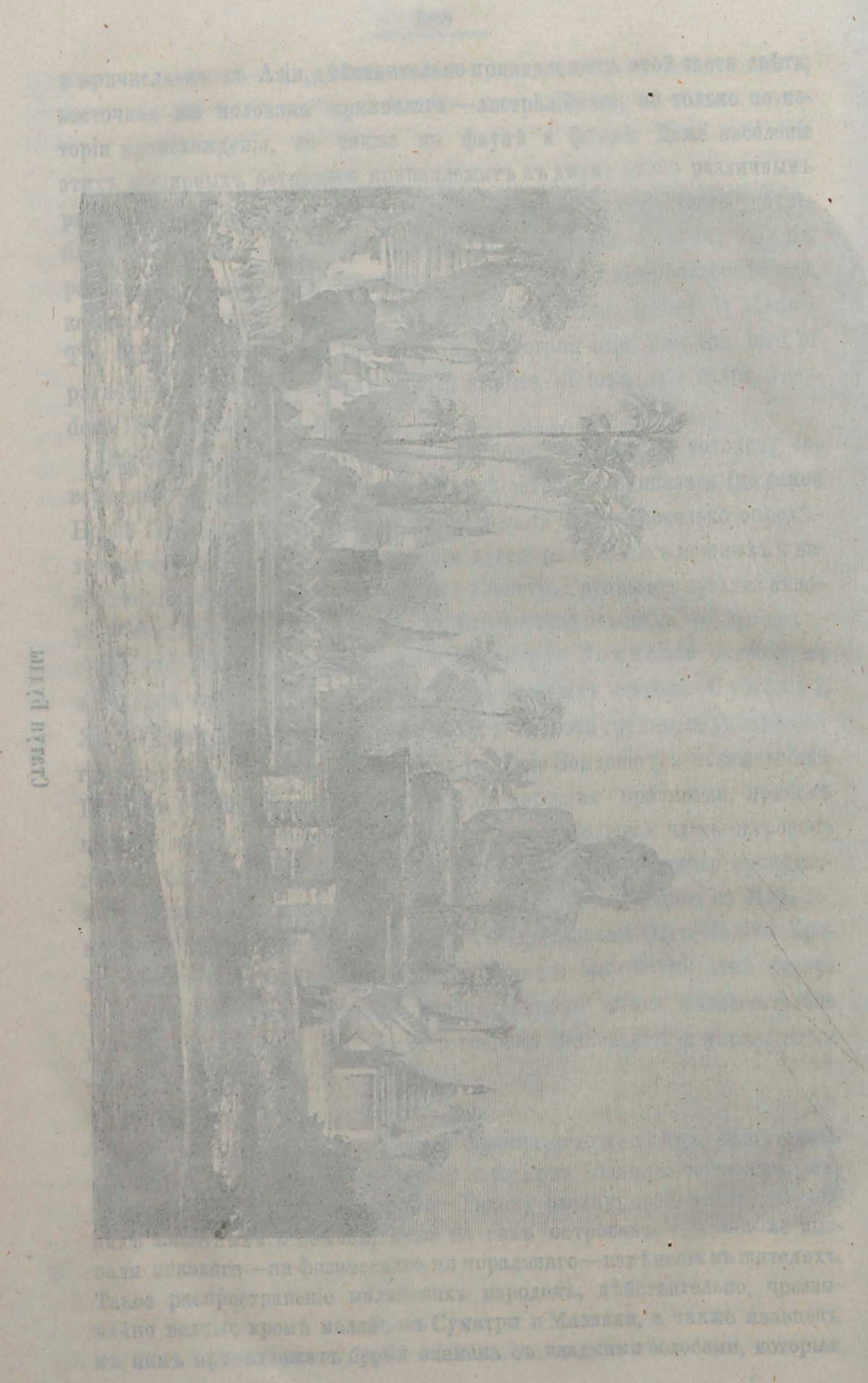
и причисляемъ къ Азіи, дѣйствительно принадлежитъ этой части свѣта; восточная же половина архипелага—австралійская, не только по исторіи происхожденія, но также по фаунѣ и флорѣ. Даже населеніе этихъ обширныхъ острововъ принадлежитъ къ двумъ рѣзко различнымъ расамъ—малайской и папуасской. Такимъ образомъ, часто употребляемое названіе «Малайскій архипелагъ»—далеко не точно. Линія, разграничивающая обѣ эти расы, лежитъ нѣсколько восточнѣе той, которая отдѣляетъ зоологическія области. (Alfred Russel Wallace. The Malay Archipelago: the land of the orang-utan and the bird of paradise. A narrative of trawel with studies of man and natur. London. 1879. 8°. II vol., p. 278).

Подчиняясь существующему до сей поры обычаю, по которому совершенно произвольно причисляютъ всѣ острова архипелага (до самой Новой Гвинеи) къ Азіи, можно различать между ними нѣсколько опредѣленныхъ группъ, по которымъ тянется дугою рядъ самыхъ мощныхъ и наиболѣе дѣятельныхъ вулкановъ нашей планеты. Группы эти суть: на сѣверѣ—Филиппинскіе острова, къ юго-востоку отъ нихъ — Молуккскіе, далѣе на западъ—Малые и Большіе Зондскіе острова; къ послѣдней группѣ причисляютъ четыре большихъ острова: Суматру, Яву (Джаву), Борнео и Целебесъ. Всѣ эти группы, изъ коихъ географически къ Азіи относятся лишь Большіе Зондскіе (за исключеніемъ Целебеса) и Филиппинскіе, раздѣлены морскими проливами, причемъ каждый носитъ особое названіе. Значительно большая часть острововъ находится подъ владычествомъ Голландіи, которой здѣсь принадлежитъ обширное колоніальное государство, съ резиденціею на Явѣ, соперничающее въ отношеніи развитія съ Британскою Остъ-Индіею. Кромѣ того, на австралійскомъ островѣ Тиморѣ мы встрѣчаемъ португальцевъ, а на Филиппинскихъ господствуютъ почти исключительно испанцы; нѣкоторыя же части острововъ независимы и управляются туземными султанами.

Изъ двухъ расъ, населяющихъ архипелагъ, малайцы рѣшительно стоятъ выше, болѣе многочисленны и имѣютъ бо́льшую важность. Малайцы распространили далеко по Тихому океану свой языкъ, домашнихъ животныхъ и обычаи, даже на тѣхъ островахъ, гдѣ они не вызвали никакого—ни физическаго, ни моральнаго—измѣненія въ жителяхъ. Такое распространеніе малайскихъ народовъ, дѣйствительно, чрезвычайно велико; кромѣ малайцевъ Суматры и Малакки, а также яванцевъ, къ нимъ принадлежатъ бурыя племена съ гладкими волосами, которыя,



Статуя Будды.



подъ именемъ полинезійцевъ, разбросаны по всѣмъ тропическимъ и подтропическимъ островамъ Южнаго моря. Благодаря изслѣдованіямъ Вильгельма Гумбольдта надъ языкомъ кави, мы узнали, что языкъ расы, господствующей на Мадагаскарѣ, также принадлежитъ къ полинезійскому семейству языковъ. Это племя распространено отъ Коморскихъ острововъ, на которыхъ также господствуетъ малайскій языкъ, до острововъ Пасхи, отъ 61° до 268° широты, т. е. на протяженіи $^5/_9$ параллельнаго круга. По особенностямъ строенія тѣла, малайцевъ причисляютъ къ монгольской расѣ. Ихъ внѣшнее сходство съ китайцами такъ велико, что британскій зоологъ Уоллесъ (Wallace) не въ состояніи былъ отличить китайскихъ поселенцевъ не островѣ Бали, которые оставили свой національный костюмъ, отъ туземцевъ. (Wallace. Ibid. II Bd. S. 279). У малайцевъ бурый цвѣтъ кожи; они поразительно маленькаго роста, такъ что средній ростъ мужчинъ на одинъ дециметръ менѣе, чѣмъ у европейцевъ; лицо у нихъ нѣсколько ромбическое; длина его немного болѣе ширины; высокія и выдающіяся скулы, черные и нѣсколько наискось прорѣзанные глаза, широкій и большой ротъ съ толстыми, вздутыми губами; нижняя челюсть также широка; подбородокъ круглый и красивой формы; носъ короткій, но не плоскій, какъ у негровъ, и не выдающійся, какъ у европейцевъ; носовыя крылья очень широки; затылокъ плоскій, четыреугольный; волоса черные, густые и жесткіе; бороду, и безъ того плохую, малайцы вырываютъ совсѣмъ. Лица разныхъ половъ сходны между собою до того, что почти всякій иностранецъ сперва затрудняется рѣшить, кто предъ нимъ— женщина или мужчина. Характеръ малайца спокойный и вялый; въ сношеніяхъ съ другими онъ воздержанъ, робокъ и даже трусливъ, что нѣкоторымъ дастъ поводъ считать преувеличенными разсказы о его дикости и кровожадности. Никогда малаецъ не обнаруживаетъ явственно своего удивленія, изумленія и страха, да вѣроятно и чувствуетъ онъ ихъ не глубоко. Медленный и осмотрительный въ разговорѣ, онъ старается окольными путями дойти до предмета рѣчи, къ обсужденію котораго она клонится. Дѣти и женщины робки и убѣгаютъ, неожиданно завидѣвъ европейца; въ обществѣ мужчинъ онѣ молчаливы и вообще спокойны и послушны. Въ одиночествѣ малаецъ угрюмъ, никогда не болтаетъ самъ съ собою и не поетъ. И только тогда, когда малайцы гребутъ вмѣстѣ, сидя въ челнѣ, по временамъ затягиваютъ монотонную, жалобную пѣсню. Малаецъ рѣдко оскорбляетъ своего ближняго и не любитъ спорить о денежныхъ дѣлахъ: онъ едва рѣшается требовать платы, принадлежащей ему по праву. Развязныя шутки и остроты ему въ высшей степени противны, такъ какъ онъ очень чувствителенъ въ нарушеніямъ этикета и посягательствамъ на личную свободу, какъ свою собственную, такъ и другаго лица. Высшіе классы чрезвычайно вѣжливы, ведутъ себя со спокойнымъ достоинствомъ благовоспитаннаго европейца, которое, какъ это намъ ни странно, у нихъ вполнѣ мирится съ бе

пощадною жестокостью и пренебреженіемъ человѣческою жизнью,—чертами, составляющими темную сторону характера малайцевъ. Этимъ то и объясняются столь несходныя, иногда совершенно противоположныя, мнѣнія о нихъ разныхъ наблюдателей. Береговые жители гостепріимны и вѣрны, спокойны и въ высшей степени лѣнивы. Они обладаютъ совершенно ненасытною страстью къ игрѣ, противъ которой вполнѣ безсильны всякія ограниченія и запрещенія закона (Bickmore. Reisen im ostindischen Archipel. S. 17).—Другіеже писатели изображаютъ ихъ страстными, неспособными къ самообладанію, малонадежными и непостоянными. Покойныхъ, вялыхъ и лѣнивыхъ малайцевъ можно принять за людей, для которыхъ, при высшихъ стремленіяхъ и свободолюбіи, работа ради денегъ и пропитанія кажется недостойнымъ занятіемъ. Они отличаются отъ всѣхъ другихъ племенъ Индійскаго архипелага большею дѣятельностью и воспріимчивостью; исламъ лишилъ ихъ всякой высшей цѣли въ жизни и разрушилъ общественность; главное занятіе ихъ—морское разбойничество и судоходство. Воровство и грабежъ не представляютъ для нихъ ничего предосудительнаго. За дѣйствительныя или воображаемыя оскорбленія они мстятъ немедленно, притомъ они мстительны, лживы и лукавы. Клятвопреступленіе имъ ни почемъ, а отравленія бываютъ часто. Малайцы—страстные курильщики опіума, любители спиртныхъ напитковъ и большіе охотники держать пари на пѣтушиныхъ бояхъ, причемъ иногда проигрываютъ сами себя, свою личную свободу. Однако, малайцы очень умѣренны. Объ умѣренности ихъ можно судить по той просьбѣ, съ которою рабочій обращается за подачкой: «ketjel presentie, tuwan, poer makan»,—«маленькую подачку, господинъ, на ѣду!». Съѣстныя лавки служатъ также главными мѣстами отдохновенія; малаецъ получаетъ тамъ сухой рисъ, испанскій перецъ, маленькіе куски мяса, вареныя овощи, сласти, причемъ съ послѣдними подается чашка горячей воды. Малайцы—лишь по имени магометане, въ нихъ нѣтъ ни капли мусульманскаго фанатизма; въ особенности же яванцы свое отношеніе къ исламу ограничиваютъ соблюденіемъ обряда обрѣзанія и омовеній, а также праздника рамазана; они все еще удержали многія понятія индусовъ. Нѣкоторые изъ малайцевъ исповѣдуютъ христіанскую вѣру, т. е. они бываютъ на богослуженіяхъ въ голландскихъ церквахъ, не брѣютъ головы и не спиливаютъ зубовъ. Обыходнымъ, разговорнымъ языкомъ всего Остъ-Индскаго архипелага служитъ нижне-малайское нарѣчіе. (Rost: Die malayische Sprache, im Globus. XIII Bd. S. 114). Онъ не имѣетъ грубыхъ, твердыхъ гортанныхъ звуковъ или другихъ трудно произносимыхъ согласныхъ. Это—языкъ мягкій, благозвучный и по пѣвучести нѣсколько сходный съ итальянскимъ; каждый европеецъ въ Нидерландской Индіи говоритъ по-малайски, чему онъ легко и скоро выучивается.

Весьма значительную, по численности, часть населенія Нидерландской Индіи составляютъ китайцы, которые проявляютъ тамъ тѣ же поро-

ки и добродѣтели, какъ и вездѣ, гдѣ поселились длиннокосые, прилежные сыны Небесной имперіи.

Почти по прямой линіи съ сѣвера на югъ, отъ Формозы до Борнео и Молуккскихъ острововъ, тянутся Филиппинскіе острова,—цѣпь вулканическихъ образованій длиною въ 1500 километровъ и поверхностію въ 300,000 кв. килом.; на двѣнадцати маленькихъ и четырехъ большихъ островахъ обитаетъ около 6 милліоновъ человѣкъ, большею частью западномалайскаго племени, тагала или бизайя; они отчасти подвластны испанцамъ и принадлежатъ къ католической церкви, частью же независимы и исповѣдываютъ исламъ. Во внутреннихъ частяхъ нѣкоторыхъ острововъ живутъ грубыя независимыя племена папуасовъ.

Между 19 и 14 градусами широты тянется самый большой изъ Филиппинскихъ острововъ (110,000 кв. километровъ) — Люсонъ, имѣющій почти четырехъугольную форму, восточный и западный берега котораго идутъ въ направленіи съ сѣвера на югъ и потомъ круто загибаются почти прямо къ востоку. Южная часть Люсона, разсѣченная узкими бухтами и заливами на множество маленькихъ полуострововъ, кажется состоящею изъ массы маленькихъ острововъ и такимъ образомъ вполнѣ естественно примыкаетъ къ многочисленнымъ островамъ, которые обыкновенно называются Islas Visayas или Islas de los pintados (острова Татуированныхъ). Между ними особенно бросаются въ глаза два самые южные острова, именно вытянутый въ длину Палаванъ или Парагуа испанцевъ, который отдѣляется отъ сѣверной оконечности Борнео только узкимъ рукавомъ моря, указывая тѣмъ на тѣсную связь между послѣднимъ и Филиппинскими островами, и, выступающій болѣе къ востоку, — Минданао или Магинданао, самый большой изъ группы Филиппинскихъ острововъ послѣ Люсона (88,000 кв. километровъ). Такимъ образомъ, этотъ архипелагъ отдѣляетъ сѣверную часть Тихаго океана съ его восточными теченіями отъ Китайскаго моря, пріобрѣтшаго печальную извѣстность своими тифонами; непосредственную связь между двумя морями образуетъ лишь сѣверный, значительной ширины проливъ между Люсономъ и Формозою; кромѣ того, существуетъ непрямая связь—при помощи проливовъ С.-Бернардино, Суригао и Целебесскаго. Филиппинскіе острова расположены вполнѣ въ тропическомъ поясѣ, на рубежѣ муссоновъ и сѣверо-восточнаго пассата, обладаютъ чрезвычайно богато развитыми берегами, какіе свойственны лишь немногимъ странамъ, прорѣзаны вытянутыми въ длину горными цѣпями со среднею высотою гребня отъ 1000 до 1300 метровъ, причемъ отдѣльныя вершины и огнедышащія горы возвышаются до 2750 метровъ; средняя температура года въ 21° Р. (при крайнихъ колебаніяхъ отъ

19 до 23° Р.), а средняя влажность атмосферы болѣе 70%; они орошены многочисленными рѣками и ручьями, надѣлены большими озерами въ обширныхъ равнинахъ, или глубоко скрытыми въ горахъ,—словомъ, Филиппинскіе острова обладаютъ всѣми благопріятными условіями для развитія роскошнѣйшей тропической растительности и для богатства картинами природы. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи острова эти стоятъ справедливо на ряду съ самыми прославленными областями такихъ тропическихъ странъ, каковы Бразилія, Ява и Цейлонъ. Отъ тропическихъ лиственныхъ лѣсовъ темнозеленаго цвѣта рѣзко отдѣляются сосновые лѣса мрачной, однообразной окраски, покрывающіе высокія горныя вершины; здѣсь сочетаются ель съ пальмою; въ долинахъ же вдоль рѣкъ тянутся темныя полосы казуариновыхъ лѣсовъ. Города и деревни утопаютъ въ рощахъ пальмъ, между ярко-свѣтлою зеленью рисовыхъ полей и плантаціями сахарнаго тростника; всѣ деревья лѣсовъ и кустарники садовъ убраны ослѣпительно-яркими цвѣтами и плодами. Мѣстныя красавицы, кажется, научились у природы искусству одѣваться въ костюмы самыхъ яркихъ, ослѣпительнѣйшихъ цвѣтовъ, не производя непріятнаго впечатлѣнія на наши глаза; богатство красокъ, которыми украшены растенія, животныя и люди, находится въ полной гармоніи съ обиліемъ свѣта, который солнце посылаетъ, даже черезъ облака, своей возлюбленной землѣ. Но подъ этими цвѣтами скрыты также и змѣи, готовыя къ прыжку и ядовитому укушенію,—и здѣсь, какъ и вездѣ, онѣ не дозволяютъ человѣку предаваться невозмутимымъ и мирнымъ наслажденіямъ. Заразительныя болѣзни, оспа и азіятская холера, сильно разрѣжаютъ населеніе городовъ и деревень; перелетная саранча, подобно тучамъ, омрачаетъ небо, опустошаетъ посѣвы и влечетъ за собою дороговизну и голодъ. При перемѣнѣ муссона, ручьи выходятъ изъ береговъ и затопляютъ окружающія мѣстности, и если тагалъ счастливо отдѣлывается отъ разрушительнаго потока въ своей деревянной хижинѣ или каменномъ домикѣ, то надъ нимъ нависаютъ другія опасности—быть погребеннымъ подъ развалинами своего дома, вслѣдствіе землетрясенія, или задохнуться въ дождѣ пепла, выбрасываемаго вулканомъ, снова начавшимъ свою дѣятельность. (Dr. C. Semper. Die Philippinen und ihre Bewohner. Würzburg. 1869. 8°. S. 3—5).—Кромѣ тагаловъ, на Филиппинскихъ островахъ живутъ также негритосы, какъ называютъ испанцы черныхъ туземцевъ—аэтасовъ или итасовъ; они, въ количествѣ 25,000 человѣкъ, населяютъ пять островов: Люсонъ, Негросъ, Панай, Миндеро и Минданао, и безошибочно могутъ быть причислены къ папуасской расѣ. Негритосы, кажется, встрѣчаются и во внутреннихъ областяхъ Суматры, Борнео, Целебеса и Джилоло (Гальмагерра). Кромѣ того, на Люсонѣ, къ западу отъ сѣверо-восточныхъ горъ, живетъ смѣшанное племя прайясовъ; одна часть прайясовъ представляетъ помѣсь тагаловъ съ китайцами и носитъ названіе каталангановъ; другая же, кажется, произошла отъ смѣшенія тагаловъ съ негри-

тосами. Въ западной части Люсона живутъ игорроты—племя, образовавшееся отъ смѣшенія тагаловъ, китайцевъ и японцевъ, а въ восточныхъ горахъ живутъ илунтуты или илонготы, дикія тагальскія племена неизвѣстнаго происхожденія. Манобо, въ восточной части Минданао, произошли также отъ смѣшенія тагаловъ съ китайцами.—Самый важный и единственный, заслуживающій упоминанія, городъ Филиппинскихъ острововъ—Манила на Люсонѣ (160,000 жителей), многолюдный, торговый городъ, резиденція испанскаго генералъ-капитана и архіепископа; онъ имѣетъ много заводовъ и фабрикъ, въ томъ числѣ большія сигарныя фабрики.

Между южными Филиппинами и сѣверно-восточною частью Борнео простирается цѣпь острововъ—архипелагъ Зулу; онъ состоитъ болѣе чѣмъ изъ 150 маленькихъ, гористыхъ острововъ, однако съ плодородною почвою, имѣетъ 200,000 жит. малайскаго населенія, которое управляется независимымъ султаномъ и страстно предано морскому разбою. Часть сѣвернаго берега Борнео принадлежитъ къ государствамъ этого же султана, который имѣетъ свою резиденцію на самомъ большомъ изъ этихъ острововъ, называемомъ Зулу.

Къ югу отъ Филиппинскихъ острововъ, по всѣмъ прочимъ группамъ Остъ-Индскаго архипелага раскинулось колоніальное государство Голландіи, съ главнымъ городомъ Батавіею на островѣ Явѣ; оно болѣе чѣмъ въ три раза превосходитъ по пространству Германію, имѣетъ 22 милліона жителей, чрезвычайно богато благородными металлами и растительными продуктами: золотомъ, алмазами, жемчугомъ, каменнымъ углемъ и солью, перцемъ и корицею, кофе и чаемъ, рисомъ, табакомъ, индиго, камфорою и пряными кореньями. Такимъ образомъ колоніальное государство въ Задней Индіи является могущественнымъ конкурентомъ британскимъ владѣніямъ въ Остъ-Индіи; торговля его съ метрополіею достигаетъ не менѣе половины оборотовъ между Остъ-Индіею и Англіею, и мы нисколько не преувеличимъ, сказавъ, что оборотный капиталъ, завязанный голландцами въ эту торговлю, не ниже 500 милліоновъ марокъ.

Власть отдаленной метрополіи надъ этимъ обширнымъ государствомъ держится на двухъ устояхъ: на войскѣ и на политикѣ по отношенію къ туземцамъ. Войска имѣется около 30,000 человѣкъ, главное управленіе которымъ поручено «Индійскому совѣту», состоящему изъ 6 членовъ; 20,000 войска находятся на Явѣ,—фокусѣ всѣхъ колоніальныхъ владѣній Голландіи въ Задней Индіи. По національности, войско состоитъ изъ

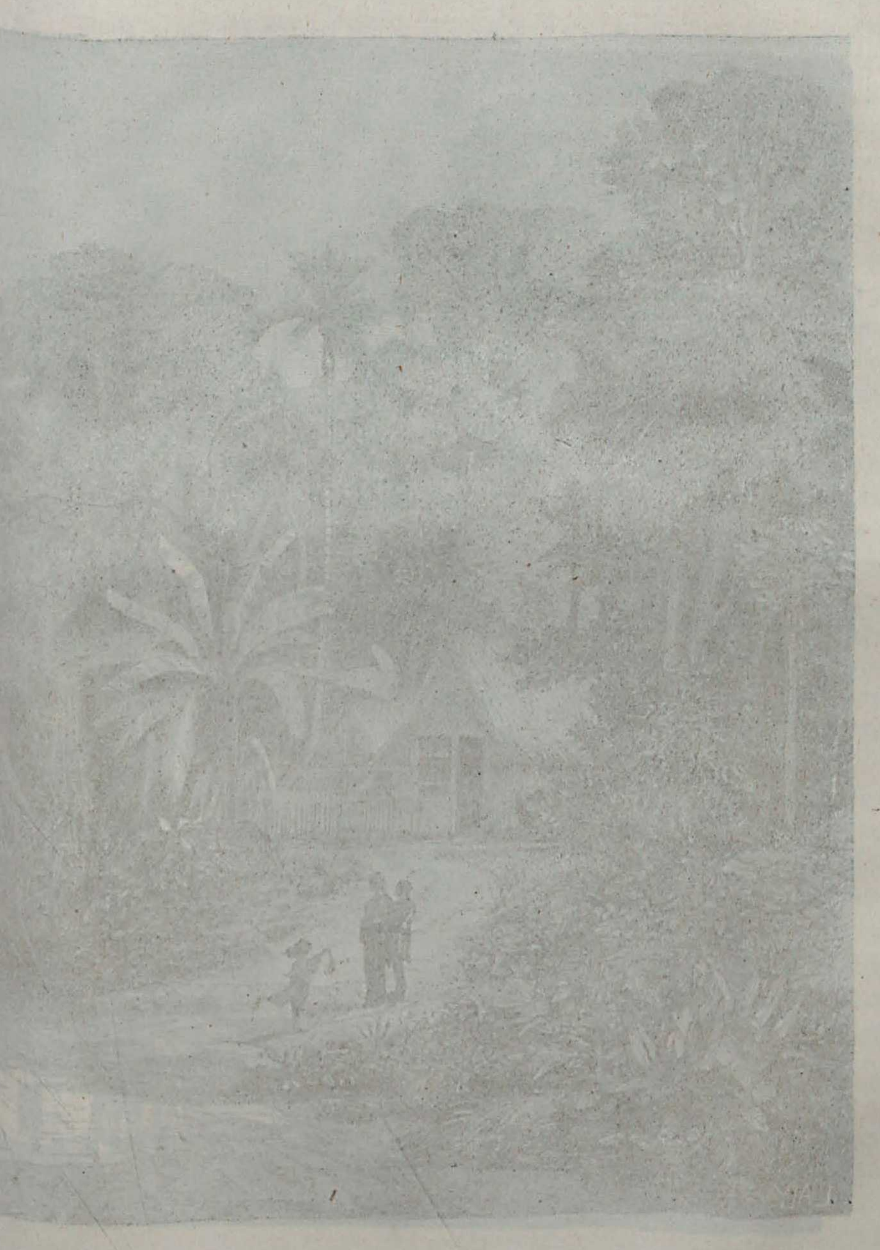
европейцевъ и туземцевъ, т. е. малайцевъ, имѣетъ европейскій строй и управляется европейскими офицерами,—совершенно такъ-же, какъ англійская армія въ Остъ-Индіи организована изъ англичанъ и сипаевъ. Въ среднемъ, на 3 человѣка европейцевъ приходится 5 малайцевъ, отношеніе само по себѣ не безопасное, но дѣйствіемъ дисциплины опасность его сильно ослабляется. Флотъ состоитъ изъ 30 судовъ. Это войско мало по малу подавило всѣ возстанія, на сколько то было необходимо, такъ что на Явѣ, напримѣръ, голландцы господствуютъ безусловно, а нѣсколько номинально «независимыхъ» султановъ слушаются внушеній Голландіи. Но какъ только сопротивленіе было сломлено, побѣдители (голландцы) предоставили старымъ князьямъ ихъ троны съ разсчетомъ, что они будутъ въ такомъ положеніи безвредны, и сдѣлали ихъ, такимъ образомъ, своимъ орудіемъ, руководствуясь совершенно справедливымъ соображеніемъ, что малайцы гораздо охотнѣе будутъ исполнять повелѣнія своихъ «одноплеменниковъ», чѣмъ приказанія чужеземцевъ. Батавія—центральный пунктъ, откуда могутъ быть приведены въ движеніе всѣ нити, по которымъ танцуютъ эти маріонетки. Благодаря этому, явилась возможность эксплоатировать колоніи такъ, какъ раціональнѣе трудно было придумать. Голландское управленіе является главнѣйшимъ, почти единственнымъ купцомъ колоніи; оно держитъ въ своихъ рукахъ монополію по торговлѣ кофе, рисомъ, индиго, и если, напримѣръ, яванецъ желаетъ на свой счетъ воздѣлывать кофе, то онъ не можетъ избрать самъ покупщика, но долженъ продавать свой товаръ правительству, которое, натурально, назначаетъ низкую цѣну Управленіе имѣетъ вслѣдствіе этого огромный доходъ: одна Ява, напримѣръ, производитъ ежегодно 62 милліона килограммовъ кофе; общій ввозъ товаровъ достигаетъ лишь одной трети количества вывоза. Правительство же, съ своей стороны, отдаетъ работы на плантаціяхъ не рабамъ, такъ какъ рабство уничтожено уже болѣе десятилѣтія тому назадъ, но привлекаетъ туземцевъ, на основаніи закона, къ барщинному труду; кромѣ того, они обязаны трудиться даромъ еще и на своихъ султановъ. Многія жестокости этой системы—«Cultursteisel», введенной графомъ Ванъ-деръ-Бошемъ, съ тѣхъ поръ смягчены, но въ сущности все еще сохраняетъ свою силу положеніе, что колоніи существуютъ для метрополіи. Однако, историческое оправданіе такой эксплоатаціи голландцы снискали себѣ въ томъ, что они первые открыли цѣлый рядъ, теперь очень выгодныхъ, источниковъ заработка; кофейное, хинное и чайное деревья были введены и водворены ими. Туземцы хорошо чувствуютъ гнетъ, но переносятъ его покорно, отчасти въ силу послушанія своимъ султанамъ, которые должны подчиняться голландскимъ чиновникамъ, отчасти же въ силу особенностей своего характера. Хотя всѣ малайцы одарены значительными способностями, но по всему духовному существу ихъ проходитъ чувственная, матеріальная черта: имъ, подобно римскимъ рабамъ, нужны только «panem et circenses»; они

довольны, если имѣютъ рисъ, рыбу и бетель, а это у нихъ есть, такъ какъ они старательные, прекрасные земледѣльцы и матросы; къ тому же частые танцы, музыкальныя представленія, театры и звѣриные бои... и вотъ малаецъ совершенно удовлетворенъ и не думаетъ о возстаніяхъ. Туземцамъ хорошо живется при такомъ порядкѣ вещей, и они, умножаются чрезвычайно быстро, что̀ доказываетъ громадное возрастаніе цифры населенія. Число жителей маленькаго острова Мадуры возрасло, напримѣръ, съ 393,426 въ 1856 году до 676,818 въ 1871, слѣдовательно удвоилось въ 15 лѣтъ! Ничто не говоритъ такъ краснорѣчиво, какъ эти цифры, въ пользу многоосуждаемой и мало понимаемой колоніальной системы Голландіи. Несомнѣнно, что тамъ, гдѣ господствуютъ голландцы, положеніе дѣлъ всегда лучше, чѣмъ тамъ, гдѣ сохраняются въ полной силѣ туземные варварскіе обычаи морскаго грабежа и т. д. (См. F. v. Hellwald. Ueber Colonien und über die holländischen Niederlassungen in Ostindien insbesondere. Eine Beitrag zur niederländischen Colonialfrage. Wien und Amsterdam. 1871. 8°).—Во главѣ остъиндскаго управленія стоитъ генералъ-губернаторъ съ властію вице-короля; онъ въ то же время главнокомандующій сухопутными и морскими силами, можетъ объявлять войну, заключать миръ и договоры съ туземными князьями и народами, но все это не иначе, какъ съ утвержденія короля. Всѣ колоніальныя владѣнія въ этой части прежде всего раздѣляются на двѣ части: во-первыхъ — на основную область, т. е. Яву съ Мадурою; во-вторыхъ—на внѣшнія владѣнія (Buitenbezittingen), именно остальныя, непосредственно и посредственно соединенныя части; далѣе, эти области состоятъ изъ «резиденцій», которыхъ на Явѣ 21; каждая такая провинція управляется резидентомъ и раздѣляется на многія «регенства» во главѣ которыхъ стоитъ регентъ,—туземецъ, всегда высшаго круга, чаще всего изъ владѣтельнаго дома, вліяніе котораго на его азіатскихъ подданныхъ, большею частью соединенное съ религіозными воззрѣніями не утратило силы и въ настоящее время; ему подчинены начальники округовъ и дессовъ, которые заботятся о взиманіи налоговъ, избираются населеніемъ и являются представителями интересовъ дессы (т. е. общины съ коммунистической организаціею). При каждомъ регентѣ, который у малайцевъ носитъ титулъ «адипатти», «пангеренъ» или «томонгунгъ», состоитъ европеецъ, называемый «ассистентомъ резидента», которому предписано инструкціею относиться къ регенту, какъ къ своему младшему брату; но въ дѣйствительности онъ — глава регентства и даетъ свои совѣты регенту; такимъ образомъ дѣйствія свои онъ скрываетъ передъ толпою авторитетомъ регента, стоящаго выше его въ общественной іерархіи, но въ то же время вполнѣ подчиняющагося его приказаніямъ. Ассистенту регента подчинены еще контролеры—«опціенеры» (opzieners), европейскіе чиновники, которые отправляютъ, кромѣ административныхъ, еще большую часть судебныхъ функцій. (Multa-

tuli. Max Havelaar, of de Koffij-Veilingen der nederlandsche Handel-Maatschappij. Amsterdam. 1860. 8°. I. Bd. S. 64—79).

Ядро голландскихъ колоній, какъ мы уже упоминали, образуетъ большой островъ Ява (134,600 кв. километровъ)—рай съ 45 адскими пропастями, въ образѣ трахитовыхъ вулканическихъ кратеровъ, которые тянутся съ запада на востокъ по длинѣ острова, сильно напоминающаго Кандію. Большая часть этихъ огнедышащихъ горъ, возвышающихся не рѣдко на подобіе колоколовъ, въ гористой внутренней части Явы, до 3000 метровъ, еще не погасла и даетъ слишкомъ часто доказательства своей разрушительной дѣятельности. Самый высочайшій изъ этихъ вулкановъ—Семиру, или Самеру, высотою въ 3730 метровъ надъ уровнемъ моря; наиболѣе же дѣятельный—Мерапи. Многочисленные горячіе источники вытекаютъ у подошвъ этихъ горъ, а грязовые вулканы находятся въ долинахъ. Моффеты извѣстны въ шести мѣстахъ; онѣ называются туземцами «гоа-упасъ», или «ядовитыми пещерами»; кромѣ того, Долина Смерти—Пакараманъ—пріобрѣла печальную извѣстность. Между горами, изъ которыхъ короткія, по многочисленныя, рѣки устремляются къ морскому берегу, лежатъ маленькія красивыя озера, или кислыя, или прѣсныя; есть также нѣсколько болотистыхъ озеръ. Плодородіе Явы по-истинѣ безпримѣрно; едва-ли можно встрѣтить гдѣ либо, въ восточномъ полушаріи, подобную роскошную растительность. Въ областяхъ съ жаркимъ климатомъ (до 600 метровъ высоты), которыя занимаютъ большую часть поверхности, воздѣлывается рисъ, главный продуктъ острова; въ умѣренномъ поясѣ (600—1500 метровъ высоты) распространена культура втораго по важности продукта страны — кофе, тогда какъ въ холодномъ районѣ воздѣлывается табакъ и успѣшно акклиматизируется перуанское хинное дерево. Всѣ значительнѣйшіе города острова лежатъ на сѣверномъ морскомъ берегу. Первое мѣсто между ними принадлежитъ вышеназванному главному городу Нидерландской Индіи и резиденціи правительства—Батавіи (70,000 жителей), съ мелкою гаванью и нездоровымъ климатомъ; въ нѣкоторомъ удаленіи внутри страны расположены, окруженные красивыми и изящными поселеніями европейцевъ, Вельтевреденъ (въ переводѣ: «довольный») и Битенцоргъ (т. е. «беззаботный»); далѣе, Черибонъ, Самарангъ (50,000 жителей) и цвѣтущій Сурабайя (90,000 жителей), съ лучшею гаванью на Явѣ.

Въ Нидерландской Индіи очень мало европейцевъ; по переписи 31



Окрестности Батавіи.

декабря 1871 г., число ихъ на всей Явѣ оказалось всего лишь въ 28,003 человѣка, тогда какъ общая цифра народонаселенія въ тотъ же день составляла 16.891,068. Въ настоящее время численность населенія никакъ не менѣе 18—19 милліоновъ. Ява, слѣдовательно, населена гуще самыхъ населенныхъ странъ Британской Остъ-Индіи, и такъ же густо, какъ наиболѣе населенные округа Германіи. Изъ приведеннаго числа на долю яванцевъ приходится 16.661,378, остальное—китайцы, аравитяне и другія восточныя народности, затѣмъ немного липлаповъ, какъ въ насмѣшку называютъ дѣтей отъ европейцевъ и малайскихъ женщинъ. Что касается собственно малайскаго населенія острова, то оно относится къ двумъ народностямъ — сунданезамъ и яванцамъ, причемъ первая занимаетъ западную половину и менѣе многочисленна. Почти всѣ яванцы занимаются земледѣліемъ, исключая немногихъ рыболововъ и ремесленниковъ. Хотя яванцы, вообще говоря, лѣнивы, принимаются за дѣло лишь въ случаѣ нужды, или когда можно добыть себѣ путемъ смѣлаго риска то, что обыкновенно требуетъ упорнаго труда,—однако, если не считать китайцевъ и японцевъ, они изъ всѣхъ народовъ Азіи сдѣлали наибольшіе успѣхи въ земледѣліи. Но вообще яванцы остались на низкой ступени культуры, а то, что у нихъ есть цивилизованнаго, внесено извнѣ иностранцами; въ механическихъ искусствахъ они отстали, и только въ искусствѣ переработки металловъ превзошли остальныхъ народовъ архипелага. Голландское правительство вовсе не содѣйствуетъ распространенію христіанства между яванцами, такъ какъ оно справедливо опасается увеличенія пьянства, а вмѣстѣ съ нимъ и исчезновенія многихъ добродѣтелей въ средѣ народа, которое послѣдовало бы вслѣдъ за уничтоженіемъ магометанскаго запрещенія касательно потребленія спиртныхъ напитковъ.

Не вся Ява находится подъ непосредственнымъ владѣніемъ Голландіи: тамъ, также какъ въ британской Остъ-Индіи, существуютъ еще туземныя государства, въ томъ числѣ государства подъ управленіемъ султановъ Джокджокарта и Соло, которые, однако, ни что иное, какъ вассалы европейцевъ, а ихъ владѣнія заняты голландскими гарнизонами. Остальная часть Явы, вмѣстѣ съ близлежащимъ островомъ Мадурою, образуетъ одно регентство. Островъ Мадура отличается главнымъ образомъ обширною культурою риса и имѣетъ также трехъ вассальныхъ князей.

Зондскій проливъ отдѣляетъ лежащій на западъ отъ Явы островъ Суматру, который тоже вытянутъ въ длину, но менѣе чѣмъ Ява; главная ось его имѣетъ направленіе съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Поверхность Суматры около 440,000 квадратн. километровъ,—слѣдовательно, по величинѣ, она равняется Испаніи и Португаліи, взятымъ вмѣстѣ. Независимое государство Ачинъ занимаетъ около $^1/_9$ части,

или 50,000 квадр. километровъ, остальныя же $^{8}|_{9}$ части острова находится подъ владычествомъ Голландіи и образуютъ четыре резидентства: Западная Суматра, Бенкуленъ, Лампонгсъ и Палембангъ; заселены однѣ береговыя области; внутренность же страны, пространствомъ почти вдвое болѣе метрополіи,—terra incognita и обитаема племенами батта, которыя никого не допускаютъ въ свои горы, густо покрытыя лѣсомъ. Въ то время какъ Ява имѣетъ въ настоящее время 18 милліоновъ жителей и по густотѣ населенія стоитъ наравнѣ съ королевствами Саксоніею и Бельгіею,—Суматра, на пространствѣ въ три раза большемъ, населена maximum $3^{1}/_{2}$ милліонами. При недостаткѣ туземной рабочей силы, богатства острова не могутъ быть эксплуатируемы. Мощныя залежи каменнаго угля, по трудности транспортировки, не разработываются; но лѣса внутреннихъ областей производятъ цѣнные сорта деревъ, камеди и смолы: камфору, ладонъ, дамарскую смолу, каучукъ и особенно много гуттаперчи, такъ что когда гуттаперчевое дерево будетъ истреблено въ мѣстахъ теперешней добычи его, чего не долго ждать при теперешнемъ хищническомъ хозяйствѣ, то Суматра будетъ доставлять это необходимое вещество. Эти же лѣса производятъ также пальму ротангъ и бамбуковый тростникъ, служащій матеріаломъ для постройки жилищъ туземцевъ. Перцемъ Суматра славилась уже съ давнихъ поръ; на сосѣднемъ островѣ Банка находятся неисчерпаемые оловянные рудники, которые недавно найдены и на островѣ Биллитонъ.

Болѣе подробнаго разсмотрѣнія заслуживаетъ независимое султанство Ачинъ, или, правильнѣе, Атжи (Atjih), величиною съ Баварію; оно занимаетъ сѣверную часть Суматры и омывается съ трехъ сторонъ моремъ. На самой сѣверной оконечности острова лежитъ главный городъ Ачинъ; это—азіатская Венеція, такъ какъ всѣ дома стоятъ на сваяхъ, которыя вбиты въ дно рѣки, текущей по равнинѣ въ илистыхъ берегахъ. Туземцы — малайцы, кажется, самое древнѣйшее племя, такъ какъ они сохранили древній народный языкъ почти въ совершеннѣйшей чистотѣ. Въ то время какъ малайцы другихъ странъ часто отличаются красивою наружностью и стройнымъ станомъ, ачинцы, вмѣстѣ съ живущими къ югу отъ нихъ баттами, нынѣ единственными обитателями Индійскаго архипелага, еще сохранившими каннибализмъ, — безобразнѣйшіе люди, какихъ только можно встрѣтить. Ачинцы — магометане, но никогда они не преслѣдовали другихъ вѣроисповѣданій. Поэтому о нихъ сложилась поговорка у сосѣднихъ народовъ: «ачинецъ проклинаетъ христіанина и тотчасъ же предлагаетъ ему свой хлѣбъ - соль». Какъ

всѣ восточные народы, въ торговлѣ они надуваютъ гдѣ и на чемъ только возможно. Въ ремеслахъ ачинцы поразительно отстали; они проявляютъ замѣчательное искусство лишь въ приготовленіи особенно тонкихъ шелковыхъ матерій и филиграновыхъ издѣлій по золоту и серебру. Ачинъ — монархія наслѣдственная и абсолютная; но рядомъ съ королемъ, выше и ниже его стоятъ государственныя и духовныя власти, носящія часто удивительно странныя имена. Главныя занятія ачинца — драки, пьянство, пари и куреніе опіума; исключеніемъ является только то время, когда онъ заботится о своихъ перечныхъ лозахъ, камфорныхъ деревьяхъ и арековыхъ пальмахъ, чтобы добыть средства къ доставленію себѣ вышеназванныхъ наслажденій. Эти растенія, имѣющія огромное значеніе для азіатской торговли, превосходно родятся. Кошки также представляютъ цѣнный товаръ и разведеніе ихъ образуетъ особую отрасль промышленности. Въ былое время Ачинъ господствовалъ надъ Зондскими островами и былъ самымъ могущественнымъ пиратскимъ государствомъ на этихъ островахъ. Почти всѣ племена Суматры занимаются пиратствомъ; малайцамъ оно кажется славнымъ дѣломъ. Особенно же отличаются въ этомъ отношеніи ачинцы, чѣмъ и было вызвано ихъ послѣднее столкновеніе съ голландцами. Каждый ачинецъ — солдатъ, каждая деревня имѣетъ свое маленькое войско; всѣ эти отряды должны являться вооруженными въ случаѣ объявленія войны. Вооруженіе состоитъ изъ шлема, панцыря, меча, лука и стрѣлъ, кромѣ болѣе или менѣе новыхъ ружей. (A. I. A. Gerlach. Atjih en de Atjinezen. Arnhem. 1873. 8°).

Подобно Суматрѣ, Борнео — самый значительный по величинѣ изъ четырехъ Большихъ Зондскихъ острововъ, пространствомъ въ 750,000 кв. километровъ, — также прорѣзанъ экваторомъ. По своему общему очертанію, онъ похожъ на грушу, обращенную острымъ концамъ къ сѣверу, и образуетъ плотно сомкнутую массу, мало расчлененную даже по регамъ. Внутреннія области изслѣдованы очень мало; только на югѣ и на западѣ нѣкоторыя побережья ближе извѣстны, такъ какъ они заселены европейцами. Номинально англичане владѣютъ большею частью южнаго берега, Понтіанакомъ на западномъ и Банджермасингомъ на южномъ и восточномъ берегахъ; голландцы же имѣютъ поселенія въ Лабуанѣ и въ другихъ мѣстахъ. Внутрь же острова какъ англичане, такъ и голландцы проникли мало. На сколько извѣстно, островъ состоитъ преимущественно изъ равнинъ, волнистыхъ низменностей и плоскогорій, на которыхъ внутри страны громоздятся мощные горные хребты; высочайшіе гребни ихъ изъ гранита, слюдянаго сланца, сіенита и известняка достигаютъ 3000 метровъ высоты надъ уровнемъ моря. Далѣе извѣстно, что почти по всему берегу Борнео тянется, на много кило-

метровъ ширины, поясъ болотной наносной почвы, прорѣзанный многими рѣками и рукавами; въ лѣсныхъ чащахъ его, гдѣ совмѣстное дѣйствіе тропическаго зноя и влажности породило роскошную растительность, лежатъ маленькія деревеньки и поселки туземныхъ дайаковъ.

Хотя климатъ Борнео, по своей природѣ, принадлежитъ къ тропическимъ, но этотъ островъ—одна изъ самыхъ здоровыхъ странъ жаркаго пояса; климатъ Борнео выносятъ даже европейцы. Борнео почти вездѣ имѣетъ кварцевую подпочву и повсюду плодороденъ, гдѣ только находится проточная вода; а такъ какъ островъ очень богатъ рѣками, то почти вся поверхность его очень производительна, и лѣсная растительность достигаетъ замѣчательной силы и густоты. Почва чрезвычайно богата драгоцѣнными произведеніями ископаемаго царства, особенно золотомъ, которое встрѣчается какъ въ видѣ самороднаго, въ жилахъ рудъ, такъ и въ видѣ розсыпей, въ пескахъ, валунахъ рѣкъ и въ наносной землѣ; далѣе—алмазами, особенно же желѣзными рудами, мѣдью, сурьмою, оловомъ и цинкомъ; наконецъ, Борнео чрезвычайно богатъ каменнымъ углемъ; не менѣе велика также добыча поваренной соли, сѣры, нефти, каменной соли, селитры и превосходной фарфоровой глины. Но еще богаче и разнообразнѣе міръ растеній. Болота и пески, скалы и склоны горъ покрыты и обвиты богатѣйшею, пышною растительностью, а въ первобытныхъ лѣсахъ число чужеядныхъ и вьющихся растеній, живущихъ на исполинскихъ деревьяхъ, по-истинѣ громадно. Даже песчаныя полосы одѣты вѣчно-зеленѣющимъ покровомъ злаковъ, кустарниковъ и низшихъ растеній. Насчитываютъ болѣе шестидесяти различныхъ полезныхъ и иногда очень красивыхъ древесныхъ породъ, которыя отчасти очень пригодны для тонкихъ столярныхъ работъ. На Борнео множество различныхъ масличныхъ, пряныхъ и волокнистыхъ растеній; кромѣ того, въ торговлю идутъ гуттаперча, пальмовый сахаръ (изъ аренговой пальмы), пальмовое масло, ладонъ, саго, камфора и другія цѣнныя смолы и бальзамы. Среди такой необычайной производительности растительной жизни, при такихъ непроницаемыхъ первобытныхъ лѣсахъ, само собою разумѣется, и животный міръ обнаруживаетъ чрезвычайно богатое развитіе, необыкновенное обиліе особей и видовъ всѣхъ классовъ. По фаунѣ, Борнео сходенъ въ главныхъ чертахъ съ фауною прочихъ острововъ Зондскаго архипелага. На сѣверо-восточномъ полуостровѣ все еще встрѣчаются дикіе слоны; кромѣ того, тигры, пантеры, буйволы, дикія свиньи, многочисленныя косули и олени, множество летучихъ мышей, грызуновъ—бѣлокъ, выдръ, к ысъ и т. д. Характеристичныя же, такъ сказать, специфически свойственныя острову Борнео животныя суть: орангъ-утангъ, носачи (носатыя обезьяны), Potamophilus barbatus, нѣсколько особыхъ дикобразовъ, леопардовыя кошки, особый родъ крокодила и нѣкоторые роскошно оперенные виды птицъ.

Воды острова и моря у береговъ кишатъ отмѣнною рыбою, ловля которой составляетъ главнѣйшее занятіе дайаковъ. Дайаки—красивое, сильное племя, съ коричневымъ цвѣтомъ кожи, даровитая и способная раса, исполненная духа предпріимчивости; но развитіе ея затормазили малайскіе завоеватели, которые поселились по всей береговой полосѣ, вытѣснили туземцевъ во внутренность острова и основали государства сообразно малайскимъ воззрѣніямъ. Первобытные жители Борнео, едва въ числѣ одного милліона, распадаются на пять большихъ племенъ; всѣ они говорятъ на нарѣчіяхъ одного и того же, мало развитаго языка, не имѣютъ письменъ и литературы. За то дайаки обнаруживаютъ большое искусство въ приготовленіи оружія, лодокъ, судовъ, домовъ и посуды, въ обработкѣ желѣза и другихъ металловъ. Они живутъ маленькими общинами на семейный ладъ, не имѣютъ никакихъ ремесленниковъ и промышленности, но сами изготовляютъ всѣ предметы обыденной жизни — отъ очень чисто отдѣланнаго и удобнаго дома, построеннаго на берегу рѣки, или на сваяхъ надъ водою, до желѣзнаго меча и кинжала, рыболовныхъ снастей и страшныхъ «сампитановъ», или трубокъ въ 2—3 метра длиною, изъ которыхъ они стрѣляютъ чрезвычайно мѣтко, на разстояніи 30—40 шаговъ, отравленными стрѣлами, толщиною въ вязальную спицу; дайаки употребляютъ эти сампитаны съ большимъ успѣхомъ какъ на охотѣ, такъ и на войнѣ. Безнравственный обычай собиранія человѣческихъ головъ, въ основаніи котораго лежитъ то суевѣрное воззрѣніе, будто такимъ путемъ можно снискать милость высшаго существа,—обычай, требовавшій для своего удовлетворенія много тысячъ головъ ежегодно, прежде дѣлалъ дайаковъ очень страшными; но недавно англичанину Джемсу Бруку (Brooke), долго проживившему на Борнео и достигшему титула саравакскаго раджи, удалось, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ его вліянія, уничтожить этотъ варварскій обычай.

Мы вступаемъ изъ Азіи въ Австралію, переходя отъ Борнео къ Целебесу, послѣднему изъ большихъ Зондскихъ острововъ, черезъ Макассарскій проливъ, отдѣляющій первый островъ отъ втораго. Въ высшей степени своеобразна фигура Целебеса (198,000 квадр. километровъ); онъ состоитъ главнымъ образомъ изъ четырехъ косъ, образованныхъ тремя глубокими морскими заливами и простирающихся на югъ, юго-востокъ, востокъ и сѣверъ; только западный берегъ представляетъ узкую, мало разчлененную и доступную окраину. Какъ и всѣ острова Зондскаго архипелага, Целебесъ—островъ гористый, вулканическій, богатый короткими рѣками и отчасти высоко лежащими озерами; климатъ его тропическій, но здоровый; Целебесъ надѣленъ всѣми произведенія растительнаго царства, съ которыми мы уже познакомились при

описаніи прочихъ Большихъ Зондскихъ острововъ. Населеніе, въ числѣ около 2—3 милліоновъ, состоитъ изъ альфуровъ—аборигеновъ и малайскихъ племенъ буги, или бугинцевъ, и манкассаровъ. Первое племя, распространенное по всему Остъ-Индскому архипелагу, въ особенности же по берегамъ моря,—безусловно самое выдающееся изъ малайскихъ племенъ: это—самый торговый, самый предпріимчивый народъ Океаніи. Голландія претендуетъ на господство надъ всѣмъ Целебесомъ, хотя ей непосредственно подчинены лишь округа Манкассаръ—на юго-западномъ и богатый кофейными деревьями Менадо—на сѣверо-восточномъ полуостровахъ. Остальная часть острова занята большимъ числомъ мелкихъ государствъ, князья которыхъ признаютъ надъ собою верховную власть нидерландскаго короля. Важнѣйшія поселенія Целебеса суть: Флаардингенъ, или Манкассаръ—на югѣ и Менадо—на сѣверѣ.

Малые Зондскіе острова, т. е. цѣпь изъ 39 острововъ, составляющихъ восточное продолженіе Явы, образуютъ дугу, которая продолжается до Новой Гвинеи и какъ бы соединена съ ней посредствомъ южной группы Молукковъ и островами Ару или Ки. Всѣ они также вулканическіе, а въ климатическомъ, физическомъ и производительномъ отношеніяхъ очень сходны съ сосѣдними островами. Большинство изъ нихъ, посредственно или непосредственно, подчинено Голландіи, и только сѣверная половина Тимора да маленкій островъ Камбингъ принадлежатъ Португаліи.

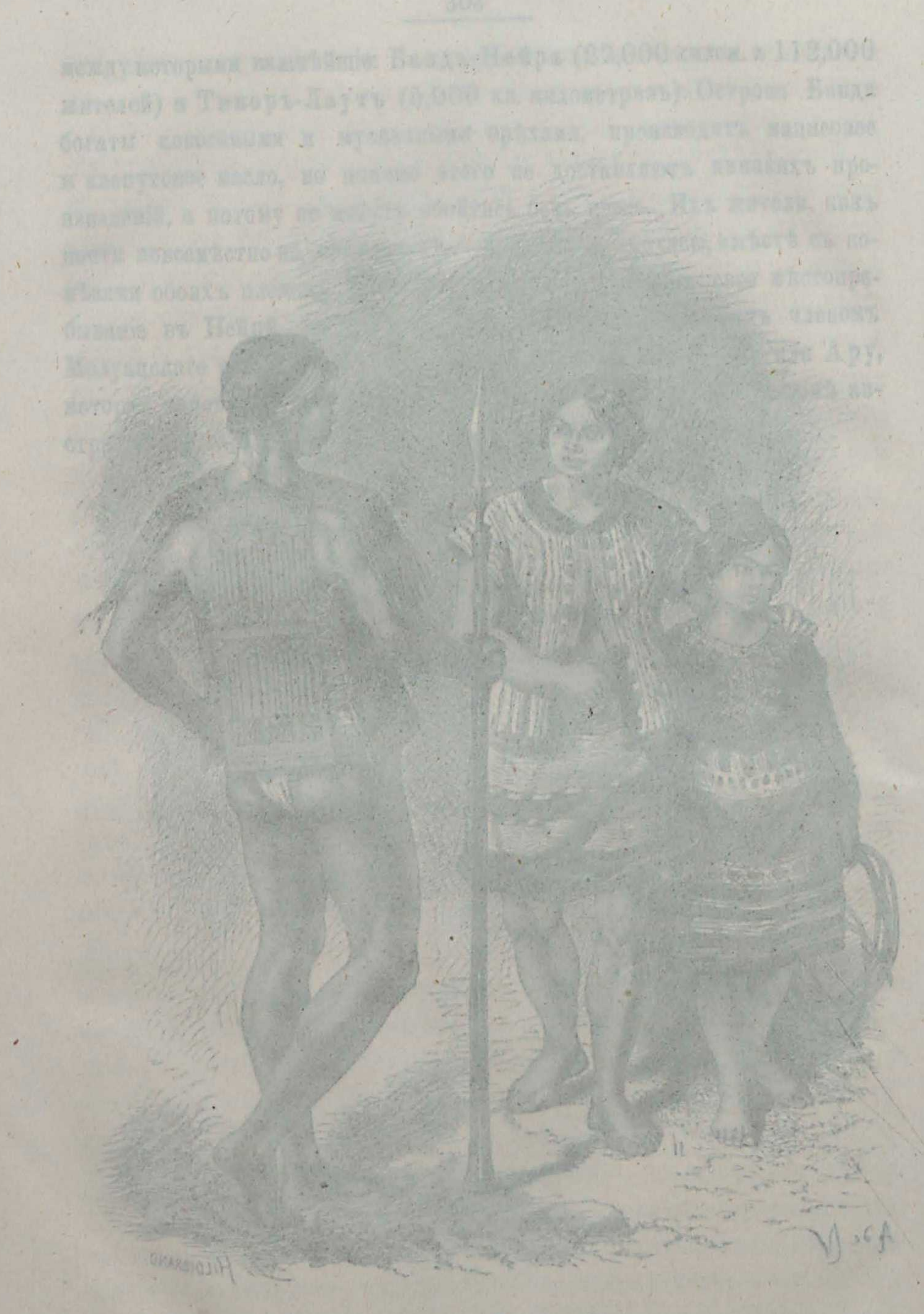
Важнѣйшіе изъ Малыхъ Зондскихъ острововъ суть: Бали—у восточнаго конца Явы, называемый часто Малою Явою, чрезвычайно плодороденъ и имѣетъ полмилліона населенія. Бали—еще азіатскій островъ; напротивъ, Ломбокъ, лежащій по сосѣдству, къ востоку отъ него, географически принадлежитъ уже Австраліи, хотя отдѣленъ отъ Бали только узкимъ проливомъ. Ломбокъ, по величинѣ нѣсколько меньше Бали, имѣетъ лишь 200,000 населенія; на сѣверномъ концѣ острова находится вулканъ, высотою въ 4200 метровъ; важнѣйшій городъ Ломбока—Матарамъ. Далѣе, значительные острова этой цѣпи суть: Сумбава, извѣстный страшнымъ вулканическимъ изверженіемъ Тамборы, бывшимъ 11 апрѣля 1815 года и во время котораго погибло 42,000 человѣкъ; Мангараи или Флоресъ, только отчасти платящій Голландіи дань и еще мало изслѣдованный внутри, также какъ и островъ Чиндана или Сандельбошъ (т. е. Сандальный); наконецъ, островъ Тиморъ, самый большой и самый восточный изъ Малыхъ Зондскихъ острововъ, имѣетъ, по приблизительному счисленію, одинъ милліонъ жителей: негритосовъ, малайцевъ, китайцевъ и европейцевъ; онъ особенно богатъ сандальнымъ деревомъ, но также мало изслѣдованъ внутри. Пор-

тугальскій губернаторъ сѣверо-восточной части Тимора имѣетъ резиденцію въ Дилли, а голландскій—въ Купангѣ.

Подъ Молуккскими или Пряными островами понимаютъ восточные Остъ-Индскіе острова между Целебесомъ, Малыми Зондскими островами и Новою Гвинеею. Географически они вполнѣ принадлежатъ Австраліи и состоятъ почти изъ ста острововъ, съ общею поверхностью около 100,000 кв. километровъ, на которыхъ самое большее живетъ 1 милліонъ малайцевъ и папуасовъ. Молуккскіе острова можно раздѣлить на три группы: Сѣверную, Среднюю и Южную. Сѣверную группу образуютъ собственно Молуккскіе острова, между которыми Джилоло или Гальмагерра, по своему очертанію поразительно сходный съ Целебесомъ, — самый значительный. При 16,000 кв. килом. поверхности, этотъ высокій, вулканическій островъ населенъ едва 30,000 жителей, часть которыхъ находится подъ голландскимъ владычествомъ. Голландцы владѣютъ только нѣкоторыми береговыми округами; внутри же обитаютъ независимыя племена. Главный городъ—Джилоло на западномъ берегу. Предъ нимъ лежатъ маленькіе голландскіе острова: Тернатъ съ коническимъ вулканомъ въ 1800 метр. высоты и важнымъ торговымъ городомъ того же имени, и Тидоръ; оба они управляются султанами, платящими дань. Къ собственно Молуккамъ принадлежатъ также Моротаи, Бачіанъ и др. Къ Средней группѣ, или Амбоинской, причисляется самъ Амбоина, родина пряной гвоздики и красновато-желтаго твердаго пальмоваго дерева, въ 740 кв килом., 50,000 жителей; правильно и красиво построенный городъ того же имени, съ прекрасною гаванью (13,000 жителей), есть резиденція голландскаго губернатора Молуккскихъ острововъ; далѣе, кромѣ Буру, къ этой же группѣ относится островъ Церамъ, или, правильнѣе, Сирангъ, самый большой въ Амбоинской группѣ (18,000 кв. километровъ), съ высокими, доходящими до 2800 метр., горами; но, не смотря на свое плодородіе, онъ слабо населенъ; внутренность страны занимаютъ дикіе альфуры или гарафуры, быть можетъ, аборигены Молуккскихъ острововъ, но, вѣроятнѣе, происшедшіе отъ смѣшенія малайцевъ съ папуасами; по крайней мѣрѣ, этнографически они очень близки къ туземцамъ Австраліи, хотя имѣютъ также ясные признаки физическихъ особенностей малайцевъ. Внутренность Церама еще очень мало изслѣдована. Наконецъ, самая южная группа—вулканическіе, часто, подвергающіеся землетрясеніямъ, съ нездоровымъ климатомъ, острова Банда,

между которыми важнѣйшіе: Банда-Нейра (22,000 килом. и 112,000 жителей) и Тиморъ-Лаутъ (5,000 кв. километрввъ). Острова Банда богаты кокосовыми и мускатными орѣхами, производятъ мацисовое и каепутовое масло, но помимо этого не доставляютъ никакихъ произведеній, а потому не могутъ обойтись безъ ввоза. Ихъ жители, какъ почти повсемѣстно на архипелатѣ,—малайцы и папуасы, вмѣстѣ съ помѣсями обоихъ племенъ. Голландскій резидентъ имѣетъ свое мѣстопребываніе въ Нейрѣ на островѣ Банда-Нейра. Послѣднимъ членомъ Молуккскаго архипелага можно считать цѣпь островов Ки или Ару, которая тянется къ югу отъ Новой Гвинеи и уже носитъ вполнѣ австралійскій характеръ.

Типы дайяковъ.



АВСТРАЛІЯ.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ.

Если мы взглянемъ на ту обширную часть поверхности нашей планеты, которая лежитъ между берегами Задней Индіи въ Азіи и берегами республики Экуадоръ въ Америкѣ, то увидимъ, что она по экватору занимаетъ 180° долготы, т. е. половину общаго протяженія земнаго шара, надъ которою катятся волны синяго Южнаго моря. Это огромное пространство усѣяно группами острововъ и, конечно, очень неравномѣрно: между тѣмъ какъ большая часть моря, именно ограниченная съ запада Японіею, съ востока—Каллифорніей, съ сѣвера Алеутскими и съ юга Гавайскими островами, одна только, по справедливости, и заслуживающая названія Тихаго океана, вполнѣ лишена острововъ,—за нею, до самой южной границы коралловыхъ образованій, слѣдуютъ цѣлые миріады мелкихъ острововъ, и лишь въ юго-западной части мы видимъ сгруппированными вмѣстѣ бóльшія массы суши. Здѣсь лежатъ сравнительно близко одна около другой Новая Гвинея, Австралійскій материкъ съ Тасманіею и Новая Зеландія, въ явной связи съ богатыми формами образованіями Малайскаго архипелага, восточная половина котораго, какъ мы уже знаемъ, дѣйствительно и относится къ Австраліи. Весьма вѣроятно, что Новая Гвинея, Молукскіе острова, Целебесъ и простирающаяся до Ломбока гряда острововъ были соединены съ материкомъ Австраліи еще въ позднѣйшее время—послѣ того какъ произошло отдѣленіе отъ Азіи. Мысъ Іоркъ, лежащій при сѣверной оконечности австралійскаго полуострова Карпентарія, продолжается въ видѣ цѣпи высокихъ скалистыхъ острововъ до Новой Гвинеи, а глубина Торресова пролива между этою по-

*

слѣднею и континентомъ Австраліи нигдѣ не превышаетъ 9 саженъ. Съ другой стороны, Луизіадскій архипелагъ, къ сѣверо-востоку отъ Австраліи,—ни что иное, какъ опустившаяся въ море часть Новой Гвинеи. Равнымъ образомъ Тасманію или Ванъ-Дименову землю необходимо разсматривать, какъ истинную южную оконечность Австраліи, такъ какъ Бассовъ проливъ очень мелокъ, и Тасманія въ сравнительно недавній геологическій періодъ была соединена съ близлежащимъ материкомъ. Помнѣнію Пешеля, Австралія, слѣдовательно, была прежде значительно обширнѣе; но и съ восточной стороны она тоже утратила въ размѣрахъ, такъ какъ тамъ простираются опасные Большіе Рифы, коралловыя стѣны которыхъ опустились на значительную глубину, сохранивъ намъ, однако, очертаніе береговъ прежней Австраліи. Кромѣ того, на восточной сторонѣ и въ значительномъ удаленіи мы замѣчаемъ большіе острова, которые, какъ можно предположить, принадлежали нѣкогда Австраліи, хотя, быть можетъ, въ дотретичный періодъ,—именно невулканическая Новая Каледонія, медленно понижающаяся въ настоящее время, а въ еще болѣе отдаленный періодъ—и Новая Зеландія.

Еще величественнѣе, чѣмъ въ Австраліи, которую мы должны считать понижающимся материкомъ, съ физіономіею третичнаго періода, представляются намъ явленія пониженія поверхности земнаго шара въ Южномъ морѣ. Всѣ «атоллы», или настоящіе коралловые острова, выросли на поверхности опустившейся суши, и дно Южнаго моря все-еще постоянно понижается. Отъ нѣкогда существовавшей и дремлющей здѣсь подъ морскими волнами части свѣта поднимаются, среди безчисленныхъ острововъ Тихаго океана, лишь острые зубцы. За исключеніемъ причисляемыхъ къ Азіи группъ острововъ Зондскаго и Китайскаго морей, всѣ остальные австралійскіе острова въ географическомъ отношеніи обыкновенно распредѣляютъ въ слѣдующія четыре категоріи: 1) Австралійскій континентъ съ Тасманіей; 2) Меланезія—острова отъ Новой Гвинеи на западѣ до острова Вити—на востокѣ; 3) Микронезія—мелкіе острова архипелаговъ Пелевскаго, Ладронскаго, Каролинскаго, Маршальскаго и Жильбертова; наконецъ, 4) Полинезія отъ острова Елисея—на западѣ до Низменныхъ или Помоту—на востокѣ, со включеніемъ группы Гаваи или Сандвичевыхъ—на сѣверѣ и Новой Зеландіи—на югѣ. Три послѣднія группы вмѣстѣ, въ противуположность Австраліи, именемъ которой обозначаютъ континентальную массу, можно назвать Океаніею. Различаютъ также: внутреній поясъ ос-

тровов, который начитается Новою Гвинеею, огибаетъ австралійскій континентъ съ востока до Новой Зеландіи, и внѣшній поясъ; послѣдній начинается у Филиппинскихъ островов и тянется до береговъ Америки. Острова послѣдняго пояса, сравнительно съ островами перваго, всѣ очень малы и суть по природѣ или высокіе, базальтово-вулканическіе, съ безчисленными потухшими кратерами, или кораллового происхожденія, такъ называемые «атоллы». Атоллы—кольцеобразныя, низкія образованія, имѣющія внутри лагуны, сообщающіяся съ моремъ посредствомъ канала между рифами; но часто кольцо бываетъ разорвано и образуетъ тогда нѣсколько островов. Внутреннія воды, или лагуны, атолловъ богаче моллюсками и трепангами, чѣмъ рыбами; на коралловыхъ-же кольцахъ кокосовыя пальмы часто представляютъ единственную растительность.

За исключеніемъ Новой Зеландіи и южной половины Австраліи, остальная часть континента и вся Океанія лежатъ въ жаркомъ поясѣ, къ югу отъ экватора; но климатъ ихъ несравненно мягче, чѣмъ въ Старомъ Свѣтѣ, одинъ изъ наиболѣе здоровыхъ и пріятныхъ, какіе только извѣстны. Относительно растительнаго и животнаго царствъ несомнѣнно, что въ направленіи отъ запада къ востоку число видовъ уменьшается, также какъ и то, что континентъ и острова внѣшняго пояса носятъ совершенно различный характеръ. На этихъ островахъ плодоносныя деревья образуютъ великолѣпные лѣса и встрѣчаются питательные коренья; тамъ если и нѣтъ крупныхъ формъ животнаго царства, хищныхъ животныхъ и ядовитыхъ змѣй, за то встрѣчаются великолѣпно окрашенные виды птицъ; австралійскій же континентъ во всѣхъ отношеніяхъ указываетъ на то, что онъ предъ всѣми странами свѣта имѣетъ преимущественное право на названіе «Стараго Свѣта»; въ своей флорѣ и фаунѣ онъ до настоящаго времени сохранилъ одежду тѣхъ временъ, когда кенгуру былъ еще модною особою; рядомъ съ этими сумчатыми встрѣчаются лишенные тѣни лиственные лѣса, надъ которыми возвышаются исполинскіе канделябры эвкалиптовъ, превосходящихъ высотою калифорнскіе кедры.

Населеніе Австраліи и Океаніи распадается на три группы: на малайцевъ, папуасовъ и австралійскихъ негровъ или австралійцевъ. Послѣдніе—туземные жители континента Австраліи и Тасманіи, на которой, впрочемъ, немного лѣтъ тому назадъ они совершенно вымерли. Относительно того, что первобытные жители австралійскаго материка отличаются этнографически отъ островитянъ, согласны почти всѣ ученые.

Хотя они, по своему развитію, стоятъ всего ближе къ чернымъ обитателямъ сѣверной группы острововъ—папуасамъ, но мы считаемъ невозможнымъ отожествлять ихъ съ ними и обозначать общимъ именемъ австралійскихъ негровъ, или негритосовъ. Несомнѣнно, что австралійцы стоятъ на самой низкой ступени человѣческой цивилизаціи; они отличаются отъ животныхъ только человѣческимъ образомъ и грамматически довольно высоко развитымъ языкомъ. Папуасы населяютъ Новую Гвинею, которую потому иногда и называютъ Папуасіей, а также близлежащіе острова, до острова Вити на востокѣ, слѣдовательно—область, назымую обыкновенно Меланезіей. Намъ кажется положительно ошибочнымъ считать меланезійцевъ особымъ, отличнымъ отъ папуасовъ, типомъ, также какъ отожествлять папуасовъ съ австралійцами, что вполнѣ противорѣчитъ и результатамъ сравнительныхъ филологическихъ изслѣдованій. Въ австралійскомъ нарѣчіи происходитъ словопроизводство вообще только при помощи суффиксовъ; въ папуасскомъ же допускаются также и префиксы. Это грамматическое различіе на столько глубоко, что исключаетъ всякое родство папуасскаго языка съ австралійскими нарѣчіями. Черный, курчавый папуасскій типъ встрѣчается не только на вышеупомянутыхъ островахъ Меланезіи, но слѣды существованія смуглой расы распространены на всемъ пространствѣ Полинезіи и Микронезіи; вездѣ въ Полинезіи попадаются индивидуумы, которые, по смуглой, почти черной окраскѣ кожи и курчавымъ или шерстистымъ волосамъ очень близки къ папуасамъ. Напротивъ, малайцы и родственныя имъ племена, разбросанныя по отдѣльнымъ мѣстамъ, напримѣръ живущіе на восхваленныхъ островахъ Таити, на Маркизскихъ островахъ и пр., представляютъ свѣтлую расу; по бѣлизнѣ кожи, красотѣ формъ и благородствѣ чертъ эти племена не уступаютъ европейцамъ. Всѣ эти расы видимо исчезаютъ при ядовитомъ соприкосновеніи съ благословеніями нашей цивилизаціи. Нигдѣ не проявляется въ такихъ громадныхъ размѣрахъ неудержимый процессъ «вымиранія дикихъ народовъ», какъ на островахъ Южнаго моря.

ГЛАВА I.

Континентъ Австраліи.

Еще недавно материкъ Австраліи, особенно западную половину его, причисляли къ самымъ малоизвѣстнымъ областямъ земли; въ нѣсколько послѣднихъ лѣтъ изслѣдованія, однако, сдѣлали такіе быстрые успѣхи, что мы имѣемъ достаточно ясныя свѣдѣнія о природѣ всей страны, да и въ отношеніи частностей скоро останется сдѣлать лишь очень мало. Австралія немногимъ меньше Европы (7.627,827 квадр. километровъ); по очертанію, это—довольно аляповатый, неразчлененный материкъ, омываемый съ запада Индійскимъ, а съ востока Великимъ или Тихимъ океанами. На сѣверѣ его отдѣляетъ отъ Новой Гвинеи Торресовъ проливъ, шириною въ 150 километровъ; на югѣ Австралію отдѣляетъ отъ Тасманіи Бассовъ проливъ,—хотя часто посѣщаемый мореплавателями, но опасный. Параллельно восточному берегу, на разстояніи почти 45 километровъ отъ него, тянутся коралловые Большіе Рифы, длиною около 900 километровъ, и лишь единственный каналъ представлятъ безопасный проходъ чрезъ эти рифы; на сѣверѣ они простираются почти до мыса Іоркъ, крайняго пункта на полуостровѣ Іоркъ; этотъ полуостровъ самый значительный въ Австраліи. Онъ образуетъ съ западнымъ, далеко менѣе развитымъ, полуостровомъ Арнгемскимъ плоскую дугу Карпентарскаго залива, который такъ-же мало измѣняетъ характеръ очертанія Австраліи, какъ и Большой Австралійскій заливъ на югѣ. Западный берегъ вообще богаче бухтами, чѣмъ восточный, и образуетъ нѣсколько хорошихъ гаваней. На югѣ мы замѣчаемъ глубоко врѣзавшійся Спенсеровъ заливъ и мрачный заливъ Винцента съ островомъ Кенгуру, у узкаго полустрова Іоркъ (котораго

не слѣдуетъ смѣшивать съ одноименнымъ, находящимся на сѣверѣ континента).

Въ отношеніи рельефа Австралія представляетъ чрезвычайную простоту. Поверхность ея имѣетъ общее возвышеніе отъ юга къ сѣверу и отъ запада къ востоку. Болѣе высокія горы находятся на востокѣ и тянутся отъ Бассова пролива параллельно берегу, разбиваясь на многія цѣпи, до плоскаго полуострова Іоркъ на сѣверѣ. Такимъ образомъ, Австралія представляется наиболѣе поднятою вдоль своего восточнаго берега; однако и на западномъ берегу ея нѣтъ недостатка въ возвышенныхъ равнинахъ съ крутыми обрывами. Напротивъ, предположеніе, что Австралія представляетъ какъ бы поднятую со всѣхъ сторонъ по краинамъ и отпустившуюся внутри возвышенную равнину, за наиболѣе глубокое мѣсто которой принимаютъ Торренсово озеро и озеро Ейри (21,34 метра высоты надъ уровнемъ моря), лежащія на продолженіи Спенсерова залива,—вѣрно лишь въ томъ отношеніи, что низменность является господствующею формою поверхности. Къ ней примыкаетъ смѣшанная форма такъ называемой горной страны.

Горныя страны Австраліи не образуютъ связнаго цѣлаго; онѣ такъ раздѣлены одна отъ другой впадинами и развѣтвленіями низменностей, что, вѣроятно, уже при поднятіи уровня моря примѣрно на 100 метр. весь континентъ представлялъ бы группы многочисленныхъ острововъ различной величины. Эти горныя страны обыкновенно имѣютъ видъ холмистыхъ плоскогорій, преимущественно покрытыхъ рѣдкими, богатыми травой, напоминающими парки, лѣсами, безъ подлѣска, которые въ Австраліи носятъ названіе «Scrubs»; эти лѣса составляютъ особенность австралійской природы и весьма благопріятствуютъ скотоводству. Прорѣзывающія ихъ рѣчныя долины имѣютъ большею частью плодородную почву и представляютъ въ высшей степени годныя для культуры мѣста; такія земли распредѣлены въ Австраліи только оазисами, спорадически. Ущелья, по которымъ часто струятся горныя рѣки, обыкновенно глубоки и трудно проходимы; нерѣдко, однако, въ южной части континента они отличаются роскошною, почти тропическою растительностію. Эти возвышенныя равнины часто покрыты скалистыми горами, соединенными большею частью въ цѣпи, склоны и долины которыхъ то круты и отрывисты, то отлоги; однако, горныя страны въ видѣ уступовъ имѣютъ лишь незначительное протяженіе и не вполнѣ развиты. Распредѣленіе горныхъ странъ имѣетъ здѣсь слѣдующую особенность: онѣ тянутся вдоль береговъ, окружая внутренность континента. Въ Центральной Австраліи до сихъ поръ найдена только одна горная страна. Береговыхъ нагорныхъ областей извѣстно шесть. Важнѣй-

Городъ Аукландъ.

шія изъ нихъ—горная страна Викторіи и Новаго Южнаго Уэльса (New-South-Wales), подъ которыми понимаютъ юго-восточную часть Австраліи. Горная страна Викторіи образуетъ холмистое плоскогорье, большею частію съ плодородною почвою, на которой возвышаются двѣ отдѣльныя горныя цѣпи, идущія по направленію отъ сѣвера къ югу: Грампіанская—на западѣ и Пиренейская—на востокѣ; южный же склонъ этого плоскогорья обозначенъ рядомъ низкихъ вулканическихъ горъ, дѣятельность которыхъ, быть можетъ, еще не угасла. Родъ широкой впадины отдѣляетъ эту горную страну на сѣверѣ отъ горной страны Новаго Южнаго Уэльса, которая, при малой своей ширинѣ, тянется вдоль восточнаго берега, въ восточно-сѣверо-восточномъ направленіи, и въ цѣпи Австралійскихъ Альповъ, или въ Варрагонскихъ горахъ, имѣетъ высочайшую вершину Маунтъ-Косцюшко (2190 метровъ). За ними слѣдуютъ: отдѣленныя плоскогорьями, покрытыя лѣсомъ возвышенности Синихъ горъ (Blue Mountains) и, какъ исключеніе, идущая съ востока на западъ Ливерпульская цѣпь, на сѣверномъ склонѣ которой лежатъ красивыя и богатыя Ливерпульскія равнины. Къ востоку и сѣверу отъ нихъ простираются другія, гораздо болѣе высокія равнины, которыя образуютъ прекрасный луговой округъ Новую Англію и достигаютъ почти до сѣвернаго конца горной страны. Послѣдній состоитъ изъ такъ называемой «Раздѣлительной цѣпи», или Дивейдингъ-Ренджа (Dividing Range), которая съ запада ограничиваетъ долину береговой рѣки Брисбанъ, а на сѣверѣ понижается къ долинѣ Бурнетъ. На западномъ склонѣ Дивейдингъ-Ренджа лежатъ прекрасныя и богатыя луговыя равнины Каннингъ-Доунса и Дарлингъ-Доунса (Canning and Darling Downs), прорѣзываемыя направляющеюся внутрь рѣкою Кондаминъ. Къ сѣверу отъ нихъ начинается горная страна Квинсленда (Queensland), Земли Королевы, которая при сравнительно небольшой ширинѣ простирается въ сѣверо-западномъ направленіи до 17° ю. ш. и впадиною въ долинѣ нижняго Бурдекина раздѣляется на двѣ части различнаго образованія. Совершенно постепенно переходитъ она въ малоизвѣстную горную страну Сѣверной Австраліи, на сѣверномъ полуостровѣ континента, къ западу отъ залива Карпентарія. Внутренняя часть представляетъ возвышенныя равнины, которыя, по высотѣ надъ уровнемъ моря, даже превосходятъ подобныя же равнины горныхъ странъ восточнаго берега и отличаются плодородіемъ почвы, богатствомъ и пышностью растительныхъ формъ. Наименѣе извѣстна горная страна Сѣверозападной Австраліи, область рѣки Викторіи, впадающей въ Квинсъ-Ченнель (Queens Channel, Каналъ Королевы); эта область отдѣляется на югѣ низкимъ горнымъ хребтомъ отъ пустынной внутренней низменности. На сѣверѣ страна ниспадаетъ въ видѣ широкихъ, перерѣзанныхъ горными хребтами, террасъ или уступовъ, образованныхъ плодородными равнинами и орошаемыхъ притоками рѣки Викторіи, между тѣмъ какъ далѣе на востокъ снова тянутся пустынныя низменности.

Горная страна Западной Австраліи распадается на двѣ взаимносоединенныя, но по своему строенію весьма различныя, части. Сѣверная представляетъ обширныя, большею частью плодородныя равнины, по которымъ съ востока на западъ тянутся отдѣльныя горныя цѣпи и которыя прорѣзаны долинами рѣкъ: Ашбуртонъ (Ashburton), Гасконь (Gascogne) и верхнимъ Мурчисономъ (Murchison), текущихъ на западъ, къ океану. Южная, начинающаяся со средняго теченія Мурчисона, часть имѣетъ совершенно другое, въ высшей степени неблагопріятное для культуры строеніе. Широкія равнины, за исключеніемъ очень маленькихъ оазисовъ, въ которыхъ можно найти воду, деревья и траву, имѣютъ чрезвычайно неплодородную почву, почти совершенно лишены прѣсной воды и покрыты чащами низкаго кустарника. Горныя цѣпи здѣсь рѣдки; чаще возвышаются отдѣльныя, не связанныя одна съ другою, горы; но главную особенность страны составляютъ большіе озерные бассейны, которые почти всѣ имѣютъ соленую воду, часто же состоятъ лишь изъ содержащаго соль ила и, безъ сомнѣнія, образуютъ взаимно связанныя (хотя, само собою разумѣется, лишь несовершенно и недостаточно) рѣчныя системы, какъ, напримѣръ, системы Лебяжьей рѣки (Swan-River) и Блеквуда (Blackwood)—на югѣ, хотя для большинства этихъ бассейновъ соединеніе въ рѣчныя системы еще не опредѣлено. Западную границу этихъ плоскихъ возвышенностей, по направленію къ берегу, образуетъ рядъ горныхъ хребтовъ, между которыми наиболѣе значительный—Дарлингъ-Ренджъ. Наконецъ, горная страна Южной Австраліи, самая незначительная изъ всѣхъ, простирается отъ южнаго берега на сѣверъ, вдоль восточнаго берега большихъ заливовъ Винцента и Спенсера; на востокѣ она окружена низменностью, а на сѣверѣ—озерами Торренсова бассейна. Важнѣйшая цѣпь здѣсь—Флиндерсъ-Ренджъ (Flinders-Range).

Внутренняя часть Австраліи состоитъ, главнымъ образомъ, изъ низменностей, которыя мѣстами, именно тамъ, гдѣ горныя страны поморья отдѣлены одна отъ другой и оставляютъ промежутки,—доходятъ до морскаго берега. Строеніе этихъ низменностей почти вездѣ въ высшей степени неблагопріятно; это — однѣ изъ самыхъ ужасныхъ и наводящихъ страхъ пустынь нашей планеты. Плоскія, рѣдко холмистыя, однако иногда прерываемыя отдѣльно стоящими скалистыми горами, равнины имѣютъ преимущественно глинисто-песчаную, окрашенную въ красный цвѣтъ, почву, болѣе или менѣе содержащую соль; она покрыта на значительномъ протяженіи чащами и кустарникомъ общественноживущихъ растеній, съ жесткими, колючими листьями, главнымъ образомъ эвкалиптами, акаціями и проч.; такія чащи у жителей страны носятъ названіе «Scrub»; при этомъ, чрезвычайный недостатокъ воды; ключей совершенно не существуетъ въ этой пустынѣ; единственнымъ источникомъ воды являются рѣдко идущіе ливни, которые, однако, быстро превращаютъ почву въ совершенно непроходимыя болота, тогда какъ

продолжительныя жары дѣлаютъ ее твердою, какъ камень. Впрочемъ, отдѣльныя части этихъ низменностей отличаются между собою нѣкоторыми особенностями. Кромѣ того, въ срединѣ континента тянется непрерывный рядъ вышележащихъ равнинъ и горныхъ хребтовъ, которые могутъ быть соединены въ Центрально-Австралійскую горную страну.

Между низменностями первое мѣсто занимаетъ бассейнъ рѣкъ Муррея и Дарлинга въ юго-восточной части Австраліи. (H. Beckler. Das Murray und Darling-Gebiet. Географическій очеркъ, 1878 8°). «Австралія имѣетъ въ области рѣки Муррея величественную водную систему, которая выдерживаетъ сравненіе съ системами Стараго и Новаго Свѣта. Подобно Амазонской рѣкѣ, она раскидывается сотнями своихъ развѣтвленій и притоковъ на обширномъ пространствѣ и собираетъ воду съ мѣстностей, расположенныхъ почти у самыхъ противолежащихъ морскихъ береговъ, именно принимаетъ въ себя всѣ воды востока и юга Австраліи по эту сторону береговыхъ горъ, отъ 26 до 36° южной широты; она занимаетъ своимъ общимъ теченіемъ 13 градусовъ долготы. Муррей, послѣ пріема всѣхъ водъ, имѣетъ, однако, слишкомъ скромные размѣры, ибо бассейнъ его покрываетъ пространство, равное площади треугольника, вершины коего упираются въ города: Туринъ, Кенигсбергъ и Бѣлградъ. Масса воды, протекающая по очень излучистымъ русламъ этихъ рѣкъ и рѣчекъ, въ извѣстныя времена года громадна, обыкновенно же она не очень значительна; бываютъ мѣсяцы, когда количество воды въ рѣкахъ весьма ничтожно. Какъ вообще на всемъ континентѣ, такъ и ландшафтъ долины Муррея обрисованъ крупными штрихами. Мы видимъ предъ собою то прелестныя, волнообразныя линіи въ необозримой дали, исчезающія и появляющіяся вновь, представляя по цѣлымъ днямъ одинъ и тотъ же характеръ,—то смѣло очерченные горные хребты, которые, по крайней мѣрѣ, что касается впечатлѣнія, могутъ соперничать съ нашими горами, — то необозримыя равнины, горизонтъ которыхъ, подобно горизонту океана, окружаетъ насъ по цѣлымъ днямъ; надъ этими равнинами не возвышается ничего, кромѣ произведенныхъ зеркальностью воздуха дрожащихъ и парящихъ образовъ отдаленныхъ деревъ, или столь же несоразмѣрно увеличенныхъ, но всегда очень обманчивыхъ изображеній кустарничковъ. Сама рѣка почти вездѣ, по всему протяженію, представляетъ величественную картину, видимую съ высокаго берега. Съ береговыхъ утесовъ, по которымъ, часто очень близко къ водѣ, тянется дорога, можно далеко видѣть обширныя полосы русла и долины, причемъ воды не всегда ограничиваются однимъ русломъ. Цѣлая сѣть каналовъ и озеръ стоячей воды показывается то здѣсь, то тамъ, придавая широко развертывающимся въ такихъ мѣстностяхъ береговымъ ландшафтамъ необыкновенно богатый и оживленный видъ». (Beckler, Ibid.). Однако, большею частью бассейнъ рѣки Муррея состоитъ изъ пустынныхъ, лишенныхъ воды, равнинъ, покрытыхъ обыкновенно густымъ кустарникомъ, рѣдко низкимъ лѣсомъ или травя-

нистыми растеніями. Впрочемъ, бассейнъ Муррея распадается на двѣ части: южную—область собственно Муррея и сѣверную—область Дарлинга. Муррей, самая совершенная изъ всѣхъ австралійскихъ рѣкъ, вытекаетъ изъ горъ Варрагонгъ и, по принятіи въ себя Гольбурна и Лоддона, соединяется со второю вѣтвью—Муррумбиджи, которая, съ своей стороны, принимаетъ Лахланъ, если только онъ имѣетъ воду. Немного ниже Муррей соединяется съ Дарлингомъ, идущимъ съ сѣвера, который также составляется изъ двухъ рѣкъ и собираетъ всѣ воды, текущія по западнымъ склонамъ горъ, тянущихся по восточному морскому берегу. Кромѣ этой низменности, можно еще различать низменность Торренсова озера и нижняго Барку, далѣе — низменность Гарднерскаго озера, Бурке, Карпентарскую и Западную. Торренсова низменность, къ сѣверо-западу отъ Муррея, характеризуется главнѣйше рядомъ несвязанныхъ между собою озерныхъ бассейновъ, изъ которыхъ болѣе значительныя суть озера Торренсово и Эйри, величайшее изъ всѣхъ; большая часть этихъ озеръ, совершенно лишенныхъ воды, или содержащихъ лишь соленую воду, образуетъ не вполнѣ развитую дельту рѣки Куперъ, которая въ верхнемъ теченіи носитъ названіе Барку; это—одна изъ самыхъ страшныхъ пустынь Австраліи. Не столь непривлекательна, лежащая къ юго-западу отъ предшествующей, низменность Гарднерскаго озера, которое опять-таки представляетъ лишь наибольшее изъ скопленій различныхъ соляныхъ озеръ. Негостепріимная область рѣки Бурке въ западномъ Квинслендѣ, а также Карпентарскія низменности, обладающія, сравнительно со всѣми прочими низменностями Австраліи, наибольшими естественными преимуществами,—извѣстны намъ мало. Страшную картину представляютъ также, мѣстами покрытыя Triodia irritans, западныя пустыни, которыя, не смотря на это, въ послѣдніе годы были неоднократно посѣщаемы путешественниками. Въ центрѣ этихъ пустынь находится возвышенная страна съ цѣпью Макдональдъ (Makdonald-Range), а къ юго-западу отъ нея лежитъ большое соляное озеро Амадеусъ (Amadeus). (Petermann und Meinicke: Australien. Gotha. 1871. 4°).

Сдѣланное выше описаніе показываетъ, что Австралія богата стоячею водою; но существованіе ея въ продолженіи всѣхъ временъ года лишь въ рѣдкихъ случаяхъ обезпечено. Впрочемъ, австралійскія озера не могутъ быть сравниваемы съ озерами другихъ странъ уже потому, что питаніе ихъ всецѣло зависитъ отъ приносящихъ дождь муссоновъ. Они питаются не такъ, какъ прочія озера—притоками, или влажностью почвы, но лежатъ среди совершенно безводной пустыни. Австралія несомнѣнно еще болѣе, чѣмъ Африка, представляетъ пустынную и степную часть свѣта par exellence. Такъ какъ горныя окраины Австраліи расположены именно со стороны господствующихъ вѣтровъ, то пассаты,

поднимаясь по этой стѣнѣ, теряютъ часть влажности прежде, чѣмъ достигнутъ внутренности материка. Поэтому уже у самаго края береговой террасы начинаются степи. Сначала мы видимъ тучныя пастбища (Darling Downs), затѣмъ они становятся все суше и суше. Средина материка нагрѣвается накаленнымъ воздухомъ, и потому остатокъ влаги пассатовъ не можетъ сгуститься въ пары. Въ дневникахъ изслѣдователей, посѣщавшихъ австралійскій континентъ, постоянно повторяется наблюденіе, что томящіеся отъ жажды люди видятъ, какъ небо покрывается облаками, они каждую минуту ожидаютъ дождя, но тщетно: ихъ надежды постоянно обманываются, облака проходятъ мимо, не сгустивъ въ капли паровъ воды, сдѣлавшихся уже видимыми. Такъ какъ излученіе теплоты ихъ накаленной почвы повышаетъ температуру воздуха, то точка росы (предѣлъ насыщенія атмосферы парами, за которымъ начинается переходъ ихъ въ капельножидкое состояніе) становится выше, и видимыя пары воды снова принимаютъ газообразную форму. Печальнымъ послѣдствіемъ всего этого является то, что Австралія имѣетъ только береговыя рѣки, или періодическія внутреннія водовмѣстилища, и хотя на географическихъ картахъ она представляется лишь въ видѣ большаго острова, но внутри наполнена пустынями, подобно обширному материку. (Peschel. Neue Probleme. S. 192—193). Единственная, настоящая рѣчная система—Муррея и ея притоковъ, Дарлинга и Муррумбиджи, находится лишь въ юго-восточной части континента и получаетъ свое начало на западныхъ склонахъ Австралійскихъ Альповъ и ихъ сѣверныхъ продолженій. Въ остальныхъ же мѣстахъ встрѣчаются только маленькія рѣки (Creeks), пересыхающія въ лѣтнюю пору. Даже большія рѣки обращаются тогда въ рядъ лужъ. Зимою, напротивъ, онѣ затопляютъ широкія пространства и превращаютъ ихъ въ непроходимыя болота; затѣмъ лѣтомъ, вслѣдствіе недостатка воды, животныя часто погибаютъ тысячами, и огромныя поверхности становятся снова пустынями.

Климатъ Австраліи, вслѣдствіе сухости и мягкости воздуха, считается здоровымъ, но онъ очень различенъ въ разныхъ частяхъ. Сѣверная треть континента имѣетъ тропическій, остальная подтропическій и умѣренный климатъ. Область тропическихъ дождей простирается до 19° ю. ш.; сѣвернѣе дожди бываютъ только лѣтомъ,—отъ ноября до апрѣля; къ югу-же—лишь зимою (отъ апрѣля до ноября), а между ними лежитъ полоса съ неправильно и рѣдко идущими дождями. По берегамъ господствуетъ морской климатъ. Внутри страны обширныя

безводныя и безлѣсныя пространства часто страдаютъ отъ постоянныхъ засухъ, которыхъ, однако, не бываетъ на югѣ Австраліи. Вообще же температура южной Австраліи одинакова съ температурою южной Европы, такъ что тамъ безопасно можно работать и ночевать на открытомъ воздухѣ.

Въ отношеніи животнаго и растительнаго царствъ Австралія сильно отличается отъ прочихъ частей свѣта. Здѣсь мы встрѣчаемъ совершенно особый міръ, стоящій совершенно изолированнымъ и неимѣющій ничего общаго съ другими. На всемъ громадномъ протяженіи, вдоль береговой линіи австралійскаго континента, видъ растительности характеризуется поразительно мрачною и монотонною окраскою, что̀ зависитъ отъ особенностей эвкалипта и кустарниковъ, а именно: листья ихъ не имѣютъ различія въ окраскѣ верхней и нижней своей поверхности, а между тѣмъ отъ этого сильно зависитъ разнообразіе красокъ въ нашихъ лѣсахъ. Листья свѣшиваются внизъ большею частью вертикально, а не простираются горизонтально, какъ листья нашихъ деревъ; поэтому австралійскіе лѣса и не даютъ никакой тѣни. При путешествіяхъ во время знойнаго полуденнаго солнца это очень чувствительно и тяжело,— въ особенности, если въ средину густаго лѣса удается проникнуть лишь съ большимъ трудомъ. Чрезвычайно большія пространства, занимаемыя этими растеніями, увеличиваютъ еще болѣе однообразное впечатлѣніе, производимое ими. Перемѣна временъ года, которая въ другихъ, внѣтропическихъ, странахъ обусловливаетъ опаденіе листьевъ, и свѣжею, яркою зеленью, въ весеннюю пору, или пестрою богатою окраскою, въ осенніе мѣсяцы, придаетъ разнообразіе листвѣ,—проходитъ безслѣдно для лѣсовъ Австраліи: они постоянно сохраняютъ свой оливково-зеленый покровъ. Внутри, повидимому, однообразнаго лѣса часто можно найти мѣста, занятыя гигантскими, великолѣпными растеніями, иногда расположенными въ прекрасныя аллеи, свободныя отъ кустарника и подлѣска; мѣстами растительность покрываетъ склоны или окаймляетъ долины, прорѣзанныя ручьями и покрытыя нѣжнымъ ковромъ дерна. Мѣстами лѣсъ образуетъ опушку открытаго пространства, занятаго попеременно холмами и долинами, усѣянными прелестными группами деревъ, одѣтыми богатѣйшимъ дерномъ, украшенными цвѣтами разнообразныхъ формъ и красокъ. Или лѣсъ превращается въ невообразимую чащу, въ которой безчисленные цвѣтущіе кустарники и прелестныя вьющіяся растенія образуютъ такіе же непроницаемые и живописные пологи, какіе можно видѣть только въ лѣсахъ Бразиліи. Эта роскошная лѣсная растительность представляетъ поразительнѣйшій контрастъ однообразному покрову пустынь съ Trioda irritans (Spinifex).

Еще замѣчательнѣе животный міръ Австраліи. Она сохранила отъ третичнаго періода, въ который была прервана связь его съ Азіею и Европою, не только особенный, странный растительный міръ, но так-

же и своеобразную фауну: изъ 131 австралійскаго вида сухопутныхъ млекопитающихъ не менѣе 102 принадлежатъ къ сумчатымъ, существовавшимъ въ Европѣ только въ третичный періодъ, но теперь вымершимъ вездѣ, за исключеніемъ единственнаго рода въ Америкѣ, именно Didelphys. Въ Австраліи нѣтъ ни одного вида обезьянъ, хищныхъ животныхъ, за исключеніемъ новоголландской собаки—динго, да и та, впрочемъ, быть можетъ, распространилась здѣсь искусственно; въ Австраліи нѣтъ копытныхъ, неполнозубыхъ; встрѣчаются только беззубыя, а также летучія мыши и грызуны. Лошадь и оселъ, овца и свинья также какъ и верблюдъ въ позднѣйшее время, были введены европейцами. Австралія, слѣдовательно, есть древнѣйшій островъ или континентъ, т. е. она представляетъ ту часть свѣта, творенія которой еще не сбросили съ себя одежду глубокой геологической старины.

Еще древнѣе Австраліи — островъ Тасманія или Вандименова Земля. Правда, растительный міръ Тасманіи незначительно отличается отъ австралійскаго, но сухопутныя птицы, прѣсноводныя рыбы и въ особенности незначительное число семействъ сумчатыхъ животныхъ заставляетъ насъ заключить, что Тасманія отъ Австраліи отдѣлилась еще въ то время, когда послѣдняя была соединена съ Азіею. (Peschel, Neue Probleme, S. 56—57). Тасманія представляетъ почти равносторонній треугольникъ, съ красивымъ и безопаснымъ крутобережьемъ, — сплошную возвышенную равнину, среди которой поднимаются отдѣльныя горныя цѣпи до 1600—1700 метровъ высоты. Низменностей здѣсь совершенно нѣтъ.

Столь-же древни, какъ флора и фауна, чернокожіе первобытные жители Австраліи, видимо исчезающіе «черные братья», низкая степень культуры которыхъ напоминаетъ первыя стадіи человѣческой исторіи,— предположеніе, которому никоимъ образомъ не противорѣчитъ сравнительная развитость австралійскихъ языковъ. Австралійцы, весьма малочисленные, распадаются на множество племенъ, которыхъ слѣдуетъ строго отличать какъ отъ курчавыхъ, смуглыхъ папуасовъ, такъ и отъ гладко-волосыхъ, оливковожелтыхъ малайцевъ-полинезійцевъ, ибо австралійцы образуютъ совершенно отдѣльный типъ въ племенномъ отношеніи.

Вообще австралійцы ниже бѣлокожихъ племенъ средняго роста и по развитію мускулатуры стоятъ далеко позади ихъ. Члены тонки и беспримѣрно худы; животъ же сильно развитъ. Строеніе костей чрезвычайно пропорціональное, можно сказать, — даже красивое. Поразительно, что, подобно другимъ темнокожимъ расамъ, у австралійцевъ замѣчается совершенное отсутствіе икръ. Черепъ у мужчинъ нѣсколько красивѣе, чѣмъ у женщинъ; вообще же онъ имѣетъ узкую и удли-

ненную форму; челюсти высокія; нижаяя часть лба выдается впередъ, верхняя же сильно отклонена назадъ. Носъ у основанія узокъ, вслѣдствіе чего глаза кажутся сближенными; книзу же онъ расширенъ и нѣсколько приплюснутъ. Уши немного отогнуты впередъ; ротъ великъ и безобразенъ; зубы, напротивъ, красивы и бѣлы. Верхніе зубы покрываютъ нижніе, то же и относительно губъ. Нижняя челюсть сжата; подбородокъ малъ и отходитъ назадъ; кожа большею частью кофейно-бурая, рѣже черная; волоса сильно развиты не только на головѣ, но и на всемъ тѣлѣ, У мужчинъ на подбородкѣ и щекахъ волоса растутъ обильно. Жесткіе, черные, какъ смоль, волоса, нѣсколько курчавы, но не вполнѣ шерстовидны. Потъ имѣетъ своеобразный, противный запахъ, невыносимый для цивилизованнаго носа, особенно вслѣдствіе натиранія тѣла жиромъ различныхъ большихъ рыбъ. Средняя продолжительность жизни—около 50 лѣтъ.

Умственныя способности австралійцевъ, если сравнивать послѣднихъ съ высоко-организованными животными, значительно развиты; напротивъ—при сопоставленіи съ высшими человѣческими расами — весьма ограничены. Австралійцы обладаютъ необыкновеннымъ искусствомъ въ отношеніи всего того, что имѣетъ значеніе въ ихъ обыденной жизни. Ихъ снаряды и оружіе хотя въ высшей степени примитивны, но очень цѣлесообразны; они умѣютъ пользоваться ими съ большимъ остроуміемъ при охотѣ на дичь. Въ выслѣживаніи и преслѣдованіи дичи австраліецъ не имѣетъ себѣ равнаго; поэтому для всевозможныхъ родовъ механическихъ искусствъ онъ можетъ быть употребленъ съ успѣхомъ. Онъ прекрасный охотникъ и скотникъ, хорошій работникъ, коль скоро ему напередъ точно назначена работа. При значительной способности къ подражанію, онъ легко выучивается чужому языку, а равно къ живописи и музыкѣ обнаруживаетъ порядочныя дарованія. Напротивъ, для работъ, требующихъ самостоятельности и самодѣятельности, онъ негоденъ. Жизнь его протекаетъ между ѣдою и сномъ, голодомъ и охотою. Забота о слѣдующемъ днѣ для него совсѣмъ неизвѣстна. Во многихъ мѣстностяхъ австралійцы ходятъ совершенно нагими, только въ болѣе суровомъ климатѣ (на югѣ континента) или впродолженіи холоднаго времени года покрываются шкурою кенгуру. Замѣчательно, что у нихъ вполнѣ отсутствуетъ чувство стыда, что̀ сказывается уже въ способѣ употребленія одежды. Украшенію головы посвящается особенная заботливость; волосы обыкновенно убираются зубами, рыбьими костями, перьями птицъ или хвостами нѣкоторыхъ животныхъ (преимущественно динго). Всѣ австралійскія племена, за исключеніемъ нѣкоторыхъ на южномъ берегу, имѣютъ обыкновеніе насѣкать и раскрашивать кожу. Насѣканіе состоитъ въ томъ, что, при празднествахъ съ достиженіемъ возмужалости, австраліецъ дѣлаетъ насѣчки при помощи острой раковины на кожѣ груди, верхнихъ частей рукъ, плечъ, а иногда и поясницы; затѣмъ оставляетъ раны открытыми до тѣхъ поръ, пока

Житель окрестностей Ауклендa.

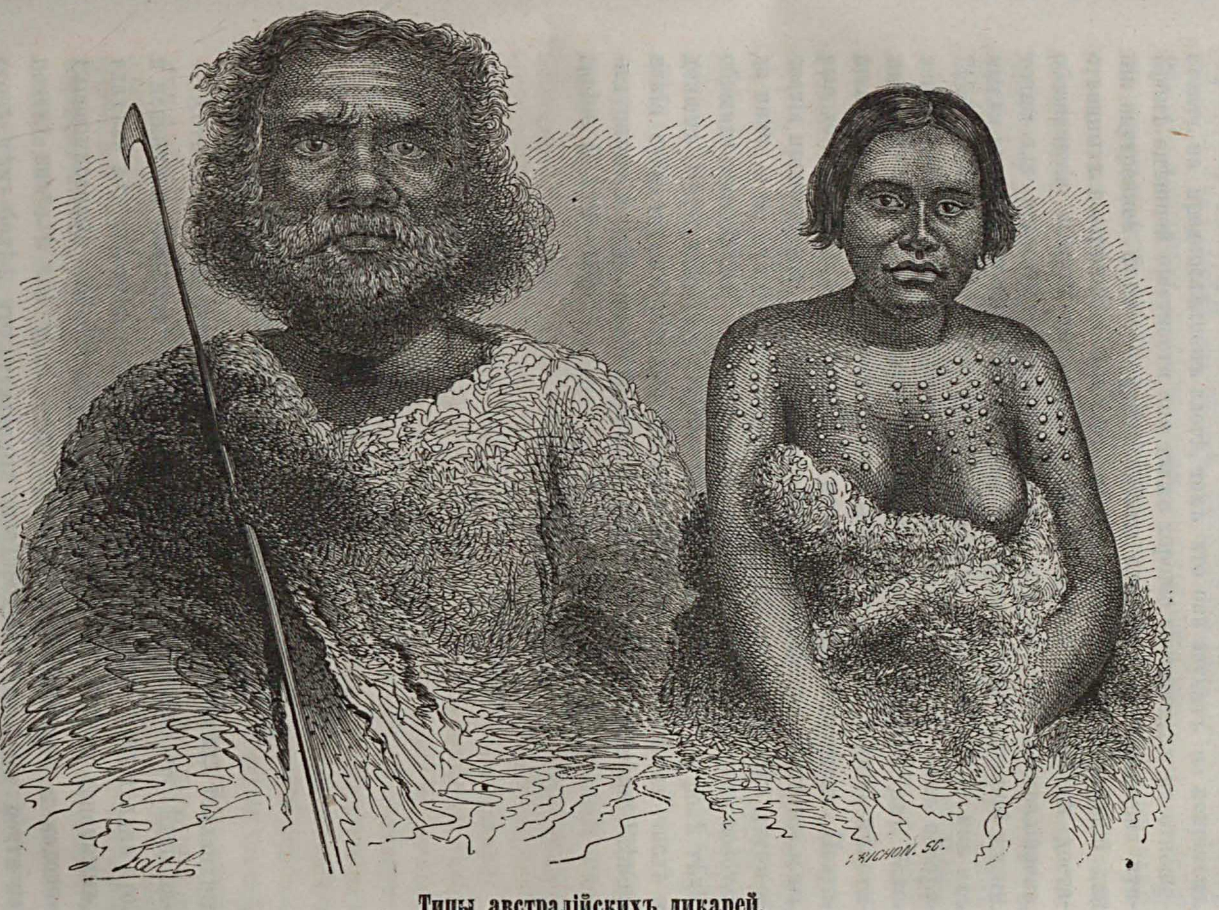
онѣ не образуютъ рубцовъ. Мужчины обыкновенно украшены большимъ числомъ шрамовъ, чѣмъ женщины, которыя довольствуются нѣсколькими рубцами на верхней половинѣ груди или на спинѣ. Кромѣ насѣканія, въ большомъ ходу также раскрашиваніе кожи, изувѣченіе нѣкоторыхъ суставовъ пальцевъ или выбиваніе зубовъ. Жилище австралійцевъ вполнѣ соотвѣтствуетъ первобытному состоянію ихъ культуры. Во многихъ мѣстностяхъ на востокѣ вотрѣчаются настоящіе троглодиты. Отдѣльныя семьи устраиваютъ свое логовище въ кустахъ или дуплахъ деревъ. Пища состоитъ изъ всякой всячины; отвращеніе къ извѣстнымъ кушаньямъ, которыхъ не выноситъ цивилизованный человѣкъ, совершенно не извѣстно туземцамъ. Не только крысы, летучія мыши, ящерицы, змѣи, лягушки, но даже стервоядныя птицы и отвратительные черви и личинки пожираются ими съ большимъ аппетитомъ. Однако, они ничего не ѣдятъ въ сыромъ состояніи, но предварительно поджаривъ на огнѣ. Такъ же просты, какъ жилище, снаряды и оружіе австралійцевъ. Изъ первыхъ ему извѣстны только тѣ, которые служатъ для обдѣлки дерева, разрыхленія почвы или разрѣзыванія мяса и сохраненія скудныхъ запасовъ съѣдобныхъ сѣмянъ растеній и клубней, именно: топоръ и ножъ, оба обыкновенно изъ камня (большею частью изъ кремня) или кости; первый обыкновенно насаживается не деревянную рукоятку. Кромѣ того, имѣется сумка, сплетенная изъ ситника или древесной коры. Оружіемъ для нападенія служатъ: копье, дубина и метательная палка; для защиты — щитъ. Своеобразная метательная палка, называемая «бумерангомъ», представляетъ твердый, неправильной дугообразной формы, гладко выполированный кусокъ дерева отъ 0,6 до 1 метра длины; онъ имѣетъ то особенное свойство, что, будучи брошенъ ловкою рукою, описываетъ въ воздухѣ дугу и потомъ возвращается опять къ мѣсту бросанія. Однако, искусство владѣть этимъ оригинальнымъ орудіемъ все болѣе и болѣе падаетъ. Жизнь австралійца протекаетъ исключительно въ кругу семейной жизни, которая зиждется на самыхъ примитивныхъ основаніяхъ. Бракъ происходитъ безъ всякихъ церемоній. Австраліецъ беретъ столько женъ, сколько онъ можетъ прокормить, а такъ какъ его рессурсы не особенно обильны, то число женъ не бываетъ обыкновенно велико; оно рѣдко бываетъ больше двухъ или трехъ. При сватовствѣ, которое въ большинствѣ случаевъ сводится къ простому воровству, рѣшающими обстоятельствами являются значеніе лица и богатство, которыя, въ свою очередь, зависятъ отъ физической силы и уже совершенныхъ дѣяній. Поэтому часто случается, что старики женятся на молодыхъ и красивыхъ дѣвушкахъ, между тѣмъ какъ молодые мужчины должны довольствоваться старыми женщинами. Послѣ замужества дѣвушка принимается въ кругъ замужныхъ женщинъ. Церемонія, которая при этомъ совершается, ограничивается тѣмъ, что у молодой другая женщина откусываетъ кусочекъ мизинца на лѣвой рукѣ. Австралійскія женщины не отличаются супружескою вѣрностью. Заболѣваніе

и смерть, особенно молодыхъ и сильныхъ людей, приписываются чародѣйству враговъ.

На войнѣ, повидимому, практикуется людоѣдство, причемъ въ основаніи его лежитъ представленіе, что при употребленіи въ пищу мяса или жира убитаго врага пріобрѣтается его мужество. Точно также считаютъ, будто чародѣй получаетъ волшебную силу послѣ съѣданія человѣческаго мяса. Напротивъ, обычай пожирать мясо умершихъ родственниковъ и носить съ собою кожу, содранную съ ихъ труповъ, является доказательствомъ особеннаго благочестія.

Къ удовольствіямъ австралійцевъ принадлежатъ танцы, особенно родъ военной пляски, называемый «корропорри», которой они предаются, какъ и негритянскіе народы, при свѣтѣ луны, вокругъ зажженныхъ огней. Вѣрованія австралійцевъ основываются на почитаніи злыхъ духовъ, которые считаются родственными или тождественными съ душами усопшихъ. Со времени знакомства съ бѣлыми, среди австралійцевъ распространилось вѣрованіе, будто души ихъ послѣ смерти воплощаются въ европейцевъ, и будто каждый австраліецъ, послѣ своей кончины, превращается въ бѣлаго. Всѣ эти вѣрованія очень распространены; однако, нигдѣ они не породили идолопоклонства, хотя бы въ самой грубой формѣ. Точно также до сихъ поръ не удалось отыскать какого-либо идола у австралійскихъ племенъ. При неопредѣленномъ, грубомъ характерѣ язычества, само собою разумѣется, не существуетъ жрецовъ. Вмѣсто нихъ мы находимъ волшебниковъ, которые умѣютъ умилостивить злаго духа, снять чары, а когда дѣло идетъ объ устраненіи лютыхъ несчастій, болѣзней и т. п.,—они заступаютъ мѣсто врачей. По вѣрованіямъ австралійцевъ, какъ и всѣхъ дикихъ народовъ, всякое несчастіе происходитъ отъ злаго духа или волшебника и можетъ быть устранено только уничтоженіемъ ихъ силы. Колдунъ—единственное лицо пользующееся уваженіемъ толпы. Правда, существуютъ предводители, имѣющіе вліяніе на многія семьи, но власть ихъ преходяща и ограниченна. Каждый имѣетъ значеніе лишь по стольку, по скольку онъ располагаетъ средствами или кажется обладающимъ ими, чтобы сдѣлать себя страшнымъ для другихъ. Сказанное о членахъ одного семейства и одного племени можетъ быть перенесено также и на отношенія племенъ между собою. Хотя каждое племя совершенно свободно и, строго говоря, не признаетъ никакого авторитета другаго племени, тѣмъ не менѣе существуютъ нѣкоторыя племена, которыя, благодаря храбрости своихъ сочленовъ или силѣ колдуновъ, наводятъ страхъ и пользуются извѣстнымъ уваженіемъ.

Австралійскіе языки очень многочисленны, что легко объясняется распаденіемъ жителей на множество мелкихъ племенъ, изъ коихъ многія состоятъ лишь изъ нѣсколькихъ семей. Не смотря на разнообразіе и многочисленность, всѣ эти языки, повидимому, чрезвычайно родственны между собою. Они не имѣютъ даже отдаленнаго родства ни съ од-



Типы австралійскихъ дикарей.

и смерть, особенно молодыхъ и сильныхъ людей, приписываются чародѣйству враговъ.

На войнѣ, повидимому, практикуется людоѣдство, причемъ въ основаніи его лежитъ представленіе, что при употребленіи въ пищу плоти или жира [illegible]

[illegible]

Австралійскіе языки очень многочисленны, что легко объясняется раздробленностью туземцевъ на множество мелкихъ племенъ, изъ коихъ многія состоятъ только изъ нѣсколькихъ семей. Не смотря на разнообразіе и многочисленность всѣхъ этихъ языковъ, повидимому, признаваемо родство ихъ между собою. Они не имѣютъ даже отдаленнаго родства ни съ од-

нимъ языкомъ, какъ Стараго, такъ и Новаго Свѣта; но, подобно австралійской расѣ, стоятъ совершенно особнякомъ. По своему строенію, австралійскіе языки суть языки многосложные; удареніе большею частью стоитъ на предпослѣднемъ слогѣ, такъ что они звучатъ не непріятно. Кромѣ внѣшней пріятности, они также хорошо построены и въ отношеніи внутренней формы и очень богаты словами для выраженія чувственныхъ воззрѣній. Напротивъ, въ нихъ нѣтъ вовсе выраженій для обозначенія общихъ понятій. Впрочемъ, языки ихъ вполнѣ достаточны для ограниченныхъ умственныхъ потребностей австралійцевъ, мысли которыхъ вращаются лишь на предметахъ обыкновенной жизни. Замѣчательно также и то, что австралійцы, какъ это видно изъ ихъ языка, имѣютъ крайне ограниченныя понятія о числахъ, чѣмъ обнаруживаютъ чрезвычайно малую способность къ отвлеченіямъ. Такъ, бо̀льшая часть племенъ можетъ считать только до трехъ, а лишь нѣкоторыя до пяти, но и эти числа суть неопредѣленныя выраженія. Поэтическія произведенія народнаго творчества совершенно незначительны, да иначе и не можетъ быть при такой низкой культурѣ; ихъ пѣсни— обрывки мыслей безъ глубокой связи, порожденныя минутнымъ возбужденіемъ. Нѣтъ никакихъ слѣдовъ басень, сказокъ и т. п. въ родѣ тѣхъ, какія существуютъ у готтентотовъ и негровъ, въ большомъ числѣ и недурныхъ въ отношеніи формы. (Friedrich Müller. Allgemeine Ethnographie. S. 172—188).

ГЛАВА II.

Британскія колоніи въ Австраліи.

Хотя Австралію первыми посѣщали французы, а затѣмъ голландцы и испанцы и уже послѣ нихъ англичане, однако только послѣдніе завладѣли материкомъ и считаютъ себя единственными обладателями его. Вышеописанныя свойства поверхности Австраліи дѣлаютъ понятнымъ, почему вначалѣ она такъ мало привлекала поселенцевъ и колонистовъ, тѣмъ болѣе, что отдаленныя плодородныя пастбища почти не были извѣстны. Но, такъ же какъ въ Калифорніи, положеніе дѣла сильно измѣнилось лишь въ 1851 году—съ открытіемъ золота; съ этого времени изслѣдованіе страны дѣлаетъ все бо̀льшіе успѣхи, повсюду основываются колоніи, изъ которыхъ нѣкоторыя пользуются очевиднымъ

благоденствіемъ. Въ настоящее время вся Австралія раздѣлена на такія колоніи, причемъ, само собою разумѣется, дѣйствительно заселены почти исключительно прибрежныя мѣстности, между тѣмъ какъ обширныя внутреннія пространства представляютъ безлюдныя пустыни. Если представить Австралію раздѣленною двумя параллельными меридіональными линіями на три почти равныя части или полосы, то эти колоніи распредѣлятся такъ: въ восточной трети, по направленію съ Ю. на С., находятся: Викторія, Новый Южный Уэльсъ и Квинслендъ, а въ западной—Западная Австралія, которая занимаетъ всю западную треть материка; въ среднемъ поясѣ, при Большомъ Австралійскомъ заливѣ, расположена цвѣтущая колонія Южная Австралія, границею которой на сѣверѣ служитъ 24° ю. ш. Область этой же средней полосы, лежащая къ сѣверу отъ 24-го градуса широты, заключаетъ въ себѣ ядро Центральной Австраліи и не колонизирована; до 16° ю. ш. она носитъ названіе Земли Александра, но по ту сторону 16° называется Сѣверною Австраліею, или Сѣверною Территоріею (Northern Territory). По этой средней полосѣ тянется телеграфъ, проведенный съ невѣроятными усиліями; онъ соединяетъ главный городъ Южной Австраліи, Аделаиду, съ портомъ Дарвинъ на сѣверномъ берегу. Островъ Тасманія образуетъ самостоятельную колонію.

Каждая изъ этихъ колоній управляется особеннымъ губернаторомъ; кромѣ того, имѣются: исполнительное учрежденіе, нѣчто вродѣ верхней палаты, и законодательное собраніе, третья часть членовъ котораго назначается англійскимъ правительствомъ. Впрочемъ, послѣднее имѣетъ весьма малое вліяніе; оно въ сущности ограничивается назначеніемъ губернаторовъ, такъ что австралійскія колоніи — почти независимыя государства, подобно Британскимъ владѣніямъ въ Сѣверной Америкѣ. Англія вовсе не держитъ войскъ въ Австраліи, а предоставляетъ колоніямъ самимъ заботиться о своей безопасности такъ, какъ это имъ заблагоразсудится, что́ и достигается небольшимъ корпусомъ волонтеровъ. Финансовое положеніе колоній весьма удовлетворительно, такъ какъ доходы значительно превышаютъ расходы. Въ колоніяхъ существуетъ свобода вѣроисповѣданій, но протестанты значительно преобладаютъ; вообще, въ противоположность Сѣверной Америкѣ, духъ сектантства развитъ мало. Въ области наукъ и искусствъ колоніи далеко отстали, народное образованіе стоитъ на низкой степени развитія, а промышленность только-что зарождается; поэтому большая часть потребностей въ значительной степени удовлетворяется Европою, особенно метрополіею. Земледѣліе, вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій почвы, находится на низкой ступени, скотоводство же, особенно овцеводство, въ

высшей степени процвѣтаетъ; такъ, 31 марта 1876 года во всѣхъ колоніяхъ австралійскаго материка исчислено 50.421,098 штукъ овецъ. Въ тотъ же день количество лошадей опредѣлено въ 811,920, рогатаго скота — въ 6.270,916 штукъ и свиней въ 502,144 шт. Горнозаводское дѣло представляетъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей промышленности: Южная Австралія скрываетъ въ нѣдрахъ своихъ богатыя мѣдныя руды, Новый Южный Уэльсъ — большія залежи каменнаго угля и особенно золото; но значительнѣйшія золотоносныя розсыпи находятся въ Викторіи, съ семью слѣдующими горнозаводскими округами: Балларатъ, Бичвортъ (Beechworth), Сандгурстъ (Sandhurst), Мериборо (Maryborough), Кестльменъ (Castlemaine) или Бендиго, Араратъ и Джипсъ-Лендъ (Gips-Land). Богатѣйшіе изъ названныхъ суть: Балларатъ, Сандгурстъ и Мериборо. Золото открыто также въ Квинслендѣ, и утверждаютъ, что онъ такъ же богатъ золотомъ, какъ и прочія колоніи въ Австраліи. Главнѣйшая золотоносная область Квинсленда—Пикъ-Доунсъ (Peak-Downs), но въ 1876 году открыты также богатыя розсыпи золота близъ Куктоуна. Вслѣдствіе этого туда потянулись массами искатели счастья, и санитарное состояніе города сильно пострадало. Въ золотоносныхъ рудникахъ Австраліи, богатство которыхъ, однако, годъ отъ году уменьшается, работаетъ много китайцевъ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ распространилась алмазная лихорадка, послѣ того какъ близъ Мюджи, въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, было найдено не малое количество алмазовъ и другихъ благородныхъ камней. Торговля колоніи, уже нынѣ весьма процвѣтающая, постоянно развивается все болѣе и болѣе, такъ что въ этомъ отношеніи Австралія принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ странъ земли. Этому чрезвычайно содѣйствуютъ желѣзныя дороги, идущія отъ важнѣйшихъ береговыхъ пунктовъ внутрь страны, а также телеграфное сообщеніе съ Новою Зеландіею и Явою, а посредствомъ послѣдней—и съ Европою. Однако Австралія все еще очень и очень рѣдко населена; такъ, по счисленіямъ оффиціальной статистики, произведеннымъ въ октябрѣ 1876 года, пять колоній австралійскаго континента 31 декабря 1875 года имѣли 1.848,363 чел. населенія, за исключеніемъ туземцевъ.

Древнѣйшая между австралійскими колоніями—Новый Южный Уэльсъ, съ 799, 138 квадр. килом. пространства и населеніемъ въ 606,652 жителя, по вышеупомянутому счисленію (въ концѣ іюня 1876 г. 617, 166); она первоначально была основана, какъ колонія для преступниковъ, и имѣла значительно большее протяженіе, такъ какъ въ 1859 году отъ нея отдѣленъ Квинслендъ. Важнѣйшіе продукты—золото и каменный уголь; послѣднимъ особенно изобилуетъ Ньюкестль, откуда отпускъ каменнаго угля чрезвычайно возрастаетъ: въ 1869 году онъ достигалъ 710,388 тоннъ, а въ 1876 году

1,041,738, причемъ нужно замѣтить, что послѣдняя цыфра выражаетъ размѣръ вывоза только по 15-ое декабря. Значительнѣйшіе пункты Новаго Южнаго Уэльса, кромѣ упомянутаго Ньюкестля (15,000 жителей), при рѣкѣ Гунтеръ, — Батурстъ (10,000 жителей), по ту сторону Синихъ горъ, и Параматта (12,000 жителей), съ обсерваторіею. Оба послѣдніе соединены желѣзною дорогою съ Сиднеемъ, величественною, красивою столицею австралійскихъ колоній.

Сидней, лежащій у Порта-Джаксонъ (Port Jackson), имѣетъ болѣе 140,000 жителей. Вслѣдствіе прелестнаго положенія города, пользующагося превосходною гаванью, его называютъ также «Королевою юга». Сидней—городъ, обстроенный на совершенно новѣйшій ладъ—съ красивыми широкими улицами и величественными постройками. Онъ имѣетъ университетъ. Но значеніемъ своимъ городъ обязанъ, главнымъ образомъ, торговлѣ. Сидней—первый и самый большой торговый пунктъ всей Австраліи, складочное мѣсто всѣхъ продуктовъ колоніи, центръ австралійскаго пароходства и китобойства. Наконецъ, въ Сиднеѣ сосредоточиваются важныя отрасли промышленности, въ особенности чугуноплавильные и литейные заводы, машинныя, полотняныя, суконныя, мыловаренныя и табачныя фабрики.

Квинслендъ, отдѣленный отъ Новаго Южнаго Уэльса, имѣетъ 1,730,720 кв. километровъ пространства и только 181,288 жителей; въ послѣдніе годы, съ той поры какъ открытіе въ немъ золотыхъ пріисковъ привлекло сюда многихъ, онъ пріобрѣлъ большее значеніе. Хотя золотоносныя розсыпи въ Гимпикѣ дѣйствительно богаты, но плодородная почва, превосходный климатъ и необыкновенно благопріятствующее судоходству побережье этой колоніи представляютъ гораздо болѣе вѣрные источники заработковъ. Климатъ Квинсленда такъ хорошъ, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Квинслендъ лежитъ сѣвернѣе всѣхъ прочихъ колоній; поэтому и жары тамъ сильнѣе, но это — не бѣда, ибо онъ постоянно пользуется благопріятнымъ дѣйствіемъ морскихъ вѣтровъ (бризъ), дующихъ отъ береговъ внутрь страны впродолженіи всего лѣта. Бриза становятся замѣтною обыкновенно около 9 часовъ утра, т. е. когда наступаетъ зной; едва рабочій почувствуетъ ея дуновеніе на своемъ челѣ, какъ ощущаетъ чудесную перемѣну. Хотя солнце поднимается все выше и выше, пока не станетъ надъ самой головой, — но прохладная бриза умѣряетъ зной его лучей и дѣлаетъ ихъ выносимыми. Благодаря этому обстоятельству, европейцы въ Квинслендѣ могутъ физичэски работать съ такимъ же удобствомъ, какъ и въ юж-

ныхъ колоніяхъ, и даже съ большею безопасностію. Однако, этотъ климатъ, благопріятный для здоровья, далеко не столь хорошъ для культуры почвы. Здѣсь, какъ и во всѣхъ прочихъ колоніяхъ Австраліи, поселенцы очень страдаютъ отъ наводненій и бурь; отъ первыхъ — на плодородныхъ аллювіальныхъ низменностяхъ, отъ послѣднихъ — на возвышенныхъ и въ лѣсистыхъ мѣстахъ, или точнѣе: земледѣлецъ сильно страдаетъ отъ наводненій, а скотоводъ отъ бурь. Скотоводство и земледѣліе пока почти единственныя отрасли промышленности Квинсленда. На прибрежныхъ полосахъ ведется хлѣбопашество, тамъ находятся прочныя поселенія, внутрь же страны тянутся безконечныя пастбища. Съ возрастаніемъ колонизаціи, пастбищныя земли отойдутъ подъ полеводство. Но въ настоящее время барышъ, приносимый скотоводствомъ, во всякомъ случаѣ заманчивъ; онъ достигаетъ, при небольшой (по англійскимъ понятіямъ) затратѣ капитала въ 120,000 руб., $17\frac{1}{2}\%$; къ тому же такой доходъ сильно возрастаетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ оборотнаго капитала. Консервированіе мяса дало новый толчекъ развитію скотоводства, и понятно само собою, что пастбища занимаютъ несравненно болѣе пространства, чѣмъ пахатныя земли.

Климатъ Квинсленда допускаетъ акклиматизацію тропическихъ растеній; Брисбанъ — главный городъ колоніи, считавшій въ маѣ 1876 г. 21,775 жителей, имѣетъ ботаническій садъ, въ которомъ съ успѣхомъ разводятъ сахарный тростникъ, кофейное и чайное деревья; парагвайскій чай (Ilex paraguayensis), повидимому, также хорошо переноситъ климатъ, какъ и бальзамникъ, Myroxylon toluifera, далѣе — Balsamocarpon brevifolium, Urceola elastica изъ Суматры, Garcinella morella var. pedicellata изъ Сіама. На введеніе чужеземныхъ злаковъ и кормовыхъ травъ также обращаютъ вниманіе.

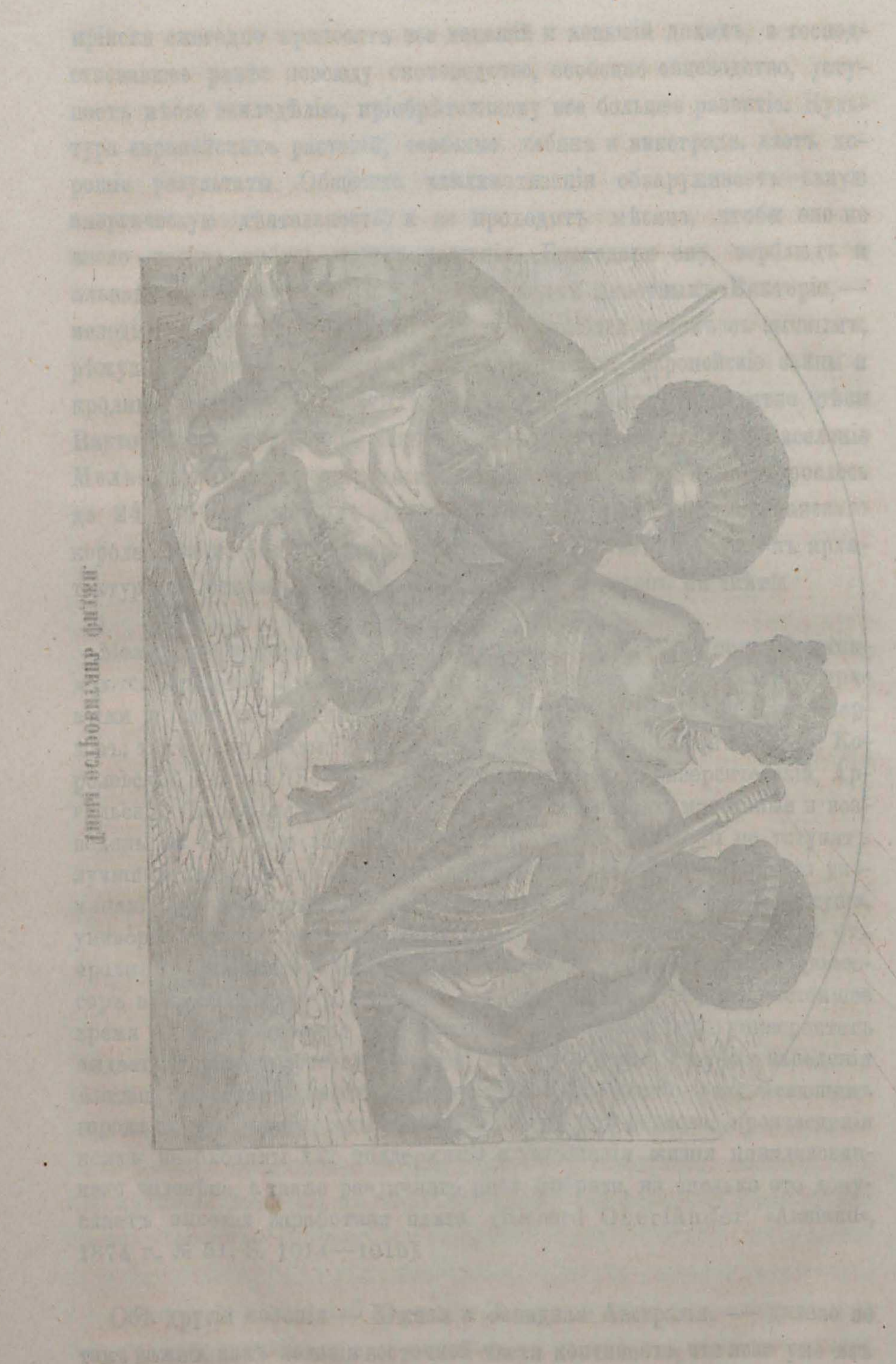
Богатѣйшая изъ всѣхъ австралійскихъ колоній — Викторія. Будучи самою небольшою по пространству — всего 229,079 кв. километровъ, она, однако, имѣетъ 823,272 жителя, а ежегодный балансъ ея внѣшней торговли превышаетъ 640 милл. марокъ (почти 200 милл. рублей номинально). Ежегодно доходы простираются до 90 милл. марокъ, т. е. значительно болѣе государственныхъ доходовъ Португаліи, Даніи, Саксоніи и другихъ маленькихъ европейскихъ государствъ. Почти третью часть всѣхъ получаемыхъ пошлинъ Викторія тратитъ на народное образованіе, публичныя библіотеки и т. п. Золото и шерсть — главныя статьи отпуска; однако, нѣкогда неизмѣримо богатые золотые

пріиски ежегодно приносятъ все меньшій и меньшій доходъ, а господствовавшее ранѣе повсюду скотоводство, особенно овцеводство, уступаетъ мѣсто земледѣлію, пріобрѣтающему все большее развитіе. Культура европейскихъ растеній, особенно табака и винограда, даетъ хорошіе результаты. Общество акклиматизаціи обнаруживаетъ самую энергическую дѣятельность, и не проходитъ мѣсяца, чтобы оно не ввело какого-нибудь новаго растенія. Благодаря ему, верблюдъ и альпака нынѣ принадлежатъ къ домашнимъ животнымъ Викторіи,— мелодіи европейскихъ пѣвчихъ птицъ раздаются рядомъ съ зычнымъ, рѣжущимъ ухо крикомъ туземныхъ пернатыхъ, европейскіе зайцы и кролики вытѣснили сумчатыхъ валлаби и вомбата, и вѣроятно рѣки Викторіи скоро будутъ кишѣть лососями и форелями. Населеніе Мельбурна, главнаго города колоніи, втеченіи сорока лѣтъ разрослось до 240,000, онъ сталъ девятымъ въ ряду городовъ Британскаго королевства и, безспорно, представляетъ одинъ изъ лучшихъ въ архитектурномъ отношеніи и самыхъ красивыхъ городовъ въ свѣтѣ.

Мельбурнъ построенъ на семи холмахъ, которые постепенно поднимаются отъ рѣки Ярра-Ярра; улицы широкія, пересѣкаются подъ прямыми углами; городъ имѣетъ большое число площадей, садовъ и парковъ; такъ напр., сады: Ботаническій, Фицрой и Карльтонъ, парки: Королевскій, Южный (South), Prince's-Park, скверы: Университетскій, Аргильскій, Линкольна и т. д. Постройки большею частью массивные и возведены съ большою затратою капитала; многіе магазины не уступятъ лучшимъ лондонскимъ. Между зданіями заслуживаютъ особеннаго упоминанія: казначейство, почтамтъ, библіотека, монетный дворъ, ратуша, университетъ, зданіе парламента и т. д. Университетъ получаетъ отъ правительства ежегодную субсидію въ 55,000 рублей; каждый профессоръ получаетъ 6000 р. годоваго содержанія и квартиру; въ настоящее время въ немъ имѣется 120 постоянныхъ слушателей; университетъ выдаетъ такія же степени и званія, какъ и высшія учебныя заведенія Англіи. Мельбурнъ имѣетъ четыре театра. Въ мощно разцвѣтающемъ городѣ за послѣдніе годы возникли почти всѣ ремесла, произведенія коихъ необходимы для поддержанія и украшенія жизни цивилизованнаго человѣка, а также различнаго рода фабрики, на сколько это допускаетъ высокая заработная плата. (Richard Oberländer: «Ausland», 1874 г., № 51, S. 1014—1015).

Обѣ другія колоніи — Южная и Западная Австралія, — далеко не такъ важны, какъ колоніи восточной части континента, что ясно уже изъ цифры населенія. Южная Австралія имѣетъ 985,719 кв. километровъ,

Типы островитянъ Фиджи.



на которыхъ живетъ 210,422 чел. (въ концѣ іюня 1876 г.— 215,332); въ Западной же Австраліи обитаетъ едва только 26,709 человѣкъ, на пространствѣ 2.527,281 кв. километровъ. Однако въ Южной Австраліи, куда особенно охотно переселяются нѣмцы, численность населенія видимо возрастаетъ, благодаря ея богатой производительности; эта колонія представляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ въ свѣтѣ пшеничныхъ районовъ и доставляетъ превосходную шерсть; плодовыя деревья, масличныя растенія, табакъ и виноградъ отлично родятся. Главный городъ колоніи — Аделаида, на рѣкѣ Торренсъ, недалеко отъ впаденія ея въ заливъ Св. Винцента; въ немъ 27,000 жителей, въ томъ числѣ много нѣмцевъ. Прочія поселенія и города не на столько значительны, чтобы на нихъ останавливаться. Западная Австралія, напротивъ, сильно отстала отъ остальныхъ колоній; хотя она и была основана какъ колонія для ссылки преступниковъ, но въ настоящее время ею мало пользуются для этой цѣли. Главный городъ колоніи—Пертъ; въ немъ считается отъ 5000 до 6000 жителей.

Островъ Тасманія, прежде называвшійся Вандименовою Землею, также служившій сначала мѣстомъ ссылки, пользуется спокойнымъ и непрерывнымъ развитіемъ; на немъ считается 103,665 жителей (къ 31 декабря 1875 г.), на 67,900 квадр. километрахъ; его цвѣтущій, построенный со вкусомъ, главный городъ Гобарттоунъ имѣетъ 20,000 жителей; населеніе его въ обширныхъ размѣрахъ занимается боемъ тюленей и китоловнымъ промысломъ. Главный предметъ вывоза—шерсть; но, кромѣ того, островъ производитъ хлѣбъ, южные фрукты и дерево въ такомъ количествѣ, что эти продукты составляютъ также предметъ отпуска.

ГЛАВА III.

Меланезія.

Подъ этимъ названіемъ мы понимаемъ всѣ острова и архипелаги отъ Новой Гвинеи на западѣ до острова Вити или Фиджи на востокѣ, т. е. область, гдѣ преобладаетъ папуасское населеніе. Область эта начинается большимъ, мало еще изслѣдованнымъ внутри, островомъ Новой

Гвинеей, съ Луизіадскимъ архипелагомъ на востокѣ и Ново-Британскимъ на сѣверо-востокѣ. Затѣмъ слѣдуютъ по порядку въ юго-восточномъ направленіи группы островов: Соломоновыхъ, Санта-Круцъ (Св. Креста), или Королевы Шарлотты, Ново-Гебридскихъ, занятые французами острова Лойальти и Новая-Каледонія, наконецъ группа Вити или Фиджи. Дѣлать описаніе каждаго изъ этихъ островов не соотвѣтствовало бы цѣли нашей книги, да и постоянное повтореніе частностей утомило бы читателя; поэтому мы довольствуемся ознакомленіемъ читателя съ важнѣйшими, на нашъ взглядъ, особенностями, дабы представить ему въ общихъ чертахъ вѣрную картину островов южнаго моря и ихъ обитателей.

Займемся прежде всего папуасами (названіе ихъ происходитъ отъ малайскаго слова papuwah—«курчавый»), хотя ни на одну изъ человѣческихъ расъ взгляды ученыхъ не расходятся такъ сильно, какъ именно относительно папуасовъ. Альфредъ Россель Уоллесъ, Карлъ Семперъ, Адольфъ Бернгардъ Мейеръ (мы приводимъ только новѣйшихъ изслѣдователей)—почти каждый изъ нихъ держится иного воззрѣнія; вѣроятно потребуются еще много времени и болѣе точныя изслѣдованія, прежде чѣмъ удастся достигнуть хотя нѣкотораго соглашенія на этотъ счетъ. По Уоллесу, цвѣтъ кожи папуасовъ—густой темнокоричневый или черный; хотя они никогда не бываетъ черны словно уголь, подобно нѣкоторымъ негритянскимъ племенамъ, но нерѣдко приближаются къ нимъ въ этомъ отношеніи. Цвѣтъ ихъ измѣняется болѣе, чѣмъ у малайцевъ, и часто бываетъ темно-коричневый. Однако, прекрасный изслѣдователь, д-ръ А. Б. Мейеръ, утверждаетъ о поразительномъ различіи въ цвѣтѣ кожи, который проходитъ чрезъ всѣ оттѣнки—отъ свѣтлаго цвѣта малайца до черной окраски негра. (A. B. Meyer. Anthropologische Mittheilungen über die Papuas von Neu-Guinea. Wien. 1878. 8°. S. 15). Волосы чрезвычайно жесткіе, сухіе, вьющіеся, растутъ мелкими буклями или локонами; въ юности они очень коротки и густы, позднѣе же достигаютъ значительной длины и образуютъ прочную курчавую куафюру—гордость и славу папуаса. Лицо украшено бородой изъ такихъ же курчавыхъ волосъ, какъ и на головѣ. Руки, ноги и грудь болѣе или менѣе покрыты волосами такого же рода. По росту папуасы рѣшительно превосходятъ малайцевъ; они, пожалуй, не ниже или даже выше европейцевъ средняго роста. Ноги длинны и тонки, кисти рукъ и ступни больше, чѣмъ у малайцевъ. Лицо нѣсколько продолговато, лобъ плоскій, скулы очень выдающіяся, носъ большой, значительно изогнутый, высокій, толстый у основанія и съ широкими ноздрями, причемъ отверстія ихъ скрыты позади удлиненнаго кончика носа; ротъ большой, губы толстыя и вздернутыя кверху. Лицо папуаса, благодаря длин-

ному носу, имѣетъ бо̀льшее сходство съ европейскимъ, чѣмъ лицо малайца; а особенность формы носа, выдающіяся скулы и характерныя свойства волосъ на головѣ, лицѣ и на всемъ тѣлѣ даютъ возможность различить обѣ расы съ перваго-же взгляда.

Нравственныя особенности папуаса, повидимому, также ясно отличаютъ его отъ малайца, какъ фигура и черты лица. Онъ очень впечатлителенъ, легко проявляетъ состояніе своего духа въ рѣчи и движеніяхъ. Папуасъ выражаетъ возбужденіе и страсти криками и хохотомъ, воемъ и неистовыми прыжками. Женщины и дѣти принимаютъ участіе во всякомъ разговорѣ и, кажется, мало безпокоятся при видѣ чужестранцевъ и европейцевъ. Уоллесъ высказывается также объ умственныхъ способностяхъ папуасовъ; онъ ставитъ папуаса въ этомъ отношеніи выше малайца, фактическую-же отсталость папуаса онъ приписываетъ недостаточно глубокому вліянію высшихъ расъ, съ которыми малайцы имѣли неоднократныя сношенія. Свой отзывъ онъ заключаетъ слѣдующею мѣткою характеристикою: «Малаецъ робокъ, хладнокровенъ, спокоенъ, замкнутъ въ себя; папуасъ-же смѣлъ, буенъ, раздражителенъ и шумливъ. Первый серіозенъ и рѣдко смѣется; послѣдній веселъ и любитъ смѣяться; одинъ скрываетъ свои волненія, другой—открыто обнаруживаетъ ихъ».

Папуасы Новой Гвинеи ходятъ обыкновенно нагими; волосы—предметъ особой заботливости ихъ; они или обрѣзываются коротко, или заплетаются въ маленькія косы, или въ большой узелъ и украшаются бамбуковыми гребнями, кусками костей, перьями птицъ и т. под. Убираются также носъ, уши, шея и руки, причемъ носъ и уши — костями разныхъ животныхъ, бамбуковыми палочками и перьями птицъ, протянутыми черезъ продыравленный носовой хрящъ или ушныя мочки; носъ же, кромѣ того,—двумя, вмѣстѣ связанными, кабаньими клыками, такимъ образомъ, что вершины ихъ обращены кверху; шея и руки—кольцами, обручами и другими украшеніями. Повсемѣстно распространенъ обычай насѣканія кожи, съ цѣлью вызвать образованіе выпуклыхъ рубцовъ, а также обычай расписыванія, лица, груди и рукъ пятнами и фигурами всевозможныхъ красныхъ и черныхъ цвѣтовъ, посредствомъ тлѣющаго угля и натираніемъ кожи различными родами земли. Напротивъ, нигдѣ не замѣчается и слѣдовъ малайскаго обычая татуировки посредствомъ иглы. Папуасы остроконечно подпиливаютъ свои зубы, но этотъ обычай, кажется, не имѣетъ того значенія, какъ у австралійцевъ. Изъ жилищъ папуасовъ особенно характерны тѣ, которыя находятся по берегамъ рѣкъ: здѣсь они стоятъ обыкновенно по нѣскольку вмѣстѣ, собранныя въ одинъ «кампонгъ». Они воздвигнуты на сваяхъ, построены изъ бамбука и совершенно сходны со свайными постройками, открытыми въ озерахъ средней Европы. Папуасы строятъ ладьи («прагу») изъ выдолбленныхъ древесныхъ стволовъ и искусно приводятъ ихъ въ движеніе посредствомъ длиннаго весла. Постоянная опасность опрокинуться научаетъ папуаса плаванію; въ этомъ искусствѣ, какъ и

*

въ ныряніи, онъ вполнѣ мастеръ уже съ юности. Изъ домашнихъ животныхъ здѣсь находятся: особый родъ свиньи (Sus papuensis) и собака. Во многихъ мѣстностяхъ собираютъ ягоды и плоды и сохраняютъ для позднѣйшаго употребленія. Приготовленіе саго также не безъизвѣстно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно встрѣтить воздѣланные участки земли, засаженные табакомъ, пальмами и другими полезными растеніями; иногда такія поля даже обнесены изгородью, что̀ указываетъ на существованіе нѣкотораго представленія о особственности. Изъ оружія заслуживаютъ упоминанія: стрѣлы, лукъ, копья и красиво вырѣзанная изъ твердаго дерева боевая дубинка; попадаются также ножи и топоры изъ острообтесаннаго кремня, похожіе на тѣ, которые хранятся въ нашихъ музеяхъ, какъ памятники каменнаго вѣка. Но у папуасовъ встрѣчается вполнѣ своеобразный снарядъ; это — бамбуковая труба значительной длины, которая служитъ для подачи сигналовъ: при помощи нея кверху выдувается пыль, подобно тому, какъ у другихъ народовъ роль сигнальныхъ знаковъ исполняетъ столбъ дыма. Центръ общественной жизни папуаса — семейство; глава его имѣетъ столько женъ, сколько въ состояніи прокормить. Женихъ пріобрѣтаетъ невѣсту за извѣстное количество рабовъ, товаровъ и жизненныхъ средствъ и торжественно получаетъ ее отъ родителей на празднествѣ, въ которомъ главную роль играютъ не опьяняющіе напитки, но различнаго рода шумные инструменты. Многія семейства живутъ вмѣстѣ въ деревняхъ— такъ называемыхъ «кампонгахъ». Хотя старѣйшій членъ и пользуется извѣстною властью въ такой деревнѣ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, но эта власть всегда очень непрочна и временна, ибо пользующійся ею не взымаетъ никакихъ податей и не имѣетъ ни лучшаго украшенія, ни болѣе красиваго жилища, чѣмъ у другихъ. Папуасы обнаруживаютъ большой успѣхъ сравнительно съ ихъ сосѣдями—австралійцами, стоящими на самой низшей ступени культуры; именно первые ведутъ торговлю. Хотя торговля на Новой Гвинеѣ ограничивается только нѣкоторыми сырыми продуктами, которые доставляются жителями изъ внутреннихъ областей и сбываются малайскимъ купцамъ, но она значительно способствуетъ развитію у папуасовъ извѣстныхъ потребностей. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мѣновая торговля ведется въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, жители носятъ ситцевыя одежды и приняли, хотя лишь наружно, исламъ. Другой, не менѣе значительный, шагъ впередъ, сдѣланный папуасами сравнительно съ австралійцами, состоитъ въ существованіи у нихъ довольно развитаго понятія формы, которое обнаруживается въ пластическомъ подражаніи различнымъ предметамъ. Мы встрѣчаемъ у папуасовъ цѣлый рядъ рѣзныхъ фигуръ, изображающихъ какъ людей, такъ и животныхъ. Изображенія первыхъ, конечно, въ высшей степени примитивны и странны: всегда громадная голова, толстый, большой носъ и безобразно широкій ротъ, сравнительно съ прочими частями тѣла. О религіозныхъ воззрѣніяхъ

папуасовъ мы знаемъ мало; однако они, повидимому, имѣютъ опредѣленную форму; по крайней мѣрѣ у нихъ существуютъ большія постройки особаго вида, которыя, по всей вѣроятности, ни что иное, какъ храмы; имѣются также и изображенія различнаго рода, въ основаніи которыхъ навѣрно лежитъ какое-либо религіозное представленіе. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Новой Гвинеи населеніе не лишено опредѣленнаго понятія о высшемъ существѣ, которое предполагается живущимъ надъ

Новогебридецъ.

облаками. Хотя о случаяхъ каннибализма между папуасами и было писано, но эти факты не достаточно надежны и, вѣроятно, основываются на смѣшеніи. Празднества происходятъ при различнымъ случаяхъ, какъ то: во время свадебъ, похоронъ и пр. Главную роль при этомъ играютъ музыка и пѣніе. Для первой обыкновенно служитъ барабанъ, второе состоитъ въ шумномъ исполненіи пѣсень. Подобно другимъ дикимъ племенамъ, папуасы имѣютъ свой національный танецъ, къ которому они особенно принаряжаются. (F. Müller Allgemeine Ethnographie. S. 100—110).

Между островными образованіями Тихаго океана ни одно не привлекаетъ вниманія, съ географической точки зрѣнія, въ такой степени, какъ Новая Гвинея, внутренность которой въ большей своей части еще совершенно неизвѣстна. При той трудности, которую представляютъ природа и грубость населенія, ни разу не удалось проникнуть внутрь страны, даже часть побережья все еще не вполнѣ извѣстна, и

Женщина Новогебридскихъ острововъ.

если нынѣ этого нельзя сказать въ такой мѣрѣ, какъ прежде, про западный берегъ, а также про сѣверный до Телокъ-Линчу на востокѣ и южный—между Папуасскимъ заливомъ и Восточнымъ мысомъ (Cap East), то остальная часть сѣвернаго и южнаго береговъ, и особенно восточный берегъ, весьма мало изслѣдованы и были обозрѣваемы только развѣ съ борта корабля. Въ силу этихъ обстоятельствъ, Новую Гвинею слѣдуетъ считать наименѣе извѣстною частью земнаго шара.

Островъ имѣетъ главное направленіе съ ЗСЗ. на ВЮВ., наибольшая длина его въ этомъ направленіи 500, наибольшая ширина (подъ 142° вост. долг.) 160 километровъ; общая поверхность съ окружающими островами превышаетъ 15,800 кв. километровъ. Все, что мы знаемъ о природѣ страны и ея рельефѣ, относится въ сущности только къ нѣкоторымъ, сдѣлавшимся извѣстными, пунктамъ сѣверо-западнаго и западнаго береговъ. Внутренняя часть острова повсемѣстно гориста; между горами нѣкоторыя по высотѣ превосходятъ всѣ горы Индійскихъ острововъ, Австраліи и прочихъ острововъ океана и представляютъ высочайшія возвышенности между Гималаемъ и Кордильерами. При этомъ на островѣ, какъ кажется, находится нѣсколько, отдѣленныхъ одна отъ другой, горныхъ странъ, и нѣтъ недостатка въ обширныхъ равнинахъ. Югозападная часть острова занята большою низменностью. Горныя породы, вѣроятно, принадлежатъ большею частью къ древнимъ осадочнымъ, особенно всякаго рода сланцы, прорѣзанные древними вулканическими породами; изъ нихъ несомнѣнно происходитъ золото, которое находится въ аллювіальныхъ образованіяхъ на южномъ берегу и, вѣроятно, также въ другихъ частяхъ страны. На западномъ берегу попадаются также позднѣйшія осадочныя породы (юрской формаціи), вулканическія же породы находятся только на южномъ берегу восточнаго полуострова и на островахъ (съ дѣйствующими вулканами), лежащихъ у сѣвернаго берега.

Почва почти повсемѣстно очень плодородна и, даже при настоящемъ состояніи страны, богата цѣнными естественными произведеніями. Вся страна покрыта густыми первобытными лѣсами, передъ которыми исчезающе малы мѣста, воздѣланныя туземцами; большія пространства, покрытыя травянистою растительностью и лишенныя деревьевъ, встрѣчаются, вѣроятно, не часто. Эти лѣса издавна приводили наблюдателя въ удивленіе: нерѣдко колоссальныя деревья, покрытыя и переплетенныя ліанами, спускаются къ морю и висятъ надъ его валами; густая тѣнь листвы совершенно задерживаетъ лучи солнца и потому не даетъ развиться низкой травянистой растительности. Растительность Новой Гвинеи имѣетъ вполнѣ индійскій характеръ; не мало растеній, тождественныхъ съ представителями флоры Молуккскихъ острововъ, или стоящихъ въ близкомъ къ нимъ родствѣ. Во всякомъ случаѣ, болѣе частое появленіе акацій и другихъ растеній на равнинахъ южной части острова обнаруживаетъ близость Австраліи; однако поразительно то, что растительность всѣхъ острововъ Торресова пролива, не исключая и самаго южнаго, удержала въ такой чистотѣ и неизмѣнности индійскій характеръ; густолиственные и тѣнистые лѣса этихъ острововъ рѣзко отличаются отъ рѣдкихъ, лишенныхъ тѣни, эвкалиптовыхъ лѣсовъ на островахъ принца Уэльскаго. Но, при всей красотѣ этихъ лѣсовъ, они не такъ разнообразны, какъ можно ожидать, и въ нихъ не встрѣчается стольких различныхъ древесныхъ породъ, какъ на запад-

ныхъ Индійскихъ островахъ. Къ господствующимъ растительнымъ семействамъ принадлежатъ: папоротники, которые столь же повсемѣстны, какъ и разнообразны, ароидниковыя, кипрейныя, злаки, пальмы (болѣе 10 видовъ), очень распространенныя орхидныя, лавровыя, къ которымъ принадлежитъ дерево, доставляющее масойскую кору, главный предметъ отпуска (видъ Cinnamomum), ремнецвѣтниковыя или омеловыя (Loranthaceae), бигноніевыя (Bignoniaceae), мареновыя (Rubiaceae), миртовыя (Myrtaceae), пуховниковыя (Apocyneae), мыльниковыя (Sapotaceae), сложноцвѣтныя (Synantherae), ризофоровыя (Rhizophoreae)—по всѣмъ берегамъ въ большомъ изобиліи, мускатныя (Myristiceae), которыя имѣютъ особенное значеніе для торговли, бобовыя (Leguminosae), — однако не такъ разнообразны, какъ можно бы ожидать, тыквенныя (Cucurbitaceae), молочайныя (Euphorbiaceae), крапивныя (Urticeae), меліанковыя (Meliaceae); особенно часты и многоразличны виды смоковницы (Ficus).

Фауна Новой Гвинеи тѣсно связана съ фауною Молуккскихъ острововъ и сѣверной Австраліи и отъ послѣдней именно значительно менѣе отличается, чѣмъ флора. Млекопитающихъ вообще немного, изъ нихъ извѣстно только 20 — 30 видовъ; всѣ они принадлежатъ къ сумчатымъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ летучихъ мышей и грызуновъ, Paradoxurus, бѣлки (Sciurus) и нѣсколькихъ видовъ свиней (быть можетъ и бабирусы); изъ этихъ сумчатыхъ только одинъ видъ находится также и въ Австраліи, прочіе же частью принадлежатъ молуккскому роду Cuscus, частью образуютъ самостоятельные роды, какъ, напримѣръ, живущій на деревьяхъ кенгуру (Dendrolagus). Еще болѣе, чѣмъ въ классѣ млекопитающихъ, обнаруживается родство съ Австраліею въ классѣ птицъ, которыя образуютъ замѣчательную часть новогвинейской фауны. Ни одна страна въ свѣтѣ, если не считать, пожалуй, нѣкоторыхъ мѣстностей Южной Америки, не можетъ соперничать съ Новою Гвинеею по красотѣ и оригинальности ея царства пернатыхъ. Хотя она въ этомъ отношеніи близко стоитъ къ Молуккскимъ островамъ и Сѣверной Австраліи, но обладаетъ также совершенно особенными формами; къ этой категоріи принадлежатъ, напримѣръ, райскія птицы, распространеніе которыхъ ограничено почти исключительно Новою Гвинеею,—видъ, не имѣющій себѣ подобнаго по красотѣ и изяществу; далѣе — особые голуби (Goura) и многіе другіе. Изъ пресмыкающихся распространены всѣ семейства; между насѣкомыми, главнымъ образомъ, встрѣчаются виды, родственные молуккскимъ и въ меньшей степени—австралійскимъ, хотя попадаются и формы, общія Новой Гвинеѣ вмѣстѣ съ Молукками и Австраліею. Жуки и бабочки отличаются какъ обиліемъ, такъ и красотою и оригинальностью строенія. Нѣтъ недостатка и во вредныхъ насѣкомыхъ. Рыбы, моллюски и зоофиты (животнорастенія) очень распространены и красивы, но, какъ и въ сѣверной Австраліи, имѣютъ преимущественно индійскій характеръ. Климатъ Новой Гвинеи, конеч-

но, очень жаркій, хотя въ прибрежныхъ мѣстностяхъ вѣтеръ умѣряетъ зной. Высокая температура въ связи съ большою влажностью, дѣйствіе которыхъ должно еще усиливаться подъ вліяніемъ густоты лѣсовъ, дѣлаютъ климатъ нездоровымъ, и хотя болѣзни мѣстами, какъ напримѣръ, въ Дорэ, бываютъ не постоянно, однако для европейца пребываніе почти во всѣхъ береговыхъ мѣстахъ въ высшей степени опасно. Распредѣленіе временъ года зависитъ отъ муссоновъ, въ области которыхъ лежитъ вся Новая Гвинея, но здѣсь они уже далеко не обнаруживаютъ той правильности, какъ на Индійскихъ островахъ. Кромѣ нездороваго климата, густоты лѣсовъ и грубости жителей, трудность проникнуть внутрь страны увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что берега мало расчленены, образованы крайне однообразно; только сѣверо-западная часть представляетъ исключеніе изъ этого; поэтому-то она имѣетъ наибольшее значеніе для сношеній и наилучше изслѣдована. Вообще Новую Гвинею можно раздѣлить на три части: сѣверо-западный полуостровъ на западной сторонѣ залива Гельвинкъ, или область Вонимъ, на юго-восточный полуостровъ съ горами Оуэнъ-Стенли (Owen Stanley), а между ними находится большая, нерасчлененная главная часть. Вредъ, происходящій отъ того слабаго расчлененія береговъ, отчасти уничтожается существованіемъ группъ островов, расположенныхъ вдоль главной части Новой Гвинеи: на сѣверо-западѣ — острова Папуа (съ Майзолемъ), у сѣвернаго берега — группы: Моа, Шутенъ, Дампьеръ и Рукъ, на восточномъ краю — группы: Энтркасто, (Entrecasteaux), Моресби (Moresby), Муйю (Muju), Кивирай и Луизіадскій архипелагъ (Massims); у южной стороны — острова Торресова пролива. Группа Ару, лежащая у западнаго берега, по своей природѣ и обитателямъ должна бы быть относима къ Новой Гвинеѣ, не смотря на большое отдаленіе отъ послѣдней; но въ политическомъ и коммерческомъ отношеніяхъ она такъ тѣсно связана съ ближе лежащими Молуккскими островами, что ее теперь и причисляютъ къ послѣднимъ. (Carl E. Meinicke. Die Inseln des Stillen Oceans. Leipzig. 1875, 8°. Bd, S. 73—77).

При сѣверозападной оконечности Новой Гвинеи лежитъ группа островов Папуа, большею частью высокихъ, гористыхъ, круто поднимающихся и покрытыхъ густыми лѣсами; изъ нихъ наибольшіе — Вайгіу и Салавати, къ которымъ слѣдуетъ присоединить, въ виду большаго сходства съ двумя названными, еще и третій — Майзоль, обыкновенно къ нимъ непричисляемый. На другомъ, восточномъ, концѣ Новая Гвинея продолжается Луизіадскимъ архипелагомъ; онъ состоитъ изъ значительнаго числа островов, изъ которыхъ только три большихъ; почти всѣ они окружены утесами, частью лагунными группами; къ тому же проходъ между этими островами очень опасенъ, благодаря

множеству коралловыхъ рифовъ. Лежащій къ сѣверу Ново-Британскій архипелагъ, прежде всего, состоитъ изъ двухъ большихъ и одного меньшаго островов, лежащихъ близко одинъ около другаго; къ нимъ примыкаютъ двѣ маленькія группы Французскихъ и Гивернейскихъ острововъ. Въ широкомъ смыслѣ къ Новой Британіи принадлежитъ также и маленькій архипелагъ Адмиралтейскихъ острововъ. Отдѣльные острова этой группы при большой длинѣ относительно узки; за исключеніемъ немногихъ маленькихъ острововъ, они высоки и гористы, покрыты густыми, величественными и глухими лѣсами, свидѣтельствующими о влажности климата и плодородіи почвы. Фауна и флора указываетъ на очевидное родство съ Новою Гвинеею и Молуккскими островами. Почти таковъ же характеръ многочисленныхъ Соломоновыхъ острововъ, которые расположены въ двѣ параллельныя гряды, и притомъ такъ, что восточная начинается сѣвернѣе, за то и не заходитъ на югъ такъ далеко, какъ западная гряда. Въ этомъ архипелагѣ различаютъ семь особенно большихъ острововъ, изъ коихъ четыре въ восточной грядѣ, а три—въ западной. Не очень широкій проливъ отдѣляетъ южные Соломоновы острова отъ архипелага Королевы Шарлотты, состоящаго изъ семи большею частью маленькихъ острововъ, кромѣ группы плоскихъ коралловыхъ острововъ; всѣ они, кромѣ самыхъ сѣверныхъ, высокіе, но горы ихъ незначительны: повидимому, ни одна не достигаетъ высоты 1000 м. Хотя эти острова, за исключеніемъ одного Ванико́ро, принадлежатъ къ наименѣе изслѣдованнымъ въ океанѣ, однако извѣстно, что ихъ горныя породы преимущественно вулканическаго происхожденія, а на одномъ находится дѣйствующая огнедышащая гора. Нѣсколько южнѣе расположены Ново-Гебридскіе острова, число которыхъ трудно опредѣлить съ точностью; очень значительныхъ считаютъ два, средней величины одиннадцать, маленькихъ четырнадцать; кромѣ того, множество островковъ и скалъ. Видъ этихъ острововъ очень живописенъ и очарователенъ; почти повсюду высокіе, круто поднимающіеся берега окаймляютъ глубокое, вообще говоря—безопасное море; коралловые рифы находятся только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, къ тому же они небольшой величины и являются лишь въ формѣ береговыхъ рифовъ. Подобно всѣмъ островамъ, не имѣющимъ рифовыхъ барьеровъ, они обладаютъ малымъ числомъ гаваней: извѣстно только 2—3 хорошихъ. Всѣ острова внутри гористы; впрочемъ, высочайшія вершины рѣдко превышаютъ 1500 метровъ. По существованію дѣйствующихъ, а еще чаще потухшихъ, вулкановъ можно

замѣтить, что это группа вулканическаго происхожденія; поэтому чрезвычайно знойные острова часто страдаютъ отъ опустошительныхъ землетрясеній. Фауна и флора ихъ все еще очень бизко подходятъ къ индійскимъ; впрочемъ, это относится преимущественно къ сѣвернымъ островамъ; на южныхъ же къ индійскимъ формамъ примѣшивается другая флора, принадлежащая Новой Зеландіи, что сказывается въ появленіи такихъ характерныхъ растительныхъ видовъ, какъ Dammara, Podocarpus, слитнополыя, папоротники, наконецъ сандальное дерево, и свидѣтельствуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, о родствѣ съ флорою Новой Каледоніи. (Meinicke: Die Inseln des Stillen Oceans).

Новая Каледонія, которая заключаетъ въ себѣ, кромѣ большаго острова того же имени, поражающаго своею замкнутостію отъ внѣшняго міра, еще маленькіе острова у сѣвернаго и южнаго концовъ и группу острововъ Лойальти, представляетъ самый значительный и наиболѣе важный для европейцевъ архипелагъ Меланезіи. Новая Каледонія съ 24 сентября 1853 года составляетъ часть океаническихъ владѣній Франціи; губернаторъ этого архипелага, имѣющій резиденцію въ Портъ-де-Франсѣ, или Нумеѣ, подчиненъ генералъ-губернатору Океаніи. Новая Каледонія обращена въ колонію для ссылки какъ обыкновенныхъ преступниковъ, такъ въ послѣднее время и приговоренныхъ коммуналистовъ.

Островъ, величиною почти въ 16,500 кв. километровъ, простирается въ направленіи отъ ЗСЗ. къ ВЮВ., имѣетъ отъ 40 до 60 километровъ ширины и окруженъ опасными коралловыми рифами и песчаными мелями. Почва внутри острова плодородна; климатъ мягкій и здоровый для европейцевъ; горы густо покрыты лѣсами, но доступъ къ нимъ опасенъ, а плантаціи, если онѣ не защищены, страдаютъ часто отъ бурь. По свѣдѣніямъ одного англичанина, туземный сахарный тростникъ превосходно родится на Новой Каледоніи.; культура же хлопчатника менѣе удачна. Кофе удается повсюду весьма хорошо и, вмѣстѣ съ сахарнымъ тростникомъ, воздѣлывается на плантаціяхъ по берегамъ большой рѣки. Кукуруза произрастаетъ очень роскошно, а попытки воздѣлыванія риса на восточномъ берегу дали благопріятные результаты; для культуры риса особенно пригодны мѣста, гдѣ туземцы разводятъ «таро» (Arum esculentum). Изъ минераловъ Новая Каледонія богата золотомъ, но еще болѣе—никкелемъ. Никкель—все еще сравнительно рѣдкій металлъ, т. е. на землѣ существуетъ немного мѣстъ, гдѣ бы руды его были на столько богаты, чтобы ихъ можно было разработывать съ выгодою горнозаводскимъ путемъ. Важнѣйшіе изъ разработываемыхъ въ настоящее время никкелевыхъ рудниковъ Новой Ка-

ледоніи находятся на восточномъ берегу острова, а между ними особенно значительны рудники Баллардъ въ Онилавѣ и рудники въ Канналѣ. На островѣ живетъ около 30,000 туземцевъ; сильные и послушные мужчины работаютъ иногда по гривеннику въ день. Туземцы Новой Каледоніи въ свое время оказали мужественное сопротивленіе французамъ и—не такіе противники, которыхъ можно было бы презирать. Новокаледонцы предаются людоѣдству; у нихъ нѣтъ недостатка въ огнестрѣльномъ оружіи, но главная тактика ихъ заключается въ нападеніяхъ изъ-за ловко устроенныхъ засадъ. Численность нѣкоторыхъ племенъ въ настоящее время простирается еще до 2000 душъ; но и здѣсь, также какъ и всюду, гдѣ океанійцы дружественно или враждебно сталкиваются съ бѣлыми, замѣчается быстрое уменьшеніе населенія. Этому уменьшенію населенія въ Новой Каледоніи способствуютъ различныя причины: взаимныя отношенія туземцевъ между собою отличаются такою же враждебностью и свирѣпостью, какъ и отношенія ихъ къ чужестранцамъ. Полигамія благопріятствуетъ развитію ненависти между членами семьи; рождаемость дѣвочекъ оказывается гораздо ниже рождаемости мальчиковъ, а мужчины, вслѣдствіе войнъ, страсти къ спиртнымъ напиткамъ и разныхъ другихъ пороковъ, какъ своихъ туземныхъ, такъ и заимствованныхъ, быстро вымираютъ. Грязь и недостатокъ здоровыхъ жилищъ и одежды располагаютъ къ разнаго рода груднымъ болѣзнямъ, чахоткѣ и тому подобнымъ страданіямъ, требующимъ себѣ безчисленныхъ жертвъ. Климатъ здѣсь мягкій, но сырой, а способность организма сопротивляться появляющимся эпидеміямъ очень ничтожна. Этому въ значительной степени способствуетъ также недостатокъ животной пищи. Миссіонеры стараются привлечь туземцевъ даровымъ мясомъ, но островитяне становятся равнодушными къ новой религіи, коль скоро выйдетъ у нихъ весь запасъ его. Одинъ туземецъ, на вопросъ миссіонера, почему онъ не пришелъ въ церковь? — отвѣчалъ: «ты заставилъ меня въ послѣдній разъ ждать мяса». Отношенія между туземцами и колонистами, не смотря на умиротвореніе островов, все еще плохо. Между тѣми и другими господствуютъ крайняя недовѣрчивость и осторожность, и колонисты до сихъ поръ еще не умѣютъ пользоваться островитянами, какъ рабочею силою, и не привлекаютъ ихъ къ себѣ на работу посредствомъ хорошей платы, хорошаго содержанія и человѣческаго обращенія.

Близлежащіе, также французскіе, острова Лойальти, жители которыхъ, въ числѣ 15,000 человѣкъ, безъ сомнѣнія родственны населенію Новой Каледоніи, можно отнести къ землямъ христіанскимъ; населеніе обращено въ христіанство протестантскими миссіонерами, точно также и на Новой Каледоніи большинство населенія принадлежитъ къ церкви евангелической.

ГЛАВА IV.

Микронезія.

Къ сѣверу отъ экватора, между Новой Гвинеей и южными берегами Японіи, Великій океанъ наполненъ безчисленнымъ множествомъ мелкихъ острововъ, которые отчасти тянутся параллельно островамъ Меланезіи и представляютъ второй, внѣшній, поясъ острововъ, охватывающихъ австралійскій материкъ. По причинѣ разительно малыхъ размѣровъ этихъ острововъ они носятъ общее названіе Микронезіи. Послѣдняя распадается на три архипелага. Восточный изъ нихъ дѣлится, въ свою очередь, на двѣ группы, которыя географы именуютъ Жильбертовыми и Маршальскими островами; къ западу отъ нихъ лежитъ большой архипелагъ Каролинскихъ острововъ, къ которому принадлежатъ Пелевскіе или Палаускіе, называемые также Западными Каролинскими островами; къ сѣверу отъ этого архипелага лежитъ Ладронскій или Маріанскій архипелагъ, къ которому примыкаетъ нѣсколько, изъ лежащихъ еще сѣвернѣе, острововъ и островныхъ группъ, изъ коихъ самую значительную составляютъ острова Бонинскіе. Они имѣютъ на нѣкоторыхъ картахъ названіе Магальяскихъ острововъ и Ансонскаго архипелага и большею частью необитаемы. Другіе острова населены свѣтлокожимъ племенемъ, распространеннымъ въ Полинезіи и представляющимъ рѣзкую противуположность папуасамъ Меланезіи.

Архипелагъ Маршальскихъ и Жильбертовыхъ острововъ, называемый также Мульгревскимъ архипелагомъ, простирается отъ 12° с. ш. до 3° ю. ш., къ востоку отъ Каролинскихъ острововъ, въ направленіи отъ ССЗ. на ЮЮВ, и раздѣляется широкимъ проливомъ на двѣ части, изъ которыхъ сѣверная носитъ названіе Маршальскихъ острововъ, а южная — Жильбертовыхъ, именуемыхъ китоловами Кингсмильскими островами. Маршальскіе острова, въ свою очередь, распадаются на двѣ группы: Западную — Раликскую и восточную — Ратакскую. Изъ всѣхъ этихъ острововъ, числомъ 46, восемь, самыхъ мелкихъ, плоски и окружены коралловыми рифами; всѣ прочіе суть лагунныя группы.

Растительность хотя и пышна, но въ силѣ и разнообразіи уступаетъ флорѣ Каролинскихъ острововъ; на Маршальскихъ же остро-

вахъ, въ направленіи отъ Ю. къ С., она становится все бѣднѣе и хилѣе. Самое полезное изъ растеній—панданъ, встрѣчающійся болѣе чѣмъ въ двадцати разновидностяхъ и составляющій на многихъ островахъ главную пищу жителей. Плоды этого растенія пекутъ въ ямахъ и въ такомъ видѣ ѣдятъ; изъ нихъ приготовляютъ также сласть, извѣстную подъ именемъ «моганъ». За панданомъ слѣдуетъ кокосовый орѣхъ, который доставляетъ не только напитокъ, пищу, масло и посуду, но также лыко для веревокъ и канатовъ. Безъ волоконъ этого растенія для туземцовъ было бы немыслимо судоходство. Хлѣбное дерево встрѣчается не вездѣ; оно распространено лишь на влажныхъ низменностяхъ обитаемыхъ острововъ. Изъ корней «піа» (Tacca pinatifida) приготовляется питательная мука; на многихъ островахъ встрѣчается нѣсколько видовъ таро (Arum), пизангъ и воздѣлывается ямсъ (бататъ). Кромѣ того, нѣкоторые виды Hibiscus доставляютъ крѣпкое волокно. Сухопутныхъ млекопитающихъ на островахъ вовсе нѣтъ. Привезенныя сюда козы, свиньи и кошки сильно размножились, но одичали. Кромѣ куръ, встрѣчаются только лѣсныя и водяныя птицы, да и онѣ не представляютъ особаго разнообразія. Изъ земноводныхъ можно упомянуть о морской черепахѣ, изъ рыбъ—о двухъ видахъ ядовитыхъ скатовъ огромной величины. Летающія рыбы и акулы попадаются часто. Одно и двустворчатыя раковины весьма разнообразны; изъ нихъ замѣчательны такъ назывыемые тритоновы рога, служащіе туземцамъ трубами, и перламутровыя раковины, изъ которыхъ приготовляютъ ножи. Трепангъ встрѣчается въ большомъ количествѣ. Населеніе сѣвернаго архипелага (Маршальскаго), 30 острововъ котораго имѣютъ едва около 10,000 жителей, малочисленнѣе, нежели на островахъ Жильбертовыхъ, гдѣ считается болѣе 40,000 обитателей; поэтому эти острова принадлежатъ къ наиболѣе густо населеннымъ не только во всемъ океанѣ, но и на земномъ шарѣ. Подумайте только, что годная къ обитанію поверхность этихъ острововъ не превышаетъ 100 квадр. километровъ! Жители всѣхъ острововъ принадлежатъ къ микронезійцамъ, хотя между ними наблюдаются большія различія: обитатели Жильбертовыхъ острововъ отличаются ярко-мѣднокраснымъ цвѣтомъ кожи, тогда какъ остальные островитяне имѣютъ болѣе свѣтлый цвѣтъ кожи.

Каролинскіе острова, между Новой Гвинеей на югѣ и Ладронскимъ архипелагомъ на сѣверѣ, простираются на 30 градусовъ долготы, или почти на 3000 километровъ, отъ запада къ востоку. Двумя широкими проливами они раздѣляются на три группы, изъ которыхъ самая западная содержитъ, между прочимъ, величайшую изъ всѣхъ лагунныхъ группъ архипелага,—это именно Пелевскіе острова. Къ сѣверовостоку отъ нихъ лежитъ небольшая группа Ламоліоркскихъ острововъ (Мателотасъ) и затѣмъ—большей величины, холмистый

Типы жителей Маріанскихъ острововъ.

Типы жителей Маріанскихъ острововъ.

островъ Япъ. Средняя группа содержитъ самое большое число островов и, за единственнымъ исключеніемъ, всѣ они—острова лагунные. Рукъ или Гоголу—наиболѣе замѣчательный во всей группѣ. Онъ сосостоитъ изъ лагуннаго рифа 185 километровъ въ окружности, въ лагунахъ котораго возвышается нѣсколько гористыхъ островковъ. Большинство Каролинскихъ островов низки; высокіе же изъ нихъ обладаютъ вулканическимъ характеромъ и наполнены крутыми, зубчатыми горами. Климатъ здоровый и умѣряется прохладными вѣтрами.

Кокосовая пальма, панданъ и пизангъ распространены на всѣхъ островахъ. Кромѣ того, на высокихъ островахъ встрѣчаются: пальма арека, бамбукъ, гвоздичное и апельсиновое деревья, сахарный тростникъ, бетель, сладкій бататъ и арумъ или таро различныхъ видовъ (Arum esculentum); на низкихъ растетъ преимущественно хлѣбное дерево (Artocarpus incisa L.), которое здѣсь составляетъ такую-же исключительную пищу, какъ на другихъ островахъ корни таро. Жители Каролинскаго архипелага, въ количествѣ 28,000—30,000 душъ, принадлежатъ въ малайско-полинезійскому племени. Они отличаются высокимъ ростомъ и крѣпкимъ сложеніемъ, имѣютъ орѣхово-бурый цвѣтъ кожи на восточныхъ и темный мѣднокрасный—на Пелевскихъ островахъ. Всѣ они носятъ длинные, вьющіеся волосы, соединяя ихъ на затылкѣ въ одинъ локонъ. Жители западныхъ островов, вслѣдствіе жеванія бетеля, имѣютъ обыкновенно черные зубы; напротивъ того, у обитателей восточныхъ островов зубы большею частью бѣлые, прекрасные. Одежда ограничивается лишь самымъ необходимымъ. Татуированіе распространено всюду; вмѣстѣ съ этимъ существуетъ обыкновеніе продѣвать въ просверленную носовую кость ароматическіе цвѣты, въ уши—черепаховые или другіе предметы, напр. сигары, ножи и т. д.

Западные Каролинскіе или Пелевскіе острова были изслѣдованы нѣмецкимъ ученымъ д-ромъ Карломъ Семперомъ (Semper), который изучалъ ихъ въ теченіи 10 мѣсяцевъ и первый познакомилъ насъ съ господствующими тамъ, совершенно своеобразными, нравами и обычаями. Теперь, какъ и девяносто лѣтъ тому назадъ, у островитянъ распространено выраженіе «мугулъ», что значитъ гадкій, скверный,—примѣняемое ко всему, что отвергается по кодексу общепринятой морали. На сколько распущенны отношенія между полами, на столько-же сильно развитъ этикетъ въ этомъ, вполнѣ аристократически организованномъ, государствѣ. Мужчина, напр., никогда не подсматриваетъ женщинъ въ купальнѣ. Семперъ разсказываетъ, что, когда онъ проходилъ мимо бассейна, въ которомъ купались женщины, то сопутствовавшіе ему туземцы остановили его восклицаніемъ, смыслъ коего состоялъ въ приглашеніи подождать. Вслѣдствіе подобной скромности мужчинъ, купальни служатъ женщинамъ самымъ безопаснымъ и любимымъ мѣстомъ

для тайныхъ свиданій. Къ счастію, туалетъ дамъ этихъ островов продолжается недолго. Женская одежда ни что иное, какъ два передника изъ листьевъ; они спускаются отъ бедеръ до колѣнъ, по сторонамъ расходятся и связаны вмѣстѣ помощью пояса. Считается признакомъ хорошаго тона, если мужчина никогда не показывается на улицѣ или въ чужомъ домѣ вмѣстѣ со своей законной женой; впрочемъ, эти обычаи соблюдаются только въ средѣ туземнаго населенія; но въ отношеніи иностранцевъ предоставляется полнѣйшая свобода; такъ, Семперъ никакъ не могъ избавиться отъ посѣщеній его женщинами, которыя занимали его спальню и кровать, хозяйничали у него на всѣ лады и дѣлали подробный осмотръ его вещамъ. Жена одного туземнаго начальника, которой Семперъ, шутя, надѣлъ заинтересовавшую ее своей формой шляпу, крайне разсердилась; если туземная женщина покроетъ голову—это «мугулъ». Въ другой разъ предводитель былъ разгнѣванъ тѣмъ, что его прямо спросили, какъ его зовутъ. Семперъ былъ свидѣтелемъ еще одной характерной сцены между королемъ или предводителемъ и испанскимъ местицомъ Гонзалесомъ, разыгравшейся по тому поводу, что послѣдній обращался съ рѣчью къ королю на общенародномъ языкѣ. Здѣсь, какъ на Явѣ и въ другихъ малайскихъ городахъ, стоящій на низшей ступени общественной лѣстницы долженъ говорить съ лицомъ, выше его стоящимъ, на особенномъ, деликатномъ нарѣчіи; знатныя же особы употребляютъ въ такихъ случаяхъ обыкновенный народный языкъ. Пелевскіе островитяне имѣютъ понятіе и объ орденѣ. Одинъ король можетъ жаловать его своимъ подданнымъ; онъ же можетъ и отнять его у лицъ, впадающихъ въ немилость. Орденъ этотъ называется «клильтъ» и есть ни что иное, какъ первый шейный позвонокъ дугонга, или индійской морской коровы (halicore). Награжденіе орденомъ, какъ и лишеніе его, представляетъ звѣрскую процедуру: руку сильно протискиваютъ сквозь узкое отверстіе, причемъ человѣкъ часто лишается пальца; кожа же во всякомъ случаѣ оказывается содранной. Государство пріобрѣтаетъ ордена отъ мореплавателей, снабжая ихъ за это трепангами. Объ особенныхъ одновозрастныхъ разрядахъ, на которые распадается общество островитянъ обоихъ половъ и о товариществахъ (Clöbbergölls) Семперъ первый сообщилъ подробныя свѣдѣнія. Общественныя повинности мужскихъ клеббергеллей заключаются въ слѣдующемъ: 1) военная служба—на сушѣ и на морѣ; 2) обязательныя работы по случаю всѣхъ общественныхъ празднествъ безъ различія; 3) постройка домовъ, въ которыхъ помѣщаются клеббергелли; 4) шитье парусовъ для военныхъ лодокъ; 5) ловля извѣстныхъ рыбъ и преимущественно огромныхъ скатовъ.—Подобно мужчинамъ, женщины также составляютъ товарищества, имѣющія, какъ и мужскіе клеббергелли, своихъ начальниковъ; эти женскія товарищества, какъ и мужскія, обладаютъ правами признанныхъ корпорацій, но, конечно, безъ обязательства участвовать въ публичныхъ

работахъ и войнѣ, или жить непремѣнно въ домахъ товарищества. (Carl Semper. Die Palau-Inseln im Stillen Ocean. Reiseerlebnisse. Leipzig. 1873. 8°).

Третій архипелагъ Микронезіи—Маріанскіе, Ладронскіе или Воровскіе острова—также раздѣляется широкимъ проливомъ на двѣ группы. Онъ образуетъ рядъ островов, въ числѣ 15, простирающихся съ сѣвера на югъ отъ 13° до 21° сѣв. шир. и имѣющихъ общую поверхность въ 1050 кв. километровъ, на которой живетъ всего 5000 — 6000 человѣкъ, находящихся подъ властью испанцевъ. Губернаторъ, подчиненный генералъ-капитану въ Манилѣ, живетъ въ Аганьѣ, на островѣ Гуаянѣ или Гуамѣ,—главномъ и единственномъ городѣ колоніи, съ 2000 жителей. Колонія служитъ мѣстомъ ссылки. Плоскіе берега южныхъ островов окружены коралловыми рифами, позади которыхъ находятся хорошія гавани; почва ихъ повсюду богата, плодородна и прекрасно орошена безчисленнымъ множествомъ ручьевъ. Сѣверные острова въ сравненіи съ южными, напротивъ, неплодородны и бѣдны растительностью; они вулканическіе и изобилуютъ зубчатыми живописными горами, не превышающими, однако, 1000 метровъ. Рядомъ съ погасшими, возвышаются еще дѣйствующіе вулканы. Берега здѣсь круты и высоки, безъ рифовъ и другихъ опасностей для мореплаванія, но и безъ гаваней. По изслѣдованіямъ Челленджерской экспедиціи, къ югу-западу отъ Ладронской группы находится самое глубокое мѣсто океана. Подъ 11° 24′ сѣв. шир., 143° 16′ вост. долготы, экспедиціей «Челленджера» была найдена наибольшая глубина, какую только случалось опредѣлять ей во все время плаванія, именно лотъ былъ спущенъ на глубину 4575 саженъ. Къ западу отъ Маріанскихъ островов и Бонинскаго архипелага, въ морскомъ днѣ находится глубокая борозда, со среднею глубиною въ 2400 саженъ; она тянется между водами Маріанскихъ и Каролинскихъ островов, вообще имѣющими почти одинаковую глубину. Глубина отъ 2300 до 2500 саженъ продолжается почти вплоть до самой Японіи.

---

*

ГЛАВА V.

Полинезія.

Полинезія распадается на восемь архипелаговъ, къ которымъ примыкаетъ еще нѣсколько меньшихъ островныхъ группъ. Самый западный архипелагъ—Вити, къ востоку отъ Ново-Гебридскихъ острововъ; къ востоку же отъ него лежитъ архипелагъ Тонга, а къ сѣверу отъ послѣдняго Самоа; наконецъ, между этими архипелагами разбросаны еще нѣкоторые острова; къ сѣверу отъ Самоа—небольшая группа Токелау, а къ сѣверо-западу отъ послѣдней—группа острововъ Елисея (Ellice), Лагунные острова миссіонеровъ. Пространство между Тонга и островами Товарищества занимаетъ архипелагъ Гервей, состоящій изъ широко разбросанныхъ острововъ; за нимъ къ востоку слѣдуетъ архипелагъ Товарищества, къ которому принадлежатъ также лежащіе къ югу острова, называемые обыкновенно Тубуайскими (Tubuai); къ востоку расположенъ большой архипелагъ Помоту, къ которому примыкаютъ еще далѣе на востокѣ острова Рапануй или Пасхи. Къ сѣверу отъ Помоту лежитъ Маркизскій архипелагъ, а на западѣ и сѣверо-западѣ отъ него многіе далеко разбросанные острова, которые соединяются въ три группы: Пенрайнскую (Penrhyn) или Манагики—къ сѣверу отъ Помоту, острова Фениксъ—къ сѣверу отъ Токелау и Американскую группу, къ сѣверу отъ Пенрайнскихъ острововъ. Наконецъ, послѣдній полинезійскій архипелагъ—Гавайскій, къ которому примыкаетъ рядъ маленькихъ острововъ, тянущихся отъ него къ сѣверо-западу. (Meinicke, Ibid. S. 18).

Группа Вити, именуемая также Фиджи, хотя второе названіе менѣе правильно,—лежитъ къ востоку отъ Ново-Гебридскихъ острововъ, между 16° и 20° южной широты и между 177° и 182° восточной долготы отъ Гринвича, повсюду усѣяна коралловыми рифами, образуетъ архипелагъ изъ 154 маленькихъ земель, въ томъ числѣ два острова большей величины; лишь третья часть изъ нихъ заселена. Этотъ архипелагъ вулканическаго происхожденія; общая поверхность его равна 28,807 квадр. километрамъ. Почва такъ богата, что на этихъ островахъ могъ бы жить милліонъ человѣкъ. Въ 1871 году острова этой группы имѣли слѣдующее народонаселеніе: островъ Вити-Леву—70,000 туземцевъ и 450 бѣлыхъ; Вана-Леву—33,000 туземцевъ и

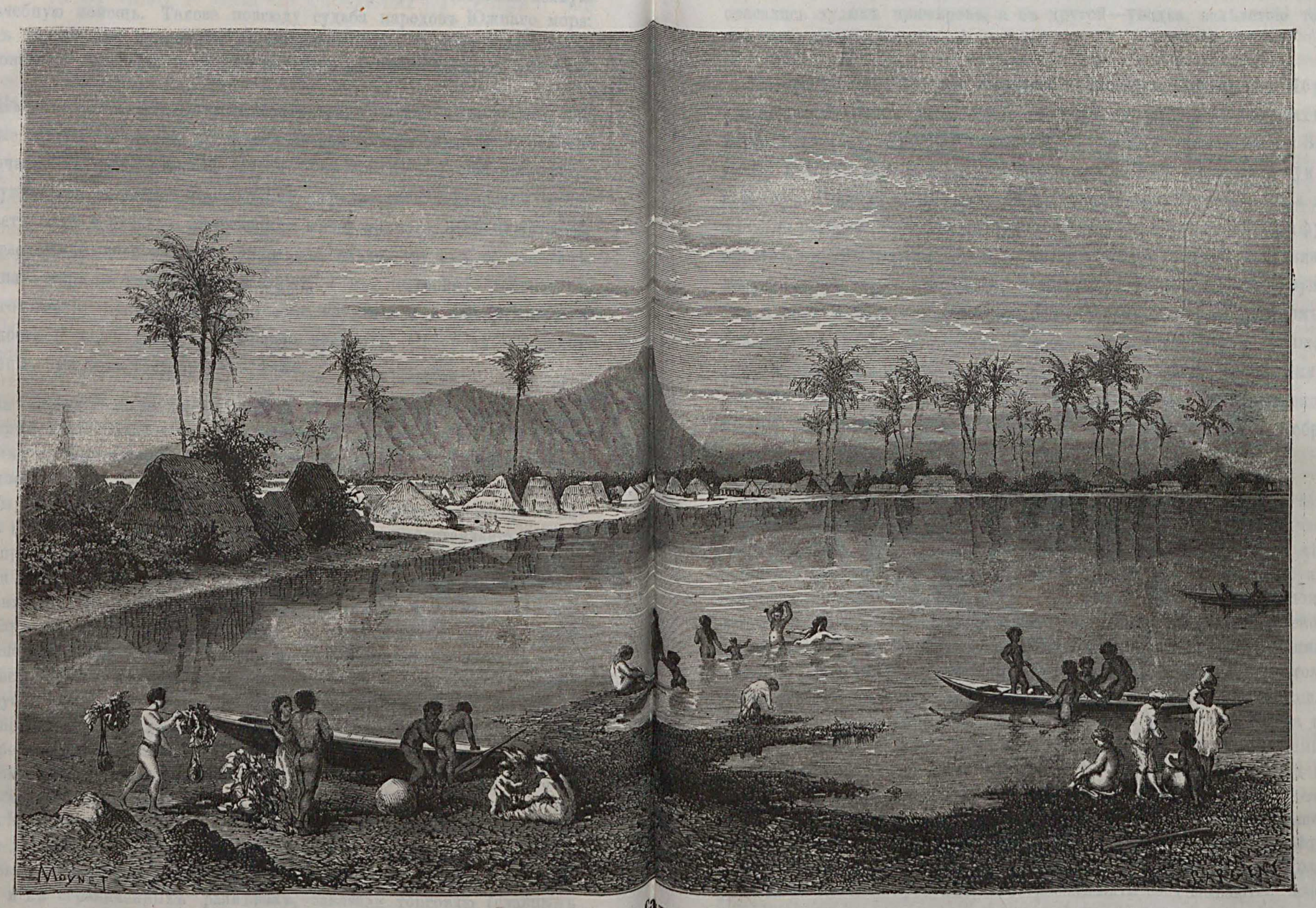
500 бѣлыхъ; мелкіе острова вмѣстѣ 43,000 туземцевъ и 1090 бѣлыхъ; всего, слѣдовательно, 146,000 туземцевъ и 2040 бѣлыхъ. (Behm und Wagner. «Die Bevölkerung der Erde». II. Gotha. 1873).

Туземное населеніе принадлежитъ къ смѣшанной расѣ, стоящей между меланезійцами и полинезійцами, и въ отношеніи цивилизованнаго образа жизни; еще мало позаимствовало отъ бѣлыхъ переселенцевъ напримѣръ, туземцы до сихъ поръ страстно преданы людоѣдству, и человѣческое мясо считаютъ самымъ лучшимъ кушаньемъ. Населеніе распадается на 12—14 племенъ, изъ которыхъ каждое управляется особымъ главою (начальникомъ), причемъ одинъ изъ нихъ носитъ титулъ короля. Что касается религіи обитателей Вити, то въ послѣднее время распространеніе христіанства, какъ говорятъ, дѣлаетъ большіе успѣхи, благодаря протестантскимъ (англійскимъ) миссіонерамъ. Численность дѣйствительныхъ христіанъ опредѣляютъ въ 18,500. (См. объ этихъ островахъ: Berthold Seeman: Viti, an account of a government mission to the vitian or fijian islands. Cambridge. 1862. 8°). Группа Вити, которую описывали какъ богатѣйшую и важнѣйшую изъ всѣхъ полинезійскихъ, обратила на себя должное вниманіе англичанъ, которые и присоединили ихъ въ октябрѣ 1874 года; они лишили прежняго короля всѣхъ правъ, оставивъ ему лишь титулъ. Такимъ образомъ острова Вити представляютъ королевство лишь по названію, ибо находятся подъ верховнымъ владычествомъ Англіи и ими управляетъ англійскій губернаторъ, пользующійся автономною самостоятельностью. Само собою разумѣется, беззастѣнчиво толкуютъ уже о громадныхъ успѣхахъ на поприщѣ цивилизаціи, будто-бы сдѣланныхъ туземцами въ годичный срокъ британскаго режима. Такъ, въ тамошнихъ газетахъ отворятъ о томъ, что такіе предметы культуры, какъ тонкое бѣлье, парфюмерные товары и прочія тонкости имѣютъ хорошій сбытъ между высокопоставленными фиджійцами, которые старательно подражаютъ въ этомъ отношеніи живымъ англійскимъ образцамъ. Короче, длинный путь отъ людоѣдства до совершенныхъ утонченностей и переутонченностей эти австралійцы пройдутъ могучими прыжками въ нѣсколько генерацій. Да, они могли бы далеко пойдти, если бы цивилизація налегала на нихъ не черезчуръ ужъ сильно и не уносила бы ихъ на тотъ свѣтъ въ такомъ количествѣ, что приходится опасаться за ихъ полное вымираніе. Обитатели острововъ Вити вступили въ ряды цивилизованныхъ народовъ при въ высшей степени неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Эпидемія, именно корь, была занесена туда англійскимъ военнымъ судномъ «Дидо», которое возило эксъ-короля въ Новый Южный Уэльсъ и обратно. Всѣ усилія задержать ея распространеніе были напрасны. Удивительно, что начальники первые падали жертвою болѣзни; одинъ за другимъ умирали они въ нѣмой покорности, которая представляетъ основ-

ную черту характера фиджійцевъ. Туземцы точно оцѣпенѣли и отказывались подавать помощь другъ другу. Вѣра въ неизбѣжность судьбы пустила глубокіе корни въ ихъ средѣ. Они упорно отвергали всякую врачебную помощь. Такова повсюду судьба народовъ Южнаго моря: какъ только они приходятъ въ соприкосновеніе съ «благословеніемъ» европейской культуры, — смерть является ихъ неизбѣжнымъ удѣломъ.

Къ юго-востоку отъ Вити лежатъ острова Дружбы или Тонга, которые раздѣлены узкими проливами на три группы. Южная группа заключаетъ въ себѣ главный островъ Тонгатабу. Почва острововъ, окруженныхъ опасными коралловыми рифами, хотя плодородна, но не имѣетъ рѣкъ и ручьевъ, придающихъ жизнь природѣ. 30,000 жителей, свѣтлокожихъ полинезійцевъ, опередили всѣхъ другихъ островитянъ Южнаго моря въ умственномъ развитіи, и въ постройкѣ домовъ, въ приготовленіи инструментовъ, платья, оружія и т. д. обнаруживаютъ ловкость и даже извѣстную степень искусства. Сѣверная и средняя группы образуютъ государство Вавао.

На островѣ того же имени имѣетъ свою резиденцію король Георгъ который мужественно и искусно веденными войнами, а также мудрыми мѣрами и благоразумною дипломатіею, соединилъ различныя группы архипелага подъ своею властью. Подданные его большею частью обращены въ протестантство; при мягкости и благоразуміи, съ которыми король Георгъ управляетъ страною, его личность представляетъ гарантію процвѣтанія и безопасности европейскихъ колонистовъ. Для торговли Южнаго моря острова Тонга, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, имѣли подчиненное значеніе. По величинѣ они уступаютъ другимъ, болѣе значительнымъ группамъ Южнаго моря; но по производительности этотъ архипелагъ представляетъ большее преимущество предъ ними въ томъ, что всѣ острова имѣютъ почву, способную къ воздѣлыванію и плодородную, а также хорошо организованное туземное управленіе, которое въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій умѣло поддерживать миръ. Но именно эта роскошная производительность богатой почвы, удовлетворяя потребностямъ населенія безъ особеннаго труда и напряженія съ его стороны, и усиливаетъ природное нерасположеніе полинезійцевъ къ правильной работѣ, которымъ они заражены еще сильнѣе меланезійцевъ. Эти причины дѣйствуютъ задерживающимъ образомъ и на развитіе отпускной торговли. Нѣкоторые европейцы, между прочимъ и нѣмцы, все-таки, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ, завязали торговлю (главнымъ образомъ кокосовымъ масломъ) съ Австраліею, что принесло хорошіе плоды. Жителямъ мало по малу начали нравиться европейскія произведенія, получаемыя ими въ уплату, — именно: оружіе, инструменты, матеріи и т. д. Веслеянскіе миссіонеры, утвердившіеся глав-



Деревня Вайкити на Сандвичевыхъ островахъ.

нымъ образомъ на этихъ островахъ и имѣющіе притомъ весьма сильное вліяніе на правительство и народъ, вовсе не покровительствовали торговлѣ островитянъ съ европейцами, такъ какъ, съ одной стороны, они опасались худыхъ примѣровъ, а съ другой—упадка, вслѣдствіе того, ихъ собственнаго вліянія.

На сѣверъ отъ Тонга мы находимъ архипелагъ Самоа, или Мореплавателей. Этотъ архипелагъ состоитъ изъ четырехъ большихъ и многихъ меньшей величины острововъ, съ общею поверхностью въ 300 квадр. километровъ. Большіе острова суть: Саваи, Уполу, Тутуила и Мануа. Главная гавань и въ то же время главный городъ Апіа лежатъ на островѣ Уполу, на которомъ возвышается также пикъ Тафуа, высотою въ 800 метровъ, въ видѣ правильно округленнаго пепельнаго конуса, увѣнчаннаго кратеромъ, заросшимъ густымъ лѣсомъ. Группа Самоа можетъ быть причислена къ самымъ красивымъ, богатѣйшимъ и прелестнѣйшимъ архипелагамъ Южнаго моря. Плодородіе почвы и здѣсь также чрезвычайно вознаграждаетъ воздѣлываніе тропическихъ растеній. Жители—самые свѣтлокожіе полинезійцы; ихъ считается около 35,000 человѣкъ, изъ коихъ 18,000 живутъ на Уполу; всѣ они обращены въ христіанство.

Нѣкогда воинственный и разбойническій характеръ самойцевъ, какъ говорятъ, совершенно преобразился съ той поры (1836 г.), какъ этотъ архипелагъ сдѣлался главнымъ поприщемъ миссіонерской дѣятельности на островахъ Южнаго моря. Кромѣ школъ и церквей, существуетъ нѣсколько заведеній для приготовленія учителей, а въ упомянутомъ главномъ городѣ, въ которомъ поселились многіе европейцы, занимающіеся торговлею, имѣютъ постоянное пребываніе иностранные консулы. Главнѣйшій предметъ вывоза — кокосовое масло; ввозъ товаровъ производится изъ Сиднея и американскими китоловами. Торговля нѣмцевъ на Самоа шире, чѣмъ то до сихъ поръ предполагали; она достигла сильнаго развитія. Не говоря уже о томъ, что поддерживаемыя нѣмецкими купцами сношенія доставляютъ этимъ странамъ доходъ въ коммерческомъ отношеніи,—они принесли на уединенные острова этой части моря блага культурной жизни. Существующія поселенія большею частію основаны гамбургцами; самыя значительныя и наиболѣе цвѣтущія изъ нихъ большею частью принадлежатъ торговому дому Годефруа. Какъ главные продукты, на островахъ Вити воздѣлываются: кофе, сахарный тростникъ и кукуруза. Новая Зеландія и Австралія представляютъ главные рынки сбыта; на островахъ Тонга собирается «кобра», т. е. сухія и мелко изрѣзанныя зерна кокосоваго орѣха, которыя даютъ жидкое масло и жмыхи (избоину); кромѣ того, вывозятся: хлопчатая

бумага, кукуруза и перламутръ. Еще въ послѣдніе годы съ этого архипелага вывозилось едва 100 тоннъ кобры, теперь же отпускъ ея достигаетъ 3000 тоннъ. Кокосовая пальма повсюду разводится на островахъ Самоа для вывоза, тоже какъ хлопчатникъ, кофе и кукуруза; нѣкоторыя произведенія страны тоже скупаются и отправляются, какъ обратная кладь, на тѣхъ судахъ, которыя ввозятъ изъ Австраліи мелкій товаръ, утварь, мануфактурныя издѣлія и проч. Главное значеніе гавани Апіа состоитъ въ томъ, что туда стекаются продукты всѣхъ островов Великаго океана, за исключеніемъ островов Таити и сосѣдняго материка. Недостатокъ рабочихъ рукъ на Самоа былъ существеннымъ затрудненіемъ для культуры кокосовой пальмы на этомъ островѣ, хозяйственнымъ образомъ и въ большомъ видѣ. Для усиленія этой культуры въ послѣднее время неоднократно прибѣгали къ помощи жителей Каролинскихъ и Маршальскихъ островов. Желающіе переселиться обязываются пробыть въ услуженіи отъ 4 до 5 лѣтъ. Хорошая пища, жилище, уходъ и обращеніе, которыми островитяне пользуются въ колоніяхъ, основанныхъ на европейскій ладъ, служатъ большою приманкою для нихъ, такъ что въ настоящее время нѣтъ недостатка въ рабочихъ. Съ 1872 года сѣверо-американцы водрузили свое звѣздное знамя на островахъ Самоа и взяли островъ подъ свое покровительство; въ то же время въ обширной гавани Тутуила, называемой Панго-Панго, они устроили станцію для склада каменнаго угля. Благодаря пароходамъ, совершающимъ свои рейсы по линіи, связывающей С.-Франциско съ Австраліею, Панго-Панго поддерживаетъ теперь сношенія въ обѣ стороны, вслѣдствіе чего торговая спекуляція въ послѣднее время ведется еще оживленнѣе прежняго.

О маленькихъ островныхъ группахъ Токелау, или Соединенія, и Елисея приходится сообщить не многое. Въ первой группѣ—три островка менѣе чѣмъ съ 500 жит. и залежами гуано; послѣднее обстоятельство побудило сѣверо-американцевъ занять эти острова. Вторая группа (Елисея) состоитъ изъ 11 плоскихъ островов и такихъ же островныхъ группокъ, съ населеніемъ, едва превышающимъ 2500 человѣкъ, обращенныхъ въ христіанство. Нѣтъ причинъ долго останавливаться также на очень разбросанныхъ островахъ архипелага Гервея, или Кука. Онъ состоитъ изъ 9—10 низкихъ, плодородныхъ коралловыхъ островов (съ почвою изъ мадрепоровой извести) окружностью въ 250 километровъ; но буруны и рифи дѣлаютъ ихъ труднодоступными; при этомъ они не имѣютъ гаваней и бѣдны водою. Самый большой изъ этихъ островов—Раратонга, вулканическаго происхожденія, гористый, съ плодородными и орошенными прибрежными долинами; почти одинаковъ съ нимъ по величинѣ—островъ Мангая, или Мангіа, самый юго-восточный въ архипелагѣ. Произведенія этой группы суть: ко-

косовая пальма, хлѣбное дерево, пизангъ; кромѣ того, кофе, хлопчатая бумага и табакъ. Свѣтлокожіе, сильные, выносливые, воинственные и способные жители, прежде предававшіеся людоѣдству, нынѣ на столько цивилизовались, что всѣ читаютъ библію, одѣваются по-европейски, живутъ въ каменныхъ домахъ и соединены въ маленькія государства,

Типы жителей Маркизскихъ острововъ.

подъ управленіемъ начальниковъ; но все-таки и они видимо исчезаютъ, такъ что полное вымираніе ихъ — лишь вопросъ времени. Число ихъ едва-ли превышаетъ 10,000 головъ, изъ которыхъ на Раратонга приходится 6000.

Значительно большее значеніе имѣютъ острова Товарищества, которыми собственно начинается восточная Полинезія, находящаяся подъ болѣе или менѣе непосредственнымъ вліяніемъ французовъ. Мож-

но сказать, что французы владѣютъ группою острововъ Товарищества, архипелагомъ Помоту и Маркизскимъ, кромѣ того—островами Тубуай. Французское правительство съ нѣкотораго времени пытается распространить свой протекторатъ и надъ другими островными группами Полинезіи; причемъ оно приходило въ столкновеніе съ американскими, нѣмецкими и англійскими кораблехозяевами, которые торговлю съ островитянами считали своимъ неограниченнымъ правомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ занимались также недозволительною торговлею людьми.

Острова Товарищества, въ числѣ одиннадцати, тянутся грядою съ сѣверо-запада на юго-востокъ и принадлежатъ къ наилучшіе извѣстнымъ островамъ Южнаго моря. Широкій морской проливъ раздѣляетъ ихъ на западную и восточную часть, называемыя англичанами Leeward и Windward-Islands (Подвѣтренными и Навѣтренными островами). Между Подвѣтренными островами особеннаго упоминанія заслуживаютъ четыре, такъ называемыхъ, королевства: Хуагине (Huahine), Раятеа, Тагаа, и Борабора, гдѣ, при содѣйствіи поселившихся намъ бѣлыхъ, сохранился духъ независимости; поэтому они стоятъ внѣ французскаго протектората. Восточная группа заключаетъ въ себѣ острова: Еимео или Мареоо—на западѣ, Маитеа на востокѣ, а между ними лежитъ прославленный, благодаря его волшебной природѣ, островъ Таити. Общая поверхность всѣхъ острововъ равна 1700 квадр. километрамъ, а число жителей 18,000 душъ.

Главный островъ Таити (1050 квадр. километровъ и 10,000 жителей)—вулканическаго происхожденія, очень гористъ, имѣетъ почти круглую форму; горы поднимаются отъ береговъ моря къ центру острова большею частью въ видѣ амфитеатра; посредствомъ низкаго и узкаго перешейка онъ соединенъ въ другимъ меньшимъ островомъ, тоже кругловатой формы и гористымъ. Чрезвычайно пріятный и здоровый климатъ благопріятствуетъ развитію всѣхъ продуктовъ тропическаго пояса, которые нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не имѣютъ себѣ соперниковъ въ отношеніи изобилія. Благоуханіе красивыхъ цвѣтовъ оживляетъ путника, а множество разнообразныхъ птицъ, которыя всѣ блещутъ роскошью тропическихъ красокъ, услаждаетъ слухъ своимъ пѣніемъ и щебетаніемъ. «Уже путь вдоль сѣвернаго берега», пишетъ баронъ Константинъ фонъ-Поппъ, «очаровательно хорошъ. Низменное побережье, тянущееся отъ крутыхъ склоновъ горъ до бѣлаго берега лагунъ, красуется прелестнѣйшими оттѣнками — отъ блестящей темнозеленой окраски хлѣбнаго древа до сочной свѣтлой зелени молодыхъ листьевъ банана; по направленію ко внутренности острова открываются романтическія долины и ущелья; въ глубинѣ же виднѣются очертанія Орогена, въ 2400 метровъ высоты. Но предъ взорами путешественника раз-

вертывается еще болѣе красивое зрѣлище, когда судно огибаетъ послѣдній мысъ, и гавань Папетэ внезапно появлятся на фонѣ картины». Въ этомъ земномъ раю живутъ красивѣйшіе изъ людей земнаго шара, тѣлесныя формы которыхъ, мало или вовсе не сокрытыя отъ взоровъ, приводили въ удивленіе первыхъ европейскихъ открывателей. Красота таитскихъ дѣвушекъ чрезвычайно прославлялась особенно прежними путешественниками. Въ новѣйшее же время о таитянкахъ высказываются менѣе восторженныя мнѣнія. Такъ, баронъ фонъ-Поппъ говоритъ: «Хотя мы напрасно станемъ искать на Таити той исполинской породы, которую описываетъ капитанъ Кукъ, ибо цивилизація и водка уже сдѣлали свое дѣло,—но все-таки этотъ рай населяетъ красивое племя: таитяне стройны, высокаго роста, съ темнокоричневымъ цвѣтомъ кожи, плоскимъ и широкимъ носомъ, слегка вздернутыми губами, красивыми зубами и черными, большею частью вьющимися волосами; у мужчинъ небольшая борода. Туземцы острововъ Гамбіера, которые питаются главнымъ образомъ мясомъ жемчужной раковины, отличаются отъ жителей острововъ Товарищества особенно красивымъ ростомъ и совершенно чернымъ цвѣтомъ кожи. Они, какъ мнѣ кажется, болѣе способны къ образованію, чѣмъ таитяне. Волосы у нихъ совсѣмъ гладкіе». Цивилизація распространилась также и на островѣ Таити, а жизнь туземцевъ приближается къ европейской. Вмѣстѣ съ христіанствомъ проникли и болѣе мягкіе обычаи между островитянами, которые прежде приносили въ жертву людей и предавались разврату. Въ настоящее время развѣ внутри острова можно еще встрѣтить канака въ его первобытномъ состояніи, или прелестную островитянку, убранную цвѣтами и пляшущую свой граціозный танецъ. Но долго ли это продолжится? Какъ на Сандвичевыхъ, такъ и на этихъ островахъ населеніе уменьшается съ поразительною быстротою, а прежніе идиллическіе нравы, такъ восхищавшіе первыхъ путешественниковъ, нынѣ большею частью изчезли подъ вліяніемъ миссіонеровъ; короткое и красивое платье замѣнено длиннополымъ и безобразнымъ; обычные по воскресеньямъ танцы и пѣсни запрещены; наконецъ, дурное обращеніе, пьянство и болѣзни уносятъ тысячи таитянъ.

Французскій протекторатъ простирается на острова Товарищества и Помоту и вполнѣ походитъ на управленіе колоніей. Хотя королева Таити (Помаре IV) и самодержавна, однако дважды была арестована французскими жандармами, вмѣстѣ со своими совѣтниками, за то, что осмѣлилась не одобрить одного изъ многочисленныхъ законовъ, еженедѣльно обнародываемыхъ въ «Messager de Tahiti». За то она пользуется защитой французовъ; въ лѣвомъ углу таитскаго флага (цвѣта: красный, бѣлый, красный) находятся голубая, бѣлая и красная полосы, и только корабли подъ такимъ флагомъ (pavillon du protectorat) имѣютъ право вести торговлю съ остальными островами. Она располагаетъ также французскимъ войскомъ для водворенія порядка въ своемъ дворѣ, осо-

бенно среди своихъ алчущихъ верховной власти сыновей. Со стороны французскаго правительства она пользуется почестями коронованной особы. Одно испанское военное судно заставили салютовать королевѣ двадцать однимъ выстрѣломъ, когда она приблизилась къ его борту: испанцы не намѣревались оказывать такихъ почестей этой доброй женщинѣ.

Столица Таити—Папетэ—полна невообразимыхъ контрастовъ. Въ маленькомъ городкѣ, лишь съ 2000 жителей, встрѣчаются представители всевозможныхъ племенъ, за исключеніемъ американскаго. «Rue de Rivoli» съ ея «Palais de justice», «Trésor colonial» и т. д. ведетъ къ «Place de la Cathédrale» мимо дворца губернатора и нынѣ еще неоконченнаго дворца королевы. Колокольня этого недавно выстроеннаго собора скорѣе уродуетъ, нежели украшаетъ это хорошенькое мѣстечко. «Rue de la Pologne» обладаетъ всѣми темными сторонами маленькаго Парижа антиподовъ; съ другой стороны, множество китайскихъ «Stores» (складовъ), «Tea shops» (чайныхъ) напоминаетъ китайскій кварталъ въ Санъ-Франциско. Папетэ—складочное мѣсто предметовъ торговли островов Южнаго моря къ востоку отъ 160 град. Продукты съ островов доставляются небольшими шхунами, въ 20—50 тоннъ, на Таити, откуда они при случаѣ отправляются на парусныхъ судахъ прямо въ Европу (смотря по времени года, или чрезъ Магеллановъ проливъ, или вокругъ Мыса Доброй Надежды). Эти же шхуны, изъ которыхъ около 20 плаваетъ подъ таитскимъ флагомъ, забираютъ часть груза отъ приходящихъ кораблей, для продажи и обмѣна на островахъ. Главные предметы вывоза въ Европу суть: кокосовый орѣхъ, жемчужныя раковины, хлопчатая бумага и небольшое количество сахара (большею частью въ Англію и Германію; во Францію—въ очень маломъ количествѣ); далѣе померанцы, трепангъ (вывозится въ Китай) и грибы (въ Калифорнію). Ввозятся-же: спиртуозные напитки, консервы, домашная утварь всевозможнаго рода, строевой лѣсъ (красное дерево, redwood, изъ Калифорніи), матеріи и т. п. Жемчужныя раковины до сихъ поръ были покупаемы исключительно отъ туземцевъ, занимавшихся ловлею ихъ. (Constantin Freiherr von Popp. Eine Reise nach Tahiti; въ Mitth. der. k. k. geograph. Gesellsch. in Wien. 1876, S. 364—370.)

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на пяти небольшихъ, разбросанныхъ далеко другъ отъ друга, островахъ Тубуайскихъ или Южныхъ, лежащихъ къ югу отъ островов Товарищества и отличающихся вулканическимъ характеромъ, холмистымъ рельефомъ, хорошо орошенныхъ, но рѣдко посѣщаемыхъ; а обратимся къ расположенному къ востоку отъ островов Таити архипелагу Помоту или Туамоту, называемому также Жемчужнымъ, Низменнымъ или Опаснымъ. Это—настоящая туча островов, число которыхъ простирается до 80; они населены очень слабо, очень плоски, вовсе не имѣютъ текучихъ водъ и окружены коралловыми рифами. Они замѣчательны только

чрезвычайно обильными уловами жемчужныхъ раковинъ и добываніемъ въ значительныхъ размѣрахъ «бузы», изъ которой приготовляется дорогое кокосовое масло. Острова состоятъ подъ покровительствомъ Французской республики; таково же политическое положеніе и Гамбіерской группы, состоящей изъ пяти высокихъ вулканическихъ острововъ, съ 1500 душъ католическаго населенія; наиболѣе значительный изъ этихъ острововъ—Мангарева, лежащій почти подъ тропикомъ Козерога.

Къ сѣверо-востоку отъ Помоту расположенъ Маркизскій архипелагъ; впрочемъ, изъ 17 острововъ его болѣе извѣстны только 12. По своему положенію они раздѣляются: на юго-восточную группу острововъ—Фатугива, Тауата, Мотане, Гива-Оа, вмѣстѣ со скалой Фетугука, и на сѣверо-западную, состоящую изъ Уа-Поа, Нукагива, Уа-Ука, скалы Моту-Ити, острововъ Гіау, Фетугу и песчанаго атолла, носящаго названіе Коралловаго острова (Ile de Corail). Общая площадь всѣхъ острововъ Маркизскаго архипелага — около 1320 кв. километровъ, а число жителей считается до 8000 душъ.

Маркизскіе острова отличаются вулканической природой, по виду своей поверхности и своихъ береговъ имѣютъ сходство съ островами Мореплавателей. Внутренность ихъ наполнена крутыми горами, возвышающимися въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 1140 метровъ; она не лишена также и плодородныхъ, хорошо орошаемыхъ долинъ. Всѣ берега свободны отъ коралловыхъ рифовъ; только Уа-Ука имѣетъ вблизи береговъ довольно далеко простирающійся рядъ подводныхъ утесовъ. Большинство этихъ острововъ богато бухтами и гаванями, доступъ къ которымъ, по причинѣ внезапно поднимающагося изъ-за горъ вѣтра, часто бываетъ сопряженъ съ опасностями. Почва, большею частью менѣе плодородная, чѣмъ почва сосѣдняго Таити, отличается соотвѣтственно и менѣе роскошною растительностью. На островахъ Нукугива и Тауатѣ горныя громады состоятъ изъ базальта или цѣликомъ, или базальтъ только увѣнчиваетъ куполообразныя возвышенности, причемъ онъ часто образуетъ отвѣсныя стѣны и утесы значительной высоты. Почва здѣсь вообще скалиста и лишь скудно покрыта перегноемъ, на которомъ тотчасъ-же развивается пышная тропическая растительность. Климатъ по берегамъ жаркій, и палящіе лучи солнца нагрѣваютъ приблизительно въ одинаковой степени какъ воздухъ, такъ и море. Если подниматься въ мѣста выше лежащія, — то тропическій жаръ начинаетъ уступать мѣсто чувствительной прохладѣ, такъ что, наконецъ, вы чувствуете себя какъ бы перенесеннымъ въ какую-либо изъ высокихъ долинъ нашихъ Альповъ. Но вообще климатъ здоровый, и ни туземцы, ни иностранцы не имѣютъ причинъ сильно жаловаться на болѣзни.

Жители Маркизскаго архипелага описываются обыкновенно, какъ самые красивые изъ островитянъ Южнаго моря; дѣйствительно, по красотѣ они превосходятъ даже таитянъ. Цвѣтъ лица у нихъ впадаетъ въ чистую, здоровую желтизну, а на щекахъ играетъ нѣжный румянецъ. По Куку, они, быть можетъ, превосходятъ всѣ другіе народы строгою пропорціональностью частей своего тѣла и правильностью чертъ лица. Всѣ они характеризуются силою, высокимъ ростомъ и значительнымъ развитіемъ мускулатуры. Мужчины ростомъ отъ 1,77 до 1,83 метровъ; однако, зубы и глаза у нихъ не столь прекрасны, какъ у другихъ народовъ; волосы различной окраски, но никогда не бываютъ рыжи. Они любятъ татуировку и исполняютъ ее со вкусомъ; но, благодаря татуировкѣ, цвѣтъ лица ихъ часто дѣлается чернымъ. Выраженіе лица у нихъ пріятное, открытое и обличаетъ много живости въ ихъ характерѣ. Женщины хотя и обладаютъ меньшимъ ростомъ, но также хорошо сложены, и если цвѣтъ кожи у нихъ вообще буроватый, за то встрѣчаются многія столь же красивыя и съ такимъ же бѣлымъ цвѣтомъ кожи, какъ и женщины южной Европы; онѣ татуируются рѣдко. Обычаи и религіозные обряды островитянъ Маркизскаго архипелага во многихъ отношеніяхъ подобны существующимъ у таитянъ. Они поклоняются многимъ божествомъ, для которыхъ въ каждомъ округѣ имѣется такъ называемый «морай», гдѣ приносятся въ жертву богамъ свиньи; хотя описываемые островитяне принадлежатъ къ антропофагамъ, но приношеніе въ жертву людей у нихъ не въ обычаѣ. Сначала они были чрезвычайно гостепріимны по отношенію къ иностранцамъ, но между собою всегда вели кровавую вражду. Всѣ попытки миссіонеровъ оставались долгое время совершенно безъуспѣшными, и лишь въ послѣдніе годы большая часть туземныхъ жителей приняла, наконецъ, католицизмъ. Не смотря на то, по свидѣтельству барона Поппа, они все еще продолжаютъ вести жизнь совершенныхъ дикарей и преданы людоѣдству.

Главный островъ Маркизскаго архипелага—Нукагива, служившій прежде французамъ колоніею для ссылки. Въ Тайогаѣ, хотя и небольшомъ, но оживленномъ главномъ портѣ острова, находится резиденція французскаго коммисара колоніи, подъ защитою котораго поселились купцы разныхъ странъ.

Намъ остается упомянуть еще о нѣсколькихъ небольшихъ островахъ: Натейа или Натеайя, Онатейа, именуемый также Санъ-Педро, лежитъ къ востоку отъ Тауаты и на столько же къ югу отъ Гива-Оа; онъ имѣетъ 15 километровъ въ окружности, среднюю высоту, очень плосокъ и обладаетъ большими лѣсами и прекрасными долинами. Тебуа или островъ Гуда (H od's Island), лежащій отъ Гива-Оа почти въ сѣверо-западномъ направленіи, не отличается привлекательнымъ видомъ и представляетъ самый малый изъ острововъ этой группы. Острова Робертовы, подъ 7° 53′ южн. шир., къ сѣверо-западу отъ Нукагива, высоки и необитаемы, но посѣщаются не рѣдко. Большій изъ нихъ имѣетъ 4½

километра длины, широкъ и обладаетъ на своей сѣверо-западной сторонѣ бухтою съ хорошей якорной стоянкой. Эта сторона острова кажется плодородною; на всемъ же остальномъ пространствѣ островъ имѣетъ пустынный видъ. Наконецъ, маленькіе острова Гергеста (Hergest), къ западу отъ Нукагивы, также не обитаемы.

Если отъ Маркизскаго архипелага мы поплывемъ на западъ, то достигнемъ островов Манигики, а оттуда въ направленіи къ сѣверу —разбросанныхъ группъ Фениксъ и Американской, которыя также называются Средне-Полинезійскими Спорадами и замѣчательны только своими богатыми залежами груано, эксплуатируемыми большею частью американцами; наконецъ, недалеко отъ тропика Рака мы встрѣтимъ уединенную группу Гаваи или Сандвичевыхъ острововъ, составляющихъ небольшое самостоятельное королевство, въ которомъ, однако, американцы пользуются большимъ вліяніемъ. Архипелагъ этотъ состоитъ изъ семи большихъ вулканическихъ и населенныхъ острововъ: Оагу, Кауай, Нигау, Мауи, Молокай, Ланай и Гаваи и, кромѣ того, изъ четырехъ голыхъ скалистыхъ острововъ: Каула, Легуа, Кахолаве и Молокини; общая поверхность ихъ 19,250 кв. километровъ, а число жителей — около 50,000 человѣкъ.

Гавайскіе острова—тоже своего рода рай. Широкою пеленою разстилается лазуревое море въ мягкомъ солнечномъ сіяніи и среди нѣжнаго, упоительнаго воздуха. Люди имѣютъ такой видъ, словно у нихъ вѣчный праздникъ: нигдѣ не встрѣтите здѣсь людей, такъ сказать, потертыхъ, изношенныхъ трудомъ; напротивъ, всюду видишь только лица, сіяющія веселіемъ и радостію, словно вся жизнь для нихъ одно наслажденіе. Весело носятся эти люди на своихъ лошадяхъ по бѣлому песку, или забавляются оживленными играми среди еще болѣе бѣлой пѣны волнъ. Не менѣе береговыхъ блестящи внутреннія картины острововъ. Между зелеными холмами журчатъ глубокіе потоки, часто скрытые въ разсѣлинахъ. Огромныя деревья, одѣтыя роскошною листвою, простираютъ по всѣмъ направленіямъ свои гигантскія вѣтви, съ которыхъ свѣшиваются плоды банановъ, хлѣбнаго дерева, гуавы и кокосовые орѣхи, предлагая столь вкусныя, сладкія и питательныя вещества, что слова, сказанныя Адаму: «и будешь ты ѣсть свой хлѣбъ въ потѣ лица твоего», здѣсь, повидимому, не находятъ себѣ примѣненія. Рядомъ со всей этой роскошью природы, здѣсь проявляются, однако, и мрачныя силы ея въ образѣ подземнаго огня, который нашелъ себѣ выходъ, особенно въ нагихъ, безводныхъ частяхъ обрамленнаго утесами берега Гаваи, чрезъ кратеры могучихъ вулкановъ. Здѣсь возвышаются три самыя высокія горы Полинезіи: Мауна-Кеа (4252 метра), Мауна-Лоа (4194 м.) и Мауна-Гулалай

(3048 м.), — всѣ три еще дѣйствующіе вулканы. Далѣе къ востоку отъ Мауна-Лоа высится Килауэа, самая замѣчательная огнедышащая гора въ мірѣ, которую, по ужасающей грандіозности картины, представляемой кипящею лавою кратера, если смотрѣть на нее ночью, едва ли можетъ превзойти какое-либо наблюдаемое въ другихъ мѣстахъ земли явленіе того же рода. Довольно легко доступный кратеръ имѣетъ жерло неправильной эллиптической формы, на днѣ котораго обыкновенно бываетъ видно цѣлое озеро кипящей лавы; поднятіе и пониженіе этой лавы весьма сильно отличаются отъ подобныхъ же явленій, представляемыхъ другими вулканами. Въ очень недавнее время, именно ночью 14 февраля 1877 года, Мауна-Лоа, послѣ 11-ти лѣтняго отдыха, снова разразилась страшнымъ изверженіемъ; свѣтло-красныя облака пара и дыма выбрасывались съ огромною скоростью (въ первыя минуты — 1520-ти метровъ) на высоту болѣе 4570 метровъ, такъ что они образовали слой, покрывшій небо на 260 кв. километровъ. Освѣщеніе было столь сильно, что всѣ части острова были видны какъ днемъ, и даже на отдаленномъ островѣ Мауи зарево было совершенно ясно видимо. Десять дней спустя, случилось новое, въ высшей степени замѣчательное, изверженіе одного изъ подводныхъ вулкановъ, въ бухтѣ Кеалакеакуа. Надъ поверхностью воды взлетало безчисленное множество огней красныхъ, голубыхъ и зеленыхъ, высоко выбрасывались огромные куски раскаленной лавы; въ то же время пары и газы съ сильнымъ сѣрнымъ запахомъ распространялись далеко вокругъ. При этомъ слышался подземный гулъ. Водяныя массы на верху кратера находились въ сильномъ движеніи и страшно шумѣли, какъ будто онѣ низвергались съ высокой скалы, или были приведены въ кипѣніе. Нѣкоторыя суда, плывшія въ эту минуту надъ мѣстомъ изверженія, были поражаемы кусками лавы, не потерпѣвъ, однако, сколько-нибудь значительнаго вреда. Изверженію вулкана предшествовало сильное землетрясеніе.

Островное государство Гаваи есть независимая съ 1840 года, признанная Америкой и европейскими державами въ 1844 г., конституціонная монархія, а съ 1864 г. оно имѣетъ довольно свободное конституціонное правленіе съ одной палатой и отвѣтственнымъ министерствомъ. Дома жителей этого государства выстроены на европейскій ладъ. Оно имѣетъ хорошія дороги и школы, послѣднія въ количествѣ 300. Въ важныхъ случаяхъ король долженъ собирать «тайный совѣтъ» изъ министровъ, губернаторовъ наиболѣе значительныхъ острововъ, канцлера королевства и 16 членовъ, избираемыхъ наполовину изъ туземцевъ, наполовину изъ натурализованныхъ иностранцевъ. Король имѣетъ резиденцію въ главномъ городѣ Гонолулу (14,000 жит.) на островѣ Оагу, ведущемъ оживленныя сношенія съ Санъ-Франциско. На островѣ Га-

ваи самый важный пунктъ—Гило (6000 жит.). Постоянное войско королевства состоитъ изъ 75 человѣкъ. Жители Сандвичевыхъ острововъ, канаки, принадлежатъ къ самымъ красивымъ и интеллигентнымъ народамъ Южнаго моря; они вполнѣ усвоили европейскій или, вѣрнѣе сказать, американскій образъ жизни—такъ, напр., дамы держатъ себя и одѣваются вполнѣ по-американски, говорятъ предпочтительно на англійскомъ языкѣ, и находятся подъ вліяніемъ протестантскихъ миссіонеровъ.

Что касается внутренняго состоянія острововъ, то оно не слишкомъ завидно. Многіе изъ владѣльцевъ сахарныхъ плантацій запутались въ долгахъ, причемъ затруднительность ихъ положенія все болѣе усиливается, такъ какъ цѣна на сахаръ въ С.-Франциско, главномъ рынкѣ по сбыту этого продукта, стоитъ низкая. Культура кофе не удалась, а для обыкновеннаго земледѣлія острова не пригодны. По этимъ причинамъ плантаторы и всѣ, кто торопился разбогатѣть, находятся теперь въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Массѣ же населенія, на сколько можно говорить о ней, отъ этого нисколько не хуже. Государственный долгъ королевства (Гаваи, подобно другимъ державамъ большей величины, также имѣетъ такой долгъ) не превосходитъ 60,000 фунтовъ стерлинговъ. Налоги невелики. Подоходный налогъ не выше $^1/_2$%, и нѣтъ товара, тарифъ на который превышалъ бы maximum 10%. Только каждый, желающій получить право голоса, обязанъ платить налогъ въ 6 рублей. Съ другой стороны, туземцы Сандвичевыхъ острововъ, подобно всѣмъ остальнымъ островитянамъ Южнаго моря, находятся въ процессѣ очевиднаго вымиранія. Къ тому же они подвержены особенной сыпи, называемой «майпаке», и пораженные ею обязаны жить въ изгнаніи въ отдаленной долинѣ острова Молокай. Большая часть вины въ этомъ вымираніи жителей Сандвичевыхъ, равно какъ и всѣхъ остальныхъ южно-океанійскихъ острововъ, падаетъ, безъ сомнѣнія, на миссіонеровъ, въ особенности евангелическихъ. Въ своемъ рвеніи спасти нецивилизованные народы, они не всегда вели дѣло съ необходимымъ благоразуміемъ. Они слишкомъ выдвигали на первый планъ наши европейскіе методы просвѣщенія; имъ казалось, что, посредствомъ одного только чтенія и письма, изъ людей совершенно нецивилизованныхъ можно сдѣлать образованныхъ, развитыхъ и разумныхъ. Самое важное правило, которому должны бы слѣдовать миссіонеры, какъ и всѣ вообще учителя, состоитъ въ слѣдующемъ: нужно строго примѣняться къ силамъ своихъ питомцевъ или учениковъ. Нѣтъ ничего легче, какъ начинить голову познаніями, за то всего труднѣе освободить духъ отъ оковъ невѣжества и пріучить его къ новой, болѣе высокой самодѣятельности. Правда, у отдѣльныхъ индивидуумовъ духовная сторона можетъ не тотчасъ пострадать отъ подавляющаго бремени хаотическаго знанія, но

оно непремѣнно отразится вредными послѣдствіями на цѣломъ поколѣніи. (О Гаваи см. Dr. J. Bechtinger. Quatorze ans aux îles Sandwich. Paris, 1874. 8°. Isabel Bird. Six months in the Sandwich Islands. London. 1875. 8°.)

ГЛАВА VI.

Новая Зеландія.

Среди Южнаго океана, въ большомъ отдаленіи отъ всѣхъ материковъ, возвышается особая группа островов, носящая названіе Новой Зеландіи. Она простирается отъ $34^1/_2$° до $47^1/_2$° южн. широты, т. е занимаетъ 13 градусовъ послѣдней, и состоитъ изъ двухъ большихъ и нѣсколькихъ малыхъ острововъ, общая площадь которыхъ составляетъ 258,800 кв. километровъ; слѣдовательно въ отношеніи поверхности она почти не уступаетъ Италіи съ Сициліею. По ширинѣ (180—220 километровъ) Новая Зеландія также приближается къ Италіи; наконецъ, и по общей фигурѣ она напоминаетъ Италію, только въ обратномъ видѣ. Куковъ проливъ, имѣющій въ самомъ узкомъ своемъ мѣстѣ 20 километровъ ширины, раздѣляетъ два самыхъ большихъ въ этой группѣ острова, Сѣверный и Южный, или. говоря языкомъ туземцевъ, Те-Ика-а-Мауй, т. е. «рыба мауй», и Те-Ваги-Пунаму, т. е. «мѣсто зеленаго камня». Другой проливъ — Фово (Foveaux) отдѣляетъ второй изъ предъидущихъ острововъ отъ третьяго, меньшаго острова — Стюарта. Дальнѣйшій обзоръ этого послѣдняго, по причинѣ его необитаемости и незначительныхъ размѣровъ, можно оставить безъ вниманія. Новая Зеландія, подъ именемъ коей исключительно разумѣютъ два наибольшихъ острова, образуетъ великобританскую колонію съ особеннымъ управленіемъ, благосостояніе и населеніе которой быстро возростаетъ. Бѣлаго, пришлаго населенія, которое, немедленно по приходѣ, затѣяло съ туземными маори, нынѣ быстро исчезающими, обычную для британцевъ опустошительную и истребительную войну, — насчитывалось въ 1875 году 375,856 душъ. Главный городъ колоніи — Аукдендъ расположенъ на узкомъ перешейкѣ того же имени, соединяющемъ далеко къ сѣверо-западу выдающійся полуостровъ съ остальною частью Сѣвернаго острова. Кромѣ того, здѣсь существуютъ другіе,

очень цвѣтущіе города и мѣста, такъ напр.: Веллингтонъ съ гаванью Никольсонъ у пролива Кука; затѣмъ на Южномъ островѣ Нельсонъ (6000 жит.), Христчёрчъ (15,000 жит.), Дунединъ (15,000 жит.), Инверкаргиль и Гокитика. (О Новой Зеландіи см. превосходнѣйшее сочиненіе v. Hochstetter. Neuseeland. Stuttg. 1863. 8°).

Острова Новой Зеландіи проявляютъ весьма значительныя физическія различія, которыми должна обусловливаться также и разница въ ихъ соціальныхъ и промышленныхъ условіяхъ. Сильно расчлененный Сѣверный островъ состоитъ изъ двухъ частей: изъ упомянутаго уже полуострова, прекрасно орошеннаго и богатаго плодородными долинами, и собственно острова, характеризующагося постепенно восходящими рядами холмовъ, низкою столовою возвышенностью, прерываемою тамъ и сямъ вулканическими шпицами. Почва покрыта роскошными лѣсами, за исключеніемъ средней части острова, которая наполнена озерами, горячими источниками—гейзерами, отлагающими силикаты и сѣру, подобно гейзерамъ Уэллоустонскаго Парка въ С. Америкѣ. Между горячими озерами, озеро Роторуа, съ его окрестностями, представляетъ, по словамъ Гохштеттера, одну изъ самыхъ замѣчательныхъ мѣстностей на земномъ шарѣ. Къ югу отъ этого озера, недалеко отъ центра Сѣвернаго острова, лежитъ озеро Таупо, идиллически спокойная поверхность котораго бороздится только челноками туземцевъ, живущихъ здѣсь въ наибольшемъ числѣ; еще далѣе къ югу тянется дикая, гористая, мало посѣщаемая европейцами мѣстность. Здѣсь возвышается до 2800 метровъ вершина Руапегу и наполовину потухшій вулканъ Тонгариро—до 2130 метр. Въ этой же мѣстности находятся источники рѣки Вайкато, которая на сѣверѣ течетъ черезъ озеро Таупо, орошая одну изъ самыхъ прекрасныхъ мѣстностей острова, и многихъ другихъ рѣкъ, изъ коихъ нѣкоторыя направляются къ востоку, въ бухту Гауке, другія—къ юго-западу, въ Куковъ проливъ. Кромѣ Тонгариро, Новая Зеландія имѣетъ еще другой могучій вулканъ—Вакари (270 метр.), на Уайтъ-Эйландѣ (White Island), маленькомъ островѣ въ бухтѣ Пленти, да большое число погасшихъ вулкановъ и разныхъ вообще вулканическихъ образованій, какъ-то: туфовыхъ конусовъ, конусовъ застывшей лавы, шлаковыхъ и зольныхъ, которыхъ на одномъ только Ауклендскомъ перешейкѣ насчитывается 63. У западнаго входа въ Куковъ проливъ возвышается одинокая снѣговая вершина Таранаки, или Маунтъ Эгмонтъ (2620 метр.) На сѣверномъ концѣ Сѣвернаго острова климатъ полутропическій, томительно теплый, но чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ онъ становится болѣе умѣреннымъ. Болѣе удлиненный Южный островъ представляетъ совершенно другую физіономію. Отъ одного конца до другаго по западному краю его протягивается мощная альпійская цѣпь горъ, отъ 3350 до 4000 метровъ высоты, такъ называе-

мыя Южныя Альпы, западные склоны которыхъ, ниже линіи снѣговъ, поросли густыми лѣсами. На противоположной же сторонѣ эта горная цѣпь изобилуетъ могучими снѣговыми полями и глетчерами, обширными полосами валуновъ, разсѣлинами и пропастями огромной глубины, изъ которыхъ вытекаютъ холодныя, какъ ледъ, рѣки, изливающіяся въ озера плоскогорья. Параллельно возвышенному плато, лежащему въ срединѣ Южнаго острова, на восточной сторонѣ его, тянется рядъ низкихъ горъ, прорѣзываемый множествомъ горныхъ потоковъ, стремящихся черезъ рядъ террасъ къ юго-восточнымъ берегамъ моря. Низкія террасы въ 500 метровъ возвышенія и узкая береговая полоса составляютъ вмѣстѣ такъ называемыя Кентерберійскія равнины (Canterbury Plains). Эта провинція отдѣляется отъ примыкающей къ ней съ южной стороны провинціи Отаго широкимъ потокомъ Вайтаки, питающимся водами трехъ озеръ, расположенныхъ у подножій средней горной группы. Очертаніе береговъ острова весьма замѣчательно; въ юго-западной своей части онъ изрѣзанъ глубокими фіордами, наподобіе норвежскихъ,—безъ сомнѣнія, вслѣдствіе дѣятельности глетчеровъ; сѣверо-восточные берега у Кукова пролива черезвычайно извилисты и образуютъ безчисленное множество небольшихъ бухтъ, между тѣмъ какъ восточные, за двумя только исключеніями, образуютъ прямо тянущіеся низкіе берега. Исключенія эти суть: портъ Литльтонъ (Littleton) и портъ Чалмерсъ (Chalmers), — двое морскихъ воротъ, ведущихъ въ Христчёрчъ и Дунединъ. Существованіемъ своимъ эти ворота обязаны мощнымъ скалистымъ глыбамъ вулканическаго происхожденія, въ видѣ полукруга обрамляющимъ небольшія водныя пространства. Таково физическое строеніе Южнаго острова. Слѣдовательно, территоріи Кентербери и Отаго обнимаютъ большую часть пахатной и луговой земли, а ихъ населенныя и плодородныя равнины обращены къ двумъ удобнымъ морскимъ гаванямъ. Съ другой стороны, двѣ сѣверныя провинціи Нельсонъ и Марльборо (Marlborough) также имѣютъ свои преимущества. Первая содержитъ могучія залежи каменнаго угля, а также золото, мѣдь и желѣзо; другая характеризуется очень плодородной почвой. Самую же счастливую комбинацію условій для производства пшеницы, разведенія скота и для собиранія такимъ путемъ обильныхъ запасовъ хлѣба, мяса и шерсти,—этихъ главныхъ элементовъ богатства каждой юной страны,—представляютъ среднія и южныя части острова. Климатъ ихъ, менѣе мягкій и менѣе постоянный, нежели климатъ защищеннаго Нельсона, въ высшей степени благопріятствуетъ какъ успѣхамъ скотоводства и культуры европейскихъ растеній, такъ и физическому здоровью населенія. Его можно сравнить съ наилучшимъ климатомъ Великобританіи; но онъ сухъ, безъ тумановъ и отличается несравненно болѣе рѣдкими зимними морозами. Между этой частью острова и снѣговыми горами внутренней части страны, равно какъ и областію ея ледниковъ, устанавливается благотворная для первой вентиляція, вслѣдствіе чего

она пользуется всегда свѣжимъ, здоровымъ воздухомъ. Дѣйствительно, этотъ послѣдній находится въ постоянномъ движеніи и никогда не бываетъ вполнѣ спокойнымъ; но это дѣйствуетъ только укрѣпляющимъ образомъ на нервную систему. Наши домашнія животныя и растенія благоденствуютъ и размножаются тамъ чрезвычайно сильно. Почва превосходна и вознаграждаетъ за трудъ, обращаемый на нее, съ удивительною щедростью.

Европейскіе поселенцы въ Новой Зеландіи стоятъ въ туземному племени маори въ такихъ же отношеніяхъ, какъ жители Сѣверо-Американскихъ Штатовъ къ индѣйцамъ. Здѣсь также предпринималось много побѣдоносныхъ походовъ противъ туземнаго населенія и также при всякомъ заключеніи мира зарождалось новое зерно кровавыхъ столкновеній. Конечно, будущая судьба туземцевъ уже рѣшена: краснокожіе, какъ въ Америкѣ, такъ и здѣсь, должны будутъ окончательно погибнуть подъ неослабнымъ давленіемъ бѣлыхъ, вооруженныхъ всѣми зиждительными и разрушительными средствами цивилизаціи. Но прежде чѣмъ они исчезнутъ, ихъ мести подвергнутся многія семьи колонистовъ, рискнувшихъ выдвинуть свои поселенія слишкомъ далеко внутрь. Впрочемъ, туземцевъ Новой Зеландіи едва-ли можно считать очень опасными. Общее число ихъ простирается всего-на-всего до 38,000, и половину ихъ представляютъ племена мирныя. Остаются только маори въ количествѣ не большемъ 20,000, относительно которыхъ неизвѣстно, считать-ли ихъ друзьями или врагами; но если исключить изъ этого числа женщинъ и дѣтей, то число настоящихъ борцовъ сведется къ ничтожной величинѣ. Англичанамъ рѣдко случалось сталкиваться съ маорійскимъ войскомъ болѣе 1000 человѣкъ.

Первобытные жители Новой Зеландіи, которыхъ теперь обыкновенно называютъ маори — ново-зеландское слово, означающее «туземный», суть народъ полинезійскаго племени, воинственный, строптивый, мстительный, предававшійся прежде людоѣдству, которое нынѣ возбуждаетъ въ нихъ физическое отвращеніе. Въ настоящее время большинство маорисовъ исповѣдуетъ протестантскую религію. Наружность ихъ весьма привлекательна. Красота ихъ, въ особенности мужчинъ, была замѣчена всѣми путешественниками. Они характеризуются высокимъ, стройнымъ станомъ, развитой мускулатурой, хотя по физической силѣ, говоря вообще, повидимому, уступаютъ европейцамъ. Женщины, если и не вполнѣ безобразны, то все же гораздо менѣе красивы и значительно меньшаго роста, чѣмъ мужчины. Преобладающій цвѣтъ кожи оливковый; но встрѣчается много оттѣнковъ—отъ самаго свѣтлаго, близко подходящаго къ бѣлому, до самаго темнаго черно-бураго.

Главныя занятія маорисовъ — земледѣліе и рыболовство. Сами они ясно предвидятъ свой печальный жребій, тотъ жребій, который сужденъ не только имъ самимъ, но также туземнымъ животнымъ и растеніямъ. Эти послѣднія, т. е. животныя и растенія, уже начали вытѣсняться европейскими видами. Приведемъ остроумное описаніе этого неумолимаго процесса, принадлежащее г. Пешелю, и тѣмъ закончимъ наше обозрѣніе Новой Зеландіи, а вмѣстѣ съ нею и всей Полинезіи. «Съ удивительною поспѣшностью тѣснятъ англійскія травы прежнюю растительность ново-зеландскихъ острововъ. Agrostis stolonifera (полевица бѣлая, Cowgrass), щавель, осотъ, водяной крессъ (брункрессъ) побѣдоносно движутся противъ старыхъ обитателей ново-зеландской почвы, которые всюду должны уступать болѣе сильнымъ и молодымъ завоевателямъ. Faites place que je m'y mette—вотъ лозунгъ, объявляемый на всѣхъ такихъ племенныхъ войнахъ. Какъ видно изъ письма I. Гааста (Haast) къ Чарльсу Дарвину (см. Ausland 1865, S. 738), одичавшія свиньи, размножившіяся въ неимовѣрномъ количествѣ, производятъ здѣсь страшныя опустошенія разрываніемъ почвы, такъ что за истребленіе ихъ сельскіе хозяева платятъ извѣстное вознагражденіе. Такимъ образомъ, какъ ни стыдно въ этомъ сознаться, свиньи играютъ здѣсь роль «піонеровъ цивилизаціи», трудясь весьма успѣшно надъ срываніемъ съ ново-зеландской почвы старомоднаго платья, взамѣнъ котораго навязывается ей другое, по самому послѣднему европейскому фасону: пробѣлы, образующіеся въ туземномъ растительномъ мірѣ, быстро заполняются растительностью, съ которой европеецъ сдружился, или которая слѣдуетъ за нимъ всюду, подобно паразитнымъ насѣкомымъ. Эти пришлые представители растительнаго царства, окрѣпнувъ въ успѣшной борьбѣ со многими древними видами континентальной растительности, быстро изгоняютъ и послѣдніе слабые остатки первобытной ново-зеландской флоры. Туземныя полинезійскія крысы, владѣвшія нѣкогда Новою Зеландіею вмѣстѣ съ маори — ея первыми обитателями, вытѣснены въ настоящее время нормандскими крысами, переселившимися сюда на британскихъ корабляхъ. По слѣдамъ нормандскихъ крысъ пустились европейскія мыши, которыя, въ свою очередь, какъ это ни странно, вытѣсняютъ нормандскихъ крысъ. Европейская комнатная муха сначала явилась здѣсь непрошенною гостью, но потомъ ее начали нарочно вывозить въ коробкахъ и бутылкахъ съ цѣлью распространить на островахъ, такъ какъ замѣтили, что гораздо болѣе несносная ново-зеландская голубая муха боится ея общества и покидаетъ тѣ мѣста, которыя занимаютъ европейцы. Маорисы поэтому справедливо говорятъ: «Какъ вытѣснена была наша крыса крысой бѣлыхъ, такъ изгнана будетъ и наша муха мухой европейской. Европейскій клеверъ погубилъ нашъ папоротникъ; такъ погибнутъ и сами маорисы отъ бѣлыхъ». (Peschel. Neue Probleme der vergleichenden Erdkunde. S. 61—62).

ПОЛЯРНЫЯ СТРАНЫ.

Пройдя поспѣшными шагами всѣ пять частей нашей планеты, мы уже близки къ концу нашего путешествія; но прежде чѣмъ окончательно положить перо, намъ остается еще бросить, вмѣстѣ съ благосклоннымъ читателемъ, взглядъ на тѣ страны, которыя лежатъ за предѣлами полярныхъ круговъ и заключаютъ въ себѣ самыя недоступныя до сихъ поръ мѣста земнаго шара. Въ настоящее время могутъ считаться нѣсколько изслѣдованными только одни края обѣихъ этихъ полярныхъ областей; во внутренность же ихъ еще ни разу не проникалъ человѣческій взоръ. Недавно былъ возбужденъ вопросъ, имѣется ли вообще какая либо физическая возможность достигнуть полюсовъ, и онъ былъ рѣшенъ частью положительно, частью отрицательно. Не раздѣляя ни одного изъ этихъ взглядовъ въ окончательной формѣ, мы склонны принять мнѣніе знаменитѣйшаго путешественника настоящаго времени—Юліуса Пайера, по которому ближайшее ознакомленіе съ полюсами должно быть предоставлено вѣку усовершенствованныхъ способовъ воздухоплаванія. Сдѣлаемъ же общій очеркъ того немногаго, что намъ извѣстно до сихъ поръ о полярныхъ странахъ, начиная съ болѣе простой антарктической области.

Антарктическая или южная полярная область изслѣдована несравненно хуже сѣверной, потому что, въ силу климатическихъ условій, она еще болѣе недоступна. Все южное полушаріе представляетъ прямую противоположность сѣверному; въ такомъ же отношеніи стоятъ другъ къ другу и полюсы. Южное полушаріе характеризуется преобладаніемъ водъ надъ сушею въ противоположность сѣверному, гдѣ

суша господствуетъ надъ водою; соотвѣтственное этому различіе наблюдается и между полюсами, именно: южный полюсъ, къ которому обращены только оконечности американскаго, африканскаго и австралійскаго материковъ, гораздо болѣе удаленъ отъ всей суши, нежели сѣверный полюсъ, который, напротивъ, довольно плотно охваченъ широкими сторонами Америки, Европы и Азіи. Антарктическая область окружена обширною водною пустынею. Въ южномъ полушаріи царятъ гораздо болѣе сильные холода, чѣмъ въ сѣверномъ, и это служитъ причиною тому, что, за немногими исключеніями, проникнуть дальше полярнаго круга въ направленіи къ южному полюсу до сихъ поръ не удалось. Что таится за поясомъ плотныхъ, непроницаемыхъ ледяныхъ громадъ, облегающихъ полюсъ,—находится ли тамъ сплошная земля, или открытое море, изъ котораго выдвигаются только отдѣльные острова большихъ и меньшихъ размѣровъ,—это совершенно неизвѣстно и не поддается никакому изслѣдованію. Изъ водъ, омывающихъ эту неизслѣдованную южную область, между оконечностями материковъ и полярнымъ кругомъ, возвышается вѣнокъ отдѣльныхъ острововъ, который большею своею частью лежитъ по ту сторону южной границы обитаемыхъ мѣстъ, т. е. посѣщается случайно одними только мореплавателями.

Ни одна часть суши не приближается такъ сильно къ антарктической области, какъ Южная Америка, придатокъ которой—Огненная Земля—хотя еще и обитаема, но начинаетъ уже проявлять негостепріимный, пустынный характеръ холодныхъ полярныхъ странъ. Сосѣдніе съ ней Фалкландскіе острова лежатъ на границѣ настоящей полярной области, хотя несомнѣнно относятся къ Америкѣ. Полярными мы будемъ считать всѣ острова и земли, лежащіе южнѣе Огненной Земли и Фалкландскихъ острововъ; таковы въ Атлантическомъ океанѣ, къ югу отъ Фалкландскихъ, вулканическіе, 2000 метровъ высоты, острова Южно-Шетландскіе; одинъ изъ нихъ, Deception Island, несетъ на себѣ дымящійся вулканъ. Всю растительность ихъ составляютъ только мохъ да Corallina officinalis, или коралловый мохъ, за то они изобилуютъ ворванными животными, морскими птицами и нырцами; изъ послѣднихъ пингвины, созданія черезвычайно неуклюжія, собираются часто въ несметномъ количествѣ. Проливъ Брансфильдскій отдѣляетъ эти острова отъ обширной и высокой Грэемовой земли (Grahamland), прорѣзываемой полярнымъ кругомъ и южное продолженіе которой совершенно неизвѣстно; только въ 1873 году нѣмецкій капитанъ Дальманъ вошелъ въ ея бухту, называемую теперь Гамбургскою бухтою, и открылъ проливъ въ 22—27 километровъ ширины, тянущійся между высокими берегами, на сколько только можетъ хватить глазъ, и окрещенный названіемъ

пролива Бисмарка; затѣмъ онъ нашелъ, въ разстояніи 90 километровъ, архипелагъ островковъ, которые былъ названъ островами Императора Вильгельма. Кромѣ того, капитаномъ Дальманомъ открыты были еще двѣ глубоко врѣзывающіяся бухты и много другихъ островковъ. Земля, обозначаемая на нашихъ картахъ къ юго-западу отъ Грэемовой, есть сильно возвышенная Земля Александра I. Если мы отправимся по Атлантическому океану далѣе, по направленію къ Африкѣ, то встрѣтимъ группу островковъ Южно-Оркнейскихъ. Это—пять большихъ и множество малыхъ островковъ, гористыхъ, всегда окутанныхъ туманомъ, подверженныхъ бурямъ и населенныхъ одними только тюленями да морскими птицами; далѣе лежитъ островъ Южная Георгія (4070 кв. километровъ), съ большимъ количествомъ недоступныхъ, по причинѣ льда, гаваней и бухтъ и крутыми, покрытыми снѣгомъ, горами безъ всякой растительности; еще далѣе — острова Прохода (Traverse) и снѣговая цѣпь горъ вулканической Сандвичевой группы. Въ Индійскомъ океанѣ, между Африкою и Австраліею, лежатъ, въ большемъ, сравнительно съ предъидущими, отдаленіи отъ полярнаго круга, различные острова, которые только недавно были изслѣдованы ближе экспедиціею «Чалленджера». Это, прежде всего, островъ Маріонъ и островъ Принца Эдуарда; первый возвышается до 1280 метровъ и своими безчисленными потухшими вулканами представляетъ зрѣлище самой дикой пустыни, на всемъ пространствѣ коей разсѣяно множество албатросовъ, стаи которыхъ кажутся издали стадами пасущихся овецъ; второй изъ этихъ островковъ — нѣсколько меньшихъ размѣровъ, съ бухтою, въ которую иногда заходятъ для стоянки корабли. Группа Крозе (Croset), состоитъ изъ пяти островковъ; самый большій изъ нихъ—островъ Поссесіонъ (Possesion Island). Они поднимаются изъ моря круто, и вершины ихъ торчатъ надъ общей возвышенностью, въ видѣ острыхъ иглъ, достигающихъ на островѣ Поссесіонъ 1500 метровъ надъ уровнемъ моря. Но самый громадный изъ всѣхъ южныхъ островковъ Индійскаго океана,—это непривѣтливый Кергуеленъ, съ прекрасною Рождественскою гаванью (Christmas Harbour). Онъ представляетъ собою глубоко изрѣзанную бухтами и вообще разнообразно расчлененную громаду голыхъ скалъ и горъ, которымъ обильныя залежи каменнаго угля обѣщаютъ въ будущемъ важное значеніе. Къ югу отъ него лежатъ: небольшой островъ Макдональдъ и возвышающійся до 2000 метр. островъ Геардъ; къ сѣверу же высятся двѣ скалы: Св. Павла и Новый Амстердамъ. Скала Св. Павла ни что иное, какъ кратеръ отъ 1200 до 1300 метровъ въ діаметрѣ, на одной сторонѣ котораго, вслѣдствіе глубокаго пролома, ворвались воды моря и образовали огромное озеро. Новый Амстердамъ представляетъ возвышенный островъ прямоугольной формы, окаймленный на западѣ отвѣсными рифами въ 500 — 600 метровъ высоты, на восточной сторонѣ спускающійся въ море постепенно и покрытый, въ противуположность

острову Св. Павла, роскошною растительностью. Оба острова были недавно изслѣдованы естествоиспытателемъ Веленомъ. (Velain. См. Ausland, 1875, № 22, S. 437 — 439). Тихій океанъ въ своихъ полярныхъ частяхъ поразительно бѣденъ островами. Здѣсь мы находимъ, къ востоку и югу отъ Новой Зеландіи, лежащими одна вблизи другой группы: Варекаури, Антиподы, Ауклендскую Кембеля и Макуари; а между Новою Зеландіею и Огненною Землею — единственный островъ Дугертей или Кеатсъ (Keates).

На широтѣ полярнаго круга, кромѣ упомянутой уже Греэмовой земли, мы знаемъ еще острова Эндерби и Кемпъ, т. е. знаемъ только о ихъ существованіи. Какъ велики они, какъ далеко простираются къ югу — никто не могъ еще опредѣлить. Тоже относится и къ цѣлому ряду тѣхъ противолежащихъ Австраліи частей суши, большинство которыхъ было видимо лишь издали; они достигаютъ иногда весьма значительной высоты, каждая изъ нихъ имѣетъ свое собственное названіе; но, по всей вѣроятности, онѣ образуютъ одно цѣлое, почему и называются также общимъ именемъ Земли Уилькса (Wilkes Land). Самая полярная часть суши, лежащая именно между 70 и 79° ю. ш. есть Земля Викторія, покрытая льдами и на которой виднѣются колоссальныя вершины; изъ нихъ вулканъ Эребусъ, 4000 метровъ высоты, еще дѣйствуетъ, а вулканъ Терроръ, нѣсколько ниже предъидущаго, уже погасъ. Высоту горы Мельбурнъ, расположенной на самомъ берегу, опредѣляютъ въ 4570 метровъ. Во всякомъ случаѣ, повидимому, можно считать несомнѣннымъ, что міръ южныхъ полярныхъ льдовъ, среди своего полнѣйшаго оцѣпенѣнія и страшной пустынности, представляетъ болѣе высокія возвышенности, чѣмъ какая-либо иная область земнаго шара, повергая тѣмъ въ неожиданное изумленіе того, кто дерзнулъ бы проникнуть въ этотъ міръ и взглянуть на эти громады.

Теперь мы предлагаемъ благосклонному читателю мысленно перенестись съ нами отъ южнаго къ гораздо уже болѣе запутанному сѣверному полюсу. Въ истекшее десятилѣтіе, болѣе чѣмъ когда-нибудь прежде, работали надъ разрѣшеніемъ загадки, представляемой намъ сѣвернымъ полюсомъ. Если мы обратимся къ картѣ полярныхъ странъ, имѣющейся въ каждомъ хорошемъ атласѣ, то тотчасъ замѣтимъ, что арктическая область почти цѣликомъ окружена сушею, и только съ одной стороны, между Европою и Америкою, открывается широкимъ отверстіемъ, въ которое вдвинутъ, въ видѣ языка, огромный кусокъ суши. Это—Гренландія, часть арктическаго міра, всего сильнѣе простирающаяся къ югу, такъ какъ ея южная оконечность лежитъ подъ 60° сѣверной широты, т. е. на параллели Христіаніи и Упсалы

въ Скандинавіи и С.-Петербурга въ Россіи. Вслѣдствіе такаго распредѣленія суши существуетъ только три прохода въ сѣверную полярную область: одинъ—между Гренландіею и Европою, другой—между Гренландіею и Америкою, наконецъ, третій—черезъ Беринговъ проливъ, между Америкою и Азіею,—однѣ широкія и двое узкихъ воротъ. Съ внутренними частями этой области мы уже знакомы на столько, что можемъ признать ее не сплошнымъ континентомъ, но состоящей изъ отдѣльныхъ участковъ суши, раздѣленныхъ между собою часто широкими морями. Проф. Густавъ Іегеръ не безъ основанія считаетъ эти куски суши остатками прежняго громаднаго материка Арктики. Безъ сомнѣнія, самую значительную часть Арктики составляетъ Гренландія, населенная съ нѣкоторыхъ своихъ мѣстахъ эскимосами. Впрочемъ, мы знакомы только съ ея берегами, сильно изрѣзанными фіордами, да и изъ всего побережья намъ извѣстна лишь одна полоса. Датскія поселенія, миссіонерскія станціи и торговыя факторіи находятся исключительно на западныхъ берегахъ Гренландіи, хотя датская корона считаетъ своимъ достояніемъ всю эту страну. Такъ какъ неизвѣстно еще, какъ далеко простирается Гренландія къ сѣверу, то нельзя опредѣлить и величины ея поверхности.

Гренландію можно раздѣлить, какъ это дѣлаетъ превосходный датскій географъ Г. Ринкъ, на двѣ части: наружную и внутреннюю. Подъ именемъ первой должно разумѣть весь поясъ острововъ и полуостровов, которые съ безчисленнымъ множествомъ своихъ глубоко врѣзывающихся фіордовъ окаймляютъ Гренландію,—другими словами, нужно понимать побережье или поморье Гренландіи. Здѣсь находятся на берегахъ, обращенныхъ къ Америкѣ, гернгутерскія станціи: Фридрихсталь, Лихтенау, Лихтенфельсъ и Ней-Гернгутъ у Годтгаба. Другія, достойныя вниманія, мѣста суть: Юліангабъ (2500 жителей), Христіансгабъ при заливѣ Диско, Годгевнъ на островѣ Диско и Упернивикъ, самое сѣверное поселеніе датчанъ. Въ Гренландіи лѣто короткое и посвящается исключительно приготовленіямъ къ продолжительной зимѣ. Въ это время года населеніе частью разсѣявается по берегамъ моря для ловли сельдей и тюленей, частью отправляется во внутреннія мѣста страны для охоты на оленей. Со времени появленія огнестрѣльнаго оружія, число оленей здѣсь значительно уменьшилось, и большая часть ихъ укрылась въ самыя сѣверныя части Гренландіи. Гренландцы извлекаютъ изъ своей охоты на оленей очень мало пользы, такъ какъ они принуждены громаднѣйшую часть мяса оставлять и привозить домой только шкуру и жиръ. Морскія птицы, особенно гага и такъ называемый арктическій попугай (Alca arctica), служатъ

также предметомъ охоты и употребляются въ пищу, но имѣютъ рыбный вкусъ. Зимою ловятся иногда тетерева и зайцы. Жизненные припасы для станцій доставляются въ Годгабъ близъ Ней-Гернгута. Когда придетъ извѣстіе о прибытіи корабля съ припасами, миссіонеры пускаются на своихъ «женскихъ лодкахъ» къ пристани. Такая лодка состоитъ изъ деревянной рамы, на которой очень крѣпко натянута тюленья шкура. Называются онѣ «женскими лодками» потому, что гребцами на нихъ бываютъ только женщины. «Каяки», на которыхъ мужчины плаваютъ въ море во время охоты, представляютъ лодки длиною около 5 метровъ; сверху онѣ совершенно закрыты, снабжены только однимъ отверстіемъ такой величины, чтобы черезъ него могъ пролѣзть гребецъ; такая лодка гонится по водѣ очень быстро, при помощи лопатообразнаго весла. Тюленей или бьютъ острогою, или стрѣляютъ. Охота на нихъ составляетъ для туземнаго населенія главную основу жизни, такъ какъ жиръ ихъ употребляется для освѣщенія жилищъ, шкура идетъ на одежды и для обтягиванія лодокъ. Если тюленей попадается мало въ періодъ охоты, то это—истинное несчастіе для туземцевъ, влекущее за собою большія лишенія. Главная же причина господствующей по временамъ среди населенія нужды лежитъ въ самомъ характерѣ народа: въ недостаткѣ предусмотрительности, осторожности—съ одной стороны, и крайней расточительности въ періодъ довольства — съ другой. При всемъ томъ, туземцы Гренландіи—эскимосы — народъ миролюбивый, добродушный и благородный. Они хорошо поютъ и имѣютъ настоящія музыкальныя способности. Механическимъ искусствамъ они выучиваются очень легко, но обнаруживаютъ при этомъ мало терпѣнія и любви къ дѣлу. Для умственнаго труда, требующаго много вниманія и размышленія, они мало способны. Дѣвушки обучаются женами миссіонеровъ шитью и вязанію. Равнымъ образомъ и въ самыхъ сѣверныхъ станціяхъ миссіонерамъ удалось развести садики на небольшихъ участкахъ, хотя тамъ и мало земли. Въ Лихтенфельсѣ родятся рѣпа, латукъ и капуста. Въ южныхъ миссіонерскихъ станціяхъ, гдѣ температура умѣренна, удаются также и другія овощи. Трава растетъ въ различныхъ мѣстахъ, а заготовка сѣна для козъ—главное занятіе миссіонеровъ въ лѣтнюю пору. Гренландцы живутъ зимою въ жалкихъ, большею частью въ очень грязныхъ землянкахъ, хотя мѣстами встрѣчаются также и чисто содержимые, порядочные дома, съ досчатыми стѣнами, потолками и полами; въ нихъ можно найдти столы, зеркала, картины, часы и лампы. Въ лѣтніе же мѣсяцы большая часть населенія живетъ въ шатрахъ. Общее число жителей западной Гренландіи приблизительно равно 10,000; всѣ они по внѣшности—христіане, такъ что «братья» уже перестали быть миссіонерами въ настоящемъ смыслѣ слова. Въ восточной Гренландіи все еще встрѣчаются язычники, но мѣстности, въ которыхъ они обитаютъ, почти недоступны.

Восточные берега Гренландіи въ своей южной части носятъ названіе береговъ короля Фридриха VI и значительно менѣе расчленены и извилисты, чѣмъ западные; лишь подъ 70° сѣв. шир. Скоресби-Зундомъ начинается богатый фіордами берегъ, украшенный многочисленными, предъ нимъ лежащими, островами, и тянется до 77° сѣв. шир.; этотъ берегъ былъ поприщемъ дѣятельности второй нѣмецкой экспедиціи къ сѣверному полюсу, въ 1869—1870 годахъ. Здѣсь мысъ Бисмаркъ въ покрытой глетчерами Землѣ Императора Вильгельма представляетъ самый сѣверный, несомнѣнный рубежъ суши. Особою величественностью отличается обширный, лежащій нѣсколько южнѣе, фіордъ Императора Франца-Іосифа, глубоко врѣзывающійся въ материкъ и, быть можетъ, проходящій поперегъ всей Гренландіи, съ востока на западъ; онъ принимаетъ въ себя большой глетчеръ Вальтерсгаузенъ и украшенъ возвышающими на его берегу шпицами Пайеръ и Петерманнъ; послѣдній достигаетъ высоты 4500 метровъ. Само собою разумѣется, всѣ горы покрыты глетчерами, величина которыхъ чрезвычайно различна,—отъ глетчеровъ въ видѣ ледяной площади на возвышенностяхъ до величественной, необозримой, съ крутымъ паденіемъ, ледяной рѣки, погружающейся въ бушующее отъ прибоя море, часто съ высоты 300 метровъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ 70 километровъ длины. Эти-то первичные глетчеры (названіе «глетчеръ» въ Гренландіи примѣняется лишь тогда, когда ледяная масса достигнетъ поверхности воды фіорда) исключительно создаютъ тѣ ледяныя горы, которыя наполняютъ поморье и фіорды и имѣютъ 100 и болѣе метровъ высоты. (О восточной Гренландіи см. Die zweite deutsche Nordpolarfahrt in den Jahren 1869 und 1870 unter Führung des Capitän Carl Koldeway. Leipzig. 1873—1874 8°. 2 Bde.).

Внутренность Гренландіи замѣчательна главнымъ образомъ тѣмъ, что представляетъ собою единственную страну на сѣверномъ полушаріи и вообще единственную изъ извѣстныхъ на землѣ областей, гдѣ образуются настоящія ледяныя поля и гдѣ были наблюдаемы дѣйствительные ледяные фіорды. По воззрѣніямъ геологовъ, нѣкогда большая часть Европы имѣла ледяной покровъ, совершенно подобный тому, какой нынѣ существуетъ въ Гренландіи. Поэтому, послѣдняя—единственное мѣсто, гдѣ въ настоящее время можно прослѣдить проявленія тѣхъ силъ, которыя, какъ предполагаютъ, причиняли чрезвычайно загадочные перевороты въ сѣверной Европѣ, послужившіе поводомъ къ многочисленнымъ изслѣдованіямъ и гипотезамъ. (Om Grönlands inland, og

muligheden af at berejse samme, af H. Rink. Kjöbenhavn. G. E. C. Gad. 1875. 8°. S. 51).

Западные берега Гренландіи омываются сперва широкимъ Девисовымъ проливомъ, переходящимъ въ еще болѣе широкій Баффиновъ заливъ, западнымъ берегомъ котораго служитъ арктическій архипелагъ Сѣверной Америки. На сѣверѣ Баффиновъ заливъ съуживается въ Каналъ Смита (Smith-Channel), чрезъ который пока тщетно стремились проникнуть къ полюсу. Въ Каналѣ Смита, на гренландской сторонѣ, лежитъ Итепликъ, самое сѣверное поселеніе эскимосовъ; еще далѣе къ сѣверу находится Ренселейская гавань (Rensselaer-Hafen). Материковыя массы американскаго архипелага, расположенныя противъ Гренландіи, суть: Сѣверный Линкольнъ, а по ту сторону пролива Соединенныхъ Штатовъ, западной вѣтви Канала, расширяющагося въ проливъ Смита,—земля Гриннеля. Въ заливъ Пибоди (Peabody), вѣтвь Смитова пролива, низвергается громадный гренландскій глетчеръ, носящій названіе Гумбольдтова (подъ 79—80° сѣв. шир.). Изъ этого пролива Каналъ Кеннеди (Kennedy-Channel) ведетъ, между Гренландіею и землею Гриннеля, въ бассейнъ Галля, изъ котораго въ гренландскій материкъ врѣзывается Петерманновъ фіордъ, похожій на длинный рукавъ. Этотъ Галлевъ бассейнъ продолжается на сѣверѣ въ видѣ Канала Робесона, а послѣдній непосредственно выходитъ въ Полярное море, которое представляетъ не свободную, не открытую водную поверхность, какую прежде надѣялись встрѣтить, а покрыто льдомъ необычайной толщины, который подобенъ плавающимъ ледянымъ горамъ и образовался въ давнее время. По этому Ледяному морю (Palaeocrystic Sea, Packeis-Meer), какъ его прозвали, 12 мая 1876 г., на саняхъ, достигли пока самаго сѣвернаго пункта, именно 83° 20′ 26° сѣверной широты, причемъ произведенными по настоящее время изслѣдованіями точно дознано слѣдующее: не существуетъ открытаго Полярнаго моря; за 82° 50′ нѣтъ животной жизни; достиженію полюса на саняхъ препятствуютъ неподвижныя ледяныя массы; по той же причинѣ невозможно проникнуть чрезъ Смитовъ проливъ. Само собою разумѣется, эти положенія имѣютъ лишь временную цѣну: какое либо новое открытіе можетъ лишить ихъ значенія, подобное чему бывало не разъ въ исторія полярныхъ изслѣдованій.

Столь же негостепріимнымъ характеромъ, какъ Гренландія, отличается и большой архипелагъ къ сѣверу отъ Америки, раздѣляемый такъ называемымъ Сѣверо-западнымъ проходомъ на Сѣверную и Южную группы; можно сказать, что эта область еще суровѣе: въ Гренландіи, по крайней мѣрѣ на западномъ берегу, благодаря сравнительной мягкости климата, существуютъ поселенія, хотя въ очень незначительномъ числѣ. Сѣверо-западный проходъ начинается Ланкастерскимъ про-

ливомъ въ Баффиновомъ заливѣ и продолжается рядомъ проливовъ до Сѣвернаго Ледовитаго моря, которое омываетъ берега западныхъ Гудзонбайскихъ земель и Аляски. Сѣверная часть архипелага состоитъ изъ ряда большихъ и высокихъ, лежащихъ противъ Гренландіи, островов, проливы между которыми представляютъ продолженія водяныхъ путей: Смитзунда, каналовъ Кеннеди и Робесона; Земля Гранта, покрытая высокими горами, въ настоящее время—самая сѣверная въ этой группѣ. Ланкастерскій проливъ, переходящій въ проливъ Барровъ, окаймляется съ сѣвера островомъ Сѣверный Девонъ, а далѣе къ западу—островами: Корнваллисъ, Батурстъ и Мельвиль, позади которыхъ, къ сѣверо-западу, лежитъ островъ Принца Патрика. Барровъ проливъ выходитъ въ обширный Мельвиль-Зундъ, который на западѣ имѣетъ два выхода—проливъ Банксовъ и проливъ Принца Уэльскаго. Последній и есть собственно Сѣверо-западный проходъ. Само собою разумѣется, всѣ названные острова отдѣляются рукавами моря или проливами, загроможденными въ теченіи бо̀льшей части года ледяными массами. Въ южной группѣ островов возвышается Баффинова Земля, наибольшій и самый восточный островъ; затѣмъ, по направленію къ западу, слѣдуютъ острова: Сомерсетъ, Принца Уэльскаго, большая Земля Викторія и, наконецъ, Земля Банкса.

О всѣхъ этихъ и прочихъ, не упомянутыхъ здѣсь, островахъ Ледовитаго моря, у береговъ Сѣверной Америки, можно сообщить лишь очень немногое. По скольку изслѣдованы они въ геологическомъ отношеніи, оказывается, что на нихъ преобладаетъ силурійская формація, а также образованія каменноугольнаго періода. Во многихъ мѣстахъ встрѣчаются обнаженія каменноугольныхъ залежей, заслуживающихъ разработки, и недавно нѣкоторые пароходы запасались тамъ каменнымъ углемъ. Большая часть арктическихъ островов у береговъ Сѣверной Америки имѣетъ такую же среднюю годовую температуру, какъ и страны суровой области въ устьяхъ Лены. Вслѣдствіе столь низкой температуры въ арктическомъ Ледовитомъ морѣ, оказывается невозможнымъ воспользоваться водяными путями его для плаванія изъ Атлантическаго океана въ Великій. Впрочемъ, и этотъ архипелагъ нѣкогда имѣлъ мягкій климатъ, и въ этихъ областяхъ, гдѣ нынѣ сосредоточена громадная масса льда, гдѣ царятъ ужасъ и оцѣпененіе, также нѣкогда жили люди. Въ настоящее время только на южныхъ островахъ живутъ эскимосы, да и то въ небольшомъ числѣ; крайніе пункты, въ которыхъ еще встрѣчаются эскимосы, лежатъ кое-гдѣ на большихъ островахъ къ югу отъ Банксова пролива. Одинаковость языка и нравовъ у эскимосовъ, распространенныхъ на столь обширномъ пространствѣ, представляетъ

очень замѣчательный фактъ. Они населяютъ всю арктическую часть Сѣверной Америки, оба берега Девисова пролива, Баффинова залива и Гренландію, а также полосу, почти въ 2800 километровъ длины, въ Азіи, по ту сторону Берингова пролива. Южный предѣлъ ихъ распространенія: на востокѣ—50°, на западѣ—60° сѣв. шир. Условія для ихъ существованія встрѣчаются до самой полярной области, и возможно допустить, что они имѣются и тамъ. Побережье Азіи и Америки, на которомъ они живутъ, имѣетъ въ длину 35,000 километровъ, а разстояніе отъ крайняго сѣверо-восточнаго пункта до самаго южнаго, пункта населенныхъ эскимосами земель составляетъ полосу въ 22,000 километровъ. Слѣдовательно, обитаемая ими область, по-истинѣ, громадна. Д-ръ Ринкъ раздѣляетъ эскимосовъ на слѣдующія группы: 1) Восточныхъ гренландцевъ, — они живутъ по восточному побережью этого острова до мыса Прощанія или Фареуэль (Cap Farewell). 2) Западныхъ гренландцевъ—въ районѣ датскихъ поселеній, отъ мыса Прощанія до 74° с. ш. 3) Сѣверныхъ гренландцевъ, настоящихъ гиперборейцевъ: они населяютъ сѣверо-западные берега до залива Мельвиль, которые Россъ назвалъ «арктическими возвышенными странами. 4) Эскимосы Лабрадора, по ту сторону океана. 5) Эскимосы средной области; они живутъ по берегамъ моря и на островахъ отъ Баффинова къ Гудзонову заливу, до острововъ Бартеръ, недалеко отъ рѣки Маккензи. Наиболѣе распространена послѣдняя группа. Ледяная пустыня, служащая имъ родиною, имѣетъ 14,000 километровъ въ длину и 5600 километровъ въ ширину. Въ области этихъ эскимосовъ погибъ Франклинъ и его мужественные спутники. 6) Эскимосы западныхъ и юго-западныхъ береговъ Америки; вслѣдствіе смѣшенія съ сосѣдними индѣйцами, они всего рѣзче отличаются отъ прочихъ своихъ соплеменниковъ. Наконецъ, 7) азіятскіе эскимосы. Хотя они менѣе смѣшивались съ посторонними элементами, нежели американскіе эскимосы, но все-таки далеко не отличаются такою чистотою въ племенномъ отношеніи, какъ ихъ прочіе собратья.

Обширная поверхность моря, между американскимъ архипелагомъ и сѣвернымъ сибирскимъ берегомъ, еще никѣмъ не была посѣщена; поэтому мы не вѣдаемъ, что хранитъ она въ своихъ предѣлахъ. Однако, на сѣверо-западѣ отъ Берингова пролива, въ не очень большомъ удаленіи отъ береговъ материка, видѣли землю, совершенно свободную отъ снѣга и покрытую свѣжею растительностью; но на ней тоже никто не былъ. Она называется Врангелевою Землею, а каналъ, отдѣляющій ее отъ Сибири, названъ проливомъ Лонга, по имени открывателя его. Далѣе, почти противъ дельты Лены, лежитъ архипелагъ ненаселенныхъ, совершенно лишенныхъ растительности, Новосибирскихъ

острововъ. Пространство между восточною Гренландiею—съ одной стороны и сѣверо-западною Сибирью—съ другой занято нѣсколькими группами земель, требующими болѣе подробнаго разсмотрѣнiя, ибо въ послѣднее время онѣ были главнымъ поприщемъ арктическаго изслѣдованiя.

Если мы, подобно большинству полярныхъ мореплавателей настоящаго времени, отправимся въ Сѣверное Ледовитое море изъ Норвегiи, то прежде всего встрѣтимъ, къ сѣверо-востоку отъ Исландiи, маленькiй островъ Янъ-Майенъ, достигающiй, однако, высоты 1964 метровъ; далѣе, къ сѣверу, расположенъ Медвѣжiй островъ, ближе изслѣдованный лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ и прiобрѣвшiй большее значенiе, благодаря богатству рыбою лежащаго вокругъ него моря.

Флора Медвѣжьяго острова чрезвычайно бѣдна; въ ней насчитывается 80 видовъ мха. На мокрыхъ мѣстахъ мохъ скопляется въ столь большомъ количествѣ, что, при разсматриванiи издали, они кажутся зеленѣющимъ лугомъ; высшiя растенiя встрѣчаются лишь въ неожиданно маломъ числѣ: явноцвѣтныхъ (цвѣтковыхъ) растенiй существуетъ не болѣе 30 видовъ. Давнее открытiе Кейльгауза, что островъ состоитъ изъ каменноугольныхъ формацiй съ каменноугольными пластами, подтвердилось вполнѣ: на восточной сторонѣ найдены очень мощныя залежи каменнаго угля. Весь голый островъ представляетъ возвышенную страну; нѣкоторыя остроконечныя вершины ея (въ томъ числѣ и Маунтъ-Мизери) достигаютъ 400 метровъ надъ уровнемъ моря. Почти повсюду скалы отвѣсно ниспадаютъ къ морю, образуя гроты и пещеры. Птицы—единственные обитатели и властители острова.

Къ сѣверу отъ Медвѣжьяго острова, до 80° сѣв. шир., лежитъ архипелагъ Шпицбергенъ, названный такъ вслѣдствiе того, что горы его имѣютъ форму зубцовъ. Онъ состоитъ изъ одного, очень большаго и трехъ меньшей величины главныхъ острововъ, окруженныхъ множествомъ мелкихъ островковъ. Большой, словно арктическiй материкъ, и сильно расчлененный островъ носитъ названiе Западнаго Шпицбергена; на западѣ онъ имѣетъ глубокiе вырѣзы — фiорды Горнъ, Бельзундъ и Ледяной, и длинный, узкiй островъ—Предземелье Принца Карла (Prinz Karls Vorland). Къ сѣверо-востоку отъ Западнаго Шпицбергена, отдѣляясь отъ послѣдняго проливомъ Гинлопенъ, расположена Сѣверо-восточная Земля, къ югу отъ которой находятся два другихъ изъ главныхъ острововъ, именно: меньшiй—Земля Баренца (Barents-Land) и большiй—Эджеландъ, или Предзе-

мелье Стана (Stans Vorland). Оба послѣдніе, вмѣстѣ съ Западнымъ Шпицбергеномъ, образуютъ Wijde Jans Water или Stor fjord, т. е. Большой заливъ, который на сѣверѣ переходитъ въ бухту Жиневры (Ginevra) и проливъ Гелисъ, отдѣляющій Землю Баренца отъ Западнаго Шпицбергена; между Землею Баренца и Эджеландомъ тянется Вальтеръ-Тименъ-Фіордъ (Walter-Thymen-Fjord), а къ югу отъ послѣдняго острова, Эджеланда, расположены почти недостижимые гиперитовые утесы Тысячи острововъ; къ востоку же находятся острова Надежды и Рейкъ-Исъ (Ryk-Ys).

Въ позднѣйшій геологическій періодъ Шпицбергенъ былъ окутанъ льдомъ гораздо менѣе, нежели въ настоящее время. Нынѣ на Шпицбергенѣ нѣтъ деревьевъ; встрѣчаются только кустарники, да и то въ ничтожномъ количествѣ; наибольшей высоты изъ нихъ достигаетъ нашъ Empetrum nigrum, но и онъ очень рѣдокъ. Только по берегамъ Ледянаго фіорда замѣчается болѣе богатая растительность, обусловливающая существованіе и болѣе богатой животной жизни. Вслѣдствіе черезчуръ усердной охоты, число сѣверныхъ оленей сильно уменьшается, а киты у западнаго берега совершенно истреблены. Что касается флоры, то на Шпицбергенѣ она богаче, чѣмъ въ другихъ арктическихъ странахъ, и всего ближе подходитъ къ гренландской. Въ ботаническомъ отношеніи рѣзко отличается сѣверное побережье отъ южнаго: первое по флорѣ примыкаетъ преимущественно къ американскимъ полярнымъ странамъ, послѣднее же имѣетъ болѣе европейскій характеръ. Въ настоящее время Шпицбергенъ покрытъ громадными глетчерами, между которыми возвышаются отдѣльныя остроконечныя вершины. Такъ, на Западномъ Шпицбергенѣ находится гора Хиденіусъ (600 метровъ), а у Ледянаго фіорда—гора Линдштремъ, достигающая высоты 1200 метровъ надъ уровнемъ моря. Изъ глетчеровъ заслуживаютъ упоминанія слѣдующіе: на восточномъ берегу Западнаго Шпицбергена—большіе глетчеры Негри и Гохштеттеръ, затѣмъ меньшій глетчеръ Зонкларъ—между горами Батсъ (Bates) и Гельвальдъ. Вблизи послѣдней находится Бѣлая гора, съ которой открывается обширный видъ,—между прочимъ, видна сосѣдняя Земля Короля Карла.

Проливъ Ольги, весьма большой ширины, отдѣляетъ Шпицбергенъ отъ лежащей къ востоку Земли Короля Карла—острова, по характеру довольно сходнаго со Шпицбергеномъ. Почва этого острова, вообще говоря, низменная и ровная, безъ особенно выдающихся горныхъ вершинъ. Высочайшею вершиною считается Гаарфагрехаугенъ на сѣверномъ берегу; взаимно соединяющихся снѣговыхъ полей пока

еще не найдено, равно какъ не удалось отыскать значительныхъ глетчеровъ, кромѣ одного.

Климатъ этой островной группы, также какъ и Шпицбергенскаго архипелага, гораздо мягче, чѣмъ то можно было бы ожидать, судя по географическому положенію; это объясняется тѣмъ, что здѣсь еще замѣтно вліяніе теплаго гольфштрема. Нынѣ мы знаемъ, что теченіе, выходящее изъ Мексиканскаго залива, между Флоридою и Кубою, достигаетъ Шпицбергена и Новой Земли, т. е. простирается за 80° сѣв. шир., и направляется своею главною массою къ востоку, хотя и существуетъ нѣсколько боковыхъ развѣтвленій. Тамъ, гдѣ температура воды гольфштрема понижается до +3,5° Р. и, слѣдовательно, гдѣ она пріобрѣтаетъ наибольшую плотность, что̀ именно бываетъ въ іюлѣ къ сѣверу отъ Исландіи и Шпицбергена и по обѣимъ сторонамъ Медвѣжьяго острова, гольфштремъ опускается подъ идущее ему на встрѣчу холодное полярное теченіе; впрочемъ, измѣренія д-ра Бесселя доказали, что теплая вода гольфштрема, тотчасъ распознаваемая по ея голубому цвѣту, продолжается и по ту сторону Медвѣжьяго острова. Но на сколько вѣрно это—еще не рѣшено. По мнѣнію же Петерманна, Полынья, находящаяся въ сибирскомъ Ледовитомъ морѣ, есть лишь продолженіе гольфштрема.

Къ западу отъ тѣхъ частей Ледовитаго моря, надъ которыми возвышается архипелагъ Шпицбергена, лежитъ Гренландское море; оно названо такъ потому, что ограничиваетъ восточно-гренландскіе берега; къ востоку же отъ Шпицбергена море носитъ названіе Баренцскаго; на востокъ оно простирается до самой Новой Земли. Послѣдняя вытянута почти съ сѣвера на югъ и состоитъ собственно изъ двухъ островов. Новая Земля отдѣляетъ Баренцское море отъ Карскаго моря, которое тянется между Новою Землею и сибирскимъ Самоѣдскимъ полуостровомъ. Къ югу отъ Барецскаго моря, недалеко отъ европейскихъ береговъ и почти противъ Чесской губы, лежитъ необитаемый, пустынный, внутри еще мало изслѣдованный островъ Калгуевъ, длина береговой линіи котораго равна 300—350 верстамъ. Берега его плоски, и только внутри почва болѣе возвышенна и оканчивается двумя горами, сплошь покрытыми исландскимъ мхомъ и дающими начало нѣсколькимъ, очень рыбнымъ рѣкамъ. Вслѣдствіе обилія рыбы, а также очень большаго количества полярной дичи, Калгуевъ ежегодно посѣщается 70—80 охотниками и рыболовами. Новая Земля связывается съ европейскимъ материкомъ посредствомъ острова Вайгача. Этотъ островъ (въ 3700 кв. килом., или около 3250 кв. верстъ) лежитъ на продолженіи Уральскаго хребта, отъ сѣвернаго конца кото-

раго онъ отдѣляется лишь Вайгачскимъ или Югорскимъ проливомъ; южная и восточная части его усѣяны крутыми скалами глинистаго сланца, отъ Новой же Земли онъ отдѣляется Карскимъ проливомъ.

Новая Земля (поверхность—92,800 квадр. километр., или 81,600 кв. верстъ) идетъ дугою, обращенною къ западу; ширина ея мѣняется отъ 55 до 130 верстъ; на сѣверѣ, подъ 77° сѣв. шир., она оканчивается мысомъ Маврикія. Острова (числомъ два) Новой Земли проѣзаны Гиперборейскимъ или Приморскомъ Ураломъ и раздѣляются проливомъ Маточкинъ Шаръ, шириною около 7 верстъ, а длиною въ 95 в. Западный склонъ, повидимому, круче, а изъ вершинъ одна, достигающая 1220 метровъ (около 4000 футовъ), по всей вѣроятности,—высочайшая. Авгитовый порфиръ представляетъ ядро этой горной цѣпи; на восточномъ берегу глинистый сланецъ образуетъ темные утесы; эта горная порода встрѣчается также повсюду на островѣ. Южная часть Новой Земли почти ежегодно посѣщается китобоями и не столь сурова, какъ сѣверная; западные берега вообще гораздо извилистѣе восточныхъ, омываемыхъ Карскимъ моремъ. У западнаго берега, на югѣ, лежитъ Междушарскій островъ, отдѣляемый отъ Новой Земли узкомъ Костинъ-Шаромъ; далѣе мы встрѣчаемъ Моллерскій заливъ, а на сѣверномъ островѣ—выдающійся полуостровъ Адмиралтейства и мысъ Нассау. Здѣсь же находится, кромѣ того, нѣсколько прибрежныхъ острововъ, каковы: Букклигенъ, Панкратьевъ и Баренца. Противъ сѣвернаго, покрытаго колоссальными глетчерами, конца западнаго берега расположены недавно открытые Гольфштремовы острова, т. е. группа, состоящая изъ большаго острова Гельвальда, меньшаго—Броуна и нѣсколькихъ другихъ незначительныхъ островковъ. Долго внушавшее большой страхъ Карское море было неоднократно посѣщаемо въ послѣдніе годы, и большая часть ужасовъ оказалась пуфомъ. Нынѣ дознано, что море имѣетъ очень малую глубину, хотя къ юго-западу отъ Новой Земли оно значительно мельче, нежели у сѣверо-западныхъ береговъ; но чѣмъ далѣе мы подвигаемся на сѣверъ, тѣмъ болѣе и тѣмъ быстрѣе возрастаетъ глубина моря. Далѣе, ледяныя массы, про которыя разсказывали большіе страхи, не рѣдко совершенно таютъ.

Послѣдняя арктическая группа, о которой намъ слѣдуетъ упомянуть, носитъ названіе Земли Императора Франца-Іосифа; это—архипелагъ, лежащій между 80 и 83° сѣверной широты и почти не уступающій Шпицбергену; открытіе его представляетъ самый замѣчательный результатъ дѣятельности въ области полярныхъ изслѣдованій настоящаго времени.

Земля Франца Іосифа была открыта австро-венгерскою экспедиціею, снаряженною въ 1872 году и во главѣ которой стояли Карлъ Вейпрехтъ и Юл. Пайеръ. Исторія этого открытія представляетъ хорошую картину жизни въ ледяной области—жизни по истинѣ ужасной. Уже въ небольшомъ разстояніи отъ Нассаускаго мыса на Новой Землѣ, «Тегетгофъ» (такъ назывался корабль экспедиціи) былъ запертъ льдами, и потомъ уже не освободился изъ своего ужаснаго заключенія. Само собою разумѣется, и корабль, и экипажъ сдѣлались игрушкою случая. Въ продолженіи всей зимы экипажъ былъ въ постоянной готовности покинуть корабль, вслѣдствіе напора льдовъ. Въ концѣ марта 1873 года ледъ пересталъ напирать, и «Тегетгофъ», скованный льдами, лежалъ среди ледянаго поля, простиравшагося на нѣсколько верстъ вокругъ. Самое ледяное поле, на которомъ лежалъ «Тегетгофъ», переносилось вѣтрами по различнымъ направленіямъ. Во время этого странствованія на ледяной глыбѣ, корабль достигъ области, куда до того никогда не ступала человѣческая нога. Радостное удивленіе смѣнило отчаяніе экипажа, когда 31 августа 1873 года взорамъ ихъ изъ тумана внезапно показались на сѣверѣ, въ разстояніи 14 морскихъ миль, высокія массы суши. Первый мысъ, названный именемъ адмирала Тегетгофа, оказался высокимъ, крутымъ и скалистымъ; его крутыя стѣны мѣстами были свободны отъ снѣга. Въ тотъ же день экспедиція видѣла еще нѣсколько плоскихъ острововъ, предъ этимъ мысомъ, а также глетчеровъ. Такъ какъ существованіе земли было несомнѣнно, то ее торжественно окрестили Землею Императора Франца Іосифа. Однако, лишь въ концѣ октября экспедиція сошла на вновь открытую ею землю, именно на островъ Вильчекъ (Wilczek), подъ 79° 54′ с. шир., и могла овладѣть имъ именемъ австрійскаго императора. 22 октября 1873 года солнце скрылось вторично, прежде чѣмъ удалось составить опредѣленное представленіе насчетъ очертанія открытой земли. Пришлось запастись терпѣніемъ и ждать наступленія новаго полярнаго дня, т. е. до весны 1874 года. 24 февраля 1874 года снова взошло солнце; теперь нужно было посильно воспользоваться короткимъ періодомъ третьяго лѣта. Оберъ-лейтенантъ Пайеръ отважился произвести три поѣздки на саняхъ, которыя познакомили насъ съ географіею новой земли. Эти путешествія Пайера принадлежатъ къ самымъ безумно-смѣлымъ и удивительнымъ предпріятіямъ, когда-либо совершеннымъ путешественниками въ полярныя страны. Первая поѣздка, съ 10 по 15 марта, была предпринята на сосѣдній островъ, гдѣ Пайеръ, на краю живописнаго фіорда Норденшильдъ (Nordenskjöld), открылъ громадный глетчеръ (названный Зонкларовымъ), послѣ восхожденія на высокіе скалистые мысы Тегетгофъ и Макъ-Клинтокъ (760 метровъ). Во второе путешествіе Пайеръ отправился 24 марта; на этотъ разъ его поѣздка продолжалась до 26 апрѣля. Путь Пайера лежалъ по большому Австрійскому проливу, идущему съ юга на сѣверъ; среди него разсѣяно много острововъ, а берегами его

до 82° с. ш. служатъ двѣ значительныя массы суши, изъ коихъ одна, именно восточная, была названа Землею Вильчека, а другая—западная—землею Зичи (Zichy) Тамъ, гдѣ Австрійскій проливъ выходитъ въ обширный бассейнъ моря, лежитъ другая часть суши, названная Землею Кронпринца Рудольфа, юго-западная оконечность которой получила наименованіе мыса Гебермання (подъ 81° 48' сѣв. ш.). По западному берегу этой земли, Пайеръ, съ немногими спутниками, достигъ Колоннаго мыса (Säulencap), подъ 82°, и мыса Флигели (Fligely) подъ 82° 5', куда они достигли 12 апрѣля. Это былъ самый крайній пунктъ ихъ путешествія; дальнѣйшее движеніе къ сѣверу было невозможно, вслѣдствіе увеличивавшейся ненадежности пути, окруженнаго трещинами, и частаго проваливанія льда. Глазамъ Пайера открылся новый проливъ, окаймленный новыми обширными землями; онѣ были покрыты горами и прослѣжены далѣе 83° с. ш., съ сѣверо-запада до сѣверо-востока. Подъ этою широтою лежитъ величественный мысъ, самый сѣверный материковый рубежъ извѣстной земли, именно мысъ Вѣна; онъ принадлежитъ землѣ, которая, по чувству справедливости и признательности, была названа Землею Петерманна. Къ западу отъ мыса Вѣна и противъ него, лежитъ другая материковая масса, носящая названіе Земли Короля Оскара. Само собою разумѣется, въ настоящее время нельзя сказать еще ничего опредѣленнаго о величинѣ этихъ областей; но все говоритъ въ пользу того, что дѣло идетъ о земляхъ значительнаго протяженія, а не о кучкѣ незначительныхъ острововъ. Все, что мы знаемъ нынѣ о Землѣ Императора Франца Іосифа, достаточно свидѣтельствуетъ о значительной величинѣ ея: она несравненно больше Земли Короля Карла и, пожалуй, въ отношеніи пространства не уступитъ архипелагу Шпицбергену. Возвратившись послѣ труднаго странствованія къ судну, которое, къ счастью, все еще лежало на прежнемъ мѣстѣ, Пайеръ, въ маѣ 1874 года, предпринялъ третье путешествіе, на этотъ разъ къ западу. Въ 60 километрахъ отъ «Тегеттофа» онъ увидѣлъ высокую гору, мысъ Брюннъ, что послужило важнымъ доказательствомъ значительнаго протяженія суши въ этомъ направленіи. Онъ былъ прослѣженъ до 46° вост. долготы и оказался горною страною, изрѣзанною многочисленными фіордами. На немъ находится также высшая точка изъ всѣхъ видѣнныхъ Пайеромъ вершинъ, именно Рихтгофенъ, высотою въ 1524 метра.

Въ заключеніе сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Очень распространено ложное представленіе, будто бы Полярное море пустынно, а ужасы холоднаго пояса отвращаютъ отъ посѣщенія его. Что касается опасностей Ледовитаго моря, то онѣ вовсе не особенно велики, какъ это доказываетъ уже тотъ фактъ, что арктическія путешествія, если разсматривать

ихъ за все время, стоили жизни сравнительно лишь очень небольшому числу людей. Къ тому же въ прежнее время китобойные промыслы были одною изъ наиболѣе сильныхъ приманокъ въ сѣверныя области моря. Хотя въ настоящее время эта отрасль промышленности весьма потеряла въ своемъ прежнемъ значеніи, тѣмъ не менѣе и теперь все еще много судовъ, подъ британскимъ, голландскимъ, шведско-норвежскимъ, русскимъ и даже нѣмецкимъ флагами, плаваетъ до самаго пояса сплошнаго льда, и быть можетъ многія изъ нихъ достигали даже болѣе сѣверныхъ широтъ, нежели экспедиціи съ ученою цѣлью.

КОНЕЦЪ.

Въ редакціи журнала «ВСЕМІРНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ» и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга, Москвы, Кіева, Одессы и Харькова можно получать слѣдующія изданія:

1. **Журналъ «ВСЕМІРНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ»** за 1867, 1868, 1869 и 1870 гг. Въ большомъ форматѣ, на веленевой бумагѣ съ роскошными рисунками. Цѣна за каждый годъ 8 р. въ перепл. 10 р.; вѣсовыхъ за 10 ф. За 1871 г. ц. 4 р.; въ перепл. 5 р.; вѣсов. за 5 ф. За 1872, 1873, 1874 и 1875 гг. въ обыкновенномъ книжномъ форматѣ, также съ рисунками. Цѣна за годъ 9 рублей; въ перепл. 12 р.; вѣсовыхъ за 10 ф.
2. **Природа и Люди.** Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія. Съ хромолитографіями и гравюрами. Ц. 5 р. 50 к. безъ перес. и 6 р. съ перес.
3. **Народы Россіи.** Живописный альбомъ, состоящій изъ хромолитографированныхъ рисунковъ съ текстомъ и гравюрами. До 40 хромолитографій. Выходитъ выпусками, въ каждомъ 4 хромолитографіи кромѣ текста съ гравюрами. Въ текстѣ описанія характера, одежды, нравовъ и обычаевъ, суевѣрій и предразсудковъ, народовъ, населяющихъ Россію. Всѣхъ выпусковъ будетъ 8. Ц. 8 рублей., съ перес. 12 р. Подписка въ Картографическомъ Заведеніи.

Популярныя книги научнаго содержанія.

1. **Земля и Люди.** т. I. Элизе Реклю. Роскошное изданіе съ множествомъ рисунковъ и большою картою. Ц. 8 р., вѣс. за 5 фунтовъ.
2. **Жизнь насѣкомыхъ.** Л. Фигье, съ 600 рисунками. Ц. 4 р., въ пер. 4 р. 50 к.; вѣс. 5 ф.
3. **Жизнь растеній.** Его же, съ 415 рисунками. Ц. 4 р., въ перепл. 4 р. 50 к.; вѣсов. 5 ф.
4. **Земля.** Томъ I. Суша; Т. II. Океанъ, Атмосфера и Жизнь, Э. Реклю. Ц. за каждый томъ отдѣльно 4 р., въ перепл. 4 р. 50 к.; вѣсов. за 4 фунта.
5. **Человѣкъ и животныя.** А. Манжена. Ц. 1 р. 50 к.; въ переп. 2 р.; вѣсов. за 2 ф.
6. **Физическая Географія.** Клёдена. Большой томъ, 1500 страницъ съ 450 рисунками и хромолитографіями. Ц. 9 р. въ перепл. 11 р.; вѣс. за 6 ф.
7. **Земля и ея народы.** Фр. Гельвальда. Т. I. **Живописная Америка.** Со 100 большими рисунками: 4 рубля; за перес. за 6 фунтовъ. Т. II. **Живописная Африка.** Съ рис. Ц. 2 р., пер. 6 ф. Томъ III. **Живописная Европа.** Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р. Томъ IV. **Живописная Азія и Австралія.** Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р. За всѣ три тома 11 руб. безъ пересылки.
8. **Колонизація у новѣйшихъ народовъ.** Лёруа Больё. Ц. 2 р., перес. за 3 ф.

Путешествія и описанія странъ.

1. **Живописная Японія.** Э. Гюмбера. Роскошное изданіе, съ 13 рис. Ц. 4 р.; вѣсов. за 5 ф.
2. **Путешествіе въ Индію и на Цейлонъ.** Грандье. Съ рис. 1 р. 25 к.; вѣс. за 4 ф.
3. **Западный Суданъ.** Мажа. Съ рисунк. Ц. 2 р. 50 к.; вѣсов. за 4 ф.
4. **Путешествіе дю Шаллью во внутреннюю Африку.** Ц. 2 р. 50 к.; вѣс. за 3 ф.
5. **Уссурійскій край.** Алябьева. Съ карт. и рис. Ц. 80 к.; вѣс. 2 ф.
6. **Хива и Туркменія.** Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. за 2 ф.

7. **Подъ тропиками.** Аппуна. Ц. 3 р. 50 к; вѣсов. за 3 ф.
8. **Чрезъ Сибирь въ Австралію и Индію.** Руссель Киллуга. Ц. 3 р.; вѣс. за 3 ф.
9. **Венгрія и ея жители.** Петерсона. Ц. 1 р. 50 к.; вѣсов. за 3 ф.
10. **Русскій въ Америкѣ.** Владимірова. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.
11. **Современная Черногорія.** Фриллея и Влохити. Съ картою и рис. Ц. 1 р. 25 к.; вѣс. 2 ф.
12. **Дунайская Болгарія.** Каница. Съ картою. Ц. 2 р.; вѣс. за 4 ф.
13. **Востокъ и Западъ.** Англія и Страна жемчуга. Жакольо. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 3 ф.
14. **Испанія.** Ея роскошь и нищета. Имбера. Съ рис. Ц. 1 р.; вѣс. 3 ф.
15. **Страна милліардовъ** (Германія). Тиссо. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 3 ф.
16. **Кохинхина, Атакама и Измаилія.** Съ рис. Ц. 1 р.; вѣс. 3 ф.
17. **Полюсъ, Тропики и Атмосфера.** Съ рис. Ц. 1 р.; вѣс. 3 ф.
18. **Парижъ.** Его органы, отправленія и жизнь во второй половинѣ XIX вѣка. М. Дюканъ. Два тома. Ц. за оба 6 р.; вѣс. 5 ф.
19. **Альпійскій міръ.** Чуди. Съ рисунками. Ц. 4 р. 50 к.; вѣс. 5 ф.
20. **Малайскій архипелагъ.** Уэлласа. Съ рисун. Ц. 3 р.; вѣсов. 4 ф.
21. **Какъ я отыскалъ Ливингстона.** Путешествіе и приключеніе Стэнли внутри Африки. Съ рисун. Ц. 2 р. 50 к.; вѣс. 3 ф.
22. **Швейцарскія Альпы.** Берлепша. Съ рис. Ц. 3 р.; съ пер. 3 р. 25 к.
23. **Океанія и Австралія.** Кристмана и Оберлендера. Ц. 2 р. 50 к.; вѣс. 3 ф.
24. **Вокругъ Свѣта.** Максимова. Плаваніе русскаго корвета «Аскольдъ». Ц. 2 р.; вѣс. 3 ф.
25. **Изъ за моря.** Путешествіе Бовуара въ Австралію и на островъ Яву. Ц. 1 р. 50 к.; вѣсов. за 3 ф.
26. **Въ Америкѣ и въ Европѣ.** Воганъ и Шамбрье. Ц. 1 р. 50 к. вѣс. 3 ф.
27. **Китай и страна баядерокъ.** Съ рисунк. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 3 ф.
28. **Очерки и картины восточныхъ нравовъ.** Вамбери. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.
29. **Борьба рассъ въ Америкѣ.** Диксона. Съ рис. Ц. 2 р.; вѣс. 4 ф.
30. **Пруссаки въ Германіи.** Тиссо. Ц. 1 р. 75 к.; вѣс. 3 ф.
31. **Очерки Персіи.** Огородникова. 2 р.; перес. за 2 ф.
32. **Путевыя впечатлѣнія въ Испаніи, Египтѣ, Аравіи и Индіи.** К. Скальковскаго. Цѣна 2 р.

Путеводители по Европѣ.

1. **Германія и Австрія.** Ц. 5 р.; въ перепл. 5 р. 50 к.; вѣс. за 5 ф.
2. **Швейцарія.** Съ хромолит. картою, 5 планами городовъ и 24 рисунками. Ц. 3 р. 50 коп.; въ пер. 4 р.; вѣсов. за 2 ф.
3. **Сѣверная Италія и Флоренція.** Съ картою и планами городовъ Турина, Генуи, Милана, Венеціи и Флоренціи. Ц. 3 р.; въ перепл. 3 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.
4. **Римъ и южная Италія.** Съ картою и планами: Рима, Форума, Ватикана, Неаполя, его окрестностей и Помпеи. Ц. 3 р.; въ перепл. 3 р. 50 к.; вѣс. за 2 ф.
5. **Парижъ.** Съ планомъ и 156 рисунками. Ц. 3 р. 50 к.; въ перепл. 4 р.; вѣс. за 2 ф.

Дѣтскія книги.

1. **Евангельскіе разсказы.** Съ 32 рис. и картою Палестины. Ц. 1 р.; вѣс. за 3 ф.
2. **Путешествіе Беккера и его жены въ Африку.** Ц. 1 р. вѣс. 2 ф.
3. **Страна рабства.** Стэнли. Ц. 75 к.; вѣс. за 1 ф.

2007334302